На оказъ.

Ч. 1. Рочн. III. **ЛЬВОВЪ.** 1 (13) Сѣчня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

Старинныи малорусскіи одежи.

Съ нынѣшнимъ числомъ начинаемъ въ изображеніяхъ рядъ старинныхъ малорусскихъ уборовъ. Первыи три изъ тыхъ изображеній, поданныхъ по начеркамъ Г. Ригельмана, представляютъ: 1) Гетмана, 2) Полковника, 3) Малорусского шляхтича.

Зачимъ приведемъ нѣкоторыи головныи черты изъ старинного малорусского быта, упомнемъ тутъ о трехъ печатныхъ современныхъ источникахъ, изъ которыхъ майже всѣ позднѣйшіи хронисты почерпнули свѣдѣнія о Запорожцяхъ. Великую услугу въ той области оказалъ своимъ описаніемъ нрава и обычаевъ малорусскихъ жителей въ XVII столѣтію, инжинеръ французскій Бопланъ. Онъ издалъ печатью слѣдующое сочиненіе: „Description d' Ukraine, qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moldavie jusque aux limites de la Transilvanie, ensemble leurs moeurs, façons de vivre et de faire la guerre, par le Sieur de Beauplan. Rouen, 1650.« Бопланъ 17 лѣтъ служилъ пôдъ начальствомъ Коронного Гетмана Конецпольского, за владѣнія Сигизмонта III и Владислава IV; основалъ въ Днѣпровой области около пятьдесять значительныхъ слободъ; зналъ подробно тую сторону, измѣрилъ всю землю оной для составленія карты. Карта тая, представляющая Днѣпровую область въ началѣ XVII столѣтія, весьма любопытна. О той картѣ пишетъ самъ сочинитель: „Карта тая, составлена не по описанію чьемъ либо, не заимствована отъ другого, но начертана мною на той самой землѣ, которую она представляетъ, съ соблюденіемъ вѣрного розмѣра. Занятый, въ военное время, важными порученіями въ Украинѣ, я случайно могъ лишь посвящати минуты отдыха тому труду. Тая сторона населена бôльшою частею при мнѣ; мною сняты тамошніи городы и крѣпости. Все то свидѣтельствуетъ о ей достовѣрности.“— Изъ описаній Боплана много почерпалъ Петръ Шевалье, сочинитель исторіи: »Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne avec un discours de leur origine, pays, moeurs, gouvernement et réligion, et un autre des Tartares Perecopites, par Pierre Chevalier: Paris 1663.« Петръ Шевалье, подаетъ много новыхъ свѣдѣній, служащихъ тоже дополненіемъ Пасторія, которого ôнъ по части придерживался. Пасторій же еще г. 1652 издалъ описаніе войны: „Bellum Scythico-Cosacicum, seu de coniuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russicae contra Regnum Poloniae ab Casimiro profligata. Narratio plenioris historiae operi praemissa auctore Joach. Pastorio. Dantisci 1652.“

Старинныи малорусскіи уборы.

1) Гетманъ. 2) Полковникъ. 3) Малорусскій шляхтичъ.

Ôтъ редакціи.

Въ третій разъ на тôмъ мѣстѣ ôтзываемся къ нашимъ читателямъ. Начинаючи третій рочникъ нашой часописи, мы будемъ старатись, и на дальше ити избраннымъ нами ôтъ начала изданія путемъ положительного труда, въ которôмъ руководитъ нами любовь къ нашому народу, къ нашой минувшости, исторіи и старинѣ. И на дальше затымъ будетъ во всѣхъ отрасляхъ беллетристики и знанія стояти у насъ на первôмъ плянѣ предметъ, дотычащій нашого народа. Въ содержанію своимъ будетъ приносити „Новый Галичанинъ“ читателямъ и полезное и развлекающое.

Въ программъ „Нового Галичанина“ входятъ: **розсказы, романы, новелли, гуморески, оригинальныи и переводовыи стихотворенія, розсужденія научныи, записки путешественныи, фейльетоны, библіографія и пр.** Съ предлежащимъ рочникомъ ôтдѣлимъ мы тоже бôльше мѣста для етнографіи нашого народа. Тутъ лежитъ еще громадный матерьялъ нетронутымъ. Въ увѣренію затымъ, що наши читатели, оцѣняючи вообще значеніе труда въ области етнографіи, будутъ намъ тутъ помощными, въ увѣренію тôмъ свертаемся къ всѣмъ, питающимъ любовь къ своему народу, съ прошеніемъ о участвованіе въ тôмъ трудѣ а именно о надсыланіе всякого рода записокъ и статистичныхъ датъ, дотычащихъ етнографическихъ чертъ нашого народа. „Новый Галичанинъ“ будетъ обнимати особый

ОТДѢЛЪ ЕТНОГРАФІИ,

въ которôмъ будутъ помѣщатись всякіи надосланныи намъ записки о народныхъ обычаяхъ, бытѣ, вѣрованіяхъ, дальше народныи пѣсни, пословицы, преданія и пр., съ поданіемъ именъ собирателей.

Въ нашъ журналъ войдутъ яко продолженіе дальшіи таблицы

Снимокъ изъ предметôвъ арх. библ. выставки Ставропигійского Института,

которы мы начали минувшого года помѣщати. Кождая изъ таблицъ портретовыхъ становитъ для себе отдѣльную цѣлость. — Такожъ пріобрѣла наша редакція въ изображеніяхъ рядъ

СТАРИННЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ СТРОЕВЪ,

изъ которыхъ три изображенія подаемъ уже въ нынѣшнôмъ числѣ. Изображенія тіи, въ числѣ 26, поданы по сохранившимся начеркамъ Г. Ригельмана. Кромѣ того войдутъ изображенія изъ народного, славянского и общого быта, народныи типы, виды изъ Карпатъ, Подолья и пр. Въ нумерѣ, припадающôмъ передъ праздникомъ Воскресенія, принесетъ „Новый Галичанинъ“ репродукцію бôльшой картины „Христосъ на Горѣ Оливной“. Ôтъ времени до времени знайдутъ тоже читатели портреты и жизнеописанія виднѣйшихъ славянскихъ писателей, артистôвъ и пр. И такъ межи иными будутъ поданы жизнеописанія: Караджича, Прерадовича, Основяненька Квѣтки, Пушкина, Лермонтова, Колляра и пр.

Въ литературной части „Нового Галичанина“ возьмутъ участь слѣдующіи писатели Галицкой и Буковинской Руси: **Анонимъ Іеронимъ, Гаврышкевичъ Іоаннъ, Галька Игнатій, Д-ръ Ганкевичъ Климентій, Гушалевичъ Іоаннъ, Д-ръ Дрималикъ Сильвестеръ, Дѣдицкій Богданъ, Данило Млака, Железховскій Ю., Залозецкій Василій, Недолевъ, Петрушевичъ Антоній, Полянскій Петръ, Д-ръ Савицкій Емиліанъ, Саноцкій Левъ, Шанковскій Амвросій, Д-ръ Шараневичъ Исидоръ, Чернецкій Василій, Фавстина Галичанка и пр.**

„Новый Галичанинъ“ будетъ выходити два разы мѣсячно пôдъ слѣдующими условіями:

Предплата цѣлогодичная выноситъ . . . . 5 злр.

„ полугодичная „ . . . . 3 злр.

съ исключеніемъ подписки квартальной. Предплатители цѣлогодичныи т. е. надославшіи на передъ полную цѣлогодичную предплату, получаютъ двѣ преміи а именно: 1) СТѢННЫЙ КАЛЕНДАРЬ „Нового Галичанина“, который высылается относительнымъ предплатителямъ въ послѣднôмъ кварталѣ года. 2) Кромѣ календаря получаютъ цѣлогодичныи предплатители такожъ ГРУППУ НАШИХЪ ВИДНѢЙШИХЪ ПОСЛОВЪ (на соймъ галицкій и державный изъ теперѣшной каденціи), на бôльшôмъ картонѣ. Картонъ той высылаетъ редакція предплатителямъ сейчасъ по полученію предплаты. Въ отдѣльной продажи выноситъ цѣна картона 1 злр.

☛ **Первый нумеръ высылается на желаніе даромъ.** ☚

Предплата высылается пôдъ адресою: Редакція „Нового Галичанина“ Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Другій нумеръ, который выйдетъ 15 (27) Сѣчня, вышлется лишь надославшимъ предплату.

РѢШЕНО!

Розсказъ.

Л. М. С.

Передъ приходскимъ домомъ, пôдъ зеленымъ дахомъ престарой величавой липы, котора красуючись тысячами благовонныхъ цвѣтôвъ, здавались быти памятникомъ неразоримой юности, сидѣла жена приходника. По надъ ей головою перейшло много лѣтъ. Волосъ ей уже сивый, а на челѣ и поораннôмъ лици отъображено много сумного и радостного изъ долгой и не совсемъ безжурной жизни. Она якъ-бы соперничала съ старою липою, мимо своихъ преклонныхъ лѣтъ, щобы своею личностію дати свидѣтельство несовявшой юности. У ней были то цвѣты теплого щирого сердця, цвѣты правдиво женской, черезъ цѣлую жизнь ею проводившой любви, предовсемъ же цвѣты глубокой, истинной богобоязненности, которы невидимымъ вѣнцемъ ей голову украшали и душу кождого, кто лишь хоть въ найдальшихъ отношеніяхъ къ ней оставалъ, якимъ-то пріятнымъ чувствомъ и тепломъ наполняли.

Приходскій домъ стоитъ на початку села при дорозѣ, котора, якъ и прочое село, осаджена многими хорошими линами, отъ чого и село носитъ названіе Липовицы. Живый плотъ роздѣляетъ належащій до приходского дома огородъ отъ сосѣдной площади кладбища, розтягающогося передъ церквою.

Старая жена приходника мала на що дивитись, коли свои ясно еще блестящіи очи поднесла отъ роботы и вокругъ поглянула. На право, на кладбищи, много свѣжихъ цвѣтôвъ на гробахъ померпшихъ, высокіи тополи по надъ дорогою, ведущою къ кладбищу; дальше зеленыи поля, горбки и рядъ горъ въ синой дали. На лѣво же въ долинѣ, хаты села, а межи соломянными стрѣхами виднѣлъ новый дахъ на домѣ помѣщика.

Теперь при лучахъ заходящого солнця здавался той домъ якъ-бы освѣченый. Но и черезъ оконця низенькихъ хатъ заглядало милое свѣтло небесное, тутъ позолочуючи ясно-русявыи головки, тамъ свѣжіи рожевыи лиця бôльше закрашаючи. Пращаючись пламенно съ домомъ божимъ, и благословячи тихіи гробы, пробилося оно черезъ густый дахъ липы и перейшло укосно по надъ головою старушки, спускаючись на полно розцвѣвшійся корчъ рожи. Такожь и на ставѣ, который на другой сторонѣ дороги, на лѣво отъ того мѣстця пôдъ липою, розтягается, играли лучи солнечныи, дѣлаючи блескущіи звѣзды въ холодной водѣ.

Тамъ весело плюскотѣли уточки, глядаючи въ водѣ якой добычи, то плотычки, то робачка или иного вкусного жиру. На березѣ сельскіи дѣти заводили свои игры. Въ ихъ крузѣ были и два мальчики — внукъ старого приходника Володиміръ и дворскій Романъ. Оба красивыи, сильныи; дитинное ихъ дружество прерывалось неоднократно якою суперечкою.

И теперь по видимому межи ними ишолъ споръ. Старая бабка приглядалась всему. Оба мальчики спорили о балоникъ, который попалъ въ воду.

„Володко!" кликала бабка, почувши ихъ споръ.

Володко сейчасъ прибѣгнулъ къ старушцѣ.

„Не хорошо съ никимъ спорити" говорила бабка.

Хлопецъ задумался. Потомъ поднесъ великіи, невинныи, синіи очи на бабку, посмотрѣлъ на ню и сказалъ тихонько: „Но, бабуню, я его не могу уже терпѣти."

„А якій же зъ тебе будетъ священникъ и проповѣдникъ? Слово божое есть любовью, котора всюды оказоватись должна. Якій же зъ тебе будетъ священникъ?"

„Закимъ то будетъ" отвѣчалъ Володко, „я для другихъ буду уже добрымъ."

Уста бабки протягнулись незначительно до улыбки. Хлопецъ молчатъ, надумуючись. Онъ положилъ обѣ руки на столъ и смотрѣлъ на бабку, котора шила дальше пильно.

„Скоро приѣдетъ дѣдуньо?" вопросилъ онъ наразъ.

„Я уже давно смотрю на дорогу, чи не видно повозки."

„А малую дѣвочку привезутъ?"

„Привезутъ бѣдную малую дѣвочку, которой родители померли якъ и тобѣ, котора однакъ не маетъ ни дѣда, ни бабки, ни иныхъ сродникôвъ, которы бы ей родителей заступили."

„Чи тую я маю такожь любити?" пыталъ Володко, востхнувши.

„Такъ, хотяйбы тобѣ такожь взяла балоникъ."

Мальчикъ востхнулъ снова.

„Но она не есть моею сестрою, а и вашою дитиною не есть" примѣтилъ онъ.

„Мы однакъ возьмемъ ею яко нашу дитину, она бо сирота, не маетъ ни родичей, ни сродникôвъ."

„Много лѣтъ маетъ она?" пыталъ дальше Володко, не розбираючи объясненій бабки.

„Знаю, що ей четыре лѣтъ."

„Боже мôй, така дитина!" сказалъ хлопецъ, сдвигнувши раменами.

Въ той хвили роздался на дорозѣ туркотъ воза и скрозь легкій дорожный пылъ узрѣлъ Володко любимыи сивыи кони, которы скорше спѣшили до близкой стайни, узрѣлъ своего дѣдуня а при немъ ожидаемую дѣвочку.

„А га, новая сестричка!" воскликнулъ онъ радостно, протягаючи обоима руками русыи свои кучеры. Потомъ якъ бы переляканный гадкою такого знакомства и якъ бы хотѣлъ передъ тымъ-же спасатись, выскочилъ на лавочку, схватилъ найблисшую галузь липы, вывинулся на ей пень и пôднимаючись зъ одной галузи на другую, сидѣлъ въ коротцѣ высоко въ горѣ межи вонными цвѣтами липы.

Коли повозка приблизилась, старушка встала и вышла изъ бесѣдки.

„Витай, отче; ты привезъ маленькую?" проговорила она до старого, который еще съ юношескою живостію, мимо своихъ преклонныхъ лѣтъ, зступилъ изъ повозки; онъ сдоймилъ изъ ней малую дѣвочку и подалъ до рукъ старушцѣ.

„Будешь мала що любити" сказалъ онъ любезно къ женѣ, „есть то любая дитина, кажу тобѣ, и уже теперь пригадуетъ менѣ своими синими очками и своимъ усмѣхомъ ей отця, бывшого колись моимъ добрымъ ученикомъ."

Старушка погладила любезно по лици дѣвочку. Послѣдная поглянула на ню несмѣло, сложила усточка якъ бы до плачу и хотѣла головку положити на рамени старушки, коли наразъ высоко на липѣ роздался шелесть; ей очи свернулись поневоли въ гору. Тутъ сидѣлъ Володко на грубой галузи а схилившись черезъ вѣтви, смотрѣлъ на новую сестру.

„Дѣдуньо суть уже снова, и сивошка и новая сестра!" крикнулъ онъ восхищенъ и трясъ галузею, такъ що полно цвѣта липового упало на синую закидку дѣвочки и покрыло ей темныи кучеры. Она засмѣялась весело. Былъ то сердце покрѣпляющій усмѣхъ, — якъ бы лучи солнечныи свѣтились въ слезахъ, якіи чувство сироты межи чужими на хвильку вытиснуло зъ ей оченятъ. Тякъ смѣючись скрозь слезы, обсыпана цвѣтами и обнята руками любезной старушки, была введена сиротка въ новый мирный домъ.

II.

Липа отцвила на ново вторый разъ отъ поры, коли Оля на приходство принятою была. Дикій виноградъ почервонѣлъ, а вѣтеръ вѣялъ по стерни. Въ городци вмѣсто цвѣта рожевого зацвили осенніи любчики. Малая Оля уже давно освоилась на приходствѣ. Она называла старыхъ татомъ и мамою, была третою въ кружку дружескôмъ Володка и Ромка а разомъ ихъ примирителькою. При кождой суперечцѣ ей воля рѣшала а изъ розвлеченій, о которыи оба товариши не могли погодитись, было избираемымъ тое, которое она избрала. Ею хвалили и въ дворѣ за ей скромную обычайность, пильность въ роботкахъ и смыслъ до порядка.

Еще не сполна осьмъ лѣтъ ей было а до замужества было еще далеко, хотяй въ головкахъ дитинныхъ свѣтъ неразъ

Южнославянскій гусляръ.

Картина Оттенфельда.

Бояринка.

Картина Н. Лоренца.

странно чертается, а розвлеченія дитинніи часто предобразуютъ будущую ихъ жизнь.

„Отче, ходи-но, ты мусишь то видѣти и чути“ сказала жена приходника къ своему мужу въ комнатѣ. Она изъ легка улыбалась.

„Що такого?“ пыталъ старикъ.

„Ты мусишь видѣти“ повторяла она вмѣсто отвѣта, а взявши его за руку, потягнула его въ огородъ и повела къ бесѣдцѣ, не входила однакъ тамъ-же, лишь роздвинула изъ одной стороны листья, щобы можно было поглядати до внутри.

Старикъ поглянулъ въ бесѣдку. Тутъ были дѣти. Столъ накрытый бѣлою хусткою, окрашенный цвѣтами и зелеными вѣтками, передѣланъ былъ въ престолъ. Передъ столомъ, окруженнымъ громадкою сельскихъ дѣтей, стояли Роммо и Оля, ôнъ въ своимъ недѣльнôмъ тужурку, съ припятою китицею цвѣтôвъ, и Оля — съ зеленымъ вѣнцемъ на головцѣ. Володко держалъ промову, подобную, якую ôнъ при однôмъ вѣнчанію въ церквѣ скоимъ дитиннимъ розумомъ понялъ и спамяталъ. Ôнъ говорилъ такъ, що и молодая пара и громадка свадебныхъ гостей не замѣтили кружающогося дыма, который росходился изъ люльки старика.

„Якъ мальчикъ говоритъ“ шептала старушка до мужа. „Зъ него будетъ твôй наслѣдникъ. Що за радость былабъ, видѣти его разъ на казальницѣ, сгадати на тебе и сказати собѣ, що ôнъ достигъ своего взорця, хотяй не перевысшилъ его. Того не зъумѣетъ никто.“

Приходникъ тягнулъ дымъ изъ своей люльки. Жена не должна видѣти, якъ ôнъ принялъ такое признаніе. Потомъ выразъ на лици его сталъ серіознымъ. Такое розвлеченіе дѣтей не могло ему нравитись. Ôнъ однакъ не могъ не улыбнутись, коли Володко, пытаючи молодую: „маешь ты Олю, добрую волю, того, которого тутъ видишь, за мужа собѣ побрати?“ вмѣсто Ромка, имя свое, Володка, произнесъ.

„Романа“ поправилъ молодецъ ошибку сильнымъ голосомъ. Оля, якъ то она чула ôтъ молодицы въ церквѣ, шепнула: „маю“.

„Якъ я выросту, то оженюсь съ тобою а дѣдуньо насъ свѣнчаетъ“ увѣрялъ Володко „добре, Олю?“

„Добре“ отвѣтила она, смѣючись.

„Нѣтъ, если я тебе возьму, то мене поймешь“ говорилъ Ромко.

„Нѣтъ, мене“ заявилъ сновь Володко.

Прародители повздержались наконецъ ôтъ смѣха и вступили въ бесѣдку. Старушка сдоймила вѣнчикъ изъ головы дѣвочки, поглядивши ею по розпаленнôмъ личику, застыдженного же Володка понялъ старикъ за руку и упрекнулъ серіозными словами.

„Проповѣданіе залиши, доки не выростешь и не выучишься. Слухай самъ слова божого, маешь время быти учителемъ. Не шути съ рѣчами святыми, черезъ шутку малѣетъ почесть, въ будущности згадка на такіи шутки поневольно будетъ тебе непокоити. Теперь не можешь еще тымъ быти, за якого хочешь уходити.“

Одинатсятлѣтній мальчикъ смотрѣлъ на старика великими очима. Быти можетъ, що въ той хвили не понималъ ôнъ всего, но малъ ôнъ тую природу, що доти слова науки въ памяти своей задержовалъ и надъ ними роздумовалъ, поки ихъ вполнѣ не понялъ; одно понималъ ôнъ уже теперь: що не долженъ уходити за такого, чимъ быти не былъ въ сознанію.

III.

Якъ малый потокъ пронстекаетъ изъ горъ, плынетъ через долину, дальше вливается въ рѣку сплавную а съ нею въ море, якъ ôнъ зъ начала крутится черезъ луги, поля и роскошныи дубровы, но потомъ возрастаючи въ чужую стихію, видитъ свѣтъ, скалистыи береги, неспокойное городское движеніе, морскіи волны, ôтбивающіися о скалы, и встрѣчаетъ многіи дикіи зрѣлища, о которыхъ въ своимъ дитинствѣ, коли былъ еще спокойнымъ сельскимъ поточкомъ, ничого не предчувствовалъ, такъ росли также и тіи дѣти въ жизни сего свѣта.

Будущое званіе Володка повело его по надъ сельскую школу въ свѣтъ. И Ромко долженъ былъ, зачимъ малъ при господарствѣ въ Липовици своему отцю быти помощнымъ, переученымъ остати, якъ той-же говорилъ: „въ мою тѣсную голову не войшло ничо изъ знаній, то есть недостатокъ, но щобы въ его ученую голову бôльше не войшло, якъ ему тутъ будетъ потребнымъ, за то уже я ручу самъ.“

Такъ посѣщали оба гимназію въ недалекôмъ городѣ, где ихъ потокъ сопроводжалъ. Они росли при тôмъ и розвивались хорошо, процвитали на тѣлѣ и души, а и дитинное дружество съ Олею розвивалось хотяй въ иной формѣ. Хотяй они теперь, яко пятьнадесять-лѣтніи молодцы, выступали бôльше яко хранители малой Оли, часомъ и яко ей учители, то однакъ было при тôмъ изъ старой навычки всегда еще якое-то соубѣганіе, которое выходило въ пользу дѣвочки. Они старались неоднократно понравитись ей, а слова любезныи, высказанныи ей однимъ, вели и другого до любезныхъ заявленій. Володко поступалъ при тôмъ тихимъ, розважнымъ способомъ, розумовалъ и входилъ въ скрытыи желанія дитины. Не такимъ былъ характеръ Ромка, который хваталъ скоро и выкорыстовалъ хвилю, и тымъ способомъ часто однимъ шагомъ дальше зайшолъ, чимъ Володко, который долго передъ нимъ выйшолъ. И жизнь Оли не плынула бôльше, якъ бы въ день святочный. И она мала уже свои меньшіи и бôльшіи должности исполняти, и она мусѣла ôтдатися наукамъ и образованію, щобы изъ обыкновенной дѣвочки переобразоватись на розумную женщину. Найбôльше въ тôмъ взглядѣ, т. е. въ полнôмъ любви переобразованію дѣтины на дѣвицю а дѣвицы на жену, дѣлала жена приходника, тихимъ веденіемъ по истинно-женской пути, повольною наукою и постояннымъ прикладомъ. Счастливою была жизнь малой дѣвочки. Она усмѣхалась въ утро, пращалась съ усмѣхомъ съ днемъ, и ожидала нового ранка; каждый достойный былъ придержанія и ожиданія.

Но хотяй бы дни еще бôльше хорошими были, въ дитиннôмъ вѣцѣ есть однакъ що года нѣсколько дней святочныхъ, которыи съ нетерпѣніемъ выжидаются; время, роздѣляющое насъ ôтъ приближенія такихъ дней, мы хотѣлибъ чимъ скорше сбыти. То суть дни Рождества Христового, дни святочныи для цѣлого свѣта, дни великой радости для дѣтей, лишь въ кружку родиннôмъ полного значенія, а для самой души дитяти лишь ясною звѣздою въ ей жизни.

Семый разъ ôтъ поры, коли Оля была на приходствѣ, сойшла тая звѣзда для ней и свѣтила ей цѣлую ночь передъ Рождествомъ Христовымъ такъ ясно въ очи, що не могла спати, хотяй очка сильно замыкала и малою ручкою ихъ прикрыла. Мимо того свѣтила та звѣзда въ ей сердце, которое сильно билось и не могло дня дождатись. Въ конецъ засвиталъ ôнъ съ яснорожевыми крылами на погоднôмъ небосклонѣ.

„Нынѣ тоже день моихъ уродинъ!“ была первая мысль, съ якою она повитала день.

Оля скочила изъ ложечка и одѣлась скоро.

До другой комнаты не смѣла сейчасъ ити, такъ якъ почула въ ней якійто подозрительный шелестъ. Почула, що кто-то тихо ступалъ а чоботы скрипѣли. Она догадалась сейчасъ, що то ходъ Ромка. Дѣвочка на такую неожиданность заперла въ собѣ отдыхъ. Наразъ змѣнились ей черты лица. Ей прійшло на мысль що-то недоброго, дуже недоброго, она забыла, ôтмовити поранную молитву. Що сказала-бы бабуня на то! Должна была помолитись.

Послѣ поступивши въ другую комнату, она узрѣла на столѣ приготовленныи для ней подарки. Тутъ лежали розличныи солодичи и иныи пожиточныи подарки, удѣленныи ей опекунами. Въ бѣлôмъ, позолоченнôмъ вазонѣ стояла хорошо розвившаяся рожа центифолія. О тую постарался Володко, который собралъ собѣ на то гроши переписованіемъ

писемъ своего учителя; ему здавалось, що не будетъ то великая оказанная почесть въ день уродинъ, если свôй подарокъ легко безъ нiякого труда за якiпнибудь грощи покупитъ.

И явленiе Ромка было для Оли особенною радостiю. Ôнъ бо наймилѣйшое ей желанiе пôдслухалъ и исполнилъ; ôнъ принесъ ей въ клѣтцѣ канарка, якого она ôтъ давна желала у себе мати. Съ воскликомъ сердечной радости прискочила она до клѣточки; пожиточныи подарки удостоились лишь въ часто оцѣненiя, солодичи не привлекали ей, на вазонъ съ рожею не много обращала вниманiя. Поцѣловала старыхъ родителей а Володку подала руку. Потомъ повернула до своихъ сокровищь.

„То изъ всего найбôльше хороше!“ сказала она „тая клѣточка съ канаркомъ! А Ромко есть ангеломъ!“

Ромко смѣяся и поставилъ правую ногу на передъ твердо, вѣроятно щобы оказати, щó то ангелъ значитъ, но на всякiй случай не былъ ôнъ злый за удовольствiе дѣвочки. Въ души самъ задоволенъ, затиралъ руки. Володко же почувствовалъ розчарованiе.

„Такъ безъ всякого труда удалось ему“ подумалъ ôнъ „а менѣ?“

Ôнъ ôтойшолъ сумный до ôкна.

„Чи тобѣ росходилось о ей благодаренiе или о ей радость?“ пытала бабка поважнымъ голосомъ, поступивши за нимъ.

„О ей радость, певно“ отвѣтилъ Володко.

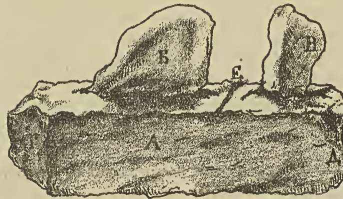
„Ну, смотри, якъ она радуется!“ продолжала старушка, поглядаючи на него ясными очима и тутъ въ ей очахъ явились слезы. Радоватись изъ счастья, изъ отличiй другихъ, не думаючи на свôй недостатокъ, безъ претенсiи на благодарность, цѣлою душею и полнымъ теплымъ сердцемъ, то найчистѣйшая радость въ свѣтѣ.

(Прод. посл.)

СТАРИНА
каменной епохи.

А. С. Петрушевичъ.

Въ нашихъ прикарпатскихъ сторонахъ частократно ôткрываютъ розличныи предметы изъ епохи камня, особенно же кремня и вапняка, которыхъ обдѣлка есть простая, рѣдко искуственная. Частѣйше встрѣчаются наконечники копiй и стрѣлъ, клины, долота и молотки или сѣкирки, высѣченныи изъ кремня розличныхъ породъ и разнообразной формы. На сей разъ вознамѣрилъ я обратити вниманiе моихъ читателей на бôльшое вѣсомъ (4 кил.) и величиною, каменное орудiе, якъ видится призначенное для домашного употребленiя, носящое по внѣшной формѣ своей, видъ столярского гебля (струга), хотяй оно мало въ старинное время совсемъ иное призначенiе. Изъ помѣщенного тутъ изображенiя упомянутого домашного



орудiя оказуется, що издѣльщикъ его посѣдалъ уже нѣкоторое знанiе практической динамики — или вѣроятнѣйше малъ передъ очима подобное орудiе образованнѣйшого сусѣдного южного народа, и томуже подражаючи, произвелъ ôнъ свое каменное орудiе. Изъ внѣшной обдѣлки сего уже замысловатого и сложного орудiя въ ôтношенiю къ другимъ простымъ и поодинокимъ каменнымъ орудiямъ, якими суть на примѣръ часто ôткрываемыи въ отечествѣ нашôмъ, каменныи клины, долотка, молотки и пр., — достаточно явствуетъ, що издѣльщикъ составилъ тое-же съ бôльшимъ трудомъ изъ одного бôльшого четверогранного плаского и продолговатого куска камня вапняка (извѣстника), лишь съ помощiю кремневого рѣзчика. Изъ сказанного одностайного куска камня на горной продолговатой четверограни его вырѣзалъ ôнъ двѣ ручки, одну передную бôльшую, пласкую (Б), ко другой продолговато круглой (В) немножко наклоненную. Высота обохъ ручокъ ровнается почти высотѣ дольной части сего орудiя, числящой 9 цм. Долгота той-же дольной части доходитъ до 25 цм., которой передная часть (Г) есть укосно усѣчена, тыльная часть есть такоже не гладко обдѣлана. Вся дольная часть сего орудiя со всѣхъ сторонъ есть негладкая, шереховатая, лишь обѣ ручки суть кремневымъ рѣзчикомъ обглаждены, для удобнѣйшого держанiя ихъ руками. Доказательствомъ того, що обѣ ручки въ ихъ настоящôмъ видѣ, не суть обдѣланы желѣзнымъ орудiемъ, служатъ глубокiи простолѣнейныи черты, сдѣланы кремневымъ рѣзчикомъ внизу обохъ ручокъ, въ противныхъ направленiяхъ, къ особѣ издѣльщика сего орудiя. Межи обѣма ручками замѣчается прямолинейная черта (Е.)

Касательно домашного употребленiя выше описанного каменного орудiя, можно догадоватись, що оно могло служити такъ къ глаженiю якъ и внѣшной очистки розличныхъ предметôвъ, якъ не меньше къ ростиранiю или молотю зерна, находящогося на каменной плитѣ или деревянной доскѣ.

Мѣсто находки сей каменной старины есть горское село Луча, лежащое на бôльшôмъ потоцѣ сего имени, текущôмъ въ рѣку Прутъ въ Коломыйскôмъ повѣтѣ. Ôткрытiе сего каменного орудiя послѣдовало при орцѣ поля плугомъ, которымъ меньшая ручка сего орудiя была ôткрушена. Въ упомянутой мѣстности передъ нѣсколькодесяти годами ôткрыто такожь одну часть каменного топора, находящогося нынѣ въ Народнôмъ Заведенiю имени Оссолинскихъ во Львовѣ, где ôнъ сберегается въ музеѣ имени Любомирскихъ, записанъ въ инвентари ископокъ каменной епохи пôдъ N. 9: „Topor w pół przetrącony, kamienny, wykopany pod wsią Łucza, koło Jabłonowa w Kołomyjskim.“ См. „Katalog Muzeum Lnienia Lubomirskich. Lwów, 1877 str. 1 N. 2.“

На мѣстѣ тôмъ не могу не поблагодарити теперѣшному достопочтенному пароху села Луча за благосклонное доставленiе мнѣ описанного тутъ мною каменного орудiя.

Зъ галицко-русской
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРIИ.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

Древнiи церкви и монастыри, фундацiи и фундаторы тыхъ-же и древнiи фамилiи священническiи.

(Продолженiе.)

ЧАСТЬ II.

I.

Привилеи обнимающiи въ собѣ освобожденiя ôтъ тягарôвъ, издаваемыи королями польскими русскому мiрскому духовенству, входили въ жизнь уже съ кôнцемъ XVII и въ продолженiю XVIII столѣтiя, при чемъ разомъ въ относительныхъ презентахъ и фундацiяхъ чимъ разъ бôльше звертается вниманiе фундаторôвъ и коляторôвъ на моральное и интелектуальное розположенiе или на отвѣтную священническому званiю степень способности у убѣгающихся о наданiе презенты или о признанiе наслѣдства въ приходѣ; такожь чимъ разъ бôльшiй пробивается въ тыхъ презентахъ и фундацiяхъ взглядъ на обовязанности, полученныи съ душпастырствомъ, къ которымъ належитъ совѣстная, къ благу прихожанъ и спасенiю ихъ душъ стремлящая дѣятельность.

Влiянiе церковной унiи, которую

приняли епархія перемышльская г. 1692 а львовская г. 1700, стаетъ тутъ замѣтнымъ, такъ якъ вообще магнаты польскіи и патроны изъ сословія шляхты, перешедшой уже давно на латинское вѣроисповѣданіе, о скôлько она происходила изъ русского корня и была первобытно греческо-православного вѣроисповѣданія, теперь вводили въ жизнь новыи фундаціи, убôльшили давнѣйшіи ерекціи русскихъ церквей, приноровляючи формулу издаваемыхъ ними презентъ до известной имъ уже практики латинской церкви, котора послѣдна розвивалась свободно и въ спріяющихъ обстоятельствахъ, розпоряджала своими бенефиціями и служителями, и уважала за головное условіе при надаванію бенефицій, воспитаніе клира и отвѣтное приспособленіе тогожь къ духовному званію.

Начались теперь и изъ русской стороны необходимыи въ тôмъ ôтношенію реформы. Объявилась потреба регуляціи русскихъ приходôвъ, относительно посѣданія земли; тымъ способомъ намѣрено по крайной мѣрѣ ввести евиденцію и ровновѣсъ въ земскихъ приходскихъ имѣніяхъ. Въ той цѣли высылаемы были комиссіи, начались визитаціи, о которыхъ часто слѣды встрѣчаемъ въ актахъ старой регистратуры львовской прокураторіи скарбовой.

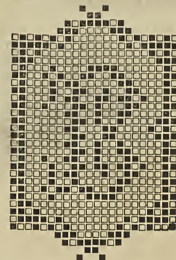
Такая змѣна въ документахъ ерекційныхъ и презентаційныхъ, на счетъ заслугъ или способностей бенефиціантôвъ, постепенно уже передъ принятіемъ церковной уніи через епархіи Перемышльскую и Львовскую, приготовлялась. И такъ встрѣчаемъ межи актами упомянутой регистратуры, декретъ еще православного тогды на внѣ, но уже прежде въ Варшавѣ приступившого къ уніи епископа Перемышльского Инокентія Винницкого, изданный въ Мартѣ г. 1690 съ ссылкою на два листы королевскіи а именно на листъ выставленный въ Яновѣ 11 Априля 1682, и на листъ изданный во Львовѣ 30 Дек. 1682; въ декретѣ тôмъ означено, щобы лишь тіи священники на приходахъ задержаны были, которы бы на то на дѣлѣ заслуговали. Той епископскій декретъ отже дѣлаетъ консервацію священникôвъ на приходахъ, зависимою ôтъ розпознанія способностей, „ad obeunda munia ecclesiastica.“ Душевное благо подданчого сословія зъ одной стороны, заслуги и способности обдаренного приходомъ зъ другой стороны, впрочемъ взглядъ на удержаніе, скрѣпленіе и умноженіе церковной уніи суть, по словамъ относительныхъ документôвъ, выразительными мотивами самыхъ актôвъ фундацій и презентъ. Покличемся тутъ на слѣдующіи документы яко примѣры въ тôмъ ôтношенію, а именно: а) на документъ Константина, королевича польского, дѣдичного властителя Жолковского, (т. е. сына короля Іоанна III Собеского), изданный дня 1-го Дек. 1699, для священника Григорія Клишковича въ Глинску, розширяющій и умножающій давную церковную фундацію через приданіе къ ней двориска пустого, названного Волосовымъ (przydaje do nich dworzysko puste Wołosowe nazwane). Были то церкви въ его дѣдичнôмъ селѣ Глинску а именно новооснованная церковь Успенія Пресвятой Богородицы, старая церковь св. Михаила и церковь построенная при керничцѣ св. Іоанна Богослова, при которыхъ установляетъ королевичъ Константинъ, реченного священника разомъ съ его потомками или наслѣдниками, исполняючи волю отця своего короля Іоанна III, который бралъ особенно во вниманіе заслуги того священника, по причинѣ, що ôнъ фундовалъ оную церковь, »za takowe tedy pilne starania około pomnożenia Chwały Bożej umyśliłem onemu i potomkom jego dać ten przywilej na te cerkwie wyż wymienione y na grunta starej górnej cerkwi.“ Въ тôмъ привилею освобождены реченныи священники и его наслѣдники ôтъ всѣхъ поборôвъ и податкôвъ, (uwalniam go od wszelkich poborów i podatków prywatnych i publicznych, podymia, składek żołnierskich, danin, dziesięciu, podwód i innych jakichkolwiek nazwanych tak zamkowych jak i gromadzkich); священники же обовязаны и обовязивались просити Господа Бога о спасеніе души усопшого короля и о благоденствіе самого дателя королевича Константина (pomieniony duchowny winien będzie za duszę króla i za mnie Boga błagać). Другій примѣръ б) наданія бенефиціи изъ высшихъ т. е. моральныхъ мотивôвъ, представляетъ намъ презентаційная грамота, изданная Геленою Белзецкою и Іосифомъ Центнеромъ, яко совластителями-патронами въ селѣ Мыцовѣ, на дни 25 Мая 1700. Въ тôмъ документѣ послѣ мотивôвъ определяется, що реченныи патроны по смерти священника Леонтія Кирилловича въ Мыцовѣ, при церквѣ храма св. Николая Чудотворця, во виду неспособности и недостатка квалификаціи къ священническому званію сына тогожь а именно по причинѣ нелѣтности его (widząc niesposobnego do stanu kapłańskiego potomka przeszłego tego kapłana Leontego presbytera, natenczas Mycowskiego syna, a to dla młodych onego lat, które się w stanie duchownym mieścic nie mogą), и дальше познавши добродѣтели и доброе поведеніе Стефана Романовича, — тогоже именують пресвитеромъ упомянутой церкви. Патроны-дѣдичи церкви въ Мыцовѣ объявляютъ реченного священника Стефана Романовича за способного къ служенію той-же церквѣ, сына попередного пресвитера ôтъ наслѣдія при той церквѣ исключаютъ, а яко душпастыря поставляютъ Романовича, но уже не съ правомъ наслѣдія для его потомкôвъ, а лишь дожизненно.

Дальше признаются тому-жь новоименнованному пресвитеру грунты и свободы, той церквѣ приданныи, а именно четвертины поля въ тôмъ селѣ съ сѣножатею, съ нивою приходскою, которую попередники - пресвитеры Мыцовской церкви употребляли, разомъ съ огородомъ и зданіемъ, съ нивою пôдъ лѣсомъ Глинскимъ и пр. При тôмъ надаются приходнику Романовичу и его наслѣдникамъ на Мыцовскôмъ приходѣ всѣ свободы, а именно освобождаются ôтъ податкôвъ такъ скарбовыхъ, якъ и иныхъ.

(Прод. посл.)

Ѳедоръ.

Розсказъ.



ъ одинъ горячій лѣтній день выйшли мы на верхи Карпатъ. Ненасытна та любовь къ горамъ. Будешь скитатись долго по утесовыхъ скалахъ, по карпатскихъ увозахъ и вертепахъ, а розстанешься на время съ ними — сновь влечетъ тебе въ ихъ предѣлы таинственный чаръ. И теперь мы любовались карпатскою природою, видами давно намъ знакомыми а однакъ всегда для насъ свѣжими. Мы перейшли поля, на которыхъ колысались золотистыи засѣвы, минули вертепный потокъ съ поваленными ялицями и приближались до лѣса.

Мы войшли въ гущавину. Лѣсъ начинался лѣщиною и бракленами, дальше выступали поодинокіи ялицы, поки не розтягнулся передъ нами полный смерековый лѣсъ, въ которôмъ прямыи ялицы якъ величавыи колонны складались къ одному своду; тѣнь и блаженный холодъ, вонь тиміану, смолы и ясмина пригадовали, що мы въ прибѣжищи, якого доставити могутъ лишь горы.

Изъ дали доходилъ до насъ ôтгомонъ ôтъ ударôвъ топора. Приходникъ Василій, у которого мы именно были въ гостяхъ, а который провадилъ насъ по горахъ, пристанулъ и надслуховалъ.

„Вѣроятно то Сумовикъ“ сказалъ парохъ, „ходѣмъ на зрубъ, а то я и роботу маю для него въ дома.“

Мы пустились въ сторону зруба.

„Вы сказали: Сумовикъ“ началъ третій нашъ товаришъ, „чи то его фамилійное имя.“

„Нѣтъ; такъ называетъ его народъ.

Ôнъ и маетъ до того причину. По имени ôнъ называется Федоръ. То впрочемъ личность не мало по своимъ свойствамъ замѣчательна. Ходѣмъ лишь, а узрите его сами."

Лѣсъ началъ прорѣджатись; ôтгомонъ ставалъ чимъ разъ блисшимъ. Мы вступили на лѣсовую дорогу и зайшли нею на зрубъ. Тутъ при зрубанныхъ ялицяхъ стояла двуколесная телѣга; худощавый конь ходилъ самопасъ помежь дерева. Мы замѣтили наконецъ и самого Федора. Въ первой уже хвили поразилъ насъ его взоръ — взоръ преполненный чрезмѣрною вялостію, меляихолизмомъ; лишь на первый взглядъ познати не можна было, чи зъ тыхъ очей выглядаетъ страданіе, чи безнадежность или обыкновенная задумчивость. Его костистое лице было жолтавое, волосъ въ неладѣ спадалъ на рамена; на плечахъ его закинена была сѣрая, облатанная бойковская бурка. Его стать была высока, но видно было, що силы его истощены.

„А що Федоръ?" началъ парохъ „старый дѣдуганъ въ дома здоровъ?"

„Здоровъ."

„Я зачувалъ, що у тебе была недуга?"

Федоръ молчалъ и лишь махнувши рукою, ôтвернулъ лице ôтъ насъ, якъ бы хотѣлъ сказати, що ôтъ такихъ вопросôвъ хотѣлъбы освободитись.

„Ну, у мене есть для тебе невелика робота. Прійди завтра."

Федоръ притакнулъ головою и началъ дальше рубати ялицю.

Мы перейшли черезъ зрубъ въ дальшій лѣсъ.

„Видите" свернулся къ намъ теперь парохъ „человѣкъ то странный. Я и еще по одной причинѣ обратилъ ваше вниманіе на него. Ôнъ здается, человѣкъ незамѣтный, по крайной мѣрѣ ôнъ самъ своимъ поведеніемъ дѣлается будьто незамѣтнымъ. А однакъ я изъ его жизни знаю случай, который показуетъ, якъ много можетъ и несознательно сдѣлати своею личностію такій человѣкъ, якъ Федоръ. Поки дойдемъ изъ горъ въ село, я розскажу вамъ той случай."

„Было то передъ трема лѣтами" продолжалъ парохъ, „коли въ наше село заѣхалъ якій-то предпріемщикъ, человѣкъ богатый и непосѣдущій. Ôнъ пустился тутъ на предпріемство лѣсовое. Сторона наша до недавна была еще нетронутою чужими руками. Лѣсы пышныи розтягались по горахъ, правдивый и головный источникъ добробыта селянъ. Въ послѣднихъ лѣтахъ взялись дѣлати изъ нашихъ горъ пустиню. Поглянѣтъ теперь на тіи верхи. Всюдъ опустошеніе и мы поневольно чувствуемъ то, що съ тымъ идетъ и дальшая еще руина.

Ôнъ прійшолъ до мене и представился яко Миланъ Н., по народности италіанецъ. Его наружность пригадовала на розжившогося капиталиста, который привыкъ встрѣчати у людей лишь уклончивость, прошенія а николи указаній или наставленій. Такимъ людемъ выдается, що прочій свѣтъ пôдъ нихъ ногами.

Ôнъ давнѣйше пущался на биржевыи спекуляціи, накопилъ великіи суммы и взялся до истребленія лѣсôвъ въ Карпатахъ въ той надеждѣ, що тутъ взыскъ будетъ въ десятеро высшій, чимъ при якихъ нибудь иныхъ предпріемствахъ.

И ôнъ началъ дѣло. Въ немъ однакъ была вѣроятно искра человѣческого чувства, но глубоко закрытая, давно притушенная свѣтовыми его сношеніями. Думаю однакъ, що искра та не загибла въ цѣлости у него, она бо, совсемъ для него неожиданно выдвигнулась по части тутъ у насъ, а выдвигнули ею наши такъ для иныхъ незамѣтныи обстоятельства.

Минули два мѣсяцы. Въ лѣсахъ ишли уже давно вырубы.

Разъ сижу я въ моей комнатѣ — приходитъ Миланъ. Однакъ ôнъ явился мнѣ теперь уже не тымъ прежнимъ широко розпертымъ иностранцемъ. Я малъ бы поводъ догадатись въ той хвилѣ, що ôнъ своимъ предпріемствомъ недоволенъ, що доходъ слабый и не даетъ блестательныхъ видôвъ на будущность. Тому я вскорѣ по привитанію и вопросилъ его прямо.

„Вы вѣроятно надѣялись иного исхода?" пыталъ я.

„Нѣтъ. Противно, дотычно дохода все превзойшло еще мои надежды. Длячого однакъ предполагаете такъ?"

„Такъ лишь для любопытности пытаю."

„Гмъ" задумался Миланъ „я догадуюсь, щó дало вамъ поводъ до такого вопроса. Дѣло выруба идетъ дальше, и добре идетъ. Лишь жизнь мнѣ тутъ не представляетъ прелестей. Поминаю то, що увеселеній тутъ нѣтъ. Я пережилъ уже пору буйныхъ увеселеній и ничо не влечетъ мене бôльше къ нимъ. Я лишь спытаю васъ о одного человѣка изъ того села. Ôнъ называется Федеръ и рубаетъ у мене ялицы. Якій у него добытокъ?"

„Якій добытокъ? Щожь на то отвѣчу? Скажу, що у него просто о добытку и рѣчи нѣтъ."

„Отже заробникъ?"

„Такъ. У его предкôвъ забрали розличныи вороги землю. Ему остала лишь одна хатина. То и хатиною назвати не можно. Такая коморочка, лубомъ покрыта на кôнци села. Тамъ спитъ ôнъ ночью. У него есть еще одинъ старый дѣдуганъ, що вже не въ силѣ братись до роботы."

„Зъ чогожь жіютъ они?"

Я сдвигнулъ раменами.

„У насъ" кажу „така сторона, що неоднократно ты просто и не знаешь, изъ чого люде живутъ, а то и сомнѣніе приходитъ тобѣ, чи той или другій человѣкъ вообще беретъ що къ поживленію. А таки живетъ."

„Странно! Странно!" повторялъ предпріемщикъ. „Я просто, признаю вамъ, не надѣялся тутъ встрѣтити того, що встрѣтилъ. Николи въ жизни не чувствовалъ я такой стѣсненности, якъ тутъ. Во мнѣ повстаетъ мысль, кинути тое дѣло, хотяй оно такъ блестательно идетъ Спытаете: чому? Ябъ мусѣлъ вамъ розсказати много изъ моей минувшости. Вообще лишь скажу, що я имѣніе мое наслѣдилъ; затымъ въ богатствахъ я не рожденъ, а въ мѣрнôмъ добробытѣ.

Изъ того познаете, що я наслѣдивши имѣнье, войшолъ въ свѣтъ, данный мнѣ не такъ природою, якъ случаемъ. Я ишолъ отже за примѣромъ ровно со мною поставленныхъ товаришей. На нужду другихъ людей я не обращалъ много вниманія. Жилъ стереотипно и зимно. Числилъ доходы и уважалъ то занятіе моимъ повседневнымъ трудомъ."

Предпріемщикъ престалъ и задумался не много.

„Такъ прійшолъ я тутъ" продолжалъ ôнъ, стрѣпуючи махинально попелъ изъ папироси „прійшолъ я тутъ, гонити дальше за добыткомъ. Тутъ однакъ знайшолъ я такіи обстоятельства, якихъ мнѣ встрѣчати не случалось. Перейшовши село и поглянувши на тіи бѣдолашныи хатины, на обитающихъ въ нихъ выныдѣлыхъ, истощенныхъ дѣтей, старикôвъ, я пораженъ былъ такою нуждою. Признати мушу, що я до теперь не малъ случайности, видѣти такого бѣдствія. Зачалъ я мое дѣло. Въ лѣсахъ рубаютъ наемчики. Изъ межи нихъ однакъ одинъ сдѣлалъ на мене необыкновенное впечатлѣніе, а именно той, о которого я васъ пыталъ — Федоръ. Одного дня былъ я въ лѣсѣ и приходжу на мѣстце, где рубалъ Федоръ. Ôнъ выдался мнѣ уже чрезмѣрно бѣдолашнымъ. Его тоскный выразъ на лици, взоръ, изъ которого не знаешь, чи бьетъ сознаніе нужды, чи резигнація, молчаливость при роботѣ и его одежь, все то выкликало у мене якоето стѣсняющое чувство, якого я до теперь у себе не замѣчалъ. Догадуюсь, що то, быти можетъ, родъ чувства, зовимого милосердіемъ; досыть, я сочувствовалъ ему. Не могъ я съ нимъ войти въ розговоръ, тожь я слѣдующимъ разомъ взялъ съ собою одного изъ моихъ людей, мѣстного уроженця, щобы тойже розговорился съ нимъ. Странно однакъ, що Федоръ просто и не хотѣлъ отвѣчати на вопросы. Я послѣ частѣйше приходилъ въ лѣсъ и за каждымъ разомъ я роздумовалъ надъ тымъ, якая жизнь у того человѣка! Ровновременно и мое предпріемство начало теряти для мене прелесть. Не кажу, щобъ я сейчасъ хотѣлъ кинути его, но оно уже не влечетъ мене

Такое впечатлѣніе сдѣлалъ на мене Федоръ. И вообще чувствую, що тутъ въ тыхъ сторонахъ не долго буду могъ оставати. Хочу вернути въ давныи предпріемства. Я пріиш̂олъ еще до васъ межи иными и за тымъ, щобы мы пôйшли разомъ въ хату того Федора. Его личность для мене занимательна.“

Мы выйшли и пустилисъ прогономъ на конецъ села. Тамъ на пустцѣ стояла почорнѣлая, лубомъ покрытая хатина.

„То его обиталище“ кажу.

Предпріемщикъ не могъ скрыти удивленія.

Мы войшли въ сѣнь. Темно было тутъ; сырый холодъ повѣялъ на насъ.

„Ты то уже, Федоръ?“ роздался изъ внутри хатины хрипливый голосъ.

Поступивши въ комнату, мы при слабыхъ лучахъ продирающихся черезъ малое оконце, заледво розпознали статъ старого дѣдугана. Дѣдуганъ сидѣлъ похиленъ на припечку; при нашôмъ появленію ôнъ немного поднесъ голову, поглянулъ укосно на предпріемщика а послѣ сновь похилился и не двигался уже изъ своего мѣста. Видно было, що ôнъ изъ старости уже совсѣмъ немощный.

Предпріемщикъ потягнулъ мене за руку и свернулся къ дверемъ.

„Ходѣмъ“ прошепталъ ôнъ до мене.

Послѣ, коли мы вертали въ село, ôнъ ишолъ коло мене якъ бы задуманный и розсѣянный.

„Странно“ проговорилъ ôнъ наконецъ „я и не зналъ, що такъ люде живутъ. Ктожь той дѣдуганъ? Его отецъ? Сродникъ?“

„Нѣтъ.“

„Нѣтъ? А живетъ у него?“

„То совсемъ чужій для него человѣкъ. Скажу вамъ, якъ попалъ ôнъ въ хату Федора. Федоръ держитъ его изъ благодарности за одну давнѣйше еще сдѣланную ему прислугу. Коли старый сталъ неспособнымъ до роботы, ходилъ безъ хлѣба по селахъ, за милостинею. Наконецъ и ходити уже не могъ. Никто не хотѣлъ приняти его и дати ему помощь; сдѣлалъ то лишь найбѣднѣйшій въ селѣ — Федоръ.“

Предпріемщикъ пристанулъ и поглядалъ на мене взоромъ, изъ которого можно было читати его мысли. Ôнъ очевидно не надѣялся, знайти такую благородность у такъ повседневного человѣка.

Съ тымъ роспращались мы того дня.

Я и думаю такъ, що Миланъ былъ, якъ и прочіи, человѣкъ пересыщенный жизнію, кинулся на предпріемства въ нашихъ горахъ, но и тутъ вскорѣ все стало для него невыносимымъ и ôнъ закинулъ дѣло. Що не происходило въ его души — всегда же я замѣтилъ, що Федоръ сдѣлалъ на него чрезвычайное впечатлѣніе и усилилъ его въ намѣренію, оставити тіи стороны, где ему въ первый разъ предсталъ передъ очи видъ нужды.

Ôнъ рѣшилъ на дѣлѣ выѣхати изъ нашого села. Еще разъ пріиш̂олъ ôнъ до мене на прощаніе.

„Знаете“ говорилъ ôнъ теперь до мене, „я роздумую еще надъ тымъ Федоромъ и надъ его душею. Примѣромъ, що нынѣ случилось мнѣ съ нимъ. Я вертаю за границю. Достаточно позналъ я уже, якъ постояннымъ и вѣрнымъ былъ бы Федоръ. Еслибъ я его малъ при собѣ, я могъ-бы во многôмъ на его прислугу полагати. Такого прислужника радъ бы я при собѣ мати. Черезъ моихъ людей я предложилъ ему, щобы ишолъ со мною. Будетъ мати и самъ выгоду... Вы улыбаетесь? Чогожь вы улыбаетесь?“ въ опрошалъ мене Миланъ.

А я поневоли улыбался.

„Ничо“ кажу „еслибъ вы примѣромъ впередъ поспытали мене, чи Федоръ пôйдетъ съ вами, ябъ отвѣтилъ вамъ: ніякъ! Не пôйдетъ съ вами.“

„Нѣтъ?“

„Ôнъ и на дѣлѣ не согласился съ вашимъ предложеніемъ, правда?“

„Правда.“

„Видите. Я такъ и надѣялся.“

„Чому-жь? Я далъ бы ему выгодный бытъ.“

„Ну, у насъ не тіи люде. Причина въ тôмъ: нашъ человѣкъ всѣмъ будетъ, лишь не номадомъ. Такъ привязанъ ôнъ къ своей сторонѣ! Могучая то, тайная и майже несознательная любовь къ родной сторонѣ. Ябъ много такихъ случаевъ розсказалъ вамъ. Не лишь въ далекой чужинѣ, но и за границями села проживати, статъ уже тягостнымъ для нашихъ людей. А выйдетъ кто въ чужину, будетъ скитатись, проживати нѣкое время хоть въ добробытѣ — а таки наконецъ кинетъ все и вернетъ на родину. На чужинѣ просто ныдѣютъ изъ туги: Тому и Федора вы не наклоните.“

Такъ оставилъ наше село самъ Миланъ. Я съ нимъ уже бôльше не встрѣчался.

* * *

Парохъ окôнчилъ розсказъ, коли мы уже изъ горъ зступали въ село.

Послѣ, за якихъ три лѣтъ ôнъ писалъ намъ еще о Федорѣ. По смерти дѣдугана, Федоръ еще бôльше попадалъ въ сумъ и молчаливость; ишолъ на роботу, но чимъ разъ бôльше ныдѣлъ, а помощи не ôтъ всѣхъ хотѣлъ принимати. Церковный звонъ заголосилъ сконъ человѣка незамѣтного, а однакъ влïявшого много на людей.

Петръ Полянскій.

ТЕЛЕСКОПЪ-ВЕЛИКАНЪ.

Д-ръ Емиліянъ Савицкій.

Неизмѣримое пространство небесъ, покрыто миріадами блестящихъ свѣтилъ, который своею вѣчною неподвижностію и спокоемъ представляютъ разительное противорѣчіе съ всѣми, скорымъ перемѣнамъ подверженными явленіями на земли, дѣйствовало ôтъ непамятныхъ временъ сильно на воображеніе человѣка и возбуджало въ немъ непреодолимую жажду, глубше проникнути въ той таинственный свѣтъ. И дѣйствительно достигли древніи астрономы-звѣздари предѣлôвъ возможности, а имена Гиппарха, Ератостена (200 до Р. Х.), Птоломея, остаютъ въ уваженію до сихъ поръ. Изобрѣтеніе побôльшающихъ стеколъ дозволило намъ оставити далеко за собою все, що знали древніи астрономы. Довольно будетъ для сровнанія навести, що число звѣздъ видимыхъ, наблюдаемыхъ невооруженнымъ окомъ не доходитъ до 6000*); телескопомъ же зеркальнымъ Гершля (1789) можно ихъ начислити уже 20 миліонôвъ, а средства, которыми розпоряжаютъ нынѣшніи астрономы, посунули тую границю далеко поза 1500 миліонôвъ.

Понятно, що при такъ громаднôмъ количествѣ объектôвъ, заслугующихъ майже въ одинаковой степени на вниманіе, задача, удержати всѣхъ въ зримости, слѣдити за ихъ перемѣщеніемъ и прочими возможными перемѣнами, превосходитъ далеко силы не то одного человѣка, а всѣхъ нынѣ живущихъ астрономôвъ совокупно даже если бы они поставили собѣ единственною цѣлею, означити лишь позиціи всѣхъ тыхъ звѣздъ на сводѣ небеснôмъ. А межи тымъ есть въ огромной бôльшости случаевъ, положеніе звѣздъ тое единственное обстоятельство, которое о нихъ можемъ знати, о ихъ бо природѣ и физическôмъ устройствѣ существуютъ лишь гипотезы, въ бôльшой или меньшой степени вѣроятныи, о скôлько именно дозволяютъ о тôмъ заключати спектроскопическіи изслѣдованія. — О тôмъ розскажемъ мы при удобнôмъ случаю, а теперь обмежаемся лишь на приведенію нѣкоторыхъ подробностей о тыхъ новѣйшихъ приборахъ, которыми вооруженное око проникаетъ въ непонятную даль, на биліоны и триліоны миль: о телескопахъ.

Есть два роды телескопôвъ въ употребленію: р е ф л е к т о р ы или телескопы съ зеркалами сферическими, и р е ф р а к т о р ы, въ которыхъ мѣсто зеркала находится громадныхъ розмѣрôвъ сочевка. Первый родъ полагаетъ на свойствѣ зеркалъ вогнутыхъ или параболическихъ, которы даютъ изъ ôтдаленныхъ предметôвъ малый но весьма точный образъ, звеличающійся послѣ посредствомъ звычайного микроскопа. Найстаршій телескопъ того рода сдѣлалъ Грегори (1663 г.),

*) Поразительно малое число въ сровнанію съ обще принятыми фразами о несчисленныхъ миріадахъ звѣздъ. Мимо того основано оно на дѣйствительнôмъ вычисленію. Г е й е ъ подаетъ число 6000. Гумбольдтъ лишь 4000.

найславнѣйшимъ же есть телескопъ Гершля (1789 г.) и лорда Россъ (1843 г.) О розмѣрахъ тыхъ великанôвъ можемъ сдѣлати собѣ понятіе, если сообразимъ, що радіусъ кули, — которой малая, бо лишь 5' въ долготѣ выносящая частина представляетъ зеркало, -- маетъ 13¹/₃ сяжня (у Гершля), а 17¹/₆ сяжня (у Росса). Они вылиты изъ металля, и длятого тягаръ ихъ огромный, но ôтъ 1856 г.. коли Штейнгейль подалъ легкій способъ къ покрыванію стекла тонкою пластинкою серебра, входятъ въ употребленіе стеклянныи посеребрянныи зеркала, которы въ сровнанію съ металлическими, не. лишь суть легшими, но и тревальшими.

Рефракторы, или телескопы съ сочевками, суть старшими, чимъ рефлекторы. Они изобрѣтены въ Голландіи, хотяй Галилей, на первую вѣсть о нихъ изобрѣтенію, совсемъ независимо изобрѣлъ телескопъ, носящій по нынѣ его имя. Съ начала не могли они выдержати сровнанія съ рефлекторами, по причинѣ одного ихъ важного недостатка, который легко можна наблюдати въ дешевыхъ театральныхъ перспективахъ (биноклахъ). Если смотримъ черезъ такую перспективу на предметъ, замѣчаемъ, що образъ его представляется въ окруженію барвнôмъ, червонôмъ или синявôмъ. При земскихъ предметахъ недостатокъ той (хроматичность) не дуже разитъ, длятого, що увеличеніе бываетъ незначительнымъ и що малый кругъ барвный совсемъ не мѣшаетъ намъ, розличити и познавати предметъ. Совсемъ иначе представляется дѣло для астронома, и если телескопъ не естъ ахроматическій, то до точнѣйшихъ изслѣдованій ôнъ его употребляти не можетъ.

(Прод. посл.)

Уже въ проспектѣ нашой газеты на текущій годъ, упомнули мы, що „Новый Галичанинъ“ будетъ обнимати особый отдѣлъ для етнографіи. Передаемъ отдѣлъ той въ руки нашихъ читателей; они безпосредственно сносятся съ нашимъ народомъ, сживаются съ нимъ, кождого дня маютъ найблисшую случайность, познавати той народъ во всѣхъ его дѣлахъ, помышленіяхъ, желаніяхъ и поглядахъ, въ его жизни и бытѣ, трудѣ и поезіи, въ его страданіяхъ и увеселеніяхъ. Просимъ отже всѣхъ, которымъ предстоитъ такъ близкая случайность до записокъ, къ сотрудничествѣ въ тôмъ отдѣлѣ етнографіи. Будетъ то затымъ трудъ общій и взаимный; одна записка дополнитъ другую. Дотеперѣшніи етнографическіи записки, розброшенныи по розличныхъ журналахъ и меньшихъ или бôльшихъ сочиненіяхъ, маютъ — мимо своей несистематичности, великую стоимость, указуютъ однакъ также на то, якъ много въ той области еще предстоитъ труда, щобы составити полный етнографическій образъ нашого народа.

И такъ предовсемъ недостаетъ у насъ етнографического атляса. Для составленія такого атляса потребно долшое время, а возможно составленіе его лишь при участи читателей. Передавши разъ той отдѣлъ въ руки читателей, яко евентуальныхъ сочинителей такого атляса, подаемъ ниже дотычный квестіонарь до заполненія и надосланія матерьяла въ нашу редакцію. Собираніе матерьяла до атляса будетъ подробнымъ и будетъ розтягатись на поодинокіи села. Изъ надосланныхъ намъ матерьялôвъ изъ поодинокихъ селъ, будутъ составлены етнографическіи карты округôвъ. Изъ того выйдетъ затымъ сборникъ маппографичный, который въ даннôмъ случаю можетъ становити уже законченную цѣлость. Слѣдуетъ заполнити изъ кождого поселенія слѣдующіи рубрики: 1) Названіе и округъ села или города. 2) Число жителей, 3) Къ которой изъ группъ (Гуцулы, Бойки Лемки, Подоляки и пр.) зачислятюся жители. 4) Якъ называетъ народъ жителей изъ подобластей въ тыхъ группахъ, и якъ великими суть тіи подобласти. 2) Причина, по якой народъ употребляетъ такого названія. 6) Якъ называетъ народъ жителей иныхъ областей блисшихъ или дальшихъ. 7) Поименныи названія частей одежи. 8) Часть одежи характеристичная для той или другой области, и употребляемая лишь въ той области. 9) Способъ строенія обиталищъ и обычный ихъ плянъ. 10) Число, названіе и языкъ иноплеменныхъ колонистôвъ. 11) Внѣшное розличіе тыхъ-же ôтъ мѣстныхъ жителей (въ одежи, строенію хатъ и пр.) — Весь надсылаемый матерьялъ будетъ послѣ составленъ разомъ.

Въ „Новôмъ Галичанинѣ“ же на тôмъ мѣстѣ будутъ помѣщатись всякіи иныи записки: народныи пѣсни, преданія, вѣрованія, пословицы, взоры вышивокъ и пр. —

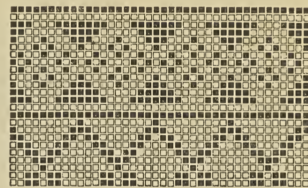
При всѣхъ надосланныхъ матерьялахъ будутъ поданы полныи имена надсылателей.

1) Народныи вышивки.

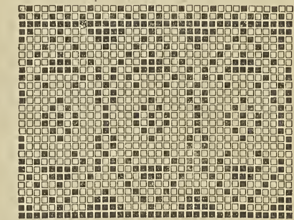
До теперь подали мы, въ минувшôмъ рочнику „Нового Галичанина“ слѣдующіи взоры народныхъ вышивокъ:

1) „На рожу“. 2) „На косицю.“ 3) „На тройцю“. 4) „На взоръ.“ 5) „На пилу.“ 6) „На паву.“ 7) „На пшеничку.“ 8) „На великіи кружильця.“ 9) „На малыи кружильця.“ 10) „На кривульку.“ 11) „На кресала.“

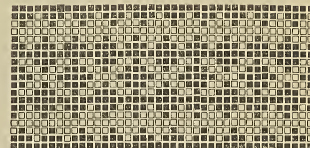
Дальше подаемъ новонадосланныи намъ взоры изъ приграничной Бойковщины:*)



12) Взоръ „На четыре очка.“ Середніи звѣзды синіи, прочое червоное на бѣлôмъ тлѣ.



13) Взоръ „На олива“.



14) Взоръ зовимый „На мотилѣ.“ Выше поданныи три взоры встрѣчаются у народа въ селахъ ôтъ Борини до Сморжого. Въ тыхъ селахъ вышиваютъ такожь такъ зовимымъ „вытяганнымъ штихомъ.“ Вмѣсто класти нитки на крестъ, перетягаютъ ниткою въ простъ. Есть то родъ вышивокъ гобелиновыхъ.

2) ИЗЪ НОВОЗАПИСАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЕЙ.

(Записалъ В. Гнатюкъ.)

Ой Иване, Иваночку,
Покинь пити горѣлочку!
Покинь пити тай гуляти,
Та будемо газдовати.
Мѣняй коня за волонька,
А сѣделце за яремце
А вôзочокъ зв плужочокъ,
Та пôйдемо въ чисте поле
И выберемъ собѣ нивку,
Та не долгу, ни широку,
Ани вузку, ни коротку;
Оре Иванъ, Бога проситъ,
А Марина волы гонитъ.
А Марина волы гонитъ,

*) Всѣ тіи взоры суть вѣрною копіею вышивокъ, изготовляемыхъ народомъ и лишь такіи вѣрныи копіи, по возможности съ поданіемъ названія, входятъ въ тую рубрику.

Ничь до Ивана не говоритъ.
На третій день наступае,
Що Марина промовляе:
Ой Иване Иваночку,
Чи видишь ты дороженку?
Край дороги Турчинъ грае,
Бачу — до насъ повертае.
„Добрый день ти Иваночку!
Продай жѣнку Мариночку!
Якъ не хочешь продавати,
Ходи со мновь спробоватись."
Не хочу я продавати,
Не хочу ся спробовати.
Взялся Иванъ пробовати,
Взялъ го Турчинъ замагати.
Ой Марино, Мариночко,
Тай му подалъ лучокъ свôй.
Якже Иванъ выцѣлилъ,
Турчинови въ серце цѣлилъ,
Ой Иване, Иваночку
Тось хорошій ни вродочку!

3) Длячого другій мѣсяцъ называется то Лютый то Казибродъ.

(Записалъ Петръ Полянскій въ округѣ Старого мѣста)

Разъ идетъ собѣ дорогою Лютый и журбы не маетъ. Лише дивится въ землю и посвистуетъ якъ гдеякій зъ мѣста. Ажь тутъ млынцемъ кружцемъ заходитъ Казибродъ. „Гей!" кличетъ за нимъ. А Лютый до него — „Ты зайда-вѣтракъ, порожный сакъ! Тобѣ бы, небоже, хиба вернетъ ôтъ разу таку хляпавицю, що годѣ и разъ ногою ступити! Болота, воды, вѣтеръ, студѣнь — не можь пѣшкомъ ити.

Гой, бѣда Лютому! „Иду я" кажетъ, „взяти якого воза." Вернулъ въ село и ѣдетъ возомъ. Якъ то видитъ Казибродъ, подулъ, замахнулъ, и за хвилинку на дорозѣ вмѣсто болота — снѣгу на доброго чоловѣка. Гей, не добратись Лютому на прощу! „Верну" кажетъ „по санки."

Притягнулъ Лютый санки и перебираесь через границю. А Казибродъ сновь свое. Изъ снѣгу стали камѣнья та камѣнья по дорозѣ. Ни пѣшкомъ теперь, ни возомъ, ни санками. Теперь Казибродъ до Лютого:

Мадонна делля-Седія.
Картина Рафаеля.

Поратуй мя сей разочокъ.
Ой вже Ивана связали,
Ще й до коня привязали.
Ѣде гору, ѣде другу
А на третой каже стати,
Каже коню попасъ дати,
Приѣхали конецъ села,
Конецъ села, край дороги;
Тамъ сидѣли два голубы.
Ой ты Турку, ты пане мôй,
Подай же ми ты лучокъ свôй.
Та най забью два голубы.
Оденъ пане буде тобѣ,
Другій буде панѣ твоей,
Панѣ твоей, жѣнцѣ моей.
А Турчинъ ся не доглупалъ,

тено крутити, не по зрубахъ завивати. Отъ такій морозъ якъ я, то князь! Мое тутъ газдôвство! Заморожу, щó хочешь. А тобѣ — за Бескидъ дорога, а някъ на печь!"

„Ну, добре! — такъ говоритъ Казибродъ, — добре! Най будетъ, що ты такій капитанъ. Увидимъ, що дальше будетъ. Хоть ты тутъ князь, але и я не мазь. Днесь будемъ мы, що братъ а братъ; ходѣмъ же оба якъ братья на прощу."

А проща была въ другôмъ селѣ. И пôйшли. Пôйшли оба разомъ, якъ справдѣ братья. Идутъ и прійшли на границю. А Казибродъ тутъ свое! Якъ не насу-

„Видишь, небоже, якій я! Га? Чи видишь, якій и я князь! Ану, поступи хоть трохи, чи можешь. Не можешь, бо я не хочу. Такіи у мене способы. Теперь не ты будешь тутъ газдовати, лише я."

„Верткій зъ тебе чоловѣчокъ" кажетъ ему Лютый. „Га! Що треба, то треба! Ôтъ теперь не будьмо уже ворогами; и челядникомъ не буду ни я у тебе, ни ты у мене. Лишь газдуймо разомъ оба рôвно, поки свѣта станетъ."

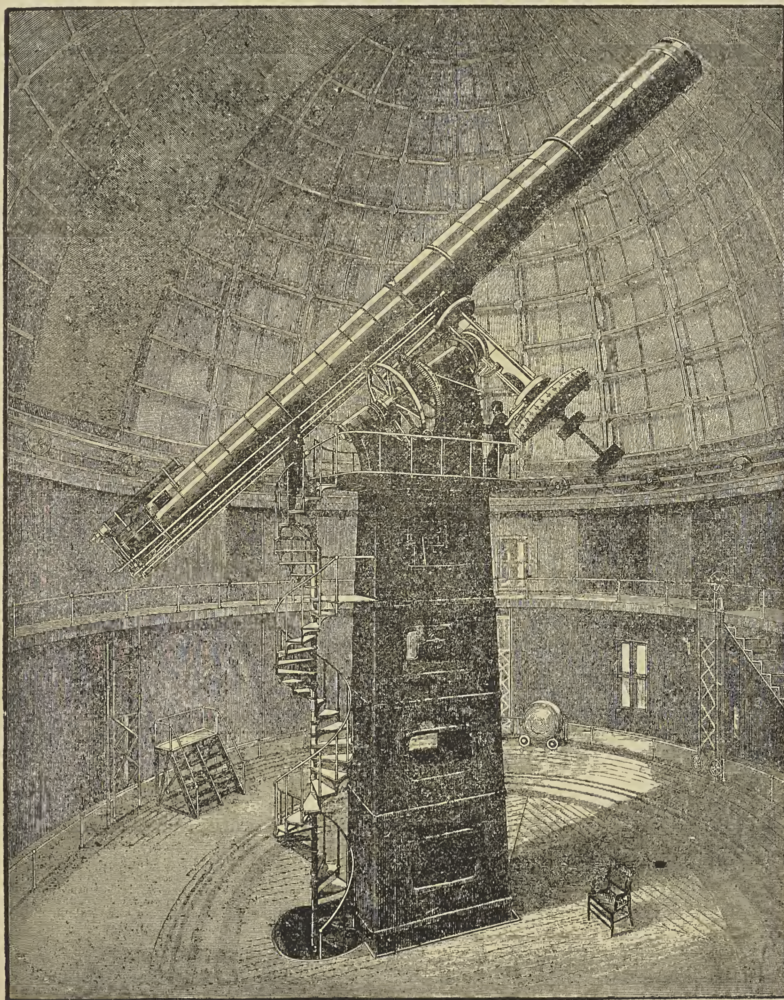
Тому называесь теперь той мѣсяцъ то Лютый то Казибродъ.

Мадонна делля-Седія.

(См. изобр. на стр. 12.)

Головныи черты до картины „Мадонна делля-Седія“ (Мадонна на креслахъ), пріобрѣлъ Рафаель майже случайно. Проходжаючи по улицяхъ города, онъ замѣтилъ на одной верандѣ чрезвычайной красоты Венеціянку, плекающую свое дитя. При ней стоялъ еще якій-то черноволосый хлопакъ. Тая група съ типовыми лицями такъ понравилась Рафаелю, що онъ сейчасъ намѣрилъ, сдѣлати зъ ней копію; хотѣлъ удалитись еще по приборы и палету. Венеціянка однакъ выбиралась въ дальшую путь и Рафаель во виду того скопіовалъ цѣлую групу углемъ на днѣ одной, въ близи стоящой бочки. Все остало послѣ незмѣненымъ на картинѣ, тому и одежи и типы на картинѣ чисто италіанскіи.

Рафаель рожденъ г. 1483 въ городку Урбино; коли отецъ его умеръ, онъ перейшолъ въ науку Тимотео-Вити, а послѣ къ знаменитому Перуджино. Тутъ сталъ копіовати строгіи кляссическіи черты Мадоннъ своего учителя, и вскорѣ довелъ технику до того, що розличити копію отъ подлинника было невозможнымъ. Но порою могучая внутренная сила брала верхъ и проявлялась въ такой формѣ, що передъ нею меркли роботы его учителя. Первый большій его образъ „Вѣнчаніе Богородицы“ есть уже отрѣшеніемъ отъ холодной суровости умбрійской школы. Переселившись до Флоренціи, где тогды мали розголосъ Да-Винчи, Микель-Анджело, Фра-Бартоломео, онъ сталъ принимати отъ тыхъ живописцевъ все лучшое. Особенно изучалъ блестящій кольоритъ Бартоломеа. Запрестольный образъ „Богоматери“, исполненный нимъ во Флоренціи, поставилъ его имя сразу на ряду съ первыми живописцями Италіи. „Положеніе въ гробъ Спасителя“ (теперь въ палатѣ Боргезе), не меньше замѣчательное. Слухи о немъ вскорѣ дойшли до Рима и папа возвалъ его до живописанія ватиканского дворця. Ему поручили „Салю подписи“ (Sala della segnatura). Въ четырехъ большихъ композиціяхъ онъ долженъ былъ изобразити четыре могучіи нравственныи силы, которы всегда правили человѣческимъ духомъ: богословіе, философію, поезію и правы. Тіи отвлеченныи понятія воплотились на его карти-



Телескопъ-великанъ.

нахъ въ человѣческія, жизненныи силы. Философія изображена тутъ въ картинѣ „Атинская школа“, богословіе въ сценѣ „росправъ св. отцевъ о догматахъ вѣры“; поезія изображена собраніемъ поетôвъ и живописцевъ вокругъ Аполлона; право рисуется въ видѣ Юстиніана, дарующого свôй corpus juris, и папы Григорія IX, провозглашающого свои декреталіи.

(Конецъ посл.)

Лунная ночь.

(По Матиссону.)

Иванъ Гаврышкевичъ.

Полна луна видпѣетъ
Жолтаво черезъ мракъ,
Пôдъ развалиновь тлѣетъ
Межь мохами свѣтлякъ.
Надъ липою трепочесь
Порхкая цьма смеркомъ,
Блудный огонь мигочесь
Млынцемъ по-надъ багномъ.
Церковны скла сверкаютъ,
Бѣлѣесь на лапѣ,
А звѣзды ся хитаютъ
Въ потокахъ и ставѣ.
Надъ яромъ трепетаютъ
На яснôмъ тлѣ листки;
Где бѣлый мракъ, стогнаютъ
Старыхъ ялицъ верхи.
Самъ ôтъ луны краями
Огнемъ потокъ блеститъ,
Що разъ межь сѣтниками
То цвѣтами шумитъ,
Искрящимъ водопадомъ
По пôдъ млыномъ женетъ,
Огненнымъ капель градомъ
Зъ колесъ вокругъ трясетъ.
Скрозь многи лучи пали,
Блѣдыи и лячны
На муры, що остали
Зъ проводника воды.
Ôтъ нихъ ще заяснѣли
Хатинки хутора,
А дальше запестрѣли
Окна монастыря.
Якъ мило ся сливаютъ
Въ тôмъ свѣтлѣ скалъ черты,
Зъ которыхъ выглядаютъ
Вертепôвъ дикихъ тьмы.
На нихъ гень въ супокою
Въ барвѣночкахъ цѣла,
Чорнѣетъ пôдъ стѣною
Печера схимника.
Тамъ Мавокъ тьмы несутся
По поляхъ и лугахъ,
Рои ихъ познаются
По ясныхъ смужечкахъ.
Пастухъ то каждый знаетъ,
Що, где багрѣетъ мракъ,
То мѣстце скотъ минаетъ,
То Мавчихъ танцевъ знакъ.
И мовь якіи чары
Приходятъ и идутъ,
Такъ дивны ночни мары
Змѣняются, плывутъ.
А виды тіи родитъ
Сіянье княжика,
Отъ такъ, якъ ихъ наводитъ
Просонная мечта.
— 1890.

Гусляръ.

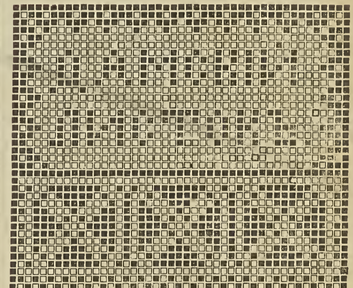
(См. изображ. на стор. 4.)

На муравѣ сувоусый
Болгаринъ сидитъ;
Въ правой гуслю одноструну,
Дѣраву держитъ.
Ôнъ не плачетъ, не рыдаетъ
Лишь слезу зъ очей
Китайкою отираетъ,
Болгаринъ старый;
И мовь птичка
Въ зеленôмъ лузѣ
Шепчетъ, плачетъ
Въ тяжкой тузѣ:
За що насъ давишь, доле лукава,
Бôльше якъ пятьсотъ лѣтъ,
Чи намъ не бачить сонечка правды,
Для насъ надежды вже нѣтъ?
Чи намъ на вѣки горе сносити,
Кровью краснти Дунай?!
Людъ у неволи, стогнетъ, рыдаетъ,
Пусткою сталъ весь нашъ край!
Таке ся дѣетъ, братья у насъ,
Наша надежда лишь Богъ!

Задумалась.

Иванъ Гушалевичъ.

Надъ собою задумалась
И въ очахъ чорнѣетъ ей.
А за думовь дума мчалась
Переливною струей;
И глядитъ дѣвиця въ небо
На луги и на поля,
Горѣ взноситъ взоръ молебно,
Чей заблыснетъ ей зоря:
Но и небо хмарно, темно,
Скрыто долгою тосковь,
Улыбнется лишь временно
И залѣется слезовь.
Такъ моей души печальной
Улетаетъ лучъ слабый;
Въ сторонѣ нерозгаданной
Гаснетъ якъ огникъ ночній.
Разъ спыйди зорѣ, явися,
Въ бѣднôмъ серденьку моемъ,
Вразъ съ надѣевъ пріютися
Съ оживительнымъ лучемъ.
Мило въ свѣтѣ проживати
Украшеннôмъ во цвѣты,
Охъ якъ тяжко потеряти
Ихъ въ вѣцѣ и горя дни.
Мое счастье схоронилось,
Где же встрѣчу я его?
Мнѣ ли только оно спилось
Сквозь туманно облако?
А той сонъ такій солодкій,
Такій чудный, такій милъ,
Взоръ материй любый, кроткій,
Легкій летъ ангелскихъ крылъ!
И сновь дѣва задумалась
И въ очахъ яснѣетъ ей,
Ясно небо продиралось
Съ токомъ радужныхъ лучей.
— 1890.



До моихъ подругъ.

I.

(О Бояряхъ.)

По случаю помѣщенной въ нынѣшнôмъ нумерѣ „Нового Галичанина“ прелестной картины живописця Н. Лоренца, представляющой типъ бояринки, я скажу нѣщо бôльше о боярскôмъ сословію давной Руси. Въ время начинающойся династіи князей Варяжскихъ встрѣчаются на Руси названія двохъ сословій, именно: Бояринъ и Людинъ. Та другая кляcса становила обыкновенно дружину Бояръ; Людинъ могъ заслугами, мужествомъ и военными подвигами, добившись имѣнія, поступити въ сословіе Бояръ.

Бояре же становили дружину князей. Она окружала и сопроводжала князя всегда и всюда, въ сраженію билась съ нимъ разомъ, въ мирное же время составляла его совѣтъ. Роздѣляла съ княземъ добро и горе, честь и униженіе, добычу и ущербъ. Употреблялась въ посольскіи дѣла, участвовала при заключенію родовыхъ княжескихъ и иностранныхъ договорôвъ, кормилась и поилась за княжескимъ столомъ; словомъ, творила съ нимъ одно нерозлучное братство; члены дружины по бôльшой части уже съ юношескихъ лѣтъ воспитовались разомъ съ молодыми князями, а послѣ въ продолженію жизни были уже неôтступными товарищами въ ихъ подвигахъ и соучастниками ихъ судьбы. Дружина вліяла много на князей. Многіи примѣры

указують, що уважанiе князя къ мнѣнiю дружины было неоднократно не мало сильнымъ. И такъ, примѣромъ, коли княгиня Ольга, крестившись въ Цареградѣ, накланяла и сына своего Святослава, щобы и ôнъ послѣдовалъ ей примѣру, князь отвѣтилъ: „Како азъ хочю инъ законъ прiяти одинъ? А дружина сему смѣятися начнутъ."

Каждый князь и бояринъ старался прiобрѣсти якъ найчисленнѣйшую дружину. Молодыи люди изъ всѣхъ сторонъ спѣшили пôдъ прапоръ того князя или Боярина, который ôтзначался найбôльшимъ мужествомъ; считали для себе честiю, быти въ его дружинѣ, изучити пôдъ его предводительствомъ военное ремесло и своими подвигами заслужити собѣ славу и надгороду.

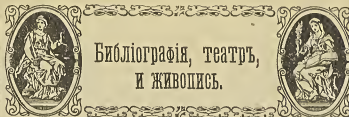
Якъ первоначально бояре составляли нерозлучное окруженiе князя, такъ въ послѣдствiю, надѣленная землями дружина, розбогатѣвши, стала ôтлучати собственныи интересы ôтъ княжескихъ. Она стала присвоивати собѣ право, по произволу избирати и проганяти князей.

Фавстина Галичанка.

Изъ гумористики

Розмышленiя Выдумальского.

Гмъ... На чемъ полагаетъ, примѣромъ, корецъ жита? Изъ чого повстаетъ ôнъ? — Корецъ жита повстаетъ не изъ чого иного, а лишь изъ одного зерна. Есть и доказъ на то. Возьмешь, примѣромъ, нѣсколько зеренъ и кинешь въ мѣру, то еще не можешь сказати, що то есть корецъ. Кинешъ сновь одно зерно— еще нема корця, сновь одно — еще нѣтъ. И такъ за каждымъ поодинокимъ докиненнымъ зерномъ мы долго будемъ приневолены сказати, що еще нѣтъ корця. Наконецъ однакъ таки прiйдетъ хвиля, въ которой мы докидаючи одно зерно, мусимъ сказати, що уже естъ корецъ. Передъ тымъ зерномъ мы сказали, що еще корця нѣтъ, по тôмъ зернѣ кажемъ, що вже корецъ есть, слѣдовательно: то одно зерно становитъ цѣлый корецъ.



„Русской бiблiотеки" издаваемой И. Н. Пелехомъ во Львовѣ, появились выпуски XI и XII за мѣсяцы Ноябрь и Декабрь г. 1890. Выпуски тiи обнимаютъ: окончанiе розсказа А. Марлинского (А. А. Бестужева) „Наѣзды"; розсказъ В. И. Немировича - Данченка п. з. „Заговорило", и поему Н. А. Некрасова „Морозъ Красный-носъ." Содержанiе „Русской бiблiотеки" составляютъ произведенiя виднѣйшихъ русскихъ писателей, причемъ объяснены меньше понятныи выраженiя. Подписная цѣна выноситъ: 2 злр. 40, въ годъ за 12 ежемѣсячныхъ выпусковъ. Предплата высылается пôдъ адресою: Издательство „Русской Библiотеки" во Львовѣ, Улиця Бляхарская ч. 13.

Славянскiи музычныи мотивы. Ровно якъ минувшого года, будемъ и дальше подавати тутъ заглавiя музычныхъ сочиненiй, о мотивахъ ближе намъ стоящихъ, т. е. родимыхъ и вообще славянскихъ. Новости изъ года 1890:

Kalliwoda And. Premiére guirlande musicale sur des themes nationaux de l'Ukraine. (Violin ou Flute) 1.80 cop.

Witwicki Joseph. Grandes Variations concertantes pour le piano sur un theme national russe: „Не шiй ты мнѣ матушка, красный сарафанъ". Nouvelle edition. Oeuvre 10. — 1.80 cop.« (Фортепьяно.)

Noestelberger J. Nocturne sur une mélodie russe de A. Gourileff: »Вьется ласточка сизокрылая." Pour le piano. Pr. — 75 cop.

Изъ прежнихъ изданiй:

Маркевичъ А. Собранiе малороссiйскихъ пѣсень. Цѣна 1 рб. 50 коп.

Маркевичъ А. Сирота. „На що менѣ чорны брови." — 45 коп.

Модзелевскiй Мих. Бурлака. Спѣвъ зъ Украины. Слова Д. Бенковского 90 кп.

Обнискiй Ст. Ор. 27. „Тяжко сходитъ день по ночи", думка — 45 кп.

Пащенко В. „Ой пôйду я въ поле жати." 30 кп. — „Такъ акъ море тяжко стогнетъ" — 30 коп.

Петровъ Н. „Тамъ, где рѣчка круто вьется. Малоросс. пѣснь.— 25 коп.

Рубецъ А. — 216 народныхъ украинскихъ напѣвовъ. — 1.50 кп.

— Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсень. Выпускъ 1, 2, 3, и 4 по 75 коп.

Бахметьевъ Казачiя колыбельная пѣснь. 75 кп. Накладомъ Ф. Шуберта. Гамбургъ.

Булаховъ. Пѣсня Цыганки. 50 кп.

Дюбюкъ. „Не брани меня родная." 50 кп. Накл. Ф. Шуберта, Гамбургъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА.

К ✕ * М полуостровъ.
Б * ✕ М хемическiй елементъ.
А ✕ * О выразъ биржевый, родъ спекулятивной акцiи.
В * ✕ А плынъ.
П ✕ * О приборъ къ писанiю.
В * ✕ Т игра въ карты.
О ✕ * О имя мужеское.
С * ✕ А птица.
К ✕ * О часть воза.
С * ✕ А снарядъ господарскiй.
А ✕ * А составная часть оперы.
К * ✕ О муза.
О ✕ * Л звѣря.
В * ✕ А американскiй продуктъ.
К ✕ * А часть дерева.
М * ✕ А даръ данный человѣку.
Д ✕ * Е французскiй писатель.

Знаки ✕ и звѣзды * слѣдуетъ замѣнити отвѣтными буквами, а буквы поставленныи на мѣстце знаковъ ✕ дадутъ намъ извѣстное, всѣми выжиданное названiе.

СИЛЛЯБОВАЯ ШАРАДА.

а, аль, ан, ва, гипт, до, дикъ, драс, е, е, е, е, е, зевс, ин, io, iоп, каль, ки, лер, лим, мон, на, но, ле, пе, пол, пят, ра, рак, ру, ри, рим, са, си, скиз, суд, сып, та, тар, то, то, тов, унг, фi, ца, циз, ни, но, нар, на.—Початковыи буквы читанныи зъ горы въ долину и концевыи читанныи зъ долины въ гору, (зъ увзглядненiемъ и знака Ъ) дадутъ заглавiя двохъ романôвъ одного русского романописателя.

Значенiя поодинокихъ словъ: 1) Городъ въ южной Россiи. 2) Городъ въ Италiи. 3) Въ митологiи представителька любви. 4) Урядъ. 5) Городъ въ Испанiи. 6) Меньшая рѣка въ полночной Угорщинѣ. 7) День въ седмици. 8) Поетъ русскiй. 9) Край въ Африцѣ. 10) Изготовляетъ контракты и пр. 11) Городъ извѣстный изъ крестоносныхъ войнъ въ Палестинѣ. 12) Городъ въ Палестинѣ. 13) Домашная птиця. 14) Цвѣтъ. 15) Италiанскiй писатель. 16) Личность, извѣстная въ Австрiи. 17) Напой. 18) Греческiй богъ. 19) Угорскiй государственный мужъ. 20) Тiи выдвигаются воинами во время войны. 21) Пророкъ. 22) Родъ описывающой прозы.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКIЙ.

Въ редакціи „НОВОГО ГАЛИЧАНИНА“ можно получити

СТѢННЫЙ КАЛЕНДАРЬ „НОВОГО ГАЛИЧАНИНА“

на годъ 1891

на бôльшôмъ велиновôмъ паперѣ, съ изображеніями 9-ти первыхъ князей Руси а именно: **Рюрика, Олега, Игора, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, Святополка и Ярослава.**

Стѣнный календарь продается по цѣнѣ **20** кр. съ пересылкою почтовою **22** кр.

Продается также въ книгарни Ставропигійского Института и во всѣхъ складахъ Народной Торговли.

АННОНСЫ до «Нового Галичанина» принимаются по цѣнѣ 6 кр. за одную, пять разы шпальтованную строку. При частѣйшихъ обвѣщеніяхъ опущается сорозмѣрный рабатъ.

Картина

„БУДУЩІЙ ЮНАКЪ“

Іовановича

на картонѣ продается въ редакціи „Нового Галичанина“ по цѣнѣ 40 кр., съ почтовою пересылкою 60 кр.

Приглашеніе къ подписцѣ.

Сборника славянскихъ пѣсней

п. з.

„Slovanstvo ve svych zpevech“

вышли и продаются слѣдующіи выпуски: 1) Пѣсни чешскіи (3 злр. 60), 2) Моравскіи (4.00), 3) Словацкіи (3.60), 4) Польскіи (4.00), 5) Лужицкіи (2.80), 6) Малорусскіи (3.60), 7) Велико и бѣлорусскіи (4.00), 8) Словенскіи (2.40), 9) Чорногорскіи (2.80).

Адресъ: LUDVIK KUBA v Podebradech (Чехія).

Наука

О ТОВАРАХЪ КОЛОНІАЛЬНЫХЪ

формату октавы о 292 сторонахъ

брошурованна по 60 кр.,

переплетенна же и съ 6 таблицями, на которыхъ представлены живыми красками дотычащіи тексту колоніальныи рослины, по **1** зр. продается въ книжнôмъ магазинѣ Ставропигійского Института, и у А. Ничая во Львовѣ, ул. Армянская н-ръ 3.

На пересылку почтовую слѣдуетъ долучити 10 кр.

БАЛЬСАМЪ ЖИТЬЯ ДРА ROSA

есть ôтъ выше 30 лѣтъ извѣстнымъ, травленіе и апетитъ выкликующимъ, ôтбиванья устраняющимъ и лагôдно розтворяющимъ

ДОМОВЫМЪ ЛѢКОМЪ.

Великая фляшка стоитъ 1 злр. малая 50 кр., съ почтовою пересылкою о 20 кр. бôльше.

Всѣ части опакованья маютъ приложенную тутъ законно депонованную охоронную марку.

Склады во всѣхъ аптикахъ Австро-Угорщины.

Тамъ-же можно получити:

Пражскую универсальную домашную масть.

Она, якъ свидѣтельствуютъ многіи опыты, побуджаетъ отличнымъ способомъ чищеніе, грануляцію и лѣченіе ранъ, и дѣйствуетъ кромѣ того яко усмиряющое и боль устраняющее средство.

Въ дозахъ по 35 кр. и 25 кр. почтою о 6 кр. бôльше.

Всѣ части опакованья маютъ приложенную тутъ законно депонованную охоронную марку.

ГОЛОВНЫЙ СКЛАДЪ

Б. Фрагнеръ, Прага,

Н. 203—204 Аптика пôдъ чорнымъ орломъ.

Розсылка почтою каждого дня.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій

Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 2. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15 (27) Сѣчня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

РѢШЕНО!

Розсказъ

Л. М. С.

(Продолженіе.)

IV.

Володиміръ былъ прилѣжнѣйшимъ ученикомъ, чимъ Романъ. Коли при испытѣ дозрѣлости Володко съ успѣхомъ обсталъ, то помѣщикъ рѣшился, ôтобрати своего сына изъ школы, такъ якъ „ôнъ и такъ не будетъ преученымъ.“ Замѣтилъ тое Романъ и не гнѣвался за то.

„Не придается до ничого“ говорилъ отецъ-помѣщикъ „если выростетъ лишь въ господарствѣ отця. Що въ тôмъ доброго, то тое лучшое пойметъ, если повернетъ, а до старыхъ блудôвъ не потребно ему привыкати. Свѣтъ поступаетъ, нехай и господарь будетъ образованъ. Радъ буду зъ молодика, если будетъ розсуднѣйшимъ ôтъ мене.“

Жена помѣщика хитала головою. „Щобы лишь добрымъ былъ, а безъ розсудка обойдется!“ примѣтила она „бôльше не нужно намъ, якъ маемъ. Я собѣ желаю для сына лишь Оли. Богъ нехай насъ сохранитъ ôтъ розсудной невѣстки свѣтовой.“ Дѣдичъ приложилъ палецъ до устъ. „Тутъ не мѣшайся“ сказалъ ôнъ „сопружества заключаются въ небѣ, преждевременная бесѣда розрываетъ ихъ.“.

Романъ былъ радъ, що въ дальшой сторонѣ могъ обучатися и бôльше свѣта познати, чимъ родинное село. Потокъ дитинства перебѣгъ свою пространь, теперь гнали волны въ рѣку, щобы впасти въ широкое море.

Первый разъ роздѣлились дороги о-

НАШИ ПОСЛЫ.

(Продолженіе.)

Николай Герасимовичъ.

бохъ другôвъ. Было то обомъ тяжко, привязались бо вѣрно до себе а дитинній споръ уступилъ мѣстце лучшой вырозумѣлости.

Они вправдѣ неразъ еще спорили межи собою, но изъ тыхъ спорôвъ выростала пріязнь, всегда бо росходилось о рѣчь а не о личность. Никоторый изъ нихъ не обавлялся поддавати своего мнѣнія супротивленію другого, тожь тое дерево спора приносило цвѣты и плоды лучшого и яснѣйшого познанія.

„Широкій и великій свѣтъ лежитъ передъ нами“ говорилъ Володко, ступаючи въ задумью по нивахъ Липовицы, „а однакъ тая долина тутъ останетъ — яко точка выхода. Мы оба повернемъ тутъ. Чи то, що мы принесемъ съ собою, родинное мѣстце роширишъ или сменшитъ!«

„Мы дожіемъ того а тогды увидимъ“ отвѣтилъ Романъ съ улыбкою „но я думаю, жо если останемъ такими самыми, тогды и тая Липовиця не будетъ иначе намъ представлятись, якъ теперь.“

„Я свою жизнь уже тутъ совсемъ уложилъ“ продолжалъ Володиміръ.

„Що то поможетъ! Часто иначе событія укладаются. Но розскажи же все.“

Володиміръ однакъ сдѣлалъ рукою отклоняющое движеніе и склонился изъ стежки надъ нивою, щобы сорвати нѣсколько цвѣтôвъ для Оли. Романъ свисталъ собѣ безжурно якую-то пѣсеньку.

Въ однôмъ дни должны были оба юноши ôтъѣхати, — Володиміръ до семинаріи духовной.

Тогожь дня прійшолъ Романъ на приходство.

„Завтра, коли буду туда переѣзжати“ говорилъ ôнъ, „попращаюся, до послѣдной бо хвили мушу быти съ моимъ отцемъ. Съ тобою Володиміръ пращаюсь уже нынѣ.“ Послѣ ôнъ съ много значительнымъ взоромъ свернулся къ Олѣ съ словами: „То ничь доброго не ворожитъ на день, если ôнъ съ дождемъ начинается.“

Дѣвиця поняла добре его мысли и боронилась ревно. „Я не буду плакати, чого? Не розстаемся на жизнь и смерть, а Володко будетъ писати.“ Такъ ôтдаляла ôтъ себе Оля тоску, котора поневольно ею обгорнула; она рѣшила собѣ, быти сильною и статочною. Плачъ выдался ей чимъ-то мягкосердным, не хотѣла того, а розваживши добре, подумала она, що жизнь и такъ хороша, безъ Володка, который въ прочемъ и такъ занятый былъ бôльше книгами и своими дѣлами. Она не будетъ такъ за нимъ тужити и не нужно ей плакати...

Стояли всѣ пôдъ липою, приходникъ съ женою, Володко и Оля. Бабка обнимала обоима руками внука, старый священникъ благословилъ рукою по головѣ того-же. „Нехай тебе Богъ провадитъ, сыну“ сказалъ ôнъ искренно, „повертай снова достойнымъ своего званія и вѣрнымъ самъ собѣ. При милости божой будешь мнѣ помагати въ душпастырствѣ а потомъ може займешь мое мѣстце...“

„То ôнъ маетъ быти тутъ священникомъ, такій молодый?“ кликнула Оля, мало невстревоженна, „жаль, що не будешь тогды разомъ моимъ дѣдунемъ, бо съ братомъ и сестрою будетъ конецъ, а я должна буду мати почтеніе передъ тобою.“

Уста старой женщины дрогнули легкою улыбкою изъ того наивного примѣчанія, а приходникъ сказалъ: „Май всегда передъ нимъ почесть, якую любовь приказуетъ, она не выключаетъ никого, ни брата, ни сестры, ни друга, а кто нею руководится, николи не дѣлаетъ и не желаетъ за много и за мало.“

Потомъ же свернулся сновь до Володка: „Еще разъ, нехай тебе Богъ благословитъ. По четырехъ лѣтахъ, надѣюсь, свидаемся, а може и скорше, если обстоятельства такъ благополучно сложатся, що и зъ чужины дозволятъ тобѣ насъ посѣтити.“

„Четыре лѣта — то долгое время!“ примѣтила старушка.

„Мало не четыре разы пережила я по четыре лѣтъ, а якъ скоро они перейшли“ потѣшала Оля „четыре лѣта скоро минутся.“

„Якъ кто на нихъ задивляется“ призналъ Володко, „мене будетъ утѣшати, если веселость и счастье тобѣ ихъ скоротятъ, я же буду заниматись наукою, трудомъ, и надѣятися на поворотъ“ додалъ ôнъ самоувѣренно, скрѣпляючи свое твердое рѣшеніе.

Поцѣловалъ ôнъ руки старыхъ прародителей, тоже устъ Оли тронулся ôнъ братскимъ поцѣлуемъ, который она горячо ôтдала.

Володко склонился еще всѣмъ, обернулся скоро и пошолъ не оглядаючись дорогою къ горѣ, щобы пѣшкомъ добратись до стаціи.

Старыи стояли и дивились за нимъ долго, поки могли его видѣти, а и потомъ сидѣли еще пôдъ липою. Домъ здавался быти пустымъ безъ него. На дворѣ, на краснôмъ божôмъ свѣтѣ казалась имъ розлука не такъ далекою; той самый вôздухъ вѣялъ на нихъ.

Оля войшла въ огородъ. Ей въ комнатѣ было якъ-то тѣсно, внутренній непокой, для ней непонятный, гналъ ею въ уединеніе. Она всегда собѣ думала: „Будетъ такожь добре и безъ Володка, четыре лѣта то не долго, а ôтъ поры, коли посѣщалъ школы, не много разôвъ тутъ былъ.“ Но на тыхъ немногихъ ра захъ зависли ей мысли. Бывало неразъ, то тутъ, то тамъ, ходила она на проходъ съ нимъ и съ Романомъ и не одну годинку наговорилась съ нимъ. И Ромко добрый, если прійшолъ, розвеселилъ Володка, и такъ съ веселымъ молодцемъ розтаялся серіозный замкненный Володко и былъ инымъ человѣкомъ.

Такъ, они принадлежатъ до себе, якъ день весенній съ свѣтломъ солнечнымъ, ихъ мысли были случены, но она не розсудила того, що солнце дѣлаетъ кождый день яснымъ, и що при поровнанію братъ оставалъ укорочнымъ. Ей не приходило на гадку поровнати. Еслибъ то сдѣлала, она можебъ розлучила то, що теперь цѣлою душею разомъ обнимала.

Повольно прохождала она по стежкахъ въ огородѣ и станула коло брамы. По дорозѣ долженъ былъ Романъ надъѣхати, если изъ двора коло приходства малъ до мѣста удатись. Она занялась роботою на грядкахъ. Красный высокопенный корчъ рожи стоялъ на серединѣ грядки округлой. Выросъ ôнъ такъ величаво изъ той маленькой рожи, котору давно Володко ей даровалъ.

Безмысленно сорвала Оля рожу изъ корча, и стояла такъ съ рожею въ руцѣ, которую оперла на поручь брамы, коли возокъ дворскій дорогою котился. Скоро ею Романъ узрѣлъ, выскочилъ изъ возка, повелѣлъ повозчику дальше ѣхати и на кôнци села на него ждати, перескочилъ черезъ плотъ и станулъ передъ дѣвицею.

„Пращайте, Олю“ сказалъ ôнъ, подаючи ей руку, „я ôтъѣзжаю, буду дуже тужити за вами.“

„А я за вами“ отвѣтила она скоро.

Ôнъ попросивши о рожу, взялъ ею изъ ей рукъ.

„Прошу, посѣтѣтъ коли частѣйше моихъ родичей“ продолжалъ ôнъ, „потѣшѣтъ ихъ; если сомнѣваются, чи изъ мене будетъ що доброго и розумного, то промовьте за мною. Я самъ того сдѣлати не могу. Лучше, не давати многихъ обѣщаній; добрую волю и охоту маю, а зеленое поле о много бôльше нравится мнѣ, чимъ школьная лавка.“

„Я вѣрю“ отвѣтила она „повертайте скоро назадъ.“

„Нѣсколько лѣтъ таки буду на чужинѣ.“

„То долго“ сказала она тихо.

„Я тутъ потомъ о много долше остану“ увѣрялъ ôнъ.

„Гмъ, потомъ однакъ уже будетъ по дитинствѣ.“

Романъ засмѣялся.

„Я думаю, що уже перейшло дитинство“ додалъ ôнъ серіозно „по крайной мѣрѣ тое, которое числится по лѣтамъ, другое задержимъ собѣ на всегда.“

„Такъ, я то желаю“ увѣряла она „будьмо и на дальше якъ дѣти добрыми для себе.“

Она поднесла свои синіи очи и смотрѣла въ невинности на него. Романомъ овладѣло чувство, которое наполнило его

необъяснимою но, благотворною теплотою, чувство подинмающое душу и перемающое цѣлого человѣка.

„Хочемъ того всѣ“ сказалъ ôнъ, „любѣмся межи собою якъ дѣти, якъ добрыи дѣти.“

Ôнъ подалъ ей еще разъ руку и спросилъ ею, чи не могъ бы попращатись съ старыми на приходствѣ, и где могъ бы ихъ встрѣтити.

„Передъ приходствомъ“ отвѣтила она, но съ нимъ не пôйшла. Ôнъ склонился еще разъ и удалился.

„Будетъ таки скучно безъ Володка и Романа“ подумала она и въ очахъ ей выступили слезы. Но вскорѣ она опомнилась и — на будущность хотѣла снова быти веселою.

(Прод. посл.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древнія церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священни ческіи

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Въ презентаційной грамотѣ патрона-дѣдича Станислава Вислобоцкого, выданной для церкви построенной на свѣжôмъ корени села Саска, презентуетъ реченный патронъ-дѣдичъ епископу Львовскому, Галицкому и Каменецкому, а разомъ и Архимандриту Уневскому Варлааму Щептицкому, Петра, сына Якова Вариницы, священника Дмитровского, до священнического званія аспирующого и ôтъ людей добрыхъ зъ науки, добродѣтели и богочестивости захваленного*), и призначаетъ его до новосозданной вѣнованной церкви съ приданными ей грунтами, сѣножатьми и всякими доходами, упрашаючи выше названного епископа, щобы изволилъ того кандидата посвятити и поставити яко правного въ той парохіи священника.

Грамота тая выставлена въ селѣ Сасцѣ на дни 3-го Януарія 1718. Еще выразительнѣйше является тая змѣна условій и формы презентаціи — въ сровнанію съ презентаційными грамотамъ попереднихъ столѣтій, въ которыхъ о купнѣ поповства, о льготахъ и тягарахъ съ чиномъ приходскимъ злученныхъ, говорится — въ презентаційной грамотѣ изданной въ Краковѣ пôдъ днемъ 16-го Августа 1735 черезъ дѣдичку села Дрогоева, Антонину зъ Дрогоева на Дрогоевѣ Ксенску, подчашиню Вислюнскую. Презентація тая адресованна съ апострофою до тогдашного епископа Перемышльского, Самборского и Саноцкого, Гіеронима зъ Унихова Устрицкого, признаетъ наслѣдіе при церквѣ храма Покрова Пресвятой Богородицы, Стефану Оробкевичу, по послѣдовавшой смерти Григорія Оробкевича, бывшого до того времени пресвитеромъ Дрогоевскимъ (вѣроятно отця новопрезентованного Стефана Оробкевича, хотяй о тôмъ, щобы ôнъ былъ сыномъ усопшого пресвитера Григорія, въ грамотѣ не упоминается, що служити можетъ за доказъ, що мотива презентаціи вообще въ сровнанію съ тыми попереднѣйшихъ столѣтій, уже кардинально змѣнилися.)

Реченного кандидата представляетъ дѣдичка-патронка Дрогоевска, епископу Ieрониму Устрицкому въ той цѣли, щобы посвятилъ того-жь на пресвитера той церкви, и установилъ его при ней своею епископскою властею. Вмѣсто купна или права наслѣдія подается тутъ яко мотивъ презентаціи захваленіе кандидата изъ стороны людей достойныхъ вѣры, которы признавали ему отвѣтную квалификацію такъ въ моральныхъ якъ и интелектуальныхъ ôтношеніяхъ. („Umyslilam prezentować uczciwego Stefana Orobkiewicza dobrze sobie od ludzi wiary godnych w postępkach życia, z trzywzości, umiejętności (sic) tak w słowianskich jak i polskich szkołach (sic) dobrze cwiczonego.«

Упрашаетъ дальше епископа Перемышльского, щобы ему надѣлъ власть администрованія сакраментôвъ, т. е. св. Тайнъ, такъ якъ патронка ему а не кому иному надаетъ грунтъ церковный (grunt poświętny) съ огородомъ изъ давна священникамъ принадающимъ, съ скопщиною ôтъ кождой чверти поля селянского, съ правомъ употребленія пасовиска, удерживанія пчелъ въ пасѣкахъ и пр. За тіи всѣ льготы и корысти надаетъ дѣдичка-патронка Дрогоевска ново-поставляемому приходнику обовязанности: „щобы до скончанія жизни своей оставалъ въ соединенію съ церковью римско-католическою, и проводилъ своихъ прихожанъ къ чимъ разъ крѣпшому церковному соединенію.“

Замѣчательною есть условленная обовязанность, при кôнци сей грамоты вложенная на ново-поставленного пресвитера, а то: веденія метрики крещенныхъ, вѣнчанныхъ и усопшихъ (tem warują, aby miał księgi metrykalne, w które ma wpisować krzczonych, y ślub biorących i zmarłych).

Такъ тягары привязанныи до приходствъ, уступаютъ моральнымъ, священническому званію и веденію душпастырства отвѣчающимъ требованіямъ. Происходитъ тое освобожденіе ôтъ тягарôвъ не безъ трудностей даже въ добрахъ королевскихъ и магнатскихъ, а доперва съ временемъ въ добрахъ принадлежащихъ поменьшимъ помѣщикамъ. Такъ дѣдичъ села Затвардницы (нынѣ въ староствѣ: Лѣско) доперва Василія Папчикевича, поповича Береговского, презентованного до той-же парохіи по смерти Петра пресвитера Затвардницкого, грамотою изданною въ Роспустью на дни 1-го Марта 1749, освобождаетъ ôтъ плаченія чинша до двора, выносящого по 6 золотыхъ въ годъ, приналежного ôтъ полланка роли, которую священники Затвардницкіи употребляли; королевичъ же польскій Яковъ Людвикъ, сынъ бывшого короля польского Іоанна III Собеского, видѣлся приневоленымъ издати манифестъ въ Жолквѣ пôдъ днемъ 22 Липня 1735 до посессорôвъ и громадъ своихъ пространныхъ посѣлостей (jako pan dziedziczny na Żółkwi, Pomorzanach, Złoczowie i Tarnopolu), по причинѣ великихъ агравацій, поносимыхъ духовенствомъ русскимъ ôтъ посессорôвъ и громадъ. »Przedłożona nam suplika od duchowieństwa rit. gr. uniti w tych włościach naszych, jako od niektórych posesorów nad prawo im służące i konstytucye, wielkie cierpią agrawacye, kiedy ich do płacenia niezwykłych exakcyj robocizn, czynszów, dziesięcin i innych powinności zarówno z pospólstwem i gromadami pociągają i samych kapłanów i innych cerkiewnych ministrów sobie usługi odprawować przymuszają.“

Вслѣдствіе той жалобы реченный королевичъ приводитъ въ память, що требованіе всѣхъ тыхъ тягарôвъ и служебностей, побираемыхъ ôтъ русского духовенства, яко разъ снесенныхъ, запрещается, и що духовенство русское уже соединенное съ церковью римскою, на ровнѣ съ духовенствомъ латинскимъ дотычно льготъ и общественного становища поставляется. »Żeby pomienieni kapłani r.gr. w przerzeczonych włościach w tejże czci i poszanowaniu jako ritus romani zostając, podobnymi prerogatywami stanowi swemu przyzwoitymi zaszczycali się i nie byli pociągani od posesorów, gubernatorów, mieszczan i pospólstwa do żadnych ciężarów, jako też czynszów, dziesięcin pszczelnych, owczych, bydlęcych, rogowego, podwód, dawania myta w dobrach naszych i targowego, by nie byli pociągani. także uwalniamy tychże najłaskawiej od poborów, stacyi żołnierskich, chlebowych i pieniężnych jakoteż od innych składek miejskich i sielskich z gruntów cerkiewnych poświętnych wolnymi czynimy, zachowując ich przy gruntach i dochodach cerkiewnych, króre ex antiquo do cerkwi i kapłanów należą.«

Такъ было въ практицѣ, въ теоріи же уже реформа началась, къ чему дали инициативу самыи епископы львовскій и перемышльскій, и соборъ Замостскій совершившійся г. 1720, первый дотычно у

---

*) „Uczciwego Piotra, syna WO. Jakóba Warenicy, duchownego Dmitrowskiego, aspirującego do kapłanskiego stanu, mając, (go) sobie zaleconego z nauki, cnot i pobożności chrześcianskiej« суть слова той презентаційной грамоты.

Аллегорія музыки.

Глинскій передъ судомъ бояръ.

Картина Єзерского.

правильненія малыхъ бенефицій, къ чему отпоручены были визитаторы, другій дотычно приписаній квалификаційныхъ для убѣгающихся о бенефиціи, о чемъ теперь намъ близше говорити слѣдуетъ.

(Прод. посл.)

НА ПОДОЛЬЮ.

Изъ пригодъ жениха.

Кажутъ, що все лучшое ôткрывается случайно. Идешь туды — а тутъ случайно попадешь па дѣло, которого ты и не надѣялся; приглянешься — ба! Дѣло представляется не лишь ничого, но таки блестательно. Такъ настали и всякіи изобрѣтенія.

И менѣ случилось то въ пору, коли мене по окончанію моихъ студій, любезный своякъ, парохъ въ однôмъ изъ подольскихъ селъ, на силу выслалъ до села Женихова, щобы покончити дѣло женитьбы.

„Не жди, небоже“ говорилъ до мене своякъ, запалюючи люльку, „ждати уже годѣ! Крайная пора. Вели запрягати конята и санками до Женихова! Скажи же самъ, чого будешь ждати? Га?“

„Правда... ничого ждати...“

„А видишь! А! Хиба она тобѣ не по мысли?“

„И то нѣтъ.“

„Ну, ну! И еще сидишь! Перебѣгнетъ тебе кто нибудь и пиши пропало. А дѣвиця — изъ кождого взгляда примѣрна. Господарна... я кажу запрягати и конецъ!“

И своякъ взялъ кучму и выйшолъ на обору.

„Гей Стефане“ взывалъ ôнъ повозчика, старого Стефана „запрягай! Оброку набери на два-три дни!...“

Я уже сижу въ санкахъ, закутанный въ кожухъ. Вечеръ уже-уже сближается. Снѣгъ искрится на поляхъ.

Правда, въ такіи дни ѣдется пріятно. Маютъ и зимовыи дни свою прелесть. Кожухъ теплый, кучма также, и лишь любуйся то игрою барвъ на горизонтѣ, то комичными движеніями круковъ, що скачутъ по снѣгу, то чепурными конятами, що мѣстцями на зрубахъ воду попиваютъ, словомъ съ журбою роспращайся.

Щожь? Коли судьба измѣнна! Туда стремишь, а где инде заѣдешь.

Въ первыхъ потемнѣло уже на добре. И вѣтеръ начинаетъ протягати, а дальше и платочки снѣгу падутъ, потомъ задуваетъ, завиваетъ — метелиця настала страшна! Въ округъ темно; я ледво могу лишь розличити шапку Стефана. Конята однакъ бѣжатъ, хоть зъ дороги и слѣду уже нѣтъ.

„Стефане“ кажу „чей намъ не заблудити теперь!“

„И гадки не майте!“ говорилъ Стефанъ „конята знаютъ на слѣпо дорогу.“

Долго такъ гнали кони, коли на разъ роздался трескъ. Сани пристали.

„Ого! А то що?“ пытаю Стефана.

„Ничо, ничо“ кажетъ Стефанъ „то лишь такъ! Рампа на дорозѣ.“

„Рампа? А гдежь на нашой дорозѣ до Женихова рампа?“

Мы зступили изъ саней.

„Стефане, тутъ бо дышель сломаный!“

„Сломаный?“

„Гей! Куда ты заѣхалъ?“

„Ну, ну, розглянемся.“

„А тутъ що? Стѣна якой-тамъ хаты.“

„Хаты?“ говорилъ Стефанъ, пробуючи бичемъ о стѣну. „Правда, що то хата. Отъ якъ разъ и есть. Загрѣемся при печи. А то уже человѣкъ замерзъ!“

Не было рады; ѣхати дальше не можно. Мы взялись глядати дверей. Въ хатѣ было темно. Стефанъ началъ добиватись до ôкна. А была то досыть порядочная хатина.

„То, здается, хата вôйта“ говорилъ Стефанъ, „лишь заспали-жь они! Гей! Отвирайте!“

Въ хатѣ дался почути стукъ.

„А кто тамъ?“

„Отвирайте!“ кричалъ Стефанъ „студѣнь велика!“

„А ктожь тамъ? Га?“

„Увидите кто.“

„Корчма не тутъ, а дальше, на кôнци села!“

„Намъ не до корчмы дѣло.“

„А до кого?“

„До васъ. До вôйта.“

„Я не вôйтъ. Вôйтъ дальше коло корчмы.“

„А ктожь вы?“ пыталъ теперь Стефанъ.

„Я пасѣчникъ Илько.“

„Ай! Мы того и глядаемъ! Хотѣли у вôйта меду купити, та съ нимъ годѣ где добити торгу. Ану, отвирайте, купимъ хоть бочку.“

„По ночи тягаются! Га!“ бурмотѣлъ Илько, но таки за хвилю заяснѣло свѣтло въ хатѣ. Я изъ любопытности посмотрѣлъ черезъ окно. При печи стоялъ человѣкъ присадистой стати, съ накиненнымъ тымчасово кожухомъ на плечи; его долгій ясный волосъ спадалъ въ неладѣ на рамена; на костистôмъ широкôмъ лици виднѣлъ пôдстриженный усъ. Ôнъ держалъ въ руцѣ скипы и ôтвёрнувши немного лице ôтъ дыма, подалъ внизъ скипы, поки не розгорѣлись ясным поломѣнемъ. Послѣ ôнъ сложилъ ихъ на припечку и выйшолъ, отвирати дверь.

„Морозъ“ сказалъ ôнъ, коли двери отворились, и теперь натягнулъ ôнъ на себе кожухъ.

Старый Стефанъ прибрался просто до огня. А была то занимательная личность. Старый а всегда верткій. Родился на Гуцулахъ, въ молодыхъ лѣтахъ зайшолъ на роботу въ Подолье и тутъ таки осталъ.

Мы сѣли при огни и немного загрѣлись. А Стефанъ того лишь и желалъ. За то Илько началъ чимъ разъ бôльше вопросительно поглядати на насъ. Мôй повозчикъ наложилъ люльку и началъ припекати въ огни. Настала хвиля молчанія; кождый чувствовалъ, о що росходилось, а начати якъ-то не было по дѣлу. Стефанъ и поглянути якъ-то не смѣлъ на пасѣчника, лишь смотрѣлъ съ улыбкою въ огонь, и хвилями сильно ôткашлянулъ.

„Хе!“ началъ наконецъ мôй повозчикъ, ôткашлянувши еще разъ „человѣкъ и захрипъ уже, така студѣнь!“

„Правда“ отвѣчалъ Илько, поправляючи огонь „въ день было ѣхати, не ночами. Лишь якъ вы туда и добрались до мене?“

„Або що?“ пыталъ сновь Стефанъ.

„Якъ що? Та-жь моя хата мало не въ вертепѣ. И въ бѣлый день годѣ туда добратись.“

„Ге, ге, такіи, видите, конята мои!“

„Ну! Добре — если такъ! А все-жь диво, бо и рѣка, не знаю, чи замерзла. Гараздъ, що не потопились.“

„Осторожно!“

„А вы зъ далека?“

„А тутъ зъ сосѣдного села.“

„А у насъ еще не бывали?“

„Колись, давно, а то вже и не памятаю, якъ селу на имя. И васъ гдетамъ я давно чи видалъ, чи таки добре зналъ. Но що? Жіешь, жіешь —“

„Гмъ...“ перервалъ Илько, розглядаючись по хатѣ „переночовати бъ васъ! А тутъ у мене и нѣтъ такого способу...“

„Такъ, такъ, свате любезный! Хоть покотомъ на сѣнѣ. Бѣда въ ночи заблуди...“

Тутъ Стефанъ якъ-бы опомнился, и не докôнчилъ слова.

Но выхода уже не было. Стефанъ стоялъ на серединѣ комнаты и потягалъ силою дымъ изъ люльки.

„Счастье, що не потопились“ началъ теперь Илько, который, здавалось, уже догадался всего, „вода глубока а мѣстцями еще и не примерзла!“

„Еге!“ удивлялся Стефанъ.

„Передвчера еще жидокъ одинъ перебирался туда и мало не погибъ. Ледво вытащили санки изъ леду.“

„Бѣда съ такими водами.“

„Тамъ вижу замело снѣгомъ“ говорилъ пасѣчникъ, позираючи черезъ ôкно, „тому вы и слѣдъ затратили.“

„Въ зимѣ всякого дожіешь!“

„Ну, ну“ улыбался уже теперь пасѣчникъ, „завтра выведемъ васъ на дорогу.“

„А цыганы суть у васъ?“ пыталъ мôй повозчикъ.

„Цыганы?“ и тутъ Илько удивленъ, поглянулъ на Стефана.

„Такій цыганъ — ковалъ!“

„Коваль? А до чогожь вамъ?“

„Гмъ! Завтра свято и зъ нашихъ кто возьмется за роботу?“

„Хиба...“

„Звычайно: блудъ. Заѣхали дышлемъ просто въ вашу стѣну и дышель тарахъ!“

„Ай, ай!“

„Лиха не объѣдешь; метелиця была а до того еще въ ночи. Свѣта божого не видишь.“

„Чи не бываетъ всяко!“ говорилъ Илько, махнувши рукою и вытягнувши изъ за колнѣра люльку. „Горами, правда, також блудъ чепается, но у насъ на ровнинахъ, якъ слѣдъ запропастишь, то готовъ въ колесѣ по поляхъ заѣхати назадъ до своей хаты, а ты, кажетъ, на ярмарокъ потягалъ.“

Илько сталъ улыбатись, и при огни потягати по не много дымъ изъ люльки а по его выразѣ лиця я позналъ въ немъ хвилю, въ которой селянину приходитъ его веселая стихія.

Ôнъ забирался по видимому розсказати еще щонибудь, но тутъ дался почути голосъ пѣвня.

„Ого! А вы еще и не спите!“ сказалъ ôнъ и выйшолъ въ сѣни. Тутъ роздалось еще якое то ворчаніе.

„Тихо, Дунай, спи!“

За хвилю войшолъ Илько съ сѣномъ а за нимъ притягнулся поволи въ хату величезный кудлатый песъ и положился тихо пôдъ лавою.

Огонь примеркнулъ, въ хатѣ стало тихо. Мы поклались на сѣно и я долго еще не могъ заспати. Личность Илька занимала мене еще и теперь; такимъ сельскимъ типамъ я радо приглядался.

Що сталось дальше съ моею поѣздкою въ сваты, розскажу инымъ разомъ.

——

Мадонна делля Седія.

(Конецъ).

Все то было выполнено въ продолженію года, и выполнено такъ, що папа приказалъ сбити въ сосѣднихъ саляхъ готовыи картины другихъ живописцевъ, и поручилъ Рафаелю, создати новыи. И вскорѣ украсили Ватиканъ новыи картины: „Чудо въ Мольсенѣ,“ „Атилля въ Римѣ“, „Изгнаніе Иліодора изъ Храма“, и „Освобожденіе Петра изъ темницы.“ Вообще благородное выполненіе, красота формъ, гармонія, внутренная и внѣшная чистота и спокойствіе — то отличительныи черты картинъ Рафаеля, удивительно законченныхъ, проникутыхъ духомъ христіанства и въ то-же время, античныхъ. Клясическая древность Рима давала ему постоянно матерьялъ для изученія античныхъ формъ. Сначала роботы его нѣжны, но потомъ дѣлаются смѣлѣйшими, величавыми; богатство творческой силы неистощимо у него. Фрески и картины въ ватиканскихъ льожахъ и аркадахъ сдѣланы по его помыслу. Декоративная живопись въ древне-клясическôмъ стилю, покрывшая столбы и стѣны льожъ, представляетъ безконечную игру фантазіи въ самыхъ изящныхъ комбинаціяхъ. — Изъ дальшихъ картинъ его замѣчательны: „Морская побѣда христіанъ надъ Сараценами въ гавани Остіи,“ „Пожаръ въ Борго“, „Коронованіе Карла Вел.“, „Пораженіе язычества Конст.“ Мадонны его розброшены по различныхъ европейскихъ музеяхъ пôдъ различными названіями, якъ: „Мадонна де Фулинія“ „Делля Седія“, „Дель-Пече“, и пр. — Высшимъ однакъ проявленіемъ генія Рафаеля считается безспорно Сикстинская Мадонна (Дрезденъ). По всеобщому мнѣнію всѣхъ знатокôвъ искуствъ то—геніальнѣйшое изъ произведеній, коли либо выходившихъ изъ рукъ человѣческихъ. Писанная сразу безъ всякого подготовительного ескиза, она изображена такою, якою явилась ему во снѣ.

Великое вліяніе на Рафаеля мала дочь римского пекаря, извѣстная пôдъ именемъ булочницы (la Fornarina). Красота ей была давно извѣстна среди живописцевъ; молодыи живописцы и скульпторы нерѣдко ходили къ дому ей отця, любоватись видомъ красавицы, любившой сидѣти за низкою каменною стѣною, на берегу Тибра въ отцевскôмъ садѣ. Товарищи Рафаеля давно звали его любоватись римлянкою, но ôнъ не находилъ такъ интересныиъ женскую красу, щобы бѣгати за нею по улицяхъ. Знатныи дамы Рима смотрѣли благосклонно на Рафаеля, но ôнъ ôтносился къ нимъ совершенно ровнодушно, и любилъ лишь искуство. Майже такоеже положеніе занимала Форнарина, отвергнувшая любовь аристократіи, привлеченной ей удивительною красотою. Наконецъ разъ имъ довелось, по настояніямъ друзей, увидѣти себе. Въ его сердцѣ вдругъ вспыхнула безумная страсть къ Форнаринѣ. Ôнъ заперся въ своей комнатѣ, черталъ по памяти ей лице, пересталъ выходити, не пускаючи къ собѣ никого. Окончательно она съ любви уйшла до Рафаеля, оставивши родительскій домъ. Съ тыхъ поръ ôнъ не розставался съ нею до смерти. Робота закипѣла, кольоритъ сталъ жизненнымъ и теплѣйшимъ. Вліяніе дѣвицы, овладѣвшой всѣми его мыслями, было громадное. Исчезновеніе ей въ моментъ его смерти вызвало легенду, що то была не женщина а геній-муза, ниспосланная ему свыше. Рафаель умеръ, не окôнчивши своего „Преображенія“, одного изъ лучшихъ его произведеній. И домъ, где жилъ Рафаель, и домъ, где родился, бережно хранятся до сихъ поръ, особенно домъ его рожденія въ Урбино.

——

ТЕЛЕСКОПЪ-ВЕЛИКАНЪ.

Д-ръ Емиліянъ Савицкій.

(Конецъ.)

Доперва коли Доллондъ (1757 г.) показалъ, що комбинація двохъ сочевокъ изъ розличного рода стекла (изъ такъ зовимого флинта и крона) есть приблизительно ахроматическою, отворилося для рефракторôвъ весьма обширное поле. Особенною славою пользовалися рефракторы Фраунгофера, Мерца и Повелья. Къ тому розряду принадлежитъ также на нашôмъ изображенію (ст. 13) представленный великанскій рефракторъ обсерваторіи Лика*) въ Калифорніи, самъ бôльшій изъ многихъ, якіи до сихъ поръ существуютъ. Стекло ôтлито по различныхъ неудачныхъ пробахъ, которыи цѣлый годъ тревали, въ славнôмъ заведенію Feil въ Парижи, шлифованіе же тревало около 1½ года у Howard Grubb-а въ Дублинѣ. По ôтшлифованію важитъ сочевка 638 фунтôвъ и маетъ 36“ въ діаметрѣ. Труба, въ которой осаджено тое дорогоцѣнное стекло, есть 50' долга и сдѣлана изъ сталевой бляхи. Она почиваетъ на желѣзнôмъ столбѣ вѣсомъ 36000 фунтôвъ а такъ высокôмъ якъ трехетажный домъ. На столбѣ есть насада, въ которой вправлена ось двигающая трубу. Ось изъ стали важитъ 2800 фунтôвъ, и маетъ направленіе оси земской. Цѣлость помѣщается пôдъ куполомъ желѣзнымъ, въ которôмъ есть отверстіе около 1½ метра въ ширинѣ. Куполъ двигается, мимо своихъ громадныхъ розмѣрôвъ и огромного вѣса, весьма легко на колесахъ и рельсахъ, такъ, що наблюдатель одною рукою въ состоянію повернути его отверстіемъ въ тую сторону неба, которую наблюдати хочетъ. Такъ-же легко движимый и телескопъ. Замѣчательный еще и фотографическій апаратъ, который можна прикрѣпити къ долѣшной части

---

*) Ликъ (Lick), которого издержками обсерваторія основана, былъ по происхожденію нѣмецъ, переселившійся въ Америку. Различными торговельными предпринятіями въ сѣверной Америцѣ, Бразиліи и Аргентиніи, доробился до 40000 долярôвъ, а повернувши до Санъ-Франциско, началъ куповати землю, которая тогды въ сей окрестности была весьма дешева. Но вскорѣ начали строити черезъ тую область желѣзную дорогу (Pacific) а цѣна земли увеличилася паразъ въ 100 и 200 разъ. Ликъ сталъ въ скорôмъ времени миліонеромъ, жертвовалъ на многіи научныи цѣли, межи прочими основалъ обсерваторію и завѣщалъ для ней достаточный фондъ. Положеніе обсерваторіи среди парка, на горѣ, въ чистôмъ воздусѣ, не находитъ собѣ подобного въ мірѣ

трубы, если намѣряется сняти фотографію одной части звѣздного неба.

Фотографіи луны извѣстны уже давно. — Еще Араго подалъ (1839 г.) мысль первому изобрѣтателю Дагеру (Daguerre), фотографовати луну, но доперва въ 1850 г. удалося сняти первую удачную ей фотографію. Коли же усовершеною остала фотографія черезъ введеніе коллодіоновыхъ пластинокъ, то и ей значеніе для астрономіи стало далеко важнѣйшимъ, и многіи, полагаемъ, видѣли уже фотографіи луны, которы ôтъ 1857 г. находятся въ продажи и численныхъ репродукціяхъ. За нѣсколько секундъ получаемъ образъ луны далеко вѣрнѣйшій и полнѣйшій, чимъ всѣ до теперь существующіи карты Шмида, который посвятилъ 30 лѣтъ неутомимого труда на ей начертаніе. На тôмъ и кончилось на разѣ примѣненіе фотографіи къ наблюдательной астрономіи.

Въ послѣднихъ годахъ однакожь сновь громко заговорила научная печать, именно французская, о фотографованію неба. Дѣло состоитъ въ тôмъ, що удалося приготовити пластины фотографическіи о небывалой чувствительности на вліяніе свѣтла. Ихъ называютъ бромо-желатиновыми сухими пластинками, для того, що желатина (родъ клею) пропитана солями бромистыми становитъ чувствительную верству, на которой извѣстнымъ способомъ творится негативный образъ дотычныхъ предметôвъ. — О чувствительности тыхъ пластинокъ нехай судитъ читатель изъ того, що ôтдаютъ они вѣрно образъ молніи, тревающой не долше надъ $^1/_{100}$ часть секунды, или образъ выстрѣленого ядра, пролетающого передъ стекломъ камеры. Мысль, воспользоватися тою чувствительностію для цѣлей астрономіи, принадлежитъ братьямъ Henry при парижской обсерваторіи; уже первыи пробы показали такъ блестательный успѣхъ, що директоръ тойже обсерваторіи, Mouchez созвалъ астрономôвъ цѣлого свѣта на конгресъ въ Парижъ, въ цѣли совѣщаній надъ способами, якими былобы возможно получити фотографію цѣлого неба. На отзывъ Французского ученого прибыло въ Парижъ около 80 найзнаменитшихъ астрономôвъ, нѣкоторыи съ полномочіемъ своихъ правительствъ, рѣшенія конгреса въ имени тыхже правительствъ безусловно приняти.

Не станемъ тутъ подробно тіи рѣшенія наводити, такъ якъ то завелобы насъ за далеко въ подробности, понятныи лишь для спеціалистôвъ, думаемъ однакъ, що не будетъ лишено интереса, отвѣтити на вопросъ: къ чему то придастся? Сущность дѣла состоитъ въ двохъ точкахъ: фотографія оказуетъ многіи подробности, которыхъ и въ найлучшôмъ телескопѣ окомъ не видимъ, затымъ въ полнôмъ змыслѣ дѣлаетъ невидимыи предметы видимыми, а въ вторыхъ, дозволяетъ астроному черезъ микроскопъ розслѣдити небо на фотографической пластинцѣ такъ-же точно, якъ черезъ телескопъ. На той дорозѣ ôткрыли астрономы уже множество новыхъ звѣздъ, а даже туманныхъ пятенъ, о которыхъ до недавна не знали. Если вознамѣренное дѣло совершится — що при содѣйствію знаменитшихъ обсерваторій приблизительно потреваетъ 15 лѣтъ — тогда оставитъ нашъ вѣкъ будущимъ генераціямъ лѣтопись неба точнѣйшую и богатшую, чимъ всѣ историческіи лѣтописи, на которыи складалися столѣтія.

—•—

ЕТНОГРАФІЯ.

4) Изъ области Тухольщины.*)

(Подаетъ М. И. Тындюкъ).

ТУХОЛЬКА и сосѣдніи села. Если Ты, любезный читатель, намѣряешь выѣхати где въ Маю на отдыхъ, совѣтую Тобѣ посѣтити Сколье вблизи Стрыя. Тутъ за послѣдное время собирается множество гостей львовскихъ, ради отдыха въ сей прелестной сторонѣ. Изъ Скольего сдѣлай при данной случайности прогульку въ верховинскіи горы; ѣзда трактомъ ажь на Бескидъ, до Угорской границы или въ самый городъ Мункачъ, оплатится — хотяй бы лишь для своей романтичности. На той пространи, якихъ четыре миль ôтъ Скольего, пôдъ значною горою Лѣзею, лежитъ село Тухолька. Глубшихъ преданій о такихъ названіяхъ якъ Тухля, Тухолька, Сморже, тутъ нѣтъ. Одинъ источникъ: „Ekstrakt generalnéj komisyi de anno 1738“, который зберегался на приходствѣ и былъ бы гдещо изъ старины розкрылъ, по нерадѣнію самого вѣроятно священника, где то запропастился.

Народъ въ той сторонѣ середного роста, но крѣпкого тѣлосложенія, въ своихъ дѣйствіяхъ неповоротливый, въ противоположности къ своимъ единоплеменнымъ сосѣдамъ — Гуцуламъ, у которыхъ замѣчается оборотность, ловкость и — въ сровнанію съ Верховинцями — высшая степень умственного розвитія. Не дивно прото, що одинъ русскій, изъ тамошнихъ сторонъ, пѣснотворецъ, такъ свою давну Коломыю величалъ:

„Ни за пышны Царгороды,
Ни за Угры и ихъ плоды,
Коломыѣ бымъ не далъ.“

Верховинецъ держится строго бывальщины, и тому всякая чужина и въ одежи, и въ домашнôмъ устройствѣ ему чужа. Церкви ставитъ питомый неграмотный Плавянинъ (Плавье), хату же кождый господарь самъ собѣ; жилища майже въ цѣлой Верховинѣ лишь курныи; комина нѣтъ, дымъ собирается въ хатѣ а щобы творомъ въ стели выходилъ на подъ, мусятъ двери хатныи быти отворены, хотяйбы на дворѣ былъ и найсильнѣйшій морозъ. Крыши на хатахъ и зданіяхъ господарскихъ, чрезвычайно спадисты а ставляются такъ съ розмысломъ, щобы снѣгъ, который въ зимѣ тутъ обыкновенно навальный, скорше усувался изъ стрѣхи, и щобы стрѣху вообше сберегчи ôтъ поврежденій.

Цѣлая одежь у мужчинъ и женщинъ есть издѣліемъ собственныхъ рукъ народа, съ изъятіемъ покрывалъ головы, до чого женщины употребляютъ бѣлыхъ, обыкновенно червоными пасами обведенныхъ, малыхъ обрусôвъ. Полотно, якого употребляютъ на рубатье, у Гуцулôвъ платье, досыть грубое; выдѣлка такъ мужеского якъ и женского платья тутъ въ Тухольцѣ такъ занимательна, що минувшого года одинъ професоръ краковскій, нарочно закупилъ довольное число рубатья. Тутъ сорочка мужчины маетъ роздѣлъ не на груди, якъ то обыкновенно встрѣчается въ иныхъ поселеніяхъ, но на плечахъ. Противно на груди подѣланы прехорошіи окрашенія, вышивки, нитками забарвленными или даже чорными; сорочка же женщины, роздѣлена на правôмъ рамени. Особенное вниманіе обращаетъ тоже способъ выдѣлки сподницъ, изъ грубого бѣлого полотна. Рубецъ сподницы въ поясѣ, сильно закладанный и сшитый, маетъ широту долони. Долиною выдѣливаютъ въ два или три обручи, свойственныи имъ гафты, вынимаючи поодинокіи нитки изъ полотна, а поодинокіи закрашаючи на чорно. Самымъ сподомъ пришиваютъ коронки, кльоцковой роботы, котры дѣлаютъ изъ бѣлыхъ грубыхъ нитокъ. Слѣдуетъ примѣтити, що такъ на сорочцѣ, якъ сподницѣ и бѣлôмъ фартуху, нѣтъ ни одной яскравой, червоной или иного якого цвѣта нитки съ изъятіемъ вставокъ (уставокъ) на верху раменъ.

Въ косы волося приплѣтаютъ косы изъ червоной волочки; долгіи косы преперезуются фартухомъ. Такіи переплетенныи волочкою косы носятъ дѣвочки почавши ôтъ осьми лѣтъ до старости. Жоны носятъ на головѣ округлую, изъ хустки здѣланную малую юбку, подобно якъ черногорцы, въ недѣли же и свята поверхъ того накрытія бѣлую хустку.

*) На запросы нашихъ читателей примѣчаемъ, що въ тую рубрику входятъ такъ описанія областей якъ и поодинокихъ селъ, образъ бо етнографичный одного села даетъ неоднократно пересѣчный образъ цѣлой области, безспорно встрѣчаются однакъ и въ кождôмъ селѣ мѣстныи характеристичныи черты, достойны зазначенія. — Названія и слова, употребляемыи мѣстнымъ народомъ, печатаются въ тôмъ отдѣлѣ — черенками спаціонованными. — Ред.

Рубатье ихъ всегда темное ôтъ дыму, до того добре и не перутъ его; неразъ и лучшій господарь, а сорочка на немъ цѣлая въ тряпкахъ. Въ зимѣ надягаютъ мужчины пôдъ сѣракъ, сшитый вздолжь плечей, короткій кожушокъ, женщины ходятъ безъ кожуха; втягаютъ изъ бѣлого сукна ногавицы, званныи на Буковынѣ opting=optincz. Одно чужое у нихъ — то коловоротки до пряженья, а другое деревянники, т. е. деревянныи, долотомъ долбанныи черевики; все то присвоили собѣ ôтъ мѣстныхъ кольонистôвъ Нѣмцевъ, которыи въ замѣнъ за то приняли ôтъ нашихъ селянъ накрытье головъ а мѣстцями и обгортку. Порода мужчинъ не весьма красива, но за то женщины ôтзначаются неоднократно необыкновенною красою. (Конецъ посл.)

Профессоръ и медикъ.

Гуморeска

Недолева.

Межи паперами моего друга найшлось нѣсколько листôвъ, которы о всемъ сбывшôмся сами найлучше розскажутъ

I.

Р. 20 Мая 18...

„Помнишь еще студенческіи времена?

Передъ пяти годами были мы еще многонадежными юношами съ ôткрытою перспективою въ будущность. Я оставилъ былъ тогда Львовъ — арену нашего студенческого буйства и выѣхалъ въ Вѣдень на медицинскій факультетъ. Нынѣ ты ботанизуешь съ школьною молодежею яко ученый уже профессоръ, а передомною еще одно ригорозумъ и свѣтлая будущность въ виду.

Все съ оного времени перемѣнилося и мы перемѣнились. Несокрушимою осталась лишь наша дружба и патріотическіи убѣжденія. Правда, ты порицалъ мене неразъ въ непрочности тыхъ убѣжденій и пророчествалъ, що они потеряются въ розгульной Вѣденской жизни. То именно твое сомнѣніе затронуло мою амбицію и я по пяти годахъ приношу Тобѣ съ письмомъ симъ живое русское чувство.

Перебываю настояще въ Мостисскôмъ для нѣскольконедѣльного отдыха по вторôмъ ригорозальнôмъ испытѣ. Сознаюсь тобѣ мôй Ярославъ, що пять лѣтъ вѣденской жизни и медицинскихъ студій, не измѣнили мене такъ якъ настоящіи мои феріи... Правда, моя чорная борода и густая чуприна не посивѣли и моихъ 35 лѣтъ не удвоились, но въ чорныхъ моихъ очахъ ты конечно замѣтилъбы феноменальную черту — черту сентиментальности!

Ксенофонтъ и сентиментальность! неправда ли, що одно съ вторымъ точно, якъ мужчина въ дамскôмъ платью или звучная струна цитры на контрабасѣ?...

Знаючи мôй веселый нравъ и сердечный холодъ, ты будешь смѣятися; но есть существо, которое овою сложностію радуется... Моя Юлія — моя несчастная Юлія, чувствуетъ себе счастливою!

Ты знаешь, що я не маючи удержанія, заручился на вторôмъ году медицины съ Юліею, дочерью польского дѣдича въ Мостисскôмъ. Тамъ есть много тысячей а я тымъ не пренебрегаю.

Прибывши изъ Вѣдня въ Мостиска, я утренною порою нанялъ повозчика и поѣхалъ къ моей Юліи. Погода стояла прекрасная и наполнила мене необыкновеннымъ чаромъ. Менѣ стали нравитися села, черезъ которыи я переѣзжалъ а именно обратила мое вниманіе въ переѣздѣ черезъ село Х. мхомъ поросшая крыша дома, окруженного съ трехъ сторонъ огородомъ и садомъ. Окно, що смотрѣло къ мнѣ на дорогу изъ пôдъ стрѣхи домика, пріятно улыбалося: манилъ такожь садокъ съ своими пчельными уліями. Идиллическій покой и тихое счастье казались обитати внѣ и внутрь и затронули въ холодной душѣ моей неизвѣстный тонъ...

Я выйшолъ по за границы свойственного менѣ раціонального смотрѣнія и роспоетизовался. Не знаю, що было виною того, чи скука, чи природа, чи контрастъ до великогородской жизни, до которой я привыкъ?

Теперь приблизилась моя повозка къ цвѣтному огороду, въ глубинѣ которого красовался домикъ. Густыи корчи закрывали съ той стороны видъ. Мнѣ прійшла фантазія. Я приказалъ повозчику задержатись и поскочилъ въ гущавину. Вдругъ изъ дома выбѣгла красавиця въ естетическôмъ утреннôмъ нарядью и придержалась пôдъ оконцемъ. Въ мигъ я приклякнулъ зарываючись въ гущавину бозу и ясьмина и обсервуючи прелестную жительку домика. Она приложила руку къ челу, засланяючись ôтъ любопытныхъ лучей утреннего солнця, посмотрѣла вокругъ и побѣжала межи цвѣтныи грядочки. Природная грація, якую она розвинула при тôмъ, явилась для мене интереснымъ контрастомъ къ грацiи салоновой.

Она сорвала свѣжо розцвившійся цвѣтъ рожи, побѣжала до ôкна и схватила приготовленный тутъ сосудъ съ водою, щобы вложити тамъ рожу. При той манипуляціи однакожь она совсемъ ненадѣянно вскричала и стрепала руками. Сосудъ упалъ и розбился а она стягнувши изъ головы своей бѣлую хусточку, вымахивала нею вокругъ себе и бѣжала встревоженно... прямо къ мнѣ!

Теперь я видѣлъ ей лице во всей его милой красотѣ и молодой свѣжости. Оно зарумянилось, но не ôтъ женады а изъ тревоги передъ... пчелою. Пчела, оставивши улій, палетѣла на ню съ поцѣлуемъ на „добрый день“, а она охороняючись, къ мнѣ утѣкала... по защиту?.. Она мене не замѣтила а взоръ мôй продираючись черезъ листя, устремился прямо въ ей лице и встрѣчался съ выразистыми, полными ума, любви и кротости ей очима...

Она уставилась тѣсно при мнѣ и я видѣлъ; якъ каждый нервъ, каждый мускулъ дрожалъ у ней нетерпеливостію и готовостію на повелѣнія души. Тѣлодвиженія ей были быстры и еластичныи, око порушалось сангвинически а все таки дѣйствовало на способъ слôвъ „suaviter in modo, forte in re.“

Хусточку изъ головы она перевѣсила черезъ плечи и я увидѣлъ, що она блондина съ чорными очима. То весь результатъ моего короткого наблюданія. Впечатлѣнія бо отдѣливали на ню скоро: она посмотрѣла вправо и влѣво и въ гору, стрясла росу изъ сукни, сорвала цвѣтъ ясмина и уйшла якъ сонное видѣніе.

Трескъ батога пригадалъ мнѣ дорогу. Я вернулъ къ повозцѣ и — и есмъ настояще при моей Юліи! Ты знаешь кто Юлія? То живая масса тѣла безъ души и безъ духа. Назвешь выраженіе то цинизмомъ, но не забывай, що я медикъ. Ей душа, то гроши, то мене вяжетъ.

Все таки образъ красавицы изъ Х. остался въ моей памяти и невольно запрятуетъ мôй умъ. Скучаючись при Юліи я неразъ спасаюся бѣгствомъ къ овому мысленному образу. Чому то видится менѣ, що дѣвиця въ Х... не такая, якъ всѣ прочіи.... що у ней естъ душа...

Недавно Юлія замѣтила то и спросила:

„Ксенофонтъ, чого такъ задумался?“

„Мечтаю о моимъ идеалѣ“, отвѣтилъ я.

„О якôмъ?“

„О, Юліе!“ востхнулъ я по театральному а Юлія по нетеатральному пытаетъ сновь:

„А хорошій твôй идеалъ?“

„О Юліе!“

Юлія усмѣхнулась блаженно и заключила:

„Мечтай, мечтай! Я такъ о тобѣ мечтала!“ Радуйся Ксенофонтъ, ты идеаломъ Юліи!...

Вчера перервалъ я розговоръ съ уданною невольностію:

„Прекрасныи очи!“ и я думалъ о-выи изъ Х...

„Чіи?“ подхватила быстро Юлія.

„Поезіи“, былъ мôй отвѣтъ.

„Якто?“ Юлія очевидно не понимаетъ ни поезіи ни очей.

„Въ очахъ Юліе, велика поезія а у Поезіи прекрасныи очи“, и при тôмъ она широко роскрыла свои безжизненныи очи якбы хотѣла показати ихъ поезію...

Менѣ стало смѣшно... Ты сновь назвешь мене циникомъ, но я уже не вы-

лѣчусь изъ того, якъ и ты не вылѣчишься изъ твоего идеализма. По крайной мѣрѣ мôй реализмъ не препятствуетъ мнѣ оженитись и изботатѣти, а ты вѣроятно николи не оженишься черезъ свôй идеализмъ и будешь всю жизнь „бити бриндзю."

Твôй
Ксенофонтъ.

II.

Перемышль 2 Юнія 18...

Пишешь, що въ продолженію нѣсколькихъ седмицъ все измѣнилось. То само сказати могу и я о собѣ. Предположеніе твое, що я черезъ мôй идеализмъ николи не оженюсь, не оправдалось, бо... я уже избралъ!

Якъ то сталося? Виновникомъ моего счастья естъ случай. Случай подарилъ мнѣ — фотографію! Фотографія изображала дѣвицю о нѣжныхъ чертахъ и солодкôмъ выраженію лиця. Она вызирала хорошо а головнымъ содержаніемъ той красоты было: сіяніе истинны и добра, которыхъ я глядаю, а которыхъ до нынѣ найти не могъ.

То дало ей съ первого вида власть надомною. Чимъ бôльше вдивлялся я въ фотографію, тымъ бôльше сіяла красота и добродѣтель дѣвочки, тымъ бôльше замѣчалъ я въ ней родную мнѣ душу. Но чи такій подлинникъ?

Мнѣ сказали, где она обитаетъ и я поѣхалъ. Она зовется Лидія. Она перебываетъ въ домѣ своего брата-священника и я познакъ ею сейчасъ. Вообще, мы встрѣтились якбы давніи знакомыи а если въ очахъ ей выразилось удивленіе, то лишь на счетъ вопроса, якъ могло статись, що мы такъ долго жили въ розстанію, що нынѣ доперва сойшлись дороги наши. Ты будешь смѣятися надъ моимъ идеализмомъ, но я уже не вылѣчусь, ровно якъ и ты изъ твоего невыносимого цинизма и реализма.

Я найшолъ въ Лидіи то, чого сдавна надармо глядалъ — найшолъ согласную и родную менѣ душу. Ты не вѣришь въ родство душъ? Познавши твою красавицю въ Х., ты будьто увѣрилъ въ душу — вѣрь тому и въ родство душъ, которого ты не найшолъ и николи не найдешь въ Юліи. Тому въ союзѣ съ нею ты и теперь и позднѣйше не вкусишь того блаженства, якое теперь наполняетъ мое естество.

О Ксенофонтъ! на той земли есть небо. Смѣйся и шути и нехай сарказмомъ твоимъ наполнится вселенна, но... на той земли есть небо!

Я оставилъ Лидію и настояще сновь ботанизую съ моею школьною молодежею, но мысль моя при ней...

Твôй
Ярославъ.

(Конецъ посл.)

Глинскій передъ судомъ Бояръ.

(См. изобр. на ст. 21.)

Картина „Глинскій передъ судомъ бояръ" Єзерского находится въ подлиннику въ настоящую пору на львовской выставцѣ картинъ (площадь св. Духа). Преимущество подлинника состоитъ въ гармонійной мѣрности цѣлого кольорита, который мимо своей неяскравости представляется достаточно жизненнымъ. Контуры очертаны досыть смѣло а композиція ясна затираетъ нѣкоторыи незначительныи неправильности рисунка въ детеляхъ.

Родина Глинскихъ, властелинôвъ Полтавы, была одною изъ знаменитшихъ своего времени, а судьба ей членôвъ неоднократно получена съ судьбами державы. Глинскій слылъ яко мужъ хоробрый, ôтзначился свѣтлыми побѣдами въ борьбахъ съ Татарами. Исперва былъ ôнъ на службѣ Альбрехта Саксонского, боролся такожь въ Италіи пôдъ знаменами Максимиліана I, а послѣ въ рядахъ короля польского Александра. По обнятію престола Сигизмонтомъ, получилъ тойже доносы на Глинского, що стремитъ за короною Литвы и король ôтдалилъ его. Помстившись за то кроваво на клеветникахъ, поступилъ разомъ съ своими двома братьями пôдъ прапоръ царя Василія III. Въ тогожь походѣ на Литву Глинскій самъ велъ свои полки; Сигизмонтъ предложилъ миръ Василію, который на точки договора согласился. По занятію крѣпости Смоленска (1514), Глинскій старался сновь войти въ сношенія съ королемъ польскимъ. Василій, узнавши о тôмъ, велѣлъ его схватити и увязнити. За стараніемъ однакъ Елены и цѣсаря Максимиліана, былъ пущенъ на свободу. Глинскій скончался г. 1534.

КЪ МЕЛОДІИ.

(См. изобр. на стр. 20)

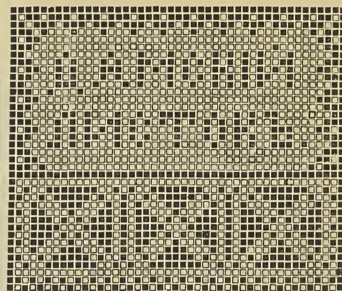
Плѣняюсь полно твоимъ тономъ,
Не лишь чарами силъ обнятый,
Но бôльше яснымъ отгомономъ
Той непорочности заклятый,

Той непорочности, котора
У иныхъ можетъ Музъ скользити,
Твôй тонъ — все чистый, безъ роздора,
Ты сможешь: ублагороднити.

Наши послы.

(См. портретъ на стор. 17.)

6) Герасимовичъ Николай начальникъ суда въ Николаевѣ рожденъ г. 1843 въ Бродахъ. Посѣщалъ гимназію и всеучилище во Львовѣ, и ôтдался званію судейскому. Посломъ избранъ въ округѣ Николаевъ-Жидачевъ



Историческіи женщины на Руси.

Ôтъ времени до времени будемъ подавати тутъ нѣкоторыи свѣдѣнія о жизни знаменитшихъ, историческихъ женщинъ, проживавшихъ и дѣйствовавшихъ въ давніи времена на Руси. Хронологическій порядокъ приказуетъ, начати ôтъ характеристики княгини Ольги. О жизни Ольги подали мы уже въ попереднôмъ рочнику нашой часописи, головнѣйшіи свѣдѣнія въ сокращенію; въ судьбѣ однакъ и самой личности Ольги есть много весьма любопытныхъ и характеристичныхъ чертъ, хочемъ затымъ по головнѣйшимъ историческимъ источникамъ подати тутъ нашимъ читателькамъ полнѣйшіи образъ той первой изъ ряду, замѣчательнѣйшой женщины на Руси.

ОЛЬГА. Святославъ, сынъ Игора, первый князь Славянского имени, былъ въ пору убіенія Игора, еще малолѣтнимъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость державы, основанной и хранимой мечемъ, бунты Древлянъ, безпокойный духъ войска, пріученного къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежи, честолюбіе полководцевъ варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости — все то угрожало Святославу и державѣ опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость державы и власть князя, одаривши его матерь свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитовался бояриномъ Асмудомъ. Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга съ помощію тыхъ двохъ мужей, овладѣла кормиломъ державы и мудрымъ правленіемъ доказала, що слабая жена можетъ часомъ ровнатись съ великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Тутъ лѣтописецъ подаетъ много подробностей, которы вѣроятно взяты лишь изъ народного преданія. Всегда же событія тіи по народному розсказу характеристичныи, якъ вообще всѣ древніи басни любопытны для внимательного ума.

Несторъ такъ розсказуетъ о мести и хитростяхъ Ольги, перебывавшой тогды еще въ язычествѣ: Величаючись убійствомъ якъ побѣдою и презираючи малолѣтностію Святослава, Древляне задумали присвоити собѣ власть надъ Кіевомъ и хотѣли, щобы ихъ князь Малъ женился

съ вдовою Игора. Дватсять знаменитыхъ пословъ Древлянскихъ приплыли къ Кіеву и сказали Ользѣ: „Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князи Древлянскіи добры и великодушны, ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашого князя Мала.“ Ольга съ ласкою отвѣтила: „Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже не могу воскресити супруга! Завтра окажу вамъ всю должную честь. Теперь вернѣтъ въ лодь свою, и коли люде мои прійдутъ за вами, велѣтъ имъ нести себе на рукахъ.“

Тымчасомъ Ольга приказала на дворѣ теремнôмъ выкопати глубокую яму, и на другій день призвати пословъ. Они, исполняючи волю ей, сказали: „не хочемъ ни ити, ни ѣхати; несѣтъ насъ на лоди.“ Кіевляне отвѣтили: „Що дѣлати! Мы невольники; Игора нѣтъ, а княгиня наша хочетъ быти супругою вашого князя“, — и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своимъ теремѣ и смотрѣла, якъ Древляне гордились и величались, не предвиджуючи своей гибели. Люде Ольги кинули ихъ, разомъ съ лодею, въ яму. Мстительная княгиня спросила ихъ, довольны ли они сею честію? Послы заявили свое роскаяніе въ убіенію Игора, но Ольга велѣла ихъ засыпати живыхъ землею. Чересъ гонця же объявила Древлянамъ, що они должны прислати за нею еще бôльше знаменитыхъ мужей, народъ бо Кіевскій не ôтпуститъ ей безъ ихъ торжественного и многочисленного посольства

Легковѣрныи Древляне вскорѣ ôтправили въ Кіевъ лучшихъ гражданъ и начальниковъ своей земли. Тамъ, по древному славянскому обычаю, для гостей изготовили баню и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказати Древлянамъ, щобы они варили медъ въ Коростенѣ, що она уже идетъ къ нимъ, желаючи передъ вторымъ бракомъ совершити тризну надъ могилою первого мужа. Ольга дѣйствительно прійшла къ городу Коростену, оросила слезами гробъ Игора, и въ честь его совершила тризну. Началось веселое пиршество. Дружина княгини угощала знаменитѣйшихъ Древлянъ, которы задумали наконецъ спросити о своихъ послахъ. Скоро однакъ дѣйствіе меду омрачило головы неосторожныхъ. Ольга удалилась, подавши знакъ воинамъ своимъ, и 5000 Древлянъ, ними убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы.

Ольга, вернувши въ Кіевъ, собрала многочисленное войско и выступила съ нимъ противъ Древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Оно встрѣтилось съ ними, и молодый Святославъ самъ началъ бой. Древляне бѣжали съ поля, и затворились въ своихъ городахъ. Чувствуючи себе бôльше ôтъ другихъ, виновными, жители Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой выдумцѣ. „Для чого вы упорствуете“ велѣла она сказати Древлянамъ, »всѣ иныи городы ваши мнѣ сдались, и жители ихъ мирно трудятся на своихъ нивахъ, а вы хочете умирати голодомъ? Не бôйтесь мщенія, оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего.“ Древляне предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но княгиня, будьто бы изъ великодушія, отреклась ôтъ той дани и желала мати единственно съ кождого двора по три воробьи и голубы. Они съ радостію исполнили ей требованіе и ждали съ нетерпѣніемъ, щобы войско Кіевское удалилось. Но вдругъ, при наступленію темного вечера, поломѣнь объялъ всѣ домы ихъ. Ольга велѣла привязати зажженный трутъ съ сѣрою ко взятымъ нею птицямъ и пустити ихъ на волю; они вернули съ огнемъ въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ городѣ. Устрашенныи жители хотѣли спастися бѣгствомъ и попались въ руки воинамъ Ольги. Великая княгиня, осудивши нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, обложила прочихъ тяжкою данею.

Такъ розсказуетъ Лѣтописецъ. Языческая вѣра и языческіи гражданскіи законы оправдывали жестокость Ольги. Истинное происшествіе, ôтдѣленное ôтъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, здается, единственно въ тôмъ, що Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ Древлянскихъ, которыи думали оправдатись въ убіенію Игора. Оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по образу язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая княгиня, провождаемая воинскою дружиною, разомъ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую областъ, уставляючи налоги въ пользу державы. Ольга утѣшила Древлянъ благодѣяніями мудрого правленія; всѣ мѣста, где она, слѣдуючи обыкновенію тогдашнихъ героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ якого-то особенного уваженія и любопытства. „Иде Ольга“ суть слова лѣтописи, „къ Новугороду, сына своего, Святослава, оставивше въ Кіевѣ, и нача уставливати по Мьстѣ и погости (роздѣленіе областей на округи) и дани, и по Лузѣ оброки устави и дани, и ловища (мѣстця ловли) ея суть и до сего дни по всей земли Русьтѣй и Новгородьстѣй, знаменья (памятники) же и мѣста и погосты; и сани ея стоятъ въ Пльсковѣ и нынѣ; и по Днѣпру перевѣсища ея суть (т. е. мѣста сѣтей розвѣшенныхъ для ловленія птицъ) и по Деснѣ и есть село ея у Кыева близь па Деснѣ Ольшищи и до сего дни.“

Въ слѣдующій годъ, она оставивши Святослава въ Кієвѣ, поѣхала въ сѣверную сторону, въ область Новогородскую, роздѣлила землю на округи, и всюда оставила знаки своей попечительной мудрости. Черезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельнôмъ путешестію Ольги. Княгиня, рожденная въ Псковѣ, поднесла той городъ въ его силѣ, которою ôнъ послѣ, разомъ съ Новгородомъ, славился на Руси, затьмивши сосѣдній, древнѣйшій Изборскъ, и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивши внутренній порядокъ державы, Ольга вернула къ юному Святославу въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирнôмъ спокойствію наслаждаючись любовью сына и народа.

Тутъ, по сказанію Нестора, кôнчатся дѣла ей державного правленія, но тутъ и начинается епока славы ей въ церковной исторіи Руси. (Конецъ посл.)

Изъ гумористики

Розмышленія Выдумальского.

Гмъ... Человѣкъ полъ-живый ровнается полъ-умершому. — Двохъ полъ-живыхъ ровнаются двомъ полъ-умершимъ. — Двѣ половины ровнаются одному цѣлому. — Слѣдовательно, — человѣкъ живый ровнается умершому.

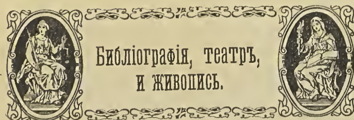
Переписка.

Г-жа К. М. въ Пл. Предплату мы получили.— П. въ Х. Нумеръ высланый.

Сл. въ М. Слово „джерданъ“, употребляемое народомъ, означаєтъ всякіи окрашенія въ строяхъ женщинъ, а въ особенности навѣски на шнурочкахъ коралей, якъ монеты, брелоки и пр. Объясненія того слова — которое, по вашимъ словамъ, зачули вы на однôмъ базарѣ въ Гуцульщинѣ — селянинъ лемковскій дати очевидно не можетъ, такъ якъ оно вѣроятно на Лемковщинѣ не употребляется. Впрочемъ пытайте еще при случайности иныхъ вашихъ прихожанъ.

В. С. „Группа пословъ“, котора высылается яко премія, печатана на картонахъ бѣлыхъ, синихъ, и шамовыхъ. Вышлемъ затымъ по Вашому выбору.

☞ Новоприступающіи предплатители получаютъ на желаніе и попередній нумеръ.



Сборникъ славянскихъ пѣсней: „Slovanstvo ve svych zpevech“ въ изданію Людвика Кубы дополняется чимъ-разъ цѣннѣйшимъ матерьяломъ. На дняхъ появились выпуски 52 и 53 того изданія; содержаніе ихъ составляютъ пѣсни черногорскіи, которы начались уже съ попередними выпусками. Тутъ войшли многіи пѣсни, собранныи самымъ издателемъ на его путешествіяхъ по южнославянскихъ областяхъ. Дотычно попереднихъ выпускôвъ, въ которыхъ помѣщены и русскіи пѣсни, ôтсылаемъ нашихъ читателей до умѣщенного въ первôмъ числѣ „Нов. Галичанина“ (1891) обвѣщенія.

„Половецкая Моленица. Историческій розсказъ. В. Д. Залозецкій. Изданіе редакціи „Черв. Руси.“ Цѣна экз. 80 кр. Львовъ. Изъ тип. Став. Инст. 1891.“ — Пôдъ тымъ заглавіемъ появилась замѣчательная повѣсть Василія Залозецкого, яко перепечатка изъ фейльетона „Червоной Русц.“ О произведенію тôмъ принесемъ въ дальшихъ числахъ „Нового Галичанина“ подробнѣйшую нотатку.

Открыта подписка на остальную часть „Путевыхъ Записокъ“ Өеодора Бѣлоуса, котора уже печатается въ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыѣ. Цѣна одного примѣрника выноситъ съ пересылкою почтовою 1 злр. 20 кр. Не сомнѣваемся, що читающая публика поспѣшитъ съ заказами, чимъ будетъ прискорено изданіе тыхъ занимательныхъ записокъ изъ подорожи на Востокъ, которыхъ первая часть продается по цѣнѣ 35 кр.. Щобы познакомити читателей съ проспектомъ того изданія, наведемъ предисловіе самого автора: „По 33 лѣтнôмъ, многотруднôмъ служенію при гимназіяхъ во Львовѣ, Тернополи, Коломыѣ и Бохнѣ, я выйшолъ въ первыхъ дняхъ Марта 1888 г. въ отставку. Моимъ задушевнымъ желаніемъ было закончити кругъ моихъ путешествій по Европѣ и близкихъ къ ней краяхъ Азіи и Африки посѣщеніемъ невидѣнныхъ еще мною сторонъ древного міра, щобы дорогому и многострадавшому моему народу послужити моими познаніями и опытами въ цѣли его образованія и ублагороднення. Я былъ намѣренъ немедленно по увольненію ôтъ должностей директора гимназіи ôтправитись въ восточно-южныи стороны, щобы позабыти прошедшое, тымъ легче освоитись съ новымъ положеніемъ и на склонѣ лѣтъ изучити дальніи стороны. Переселяючись, однако, изъ Бохни въ Коломыю, ôтдаленную майже 70 миль я простудился и опасно заболѣлъ. По пятинедѣльнôмъ недузѣ я попращался съ тоскующою семью, промѣнялъ сбереженныи гроши на румунскіи левы и наполеондоры, необходимыи въ дальнихъ сторонахъ и двинулся въ путь, вѣруючи крѣпко, що рука Всевышного не оставитъ слуги Своего въ чужихъ сторонахъ и среди чужихъ народôвъ. Все то, що я испыталъ во время моего путешествія, запишу точно и вѣрно.“

Книги, надосланныи въ редакцію:

„Vseobecna zajimave poucna knihovna“ c. II ‚Mimochodem,‘ Prihody a nehody z cest-Josefa Wünsche. V Praze. Nakladem Ceského knihkupectvi a antikvariatu Dra Frat. Backovského. 1891.“

„Vyrocni zprava o cinnosti literarniho a recnickeho spolku „Slavia“ v Praze, od 1 rijna 1889 do 30 zari 1890. Nakladem Spolku ‚Slavia‘ v Praze“

„Pustinjak, poviestne crtice iz Bokežskog života svršetkom prosloga i pocetkom nasega vieka. Prikupio S. P-in. (Po Peraskom narjecju.) II Izdanje. U Zadru Brzotiskom kat. hiv. tiskarne 1890.“

Славянскіи музычныи мотивы. (Продолж.)

Дюбюкъ. „Не искушай меня безъ нужды.“ 1 рб. — Ф. Шубертъ, Гамбургъ.

Евгеніевъ. „Не уѣзжай голубчикъ мой.“ — 75 кп. — Ф. Шубертъ.

Глинка. „Не искушай меня безъ нужды“. Дуетъ: 1 рб. — Ф. Шубертъ.

Козловъ. „Когда-бъ я зналъ.“ — 75 кп.

Варламовъ. Пловцы. Дуетъ. — 75 кп.

МЕТАМОРФОЗНЫЙ АКРОСТИХОНЪ.

ранокъ, токар, лямпа, лоди, автор, брама, вина, ласка, наказ, кара, саля, бодро, борнео, нич, тарок, луна.

Кождое изъ выше наведенныхъ слôвъ, слѣдуетъ через переставленіе буквъ змѣнити въ иное слово, въ такій способъ, щобы початковыи буквы перемѣненныхъ слôвъ, читанныи по очереди, дали намъ: одно произведеніе Пушкина.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: **Петръ Полянскій**   Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 3. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Лютого 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листо̂въ.
Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

РѢШЕНО!

Розсказъ.

Л. М. С.

(Продолженіе и конецъ.)

V.

Скоро минаетъ время въ юношескихъ лѣтахъ. Поглядаючи въ будущность, видимъ не лишь цѣль, но тоже и всѣ препятствія, стоящіи на дорозѣ къ достиженію той цѣли. Предстоитъ неоднократно не легкая борьба, а въ борьбѣ той ведетъ насъ надежда смѣло впередъ.

Минули четыре лѣта побыта Володиміра въ столично̂мъ городѣ. Время то — то время школы жизненной, время опыто̂въ; тутъ душа, стоявшая до теперь въ нерѣшительности, принимаетъ очертанія а въ о̂тношеню къ внѣшному свѣту приучается уже поглядъ наблюдательный.

Вукъ Караджичъ.

Такъ сбылось и съ Володиміромъ. О̂нъ иначе сталъ поглядати и на все, що оставилъ въ родимо̂мъ селѣ, съ сознаніемъ осуджалъ уже и личности, съ которыми провелъ дитинніи лѣта. Осудилъ теперь достаточно, личность, минувшость и родину Романа, которого судьба поневольно поставила ему товаришемъ первыхъ лѣтъ; познаълъ, чимъ были предки Романа для того народа, изъ которого Володиміръ выйшолъ. Все о̂тношеніе Романа и семьи его къ семьи приходника представилось ему въ ино̂мъ видѣ. О̂нъ чувствовалъ, що изъ того двора, изъ которого въ минувшости такъ много ударо̂въ пало на его народъ, и теперь изъ чувствъ Романа къ Олѣ могутъ наступити лишь хмары.

По окончаню сту-

дій первымъ желаніемъ Володиміра, было посѣтити домъ прародителя. Переполненъ чувствами и ожиданіями, верталъ ôнъ въ родимое село. Теперь его юное лице, спокойныи серіозныи черты, въ которыхъ пробивалась душа стремлящая, казали домышлятись въ немъ хвилю скромной самоувѣренности, яка наполняетъ человѣка близкого пожелаемой цѣли.

Не лишь то одно было, съ чимъ путникъ спѣшилъ къ цѣли. Ôнъ воображалъ собѣ милый видъ: теплое, мирное обиталище, въ немъ старыи прародители, которы его нынѣ не надѣялись, а особенно Оля! Выйдетъ ли она ему на встрѣчу, якъ давнѣйше при первôмъ его прибытію, съ очами блестящими ôтъ радости и съ любою дитинною улыбкою? Въ послѣднихъ лѣтахъ ихъ розстанія не зайшло ничого, щобъ могло устранити ихъ чувства. Нимъ овладѣла теперь лишь мысль, на всегда оставати съ Олею.

Къ мысли той однакъ неôтступно прилучалась якая-то тѣнь. То была тѣнь его давного, судьбою приданного ему товариша, Романа. Ôнъ помнилъ, якъ Романъ еще въ юныхъ лѣтахъ, своею дерзостію съумѣлъ пріобрѣсти собѣ всегда у иныхъ людей легкимъ способомъ приклонность. Съ нетерпѣніемъ затымъ ожидалъ ôнъ хвили, въ которой моглибъ всѣ его сомнѣнія, всѣ опасенія рѣшитись.

Родимое село было уже вблизи; вокругъ снѣгъ покрывалъ поля. Володиміръ розпознавалъ кождое дерево и кождый корчъ при дорозѣ; свѣтло луны кидало таинственныи тѣни, а ночная тишина придавала природѣ необыкновенного величія.

Дальше вырынула церковная копула, постепенно заяснѣли и бѣлыи, луною освѣщенныи стѣны церковного зданія, выступали соломянныи крыши сельскихъ хатъ а наконецъ и домъ приходскій. Сердце Володиміра наполнилось блаженнымъ чувствомъ, якого дознаетъ путникъ при витанію родимой стороны.

Въ минутѣ станулъ ôнъ передъ дверью дома; въ ôкнѣ виднѣло свѣтло. Володиміръ намѣрялъ уже войти, но ôнъ пристанулъ. „Есть ли Оля въ той комнатѣ?“ подумалъ ôнъ. Ôнъ станулъ передъ ôкномъ и поглянулъ до внутри. Хвилю стоялъ ôнъ недвижимо; на его лицѣ выступилъ выразъ и удивленія и жалю. Наразъ ôнъ опомнился и задрожалъ. Вѣтеръ заколысалъ вѣтвями липы и снѣгъ платочками спадалъ изъ ней. Не цвѣточный былъ то дощъ, якимъ давно изъ той-же липы ôнъ осыпалъ малую дѣвочку Олю, но дощь зимный, изъ замерзлого снѣга... И вѣтви липы лежали тутъ поломанныи, здавалось и Володиміру, що вѣтвь его жизни сломана.

„Они мене не ожидаютъ нынѣ, я могу завтра прійти“ сказалъ ôнъ къ собѣ. Послѣ удалился скоро не оглядаючись... Заледво скрылся за тѣнью церкви, отворились двери приходского дома, изъ которого выйшолъ Романъ. Въ дверехъ явилось и хорошое личко Оли. Романъ поклонился еще разъ Олѣ и по тôмъ росправщанію пустился дорогою до двора.

VI.

Слѣдующого дня сидѣлъ въ своей комнатѣ старый приходникъ, передъ нимъ клячала Оля. На челѣ приходника виднѣла якая-то хмара, и старушка сидѣла вблизи, не мало взволнованна послѣднимъ событіемъ — обручинами Оли съ Романомъ. Оля розсказала, якъ вчера Романъ объявилъ ей свои чувства и просилъ о руку, къ чому она удѣлила ему своего соглашенія.

„Кажешь, що тое предложеніе Романа было для тебе ненадѣяннымъ“ говорилъ строго и спокойно старецъ къ Олѣ, „и що ты не могла сказати: нѣтъ. А однакъ то хвиля въ жизни чрезвычайно важная и рѣшающая цѣлую будущую судьбу. И для насъ вѣсть та, що ты приняла предложеніе Романа, ненадѣянна и поразительна. Не одно уже сердце завелось на чувствахъ и въ будущой жизни было несчастливымъ. Чувства непостоянны а роздвоеніе чувствъ въ дальшой жизни приноситъ послѣ невыносимое положеніе. Ты не подумала надъ вопросомъ, питаетъ ли Романъ къ тобѣ на дѣлѣ искренніи чувства.“

Оля призадумалась.

„Такъ“ продолжалъ старикъ „хвиля то въ жизни рѣшающа. Думаю, що ôнъ не призначенъ тобѣ судьбою на товариша въ жизни. Твоихъ чувствъ не знаю, но судьба твоя лежитъ мнѣ на сердцѣ, тому и хочу представити тобѣ, якъ можетъ сложитись ваша будущая жизнь.“

Въ той хвилѣ отворились двери, Володиміръ вступилъ въ комнату и въ мгновенію лежалъ въ объятіяхъ прародителей.

И на лицѣ Оли явился выразъ радости. Она, здавалось, позабыла и на послѣдное событіе.

Старикъ замѣтилъ той выразъ на лицѣ Оли.

„Будетъ може — рѣшено иначе!“ прошепталъ ôнъ „она неопытна, но предполагаю, що правдивое чувство вяжетъ ею съ Володиміромъ.“

VII.

На приходствѣ завладѣла тишина, но не была то мирная тишина, дышащая счастьемъ и довольствіемъ. Володиміръ боролся съ своими мыслями, узрѣвши, що стремленіе его розвѣяно, що будущность его помрачена.

И Оля не была уже прежною веселою и беззаботною дѣвочко. Предложеніе Романа зависло якъ тѣнь, замрачающая веселость всѣхъ членôвъ семьи въ приходствѣ.

Вниманію Володиміра не уйшла перемѣна Оли. Ôнъ замѣтилъ тревогу въ въ ей чертахъ; на ей устахъ не явилась давна беззаботная улыбка. Володиміръ чувствовалъ, що и въ ней происходитъ борьба.

Однимъ утѣшеніемъ для Володиміра были слова, сказанныи ему старикомъ.

„Я придумалъ для тебе Олю“, говорчлъ старикъ, „и я не предполагалъ у ней чувствъ къ Роману. Я того заявити ей не могъ, но я проговорилъ до ней строго и возвалъ ею къ самоиспытанію. Такое юное сердце неопытное и нерѣшительное, а при тôмъ легковѣрное, тому я и думаю, що и для Оли было предложеніе Романа неожиданнымъ, що затымъ она соглашаючись, не руководилась чувствомъ.“

Нѣсколько дней минуло въ такôмъ состоянію, коли наконецъ надоспѣла хвиля, въ которой внутренная борьба Оли и Володиміра могла найти розвязку.

„Дорогій брате“ проговорила Оля къ Володиміру, которого всегда еще называла братомъ, „твôй совѣтъ всегда былъ для мене благосклоннымъ. И теперь въ моихъ чувствахъ я глядаю у тебе дружеского совѣта.“

„Нѣтъ“ проговорилъ спокойно Володиміръ. „Никто не можетъ рѣшати о чувствахъ другихъ.“

„Ты хочешь сказати, що кождый рѣшаетъ о собѣ. Но мое рѣшительное слово, данное мною Роману, кажетъ мнѣ опасатись, що Романъ въ будущности будетъ несчастливымъ.“

„Тобѣ припадетъ судьба, сдѣлати его счастливымъ. Впрочемъ тутъ будетъ рѣшати уже воля — Романа.“

Въ первый разъ по прибытію Володиміра на родину, явился теперь Романъ на приходствѣ. Ôнъ замѣтилъ змѣну, послѣдовавшую на лицѣ Оли и сейчасъ вопросилъ о причину.

„Хорошо, що ты прійшолъ“ сказала Оля, „Володиміръ кажетъ, що ты мусишь все знати, мусишь рѣшати о моимъ непостояннôмъ чувствѣ, а тогды може все будетъ добре.“

Романъ поглянулъ на нихъ по части удивленъ, а по части съ ироническою улыбкою.

„Не розличаешься ты ôтъ твоихъ товаришей!“ подумалъ Володиміръ, поглядаючи спокойно на Романа, прибравшого на своимъ побытѣ въ городѣ, видъ повседневного, пустого шарманта, „якими были твои предки, такимъ и ты. Въ мирныи семейства наносишь лишь неспокой, а послѣ иронически улыбаешься.“

„Все будетъ добре?“ повторилъ Романъ за Олею, „не есть ли все теперь добре?“

„Нѣтъ“, увѣряла она, „если маемъ

быти всѣ счастливыми, мусить иначе быти."

Романъ злобно посмотрѣлъ теперь на Володиміра. Послѣдній ôтгадалъ его мысли, приблизился къ нему и взялъ его за руку.

„Ради Бога, нiякой преждевременной мысли, нiякого горячкового слова!" просилъ Володимiръ, „говори позднѣйше съ Олею, впередъ позволь менѣ тобѣ выяснити—"

„Гмъ, и я того желаю" кликнулъ Романъ гнѣвно, и роспращавшись съ Олею, выйшолъ разомъ съ Володимiромъ изъ приходства...

Уже были оба далеко за селомъ, а еще слова не проговорили къ собѣ. Доперва коли на граничнôмъ верху пристанули, свернулся Романъ къ Володиміру.

„Теперь мы довольно далеко", говорилъ Романъ „теперь никто не почуетъ твоего признанія, що одинъ товаришъ другому отклонилъ сужденную."

„То съ правдою не согласно, такого откровенія тобѣ я не маю сдѣлати," отвѣтилъ Володимiръ.

„Нѣтъ? А однакъ дѣвиця, котора приняла мое предложеніе, стала иною съ днемъ твоего приѣзда. Я до теперь не думалъ, що змѣна тая совпадаетъ съ твоимъ приѣздомъ, теперь однакъ, коли я побачилъ выразъ ей лиця и почулъ ей слова о непостоянности а твое горячое вмѣшательство въ нашъ розговоръ—"

„Я говорилъ: нiякого преждевременного слова, хотѣлъ бо я, щобы мы впередъ могли оба о дѣлѣ поговорити. Моихъ чувствъ я передъ тобою изъявляти не буду, скажу лишь, що я совѣтовалъ Олѣ, слѣдовати за своими чувствами. Ни одного слова не было межи нами о моихъ чувствахъ, и я совсемъ тобѣ въ дорозѣ не стою; перестрадаю много, но я готовъ сейчасъ удалитись изъ того села; предамся труду и забуду о страданію."

Романъ, якъ бы не надѣялся такихъ слôвъ ôтъ Володиміра, поглянулъ на него съ выразомъ удивленія и ироническою примѣшкою, а послѣ началъ безмысленно розбивати лѣсочкою снѣгъ. Теперь стать его вполнѣ пригадовала на безмысленного розгулянного по городахъ донъ-жуана, который въ душѣ смѣется изъ чувствъ.

„На доказъ моихъ слôвъ" продолжалъ Володимiръ, „я заявляю тобѣ, що нынѣ я выѣзжаю изъ того села и съ судьбою моею я погодитись готовъ. Пращай-же."

Романъ засвисталъ якую-то мелодію, подалъ холодно руку Володиміру и съ свойственною собѣ, дерзкою улыбкою, повторилъ тоже слова: „Ну, пращай!", и съ тымъ оба розстались.

Съ рѣшеніемъ выѣзда поступилъ Володимiръ на приходство.

Въ дверехъ встрѣтилъ его приходникъ.

„Несчастье въ домъ нанесъ той человѣкъ" началъ приходникъ, указуючи въ сторону двора, „Оля попала въ лихорадку, занемогла."

„Я же выѣзжаю нынѣ" продолжалъ Володимiръ, „хотяй побытъ въ тôмъ домѣ для мене счастьемъ."

Старикъ поднесъ голову.

„Выѣзжаешь?"

„Такъ."

„По якой причинѣ?"

„Слово сдержати мушу. Я такъ заявилъ Роману. Заѣду къ нашимъ сродникамъ. Мои чувства однакъ къ Олѣ не змѣнятся. Я готовъ перестрадати."

Старикъ здвигнулъ рамєнами.

„Поки що, ты выѣзжай, если слово далъ. Дасть Богъ, все уложится по нашой мысли."

VIII.

Володимiръ выѣхалъ къ сродникамъ, за нѣкое время однакъ сполнились надежды старика. Володимiръ получилъ ущасливляющую вѣсть ôтъ прародителя.

„Такъ, якъ я предполагалъ, такъ сбылось" писалъ къ нему старикъ „я чувствовалъ, що Романъ, дѣлаючи предложеніе Олѣ, думалъ о немъ не серіозно. Отецъ его супротивился волѣ своей жены, и обручилъ Романа съ богатою дочкою помѣщика въ сосѣднôмъ селѣ. Съ тою хвилею, чувствую, вернулъ въ нашъ домъ миръ а думаю и прежное счастье и надежда. Лихорадка Оли минула. Ты не дѣлалъ ей до теперь предложенія и ты тымъ хорошо поступалъ. Теперь ôтъ тебе зависимо, хочешь ли сполнити наши давніи а може и твои желанія."

* * *

Счастье Володиміра было дополнено. Состояло оно въ полной любвѣ, и мирной семейной жизни. Одружившись съ Олею, Володимiръ сталъ помощникомъ въ приходѣ своего прародителя, чимъ и довершились давніи желанія того-же.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

II.

Въ дѣлѣ управильненія малыхъ бенефицій, содѣйствовали вскорѣ послѣ явного принятія церковной уніи изъ стороны епископôвъ Перемышльского и Львовского такожь и королевскіи власти. И такъ уже г. 1692 король Іоаннъ III Собескій, въ документѣ изданнôмъ въ Яворовѣ, затверджаетъ въ селѣ Шептицяхъ двомъ священникамъ, которы были межи собою родными братьями, и ихъ сынамъ, посѣданіе полъ лана роли по границямъ, въ документѣ наведеннымъ, а то: въ орныхъ поляхъ и межи сѣножатьми лежащихъ частьяхъ, — покликуючись на два рѣшенія епископа Иноконтія Винницкого, изданныи дня 3-го Января 1692 въ тôмъ направленію: щобы на поповствахъ поставляемы были лишь такіи священники, которы на то заслуговали. На основѣ декретôвъ и манифестôвъ начались ôтъ теперь ревизіи давнихъ фундацій и презентъ и цѣлыи священническіи фамиліи были поставляемы на русскихъ приходахъ отвѣтно до ихъ заслугъ и способностей къ священническому званію. Именно начавши ôтъ года 1706 ôтбываются черезъ цѣлое XVIII столѣтіе ôтъ времени до времени съ препорученія епископôвъ, визитаціи приходôвъ сполученныи съ судами комисарскими. Тіи зъѣзжаютъ на мѣстце дотычныхъ поповствъ, испытуютъ права до грунтôвъ церковныхъ, или такъ званныхъ „poświętnych", а именно права писанныи или документы ерекційныи и презентаційныи, или наконецъ права звычаемъ освященныи, изслѣдуютъ нравственное поведеніе пресвитерôвъ и діаконôвъ, и на такой основѣ издаютъ: decreta reformationis.

Обыкновенно при той случайности а взглядно такими декретами умножались вѣнованія церквей; къ одной четвертинѣ поля прилучалась другая съ придатками („z przymiarkami") и сѣножатьми, которыи или патроны изъ взгляда на дѣло успѣха церковной уніи или мѣстцями даже самыи громады добровольно ôтступали. Въ наслѣдствіе того произойшло названіе: ager plebanalis, duos quadrantes cmethonales in se continens. Въ презентахъ же по такой реформѣ, или вслѣдствіе той-же издаваемыхъ, патроны дѣдичи кладутъ за условіе, щобы презентованныи или надѣленныи малыми бенефиціями или поповствами, своей родины на грунтахъ не осаджали и щобы тымъ путемъ мірскихъ людей — еслибы осаджены были на грунтахъ церковныхъ — ôтъ податкôвъ въ корысть рѣчипосполитой и воеводствъ выбираемыхъ, не освобождали; такожь при презентаціяхъ лицъ, въ служебностныхъ ôтношеніяхъ остающихъ, освобождаются тіи лица ôтъ подданства (a subditate), которое то освобожденіе и на сынôвъ презентованныхъ священникôвъ розтягалося.

Доперва конституція изъ года 1753 (Volumina legum T. VIII p. 40.) о поповичахъ, змѣнила на некорысть тыхъ-же тое первобытное постановленіе или тую первобытную практику, выразительно формулованную въ многихъ презентаційныхъ грамотахъ и реформаторскихъ декре-

тахъ; о конституціи той еще нисше говорити будемъ.

Тутъ наземъ еще имена духовныхъ визитаторôвъ, преимущественно заслуженныхъ лицъ, которы такіи визиты и реформы производили по обохъ діецезіяхъ, включаючи еще къ тому и найблисшую тымъ обомъ и соседную имъ діецезію Холмскую, къ которой тогды еще и номинальное епископство Белзское принадлежало; интересно будетъ розрѣшити вопросъ, якъ великимъ было обыкновенно, теперь введенное въ жизнь вѣнованіе землею малыхъ бенефицій или поповствъ, или якъ много тіи двѣ приходскіи четвертины поля званныи „ager plebanalis“ выносили. — Якъ на то указуетъ документъ записанный въ актахъ судейскихъ (давнѣйше городскихъ) въ Дрогобычи, вымѣрила рада того города землю г. 1646 съ грунтôвъ громадскихъ городскихъ и съ пасовискъ, означила копцями и надала тую-же совѣтнику городскому Дворниковичу (rajcy Dwornikowiczowi). При тôмъ примѣчено, що войтовство въ Дрогобычи уосажено есть 4 ланами франконскими или 230 моргами и що на одну четвертину припадало 19 моргôвъ поля. Въ протоколѣ визиты изъ года 1765, ôтносящойся до церкви и прихода въ Бруховицяхъ (пôдъ Львовомъ) выразительно примѣчено, що одна четвертина требуетъ 12 корцей засѣву твердого збожа. Въ презентѣ изъ тода 1753 ôтносящойся къ двомъ церквамъ, а именно къ церквѣ горной Василіанской, титула Вознесенія, изъ которой однакъ уступили были Василіане, и къ церквѣ долѣшной храма Св. Николая, бывшой ерекціи Іосифа Мнишка въ селѣ Сушицѣ (нынѣ въ округѣ Старого мѣста), сказано, що всѣхъ четвертинъ поля въ тôмъ селѣ начисляется 45, и що майже кождую такую четвертину занимаютъ двохъ селянъ, всѣхъ отже прихожанъ было 97. Зъ такого поля платилъ бы селянинъ — сказано дальше — чиншу 75 зол., а зъ кождой четвертины поля давалбы по маци овса; то выносило бы разомъ 22 мацъ. О третой церквѣ въ Сушицѣ замѣчено, що ей вѣнованіе состоитъ въ двохъ четвертинахъ поля доброго, болонного, и що зъ поля, такъ-же пространного, но меньше плодоносного, селянинъ платилбы чиншу своему дѣдичу 100 злр.

(Прод. посл.)

Старинныи малорусскіи уборы.

4) Сотникъ. 5) Писарь. 6) Выборный Козакъ.

7) Козакъ подпомощникъ. 8) Мѣщанинъ. 9) Степный мужикъ.

ЕТНОГРАФІЯ.

4) Изъ области Тухольщины.

(Подаетъ М. И. Тындюкъ),

(Конецъ.)

Тутъ въ свята Рождественскіи обходятъ памятку Карачуна, которому пекутъ одинъ бôльшій хлѣбъ. Той хлѣбъ убраный зеленью стоитъ, на столѣ ажь до нового года, въ который то день и

поживаютъ той хлѣбъ. Въ старую давнину звался Карачуномъ день 24 Декемврія и уже въ лѣтописяхъ изъ XII столѣтія, о немъ упоминается. Есть то культъ солнця, такъ якъ земля наша начинаетъ уже съ того дня приближатись постепенно къ солнцю. Вѣроятно вздолжь нашихъ горъ, задержался той обычай всюда яко старый забытокъ, хотяй въ Коломыйщинѣ народъ Карачуна уже не обходитъ. при погребаніяхъ, совершаемыхъ въ пору лѣтную.

Если умретъ старшая вѣкомъ особа въ лѣтѣ, хоть бы незнати яка жара была, везутъ до церкви и на кладбище на саняхъ. Вѣроятно звычай той задержался тутъ изъ XII—XIII столѣтія, коли померших князей спроважали до церкви всегда на саняхъ. Задержалось тутъ також изъ давнихъ княжескихъ временъ, лаютъ крупы а рѣдко где у якого богача где-коли знайдется хлѣбъ житный. Народъ до роботы дуже повольный; если молотятъ снопы, николи бôльше не кладутъ пôдъ цѣпъ, якъ одинъ снопъ. Головныи ярмарки на худобу роговую ôтбываются въ Сморжи; неразъ на одной ярмарцѣ, верховинецъ перепуститъ черезъ свои руки три и четыре пары во-

На танцовальный вечеръ.

О. крыл. А. Петрушевичъ писалъ о тôмъ розсужденіе въ Сборнику Матицы за 1887 г.

Освященіе воды на Богоявленскіи свята (водорщѣ), ôтбывается безъ всякой величавости, также никто не знаетъ и не ходитъ тутъ щедровати.

Странный встрѣчается тутъ обычай названіе начальника громады, который тутъ называется князе мъ.

Народъ тутъ ôтдается исключно управѣ роли и скотоводству; головнымъ продуктомъ есть тутъ овесъ, который подаетъ селянину заледво пропитаніе и зерно на засѣвъ. Изъ муки овсяной пекутъ хлѣбъ — ощипокъ; зъ овса дѣлôвъ, щобы лишь нѣсколько злр. зыскати.

Народъ вообще подпадаетъ тутъ експлоатаціямъ посторонныхъ людей. И такъ, примѣромъ, передъ якими 20 лѣтами прійшолъ въ Тухольку еврей Мошко Ейзенштейнъ, съ одною лишь коровою и съ долгами; ôнъ однакъ взялся вскорѣ

до розличныхъ предпріемствъ и торговли, и отворилъ склепъ. Нынѣ майже цѣлая Верховина сидитъ въ его карманѣ. Въ сего склепѣ покупаютъ товары даже селяне изъ подальшихъ сторонъ, и ôнъ одинъ держитъ пропинацію на цѣлыи горы. Во виду того, що въ сосѣдной полосѣ Угорщины, горѣлка не дешева, покупаютъ ôтъ него шверцеры туюже и тайно перевозятъ въ Угорщину. Въ ярмарковыи дни ôнъ ѣдетъ въ Сморже и ôтъ каждого спродавшого волы, сейчасъ стягаетъ долгъ. При постройцѣ школы, дѣло тое взяли на себе Нѣмцы, а щобы Мошко до того не мѣшался, дали ему на руку чисто сто злр.

Передъ введеніемъ желѣзно-дорожного сообщенія на пространи Стрый-Мункачъ, головное движеніе торговельное ишло изъ Сколього трактомъ въ Мункачъ; предстоялъ для селянъ легшій заробокъ, нынѣ же всякій заробокъ забрала верховинцямъ желѣзниця. Давнѣйше было и бôльше лѣсôвъ; теперь лѣсы майже всюда истреблены до той степени, що медвѣди и волки заходятъ сюда ажь зъ лѣсôвъ угорскихъ.

Давнѣйше вся Верховина робила панщину дѣдичамъ въ Сколью; теперь — по дѣдичахъ-графахъ — перейшло Сколье въ руки еврейскіи „Gebrüder Gröddel.“

Плату, якую остающіи въ службѣ ôтъ своихъ господарей побираютъ, называетъ народъ цембрелье. Происхожденіе того слова румунское, и вообще тутъ встрѣчаются многіи слова румунского происхожденія; преданіе кажетъ, що давно былъ въ тôмъ селѣ румунскій монастырь, въ одной же хатѣ, я при обходѣ съ священною водою, встрѣтилъ даже частину якой-то румунской книги, церковного содержанія.

5) Изъ области буковинской.

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П. Ш.

IX.*)

Старообрядцы въ Бѣлокерницѣ.

иповановъ, якъ ихъ зовутъ, или Старообрядцевъ, якъ сами себе называютъ, узрѣлъ я въ первый разъ въ бôльшôмъ числѣ во время побыта императора въ Черновцяхъ дня 3 (15) Сентемврія 1880 года. Часть ихъ, около 60 человѣкъ, молодыи господари и парни, на своихъ хорошихъ коняхъ, ступали въ бандеріи якъ разъ за селянами русскими и румунскими, а передъ ѣздоками мадьярскими изъ Гадикфальва, Иштенсегитъ и Андреасфальва, и нѣмецкими кольонистами изъ окрестностей бôльшихъ городôвъ нашой зеленой Буковины. Коли первыи тихо и супокойно ѣхали на своихъ гуцульскихъ коникахъ, Мадьяре же и Нѣмцы безпрестанно кричали свое Eljén и Hoch, Старообрядцы ѣхали смирно и поважно, затягиваючи свою унылую великорусскую пѣснь, а лишь тогды, коли переѣздили передъ императоромъ, явившимся на балконѣ въ зданію правительства краевого, поднесши нѣсколько разôвъ правую руку до горы, повитали монарха громкимъ „Ура!“

Второго дня въ садѣ городскôмъ при улицѣ Семиградской, передъ императоромъ продуковалися наши селяне буковинскіи своими народными танцями. Я любопытный познати близше населеніе края, въ которôмъ по такъ многихъ горькихъ розочарованіяхъ въ родимой землѣ, найшолъ я гостинный пріютъ, поступилъ въ садъ и приглядался. Тутъ всѣ народности производили свои народныи пляски, одни лишь Старообрядцы не плясали. „Танецъ“ по ихъ понятію „то діявольское дѣло“, или они согласны съ старинными Римлянами, которы говорили: „Nemo saltat, nisi ebrius aut insanus“, значитъ по нашому: плясаетъ лишь человѣкъ пьяный или съумашедшій

Старообрядцы стояли въ опредѣленной имъ части саду. На челѣ стоялъ старенькій монахъ, душа ихъ общины, Олимпій Милорадовъ, сивый якъ голубъ, за нимъ въ рядахъ дѣвочки и молодицы въ народнôмъ, праздничнôмъ строю, въ кокошникахъ на головѣ, и шелковыхъ сукняхъ, окруженны старыми сивобородатыми Липованами. Они стоячи съ опущенными руками, пѣли безпрестанно пѣсни русскіи, на перемѣну мірскіи и церковныи, при появленію же императора, они сдѣлали поклонъ майже до земли; старухъ-инокъ привиталъ императора короткими словами, а на вопросъ Его Величества: „Зачимъ не плясаютъ Старообрядцы“, отвѣтилъ монахъ Олимпій: »Majestät! Die Lipowaner tanzen und rauchen nie.“ Улыбнулся императоръ на тіи слова, посмотрѣлъ внемливо и на той народецъ своей великой державы и удалился. На видъ того всего, я еще бôльше заинтересовался Старообрядцями, желаючи зъ близка познакомитись съ ними и посѣтити ихъ Мекку т. е. Бѣлокерницю, где сосредоточается вся жизнь Старообрядцевъ не лишь изъ Буковины но и Молдавы, Добручи и самой Россіи. Случайность къ сему предстала мнѣ доперва года 1882 во время празднинъ. Пригласилъ мене именно старшій лѣсничій изъ Фратовецъ, сосѣдного села Бѣлокерницы, весьма образованный и сердечный Чехъ-Славянинъ, съ которымъ я въ Черновцяхъ познакомился, а такъ якъ со мною рѣшился ѣхати одинъ молодый чиновникъ изъ правительства краевого, который, хотяй крещенный по обряду латинскому, однако яко Русинъ по предкахъ, чрезмѣрно любилъ и хорошо даже зналъ обрядъ церкви гр. кат. и православной а желалъ еще познакомитись съ обрядомъ Липовановъ, тожь мы оба ôтправились поѣздомъ желѣзницы до станціи Гадикфальва. Тамъ ожидали насъ уже кони лѣсничого. Мы впередъ прибыли въ Радовцы и при случайности осмотрѣли тамъ старинную катедру епископôвъ Радовецкихъ, которы ôтъ г. 1472 по годъ 1781 тамъ резидовали и уже за правленія австрійского перенесли свою резиденцію въ Черновцы. Бывшая церковь катедральная не много розличается ôтъ старинныхъ деревянныхъ церквей волошскихъ, якіи до теперь еще въ краю, даже въ самыхъ Черновцяхъ и на передмѣстьяхъ Клокучцѣ и Каличанцѣ встрѣчаются. Церковь тая мурованная маетъ видъ шопы четыребочной. Крыша о острыхъ углахъ полтора разы такъ высока якъ самое зданіе, на которôмъ осаджена маленькая кончастая куполка, придающая такой церквѣ бôльше видъ магазина, чимъ дома Божого. Народъ русскій въ Буковинѣ говоритъ: „наши старыи церкви май бôльше семеняютъ (суть похожими) на шопы чимъ на церкви.“

Во внутри церковь темна и довольно неопрятна, хотяй иконостасъ ей старинный менѣ лучше понравился, чимъ новомодный въ катедрѣ Черновецкой. Старыи и то дорогоцѣнныи ризы церковныи, дары молдавскихъ князей пригадуютъ ризы давного монастыря Скитского, которы — тоже по бôльшой части подаренныи князями Молдавскими — теперь въ Львовѣ въ церквахъ семинаріи духовной и въ Ставропигіяльной находятся. Бôльшую однакъ ихъ часть забрали владыки до Черновецъ такъ-же, якъ и старыи рукописныи книги церковныи, которы теперь експонованы въ резиденціи митрополитальной, а именно въ первой меньшой, такъ зовимой желтой салѣ, въ шафахъ за стекломъ.

Пôдъ вечеръ приѣхали мы до Фратовецъ, села чисто румунского, где хозяи дома насъ весьма вѣжливо и даже сердеч-

---

*) Предлежащіи картинки изъ сосѣдной намъ Буковины, суть продолженіемъ такъ-же озаглавленныхъ очерковъ, автора А. П. Ш. печатанныхъ въ чч. 8, 9, 10, 11, 12 и 13 „Родимого Листка“, пôдъ криптонимомъ Г. Кр. Въ „Родим. Листку“ помѣщены были слѣдующіи очерки: 1) Мертвецъ-Владыка; 2) Свадьба въ городѣ; 3) Chamello indigena; 4) Въ храмовый день св. Параскевіи въ Черновцяхъ; 5) Торговый день въ Черновцяхъ; 6) Типы изъ народа и интеллигенціи; 7) Буковина по части Австрія а по части Америка en miniature; 8) День 15 и 16 сентемврія 1880 г. въ Черновцяхъ. — Теперь начинаемъ продолженіе тыхъ очерковъ девятою непечатанною еще картинкою, съ тымъ примѣчаніемъ, що кождая картинка становитъ для себе отдѣльную цѣлость. — Ред.

но приняли. Слѣдующого дня ôтправились мы до Бѣлокерницы, или якъ ею нашъ извощикъ румунъ называлъ, до Fontina-alba. День былъ студенный, именно сѣверозападный вѣтеръ подувалъ черезъ цѣлую дорогу. Коли мы прибыли въ село, могла уже быти 8 година. Бѣлокерница числитъ нынѣ свыше тысяча жителей и тягнется одною улицею ôтъ сѣвера на югъ. По обохъ сторонахъ витаютъ тебе хорошіи бôльшіи домы, крытыи по бôльшой части гонтами съ приперающими опрятными зданіями хозяйскими. Обыкновенно при кождôмъ домѣ есть огородъ яринный и садъ съ хорошими деревами овощевыми и пасѣкою. Извѣстно, виноградъ и медъ — то головный продуктъ, которымъ старообрядцы торгуютъ не лишь въ цѣлой майже Буковинѣ но и сосѣдной Бессарабіи и Румуніи. Село самое рѣзко ôтбываетъ ôтъ селеній румунскихъ или русскихъ и бôльше похожое на колонію нѣмецкую.

Всѣ три церкви того села мурованны, съ копулами формы грушки, крышами якъ въ цѣлой Россіи, зелено крашенными и трираменными крестами, единственными, якіи я въ Буковинѣ встрѣчалъ. Кресты у нихъ однако не желѣзны но деревянны, бляхою крыты, такъ якъ имъ крестôвъ иныхъ, якъ деревянныхъ, употребляти по той причинѣ не свободно, що Христосъ на крестнôмъ деревѣ померъ. Въ самой серединѣ села при дорозѣ стоитъ церковь приходская, въ которой дѣйствуетъ священникъ мірскій, женатый не розличающійся ôтъ своихъ прихожанъ ничимъ инымъ, якъ лишь тымъ, що волосъ у него долгій, на серединѣ головы роздѣленный, а кафтанъ и „поддѣвка“ (жупанъ) не множко долшіи. На мôй вопросъ, по чому ихъ священникъ не носитъ рясы съ широкими рукавами и подрясника, сказалъ мнѣ одинъ Липованъ: „Ряса и подрясникъ то строй народный греческій. Въ Браилѣ, въ Галачи и всюда, где Греки живутъ, греческіи купцы въ одежи ничимъ не розличаются ôтъ своихъ священникôвъ, лишь коротко стриженнымъ волосомъ. Одежь однихъ и другихъ однака. — Наши русскіи священники — казалъ дальше Липованъ — искони носили кафтаны народныи а лишь правленіе Петра В. дало имъ униформы греческіи.“ Я изумѣлся надъ тыми словами простого человѣка, который якъ видно былъ бôльше обознанъ съ дѣлами, въ справахъ бо торговельныхъ ѣздилъ по широкому свѣту, сейчасъ однакъ прійшло менѣ въ память »Нравоученіе“ епископа Львовского, Іосифа Шумлянского печатанное въ Львовѣ г. 1687 вмѣстѣ съ „Суплементомъ альбо додаткомъ до того наказанія,“ въ которôмъ ôнъ повелѣваетъ своему „Дꙋховеньствꙋ Россїйскомꙋ“, щобы „собѣ такого одѣнѧ не позвалѧли, въ которомъ отъ простого человѣка наймнѣй сѧ не рознили, бо едни въ сермѧжискахъ бѣлыхъ, дрꙋгїи хоча то въ сꙋкма́на́хъ але ꙗ҆сныхъ еще зъ гꙋ́зѣками въ мѣсто срѣбрныхъ циновыми звикли ходити, на го́ловѣ альбо кꙋчмі́ско ꙗ҆ко́е а҆бѡ бара́нюю шапкꙋ ца́ле простацкꙋ́ю а на ногахъ а҆льбѡ дегтѧнї́и чо́коты а҆льбѡ шпетнїи ходаки носѧчи.“ Видно изъ того наказанія Львовского Владыки, що и у насъ на Руси духовенство строемъ въ ничемъ ôтъ народа не розличалося, и по селахъ въ сермяги а по городахъ въ сукманы одѣвалось.

Немного дальше за приходскою церковью съ лѣвой стороны дороги стоитъ церковь монастырская а вмѣстѣ и митрополитальная съ великолѣпною звонницею и одноетажнымъ домомъ, въ которôмъ обитаютъ монахи числомъ 20—30 и самъ митрополитъ. Всѣ тіи зданія съ будынками господарскими, бôльшимъ садомъ, огородомъ яриннымъ и кладбищемъ монастырскимъ, обведены потройнымъ парканомъ съ трема брамами.

Коли прійшли мы въ церковь, до которой женщины приступу не маютъ, началася уже была литургія, которую служилъ іеромонахъ съ однимъ діакокомъ. Въ крылосахъ пѣли монахи но же всѣ; часть ихъ стояла въ бочнихъ, къ стѣнамъ церкви припертыхъ лавкахъ. Митрополитъ Афанасій, человѣкъ середного вѣку, стоялъ при престолѣ митрополитальнôмъ въ круглôмъ клобуку (якихъ употребляютъ Старообрядцы), по которôмъ въ задъ на плечи спускалась камилавка бѣлого цвѣта.

Профессоръ и медикъ.

Гуморреска

Недолева.

(Конецъ.)

III.

Р. 12. Юнія 18...

„Чи позволишь скоротити собѣ крыла?

Ты постигъ небо! Якъ совершилъ ты той героическій подвигъ?

Ярославъ и небо! Время моего отдыха обильно въ дивныи комбинаціи, въ которыхъ среди моей скуки начинаю уже любоватися. Давнѣйше, если я думалъ о Ярославѣ, то всегда въ отвлеченію ôтъ другой якой-нибудь личности. А если ты думалъ о мнѣ, то всегда лишь въ связи съ моею Юліею.

А нынѣ? Нынѣ составною частію Ярослава естъ якая-то Лидія, котора и маетъ ту саму душу, що и ты. Знаючи твôй естетическій вкусъ и идеализмъ, могу представити собѣ Лидію яко що-то надземского. Може то ангелъ? Совѣтую лучше придивитись... У мене на стôлько въ тôмъ интереса, чи она будетъ могла въ будущности быти моею паціенткою... бо ангелы не для лѣкарей...

Но и съ мною сбылась метаморфоза, которой причину складаю... на мѣстный климатъ!

Прежде всего, я оставилъ Юлію. Настояще свободно тобѣ подумати о Ксенофонтѣ безъ Юліи. Требуешь поясненія?

Я писалъ тобѣ, що красавиця изъ Х. — я буду ею называти „Вѣра« длятого, що черезъ ню я будьто увѣрилъ въ душу... въ ей душу! — що Вѣра запрятала мôй умъ. Вслѣдствіе той революціи, счастье Юліи еще бôльше ослабилось омерзѣніемъ съ моей стороны.

Твое письмо довершило начатое дѣло. Ты писалъ изъ глубины убѣжденія: „на той земли естъ небо!“ Я былъ уже на стôлько сентиментальный, що занялся тою фразою. Я постоянно повтарялъ собѣ въ мысли на половину съ ироніею а на половину съ вѣрою: на той земли естъ небо! Но то слово „небо“ я невольно вязалъ съ моею Вѣрою.

Съ другой стороны переслѣдовали мене противуположныи слова: на той земли естъ... адъ! И сновь злобный духъ шепталъ менѣ ругаючи: Ксенофонтъ избралъ адъ! Въ близости Юліи тіи шепты усилялись и я таки видѣлъ мôй адъ.

Она замѣчала мое нерасположеніе и страдала, стараючись современно быти для мене еще бôльше любезною. Но коли я въ мѣру возраста ей любезности холоднѣлъ, она поставила окончательный вопросъ.

„Ксенофонтъ, начала, скажи на милость Бога, що съ тобою?“ и черта отчаянія обезобразила ею.

Я былъ за гордый извинятися или лгати.

„Ну, щожебы Юліе, я здоровъ и сильный.“

Въ мертвыхъ очахъ Юліи заблистала слеза.

„Ксенофонтъ!“ вскричала терзаючи мене за рукавъ. „Скажи, чи любишь ты мене?“

Я безнадежно здвигнулъ лишь раменами а она еще голоснѣйше вскричала:

„Ксенофонтъ, на Бога, чи любишь еще Юлію?“

То мене розгнѣвало, по къ счастью гнѣвъ мôй прорвался наружу латиною:

„Quousque tandem“ и я началъ замашисто ходити по комнатѣ.

„Недобрый!.... ты... ты не любишь... иди иди прочь!“ цѣдила Юлія и скрывши лице въ долони, розплакалась.

Но мене и слезы не тронули и я выйшолъ ровно замашисто изъ комнаты. На подворью напавалъ кучеръ кони, и я далъ ему приказъ готовитись сейчасъ до ѣзды.

Отецъ Юліи — сѣдоглавый Полюсъ, и мати, дурная аристократка, занепокоилась моимъ поведеніемъ. Но я сказалъ имъ, що ѣду въ Перемышль по дѣламъ

Отецъ покрутилъ бѣлыи усы, мати востхнула, Юлія все еще плакала въ своей комнатѣ, а я непопращавшися ôтъѣхалъ.

На пути а именно, коли уже вскрылись контуры села Х., где обитала Вѣра, я такъ соображалъ: Юлія сказала менѣ: прочь! значитъ, розрѣшила ôтъ связи и тымъ самымъ дала полномочіе войти въ новую связь. Поѣду отже прямо до Х.... заѣду до Вѣры, розглянусь а если найду и тамъ якіи тысячи, то... adieu Юліе! если же нѣтъ, то верну до тысячей Юліи.

Но вотъ показался уже домикъ на зеленôмъ тлѣ саду. Тамъ обитаетъ Вѣра.

Солнце точно померкло, коли я задержался при саду. Но що то за видъ? Пôдъ могучимъ пнемъ широковѣтвистой липы, мелкнула женская фигура... То была она — Вѣра! То была ей голова— я видѣлъ ясно, но... подумай собѣ, та красивая, идеальная головка спочивала на рамени якого-то мужчины. Кто ôнъ?.. Я устремилъ на него мôй взоръ, но чорный капелюхъ съ великими крысами, — закрывалъ передомною его къ Вѣрѣ наклонившоеся лице... Ôнъ обнималъ ей станъ... дерзостникъ!

Я стоялъ — не номню уже якъ долго, въ нѣмôмъ удивленію а може и въ неяснôмъ озлобленію и дождался еще сцены, що Вѣра обвила счастливця обоима руками а ôнъ еще бôльше наклонился къ ей губамъ...

Все то привело мене въ якую-то невольную, дико-веселую шалость...

Я розсмѣялся на весь голосъ а потомъ вскочилъ на повозку и уѣхалъ.

И вѣрь же женщинѣ, хотяйбы она была такъ идеальна, якъ Вѣра, хотяйбы и мала душу...

Таки може и лучша безпретенсіональна Юлія."

Твôй
Ксенофонтъ.

IV.

Перемышль 25 Юнія 18...

Витай! прійди въ мои дружескіи объятія!

Душа моя упоена восторгами сладостной любви. О, еслибы ты могъ поняти мое блаженство!

Лидія — то сокровище! Она богата душею и сердцемъ, а я богатшій, чимъ ты.

Лидія уже моя! Въ тôмъ послѣднôмъ словѣ вся сущность моего счастья.

Я поѣхалъ тамъ вторично, объяснился и... она моя!

Съ той минуты каждая слѣдующая хвиля естъ новою радостію, каждый наступающій день — новымъ сіяніемъ счастья.

Въ преизбытку чувствъ, не могу пространно росписоватись. Все таки опишу тобѣ одну сцену.

Былъ тихій, погодный вечеръ. Солнце точно померкло въ дали и пôдъ охороною сумерка я и Лидія находились въ саду.

„То моя возлюбленная тропинка", начала Лидія ухватившись моего рамени.

„Свидѣтелька дѣвичьихъ мечтъ?"

„Были хвили, въ которыхъ твоя Лидія любила быти одною."

„Умѣти быти одною, то преимущество, которымъ не можетъ повеличатись малодушный человѣкъ."

„Но нынѣ твоя Лидія не хотѣла бы быти одною..."

„И твôй Ярославъ нѣтъ! О Лидія, жити съ тобою — то девизъ моей жизни!"

„Ахъ я не знаю... чи смогу усчастливити... чи не станусь препятствіемъ въ стремленіяхъ и трудѣ..."

„Не бойся мôй другъ! Вліяніе женщины умной и любящой, идеально и благотворно. Женщина така одушевляетъ, къ труду загрѣваетъ, въ стремленію поддержуетъ, въ унынію подвигаетъ, радость увеличаетъ, горести осоложаетъ — коротко, вплетаетъ, якъ говоритъ Шиллеръ, небесныи розы въ терновый вѣнецъ жизни."

Она взволновалась а по хвили спросила:

„Ярославъ, чи ты любилъ прежде?"

„Любилъ... любилъ народъ, отечество и званіе."

„Ярославъ, сказала Лидія съ ентусіязмомъ, научи мене, и я бы любила народъ, отечество, званіе..."

„Будемъ ихъ любити якъ любимъ другъ друга..."

И теперь мы придержались пôдъ широковѣтвистою липою. Я обнялъ ей станъ а головка ей почила на моимъ рамени... Я потопилъ взоръ мôй въ ей очахъ, потомъ она обняла мою шію обоима руками... я еще бôльше наклонился къ ей лицю... прикоснулся ей губамъ... якъ вдругъ послышался вблизи голосный, дивный и морозящій реготъ якого-то незванного свидѣтеля...

Негодяй!...

Кто то былъ?... Твое послѣдное письмо поучило мене, що то былъ... былъ ты! былъ мôй другъ Ксенофонтъ!

Вижу облакъ на твоимъ челѣ, но извини. Я люблю Лидію — люблю твою красавицю изъ Х. — люблю твою Вѣру! Одна то и та сама личность.

Твое первое письмо содержало именно ей приблизительную фотографію, подходящую моему идеалу женщины. Я немедленно ôтправился въ Х., где она обитаетъ у своего брата-священника и... она моя!

Не вмѣняй менѣ въ зло! Я зналъ вправдѣ, що тебе вязали съ Юліею исключно матеріальныи взгляды, но не думалъ и теперь не думаю о серіозныхъ претенсіяхъ твоихъ къ Лидіи.

Такимъ образомъ сталося, що я влюбился въ твою Вѣру и ты былъ невольнымъ свидѣтелемъ сцены пôдъ липою.

На дни 26 р. Юлія сбудется въ Х. свадьба Ярослава и Лидіи, на которую честь маю тебе торжественно пригласити!"

Твôй
Ярославъ.

V.

Р. 15 Юлія 18...

Сознаюсь, що я читалъ Твое послѣдное письмо съ возрастающою серіозностію а вѣсть, що Вѣра и Лидія — то одно и то само лице, была для мене совершенною неожиданностію, которая самъ не знаю, пріятно или непріятно поразила мене... Я призадумался на моментъ, потомъ розсвѣтилось лице мое и я убѣдился, що мнимая любовь моя была лишь игрою фантазіи, явленіемъ метеорнымъ. Была то месть Амора, прогнанного моимъ вольнодумствомъ и матеріализмомъ.

На всякій случай радуюсь, що я стался основателемъ твоего счастья, которого я съ Юліею николи не снайду. Я радо розвязалбыся съ нею, но поворотъ не возможенъ...

На свадьбу приѣду и тогды може окончательно станусь вѣрующимъ." — До свиданія

Ксенофонтъ.

Вукъ Караджичъ.

(См. портретъ на стор. 29.)

Минувшого года подали мы свѣдѣнія о жизни и дѣятельности отродителя болгарской литературы, Юрія Венелина; майже современно съ послѣднимъ, выступаетъ для сербского племени Вукъ Караджичъ, который для сербского народа является тоже творцемъ литературы, а которого имя извѣстно было уже въ первыхъ годахъ его дѣятельности, не лишь прочому славянскому міру, но и иноплеменнымъ мужамъ, занимавшимся дѣлами литературными.

Вукъ Караджичъ рожденъ г. 1787 въ Тршичи, Ядарското округа. Родина Караджича (въ переводѣ: чорный путникъ) обитала въ Дробняку въ Герцеговинѣ, послѣ же переселилась надъ Дрину. Суевѣріе родителей Караджича надало ему имя Вукъ (т. е. волкъ). У его родителей было передъ нимъ пять дѣтей; всѣ они померли и родители по мѣстному суевѣрію объясняли то тякимъ способомъ, що чаровницы зъѣдаютъ ихъ дѣтей. По той причинѣ они назвали новорожденного Вукомъ, такъ якъ — по мнѣнію народа — чаровницы не маютъ власти надъ волками.

Первымъ учителемъ Вука, былъ его сродникъ Іевто Савичъ-Чотричъ. Въ то время однакъ въ родиннôмъ селѣ Вука, якой либо книги никто и не видѣлъ, тожь Савичъ сдѣлалъ чернило изъ стрѣльного пороха, розпущенного въ водѣ и черталъ нимъ азбуку юношѣ, жаждному знанія. Такъ обзнакомился Вукъ съ азбукою. Съ немалымъ трудомъ добилъ наконецъ учитель где-то печатанный букварь и радость ученика была такъ великою, що съ книгою тою майже не розлучался.

Послѣ была основаною елементарная школа въ Ложницѣ и отецъ Караджича послалъ его тамъ на науку. Тутъ возникла въ коротцѣ епидемія и Вукъ попалъ въ школу монастыря Троноша, где однакъ монахи не много заботились о умственный трудъ и такъ Вукъ вмѣсто поступати въ знаніяхъ, приневоленъ былъ взяти пастырскую торбу и выпасати на горахъ овечіи стада. Отецъ его, узнавши, що сдѣлали съ нимъ монахи, взялъ сейчасъ сына на родину и закупилъ для него книги розличного содержанія.

Юный Караджичъ слылъ однакъ вокругъ по осадьбахъ яко „ученый человѣкъ", при свадьбахъ и пирахъ занималъ ôнъ мѣстце вблизи священника. На собранія и совѣщанія громада приглашала сына вмѣсто отця, а даже Бегъ Алайбеговичъ, тогдашній спагій Тршичи, прибывавшій кождого года для собранія податей, принималъ его за своего секретаря.

Надоспѣлъ памятный для сербского народа годъ 1804; Кара-джоржъ завозвалъ своихъ единоплеменниковъ къ оружію а 17-лѣтній Вукъ дѣйствовалъ яко писарь въ обозѣ. Турки были прогнаны, для семьи однакъ Караджича былъ той походъ случене съ громадными потерями. Турецкіи орды опустошили его родинное село, хата родителей пала жертвою огня а весь добытокъ перейшолъ въ руки ворога.

Жажда знанія влекла Караджича въ высшую школу и такъ посѣщалъ ôнъ послѣ два годы гимназію въ Карловцяхъ въ Сирміи, вскорѣ однакъ вернулъ въ Бѣлградъ, где его сродникъ Іевто сталъ сенаторомъ. Въ домѣ тогожь обиталъ тоже тогды извѣстный въ сербской исторіи Юговичъ, позднѣйшій министръ. Пôдъ проводомъ обохъ тыхъ мужей продолжалъ Вукъ свои студіи и былъ однимъ изъ лучшихъ ученикôвъ.

Года 1812 войшолъ Караджичъ въ сношенія съ народнымъ героемъ Гайдукомъ-Велькомъ, былъ въ дипломатичныхъ миссіяхъ высыланъ до паши Видина а послѣ именовалъ его Караджоржъ судьею въ Брза-Паланцѣ.

По внутреннихъ непокояхъ въ державѣ, переселился Караджичъ г. 1813 до Вѣдня, где до своей смерти, затымъ бôльше, чимъ 50 лѣтъ оставалъ.

Первымъ розсужденіемъ, обратившимъ на автора вниманіе слависты Копитара, была статья о причинахъ паденія Сербіи, напечатанна въ сербской часописи: „Србске Новине." Въ коротцѣ написалъ первую сербскую грамматику, головнѣйшою же заслугою Караджича для Славянства вообще есть изданіе собранныхъ нимъ народныхъ пѣсень, которыхъ первый сборникъ появился г. 1814.

Года 1818 издалъ Караджичъ первый словарь сербско-нѣмецко-латинскій. Караджичъ не могъ, по обстоятельствамъ своей жизни, образоватись систематично, тожь ôнъ въ своихъ трудахъ является таки автодидактомъ. Словарь однакъ выйшолъ блестательно; въ тôмъ трудѣ брали участь тоже Копитаръ, Даничичъ и пр.

Отъ г. 1826—1834 редаговалъ Вукъ альманахъ „Даница." Написалъ (г. 1828) характеристику Милоша Обреновича и подалъ головный матерьялъ нѣмецкому историку Л. Ранке, къ его знаменитому сочиненію: „Die serbische Revolution."

Въ Вѣдни одружился Караджичъ съ Анною Кравзъ, котора въ его нѣмецкихъ роботахъ была ему тоже помощною. Личность Караджича а особенно черты его лица, представляютъ типъ чисто южно-славянскій. Вукъ былъ малого роста, но уже его мати говорила о своимъ сынѣ: „И дукат je мален новац, аль више вреди од талира" (и дукатъ есть малою монетою, а однакъ цѣннѣйшій ôтъ великого таляра.)

Вукъ скончался г. 1862, оставивши дочерь Вильгельмину.

П. П.

Старшины Запорожскіи.

(См. изобр. на стр. 32)

Въ кождôмъ Курени былъ Атаманъ или Предводитель, именовавшійся Куреннымъ Атаманомъ; всѣ они стояли пôдъ головнымъ начальствомъ Кошевого Атамана. Кошевый Атаманъ и Куренныи вели жизнь во всемъ одинакую съ простыми Козаками, которыи въ одныхъ лишь походахъ оказовали имъ должное повиновеніе. Первый избираемый былъ съ общого согласія, а кождый изъ послѣднихъ ôтъ своего Куреня. Во время отсутствія Атаманôвъ, Наказныи поставляемыи также народомъ, оставались въ Сѣчи. Кромѣ тыхъ предводителей Запорожцы мали своихъ старшинъ: Войскового Судью, Войскового писаря и Есаула, такожь Подписаря и Подесаула.

На танцовальный вечеръ.

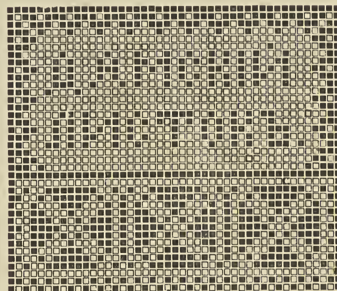
(См. изобр. на ст. 33.)

Листъ дѣвицы Н. до подруги передъ вечеркомъ:

„...Завтра у насъ „волняный вечерокъ." Мы идемъ, жаль лишь, що тебе не будетъ, вѣроятно бо будетъ то блестательный вечеръ..."

Листъ той-же дѣвицы Н., вернувшой изъ вечерка, на которôмъ дансеры явились въ весьма незначительнôмъ числѣ:

„...И такъ уже по вечерку — но я не была... Мы были препятствованы.. Впрочемъ теперь майже на всѣхъ баляхъ танецъ идетъ безжизненно..."



Историческіи женщины на Руси.

(Конецъ)

Ольга достигла уже тыхъ лѣтъ, коли человѣкъ, удовлетворивши головнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ей передъ собою и чувствуетъ суетность земного величія. Тогды истинная вѣра, бôльше чимъ коли нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ розмышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычниця, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣти торжественность обрядôвъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовати съ церковными пастырями и будучи одаренна умомъ необыкновеннымъ, увѣритися въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего нового свѣтла, Ольга захотѣла быти Христіанкою, и сама ôтправилась въ столицю имперіи и вѣры греческой, щобы почерпнути его въ самôмъ источнику. Тамъ патріархъ былъ ей наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный восприемникомъ.

Императоръ греческій старался достойнымъ образомъ угостити княгиню народа знаменитого Ольга, войшовши во дворецъ, остановилась тамъ, где Логоѳетъ или Канцлеръ обыкновенно предлагалъ иноземнымъ посламъ вопросы. За нею стали русскіи послы и купцы Логоѳетъ ввелъ Великую княгиню въ посольскую салю, где императоры въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣли на золотыхъ креслахъ, межи всѣми чиновниками

двора. Поговоривши съ императоромъ, она должна была ити черезъ розличныи комнаты въ Августеонъ или круглое зданіе съ многими крытыми переходами. Коли императоръ вернулъ изъ сали въ палату, тогды слѣдовало второе представленіе въ комнатахъ императрицы. Въ салѣ Юстиніановой было возвышенное мѣсто, покрытое багряными коврами; тутъ стоялъ престолъ, а зъ другой стороны золотыи кресла. На престолѣ сидѣла императрицiя, на креслахъ придворныи женщины. Изъ Августеона ввели Ольгу въ салю и именемъ царицы предложили ей нѣсколько вопросôвъ. — Передъ обѣдомъ княжескіи особы кланялись императрицѣ до земли; Ольга же лишь склонила голову. Послы русскіи обѣдали въ „золотой палатѣ", при звукахъ музыки. Потомъ дарили гостей грошми: племяннику княгини дали 30 миліаризій ($2^1/_2$ червонцевъ), каждому изъ осьми ей приближенныхъ 20, каждому изъ дватсяти послôвъ 12, каждому изъ сорокъ-трехъ купцевъ то же, и пр. На особеннôмъ золотôмъ столику были поставлены закуски; Ольга засѣла за столъ разомъ съ императорскимъ семействомъ. Тогды на золотой, осыпанной дорогоцѣнными камнями тарельцѣ, поднесли ей въ даръ 500 миліаризій. Дня 18-го Октоврія княгиня вторично обѣдала въ дворци, а и теперь угощеніе заключилось дарами.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о побытѣ Ольги въ Константинополи, народное баснословіе прибавило невѣроятную сказку, що императоръ, плѣненный ей розумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону, но що Ольга — нареченная въ святôмъ крещеніи Еленою, отвергнула его предложеніе, напомнивши восприемнику своему о духовнôмъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачного межи ними.

Наставленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самымъ патріархомъ, Ольга вернула въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописи, ôтпустилъ ею съ богатыми дарами и съ именемъ дочери, но здается, она вообще была недовольна его пріемомъ, що явствуетъ изъ слѣдующого факта. Скоро приѣхали въ Кіевъ греческіи послы требовати, щобы Великая княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомагательное, хотѣли тоже дарôвъ: невольникôвъ, драгоцѣнностей и воску. Ольга сказала имъ: „Коли царь вашъ постоитъ у мене на Почайнѣ (рѣка) такъ долго, якъ долго я стояла у него на Судѣ (гавань Константинопольская), тогды пришлю ему дары и войско." Съ тымъ послы и вернули къ императору. Изъ сего ôтвѣта можна заключити, що подозрительныи Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и що обыкновенная надменность Двора Византійского оставила въ ей сердцѣ непріятныи впечатлѣнія.

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила ôткрыти сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ слѣдовати за ей наставленіями. Онъ ôтвѣтилъ ей: „могу ли одинъ приняти новый законъ, щобы дружина моя посмѣялась надо мною?" Напрасно Ольга представляла ему, що его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимый въ своимъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститись, но изъявлялъ презрѣніе къ христіанамъ. Сей князь думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличити себе дѣлами и возобновити славу оружія русского; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юного героя летѣлъ въ поле. Тутъ слѣдуютъ его численныи и побѣдоносныи походы.

Послѣ многихъ побѣдъ мирное перебываніе въ Кіевѣ вскорѣ наскучило дѣятельному князю. Его сердце стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравши бояръ, ôнъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ, що ему веселше жити въ Переяславци, чимъ въ Кіевѣ, „въ столицѣ бо болгарской, якъ въ средоточію, стекаются всѣ драгоцѣнности искуства и природы; Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, Угры серебро и коней и пр." Огорченная мати ôтвѣтила ему, що старость и болѣзнь прекратятъ ей жизнь. „Погреби мене — сказала она — и тогда иди, куда хочешь." Тіи слова оказались пророчествомъ. Ольга на четвертый день скончалась.

Она запретила ôтправляти по собѣ языческую тризну, и была погребана христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, нею самою до того избраннôмъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ, оплакали ей кончину.

Преданіе назвало Ольгу Хитрою, Церковь Святою, исторія Мудрою. Ôтомстившись Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ сторонѣ своей и миръ съ чужими до совершенного полнолѣтія Святослава; съ дѣятельностію великого мужа учреждала порядокъ въ державѣ. Великіи князи до временъ Ольги, воевали; она правила державою. Увѣренный въ ей мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ передавалъ ей внутренное правленіе, безпрестанно занимаючись войнами, которы удаляли его ôтъ столицы

За время правленія Ольги Русь стала извѣстною и въ самыхъ ôтдаленныхъ сторонахъ Европы. Лѣтописцы нѣмецкіи говорятъ о ей посольствѣ въ Германіи къ императору Оттону I. Наконецъ, сдѣлавшись ревною христіанкою, Ольга — по выраженію Нестора „денница и луна спасенія" служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной вѣры на Руси.

РОЗЛИЧНОЕ.

Новый межинародный языкъ „Le non latin." Компиляція изъ розличныхъ языкôвъ, названная воляпикомъ, начинаетъ уступати мѣстце новоизобрѣтенному межинародному языку, который получилъ названіе »Le nov latin." Розличіе въ предназначенію обохъ языкôвъ лежитъ въ тôмъ, що воляпикъ долженъ былъ въ практицѣ служити предовсемъ языкомъ сообщенія въ дѣлахъ меркантилистичныхъ, въ перепискахъ лицъ розличныхъ народностей и пр. Новый же языкъ „Le nov latin" маетъ стати межинароднымъ для свѣта научного. До теперь пріобрѣли собѣ въ научнôмъ мірѣ право гражданства четыре языки: англійскій, нѣмецкій, французскій и по части италіанскій. Изслѣдователи приневолены затымъ изучити если не всѣ, то по крайной мѣрѣ нѣкоторыи изъ тыхъ языкôвъ, а если желаютъ, щобы научный міръ узналъ о ихъ трудахъ, приневолены тоже въ однôмъ изъ тыхъ языкôвъ издавати свои сочиненія. Росходится затымъ о поставленіе одного научно-межинародного языка, въ которôмъ былибъ печатаны научныи сочиненія авторôвъ якой-нибудь народности. Понятно, що англичанинъ хотѣлъ бы видѣти такимъ языкомъ — свôй англійскій языкъ, нѣмецъ — нѣмецкій и т. д. Тутъ затымъ выборъ не можетъ быти довершенъ за общимъ согласіемъ. На видъ розвязка той квестіи весьма легка; слѣдуетъ избрати языкъ латинскій. Тутъ однакъ предстоитъ то само препятствіе, языкъ бо латинскій въ сровнанію съ прочими еще труднѣйшій къ изученію. Во виду того назначило общество „Philosophical Society" въ Филядельфіи, комиссію къ розслѣдженію воляпика и къ осужденію, о скôлько воляпикъ употребленъ можетъ быти въ цѣляхъ научныхъ. Комиссія обвѣстила свое мнѣніе, въ которôмъ доходитъ къ результату, що воляпикъ не можетъ служити межинароднымъ научнымъ языкомъ. Мнѣніе то сообщило общество многимъ научнымъ обществамъ въ мірѣ и яко дальшое послѣдствіе того комуниката является проектъ Дра Розы, италіанского изслѣдователя, дотычно введенія „новой латины, межинародного научного языка, опертого на основахъ природныхъ" (Dre Daniele Rosa, „Le nov Latin, international scientific lingua super natural bases"). Введеніе нового языка, на который яко сотворенный языкъ, лингвисты, природно, задивляются скептично, будетъ слученымъ съ реформою грамматики латинской до самой простой

нормы, которой изученіе не малобъ представляти много трудностей. Предвижуючи однакъ трудности, Дръ Роза высказуетъ мнѣніе, що такій общій языкъ можетъ мати право быта, если словарь латинскій пріймется такимъ, якимъ есть, а управильнится грамматику въ слѣдующихъ точкахъ: „Le nov latin“ приннмаетъ альфавитъ и выговоръ латинскій безъ змѣны. Въ деклинаціи окончаніе слова не змѣняется. Другій надежъ формуется при помощи de, третій при помощи ad. Суть два роды, мужескій и женскій. Число множественное творится черезъ приданіе s или es. Примѣромъ: le puer (хлопецъ), les puers (хлопцы). Прилагательныи степенуются черезъ приданіе plus, mult, vere и пр. Глаголы маютъ окончаніе ar, er, ir. Время минувшое повстаетъ при помощи слова haber, будущое при помощи vol, пассива съ словомъ star (amar — люблю, star amar — есмь любленый). Синтаксы нѣтъ въ „новой латинѣ“. Кождый можетъ писати по духу своего языка. Нѣмецкіи критики въ тôмъ послѣднôмъ обстоятельствѣ видятъ головный недостатокъ новой латины, въ тôмъ бо случаю повсталабы нова латина англійска, нѣмецка, французска и пр. Не меньше и дотеперѣшній словарь представлялбыся недостаточнымъ.

Изъ гумористики

Розмышленія Выдумальского.

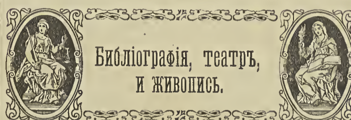
Гмъ... Кажутъ: „стрѣла летитъ.“ То невозможно. Стрѣла не можетъ летѣти т. е. она не можетъ двигатись. Положѣмъ бо, що стрѣла или якій нибудь предметъ, есть въ воздусѣ. Если она есть въ якой точцѣ, то она не можетъ не быти тамъ, ровновременно бо предметъ въ однôмъ мѣстци быти и не быти не можетъ. Стрѣла затымъ муситъ быти въ той или той минутѣ на тôмъ или инôмъ мѣстци. Слѣдовательно — она не двигается, движеніе бо есть противноположностію оставанія на однôмъ мѣстци.

I. Х. въ Я. Затымъ за минувшій годъ уплачено.

П. Щ. въ С. Передали дотычнымъ редакціямъ.

С. В. въ М. Розсказъ будетъ напечатанъ, также и присланныи вами записки етногр. Пишете межи иными: „Що до пѣсней, то тутъ спѣваются народомъ обыкновенныи пѣсни, еслибъ однакъ придались, могу прислати.“ — Тутъ именно о то и росходится, щобы тіи обыкновенныи пѣсни собрати, въ нихъ бо отражается душа и жизнь народа. Въ той обыкновенности народныхъ пѣсней лежитъ именно ихъ совершенство; народъ въ тыхъ пѣсняхъ является поетомъ, которому такъ що до внѣшного вида якъ содержанія стиха — лишь поеты - избранники доровнати могутъ. У народа ритмъ и римъ удивительно легкій и правильный, а ритмъ а римъ становлятъ, якъ извѣстно, слабую сторону поетôвъ. До того въ сровпаніяхъ и метафорахъ поетичныхъ не кождый поетъ можетъ соперничати съ народомъ. Возьмѣтъ хотьбы пѣсни „На полонинахъ“ (ч. 14 „Нов. Гал. за г. 1890), -- о которыхъ вы тоже упоминаете — а найдете тамъ прекрасныи аналогіи межи происшествіями въ природѣ а въ души спѣвающого, любовь и интерессъ для природы, а наконецъ замѣтна тамъ и та нѣжная поетическая меляпхолія, котора — по словамъ Де-Стасль — знаменуетъ правдивого поета.

Кр. въ Ш. Пытаете, по якой причинѣ называется одна улица во Львовѣ улицею Боимôвъ и кто суть тіи Боимы? Отвѣтъ на то дадутъ вамъ слѣдующіи подписи, умѣщенныи пôдъ двома портретами на (внѣшной) стѣнѣ каплицы, стоящой вблизи латинской катедры: „Georgius Boim, Consul Leopol. Capellae istius fundator. An. 1617.“ и „Hedvygis de Nisnious Boim.«



„Житія Святыхъ гр. каѳ. церквою почитаемыхъ на кождый день въ году по найлучшимъ источникамъ собралъ Иларіонъ Гмитрыкъ, професссоръ Богочестія въ ц. к. гимназіи въ Самборѣ. Изданіе одобрене Преосв. гр. каѳ. Ординаріатомъ въ Перемышли 22 Вересня 1890 ч. к. 1456. Выпускъ первый. Мѣсяцъ Септемврій. Цѣна выпуска 50 кр. (съ реком. пересылкою 70 кр.) Самборъ. Накладомъ автора. Зъ печатнѣ Шварца и и Трояна, 1891.“ — Пôдъ тымъ заглавіемъ появился изъ печати первый, старательно составленный выпускъ изданія, которое способно служити и для духовенства отвѣтнымъ подручникомъ и для народа полезною лектурою. О условіяхъ подписки узнаютъ читатели изъ слѣдующого, умѣщенного въ первôмъ выпуску заявленія самого-же автора: „Пускаючи въ свѣтъ Божій первый выпускъ „Житія Святыхъ“, извѣщаетъ пôдписанный симъ, що цѣлое сочиненіе состояти будетъ що найменьше изъ 100 печатаныхъ листôвъ и будетъ издаватись періодично выпусками що 8 недѣль. Кождый выпускъ будетъ обнимати по одному мѣсяцю житія Святыхъ. Первыи три выпуски будутъ составляти I. томъ; при третôмъ выпуску будетъ долучено заглавіе и содержаніе I-го тома. Цѣлое сочиненіе выйдетъ въ 12 выпускахъ (въ IV. томахъ) въ продолженію 1891 и 1892 г. Предплата на одинъ выпускъ безъ пересылки почтовой 50 кр.; съ рекомендованною пересылкою 70 кр. Подписка на одинъ годъ (6 выпускôвъ, 50 листôвъ печати) безъ пересылки почтовой 3 злр.; съ рекомандованною пересылкою 4 злр. Назначаючи самую низкую и доступную цѣну, пôдписанный остаетъ въ надеждѣ, що тое сочиненіе найдетъ предовсемъ у Всч. духовенства радостный пріемъ и благосклонную поддержку — и що тоеже поспѣшитъ выписати тое сочиненіе для себе и для своихъ церквей, читалень, а також поручитъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Слѣдующіи выпуски будутъ высылатись лишь тымъ, которыи зложатъ предплату. Если знайдется бôльшое число предплатителей, зъобовязуется пôдписанный до кождого тома долучити 12 иллюстрацій, которыи будетъ можна въ текстъ вложити и разомъ переплести. По причинѣ, що накладъ сего объемистого сочиненія вымагаетъ много издержокъ, проситъ пôдписанный, поспѣшати съ пересылкою предплаты; заразомъ звертаетъ увагу на тое, що по выпечатанію цѣлого сочиненія цѣна его будетъ о 2 злр. пôдвысшена. Предплату упрашается присылати прямо пôдъ адресою сочинителя и издателя. — Иларіонъ Гмитрыкъ, професоръ Богочестія въ ц. к. гимназіи въ Самборѣ.“

„Русская Библіотека, 1891 г. Изданіе И. Н. Пелеха. Выпускъ I. Январъ. Мировичъ, романъ Г. П. Данилевского. Львовъ 1891.“ Предлежащій романъ есть однимъ изъ знаменитшихъ сочиненій Данилевского, о которого жизни и произведеніяхъ упоминали мы въ однôмъ изъ попередныхъ нумерôвъ „Нового Галичанина“. Подписная цѣна на „Русскую

Библіотеку" выноситъ 2 злр. 40 кр. въ годъ за 12 ежемѣсячныхъ выпусковъ.

„**Изданій Общества Мих. Качковского**" число 183, за мѣсяцъ Лютый г. 1891 содержитъ господарскіи порадники: 1) „О тяжкихъ породахъ у рогатой худобы". Антонія зъ Побережа, 2) „О плеканію рогатой худобы" (ôтчитъ въ чытальнѣ въ селѣ Торкахъ) Т. Лисковацкого, и 3) „О выхованью и познаванію доброй на молоко коровы" Ст. Л. См

„**Статутъ народного базара** Общества зарегистрованного съ обмеженною порукою. — Изъ тип. Ставр. Инст. 1891."

„**Уставъ** ссудо-сберегательного общества, реестрованного товарищества съ ограниченною порукою. Написалъ для русского народа въ Галичинѣ и Буковинѣ Данiилъ М. Козарищукъ, редакторъ-издатель „Науки". Собственнымъ иждивеніемъ. Вѣна. Изъ типографіи Ивана Н. Верная въ Вѣнѣ. 1890."

„**Библіотека музикальна.** Выпуск 16. ‚Вітрогони,' Коломыйки на фортепян О. Нижанковского. Львів. Ціна 30 кр. Автографія А. Косткевича. Львів." — Прежніи выпуски „Библіотеки музыкальной": VI) „Не чужого мы бажаемъ", дуетъ на тен. и баритонъ съ сопроводомъ фортепьяна. Мих. Вербицкого — 20 кр.: VII) „Quod-libet I" изъ нар. укр. пѣсней. Хоръ мужескій, Н. Лисенка — 30 кр.: VIII) „Помарнѣла наша доля" сольо баритон. съ форт. А. Вахнянина — 10 кр.; X) „Въ Петрôвку" и „Якъ бымъ знала", 2 квартеты мужескіи, Ис. Воробкевича — 25 кр.; — XI) „Quod-libet II" изъ народ. укр. пѣсней. Хоръ мужескій, Н. Лисенка — 30 кр.; XII) „До бою!" хоръ мужескій съ форт. Пор. Бажанского — 20 кр.; — XIII) „Вечеръ и Милованка", два тенор. сольа съ сопр. форт. — Н. Лисенка — 20 кр.; — XIV) „Три шляхи", хоръ мужескій Г. Топольницкого — 25 кр.; XV) „Три пѣсни", Евг. Купчинского—25 кр. Прочіи роспроданы.

ЗАГАДКА-ЧАСОСКАЗЪ.

XII
XI I
X II
IX III
VIII IV
VII V
VI

Числа часосказа слѣдуетъ перемѣнити въ буквы, щобы тіиже по очереди въ ниже поданныхъ складахъ означали:

1, 2, 3, — составную часть дома.
2, 3, 4, 5 — преподаваніе.
3, 4, 5 — мѣра времени.
4, 5, 6 — часть лиця.
4, 5, 6, 7 — рыба.
5, 6, 7 — домашній скотъ.
5, 6, 7, 8, 9 — часть дерева.
6, 7, 8—мѣстоименіе женского рода.
7, 8, 9, 10, 11, 12 — совѣщаніе.
8, 9, 10, 11,— городъ въ Угорщинѣ.
9, 10, 11, 12 — совѣтъ.
10, 11 — пекло.
10, 11, 12, 1 — имя мужеское.

Юл. И. Дзер.

Розвязка дополнительной задачи на стр. 15.

к Р ы м
б р О м
а Ж і о
в о Д а
п Е р о
в и С т
о Т т о
с о В а
к О л о
с о Х а
а Р і а
к л І о
о С е л
в а Т а
к О р а
м о В а
д О д с

Розвязка силлябовой задачи на стр. 15.

1) Полтава — 2) Рим — 3) Ерато — 4) Суд — 5) Толедо — 6) Унг — 7) Пятница — 8) Лермонтов — 9) Египт — 10) Нотар — 11) Іоппе — 12) Ерусалим — 13) Индикъ — 14) Нарцис — 15) Альфіери — 16) Кальноки — 17) Арак — 18) Зевс — 19) Андрасси — 20) Насып — 21) Іона — 22) Ескиз

т. е.: Преступленіе и наказаніе — Записки изъ мертваго дома.

Новоприступающіи предплатители получаютъ на желаніе и попередніи числа.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій — Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 4. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Лютого 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

Панаотъ Гитовъ.

Розсказъ изъ болгарской минувшости.

(Переводъ изъ болгарского.)

I.

Я былъ рожденъ г. 1830 въ Сливнѣ на южнôмъ склонѣ Балкана. Мôй отецъ звался Иванъ Гитовъ, моя мати Сава. Мôй прародитель изъ стороны матери именовался Христоскалемъ, а его отецъ Златкомъ-Чорбаджимъ, который въ свое время былъ знаменитымъ мужемъ; и теперь еще живенъ ôнъ въ воспоминаніяхъ населенія Сливна. Якъ лишь Чорбаджи ишолъ улицею, поднимались изъ своихъ мѣстъ Турки и глубоко покланялись ему; коли явился на совѣщанія, принимали его ханы и беги съ великою почтительностію. Златко Чорбаджи вливалъ въ Турчинôвъ такую тревогу, що они рѣшили, устранити его изъ свѣта, и на дѣлѣ убили его. Ôнъ въ ту пору былъ еще юнакъ въ полной силѣ.

Мôй отецъ былъ горнякомъ, и выпасалъ овечіи стада на горахъ. Его имѣнье было не великое. Въ дванатсятôмъ году моей жизни, ôнъ началъ объучати мене въ своимъ занятію, и такъ выросъ я въ лѣсѣ при овечьихъ и козьихъ стадахъ, обзнакомился съ ручницею, и научился надовсе цѣнити свободу. Слѣдуетъ примѣтити тутъ, що въ нашой сторонѣ лишь гайдуки и овчари суть людьми свободнымн. По крайной мѣрѣ свободны они ôтъ турецкого ига и въ даннôмъ случаю готовы многіи Болгаре, за одну свободную, счастливую минуту, жертвовати за нихъ свою жизнь.

Благовѣщеніе.

Одного вечера змѣнился мôй дотеперѣшній бытъ. Отецъ, вступившій въ комнату, подалъ мнѣ въ руки ручницю и кажетъ: „Возьми, сыну, свое оружіе и иди спати по за нашъ шаласъ.“ Я однакъ молодый, неопытный хлопакъ, не слѣдовалъ тому званію и осталъ при овчаряхъ, которы предавались беззаботно веселію, пѣснямъ и шуткамъ.

Такъ минало незамѣтно время, коли наразъ насунулась на насъ толпа вооруженныхъ Турчинôвъ. Началась борьба, но невеликое число нашихъ товаришей не могло долго супротивлятись. Турки опу-

стошили все, що найшли въ нашой хатѣ, связали мене и двохъ еще товаришей и взяли насъ съ собою. Двохъ иныхъ освободили они еще передъ розсвѣтомъ, поручили имъ однакъ, заявити моему родителю, щобы уплатилъ Турчинамъ 1000 дукатôвъ. „Не пошлетъ намъ Иванъ грошей — тогды нехай прійдетъ въ Ройну по кости своего сына“, сказалъ одинъ изъ Турчинôвъ. Мôй отецъ взялъ ручницю и выйшолъ глядати мене. Мы прійшли съ Турчинами въ осадьбу Іенова-Булка. Тутъ роздался за нами стрѣлъ и одинъ изъ напастникôвъ упалъ мертвый; прочіи оставили мене а сами бѣжали. Въ коротцѣ узрѣлъ я моего отця, который сталъ моимъ освободителемъ.

Ôтъ той поры розстался я съ житьемъ пастырскимъ и сталъ торговщикомъ. Дѣло однакъ не ишло по мысли. Свободному человѣку не къ лицю, продавати невѣрнымъ сыръ за три пари и при тôмъ конечно принимати розличныи притипки ôтъ покупателей. Въ продолженію трехъ лѣтъ — я потерялъ половину моего капитала. Турчинскіи чиповники брали товаръ и не платили; такъ живешь въ державѣ, где нѣтъ законôвъ ни ладу, а где каждый Турчинъ розбышакою. Такъ покинулъ я и городъ и сталъ снова заходитись съ марженою.

Года 1855 умерла моя матерь. Насъ было двохъ братей и двѣ свѣчанныи сестры. Въ ту пору ишла вѣсть межи людьми, що Болгаре намѣряютъ межи собою, не глядаючи соизволенія у турецкихъ властей, завести подѣлъ наслѣдій. Послѣдуючи той вѣсти, мы первыи призвали нашихъ сродникôвъ и сосѣдôвъ, щобы подѣлитись имѣніемъ, оставшимъ по нашой матери. Въ три лѣта однакъ послѣ того, наклонили якіи-то турчинскіи спекулянты мою сестру, щобы домагалась изъ нова удѣла изъ материнского имѣнія. Я супротивлялся, и сестра завозвала мене передъ судью. Кади былъ однимъ изъ тыхъ ненасытныхъ паразитôвъ, которы высысаютъ кровь народа. Ôнъ выслалъ зафтія за мною, и призвалъ передъ судъ. То возбудило мою кровь.

„Иди передъ мною въ зданіе суда, а я сейчасъ за тобою прійду“ сказалъ я къ зафтію. Я именно стыдался, передъ цѣлымъ свѣтомъ ити въ судъ въ сопроводѣ жандарма.

„Кади приказалъ мнѣ, ити разомъ съ тобою, иначе ты можешь бѣжати.“

Такъ выйшли мы. Мы ступали по улицяхъ, люде смотрѣли на насъ и указовали на мене съ выразомъ удивленія и съ насмѣшкою, и все то сновь розогрѣло мою кровь. „Прошу, оставь мене!“ кажу сновь къ зафтію. „Иди передъ мною или за мною, такъ якъ мнѣ стыдно передъ людьми.“ Турчинъ однакъ, якъ каждый бисурманинъ, сдѣлалъ совсемъ противное. Ôнъ приступилъ еще ко мнѣ, взялъ за руку и такъ хотѣлъ мене насиліемъ вести. Во виду такой дерзости Турчина я не зналъ уже розсудительности; намѣрилъ, положити всему конецъ. Я хватилъ зафтія, кинулъ его къ землѣ и наступилъ ногами. Послѣ того, коли кровь моя уже утихомирилась, прійшолъ я къ Чорбаджимъ, и розсказалъ имъ все, що сбылось. Извѣстно, болгарскіи Чорбаджи — то въ бôльшой части бисурмане, тожь я свернулся не къ моимъ приклонникамъ. Но я былъ еще молодый и неопытный. Наши Чорбаджи,*) вмѣсто спросити мене о причину, по якой насильно привелъ мене зафтій въ судъ, начали упрекати и наставляти мене.

„Не знаешь ли“ кричали они, „що намъ запрещено супротивлятись Туркамъ? Якъ ты постелилъ, такъ будешь спати! Жаль, що Кади до теперь еще не вложилъ тобѣ стричка на шію!“

Я проклялъ ихъ въ душѣ. То отже была помощь, данная мнѣ Чорбаджими, которыхъ избралъ народъ для защиты нашихъ дѣлъ. Теперь явились пандуры и привели мене передъ судью.

Начались судовыи запросы. Що-нибудь я хотѣлъ объяснити, за каждый разъ прерывалъ мнѣ Кади. „Молчи, ты псе! Ты заслужилъ висѣлицю!“ Такимъ турчинскимъ поведеніемъ былъ я до той степени взволнованъ, що я намѣрялъ уже, кинутись на судью и сдавити его. Я однакъ побѣдилъ себе, и судья издалъ рѣшеніе. По тому рѣшенію долженъ былъ я, уплатити сестрамъ еще 200 дукатôвъ, или оставити родительскій домъ. Извѣстно болгарскій обычай не дозваляетъ дочерямъ, присвоивати собѣ родительскій домъ такъ долго, поки сыны жіютъ. Я былъ однакъ приневоленъ, уплатити 200 дукатôвъ, щобы освободитись ôтъ суда. Мнѣ тяжко стало на сердцѣ, и я рѣшилъ, продати где-що изъ своего имѣнья и затерти всякій слѣдъ за собою. Одного дня прикликалъ я своего брата, передалъ ему добытокъ, и хотѣлъ на всегда роспращатись съ нимъ. Мôй братъ любилъ мене и узнавши о моимъ намѣренію, сказалъ: „Я иду съ тобою, хотьбы въ пекло!“ Съ трудомъ лишь уговорилъ я его, щобы осталъ въ родимôмъ селѣ. Вслѣдъ затымъ ôтправился я вмѣстѣ зъ моимъ шуриномъ Стояномъ гуляти по горахъ и лѣсахъ, щобы прилучитись къ товаришамъ, о подвигахъ и славѣ которыхъ я много до теперь зачувалъ.

Такъ сталъ я гайдукомъ.

II.

Я уже на Старой-Планинѣ, на горахъ.

Я сказалъ уже, що гайдукъ — найсчастливѣйшій человѣкъ въ турецкой державѣ. Моя душа рвалась до свободы, до почестей, до справедливости. Лишь Старая-Планина могла дати мнѣ то, чого бажала душа.

Въ округъ Старой-Планины розлягается краса природы, на видъ которой сердце бьется тобѣ. Поглядаешь внизъ на болгарскую ровнину, замѣчаешь городы Бургасъ и Карнабатъ, розпознаешь въ дали Чорное-Море. Горы вокругъ покрыты буковыми лѣсами. Къ западу протягаются горганы, скалы и провалъ, выдающійся изъ дали, якъ насыпы опавшихъ облакôвъ. Къ сѣверу — выжина съ болгарскими и турецкими осадьбами. Камчія, выплывающая вблизи Котеля, вьется пôдъ тобою якъ змія и поблыскуетъ пôдъ лучами солнця якъ дьямантъ.

Очеровательнымъ на Старой-Планинѣ мѣсто, где вырынаетъ керниця, зовимая „Царскимъ Изворомъ“. Той Болгаринъ, который издумалъ пѣснь, начинающуюся словами:

„Гора, ты зеленая гора,
И ты зимная керничко...“

безъ сомнѣніи былъ въ ту пору на тôмъ мѣстѣ. Не могу описати вамъ, якіи чувства овладѣли мною, коли я въ первый разъ тамъ стоялъ. Весна была пречудесна, дерева покрылись первыми блѣдо-зелеными листками, а воздухъ былъ такъ чистый, такъ свѣжій, вонный и покрѣпляющій! Все то дѣйствуетъ на человѣка съ такою солодкою силою, що побуждаетъ его, все любити, свою отчину, своихъ братей стонающихъ пôдъ ярмомъ, и даже своихъ ворогôвъ. Я по моей части сознаюсь откровенно: въ ту минуту я готовъ былъ, объяти моихъ найбôльшихъ ворогôвъ, еслибъ лишь послѣдніи дозволили моимъ братьямъ, свободно и счастливо проживати и любоватись природою.

Тіи впечатлѣнія однакъ тревали не долго. У стопъ горы лежало село, которого состояніе смоглобъ и каменный упоръ обезоружити; на полъ сожженное, опустошенное, разоренное. Даже дерева въ загородахъ выглядали якъ несчастныи подданныи султана; крыши хатъ были до той степени повреждены, подерты, согнившіи, що страдающіи души и тѣла живущихъ пôдъ ними селянъ, не могли найти сохраненія ни ôтъ осеннихъ ураганôвъ, ни ôтъ снѣжныхъ засыпôвъ. Кто хочетъ поняти, чимъ есть невольничество, нехай приглянется болгарскому населенію по осадьбахъ, лежащихъ при головныхъ шляхахъ, а подпадающихъ нападамъ и разореніямъ бушующихъ туда Турчинôвъ. Фанаріотскіи вражды и турецкіи оружія привели болгарскій народъ къ такому состоянію, що ôнъ потерялъ образъ божій и теперь подобаетъ радше на орудія къ копанію и оранію на жниво иныхъ людей.

* * *

*) Чорбаджи=знаменитшіи изъ межи „раевъ“, неоднократно остававшіи на услугахъ Турчинôвъ.

Выйшовши гуляти по Старой-Планинѣ, я питалъ лишь одно желаніе — желаніе мести, котора должна была припасти турецкимъ розбышакамъ, не знающимъ ни чести, ни человѣколюбія, ни справедливости. То же стремленіе руководило и моимъ шуриномъ Стояномъ. У него были четыре братья, изъ которыхъ одинъ именовался Тодоромъ и занимался торговлею. Одного дня попалъ ônъ въ борьбу съ Турками, которы розрушили его ногу. Ônъ лежалъ два лѣта недужный и потерялъ майже все свое имѣнье. Стоянъ хотѣлъ помститись за своего брата и убилъ двохъ Турчинôвъ. Прочіи Турки узнали, кто есть убійцею ихъ товаришей и засѣлись на Стояна, щобы его устранити изъ свѣта.

Межи товаришами, прилучившимися къ намъ, былъ Георгій Трикинъ изъ Сливна, проживавшій въ Добруджи. Былъ то старый гайдукъ и мы избрали его своимъ воеводою. Пôдъ его предводительствомъ прожили мы такъ цѣлый годъ, не могли однакъ ничого сдѣлати, такъ якъ мы были еще молоды и неопытны. Надойшла осень, листья опали изъ деревъ, хранившихъ насъ до теперь, и мы мусѣли розглянутись за якимъ прибѣжищемъ на время зимы. Мы скрылись въ пещерѣ и выслали хлопака къ нашимъ другамъ въ Сливнѣ, щобы надослали намъ муки, сыра и соленного мяса. Въ продолженію седмицъ проживали мы, якъ медвѣди въ ямахъ. Зима однакъ была строгая, слѣдовали снѣжныи метелицы, подувалъ ледовый вѣтръ и мы на дѣлѣ не знали, що начати дальше. Къ тому еще товаришъ нашъ Стоянъ значительно занедужалъ. Одного дня, выйшолъ я на шляхъ, которымъ протягали туда купцы, и у нихъ просилъ я коня. Купцы знали мене и сполнили мое прошеніе, не хотѣли однакъ приняти заплаты, хотяй я имъ оную предлагалъ.

„Къ чому тобѣ конь?“ пытали купцы.

„Товаришъ занемогъ, я хочу привести его въ село.“

„Бери-жь коня и дѣлай, якъ задумалъ. Зима строгая. Иди съ Богомъ.“

Такъ взялъ я коня, призвалъ Стояна и привелъ его въ сосѣдное село Стрельчу. Тамъ мали мы одного друга Ивана, который былъ бы жизнь за насъ ôтдалъ. У простого бо болгарского селянина есть сердце, чистое якъ дьямантъ. Кто путешествовалъ по болгарской землѣ и проживалъ среди селянъ, той мусить признати, що межи Болгарами суть люде о честной ясной души, съ найлучшимъ сердцемъ, которы въ своей груди, пôдъ тягаромъ тяжкой панщины и пôдъ давленіемъ глубокого несознанія, носятъ таки зародыши давной свѣтлости и счастливой будущности.

(Конецъ посл.)

РОЗДУМЬЕ.

Иванъ Гущалевичъ.

Опруся на руку въ задумью
По долгихъ клопотахъ, журбахъ,
Дивуюсь людскому безъумью,
Якъ въ дневныхъ мучится борьбахъ,
Якъ господствуетъ раболѣпцо
Одинъ надъ другимъ — а самъ рабъ,
Якъ ясне зрѣніе ослѣпло
И якъ затьменный умъ ослабъ.
Не есть то знакъ временъ счастливыхъ,
То продолженье давнихъ бѣдъ,
Предвѣстникъ дней и лѣтъ бурливыхъ,
Ихъ въ прошлôмъ вже замѣтный слѣдъ.
И жертвы вже опредѣлены,
Яки? Узнати нѣтъ чого.
Жертвенники нерозрушенны,
Ростетъ поклонникôвъ число,
А ожиданье многолѣтно
Прекоротится въ пламеньяхъ,
За нимъ другое незамѣтно
Нѣдрится въ жизненныхъ струяхъ.
И сновь жрецы, говѣнны волхвы
Своихъ поклонникôвъ призвутъ
И пустятъ въ ходъ прилѣжны толки:
Вже блиско время новыхъ смутъ.
На мѣстѣ роковôмъ приносы
Могучовь волею столпятъ
И наведутъ нежданны грозы,
Конця ихъ будутъ ожидать.
Все въ жизни цѣпи непрерывной
Перемѣняется, ростетъ,
Насъ долѣтаетъ звукъ призывный:
Борись, твôй шагъ не пропадетъ.
Однимъ ônъ служитъ на паденье,
На степень другимъ къ высотѣ,
Во всемъ свое есть ôтновленье,
Взаимно жизнь и смерть въ борьбѣ.
Кто побѣдительновъ стопою
По трупахъ жертвенныхъ садитъ,
Ударитъ гордовъ головою
Въ скалистый камень нерозрытъ,
А властвующая рука вздрогнется
Предъ перепоною своей,
И сила съ силою столкнется,
Люде потягнутъ на людей.
Борьба на ново затѣянна
Новыи жертвы поведетъ,
На слезахъ лести власть созданна
Якъ падала, такъ сновь падетъ!

ЕТНОГРАФІЯ.

6) Изъ Бойковщины.

(Повѣтъ: Турка.)

Заорованье въ селѣ Яблонцѣ. Выбираючись въ поле первый разъ орати, запрягаетъ газда волы до воза, наладованного плугами, зажегаетъ свѣчку, беретъ коновку съ водою, и съ тымъ всѣмъ обходитъ три разы возъ и волы; теперь обливаетъ тою водою волы, послѣ же кладетъ на возъ два бохонки хлѣба, вложенныи въ двѣ торбы и выѣзжаетъ. Приѣхавши на поле, запрягаетъ волы до плуга, торбы же съ хлѣбами завѣшуетъ на ярмѣ. Теперь пускаетъ плугъ въ землю, а выоравши три скибы, кладетъ пôдъ третую скибу сырое яйце и кусокъ пасхи. Послѣ того приготовленія, которое называется заорованьемъ, идетъ уже дальшая обычная робота. Каждое дѣйствіе при заорованью маетъ свое значеніе. И такъ берутъ свѣчку на то, щобы солнце въ яри свѣтило, воду, щобы дощъ переходилъ, хлѣбъ, щобы хлѣба всегда было много, яйце и пасху, щобы пасха на слѣдующій годъ изъ того зерна была такъ бѣла, якъ яйце. — Коли вечеромъ вернутъ уже первого дня плугаторы изъ поля, газдиня стаетъ коло порога въ хатѣ или въ сѣни съ водою и вступающимъ плугаторамъ брызгаетъ въ очи водою, щобы въ яри сонъ ихъ не чепался.

Коли садятъ капусту? (Тамъ-же). Нарвавши въ решето розсады, идетъ „добрая“ газдиня садити. При выходѣ изъ хаты, кидаетъ великій клубокъ нитокъ межи розсаду, кропитъ ею молокомъ и спѣшитъ на грядки. Тутъ всаджаючи первый фланцъ въ землю, вкладаетъ его разомъ съ кропивою, и садитъ дальше, кидаючи клубкомъ по грядцѣ. Окôнчивши роботу, вкладаетъ въ грядку нѣсколько вѣтвей изъ вербы или лозины, согнувши ихъ горѣшніи концы въ видѣ круга и завязавши въ великій обручъ. По такой роботѣ ôтходитъ газдиня довольна, що капуста мусить быти хороша, такъ якъ клубокъ взятый на то, щобы капуста свивалась твердо якъ клубокъ, молоко, щобы была бѣла, якъ молоко, кропива, щобы была всегда свѣжа якъ кропива, верба, щобы такъ скоро принялась якъ верба принимается, обручъ завязанный, щобы головки капусты были такъ великіи.

Плачъ дитяти. (Тамъ-же.) Если случится, що малое дитя дуже плачетъ, то певно: що сосѣдка, у которой есть тоже малое дитя, издала на ихъ дитя плачъ. Тогды идетъ мати въ ночи передъ сосѣдскую хату, и вырываетъ изъ стрѣхи, напротивъ горѣшного (т. е. найдальшого ôтъ дверей) ôкна, немного соломы, и бѣжитъ съ тымъ до своей хаты. Тутъ дѣлитъ тую солому на три части, и вкладаючи ею до колыски, говоритъ: „У мене блескъ, до тебе (т. е. до сосѣдки) вѣскъ (ч. е. верескъ дитяти)!“ Тіи слова повтаряетъ три разы, вкладаючи за каждый разъ солому.

Пробы передъ сватаньемъ. (Тамъ-же.) Весьма оригинальныи встрѣчаются тутъ приготовленія пробныи передъ вы-

сылкою сватôвъ. Если молодецъ выбирается въ сваты, то родители его или кто нибудь, обитающій въ той хатѣ, вечеромъ мѣряютъ воду на его счастье, слѣдующимъ способомъ: берутъ лямпку или — по мѣстному названію — порцію, наливаютъ за кождый разъ полно и девятъ такихъ мѣрокъ сливаютъ въ одну судину, послѣ накрываютъ послѣдную, кладутъ на безпечное мѣстце, и такъ стоитъ судина чересъ цѣлую ночь. На слѣдующій день рано всѣ торжественно собираются, и мѣряютъ тою самою лямпкою воду. Если воды убôльшилось хотьбы о лижечку, то женихъ смѣло и весело посылаетъ въ сваты, надѣтый кусокъ хлѣба. Подперши руку, щобы не хиталась, держитъ такъ женихъ нитку долго надъ мисочкою, вокругъ же него прочіи приглядаются. Жениху слѣдуетъ теперь повернути ниткою такъ, щобы таяжь свернувшись якъ пендель ôтъ годинника, ударила напротивъ хлѣба. Тогды съ избранною будетъ жениху добре поводитися. Если же игла ударитъ противъ угля, то не слѣдуетъ посылати въ сваты, и женихъ глядаетъ иной.

Ворожки на св. вечеръ. (Тамъже.) Коли уже газдиня все поваритъ, сѣдаютъ всѣ до стола, лишь газдиня стоитъ еще коло печи. Тогды газда кличетъ: „Ходи ѣсти жѣнко!". Жена: „А що ѣсти?" Мужъ: „Сметану." Такіи вопросы и отвѣты идутъ трикратно, послѣ кажетъ жена: „Дай Боже, щобысьмо цѣлый рôкъ сметану ѣли!", приближается до стола, и разомъ вечеряютъ. По вечерѣ беретъ газда хлѣбъ, завязуетъ въ шмату и идетъ съ тымъ до рѣки. Тутъ въ прорубѣ вкладаетъ хлѣбъ три разы въ воду, вертаетъ до хаты, и розвиваетъ шмату. Если хлѣбъ держится еще крѣпко, то будетъ счастье, если срѣднѣетъ, то несчастье. — Газдиня приноситъ колесо, сыплетъ черезъ тое-жь збоже, щобы куры неслись; сѣдаетъ послѣ сама на землю и квочетъ, обгартаючись соломою, щобы курята выводились. — Дальше кличетъ газда пастуха и кажетъ: „Сбирай, сыну, всѣ лижки, свяжи и поклади пôдъ столомъ, щобы ти ся вся худоба черезъ лѣто въ купѣ держала, а ты жѣнко сѣдай съ огнемъ на порозѣ, щобы ворожилѣ не ôтобрали молока ôтъ коровъ."

Ворожки на Великдень. (Тамъже.) Забираючись росчиняти тѣсто на пасху, газдиня одѣвается въ чистое платье, беретъ на голову чистую хусту, и мѣситъ. Послѣ дивится на тѣсто скрозь решето, щобы пасха была такъ дѣркоатая, якъ решето. Пасху муситъ самъ газда вложити въ печь, и сновь дивится черезъ решето. Съ той стороны, где царина, вкладаетъ ôнъ въ пасху яйце. Если пасха спечется и яйце цѣлое остало, то будетъ счастье. Вынявши пасху — или вообще якій нибудь хлѣбъ — сливаютъ его зимною водою, бо — якъ кажутъ — „тôлько охолоды маютъ тіи, що въ пеклѣ." Обыкновенно печутъ лишь одну пасху, но значительной величины.

Мукачевскій монастырь.

такъ якъ „будетъ съ нею счастье полнѣйшимъ." Если же воды уменьшилось, то изъ того видно, що жениху съ тою дѣвицею, на которую ставлена вода, не посчастится. Въ такôмъ случаю покидаетъ женихъ свою, хотяйбы найбôльше улюбленную, думаетъ о иной и снова воду мѣряетъ.

Иныи снова не посылаютъ въ сваты, поки не сдѣлаютъ такъ: Вливаютъ въ малую мисочку немного воды, вокругъ мисочки покладаютъ по очереди разъ кусокъ хлѣба и разъ кусокъ угля. Надъ тою мисочкою держитъ женихъ нитку, съ завлеченною иглою, котора послѣдна виситъ въ долину. На иглѣ

Що коли свободно дѣлати а що нѣтъ? Коли новыи колосы покрыютъ нивы, то доти, доки не сберется зерно изъ поля, не свободно прати пральникомъ хусты по заходѣ солнця на рѣцѣ, такъ якъ тымъ вызыва-

ется градъ. — Не свободно въ который нибудь день починати орати, лишь во вторникъ, четвергъ и пятницю. Субота то найгôршій день. Въ день, въ которôмъ начинается орати, не свободно нигде замѣтати хаты въ продолженію

давати. — По заходѣ солнця въ который-нибудь день не свободно пожичати соли.

вѣро-запада. Коли мы входили въ катедральную церковь, обратилъ на себе мое вниманіе старый слѣпый старообрядецъ, который стоялъ при дверехъ притвора церкви, и горячо молился, пересуваючи въ рукахъ четки. Послѣдніи не

Любитъ — не любитъ.

цѣлого дня, никому ничого дати хотьбы и жебраку, и никому ничого выжичити. — Въ день Благовѣщенія не свободно никому ничь масного дати или продати, не можна продавати покладокъ, (иначе бо ястребы съѣдалибъ куры,) ни масла и сыра, иначе бо коровы не будутъ молока

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П. Ш.

Старообрядцы въ Бѣлокерницѣ.

(Продолженіе.)

Якъ сказано день былъ холодный, именно подувалъ острый вѣтеръ ôтъ сѣ-

были однакъ похожими на употребляемыи греческими монахами четки изъ каменной массы, коралей или бурштина, лишь были выдѣланы, якъ и у всѣхъ старообрядцевъ, изъ кожи. Мнѣ стало жаль старика выставленного на продувъ вѣтра, тожь я спросилъ его: „Зачимъ стоите, старикъ, тутъ а не идете въ цер-

ковь, где о много теплѣйше." „Мнѣ не свободно" отвѣтилъ старикъ. „Васъ може грѣхи не впускаютъ въ домъ господенъ и вы на покаянію?" спросилъ я его сновь. „Нѣтъ, голубчикъ", отвѣтилъ ôнъ, „я оглашенный." На дальшіи мои вопросы, узналъ я, що старикъ належалъ прежде до секты безпоповцевъ и жилъ въ сусѣдной осадьбѣ Климовцяхъ, послѣ однакъ, коли умерла у него жена, и ôнъ въ послѣднôмъ времени вслѣдствіе продолжительной болѣзни очей потерялъ зрѣніе, убѣдился, що жилъ въ заблужденію или якъ мнѣ сказатъ: „Прозрѣлъ я ажь тогды, колы ослѣпъ." Кажется, що старообрядцы-поповцы не признаютъ крещенія безпоповцевъ, якъ вообще и всѣхъ иновѣрцевъ, хотяй-бы и православныхъ, считаючи свою вѣру единоспасительною.

Тутъ сказати долженъ я, що старообрядцы радо принимаютъ людей иныхъ вѣроисповѣданій и народностей, якъ уніятôвъ, православныхъ и протестантôвъ, тоже румунôвъ, русинôвъ и нѣмцевъ въ свое общество. Прежде именно, коли старообрядцы были свободны ôтъ службы воинской, а давнѣйше еще ôтъ панщины, тыми льготами многихъ привлекали они до себе. Въ послѣднихъ временахъ нѣкій Еврей изъ Россіи именемъ Михаилъ Карловичъ, не лишь принялъ крещеніе и вѣроисповѣданіе старообрядцевъ, но стался даже ревнымъ поборникомъ тогожь, написалъ бо три томы „Началъ головныхъ вѣры Старообрядцевъ", изъ которыхъ 1-ый томъ печатался въ Ст. Петербурзѣ, послѣдніи же два въ Черновцяхъ въ печатнѣ Г. Чоппа. Узнавши о тôмъ выкрестѣ и встрѣтившись послѣ съ однимъ добре мнѣ знакомымъ старообрядцемъ, Шкрабинымъ, веселымъ очайдухомъ, у которого куповалъ я яблока, а который такимъ былъ патріотомъ русскимъ, що даже принадлежалъ до „Бесѣды" въ Черновцяхъ — сказалъ я къ нему: „Не стыдно-ли Вамъ, старообрядцы, що вы приняли Еврея въ вашое общество?" На то сдѣлалъ Липованъ серіозное лице и отвѣтилъ мнѣ рѣзко: „Это странно слышить отъ васъ, батюшка. Вы вѣдь попъ и знаете, что читается въ писаніи святомъ: толкущаго не иждену вонъ." Конечно на тіи слова я ничого сказати не могъ.

Ôтступилъ я немного ôтъ начатого описанія богослуженія въ церквѣ монастырской а вмѣстѣ и катедральной, но думаю, и тое, що навелъ я, характеризуетъ довольно старообрядцевъ буковинскихъ.

Въ церковь входили самыи мужчины, такъ якъ женщинамъ дозволенъ вступъ лишь въ дни бôльшихъ праздниковъ, коли литургизаетъ самъ митрополитъ. Тутъ замѣчательно еще, що каждый входящій беретъ до рукъ подушечку, якихъ много стоитъ по углахъ, и кладетъ ею передъ себе, щобы выгоднѣйше бити поклоны, а такихъ бьютъ они безъ числа и мѣры. Литургію служилъ, якъ сказано, іеромонахъ съ однимъ діакономъ. Напѣвы церковныи старорусскіи, немножко унылыи, но все таки бôльше мелодійныи, чимъ напѣвы греческіи, употребляемыи Греками, Болгарами и Румунами, а теперь ôтъ якихъ 10 лѣтъ и буковинскими Русинами. Напѣвы греческіи монотонны, не удивительно затымъ, що русская церковь, заледво сто лѣтъ, якъ извѣстно, придерживалась напѣвôвъ греческихъ, послѣ же сложила собѣ троякій напѣвъ, именно: Кіевскій, Новгородскій и Московскій, изъ которыхъ каждый отвѣчалъ духу русскихъ пѣсенъ. Ризы священническіи великолѣпны и дорогоцѣнны. Все то, якъ объясняли мнѣ монахи, такъ же, якъ и величезныи звоны, — дары богатыхъ купцевъ изъ Москвы. Фелоны іереевъ по старинному крою також и съ переду долгіи; при тыхъ частяхъ литургіи, где слѣдуетъ или руки до горы возносити, или до молитвы складати, священникъ поднимаетъ передную часть фелона и даже часами на груди припинаетъ; послѣ сновь опускаетъ передную часть вмѣстѣ съ руками, и такъ провозглашаючи молитвы, стоитъ при престолѣ. Епитрахиля изготовленного съ одной штуки матеріи или съ двохъ сшитыхъ съ собою, употребляти у нихъ не свободно. Ихъ епатрахили похожи бôльше на латинскіи стулы, суть однако ширшіи и долшіи, и перевѣшены черезъ шію сцепляются пуговками.

Во время литургіи смотрѣлъ я внимательно то на священнодѣйствующихъ, то на старика-слѣпця оглашенного. Послѣдній всегда стоялъ въ притворѣ церковнôмъ и молился боговѣйно; коли однакъ діаконъ возгласилъ: „Елицы оглашенныи изійдите", ôнъ сдѣлавши нѣсколько крестôвъ на груди и поклонôвъ, сейчасъ выйшолъ изъ храма. Мы оставили церковь передъ окончаніемъ богослуженія, такъ якъ намѣряли посѣтити еще церковь монастырскую.

Вокругъ партерового монастырского зданія построены многіи, малыи домики, кождыи съ сѣнею и одною комнатою, где живутъ отдѣльно самыи старенькіи инокини. У старообрядцевъ, якъ сообщено мнѣ, оставляютъ или старыи вдовцы и вдовицы или старыи сопружества, вывѣновавшіи дѣтей, свою загороду и идутъ въ монахи. Во время моего пребыванія въ Бѣлокерницѣ, были тамъ-же два сопружества, изъ которыхъ мужъ жилъ яко монахъ въ монастыри мужескôмъ, жена же яко инокиня въ домику, нарочно въ той цѣли вблизи монастыря построеннôмъ. Въ прочихъ домикахъ жили инокини-вдовицы, а было нѣсколько домикôвъ незанятыхъ, ожидающихъ жительницъ-инокинь. Вообще въ домахъ внѣ монастыря, живутъ лишь инокини изъ сословія селянского и то Буковинки, въ самôмъ-же монастыри майже исключно иностранки, именно изъ Россіи, Румуніи и Добруджи, жены грамотны и изъ середного сословія. Я познакомился съ сестрою Деборою (Deborah) и Сарою, изъ которыхъ первая была изъ Херсона, вторая изъ самой Москвы; ôтъ нихъ узналъ я все то, що написалъ о инокиняхъ. Обѣ женщины вѣкомъ еще не старыи, въ дѣлахъ же своей секты, а именно въ типиконѣ церковнôмъ хорошо обзнакомлены. Монастыри старообрядцевъ кромѣ молитвы, поста и труда, занимаются еще и исправленіемъ нравôвъ тыхъ дѣтей, у которыхъ средства родителей недостаточны. И такъ, примѣромъ, розсказовали мнѣ инокини, що передъ мѣсяцемъ была у нихъ молодая дочерь одного изъ богатшихъ старообрядцевъ, изъ села Митоки коло Сучавы. Она одцакъ была тутъ не доброохотно а лишь по волѣ своего отця, который выслалъ ею въ монастырь на покаяніе по причинѣ ей плохого нрава; но и тутъ она не повиновалась и вслѣдствіе того старообрядцы вывезли ею въ одинъ изъ монастырей Некрасовцевъ въ Добруджу, где, быти можетъ — якъ надѣялась сестра Дебора — наберетъ ума-разума.

Богослуженіе ôтправлялъ молодый монахъ, а спѣвали самыи лишь инокини, которы послѣ литургіи читали въ голосъ даже „Молитвы по причащенію." Строй инокинь въ крою майже не розличается ôтъ строя селянокъ старообрядныхъ, лишь штофъ ихъ одежи не изъ шелка или бархата, якъ у селянокъ, но или изъ шерсти, или хлопки (баволны); одежь ихъ однакъ всегда темна, въ противуположности до одежи Липованокъ, которы любуются въ яскравыхъ цвѣтахъ.

Головы инокинь подвязаны чорными хустками а лишь плащикъ или радше чорная пелеринка, пригадующая кроемъ на крылошанскіи пелеринки, немножко долшая и обведенна фіолетною тасемкою, означаетъ чинъ монашескій. На мôй вопросъ, якое значеніе маютъ тіи пелеринки, отвѣтили мнѣ, що то суть мантіи, якіи въ старинныхъ уже временахъ русскіи монахи и инокини носили, а которы допервá позднѣйше вмѣстѣ съ рясами греческого кроя, замѣнились на долгіи мантіи, носимыи поверхъ рясъ.

Послѣ богослуженія ôтбылся крестный ходъ изъ всѣхъ церквей до колодязя, на площади при церквѣ приходской. Удивительною была для мене благовѣсть взывающая народъ до крестного хода. Роздался впередъ одноразовый звукъ великого звона изъ звонницы монастыря мужеского, послѣ за четыре секундъ отвѣтилъ ему звонъ изъ звонницы церкви приходской тоже однимъ ударомъ, и сновь по такôмъ самôмъ времени звонъ церкви инокинь. Такъ роздавались звуки

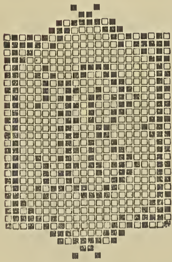
около полъ годины, послѣ же озвались изъ всѣхъ церквей всѣ звоны, наразъ стройно и гармонійно, и то было знакомъ, що процессіи изъ церквей ôтправляются. Майже современно сойшлись процессіи коло брамы монастырской и изъ того мѣста двинулись разомъ на площадь до колодязя, передъ которымъ стоялъ аналой и возвышеніе. Замѣчательны хоругви у старообрадцевъ. На деревци, у которого верху крестикъ осьмоконечный, умѣщено на завѣскахъ штивное полотно съ иконами святыхъ или праздникôвъ по обохъ сторонахъ.

(Прод посл.)

Дѣти Хаймона и Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

I.



ѣтеръ легко колысалъ золотистымъ моремъ подольско - подгорской пшеницы, проса и гречки а солнце полудневымъ жаромъ жгло и припѣкало, наполняючи воздухъ своими блыскотливыми дрожащими пламенями, що жаждно выпивши всю ранную росу, миготѣли теперь надъ Подгорьемъ, якъ Провнъ, божокъ съ своею огнистою стрѣлою владѣетъ надъ дочерьями Лады, водными Льелями и Дѣдиліями.

Здавалось, не было жіющого существа, которое въ той спекотѣ не палалобъ жаждою свѣжого холоду, ôтживляющого напою, которое бы не льнуло до таинственной тѣни, щобы тамъ пôдъ крылами лѣсной Вилы зачерпнути тимянового вонного воздуха.

Въ кармазиновой пестрой хустцѣ, закрывающой лице ôтъ жару солнця, ступала сельская дѣва съ короводами по зеленой луцѣ и приближалась до журавельной керницы, стоящой въ близи сельской осадьбы.

На камеральной дорозѣ, осадженной рядами браклену, калины и плачущихъ березъ, подносились клубы дорожного пылу. Зъ помежи клубôвъ вырынали два ѣздцы, що на подольскихъ гарсамакахъ продирались помежи пекущій воздухъ. При керницѣ они пристали. И покутующій Танталъ не выжидалъ такъ грознъ и воды, якъ оба запыленныи ѣздцы. Они зступили зъ коней и сельская ганимедка въ кармазиновôмъ завою, ганимедка, изъ которой очей можно было такожь изобильно пити, подала имъ холодящій напой.

Молодый ѣздецъ былъ розогрѣтый на лицѣ, но видно было, що тая палающая роза не постояння у него, що она хвилево выкликана жаромъ дня; за нею пробивала блѣдость, назначающая терпящое лице. Его одна рука почивала на чорной завязцѣ а его гнучкая, высокая стать не выдавала вже той силы, съ якою може недавно затинала по геройски саблею. Милитаризмъ сникъ зъ его рухôвъ и чертъ, легкое увядающое безсиліе, но при тôмъ и слѣды не зникшой еще свѣжости, розлились теперь по его лицѣ; въ очахъ его замѣтна была тужливость и затопленіе въ минувшость. Его мужескіи, певныи, хорошіи черты лица, окрашенного кудрами чорного волоса, дознавали окончательного закрою въ республиканской бородцѣ, котора на паркетахъ салоновыхъ одушевляла не одно дѣвичое сердце.

Широкіи крысы затѣняли лице а по замашистой саблѣ упятой при боку, по жакетѣ жуавскôмъ и синихъ панталонахъ, познати въ немъ одного зъ тыхъ запаленныхъ юношей, що не зимно приглядались кровавымъ дѣламъ, веденнымъ по бастилляхъ, брукахъ и барикадахъ, но брали участь живу и горячо ставали въ первыхъ рядахъ, пробиваючи собѣ кровавую дорогу до своей цѣли.

Его товаришъ то вже не жентлеменъ съ республиканскою бородкою, то не жуавскій слевъ; ôнъ и въ очи хорошой дѣвы не заглядаетъ. Его лице было якбы облите водою. Долгимъ обдертымъ халатомъ отиралъ ôнъ чело и бормоталъ непонятныи слова, якбы проклиналъ пекущій воздухъ и вздыхалъ за холодною долиною Іешурумъ. То былъ Хасидъ, потомокъ каббалистичныхъ старозаконныхъ аллхимистôвъ, достойный наслѣдникъ тыхъ чудотворцевъ, що передъ вѣками на тôмъ самôмъ мѣстци такъ философично вели дѣла съ королевою Боною, а разомъ и одинъ изъ доступившихъ славы, быти въ свято Шуманъ-Пуримъ въ цѣлой окрестности Городка заступникомъ соломонового Рабби, коли той выбирался въ то свято съ своими герольдами до свого сына въ Смеречнôмъ, Харона новомодного, который черезъ Сянъ пущалъ промомъ людей на другій засянскій свѣтъ.

Его долгая завиванная борода была на полъ шпаковата, шія долга якъ у керничного журавля, руки сухіи костистыи а голову покрывала погрѣшная израильская аксамитка. Черезъ плечи его закинена была вязка кукурузы, якъ вѣтка мира, якъ флагга голосящая людемъ, що стоящій пôдъ нею человѣкъ рабъ божій, знающій лишь яку одну пѣснь изъ Геморы и день ярмарку въ Бердычовѣ.

„Теперь скажи мнѣ дѣвчино“ отозвался въ кôнци молодый партизантъ, напившись до воли, „якъ далеко еще до Перемышля?“

Селянка розсмѣялась полно, якъ смѣются лишь дѣти и женщины, и середъ смѣху поглядаючи изъ пôдъ червоного завою, поступила стежкою въ село. Въ той хвилѣ долѣтали до нихъ дикіи тоны бакхантской музыки, съ котрыми мѣшались мелодіи барикадового сложенія. Оба ѣздцы порозумѣли смѣхъ селянки. Зъ противной стороны дороги сближалась громадка польскихъ гвардзистôвъ въ костюмахъ новопоставленной народовой гвардіи и спѣваючи буршикозную пѣснь, сникла въ передмѣстью. Передъ здороженными ѣздцями стоялъ городъ Перемышль, цѣль ихъ дороги, и вже потомокъ аллхимистôвъ не утискиваетъ на безвыходную спекоту, но якъ Донъ-Кишотъ ревнуетъ въ бѣгу на своей худôщавой шкапѣ съ товаришемъ въ направленію до такъ ожидаемой рогачки перемышльской.

Умучены стали гарсамаки при рогачцѣ. Изъ комнатъ каменной обдертой корчмы долѣтали тіи самыи звуки, дикіи крики, бурлескныи вызывы, и брячаніе шклянокъ и сабель. Новыхъ гостей обступила сейчасъ шайка гвардзистôвъ, выйшовшихъ изъ корчмы; усатыи постати, широкіи плечи, въ шарыхъ блюзахъ стягненныхъ чорными пасами, съ упятыми карабелями и съ пурпуровыми кокардами на груди, всѣ приверженцы червоной революційной флагги, а именно члены завязавшойся тогожь 1848 года народовой гвардіи. Они обступили съ поднесенными руками, съ вызывающими кликами и хитающимися ôтъ надмѣрного ужития Марковацкого вина головами, новоприбывшихъ незнакомыхъ.

„Кто есть?“ дались чути голосы бенкетовавшихъ гвардзистôвъ и вже забрязчали бендерскіи карабели, заблысли до лучей солнця, а крики неустанно повтарялись и лучились съ бакхантіями корчемныхъ товаришей.

„Вашъ, вашъ“ говорилъ довѣренпымъ голосомъ приѣхавшій молодый ѣздецъ, и якъ давній знакомый почалъ безженадно розпрягати своего гарсамака.

„Такожь вашъ“ промовилъ жидъ Шлойма, согнувшійся на видъ розбенкетованной шляхты въ серпентину.

„Жидъ?!“ кричала шляхта, и до еврея показались ряды зубôвъ шляхоцкихъ а многіи изъ шляхты сдѣлали совсемъ недвозначныи замахи саблями.

„Сюда!“ отозвался выступившій напередъ капитанъ гвардіи, толстый, объемистый мужчина, съ червоностію на лицѣ впадающою въ фіолеты, съ гербовою шляхоцкою запинкою на шарой блюзѣ: „Ты жидъ? Давай его сюда! Побачимъ,

чи ты справдѣ такій жидъ. Знаемся на такихъ лисахъ. У косметіера во Львовѣ теперь фабрикуются такіи будьто невинныи существа; ехъ же, а еврей ты, такъ стережись; тнетъ моя карабеля не на шутку... Сюда!"

„Ексцеленціо!" согнулся жидъ „я простый Хасидъ, що ѣсть свое Шолетъ и свое Пенецликъ, а лишь въ свято Гадалягъ гусью шийку съ утробою... ай, таже то капитанъ, значится по виду самъ Коссутъ, цѣлый Коссутъ..."

„На такъ жида!" кричала розгоряченная, майже бѣшенная толпа.

„То простый еврей" сказалъ такъ же довѣреннымъ тономъ молодый партизантъ „ѣнъ ѣхалъ со мною зъ Городка. Я вертаю изъ Львова; если принимаете, вступаю въ вашу гвардію; моя рука вже гоится и начнетъ незадолго такъ же дѣйствовати, якъ прежде."

„Браво!" закричалъ объемистый капитанъ, покручуючи усъ и оглядаючи нового члена ѣтъ головы до ногъ „отлично! Вже бачу, зъ тебе сержантъ будетъ, якбы на то родился. За мною братья, въ комнату: повитаемъ нового товариша."

Гвардзисты поступили въ брудную аулю, въ касню одымленное, засыпанное на стѣнахъ отвѣчнымъ пыломъ, переполненное воздухомъ алькоголичнымъ и дымомъ гаваннъ.

Лишенный жидъ ѣтдохнулъ немного и вже скрутился, щобъ сухимъ путемъ изъ того кровавого свѣта выскользнутись, коли почулъ на колнѣрѣ своего халата сильную руку. Ѣнъ не змогъ еще и оглянутись, коли тая-жь рука гвардзисты поднесла его въ воздухъ и за хвилю узрѣлся жидъ середъ бенкетующой гвардіи въ шинковой комнатѣ, где вино и пиво лилось по земли, где въ углѣ стояли великіи куфы, николи не замыкавшіися, где воздухъ дрожалъ ѣтъ дивной смѣси найрозличнѣйшихъ тонѣвъ. — Мелодіи мѣшались: тутъ фривольный куплетъ, тутъ косцюшковый мотивъ, а тамъ звучитъ марсиліанка, той одушевляющій горячій марселезъ, за которымъ слѣпо толпы ишли въ бой и съ роскошію купались въ власной крови.

Гвардзистъ принесшій жида, поставилъ его середъ комнаты. Шлойма поблѣдъ и дрожалъ. Въ каждомъ столбѣ комнаты видѣлъ ѣнъ свою шибеницю.

„Корчмарь! Шинки, сейчасъ тутъ шинки!" приказовалъ капитанъ, плеснувши въ долонь и призываючи корчмаря.

Корчмарь попалъ въ клопотъ и завивалъ рукою уклончиво пейсы, но безграничная бута шляхты не знала пардону. До корчмаря свернулся лѣсъ шпадъ гвардійскихъ и корчмарь радъ не радъ удалился, щобы удовлетворити желанію шляхты. Въ коротцѣ была и шинка, котору корчмарь якъ жаренный уголь поставилъ на столѣ.

„Сѣдай" отозвался теперь капитанъ до Шлоймы и потягнулъ жида до стола „ѣджь; отъ тобѣ Шолетъ и Пенецликъ."

Жидъ безнадеждно поглядалъ на капитана.

„Стоишь?" Сабли заблысли и сновь цѣлый лѣсъ пиковый стоялъ передъ смертно блѣдымъ лицемъ еврея.

„Ай!" ратовался жидъ „що за сабли! теперь и не знайдешь такихъ: лишь — ктобы не зналъ мого шурина, що маетъ складъ во Львовѣ... тамъ еще щось доброго естъ... золото не сабли.. мѣй дѣдъ привезъ изъ Бессарабіи."

Но слова не помогли; сильная рука поднесла его въ воздухъ и посадила передъ шинку.

„Чого чекаешь?" пыталъ капитанъ.

„Чекаю, поки Левіатанъ не прійдетъ и не поглотитъ мене..."

Двери лопнули и въ комнату вступилъ не Левіатанъ вправдѣ, но статный мужчина съ ясною долгою бородою, съ колпакомъ перъ на головѣ.

„Полковникъ!" витала его толпа.

Мужчина съ ясною бородою взялъ стоявшій на куфѣ збанъ съ пивомъ, выступилъ на столъ и поднесъ збанъ.

„На добро републики будущой пью полный до дна: нехай жіетъ република!" голосилъ ѣнъ.

„Най жіетъ република!" дуднѣло въ комнатѣ и на ново отозвалось брячаніе чашъ и збанѣвъ. Шамародное плыло якъ необъузданная свобода и въ коротцѣ загремѣла изъ всѣхъ грудей горячая марсиліанка, републиканская пѣснь, а послѣдніи ей слова не хотѣли ніякъ утихати. По окѣнченію пѣсни, которой жидъ употребилъ до такъ ожиданного бѣгства, повелъ капитанъ нового гвардзисту передъ полковника.

„Новый членъ нашой гвардіи Евтимъ Рокитанскій" сказалъ капитанъ указуючи на прибывшого молодця.

„А! рука?" поспыталъ полковникъ, поглядаючи на бандажованную руку Евтима.

„Изъ краковскихъ барикадъ" отвѣчалъ Евтимъ „въ уличной борьбѣ контузію получилъ."

„Рокитанскій? передъ двома лѣтами въ корпусѣ Мѣрославского..."

„Той самъ, и тамъ былъ я."

Полковникъ подалъ ему руку. Ѣнъ назначилъ его изъ свѣжа сержантомъ. Еще разъ загремѣлъ въ одымленной комнатѣ тоастъ на повитаніе нового члена, еще разъ затягнулась републиканская пѣснь и поздно вечеромъ опустила толпа рогачку, коли вже солнце заумерло и надъ подольско-подгорскими полями розстелилась тишина и блаженный холодъ.

(Прод. посл.)

II. П.

Образъ воеванія Татаръ съ Козаками.

(Къ изображеніямъ: „Старинныи уборы.")

Интересныи свѣдѣнія подаетъ Бопланъ — о которого сочиненію упоминали мы въ первѣмъ нумерѣ „Нов. Галичанина" за текущій годъ — о способѣ воеванія Кримскихъ и Буджацкихъ Татаръ съ Козаками.

Коли Ханъ Кримскій — пишетъ Бопланъ — выводитъ самъ въ поле свое войско, оно простирается до осьмидесяти тысячъ человѣкъ и бѣльше; если предводительствуетъ имъ Мурза, то состоитъ изъ сорокъ или пятьдесяти тысячъ. Татаре вторгаются въ землю непріятельскую обыкновенно въ началѣ Януарія и всегда въ зимовую пору для избѣженія розличныхъ препятствій на пути и щобы рѣки и болота не останавляли ихъ шествія. Знатнѣйшіи изъ нихъ, вмѣсто подковъ для коней, употребляютъ бычачій рогъ, прикрѣпляючи его къ копытамъ кожею на подобіе верви и гвоздей, но то весьма не прочно. По сей причинѣ Татаре чрезвычайно опасаются неснѣжной зимы и гололедицы, во время которой найлучше подкованныи кони скользятъ. Ежедневный переходъ ихъ не великій, ограничается лишь шестью французскими милями. Подвигаючись медленно, они обчисляютъ время, щобы вернути въ Улусы до вскрытія рѣкъ и обезпечити свое ѣтступленіе. Такимъ образомъ приближаются Кримцы къ границямъ Польскимъ, избираючи путь межи лощинъ и стараючись укрыватися ѣтъ Козакѣвъ, которы стерегутъ ихъ непрестанно въ розличныхъ мѣстахъ и, коли примѣчаютъ, немедленно приводятъ въ тревогу всю сторону. Соблюдаючи строгую осторожность, вечеромъ не розводятъ они огня, начинаютъ впередъ розъѣзды, щобы захватити нѣсколько Козакѣвъ и удостовѣритися о числѣ непріятеля. Татарскій фронтъ состоитъ изъ ста человѣкъ и изъ трехъ сотъ коней, потому, що у каждого двѣ заводныи для перемѣны и вьюченья добычи. Осьмидесяти тысячное войско выводитъ бѣльше двохъ сотъ тысячь коней. Зрѣлище для не видавшого оного удивительное, страшное! Не такъ часты бываютъ дерева въ лѣсахъ, якъ конница Татарская, выступающая въ поле; ею можно сровнати съ нѣкимъ облакомъ на горизонтѣ плывущимъ и по мѣрѣ приближенія своего роспространяющимся. Въ томъ порядку движется громада тая, останавляющаяся каждой годины, на пятнадцять минутъ.

Достигнувши границъ, Татаре за три или четыре мили дѣлаютъ отдыхъ на два или на три дни, избравши до того мѣсто безопасное. Тогда приготовляются къ нападенію слѣдующимъ образомъ: роздѣляютъ свои силы на три части; двѣ трети составляютъ корпусъ,

а одну третую дѣлятъ еще на двое и тіи полтрети образуютъ правое и лѣвое крыло. Въ такôмъ устройствѣ вступаючи въ землю непріятельскую, днемъ и ночью безпрерывно подаются впередъ, останавляючись на одну лишь годину для корма коней и не причиняючи ніякого опустошенія, поки не войдутъ во внутренность той стороны на шестьдесятъ или осьмдесятъ миль. Возвращаючись, головный вождь Татаръ отряжаетъ во всѣ стороны крыла своей арміи, которыи ôтдѣляются ôтъ оной на осьмъ или на дванадесять миль. Кождое крыло, составленное изъ осьми или десяти тысячь человѣкъ, роздробляется на десять или дванадесять отрядôвъ, заключающихъ въ собѣ ôтъ 500 до 600 человѣкъ. Они въ розличныхъ направленіяхъ устремляются на поселенія, окружаютъ ихъ четырма караулами, розводятъ сильныи огни, щобы ни одинъ изъ жителей не могъ спастись ночью бѣгствомъ; потомъ грабятъ, истребляютъ селенія, умерщвляютъ всѣхъ противлящихся имъ, берутъ въ плѣнъ сдающихся не лишь мужчинъ, женщинъ, но даже и грудныхъ дѣтей, уводятъ скотъ: коней, коровъ, овецъ, козъ и прч.; вертаютъ съ значительною добычею къ арміи, которую не трудно ôтнайти по слѣдамъ, татарскій бо фронтъ, якъ выше упомянуто, состоитъ изъ трехъ сотъ коней. Тогда два свѣжіи крыла ôтдѣляются ôтъ головныхъ силъ и направляютъ путь въ противуположныи стороны въ ровнôмъ числѣ, для одинакого опустошенія. Такимъ образомъ Татаре совершаютъ поперемѣнно свои набѣги, не уменьшаючи корпуса въ числѣ людей, составляютъ всегда двѣ трети и идутъ медленнымъ шагомъ, щобы, не утомляючи себе, быти въ готовности къ отраженію войскъ, которыхъ стараются избѣгати. Они николи не возвращаются тымъ же путемъ, которымъ войшли, опасаючись ворогôвъ, не нападаютъ, но обороняются и то коли въ десятеро превышаютъ своихъ противникôвъ; вторгаются въ державу не для сраженій, но для грабежа. По окончанію всѣхъ своихъ набѣгôвъ вступаютъ въ необитаемыи пограничныи степы и въ сихъ безопасныхъ для себе мѣстахъ дѣлаютъ продолжительный отдыхъ, и снова устроиваются, если приведены въ безпорядокъ встрѣчею съ ворогами.

Отдыхъ сей продолжается недѣлю, въ которое время они собираютъ всю свою добычу, состоящую изъ плѣнныхъ, скота, и дѣлятъ межи собою. Человѣкъ самый нечувствительный не могъ бы ровнодушно взирати тогда на розлученіе мужа съ женою, матери съ дочерью, лишающихся надежды коли либо свидатися, поступаючи въ тягостное рабство невѣрныхъ, которыи, по варварству своему, дѣлаютъ надъ ними всякіи неистовства. Словомъ, сердце самое холодное содрогнулось бы, почувши радостный крикъ, пѣніе, среди стона злосчастныхъ Малоруссôвъ, ôтправляемыхъ въ Константинополь, въ Кримъ, въ Анатолію и пр.

Посмотримъ теперь, якъ невѣрныи вторгаются въ Днѣпровую сторону въ лѣтное время: число ихъ простирается тогда ôтъ десяти до двадцяти тысячь человѣкъ не бôльше, щобы меньше быти замѣчаемыми. За двадцять или тридцять миль не приближаючись до границы, роздѣляются они на десять или дванадцять отрядôвъ, кождый изъ тысячи ѣздцевъ; одна половина, то есть пять или шесть отрядôвъ устремляется въ правую сторону, розстояніемъ одинъ ôтъ другого на одну или полтора мили; другая половина беретъ направленіе въ лѣвую такимъ же порядкомъ. Сторожевыи идутъ одну милю передъ первымъ отрядомъ. Они подвигаются по кривой линіи въ близкôмъ розстоянію межи собою, щобы въ назначенный день соединитися въ общôмъ сборнôмъ мѣстѣ, ôтъ границы въ двохъ или трехъ миляхъ, подобно якъ многіи лучи собираются въ однôмъ центрѣ; роздробляютъ силы свои для того, щобы Козаки, держащіи караулы въ полю, не узнали настоящого числа ихъ и подавали вѣсть лишь о однôмъ встрѣченнôмъ ними отрядѣ. Примѣтивши Татаръ издали, Козаки поспѣшно скрываются, роспространяютъ повсемѣстную тревогу, не лякаючись такъ малого числа, но по прошествію нѣсколькихъ дней, ôтъ появленія множества приходятъ въ изумленіе. Татаре, вступаючи въ границы, избираютъ дорогу по возвышенностямъ межи дома значительными рѣками, выглядуючи источники малыхъ, впадающихъ въ бôльшіи. Не встрѣчаючи персонъ въ пути своимъ, грабятъ они но не углубляются въ сторону дальше шести или десяти миль, не остаются тамъ бôльше двохъ дней, ôтступаютъ и по окончанію подѣ а, вертаютъ во свояси. Татаре тіи вольныи, не повинующіися ни Хану, ни Великому Султану, маютъ жительство въ Буджаку, ровнинѣ межи устьями рѣкъ Днѣпра и Дуная. Буджашскіи Татаре бôльше мужественныи, воинственныи чимъ Кримскіи; наѣздники ихъ также превосходнѣйшіи.

(Конецъ посл.)

Зъ галицко-русской
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Четвертинъ поля цѣлой той осадьбы при третой церквѣ въ Сушицѣ, было 36, а прихожанъ на нихъ осѣвшихъ 76, такъ що майже по двохъ на одной четвертинѣ сидѣло и по одной мацы збожа мѣры Добромильской давало, що разомъ выносило 18 колмѣрокъ. Въ визитаційныхъ актахъ села Малаховицы, упоминается о прихожанахъ, изъ которыхъ кождый сидитъ на одной или двохъ четвертинахъ, дальше о хижникахъ, которыи не маютъ собственныхъ грунтôвъ, лишь хаты, наконецъ розличается тутъ: rolnik, podrolnik, ćwiertnik czyli zagrodnik, съ добавленіемъ дефиниціи: „ager cmethonalis integer, quatuor partes in se continens.“ — Въ прочемъ мѣра подѣла грунтôвъ въ селахъ занятыхъ шляхтою, такъ званною ходачковою, а въ селахъ, въ которыхъ обитали подданцы или селяне чиншовыи, была иная. И такъ въ селѣ Кульчицяхъ розличаются въ актахъ, которыи читалъ я въ старой регистратурѣ прокураторіи скарб. во Львовѣ »łany szlacheckie, łany gromadzkie, łany szlacheckie części Tarasowiąt, Dozowiąt, zagony per omnia stadia in sorte Klimoviensi, wrąb w lesie na Mirowie w części Taraswiąt, pola orne z przystajami i ogrodem.« Тутъ отже въ тôмъ селѣ заселеннôмъ шляхтичами, поля тягнулись по черзѣ шляхотскихъ фамилій однимъ тягомъ, церкви же были тутъ ôтъ тыхъ шляхотскихъ родинъ по ихъ произволу и по иному правилу вѣнованы, якъ о тôмъ ниже при розсмотрѣ бенефицій братскихъ говорити будемъ, шляхта бо въ такихъ приходахъ творила братства, фундовала церкви и вѣновала тіи-жъ.

Однакъ и вѣнованіе приходника на звычайныхъ сельскихъ приходахъ, не было, или не становилось по изданію декретôвъ реформаторскихъ такъ ничтожнымъ. Выносило оно въ приходахъ, въ которыхъ регуляція послѣдовала, по двѣ четвертины орного поля т. е. 26 моргôвъ — на 24 корцей засѣва твердымъ збожемъ съ додаткомъ т. е. сѣножатьми или такъ званными przymiarkami.“ — По селамъ и приходамъ прибирало такое вѣнованіе (beneficium) розличныи формы, не связанныи октроеваннымъ зъ горы подѣломъ що до своего розмѣщенія; такъ н. пр. въ презентѣ на приходъ въ Бучачкахъ*) вычисляется посѣдаемая приходникомъ земля въ той способъ: „plac cmentarza, na którym cerkiew stoji, na niem cierkiew, dworzysko przy rezydencyi kapłańskiej; ogród przy tymże dworzysko, — pole orne, sianożęć i t. d.«

Оставляючи розсужденіе о постановленіяхъ Замостьского собора, зъ года 1720, а именно дотычно науки клира, проектованныхъ семинарій, неподѣлимости церковныхъ добръ, и о подобныхъ тымъ постановленіяхъ тутъ сдѣланныхъ — на позднѣйше, поднесемъ еще тутъ

*) „Buczaczki“ село въ округѣ Коломыйскôмъ, есть нынѣ филіею прихода Балинцы.

свѣдѣнія о визитаціяхъ, которыи ôтъ г. 1706 начавши, въ періодѣ польской рѣчипосполитой и долго еще послѣ того, за австрійского правленія въ галицкой Руси, и за россійского правленія въ ôтступленной Россіи г. 1809 Тарнопольщинѣ, въ продолженію XVIII и въ первыхъ двохъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія дотычно реформы бенефицій и дотычно морального поведенія бенефиціантôвъ и вообще надзора приходôвъ и приходниковъ, зъ рамени епископôвъ поднимались.

Галицкая Русь или нынѣшная восточная Галичина, въ XVIII столѣтію не мала еще нынѣшнихъ розграниченій своихъ епархій. Восточно-сѣверная часть ей (якъ Броды и пр.) належала еще г. 1791 къ епархіи Луцкой, которою управлялъ тогды Сильвестеръ Рудницкій, епископъ Луцкій. Сокаль и сѣверная частина восточной Галичины, належали до епархіи Холмской. Львовскому епископу были подчинены три епархіи: Львовская, Галицкая и Каменецкая, Перемышльскому же владыцѣ также три якъ по нынѣшній день: Перемышльская, Самборская и Саноцкая. Источниками затымъ исторіи духовенства и русской церкви во всѣхъ тыхъ тутъ названныхъ епархіяхъ, были бы: протоколы и описи визитацій и „decreta reformationis“ — преимущественно тіи, которыи изданы были въ цѣли переведенія приписаній и правилъ изданныхъ на Замостьскôмъ соборѣ (г. 1720), — или такожь и такіи акты ôтносящіися до періода 1692—1700, т. е. до явного принятія церковной уніи епископами Перемышльскимъ и Львовскимъ. Послужитибы могли къ изъясненію той исторіи акты консисторскіи каждой майже изъ тыхъ тутъ названныхъ діецезій, наконецъ и самыи современныи акты деканальныи суть важны уже во виду того, що пралаты тыхъ діецезій занимали тогды парохіи или деканіи въ дотычныхъ епархіяхъ, що затымъ, будучи разомъ и настоятелями деканатôвъ или присоединенныхъ къ головной діецезіи епархій, въ которыхъ замѣщены были яко официалы или настоятели, — свою дѣятельность урядовую въ тыхъ актахъ записовали или депоновали. Были они часто разомъ и предводителями комиссій или ихъ членами, — или самыми же ревизорами и визитаторами порученныхъ ихъ надзору епархій или деканатôвъ.

Такъ г. 1706 еще за епископа Перемышльского Юрія Винницкого, преемника Инокентія Винницкого, былъ ревизоромъ призначеннымъ до визитацій епархіяльныхъ, „Ioannes Krulikowski de Ianina praesbiter ecclesiae superioris in villa Ustyanowa“. Года 1715, 1716 и 1717 Леонъ Кишка, митрополитъ а разомъ епископъ Володимірскій, ревидовалъ счеты и регестра братства церковного Сокальского. Г. 1727 съѣжаетъ до староства Медыцкого судъ комиссарскій изъ рамени тогдашного епископа Перемышльского Гіеронима Устрыцкого, гербу „Przestrzał“, по причинѣ „засудôвъ и дамнификаціи“ посагôвъ церковныхъ, изъ стороны коляторôвъ наданныхъ, и запрещаетъ употребленіе губки при службѣ Божой и ножицъ, которыми дѣтей постригано при св. крещенію. Деляторами тыхъ справъ были туть самыи громады. Подобный засудъ комиссарскій ôтбылся г. 1726 въ Мелновѣ*). Г. 1726 ôтбылся судъ комиссарскій въ Ляшкахъ**) въ цѣли ревиндикаціи грунтôвъ неправно церквамъ ôтнятыхъ, и переведенія рѣшеній собора Тридентского и Замостьского. Года 1749, ôтбылась въ Боратынѣ***) визита комиссарей епископа Холмского и Белзского Филипа Володкевича, гербу Радванъ (herbu Radwan). Г. 1732 засѣдаетъ въ судѣ комиссарскôмъ для епархіи Львовской Сильвестеръ Мальскій, членъ чина св. Василія, яко генеральный официалъ епархіи Львовской.

(Прод. посл.)

*) Соперникъ Инокентія, Малаховскій, епископъ-унита уступилъ зъ епархіи Перемышльской и перенесся послѣ на епископство Холмское, въ пору именованія Винницкого епископомъ Перемышльскимъ.

*) „Mełna“ нынѣ лежитъ въ политичеcкôмъ повѣтѣ Рогатынскôмъ.

**) „Laszki“, селъ того имени естъ 9 въ Галичинѣ восточной, а то 3 въ епархіи львовской а 6 въ перемышльской.

***) Три Боратыны находятся нынѣ въ Галичинѣ восточной: одинъ коло Ярославля, другій коло Сокаля, третій коло Бродôвъ.

Мукачевскій монастырь.

(См. изобр. на ст. 44.)

Монастырь св. О. Николая на горѣ Чернецкой, вблизи Мукачева, основанный руско-литовскимъ княземъ изъ Подолья Ѳеодоромъ Коріатовичемъ 1360 г.

Казиміръ, польскій король, будучи бездѣтнымъ, поднялъ на соймѣ г. 1339 вопросъ о престолонаслѣдію; многіи изъ послôвъ желали избрати королемъ Константина Коріатовича внука Ольгерда, князья Литваніи, который въ той цѣли и прибылъ въ Краковъ; но такъ якъ сей не хотѣлъ приняти латинского обряда, то ôтпалъ ôтъ избранія, и вернулъ на Подолье, где въ коротцѣ скончался. Въ Подольскôмъ княжествѣ наслѣдникомъ Константина былъ Ѳеодоръ Коріатовичъ, князь Новгородскій, который во виду того, що не хотѣлъ Литвинскому князю платити подати, былъ старинного Новгородского княжества лишенъ; яко изгнанникъ, удался онъ къ Угорскому королю, Людовику Великому, и просилъ о помощь. Въ отсутствію его Литовцы напали на Подолье, розбили войско Коріатовича и заняли землю Подольскую. Наслѣдникомъ польского короля Казиміра былъ назначенъ Людовикъ, Угорскій король, который наслѣдницею польского престола сдѣлалъ дочь свою Ядвигу; тогда Литванія, къ которой належала и Подолія, удѣльное княжество Ѳеод. Каріатовича, была соединена съ Польщею въ одну державу, и такъ Ѳеодоръ Коріатовичъ, лишенъ отцевского имѣнія, получилъ въ замѣнъ ôтъ Угорского короля Людовика, имѣнія Мукачевское и Маковицкое, состоящое изъ 300 селеній и города Мукачева.

Изъ такъ полученного въ замѣнъ имѣнія своего, князь Ѳ. Коріатовичъ основалъ Мукачевскій Монастырь, на горѣ, прозванной ôтъ поселившихся на ней черцевъ, или монахôвъ, Чернечею, или Чернецкою. Преданіе говоритъ, що упомянутый князь, разъ въ ночи видѣлъ ангела, ходящого по волнамъ Латорицы и указующого на речинную гору.

Для учрежденія нового монастыря, князь записалъ ему два селенія Бобовищи и Лавки, съ всѣми доходами. Монастырь сей въ послѣдствію перейшолъ черезъ розличныи перемѣны судьбы. Было время, коли въ самôмъ розгарѣ Раковціанскихъ смутъ, майже 60 лѣтъ стоялъ пустымъ. Учредительная его грамота сберегается въ архивѣ Пресбургской капитулы. Тогды и прочіи грамоты и важныи документы по части пропали, а по части унесены спасавшимися бѣгствомъ монахами, въ сосѣдніи галицкіи монастыри.

Въ тôмъ монастыри обитали искони епископы Мукачевскіи, якъ и игумены монастыря, даже до временъ Мануила Ольшавского (1743), где держали и церковныи синоды.

Первая церковь монастырская была деревянною, вторую, каменную, за епископства Іоанникія Зейкана соорудилъ князь Молдавскій, котора еще г. 1823 стояла, но вскорѣ была розвалена. Нынѣшную церковь, стоящую надъ рѣкою Латорицею, сталъ созидати тогдашній прото-игуменъ Іоаникій Базиловичъ, на издержкахъ угро-руского дворянина, Димитрія Раца, бывшого управителя добръ графа Ф. Каролія. Строеніе началось 1782, а довершилось г. 1804. Тойже ктиторъ соорудилъ и нынѣшную обитель инокôвъ (см. изображеніе), межи 1776—1772 годами. А. К.

Любитъ — не любитъ.

(См. изобр. на стр. 45)

Цвѣты суть неôтступными товаришами женщинъ, которы, жаждны предсказаній, удаются къ польному пасiансовому цвѣту съ вопросомъ о будущность. На всякій случай скажутъ послѣ, що у мужчинъ чувствъ нѣтъ.

До моихъ подругъ.

II.

(Я посѣщаю мою сосѣдку Фельцю.)

„Наконецъ! Попеломъ посыпати!“ заголосила Фельця, побачивши мене ненадѣянно въ дверехъ. Кажу: ненадѣянно, она бо въ пору, коли я вступила въ ей комнату, занята была печатаніемъ якого-то листа въ рожевой ковертѣ и не замѣтила прежде — изъятковымъ способомъ — що кто-то заѣхалъ на обору. Она ôтложила листъ, оглянувши его впередъ, нѣтъ ли на немъ адресы. На счастье не было еще адресы, и она свободнѣйше отдыхнула.

„Ну, такъ давно не была у насъ!“ повторила она.

„Господарскіи занятія!“ кажу. „Ярь уже сближается, новая робота будетъ. А до того я пару седмицъ была у знакомыхъ.“ — „Где-жь, где?“ — „Во Львовѣ.“ — „А! А! Сейчасъ видно. Бѣлая шапочка, бѣлыи боа! Ну, розгостись. У мене новостей много, а во Львовѣ певно въ три разы бôльше.“

Мнѣ розсказали дальше, що у нихъ перебываютъ гости, далекіи сродники, именно парохъ изъ подальшого села съ своимъ сыномъ Ярославомъ, молодымъ чиновникомъ, который на седмицю-двѣ пріѣхалъ посѣтити родину, що однакъ они разомъ съ мѣстнымъ парохомъ выѣхали именно нынѣ передъ полуднемъ въ сосѣдное мѣсточко для якихъ-тамъ дѣлъ, а вечеромъ повернутъ.

Я упоминаю о тôмъ моимъ побытѣ предовсемъ по той причинѣ, що того вечера Фельця ôтбыла строгую дебату съ Ярославомъ о свойствахъ женщинъ. Вопросъ той надойшолъ послѣ многихъ иныхъ, случайно.

„Я намѣряю“ началъ парохъ, „на граничныхъ поляхъ сѣяти тимотку, но моя супротивляется и кажетъ, що лучшою будетъ команиця. Извѣстно, женское упорство.“

Жена же его застереглась, якобы то было упорствомъ и теперь пôйшла широкая розправа надъ тымъ, чи вообще женщины суть упорными. Голосы подѣлились. Отецъ Ярослава ишолъ въ парѣ съ парохомъ. До пароховой же прилучилась Фельця. За время той розправы Ярославъ молчалъ и лишь улыбался.

„Якогожь вы мнѣнія?“ спросила его наконецъ Фельця.

„Мнѣніе дотычно женщинъ можетъ по обстоятельствамъ прибирати и розличныи виды,“ отвѣтилъ съ улыбкою и якимъ-то планомъ Ярославъ. „Думаю, що и вы, обчисляючи обстоятельства, можете свое мнѣніе не много иначе сложити.“

„Нѣтъ, николи!“ отвѣчала рѣшительно Фельця.

„Хотяй бы и обстоятельства приказовали.“

„И тогды нѣтъ.“

„Хотяй бы вы и познали, що слѣдуетъ иначе думати о женщинахъ.“

„Хотяй-бы. Всегда стану на той точцѣ въ защитѣ женщинъ.“

„Хорошо. Тожь я позволю собѣ теперь спросити, не есть ли уже то само упорствомъ?“

Фельця сразу не отвѣтила; оба старики довольно засмѣялись, но Фельця вскорѣ и знайшла отвѣтъ.

„Неконечно можна то назвати упорствомъ. Думаю, що и вы станете боронити мужчинъ.“

„Въ случаяхъ, где по ихъ сторонѣ справедливость. Тутъ однакъ не росходится о то, якими суть мужчины, лишь о то, якими суть женщины.“

„Признайте однакъ, що и мужчины суть упорными.“

„Если суть, то не кажутъ, що не суть такими“ отвѣчалъ Ярославъ, „мужчины бо не суть, якъ женщины, претенсіональными.“

„О! Новый комплиментъ для насъ,“ запримѣтила Фельця.

„То есть правдою, не комплиментомъ.“

„Вы вызываете мене сновь до защиты. И такъ, по моему мнѣнію, женщинъ не можна упрекати за то, що они, примѣромъ, стараются представитись красивыми. Длячого-жь не маютъ о то старатись.“

„Думаю, що выстарчаетъ быти красивою.“

„Якъ же то понимаете?“

„Понимаю такъ, що женщина, если есть красивою, должна такою быти длятого, що такою есть, а не длятого, щобы такою передъ иными представитись.“

Моя Фельця снова задумалась.

„Длячогожь иныи“ начала она, „не должны знати о тôмъ, що хорошое.“

„Иныи будутъ знати, если лишь будетъ що хорошое.“

„Позвольте, не всѣ маютъ наблюдательный смыслъ и не сейчасъ познаютъ сами хорошое.“

„Если не познаютъ, то совсемъ не мѣшаетъ.“

„Противно.“

„Такъ? Значитъ, суть якіи-то претенсіи? А?“

Оба старики съ улыбкою запили гербатою а сосѣдъ наложилъ на ново люльку.

„Вы хочете мене нынѣ побѣдити“ продолжала Фельця „но я не складаю еще оружія. И такъ предовсемъ скажу, що вы пессимистъ, що затымъ осуждаете односторонно. Вѣроятно не любите женщинъ.“

„Того послѣдного я не сказалъ.“

„Вы не сказали, но изъ вашой бесѣды то явствуетъ.“

„Що изъ бесѣды моей выходитъ, о тôмъ судити не мое дѣло, но другихъ. Впрочемъ изъ того, що я сказалъ, выходитъ, що я приклонникъ женщинъ, длятого именно, що розличаю у нихъ такіи или такіи свойства.“

„Вы довольствуетесь лишь такою своею защитою?“

„Довольствуюсь; у мужчинъ капризъ нѣтъ, якъ у женщинъ.“

„Сновь! Капризы у насъ.“

„Очевидно.“

„Що найбôльше“ говорила Фельця „то суть изъятія — капризныи женщины.“

„Изъятія — некапризныи.“

„Кажете, у мужчины капризъ нѣтъ. А по моему мнѣнію дѣло стоитъ совсемъ иначе. Мужчины маютъ великіи требованія, противно мы умѣемъ припоровитись всегда къ обстоятельствамъ, хотяйбы и съ потерями.“

„Тутъ не идетъ о то, щобы не мати великихъ требованій“ отвѣчалъ Ярославъ, „лишь о то, щобы не мати требованій — излишнихъ.“

„Где однакъ границя межи требованіями неизлишними и излишними? Кто опредѣлилъ ту границю?“

Тутъ Ярославъ не сейчасъ отвѣчалъ, лишь занялся прилѣжно сигаромъ. Сосѣдъ ôткашлянулъ и задался, якъ бы хотѣлъ поддати гадку Ярославу, по сновь ôткашлянулъ и ôтсунулся ôтъ Ярослава. Фельця же прибрала выразъ побѣдительный, который говорилъ: ну, ожидаю отвѣта.

Ярославъ зажегъ сигаро и началъ дальше.

„Границы? Тутъ нѣтъ найменьшого сомнѣнія. При каждôмъ поодинокôмъ случаю розсудительность сама поучаетъ, где граница.“

„Если однакъ одна сторона кажетъ: то излишное а другая: то неизлишное? Отже нѣтъ границы.“

„Въ такôмъ случаю лишь мнѣнія обохъ сторонъ розличны, а границя своимъ путемъ есть.“

Оба старики начали плескати въ долони. „Браво! браво!“

„Ты Фельцю“ началъ теперь парохъ, „скажешь еще, що мы всѣ пессимисты.“

„А такъ, всѣ!“

„Хе, хе! А я теперь также не знаю, где границя межи тымъ, що лучше выдасть: тимотка, чи команиця? Я готовъ сказати уже, що буду сѣяти команицю, не тимотку, а будетъ сейчасъ протестъ: „нѣтъ! тимотку“, и выйдетъ на мое; тимотка моя побѣдитъ.“

Въ ту хвилю розтворилась дверь и жена пароха призвала къ перекусцѣ.

„Стоитъ отже на тôмъ“ закончилъ парохъ, „що мы пессимисты и осуждаемъ односторонно. Изъ того выходитъ, що правда по сторонѣ женщинъ, отже по старому нашому обычаю: нехай будетъ, якъ бывало.“

Фавстина Галичанка.

РОЗЛИЧНОЕ.

Ломы мармора въ Каррарѣ. Каррара, крѣпостный городъ въ Италіи, на лѣвôмъ берегу рѣки Авензо, лежащій въ прекрасной живописной сторонѣ, не маетъ собѣ подобного на цѣлôмъ свѣтѣ, такъ якъ ôнъ созданъ цѣлый изъ матерьяла, съ которымъ въ нашôмъ пониманію сопряжено що-то величественного и необыкновенно хорошого, зъ матерьяла, который по обыкновенію представляемъ собѣ лишь въ видѣ пышныхъ колюмнъ, памятникôвъ или дышащихъ жизнью скульптуръ, — коротко, издѣлій изъ каррарійского мармора, служащого тутъ къ обычному употребленію, на найбѣднѣйшіи хатинки, лѣстницы, тротоары, огородовыи муры и пр.

Кромѣ того Каррара — то городъ, которого все населеніе занимается лишь добываніемъ, оброблені емъ и вывозомъ мармора. На 24.000 жителей, построены 17 рукодѣлень для рѣзбярей, въ прочихъ же домахъ обитаютъ самыи лишь родины каменярей. Межи рукодѣльнями встрѣчаются и такіи, которы, такъ сказати, получили классическое освященіе, въ нихъ бо трудились давніи славныи скульпторы. И такъ, примѣромъ, въ внѣшной стѣнѣ одной изъ нихъ, находится копія фриза, представляющого походъ Александра Великого, произведеніе, которого безсмертный композиторъ, Торвальдзенъ, тутъ проживалъ.

Давній княжескій замокъ, величавое живописное зданіе изъ XVI столѣтія, построенъ на выжинѣ, отѣненной гущавиною, въ части города, перерѣзанной быстрымъ токомъ Торана. Въ замку тôмъ помѣщена теперь школа живописи и моделей для мѣстной молодежи. На рынку, окрашенôмъ „Керницею Нептуна", произведеніемъ Микеля-Анджеля, стоитъ мраморный храмъ св. Андрея, пышное зданіе построенное въ стилю XIII и XIV столѣтія. Въ тôмъ же рынку находится еще домъ, въ которôмъ, якъ на то указуетъ напись, проживалъ Микель-Анджело, коли въ горахъ Каррарійскихъ ишли съ его порученія роскопки мармора на проектованный нимъ мавзолей для папы Юлія II.

Вблизи города свертается дорога къ сѣверо-западной сторонѣ и тягнется вздолжь Торана, у стопъ спадистыхъ горъ, отѣненныхъ на низшихъ стокахъ то роскошными лѣсами, то огородами деревъ фиговыхъ, оливныхъ и виноградныхъ. При дорозѣ построены рядомъ тартаки, въ которыхъ обрабляются мраморныи бльоки на тонкіи столовыи плиты.

Посередъ мраморныхъ горъ роскрываются три долины, до которыхъ ведетъ дорога сразу межи лѣсистыми, а послѣ межи нагими и дикими скалами; суть то долины: Колоннато, Фантискритти и Торана. У входа до послѣдной, лежитъ городокъ тогожь названія, съ владѣющою надъ нимъ громадною, остро утятою пирамидальною скалою, котора до самого верха, блеститъ найяснѣйшою бѣлостію, и съ копулою храма, выдѣляющогося маркантно, середъ горячихъ лучей солнця, ôтъ низкихъ крышъ прочихъ домôвъ. Тутъ сникаютъ уже тартаки, два же провалы, которы роскрываются передъ нами, стаютъ чимъ разъ дикшими, скалы и горы чимъ разъ грозьнѣйшими, провальными и пустыми. Дороги узкими подножьями провалôвъ, вздолжь ручаевъ спадающихъ съ шумомъ въ долъ, вьются, майже на пространи одной мили, чимъ разъ высше къ верху Монте-Сакро. Тутъ снаходимъ найславнѣйшіи каменоломы; вообще всѣхъ мѣстъ роскоповыхъ въ розличныхъ провалахъ, начисляется тутъ до 400. Ôтъ хвили до хвили роздаются воскликы предостереженія, за которыми послѣдуютъ страшныи трески и гуки, ôтзывающіися якъ громы, долгимъ ôтгомономъ межи горами; съ лоскотомъ летятъ по спадахъ скалъ и роспадаются густою хмарою сломки мармора.

Пôдъ ослоною грубого полотна, или плетенныхъ зъ сѣтовья матъ, забезпечающою ôтъ солнечного жару, занимаются роботою въ розличныхъ мѣстахъ каменьщики, поодиноко или въ меньшихъ громадкахъ, обтесуючи пилами свѣжо выломанныи, великіи, безформныи бльоки мармора. Каменьщики тіи, трудящіися на поразительно-бѣлыхъ спадахъ горъ, наблюданныи изъ низу, выглядаютъ якъ дробныи чорныи фигурки, а огромныи бльоки мармора — якъ малыи грудки.

Майже кождое изъ роскопныхъ мѣстъ, подаетъ матерьялъ розличной чистоты и цѣнности; найбѣлѣйшій, статуетовый марморъ добывается въ славной, вблизи Торана лежащой долинѣ Крестоли.

ЗАДАЧА ШАРАДОВАЯ.

терно, поляк, овчар, иван, дар,
актор, батог, авар, тацит, рак,
орати, сара, самарія.

Изъ наведенныхъ 13 слôвъ сдѣлати въ тôмъ-же порядку слôвъ и буквъ новыхъ 13 слôвъ.

Ю. Д.

Розвязка метаморфозного акростихона на стр. 28.

1) Коран — 2) Актор — 3) Пляма 4) Идол — 5) Товар — 6) Амбар — 7) Нива — 8) Скала — 9) Казна — 10) Арак — 11) Ясла — 12) Добро — 13) Оберон — 14) Чип — 15) Кроат — 16) Алун.
т. е. Капитанская Дочка.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 5. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Марта 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листо̂въ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

Панаотъ Хитовъ.

Розсказъ изъ болгарской минувшости.

(Переводъ изъ болгарского.)

(Конецъ*)

Одного дня выслали мы Ивана до Ямболя, щобы извѣстилъ нашихъ краянъ въ Сливнѣ, що мы еще жіемъ. Тамъ надоспѣли еще нѣкоторыи наши други, которы изъ давна насъ глядали; они розсказали о новыхъ преступленіяхъ Турко̂въ, нашихъ Чорбаджи и новоприбывшихъ Татаръ. Въ тое бо время насунулись на нашу землю Татаре въ числѣ 12.000 зъ Криму; наши были приневолены о̂тступити имъ найбогатшии поселенія, найлучшіи нивы, а къ тому строити еще для нихъ жилища. Такъ накинули намъ хмару розбышацкихъ пройдисвѣто̂въ, котора якъ саранча залягла надъ нашою стороною. Еще на Туркахъ и Фанаріотахъ не было намъ досыть!

Вскорѣ послѣ того нашествія, надоспѣла къ намъ вѣсть о̂тъ нашихъ товаришей, що въ Могилу зайшолъ якійто богатый Татаринъ, который намѣряетъ осадовитись въ селѣ. Того-жъ дня еще осѣдлали мы наши кони, надались на татарскій обозъ и истребили его. Богатый Татаринъ и его сынъ, хотяй ранены, бѣжали; прочіи были приневолены, оставити поселеніе и поселитись въ Ямболи. Мы выйшли съ добычею.

Въ Стрельчи мы не могли долше оставати. Мы перейшли въ Ямболь и скрылись въ близи конака, коли же утихли поговорки о послѣдно̂мъ событію, переправились мы въ нашу отчину, Сливно. Тамъ клялись мы, устранити изъ свѣта судію, который христіанамъ дѣлалъ численныи кривды и пакости. Разомъ съ Стояномъ и товаришами рѣшили мы, разорити конакъ.

Въ темнотѣ розвалили мы часть мура и войшли до внутри. Въ окнахъ судьи виднѣло свѣтло. Мы встрѣтили судью въ дверахъ, о̂тняли ему оружіе, и связали. То-же сдѣлали мы и съ прочими жителями дома, и теперь слѣдовало полное опустошеніе тогожъ. Мы вынесли изъ дома золото, сосуды и прочіи дорогоцѣнности.

Такъ оставили мы конакъ, прибыли съ добычею за городъ и тамъ подѣлили ею межи себе. Я съ Стояномъ удалился послѣ того въ лѣсъ. Прочимъ товаришамъ поручили мы, доставити намъ за добытыи гроши припасо̂въ изъ сосѣдного села. Долго ждали мы, а товариши не являлись. Мы попросили у одного овчаря хлѣба и о̂тъ него узнали, що наши товариши попали въ плѣнъ. Начались преслѣдованія. Многихъ Болгаръ затворили въ тюрму.

Мы, гайдуки, остали въ нашихъ лѣсахъ здоровыми и сохранеными, хотяй турецкіи воины завели на насъ быструю

ловлю. И такъ изъ всѣхъ нашихъ товаришей остало насъ лишь трехъ: я, Стоянъ и Адзимъ.

* * *

Въ день Юрія, якъ было прежде условлено, сойшлись мы съ иною громадкою гайдукôвъ, щобы отвѣтити принятымъ на себе обовязанностямъ. Теперь однакъ дѣло не ишло такъ легко. Жизнь гайдуковъ болгарскихъ полна борьбѣ и невыгодъ. Мы сражались частѣйше съ Турками. Послѣдній бой былъ отчаянный. Изъ Сливна выйшло противъ насъ бôльшое отдѣленіе турецкого войска. Нашъ воевода рѣшилъ приняти борьбу, и мы заняли нашое мѣсто. Упало нѣсколько Турчинôвъ. Я направился на ихъ предводителя и пославъ ему кулю въ правую руку; ôнъ опустилъ оружіе. Напастники взялись бѣжати, побѣда была по нашой сторонѣ, однакъ была она высоко окуплена. Нашъ предводитель былъ убитъ турчинскою кулею. По погребенію нашого героя, предложили мнѣ мои товариши предводительство. Я принялъ предложеніе и сталъ ихъ воеводою*); барьяктаромъ назначилъ я Николая Адзима. Насъ было всѣхъ дванадсять.

По моему рѣшенію перебыли мы зиму на Старой-Планинѣ. Въ недоступной пустцѣ, зовимой Рамаданъ, построили мы хатину. Вблизи выплываетъ Тунджа, пышная рѣка; сторона тутъ пречудесна, мѣстности живописныи, а народъ, Болгаре самыи ядренныи, сердечны, гостепріемны, одушевлены для отечества. Одного дня прийшолъ я въ одну осадьбу и затребовалъ ôтъ селянина муки. Ôнъ насыпалъ мнѣ полную мѣру, а коли я намѣрялъ платити, сказалъ ôнъ: „Задержи свои гроши; тобѣ они бôльше придадутся; Богъ нехай стережетъ тебе!“ Иный сновь Болгаринъ далъ мнѣ триста дукатôвъ на покупленіе стрѣльного пороха для нашихъ товаришей. Изъ поселеній приносили наши други вина и прочіи припасы, и мы пировали якъ на свадьбахъ.

Якъ лишь настала весна, мы взялись сновь до дѣла. Я водилъ моихъ товаришей на ровнину Тракіи, на береги Чорного-Моря а послѣ обратно на Балканъ.

Коли мы прибыли въ Стрельчу, узнали мы о новыхъ насиліяхъ Татаръ, которы непрестанно наносили вредъ мѣстному населенію. Въ селѣ встрѣтили мы нѣкоторыхъ знаменитшихъ изъ громадянъ. На наши упреки отвѣчали они: „То наше право! Падишахъ не запрещаетъ намъ того. Правительство султана дастъ намъ бôльше, чимъ вашимъ раямъ, такъ якъ мы Могамедане!“ Слово прийшло на слово, наконецъ взяли мы за оружія, и тогды стало явнымъ, якими трусами суть тіи Татарскіи наѣздники; въ тôмъ незначительнôмъ бою упало ихъ 16, многіи были ранены.

Въ ту пору вернула изъ Карнабата часть Туркôвъ въ сѣверную Болгарію и мы сновь сойшлись въ бою. Турки были розгромлены и мы забрали добычь. Лишь старцевъ не тронули мы. Для мене было всегда пожелаемымъ зрѣлищемъ, дрожаніе тыхъ Магомеданъ, людей, которы въ минутахъ своей силы такъ глумились надъ болгарскими подданными; теперь, на видъ нашого оружія ôтъображалось въ ихъ чертахъ лиця все, що обнимаетъ въ собѣ тревога, малодушіе и отчаяніе. Они падали на землю передъ нами, обнимали наши ноги, ôтзывались къ намъ якъ къ своему Магомеду. Мы ôтпустили ихъ, разомъ однакъ заявили имъ, щобы гроши побрали собѣ ôтъ нашн; его обовязанностію есть, и христіанъ и Турчинôвъ ôтъ всѣхъ гайдуцкихъ дѣлъ защищати...

Чимъ были мы? Единственною защитою нашого разоренного майже болгарского народа. Одинъ старый гайдукъ такъ сказалъ разъ ко мнѣ: „Мы назначены къ защитѣ бѣдного народа и къ погромленію тиранôвъ, а щобы могли мы сполнити тую нашу задачу, мусимъ сами быти правдолюбивыми и ити прямымъ путемъ. Болгарскій народъ не маетъ уже владѣтелей, не маетъ ніякихъ покровителей, и не можетъ на никого полагати, якъ лишь на насъ и на силу нашой мужественной юности. Гайдуки должны берегчи болгарскую честь, защищати несчастливыхъ, вдовъ и сиротъ, и брати пôдъ свôй покровъ лишенныхъ.“

Я по моей части могу признати, що я и мои товариши, въ продолженію жизни на планинахъ, многихъ несчастныхъ Болгаръ помстили; где нибудь зачули мы о преступленіяхъ Турчинôвъ, спѣшили мы нашимъ съ помощію.

* * *

Было то года 1862; широко межи Болгарами ишла вѣсть, що недалекою уже минута освобожденія изъ турчинского ига. Одинъ изъ нашихъ друзей, Георгій Раковскій изъ Котеля, писалъ къ намъ: „Болгарскіи братья и вы мужественныи герои Балкана! Держѣтся въ готовности и бодро ступайте дальше! Ожидайте хвили, которой каждый изъ насъ надѣется. Я вскорѣ пришлю вамъ объявленіе, що слѣдуетъ дѣлати. Вскорѣ будетъ наша отчина освобождена!“ Я извѣстилъ о тôмъ прочихъ моихъ товаришей. Дѣйствительно я вѣрилъ, що рѣшающая минута приходитъ.

Я двинулся съ моими людьми въ сторону Котеля. Я ожидалъ якой турчинской почты; до революты необходимыми намъ были гроши. Мы выжидали пять дней. Наконецъ я вышовши на шляхъ, ведущій въ Трново, замѣтилъ въ дали клубы дорожного пыла. Зъ начала здавалось, що то овчари, вскорѣ однакъ скрозь вечерній сумеркъ розпознавъ я вооруженныхъ людей, и предполагалъ, що то жандармы. Мы поспѣшили за ними; они тоже узрѣли насъ, упали стрѣлы, одинъ изъ нихъ былъ раненъ моею кулею, иныхъ мы уже не могли дозрѣти. Я однакъ опасался, щобы мы не были окружены и приказалъ податись въ лѣсъ.

Не могъ я однакъ по внутренной жаждѣ, того намѣренія сполнити. Я завозвалъ сильнымъ голосомъ въ лѣсъ: „Если вы воины, ходѣтъ ближе, смѣримъ наши силы! Мы или вы! Мы народныи гайдуки! Свобода или смерть!“ По хвилѣ отвѣтилъ голосъ, однакъ въ дали. Я сновь отозвался. „Тутъ, тутъ!“ Голосъ приближался чимъ разъ бôльше, и я всегда еще не вѣрилъ, суть ли то Турки, которы хочутъ мене выслѣдити. Изъ одного слова, сказанного ко мнѣ, позналъ я сейчасъ, що то одинъ изъ нашихъ людей. Мы выйшли противъ него. „Где твои товариши?“ пыталъ я его. „Вооружились и ждутъ минуты освобожденія.“

Я роздѣлилъ моихъ людей и приказалъ имъ, выйти въ различныи направленія. Межи Болгарами кипѣло, и Сербы забирались положити конецъ турецкой осадѣ. Нѣкоторыи Болгаре стали предводителями и повели своихъ добровольцевъ въ сторону монастыря Габровы. Они однакъ побѣджены были силою турчинскою и забраны въ плѣнь въ Константинополь. Наконецъ надоспѣло письмо Раковского: „Если вы еще не начали революты, постарайтесь о то, щобы на время еще вашъ народъ оставалъ въ спокою; Сербы заключили миръ съ Турками.“

Я повернулъ съ моимъ отдѣломъ на Стару Планину. Мои людє попали теперь мало не въ отчаяніе и огорченіе. Мы не могли ничого предпринимати; напротивъ мы мусѣли скрыватись передъ преслѣдованіемъ.

Коли прійдетъ день свободы! Осень уже надоспѣла и сновь предстала передъ нами строгая зима, сновь якъ орлы загнѣздились мы въ одной хатинѣ въ провалѣ лѣснôмъ. Тутъ насъ тоже вынайшли и мы мусѣли дальше скрыватись. Нѣкоторыи изъ насъ были мнѣнія, щобы мы роздѣлились, меньшіи бо отдѣлы могутъ легче пробитись где нибудь. И мы такъ сдѣлали. „Кто идетъ съ барьяктаромъ, нехай перейдетъ на его сторону“, сказалъ я къ товаришамъ. Шесть ôтдѣлилось, прочіи остали при мнѣ.

III.

При кôнци нашой жизни на горахъ, дожили мы предательства изъ стороны одного нашого товариша. До того довели его Турчины!

*) Воевода у гайдукôвъ = предводитель; барьяктаръ—прапорщикъ; момцы—прочіи товариши.

Я потягнулъ именно съ моимъ отдѣломъ на Рамаданъ, и выслалъ двохъ людей въ Глушникъ по славного юнака Паскаля. Паскаль, узрѣвши мене, воскликнулъ: „Панаотъ! Панаотъ! долго не видѣлъ я тебе такъ знидѣлымъ и безнадежнымъ! Морозъ ли такъ переняль или переправы такъ разорили тебе? А гдежь твôй барьяктаръ, где всѣ твои момцы?“ Я описалъ ему наше положеніе и сказалъ, що тутъ хочемъ перезимовати. „Тутъ вы безпечны и я буду вамъ помагати“ сказалъ Паскаль, горячій патріотъ.

Коли зима уже кончилась, прійшла до мене вѣсть, що моему барьяктару угражаетъ предательство. Я предостерегалъ его черезъ посланника, но ôнъ отвѣтилъ: „Ахъ, Панаотъ трусъ, нехай о насъ не вопрошаетъ.“ Почувши о тыхъ его словахъ, сказалъ я: „Славно! Я доволенъ тымъ, що межи нами суть люде, которы не знаютъ тревоги!“ Не минуло однакъ и два дни, якъ ко мнѣ прійшолъ Паскаль, встревоженъ, блѣдный. „Погибель для насъ! Все пропало! Барьяктаръ пойманый, я опасаюсь, щобы межи пойманными не было якого предателя!“ „Того я не опасаюсь“ отвѣтилъ я, „мôй барьяктаръ не маетъ у себе ни одного предателя, а снайдется — то не помѣшаетъ нашому дѣлу.“ Изъ бережливости однакъ мы перейшли на Планину Матейскую.

На дѣлѣ однакъ сбылось такъ, якъ предсказалъ Паскаль. Съ моимъ барьяктаромъ сбылось такое дѣло: Турки обступили его при Кортинѣ, и поймали его. Въ Сливнѣ сказали Турчины къ нему: „Слухай! Скажи намъ все, що знаешь, или мы повѣсимъ тебе! Мы знаемъ, що ты не головный виновникъ, а лишь дѣлаешь по приказу другого. Скажи намъ, где перебываетъ Панаотъ. Если словимъ его — пустимъ тебе на свободу. Скажи намъ тоже, кто приносилъ вамъ въ ваши скрытыи жилища, хлѣбъ?“ И теперь тревога объяла моего барьяктара и ôнъ вызналъ все, чого лишь они требовали. Назвалъ своего сродника, священника Іордана, горячого патріота, который исповѣдалъ насъ и благословилъ наши оружія; назвалъ и Паскаля и его друга Бойча. Послѣ начали ислѣдовати его о минувшихъ нашихъ дѣлахъ: кто поповнилъ той или другій розбой, кто опустошилъ конакъ въ Сливнѣ, кто убилъ зафтія и пр. Однимъ словомъ: той безсовѣстный трусъ допустился предательства на всѣхъ своихъ товаришахъ, изъ которыхъ послѣ многіи померли въ плѣни у Турчинôвъ. Наконецъ спросили его, где я перебываю. На той вопросъ задрожали немного его члены. „Панаотъ не долго перебываетъ на однôмъ мѣстѣ“ сказалъ ôнъ наконецъ, „найчастѣйше встрѣтити его можно на Матейской-Планинѣ.“

Турки не дали собѣ того два разы сказати. Одного утра мы сорвались изъ сну еще передъ розсвѣтомъ. Вокругъ на горахъ полно людей. Скоро собралъ я моихъ товаришей и повелъ въ самое скрытое мѣсто. Двохъ Болгаръ приблизилось къ намъ. Мы словили ихъ и узнали о всемъ. „Изъ Сливна выйшолъ тутъ отдѣлъ воинôвъ пôдъ предводительствомъ капитана.“ Мы пустили ихъ и взяли обѣщаніе, що ни словомъ не упомянутъ о тôмъ, где мы перебываемъ.

Недалеко нашого скрытого прибѣжища было мѣсто, где мы пекли хлѣбъ. Мы хотѣли теперь принести собѣ що къ покрѣпленію, но не найшли ничого; Турки затымъ переходили туда и забрали все. Было послѣдное время, удалитись намъ изъ той Планины. Вблизи была одна точка, зовимая Корытою, чрезмѣрно недоступна и безопасна. Тамъ мы скрылись. Неоднократно проходили коло насъ Турки, но не замѣчали насъ.

Вечеромъ вернули селяне въ свои осадьбы, но стражь остала передъ лѣсомъ. Ночь была темна. Мы были на каждый случай обзнакомлены съ мѣстностію, умѣли ступати въ лѣсѣ, оминаючи сухіи вѣтви на земли и не дотыкаючи головами галузей деревныхъ, но той ночи было уже чрезмѣрно темно.

Коли капитанъ вернулъ съ ничимъ въ Сливно, кинулся на него паша: „Скажѣтъ, якъ могли вы не поймати джаврôвъ, если вы выглядали ихъ пещеры и забрали хлѣбъ?!“ Капитанъ извинялся тымъ, що не встрѣтилъ насъ. „Я вырву тобѣ твою бороду и розотру на порохъ твои кости!“ лютился паша, „щô ты за предводитель, если ты съ трема тысячами воинôвъ не можешь поймати малой горстки джаврôвъ!“

Тымчасомъ мы пересунулись въ осадьбу. Бойчо ôтдѣлился съ двома товаришами, щобы що-то принести изъ своей хаты. Вечеромъ вернули оба момцы, однакъ безъ Бойча: послѣдній на лестное предложеніе Турчинôвъ, сдался имъ! То было новымъ ударомъ для мене. Бойча сдѣлали Турки сейчасъ предводителемъ нового отдѣла, который долженъ былъ насъ вынайти. Ровновременно издалъ паша приказъ: кто бы осмѣлился, дати намъ сохраненіе въ своимъ домѣ, или одинъ кусокъ хлѣба намъ доставити, той будетъ на всегда изгнанымъ, а имѣнье его припадаетъ державѣ.

Я позналъ теперь, що на никого уже полагати не могу. Я однакъ не отчаивалъ. Свѣжость весны и ластôвки сдѣлали мене такъ дерзкимъ, що я трикратно писалъ къ пашѣ: „я жію еще и здоровъ къ тому.“ Турецкій паша видѣлъ, що съ мѣстнымъ населеніемъ ничого не почнетъ и затребовалъ изъ Адріанополя вкрѣпленія силъ.

Я же сновь потерялъ одного союзника. Паскаль попалъ тоже въ руки Турчинôвъ! Селяне были Турками и нашими ôтступниками — до крайности затревожены. „Дальше, дальше“ говорилъ я, не униваючи, „наша независимость и свобода муситъ побѣдити надъ нашимъ голодомъ!“ Мы спали на голой землѣ, споживали що нибудь. Воины изъ Адріанополя прибыли и начали ловлю на насъ. Для насъ было то игрою; они посувались съ трубами, тарабанами и мы изъ дали знали уже, где они посуваются.

Вскорѣ узналъ я ближе о судьбѣ Паскаля и о причинѣ, по якой Турки такъ преслѣдовали его. Года 1862 случилась болгарская молодежь въ сильный союзъ и думала о великôмъ дѣлѣ освобожденія; она избрала Паскаля своимъ предводителемъ. Коли ôнъ попалъ въ руки Туркôвъ, высланый былъ изъ Константинополя Миралай-Бегъ, щобы перевелъ съ нимъ изслѣдованіе. Бегъ передалъ его пôдъ стражь Чорбаджію, самъ же отозвался такъ къ нему: „Паскаль, я знаю, ты не виноватъ. Скажи мнѣ, где Панаотъ и кто суть его союзники? Такожь мусишь сказати мнѣ, чого Панаотъ потягнулъ на Балканъ? Чи ему росходится лишь о розбиваніе, чи ôнъ надался на владѣтельство падишаха?“ Паскаль отвѣтилъ: „Миралай-Бегъ, прошу тебе, оставь все то на завтра, нынѣ я чувствуюсь изнеможеннымъ, завтра скажу тобѣ, щô лишь собѣ желаешь.“ Бегъ обратился къ Чорбаджію и сказалъ: „Возьми его и стережи у себе, завтра сновь приведешь его передъ мене.“ Слѣдующого однакъ дня былъ ôнъ найденъ мертвый. По мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ ôнъ отроенъ Турками, иныи говорили, що самъ покончилъ свою жизнь, третіи, що Болгаре его устранили. И то еще найбôльше вѣроятно. Паскалъ зналъ всѣ наши тайны. Еслибъ измѣнилъ нашому дѣлу, былабъ погибель для молодежи и всѣхъ насъ.

* * *

Миръ! Насталъ уже памятный годъ 1863 а съ нимъ и водворился миръ въ нашой сторонѣ. Скончилась наша жизнь на горахъ, на Планинахъ.

Я рѣшилъ, перейти съ моимъ отдѣломъ въ Сербію и тамъ его розвязати.

Такъ выйшли мы въ Сербію. Мы прибыли въ Княжевацъ, где я представился начальнику. Ôнъ принялъ мене дружелюбно и, заявилъ намъ волю правительства, щобъ мы, если останемъ въ Сербіи, поселились подальше ôтъ границы.

Настали иныи времена. Я поселился въ Княжеваци, мôй барьяктаръ Гаджи-Димитаръ и прочіи въ Белградѣ, а изъ гайдуцкой жизни остались намъ воспоминанія.

Зъ галицко-русской
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Ôтъ года 1752—1769 визитуетъ епархію Галицкую (именно г. 1754 и 1755) „Ioannes Gromnicki, protonotarius Apostolicus«, зъ начала официалъ и генеральный визитаторъ епархіи Каменецкой, а потомъ (ôтъ г. 1754) официалъ и генеральный визитаторъ Галицкій.*) Ôтъ г. 1760—1770 визитуетъ епархію Перемышльскую Ѳеодоръ Краснопольскій, которого уже называютъ акты выразительно генеральнымъ официаломъ Перемышльскимъ. Былъ ôнъ приходникомъ въ Вороблевичахъ и Нижанковичахъ, который городокъ первобытно Краснополемъ назывался. Происходило то за правленія епископôвъ Перемышльскихъ Онуфрія Шумлянского (гербу Корчакъ, ск. 1762) и Атанасія Шептицкого (гербу Шептъ, ск. 1779). Зъ визитаціи ôтбывшойся въ подлягавшихъ тогды праву застава, имѣніяхъ Іосифа гр. Оссолинского и его жены Терезіи изъ Стадницкихъ, задержался декретъ реформаторскій, изданный тымъ-же официаломъ и генеральнымъ визитаторомъ, Ѳеодоромъ Краснопольскимъ, и пôдписанный такожь черезъ Антонія Витолковского, вицегерента Мельницкого, который яко мірскій комиссарь сопровождалъ Краснопольского. По содержанію того декрета, которого нѣсколько автентичныхъ отписей задержалось въ старой регистратурѣ скарбовой дирекціи во Львовѣ, были поповичи, т. е. сыны священникôвъ, сидящіи неправно на церковныхъ грунтахъ, устраняемы. Приходнику, которому припадала лишь одна четверть поля, была придаваема еще другая, той же, у которого было бôльше чимъ двѣ четверти поля, мусѣлъ ôтступити надвыжку въ пользу двора, съ изъятіемъ случаевъ, въ которыхъ могъ выказатись документами дотычно правного посѣданія.

Въ лѣта 1763, 1764 и 1765 припадаетъ старательная визита Николая Шадурского въ епархіи Львовской.*) Актъ той визитаціи содержалъ въ собѣ точное описаніе ерекцій и фундацій церковныхъ, часто съ ссылкою на относительныи документы и описи самыхъ церквей, ихъ внутренного украшенія, иконъ, сосудôвъ, книгъ церковныхъ и пр., разомъ съ описаніемъ морального поведенія приходникôвъ, которыхъ тогды по нѣсколько пребывало въ однôмъ селѣ, при церквахъ, ознаменанныхъ особенными титулами. Каждый такій актъ визитаційный кôнчился декретомъ „reformationis“. Цѣлью тыхъ декретôвъ было: исправити злое, именно такъ въ душпастырствѣ, веденію дѣлъ церковныхъ якъ и моральнôмъ поведенію духовенства. Засуды были неоднократно строгими и придѣляли священникамъ даже тѣлесныи кары, приноровленныи по артикуламъ покаянныхъ псальмôвъ.

Визитаціи Шадурского розтягались и на монастыри женскіи. И такъ маемъ передъ собою актъ визитаціи женского

*) Въ старой регистратурѣ ц. к. прокураторіи скарбовой во Львовѣ, читалъ я интересный актъ визиты его въ парохіи Коссовской.

*) Пôдписовался на актахъ визитаційныхъ генеральныхъ: Nicolaus Szadurski, protonotarius Apostolicus, Causarum Curiae Illustrissimae suae Excellentiae Judex delegatus, generalis dioecesis Leopoliensis visitator.

Зъ галицкихъ типôвъ.

Выѣздъ послѣ ярмарка.

Сербскій свадебный походъ.

монастыря въ Каменцѣ Струмиловой; о содержанію того акта упомнемъ еще въ продолженію при розсмотрѣнію ерекцій монастырскихъ. Тутъ зазначимъ лишь роспредѣленіе того акта. Въ немъ встрѣчаются слѣдующіи заглавія: a) monasterz panien Bazylianek, (построенный издержками мѣщанъ Каменецкихъ г. 1734, „jak świadczy na oddzwierzu napis"; акты виз. Шадурского списаны на перемѣну въ польскôмъ и латинскôмъ языкахъ. b) Sprzęt cerkiewny. c) Obrazy. d) Księgi cerkiewne. e) Prawa i pertynencye tego monasterku.*) f) Series panien Zakonnych i budowli, w których mieszkają. g) Kapelan Panieński. Наконецъ умѣщена „Ordinatio Reformationis." Уже зъ тыхъ заглавій предполагати слѣдуетъ, якъ богатый церковно археологическій и общественно-историческій матерьялъ собранъ и сбереженъ въ тыхъ актахъ, которыхъ оригинальный текстъ, списанный собственною рукою того визитатора дробнымъ письмомъ въ нѣсколько грубыхъ фоліялахъ, похраняется въ архивѣ гр. к. митрополичой консисторіи во Львовѣ. Г. 1760 визитуетъ зъ порученія и рамени тогдашного епископа Холмского Фелиціяна Володкевича (1735—1756), епархію Холмскую и соедчненную съ нею епархію Белзскую: Іосифъ Витушевскій, монахъ чина св. Василія. Ôнъ засуджаетъ провинившихся священникôвъ на реколекцію до Василіанского монастыря Сокальского. Года 1737 при подобной визитѣ были провинившіися священники посланы до монастыря Василіанъ въ Волевинѣ. Г. 1726 комиссія зъѣхавшая до староства Мостиского, засудила въ силу препорученной собѣ власти (subdelegata potestate), священника отця Григорія Винярского, пресвитера Рудецкого и намѣстника Мостиского, за то, що не предложилъ всѣхъ мотивôвъ дотычно посагôвъ церковныхъ ôтъ коляторôвъ „antiquitus" наданныхъ, и за то, що вредъ и соблазнь нанеслъ (damnificavit et scandalisavit) пресвитерамъ того староства а взглядно намѣстничества, — на двѣ седмицы затворенія на вежѣ при монастырской церквѣ св. Спаса.**)

Г. 1761 существовалъ консисторъ въ Бережанахъ; управлялъ нимъ Алексей Липницкій, деканъ Зборовскій. Г. 1766 зъ порученія тогдашного епископа Львовского Леона Шептицкого, описалъ грунты а взглядно ерекціи церквей епархіи Галицкой, священникъ Пясецкій, дѣйствовавшій въ характерѣ официала тойже епархіи. Послѣ еще слѣдующіи личности управляютъ зъ порученія дотычныхъ епископôвъ епархіями и деканатами, или причиняются своимъ содѣйствіемъ къ списованію фундацій или даже къ унормованію тыхъ-же, а то уже въ періодѣ австрійского правленія, именно г. 1778 Григорій Тыховичъ, яко архипресвитеръ катедральный Львовскій, бывшій разомъ и деканомъ Бурштынскимъ, года 1780 Даніилъ Верхратскій, яко „dioeceseos procurator" (происходило то по смерти епископа Львовского Льва Шептицкого). Года 1781 и въ слѣдующихъ лѣтахъ, коли епархію Перемышльскую администровалъ епископъ Холмскій Максиміліанъ Рылло, гербу Винява (по смерти епископа Перемышльского Атанасія Шептицкого 1779), управлялъ епархіею Перемышльскою и Саноцкою, Михаилъ Литинскій Пискоровичъ, яко „consistorii Samboriensis notarius."

(Прод посл.)

*) Монастырь той титула Рожденія Пресв. Богородицы, былъ ерегованъ черезъ Станислава Радзеевского, старосту Каменецкого. Актъ ерекційный подтверджденный черезъ короля польского Михаила Вишневецкого, былъ облятованый дословно въ актахъ городскихъ Бужскихъ пôдъ г. 1670.

**) Такое наказаніе (затвореніе въ вежѣ) присуджала комиссія „in suspenso", „za excessa", „za pijaństwo wieżę na 4 tygodnie", „(również) za zastaw rzeczy cierkiewnych, za niedbalstwo i nieczystość a to tak prezbiterów jak diakonów przy cerkwiach zostających."

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П. Ш.

Старообрядцы въ Бѣлокерницѣ.

(Продолженіе.)

Монахи и инокини, тоже и прочіи участвующіи, держали восковыи свѣщи въ рукахъ, парни же, дѣвчата и дѣти несли деревянныи сосуды на священную воду.

Коли ходъ крестный станулъ передъ колодяземъ, въ одной хвилѣ поставлено всѣ иконы на упомянутôмъ возвышенію, ôтъ горы до самой долины, и то такъ симетрично, що дали видъ иконостаса, на верху которого умѣщенъ былъ бôльшій ручный крестъ церкви катедральной; по обохъ его сторонахъ уложены были меньшіи кресты изъ обоихъ другихъ церквей. Митрополитъ самъ ôтправлялъ чинъ водосвятія въ сослуженію всѣхъ іеромонахôвъ и двохъ діаконôвъ. Въ хвилю, коли началъ ôнъ читати молитву, роздался въ толпѣ народа зъ начала стонъ а послѣ звуки голоса не человѣческого. Сейчасъ прійшолъ я въ тую сторону и узрѣлъ старообрядця, порядочно одѣтого, середного вѣку, которого сильно пôдъ руки держали два парни, а который заверталъ очима, крутилъ руками и ногами и точилъ пѣну изъ рта. „Держѣтъ его крѣпко, щобы не упалъ на землю!" Такъ приказовалъ парнямъ сивый старообрядецъ и они держали, що силъ стало. „Що то такое?" спросилъ я моего стоячого коло мене Липована. „То несчастный человѣкъ", ôтвѣтилъ ôнъ мнѣ, „мѣсяцы тому два назадъ, поѣхалъ ôнъ въ Молдаву, щобы заарендовати сады и винограды, а по поворотѣ маетъ такіи припадки. Перелякался ôнъ чого, или що ему сталося, ôтъ него годѣ узнати." Вѣроятно съ якой то причины ôнъ попалъ въ епилепсію, такъ подумалъ я собѣ, якъ вдругъ одна изъ старухъ, звернулась до мене и сказала: „Якое несчастье! У насъ, ôтъ коли стоитъ Бѣлокерниця, такого не видано, ни слышано. Нечистая сила мучитъ Фому. Ôнъ бѣснующій, а припадки у него бôльшіи, коли видитъ дерево крестное, що есть, якъ знаешь, оружіемъ на діявола. Бѣдная Агрифина Ивановна, она ôтъ жалю усыхаетъ. И теперь нѣтъ ей тутъ, она остала съ малымъ дитятемъ въ дома, и выплакуетъ свои очи. Погоди! ему поможетъ вода освященна, котора лучшимъ есть средствомъ, чимъ тіи, що ему подаютъ лѣкари изъ Серету или Радовецъ!" — Фома послѣ успокоился, стоялъ тихо и крестился многократно, коли другіи дѣлали, якъ то у нихъ принято, въ честь Божества и Человѣчества Христового, двома палцями знаменіе крестное. Еще одинъ разъ, зачимъ водосвятіе окôнчилось, малъ Фома такій нападъ, но коли напился священной воды и митрополитъ покропилъ его нею, ôнъ сталъ совершенно инымъ.

Слѣдующой зимы я былъ въ Радовцяхъ и встрѣтившись съ старообрядцями бѣлокерницкими въ гостинницѣ у Дранча, спросилъ я ихъ про бѣснующого Фому, розсказавши имъ, коли я его позналъ. „Точно" ôтвѣтилъ одинъ изъ нихъ, „ôтъ того дня ôнъ поздоровѣлъ; ôнъ еще былъ безсильный якое-то время, но припадки не вертались." Было ли то послѣдствіемъ лѣкôвъ врачей Серетскихъ и Радовецкихъ, или сильная вѣра и вода освященна или одно вмѣстѣ съ другимъ, неизвѣстно.

По водосвятію пригласилъ насъ старый Олимпій монахъ 70-лѣтній, одинъ изъ найумнѣйшихъ межи ними и дѣловодчикъ ихъ общины ôтъ времени, коли старообрядцы построили монастырь у себе, въ монастырь на перекуску, состоящую изъ кавяра и смаженной рыбы, причемъ казалъ ôнъ послужнику-монаху принести изъ погреба три бутилки молдавского вина. Была то перекуска для насъ въ его келіи. Ôнъ самъ удалился до общой трапезы, при которой всегда являлся и митрополитъ. Передъ своимъ удаленіемъ просилъ ôнъ насъ „Бога ради", щобы мы не осквернили его келіи табакомъ. „Закурите собѣ то діявольское зелье на возвратнôмъ пути до Фратовецъ, коли оставите послѣдній домъ старообрядцевъ и станете за предѣлами нашого села."

Слѣдуетъ примѣтити, що старообрядцы николи съ иновѣрцями до одного стола не сѣдаютъ и съ одной не пьютъ судины. Даже лавки, на которы иновѣрцевъ сѣдати просятъ, прикрываютъ скатертями; если гость усядетъ на

непокрытой лавцѣ, то по удаленію его лавку мыютъ, и чистятъ.

По обѣдѣ монахôвъ и нашой перекусцѣ, завелъ насъ старый Олимпій въ садъ монастырскій, где прійшолъ съ монахами самъ митрополитъ, которому ôнъ насъ представилъ. Митрополитъ самъ, человѣкъ не старый и симпатическій. Ôнъ былъ прежде мірскимъ священникомъ въ Браиловѣ въ Румуніи, а повдовѣвши, по уставамъ старообрядцевъ постригся въ монахи. Дочь его выдана за купця-старообрядця, хорошенькую же внучку осьмилѣтную дѣвочку представила мнѣ сестра Дебора въ женскôмъ монастыри, где она живетъ и воспитивается. Дѣвочка строемъ въ ничемъ не розличалась ôтъ дѣвочокъ сельскихъ, лишь сороченка у ней была батистовая, ленты при косахъ шелковыи а черевички лакерованы.

Митрополитъ занимаетъ зъ ряду въ Бѣлокерницѣ третое мѣстце. Первымъ былъ Амвросій, сербской народности, (по фамиліи Поповичъ), вторымъ Кириллъ (Тимофѣевъ, Буковинецъ), третимъ Афанасій, русскій родомъ изъ Молдавы. Было время, въ которôмъ старообрядцы терпѣли тутъ и въ Румуніи недостатокъ духовенства. Въ Россіи еще удавалось имъ перетягнути часомъ якого-то іеромонаха или мірского священника въ свôй, якъ они зовутъ, „толкъ", но приходившіи изъ за границы въ Буковину священники безъ пашпортôвъ, опасаючись отвѣчательности, скоро уходили въ свояси.

Коли пок. кардиналъ Михаилъ Левицкій г. 1843, посѣщаючи Буковину, вступилъ и до Бѣлокерницы, старообрядцы не маючи тогды священникôвъ а лишь самыхъ монахôвъ-лаикôвъ, жаловалися передъ нимъ на свою бѣду. Ôнъ совѣтовалъ имъ обратитись въ центральное правительство и упросити для себе у тогожь соизволеніе учрежденія епископіи въ Бѣлокерницѣ. Они то сдѣлали и по многихъ переписках и многихъ поѣздкахъ монаха Олимпія въ Вѣдень въ септемврію г. 1844, надоспѣло наконецъ изъ Вѣдня приклонное для нихъ рѣшеніе. Теперь началисъ поѣздки по всѣхъ краяхъ, щобы найти где якого посвященного епископа, который перейшолбы въ ихъ вѣроисповѣданіе. Черезъ ходатайство бывшого польского писателя Михаила Чайковского (Садыка Паши), Некрасовского козака-старообрядця изъ Добруджи Осипа Семеновича Гончарева и польскихъ емигрантôвъ Равского и Струковского, жившихъ въ Царьгородѣ, найшли Олимпій съ своимъ товаришемъ живущого тамъ-же въ великой нуждѣ ексмитрополита Босніи и бывшого архиепископа Сераевского Амвросія, которого на требованіе турецкого правительства патріархъ Царьгородскій изъ архиерейского престола низвергъ.

Амвросій, маючи въ Босніи сына и дочерь, нужды ради согласился на предложеніе старообрядцевъ, которы ему годичныхъ 500 дукатôвъ на ежегодное удержаніе, а для сына и дочери домъ, городъ и поле въ цѣнѣ 1000 дукатôвъ, тоже и издержки переселенія запоручили, и прибылъ въ Септемврію 1846 г. въ Бѣлокерницю, где всенародно отрекся вѣры православной и принялъ исповѣданіе старообрядное. Сейчасъ началъ ôнъ дѣлати употребленіе изъ своего становища, посвятилъ нѣсколько монахôвъ въ іереи, бывшого дяка Кипріяна Тимофѣева въ монахи-іереи и даже въ епископы, именуючи его своимъ викаріемъ, тоже одного іеромонаха епископомъ некрасовскимъ въ Добруджи за Дунаемъ и трехъ іеромонахôвъ изъ Россіи епископами старообрядцевъ въ Россіи.

(Прод. посл.)

Дѣти Гаймона
и
Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

Сержантъ Евтимъ однакъ не спочивалъ. Ôнъ ôтдѣлился ôтъ товаришей и началъ иное дѣло, а видно было, що гвардія не была его единственною цѣлью, що ôнъ ôтъ узвычаенія втягнулся въ ей ряды, що она не была для него новостію, но знаннымъ давнимъ обозомъ.

Ôнъ натягнулъ якъ слѣдовало и шарую гвардійскую блюзу и бобровую шапку, и вступилъ въ богато тапетованныи салоны хорошой аристократки Анны Рожицкой, щобы изъ ей нѣжныхъ рукъ получити на грудь червоную кокарду, гвардійскую ознаку. Но молодый сержантъ не дрожалъ уже на видъ женского упоительного шалу. Ôнъ дрожалъ лишь на два воспоминанія; що иного выкликовало кровь на его лицѣ, а то: той горячій марселезъ, мотивъ републиканскій, при которого звукахъ палало его лице а рука съ дрожаніемъ почивала на саблѣ. И еще разъ волновалась кровь его на иную мысль, но вже бôльше безнадежно, коли ôнъ на самотѣ стремилъ къ своей другой цѣли..

Ôнъ вышолъ на тротоаръ. Свѣтло денное озарило его. Мрачно поглядали его очи, темный былъ для нихъ и свѣтъ. Холодно поглядалъ ôнъ на свѣтовую бурю и шалъ, а зъ того холоду сбудилъ его гвардіовый тарабанъ.

На пространныхъ болоньяхъ, розстелившихся у стопъ колись княжеского города, блестали желѣза, порушались масы шарыхъ блюзъ: новый воинный союзъ, народовыи польскіи охотники организовались, упражнялись на широкихъ болоньяхъ. Изъ старой вежи мѣста повѣвалъ червоный прапоръ, а въ ресторанахъ, кавярняхъ, публичныхъ мѣстцяхъ и кнейпахъ, всюда жарѣли тіи же самыи пурпуровыи кокарды. — Вернула изъ болонья бригада гвардіи. Шумно и гулящо стало въ мѣстѣ; во всѣхъ сходныхъ мѣстахъ кипитъ жизнь и бѣшенная безграничность.

Лишь Евтимъ не идетъ въ тую струю, не сливается съ необузданною веселостію. Ôнъ блудилъ безмысленно по темныхъ улицяхъ города и утрудженъ вернулъ въ свою комнату.

Геліотроповая вонь очутила его; на столѣ стояла свѣжая китиця и нѣжною женскою рукою была она сложена. Но въ душѣ сержанта было темно, якъ въ пустѣ безграничной, где око не може спочити. И душа его не могла спочити.

„Одинъ" говорилъ ôнъ „такъ мучительно одинокъ на свѣтѣ!... Но мене палитъ жажда... Снайду его, хотяйбы въ гробѣ... Безъ ней пусто мнѣ на свѣтѣ, безцѣльно, а она --!"

У дверей почулись шаги; дверь отворилась легко и шпаковатая израильская борода и вязка кукурузы вызырала изъ сѣней.

„Ходи!" повелѣлъ Евтимъ.

Жидъ вступилъ и оглянулся несмѣло.

„Нема ихъ? Нема ани одного бôльше? Ай! славныи бо тіи гвардзисты; що славныи, то славныи. Лишь мнѣ якто жаль стало тогды того капитана, бо впрочемъ Шлойма, заступникъ соломонового Рабби..."

„Кажи, выдобылъ ты що?" перервалъ Евтимъ.

„А чогожь бы заступникъ Рабина не вынайшолъ? Лишь може сержантъ пригадуютъ собѣ, чи ôнъ не былъ съ шрамомъ на лицѣ?"

„Такъ; съ шрамомъ ôтъ потягу сабли."

„Но, идетъ дѣло" затиралъ руки жидъ „мы уже на слѣду."

„Говори."

„Тая въ кармазиновой хустцѣ розсказала... она видѣла ихъ."

„Якъ ихъ?"

„Его и..."

„Що? и она... моя..."

„Такъ, тая селянка видѣла ихъ... они ставали передъ престоломъ тутъ въ одной церквѣ... тутъ получились."

„Человѣче!" стогналъ сержантъ „невозможно! она — Елиза!... лжешь!"

И сержантъ потрясъ жидомъ, который изъ тревоги попалъ въ совершенный клопотъ.

„Га!" говорилъ жидъ „певно, певно невозможно... где бы они и побирались..." и ôнъ хотѣлъ уйти изъ комнаты, но сержантъ придержалъ его.

„Зажди, теперь иное дѣло; до чого

ного послужитъ мнѣ сабля партизантска... ôнъ мôй другъ а такъ подойшолъ мене!... Теперь кажи, где ôнъ?"

Жидъ стягнулъ раменами.

„То вже не пôйдетъ такъ легко; широкіи и далекіи горы Карпатскіи и Подолье широкое... но кого бы Шлойма не ôтнайшолъ! Лишь тіи гвардіеры, ай, то хоть собою славныи люде, но Мишны и Геморы ни крыхты не знаютъ..."

...Безчувственный сидитъ сержантъ; ночью ôнъ не спитъ... Блѣдымъ и сломаннымъ застала его ранная зоря. Дрожатъ лучи солнця, первыи вѣстуны свѣтла, надежда ростетъ, усиливается. Свѣтъ свѣжій, жизнь свободно бьетъ а однакъ увядаютъ всѣ проявленія, всѣ зародыши счастья, безвозвратно зайшли за темноту всѣ видѣнія роскошныи, а пустинная безжизненность стоитъ передъ нимъ якъ преслѣдующій не яскравый, не унимающій души фантомъ...

Поволи поднялся Евтимъ, взялъ бобровую шапку и выйшолъ на утренній свѣтъ. Солнце освѣтило давній княжескій городъ. Якъ митичная палата блескотѣлъ тамъ въ ранной сребрной мрацѣ старый замокъ, якъ давній свидѣтель всей свѣтлой минувшости. А зъ выжины горской продиралъ ранную спокойную тишину голосъ церковного звона и звенѣлъ жалостно, якъ стонъ угнетаемой души, скрозь слезы смѣючись, якъ дитя при явленію блескотливого свѣтла. А такъ было и въ народѣ: стоналъ пôдъ тяжкимъ гнетомъ а при первыхъ лучахъ сближающойся свободы тѣшился скрозь слезы...

И въ первый разъ пристанулъ сержантъ на голосъ того звона, который странно перешибъ его душу. Неизъяснимое чувство овладѣло нимъ и не позналъ Евтимъ въ тôмъ звонѣ вѣстуна, но свернулъ взоръ на повивающій изъ старой вежи прапоръ, и дальше ступалъ, а звонъ далеко на подгорскую ровнину пущалъ свои плачущіи тоны.

На улицяхъ тягнулись ранніи заробники, крестившіися при звукахъ звона, а дальше окрестныи подгорскіи селяне въ сѣрыхъ жупанахъ, въ крысатыхъ соломяныхъ капелюхахъ, и женщины въ широкихъ бѣлыхъ кафтанахъ въ гранатовыхъ рихликахъ; всѣ спѣшатъ за роботою и дѣлами.

Но Евтимъ пристанулъ при инôмъ явленію. У стопъ катедральной горы сидѣли четыре мужики, зашедшіи изъ далекихъ карпатскихъ углôвъ, сыны подбескидской земли, уроженцы дикой очаровательной природы карпатской; ихъ одежь явно указовала на ихъ отчину, на Сяноцкій край.

Изъ межи всѣхъ ôтзначался высокій плечистый мужикъ, одѣтый въ бескидскій широкій сѣракъ съ чиновомъ, которого горнякъ ни лѣтомъ ни зимою не опущается; бѣлую сорочку опасовалъ по грудь сягающій и блестящій окрашеніями, по угорскому сдѣланный чересъ, которого ширина пригадовала на край Марморошцевъ и на Берегсаскихъ мужикôвъ. Гайдаверы изъ чиноватого темно-понсового сукна, стѣснялись чимъ разъ бôльше до увязанныхъ ходакôвъ. — Его лице было поорано, щеки выхудлыи, волосъ сивый, долгій.

Рыбарскій типъ перебивалъ изъ другого мужика; его лице было краски земли, темно-желтое; такой-же краски былъ и его волосъ, который просто якъ щѣть выставалъ изъ пôдъ капелюха. Его усъ былъ пôдголенъ зъ горы и ôтъ долу и лишь пôдстриженная щетина однимъ рядомъ устоялась; его лице было широкое, носъ округлый, уста грубыи а очи малыи бѣгали шутливо пôдъ бѣлыми рѣсницями. У него и одежь цѣла была якъ-то бурого цвѣта пересякнена водою и окопчена дымомъ; ôнъ носилъ лишь коротко утятый родъ жилета, званный киптаромъ безъ рукавôвъ, обшитый блестящими запинками. Ôнъ покуривалъ люльку и усмѣхался на полъ добродушно, на полъ иронично.

На убочи лежалъ подростокъ хлопакъ, чобаникъ съ круглымъ лицемъ, чорными кучерями, смѣлымъ взоромъ а коло него горбатый мужикъ съ лицемъ засѣяннымъ якбы мохомъ, съ протягненнымъ впередъ профилемъ и одетгеваннымъ сѣракомъ.

„Вы зъ далека?" поспыталъ сержантъ, которого тайная сила тягнула до тыхъ людей. Ôнъ не могъ мимо пройти, не ставувши.

„Изъ Смеречного таки идемъ, изъ за Сяну" отвѣтилъ старецъ „отъ видите тую церковь: уже такъ и нагадался я на склонѣ лѣтъ. Таки надъ гробомъ вже стою, чи не засыплютъ уже человѣка за якійсь часъ Еще, закимъ умру, загадалъ я съ дѣтьми прійти до той церкви, Святому Николаю поклонитись и упросити, ярмо нехай скинетъ изъ нашого плеча... та ба! я заговорился и не бачу, що вы може где и дѣдичомъ, то ещебъ и подвоили ярмо..."

Сержантъ почулъ на рамени руку. Улицею надойшолъ объемистый капитанъ съ товаришами въ шарыхъ блюзахъ. Но капитанъ хотѣвшій привитати и заговорити Евтима, станулъ обезпокоенъ, коли узрѣлъ стоявшихъ пôдъ горою мужикôвъ.

„Гаймонъ!" проговорилъ въ кôнци поневоли якбы удивленный тымъ явленіемъ, капитанъ, которого выразъ лиця сдавался теперь быти обезъоруженымъ.

Никто однакъ изъ мужикôвъ не двинулся и не отвѣчалъ; лишь сивый старый великанъ выпрямился и немного презрительно поглядалъ на капитана. Послѣдній же ôтвернулся, якъ-бы стыдался самъ своего замѣшательства, взялъ пôдъ рамя Евтима и въ коротцѣ вмѣшались всѣ въ ресторанѣ съ прочими гвардзистами. Якій же то тонъ? То тарабанъ, той республиканскій мотивъ, который не даетъ ржавѣти саблѣ, за которымъ идется въ огонь, тамъ, где бы лишь было що сѣчи. И нервово почиваетъ рука сержанта на той саблѣ, уста доспѣвовуютъ послѣдніи слова марселеза, спикаютъ чаши вина, одна за другою... Не лишати-бъ жизни закостенѣлою, но пространно, полно жити; неизъяснимыи тѣни ôткинены, а душа цѣлковито плыветъ въ бурной жизни...

И сержантъ розъогнился; ôнъ выпорожнялъ одну чашу за другою и съ розгоряченнымъ взоромъ поднесъ збанъ.

„Гвардія нехай жіетъ! пью полный на добро гвардіи!"

Саля потряслась. Урра понеслось по комнатахъ. Сержантъ выпилъ и кинулъ чашу о землю; ростреѣскалась чаша, розпрыслась. Розôйшлись и мысли Евтима; лице женское миготѣло передъ его очима, съ чорными льоконами, розовое лице.... а дальше бомбардація мѣста... барикады... кровь... и сновь все проходило, все минало...

(Прод. посл.)

Образъ воеванія Татаръ съ Козаками.

(Къ изображеніямъ: „Старинныи уборы.")

(Конецъ.)

Ровнины, лежащіи межи Буджакомъ и Украиною, бываютъ обыкновенно усѣяны Татарами, числомъ ôтъ осьми до десяти тысячь, роздѣленными на тысячныи отряды, кождый въ розстоянію одинъ ôтъ другого на десять или дванадсять миль. Коли Козаки, для наживы, пускаются черезъ тіи опасныи степы, то не иначе якъ пôдъ прикрытіемъ своего табора: ставятъ повозки въ два ряды, осьмъ или десять повозокъ впереди и такое-жь число позади, а сами съ оружіемъ, дротиками и косами на долгихъ ратовищахъ бываютъ въ серединѣ; лучшіи же ихъ ѣздцы располагаются вокругъ табора, поставляючи при тôмъ караулъ на $^1/_2$ мили впереди и въ ровнôмъ розстоянію позади оного. Якъ лишь примѣчаютъ они Татаръ, подаютъ знакъ и таборъ останавляется. Если Козаки первыи увидятъ невѣрныхъ, то горе послѣднимъ; въ противнôмъ случаю Татаре внезапно устремляются на таборъ Козацкій, наносятъ оному чувствительный вредъ.

Они употребляютъ въ полю хитрости для овладѣнія якимъ либо караваномъ и сокрытія слѣдôвъ своихъ. Предварительно слѣдуетъ знати, що степы тіи покрыты высокою травою, такъ, що, проѣзжаючи оныи, не можна не потоптати травы, черезъ що остается

слѣдъ и дѣлается извѣстнымъ число ѣздцевъ и въ якую сторону направляютъ они путь свôй. Щобы избѣгнути преслѣдованія, Татаре изобрѣли слѣдующій способъ: четыреста человѣкъ, на примѣръ, дѣлятся на четыре ровныхъ отрядôвъ и, подобно лучамъ, мающимъ въ всѣ стороны направленіе ôтъ центра, каждый сотенный отрядъ ôтправляется: одинъ на Сѣверъ, другій на Югъ, третій на Востокъ, четвертый на Западъ, въ розстоянію ôтъ средоточія около полторы мили. Тутъ тіи сотни роздробляются еще на три части, заключающіися изъ тридсяти трехъ человѣкъ и идутъ въ означенныи стороны якъ и сотенныи отряды; потомъ черезъ полмили дѣлятся снова на трое, продолжаючи свое шествіе до тыхъ поръ, поки ихъ останется десять или одинадсять человѣкъ.

Они всѣ знаютъ совершенно сей маневръ и положеніе степа имъ такъ же извѣстно, якъ морякамъ гавань. Каждый отрядъ, изъ одинадсяти человѣкъ состоящій, идетъ якъ вздумаетъ, не встрѣчаючись съ другими, наконецъ въ назначенный день сходятся въ общое сборное мѣсто, где обрѣтается вода и хорошая пасьва. Иныи отряды бываютъ въ близкôмъ розстоянію ôтъ мѣста соединенія, другіи весьма далеко, по причинѣ косвенного направленія, въ якôмъ они слѣдуютъ. Смятая немногими лошадьми трава вновь пôднимается, не оставляючи ніякого признака. Сойшовшись въ сборное мѣсто, они нѣсколько дней остаются тамъ скрытно, потомъ цѣлымъ корпусомъ устремляются на одно изъ пограничныхъ селъ, занимаютъ оное, грабятъ и удаляются, якъ выше описано. Татаре изобрѣли сію хитрость скрыватися въ степахъ, щобы легше провести Козакôвъ съ ожесточеніемъ ихъ преслѣдующихъ. Знаючи, що невѣрныи числомъ не свыше пяти или шести сотъ, тысячъ или тысячъ двѣста Козакôвъ садятся на коней и пускаются за ними въ погоню, ôтнаходятъ слѣды, и достигаютъ по онымъ мѣста роздѣленія ихъ. Тамъ приходятъ въ недоумѣніе, не знаючи, где дальше глядати Татаръ, слѣды бо простираются во всѣ стороны, принуждены бываютъ возвратитися и ôбъявити, що никого не видали. По сей причинѣ весьма трудно встрѣтитись съ Татарами, лишь случайно, коли они употребляютъ пищу или спятъ; но Татаре всегда бываютъ осторожны. При встрѣчѣ, обѣ стороны всевозможно стараются зайти такъ, щобы солнце было въ тылу, подобно тому, якъ на морю глядатъ направленія по вѣтру. Если Поляки устремляются на Татаръ и послѣдніи не въ состоянію отразити нападенія ихъ саблями, то розсѣваются якъ мухи; всякій спѣшитъ въ свою сторону, на самôмъ быстрôмъ кони, стрѣляючи изъ лука такъ мѣтко, що попадаетъ въ кого ни цѣлитъ на розстоянію ôтъ шестидесяти до сто шагôвъ. Поляки не могутъ ихъ преслѣдовати, кони бо польскіи не такъ быстры. Ôтдалившись четверть мили, Татаре соединяются и цѣлымъ фронтомъ производятъ вторичное нападеніе на своихъ противникôвъ; если бываютъ опрокинуты, снова розсѣваются, стрѣляючи на бѣгу съ лѣвой стороны и такимъ образомъ такъ утомляютъ Полякôвъ, що принуждаютъ ихъ ôтступити. Но тое бываетъ лишь тогды, если Татаре якъ выше сказано, въ десятеро численнѣйшіи, иначе, выстрѣливши разъ, они не вертаютъ.

Теперь слѣдуетъ упомнути о переправѣ Татаръ вплавь черезъ рѣки найбôльшіи въ Европѣ. Всѣ кони ихъ умѣютъ плавати, особенно въ сей холодной сторонѣ, где вода маетъ бôльше тяжести, чимъ во Франціи. Кони Татарскіи не моглибъ такъ легко переплывати черезъ Сену, якъ черезъ Днѣпръ по причинѣ, що вода оного будучи тяжшою, тымъ легче пôднимаетъ тѣла. Татаре поступаютъ слѣдующимъ образомъ: коли хочутъ переправитись черезъ Днѣпръ, то они избираютъ мѣста, где суть удобныи къ выходу отлогости. Каждый Татаринъ запасается камнями дѣлаетъ изъ нихъ двѣ связки, связываетъ ихъ посредствомъ трехъ поперечныхъ палокъ, укрѣпляетъ снизу палкою съ угла на уголъ и привязуетъ тіи связки къ хвосту коня, потомъ кладетъ на оныи сѣдло, розодѣвается, складаетъ на сѣдло: одежду, лукъ, стрѣлы, саблю и нагой, входитъ въ воду, и погоняетъ коня ухвативши за его гриву. Такимъ образомъ гонитъ коня впередъ и самъ плыветъ съ помощію одной руки, не выпускаючи изъ другой гривы и узды. Коли конь приближается къ противуположному берегу и вода становится меньше глубокою, ôнъ оставляетъ коня, ôтвязуетъ ôтъ хвоста камени и выноситъ ихъ на землю. Такъ всѣ Татаре переправляются черезъ рѣку, составляючи по оной линію на полмили.

Матери у нихъ маютъ обычай каждого дня по одному разу, мыти дѣтей своихъ въ соленой водѣ, щобы сдѣлати кожу на тѣлѣ нечувствительною къ холоду. Одежь Татаръ слѣдующая: они носятъ короткую рубашку, спускающуюся ниже пояса; сверхъ гайдаверъ нижное платье суконное. Знатнѣйшіи межи ними одѣваются въ суконныи кафтаны; сверхъ оныхъ маютъ лишь шубы лучшой доброты; такіи же шапки и чоботки изъ червоного сафьяна. Простолюдины довольствуются овчинимъ кожухомъ, который въ жаркое время вывертаютъ шерстью наружу, зимою же и въ холодъ опять внутрь; также поступаютъ и съ шапками. Татаре вооружены саблею, лукомъ съ колчаномъ, вмѣщающимъ въ собѣ до двадсяти стрѣлъ; за поясомъ у нихъ ножъ, огниво, шило и кожаныи шнуры, щобы связовати плѣнныхъ, которыхъ имъ удается захватити въ степахъ. Панцырь на собѣ маютъ лишь самыи зажиточныи; другіи же ходятъ на войну просто. Всѣ они весьма ловкіи и храбрыи на коняхъ, но сидятъ безобразно, согнувши ноги въ самыхъ короткихъ стременахъ.

По бôльшой части хлѣбъ не составляетъ ихъ пищи, даже и подвижныхъ, если они не находятся вмѣстѣ съ козаками. Конское мясо для нихъ вкуснѣйшое чимъ баранина, но они не иначе рѣшаются зарѣзати коня, якъ лишь больного, коли не остается надежда, щобы ôнъ могъ оправитись; съѣдаютъ даже издохшую ôтъ якой бы то ни было болѣзни. Коли маютъ муку, то смѣшуютъ оную рукою съ конскою кровью, потомъ варятъ въ горшку и ѣдятъ якъ самую вкусную страву. Убивши коня поступаютъ слѣдующимъ образомъ: десять человѣкъ, собравшись разомъ, розрѣзуютъ его на четвертки; три четвертки передаютъ своимъ товаришамъ, собѣ же оставляютъ одну заднюю четверть, розрѣзуютъ на бôльшіи к ужки въ самôмъ мясистôмъ мѣстѣ и кладутъ ихъ на спину другого коня, осѣдлываютъ его, потягнувши попруги якъ можно крѣпко, потомъ садятся, и проѣзжаютъ двѣ или три годины; послѣ сходятъ съ коня, розсѣдлываютъ его, перевертаютъ кружки мяса другою стороною, снова осѣдлываютъ коня, такъ же крѣпко потянувши попруги якъ и прежде, пускаются на двѣ или на три годинъ, и тогда мясо изготовляется по ихъ вкусу якъ бы паренное. То у нихъ лучшая страва. Прочіи же четверти, которыхъ не возможно розрѣзати на бôльшіи кружки, они варятъ, примѣшавши соли, и не снимаючи пѣны; по мнѣнію ихъ, черезъ выкидываніе оной изъ горшка, ôтнимается у мяса весь сокъ и вкусъ. Въ полю пьютъ они всякую воду, якая имъ ни попадется; зимою же одну снѣговую.

Дръ Францъ Миклосичъ.

Дня 7-го Марта текущого года скончался въ Вѣдни извѣстный лингвистъ, Дръ Францъ Миклосичъ, которого Славяне считати будутъ на всегда первымъ изслѣдователемъ, давшимъ основанія теоретичной славянской лингвистицѣ. Кто нибудь трудитись будетъ на полю славистики, приневоленъ будетъ, обратитись къ сочиненіямъ Миклосича, а именно къ его предметовымъ изслѣдованіямъ. И въ тыхъ предметовыхъ, систематичныхъ трудахъ его, состоитъ вся цѣнность его дѣятельности, въ границяхъ Славянства необмеженной, и въ ôтношенію къ чужимъ языкамъ, поставленной въ связи сровнательной. Миклосичъ объялъ своимъ тру-

домъ все Славянство, однакъ вполнѣ безупречнымъ выйшолъ лишь яко теоретичный етимологъ; изданный же нимъ послѣдній его словарь шести славянскихъ языкôвъ, въ которôмъ составленъ матерьялъ живущой славянской рѣчи, представляется шаблонно и завелъ ожиданія лингвистôвъ.

При случайности упомнемъ о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, ближе намъ стоящихъ, тутъ же наведемъ головнѣйшіи его труды изъ области славянского языкознанія и исторіи: »Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I. Lautlehre. II. Stammbildungslehre. III. Wortbildungslehre. IV. Syntax"; „Die Lehre von der Conjugation im Altslovenischen"; „Lautlehre der Altslovenischen Sprachen«; »Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum"; „Die Negation in den slavischen Sprachen«; „Radices linguae slovenicae veteris dialecti"; »Die Verba impersonalia im slavischen"; „Die Bildung der slavischen Personennamen«; »Die slavischen Ortsnamen und Apellativen«; „Die slavischen Monatsnamen"; »Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen"; „Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen"; „Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi"; „Apostolus e codice monasterii Sisatovac palaeo-sloven.« „Vitae sanctorum e codice antiqu. palaeoslovenice c. notis criticis et glossario"; „Dictionnaire abrégé de six langues slaves, ainsi que français et allemand."

(Прод. посл.)

Выѣздъ послѣ ярмарка.

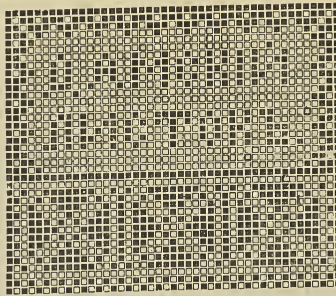
(См. изобр. на стр. 56)

Живописецъ чертаетъ удачно малогородскіи ярмарковыи типы. Въ дали видніютъ античныи хаты мѣсточка, и гостинница; уплативши при ней мыто, пущаются буйныи участники ярмарка на возвратную дорогу; и тутъ, за городомъ долго въ ночь не утихаетъ гаморъ и восклики. Дѣдуганы оставили вправдѣ свои мѣста на закрутахъ дороги, но гости ярмарковыи поздно въ ночи тягнутся туды, и доперва слѣдующое утро призываетъ жителей до обычной, повседневной роботы.

Сербскій свадебный походъ.

(См. изобр. на стор. 57.)

Во многихъ точкахъ сходны свадебныи южнославянскіи обычаи съ обычаями нашого народа. Горячій однакъ темпераментъ южнославянского народа и при случаяхъ свадьбы неоднократно приказуетъ ему, брати за оружіе. Особенно у Болгаръ случаются такъ зовимыи „отмищики" т. е. отклонненыи женихи, которы похищаютъ избранную. Тогды собираетъ юнакъ своихъ товаришей, и слѣдуетъ борьба обохъ противникôвъ. Наше изображеніе представляетъ обыкновенный свадебный походъ на селѣ.



До моихъ подругъ.

III.

(Якъ веселился старинный Львовъ.)

Мясницы уже минаютъ а съ ними и развлеченія. Я закупила нѣсколько господарскихъ книгъ, щобы въ сельской глуши ними занятись; зачимъ однакъ заберусь до нихъ, я изъ любопытности намѣрила поглянути еще въ минувшость Львова, той нашой, конечно славной столицы, а именно въ пору, коли тамъ еще Русь была горою. Якъ наши львовскіи предки проживали, чи гараздъ былъ у нихъ, и чи пышно развлекались?

Ну, не можно сказати, що они развлекались пышно, а не можно и сказати, що не пышно. Секретъ полагаетъ въ тôмъ, що они не плановали развлеченій; у нихъ всѣ пиры и банкеты слѣдовали случайно. Значитъ, не завязовались у нихъ, такъ безъ случая, комитеты, если однакъ прійшолъ случай, тогды поставилось мѣщанство львовское не на шутку, хоть якъ слѣдовало и облегчити свою касу.

Быти можетъ, що и тогды завязовались бы комитеты къ устроенію банкетôвъ. къ несчастью однакъ — было то не позволительно. Извѣстно, давно все иначе бывало. Банкеты о численныхъ участникахъ были запрещены. И такъ года 1406 роспорядила городская рада, що якому нибудь жителю Львова, мѣщанину или иностранному гостю тутъ перебывающому, не свободно давати такихъ пирôвъ, на которыхъ присутствовало бы бôльшое, надъ 16, число участвующихъ. И въ подаванію стравъ заведена была економія. Дальшій уступъ рѣшенія постанавляетъ, що хозяину свободно поставити лишь четыре стравы или полумиски, иначе долженъ уплатити кару въ суммѣ 4 марокъ. Запрещена была тоже игра въ костки; кто не повиновался, платилъ по одной марцѣ. Гостиницы, въ которыхъ трикратно встрѣчены были играющіи въ костки, должны были быти закрытыми. Изъ того всего можемъ заключати, що въ то время былъ добробытъ во Львовѣ, и що передъ выше наведеннымъ годомъ увеселенія ишли широко, иначе бо не былобъ що запрещати.

Въ позднѣйшихъ лѣтахъ сновь вернула увеселительная жизнь и игры, на которыхъ головною притягательною силою были оркестры. Во Львовѣ существовало такъ зовимое братство игрокôвъ. Были двѣ клясы оркестръ: италіанская и сербская. До клясы италіанской принадлежали инструменталисты — якіи, нѣтъ блисшого опредѣленія — и вокалисты, до сербской же віолинисты. Оркестръ былъ обовязанъ, безплатно играти на богослуженіяхъ. На свадьбахъ получалъ кождый музикантъ по 10 зол., однакъ лишь при бôльшихъ свадьбахъ, которы начинались вечерôмъ въ четвергъ, а кôнчились въ Понедѣльникъ ночью. Сербскіи музыканты брали на свадьбахъ по 2 зол.

То, що теперь становится вопросомъ времени, а именно подать ôтъ безженныхъ, было уже — якъ кажетъ Бенъ Акиба — разъ пôдъ солнцемъ Львовскимъ. Года 1411 было рѣшено, що львовскіи мѣщане безженныи должны уплачати до городской касы по четыре копы тогдашнихъ грошей. Позднѣйше не были они допущаемы до правъ городскихъ, а тымъ самымъ до промысла и торговли, съ изъятіемъ случаевъ, въ которыхъ два достойныи граждане дали ручательство, що дотычный свободный человѣкъ въ продолженію одного года роспращается съ тою свободою. — Съ львовскими мѣщанскими родинами лучились и знаменитыи фамиліи шляхотскіи. И такъ примѣромъ г. 1505 Русинка Осанна Нимантъ, мѣщанка, выдала свою дочь за львовского трибуна шляхтича Станислава Малдржикъ де Ходивапцы, и призначила для него двѣ каменицы на Галицкôмъ.

О временнôмъ добытку или недостатку и о мѣрѣ добытка даютъ иллюстрацію дары, приносимыи мѣщанами львовскими или радою городскою, знаменитымъ гостямъ перебывавшимъ во Львовѣ. Гога 1416, коли король перебывалъ во Львовѣ, городъ подарилъ ему: пару волôвъ, покупленныхъ за 7 копъ грошей и бочку меду; за время же его побыта въ Сяноку и Городку, посылалъ ему Львовъ: перецъ и бѣлыи хлѣбы, для королевой же штуку камхи за 6 копъ грошей. Инымъ разомъ получила королева ôтъ Львовянъ три поставы шелковой матеріи, а королева Ядвига два поставы, все то разомъ за цѣну 36 копъ грошей. Такой однакъ суммы не было въ городской касѣ, тожь рада городская выжичила сумму у пароха Дрогобыцкого, который яко провизію за то получилъ перцю и имбру въ цѣнѣ одной копы.

Неоднократно нравилось королю то, що мали мѣщане. И такъ года 1466 покупили собѣ львовскіи совѣтники изъ придбанныхъ грошей шубы за высокую цѣну; былъ то безъ сомнѣнія хорошіи

шубы, понравились бо такъ королю, що той попросилъ нхъ для себе и на дѣлѣ получилъ ихъ въ дарѣ ôтъ совѣтниковъ. Было то якъ разъ въ мясницы, середъ зимы. — Явился разъ во Львовѣ якій-то вельможа, который именовалъ себе правдивымъ наслѣдникомъ княжества мультанского. Ему дали Львовяне въ дарѣ два зол., а слѣдующого (1531) года 15 грошей — выразительно сказано — на чоботы. — Инымъ сновь разомъ а именно года 1652 латинскій архіепископъ самъ пригадался Ставропигійскому братству, що въ той день его имянины; былъ то намекъ на дары, и сейчасъ получилъ ôтъ братства рыбы, хлѣбъ и вино за 22 зол.

Наши давніи Львовяне любили предовсемъ рыбу. Рыба мусѣла быти на каждôмъ пирѣ, а до того вели купцы широкую торговлю рыбами. Они ѣздили по рыбу въ Браилу или Килію за оплатою въ Берладѣ одного гроша, въ Сочавѣ 3 гр., въ Серетѣ 1 гр., а въ Черновцяхъ тоже 1 гр. Изъ Львова вывозили они: сукна, бархаты, шапки, поясы, полотна львовскіи, ножи, косы, серпы, желѣза плуговыи, корды, шафранъ и пр. Покупали же (татарскій товаръ) въ Сучавѣ: шелкъ, комху, перецъ, тиміянъ, греческій квасъ; въ Молдавіи: овцы, кони, шубы, кожи и волну. Въ актахъ встрѣчаются названія рыбъ соленныхъ и свѣжихъ, селедцевъ гданскихъ и подунайскихъ. Львовскіи соленыи рыбы были долго славными въ цѣлой державѣ. На бочкахъ наладованныхъ рыбами приказовалъ бурмистръ выпаляти изображеніе льва, на знакъ, що то рыбы львовскіи.

Далеко и широко слыло пиво Перемышльское и Львовское. Львовяне принесли даже разъ Перемышльское пиво въ дарѣ королю Казиміру, вернувшому изъ Коломыи, где ôтбылась встрѣча его съ господаремъ мультанскимъ Стефаномъ. Во Львовѣ была особная аренда Перемышльского пива. Во Львовѣ свободно было каждому властителю дома, варити и продавати пиво. Выпродажь однакъ ишла по черзѣ; поки одинъ пивоваръ не продалъ своего пива, не могъ продавати сосѣдъ его. Изъ винъ найчастѣйше встрѣчается мальвазія и иныи греческіи вина, привозимыи торговцами изъ Греціи. Года 1537 получилъ городъ исключительное право палснія горѣлки, слѣдующого же года въ первый разъ пустила рада городская то право въ аренду на лѣтъ три еврею Израелю Іонатовичу, который платилъ за то квартально 20 зол. Никому не свободно было шинковати, лишь ему и еще нѣкому мѣщанину Николаю Грабошу изъ взгляда на его старость.

Не можно однакъ сказати, щобы тогдашніи жители Львова не занимались и искуствами, музыкою и т. д. Былъ даже случай библоманіи. И такъ уже г. 1462, изъ любительства купила рада городская книгу у писаревой и. з. „Decretales“ за 24 зол. угорскихъ. Тайною однакъ останетъ то, щó то была за книга, и чи вообще она была печатана или писана. Розсказуютъ акты, примѣромъ, що нѣкій живописецъ Михаилъ, обдаренъ былъ домомъ на улицѣ Пекарской (нынѣ Академической), освобожденъ ôтъ всякой подати, а кромѣ того получалъ ôнъ изъ доходôвъ города по 2 зол квартально. Года 1524 слылъ нѣкій живописецъ Русинъ Андрей. Изъ архитектôвъ ôтзначились строители городской церкви каменной; постройки ишли накладомъ господарей мультанскихъ, Іеремія, Павла и Симсона Могилы. Архитектами той церкви были г. 1591 Павелъ Римлянинъ, послѣ 1597 Капиносъ, львовскій мѣщанинъ а наконецъ Амвросій Прихильный. Послѣдній и еще одинъ, извѣстный архитектъ Адамъ Покорный, были Италіанами, прибывши однакъ во Львовъ, прибрали славянскіи названія. Картины выдѣланы были живописцемъ Никол. Петрахновичемъ, Русиномъ. Несчастливо выпала лишь постройка вежи при церквѣ, еще года 1570. Жилъ во Львовѣ бездѣтный и богатый старецъ Русинъ Давидъ. Ôнъ своими издержками началъ строити вежу и передалъ веденіе постройки майстру Петру Красовскому. За два лѣта вежа досыть высоко уже пôднеслась, но вдругъ по причинѣ слабо заложенныхъ фундаментôвъ, грянула и розсыпалась. И Давидъ уже не выдвигалъ ей бôльше. Тогожъ года однакъ взялся за дѣло Корняктъ и его вежа удержалась.

Такъ проживали жители Львова то въ веселію, то въ журбѣ. А было и журбы не мало съ Татарами, Турками, Жидами и пр. Львовъ смѣло смотрѣлъ однакъ на ворога во виду того, що былъ вооруженъ не на шутку арматами. Маютъ и львовскіи арматы свою исторію. Были то безъ сомнѣнія самыи перлы арматныи, такъ бо нравились постороннымъ людемъ, що послѣдніи позволили собѣ, не разъ, не два а таки три разы забрати ихъ собѣ на свою собственность.

Въ первый разъ сбылось то года 1549. Татаре явились на Руси. Король зааранжовалъ противъ нихъ походъ. Щожь, коли не было въ краю ни арматъ, ни грошей. Лишь мужественный Львовъ прилѣжно держалъ у себе арматы. Король отже приказалъ Львову, щобъ выдалъ свои арматы Іоанну Тарновскому, головному предводителю похода. Громада выдала арматы, положила Тарновскому на руки грошей сумку и Тарновскій вышолъ противъ ворога; случайно походъ былъ неудачный. Татаре опустошивши край, вернули на свою родину. Арматы остали въ краю, Тарновскому однакъ понравились арматы, и ôнъ не выдалъ ихъ обратно Львову, лишь затащилъ до Стрыя, своего имѣнья, и уставилъ ихъ въ своимъ замку.

Сюды-туды скрутились Львовяне за новымъ оружіемъ. А проживалъ собѣ на Подолью г. 1571 предпріимчивый воевода Язловецкій. Ôнъ выдумалъ передъ королемъ, що изъ стороны мультанской угражаетъ якая-то великая опасность, и король сновь приказалъ городской радѣ Львова, выдати для Язловецкого арматы. Воевода взялъ арматы и слѣдъ за ними пропалъ, а Мультаны спокойно сидѣли собѣ у себе за печею.

Съ Мультанами захотѣлось однакъ послѣ гетману Замойскому (г. 1582) воевати. Ôнъ безцеремонно забралъ изъ Львова не лишь арматы, но и иное оружіе, топоры ôтъ ремесленникôвъ, и т. д.

Традицію однакъ задержалъ Львовъ и всегда еще по нынѣшное время осталъ бодрымъ, мужественнымъ, бойкимъ, геройскимъ!

Фавстина Галичанка.

Изъ гумористики

Розмышленія Выдумальского.

Гмъ... Мнѣ снилось, щобы въ сны не вѣрити. Если я маю на дальше не вѣрити въ сны, то мнѣ слѣдуетъ не вѣрити и въ той выше упомянутый сонъ. Затымъ слѣдуетъ вѣрити въ сны. Слѣдовательно я послѣдуючи тому сну, долженъ на дальше не вѣрити въ сны.

Библіографія, театръ, и живопись.

Изъ славянскихъ областей. — Фр. Ржегоржъ подаетъ въ чешской часописи »Zlata Praha« очеркъ: „Zasnoubeni a ohlasky u Rusinu v Halici.“ — »Archiv für slavische Philologie, herausgegeben von Dr. V Jagić.“ Выпускъ XIII содержитъ: „Die kirchenslavische Uebersetzung der Apokalypse“; „Die cakavstina und deren einstige und jetzige Gren-

zen«; „Polnisch-russische Intermedien des XVII Jahr." von A. Brückner; »Süd und westslavisch modrъ ‚blau'"; „Ueber das Verhältniss der ruthenischen Literatur zur russischen" von A Pypin (реф. V. J.); »Tolstojs ‚Krieg und Friede' in einer kroatischen Uebersetzung" (реф. V. J.). — Рукопись извѣстного произведенія владыки Черногорского „Горски Вьенац" закуплена въ придворную библіотеку въ Вѣдни; подлинникъ состоятъ изъ 18 листôвъ и розличается въ многихъ точкахъ ôтъ печатныхъ изданій; межи иными указуютъ нѣкоторыи записки, що авторъ намѣрялъ первобытно надати произведенію заглавія: „Изви искра", послѣ „Извита искра" или „Извијанье искре". — Новыи славянскіи часописи (1891): „Niva" v Brne, red. Fr. Rohacek; „Živa" casopis prirodnicky, v Praze, red. B. Rayman a F. Mares; »Telefon« z prilohu „Literarni a hudebni zabavnik" v Praze; „Pobratim" u Zagrebu, red J. Vitanovic; „Trgovacki glasnik" u Zagrebu red V. Moskovic — "Статистика држава балканскога полуострова. Саставио Ст. Групч, генералштабни мајор у остави, професор географіе и статистике на кр. србской академіи. У Београду. Цјена 1.50 динара." — „Povijest Rusije od pocetka do g. 1834. Sa preko 1 0 slika i 2 karte. Napisao Alfred Rambaud, sveucilistni profesor parižki. Po trecem izdanju preveo Julije Adamovic. U Zagrebu. 1890." — »Kiticaruskih pjesama, stoih pjeva slavjanski sa svojim sborom. Glasbovao i udesio za glasovir J. Schinzl. Zagreb. Knjižara dionicke tiskare. Cijena 90 n." — »Praktisches Lehrbuch der slovenischen Sprache für den Selbstunterricht Von Carl Pecnik. Wien — Leipzig. A. Hartlebens Verlag. 1.10 kr.« — »Die Welt der Slaven, von Hellwald. Berlin. Allgemeiner Verein für deutsche Literatur." Содержитъ слѣдующіи отдѣлы: Географическое роспредѣленіе Славянъ. Переглядъ славянскихъ нарѣчій. Славяне въ старинѣ. Антропологія. Устройство Славянъ. Индустрія, поезія Славянъ и пр.

Славянскіи музычныи мотивы. (Продолж.) Лисенко Н. Сборникъ украинскихъ пѣсней. Первый выпускъ. Ц. 2 р. 50 кп. Содержаніе: 1) Ой сойшла зоря. 2) Оженился козакъ. 3) Ой пила пила та Лемериха. 4) Ой пила Лемериха. 5) Охъ, и ты гетмане. 6) Ой цуцу я коничненка въ саду. 7) Еще не свитаетъ. 8) Ой у полю, та у Баришполю: 9) Та не журъ мене, моя мати 10) Горе, гей несчастлива доле. 11) У лузѣ та при березѣ. 12) Максимъ козакъ Залѣзнякъ. 13) Гей, не дивуйте добры люде. 14) Ой коситъ хозяинъ та на сѣножати. 15) Не стелися хрещатый барвѣнку, 16) Ой, у полю керниченька. 17) Ой глубокій колодязю. 18) Ой поплыви утко. 19) Ой и зрада, карыи очи зрада. 20) Ой мати, мати. 21) Ой гаю мôй, гаю, 22) Ой гаю (I спѣвъ). 23) Ой гаю (II спѣвъ). 24) Чи ты милый пыломъ припалъ. 25) Зеленая лѣщинонько. 26) Ой на гору козакъ носитъ. 27) Повѣй, буйный вѣтре. 28) Та бодай тая степовая. 29) Тоже. 30) Лугомъ иду, коня веду. 31) Дощикъ капаетъ. 32) Не шуми луже, зеленый байраче. 33) Учора оралъ. 44) Чи цвѣтъ, чи не цвѣтъ. 35) Ишолъ я улицею разъ. 36) Ой джигуне, джигуне. 37) Чумарочка рябесенька. 38) Чорна гречка. 39) Колибъ мене Господи. 40) Король.

(Прод. посл.)

ШАРАДОВАЯ ШУТКА.

Любишь ты мене,	то	то	то
Хочешь ты мене,	я	я	можемъ
Если ты моя,	люблю	есмъ	быти
Желаешъ ты собѣ,	тебе	твôй	свои

Л. С.

Розвязка загадка-часосказа, на стр. 40.

А — Д — М — А — У — Р — Р — А — О — Н — К — О

т. е. 1, 2, 3, — мур.
2, 3, 4, 5 — урок.
3, 4, 5 — рок.
4, 5, 6 — око.
4, 5, 6, 7 — окон.
5, 6, 7 — кон.
5, 6, 7, 8, 9 — конар.
6, 7, 8 — она.
7, 8, 9, 10, 11, 12 — нарада.
8, 9, 10, 11, — арад.
9, 10, 11, 12 — рада.
10, 11 — ад.
10, 11, 12, 1 — адам.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 6. Рочн. III. **ЛЬВОВЪ.** 15. (27) Марта 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

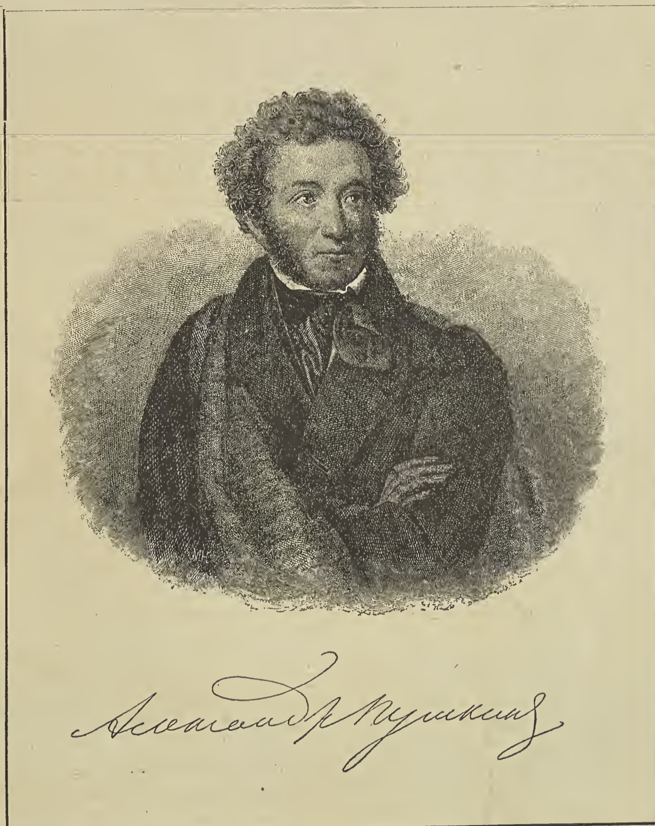
Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

Купель Силоамская и Озеро Тиверіадское.

(См. изобр. на стр. 69.)

Въ углѣ межи двома извѣстными холмами Іерусалимскими Моріею и Сіономъ, находится нынѣ еще жерело Силое. Преданіе говоритъ, що вода въ источнику тôмъ появилась вслѣдствіе молитвы пророка Исаіи. Напротивъ реченной печеры естъ т. з. „купель Силоамска" т. е. резервоаръ мурованный, 20 шагôвъ долгій а 8 широкій, на днѣ которого видно покладъ мраморный и основаніе давнихъ колюмнъ, которыи построены были вокругъ купели. Вода приходила тутъ пôдземнымъ каналомъ изъ жерела Силое. Давнѣйше являлся тутъ въ праздникъ сѣней архіерей жидовскій, и зачерпнувши воды золотымъ кубкомъ и помѣшавши его съ виномъ, смывалъ потомъ престолъ жертвенный.



Спаситель велѣлъ слѣпцю ити и умытися въ той купели и на памятку того чудеса такъ христіане якъ и магометане мыютъ собѣ тутъ очи. При купели той стоятъ еще розвалины а именно старыи колюмны и тесовыи камени якой-то давной церкви.

Дальше за купелею Силоамскою находилися роскошныи сады Юдскихъ царей, — нынѣ на тôмъ мѣстци зеленѣются еще яко забытки, оливныи и другіи дерева.

Озеро Тиверіадское называется такъ ôтъ города Тиверіасъ, при немъ положенного и созданного въ честь императора Тиверія. Городъ той былъ резиденціею Ирода Антипы.

На подолью.

Изъ пригодъ жениха.

II*)

Ну, наконецъ все было приладжено до дальшой поѣздки въ Жениховъ. А уже, думаю, покончити бы дѣло женитьбы, а то еще толчись по свѣту, якъ скиталецъ и въ дорозѣ, глядаючи избранной, доживай такихъ ночнихъ пригодъ! Кажетъ пасѣчникъ, мало не заломились на леду! Чого въ ночи не переѣдешь! Въ день былибъ певно заломились.

Лишь въ тôмъ было дѣло, що мы заѣхали были въ ту ночь далеко не въ ту сторону, где намъ ѣхати слѣдовало. Такіи вже тіи ровнины. Тожь мы сновь слѣдами перебирались до головного шляху. Снѣгу полно на поляхъ и дорогахъ. Конята потрудились не мало.

„Пристатибъ где!“ заговорилъ наразъ мôй повозчикъ Стефанъ, обернувшись до мене и задержавши кони.

„На полю не будемъ-же приставати!“ отвѣчалъ я, но сейчасъ розглянувшись вокругъ, догадался я, по якой причинѣ мôй Стефанъ приготовлялъ мене къ своему намѣренію.

Въ дали изъ за деревъ, выглядалъ уголъ подольской гостинницы, на которой обдертыхъ стѣнахъ изъ дали червонѣли цеглы.

„А можебъ тамъ“ кажу „пристанути.“

„Гденибудь, где люде суть, то чейже не проженутъ насъ.“

Прибывши передъ гостинницю, я зступилъ изъ саней, щобы войти въ комнату. На оборѣ стояло нѣсколько сельскихъ саней съ чепурными конятами, коло вязокъ сѣна заходились еврейскіи козы, а пôдъ стѣною сидѣлъ на колодѣ якій-то цыганскій хлопакъ. У дверей встрѣтилъ я старого мужика съ жолтавымъ высохшимъ лицемъ, который заложивши руки на грудехъ, безвыразно поглядалъ на обору, покуриваючи люльку.

„До Женихова далеко еще?“ спросилъ я его.

Мужикъ поглянулъ на мене якъ на чужестранця, ôтъ головы до ногъ, послѣ принялъ давній выразъ лиця и началъ вытрепувати попелъ изъ люльки.

„О! чи далеко!“ проговорилъ ôнъ наконецъ, „у насъ хиба до Рахманôвъ далеко!“

„А вы тутешній?“

„О! чи тутешній!“

Ôнъ сильно ôткашлянулъ; я улыбнулся поневоли и поступилъ дальше въ сѣни, но еще зачулъ я его слова, сказанны полуголосомъ: „Чому-бы не тутешній!“

*) См. ч. 2.

Я вступилъ въ окопченную комнату. При столѣ сидѣло нѣсколько мужикôвъ. Жидъ завелъ мене въ сосѣдную альковy. Тамъ я не много розогрѣлся, и хотѣлъ повернути въ первую комнату, но тамъ завязали розговоръ, и я сталъ изъ альковы ему прислуховатись.

Въ комнату вступилъ, поладивши свои дѣла, мôй повозчикъ Стефанъ.

„Бррѣ!“ роздался сильно его голосъ по комнатѣ. „А то студѣнь! Гей!“

Ôнъ началъ ходити по комнатѣ, и всегда зъ укоса поглядалъ на сидѣвшихъ тамъ селянъ. Послѣдніи однакъ теперь якъ-то молчали, якъ бы не замѣчали Стефана. То видно стало ему досадно, по хвилѣ бо ôнъ присѣлъ при нихъ, но всегда еще не начиналъ розговора.

Двери скрипнули и въ комнату войшолъ цыганскій хлопакъ. Стефанъ всталъ.

„Гей, ты малый! Диви, якій опрышокъ, га! Куда ты тутъ взялся?“

Мужики зареготались изъ тиха. Видно было въ нихъ однакъ повольную подольскую натуру. Они не двигались, Особенно одинъ изъ нихъ сидѣлъ при столѣ подперши руками голову и не бралъ во всемъ участія. Здавалось, въ немъ жизнь плыветъ или незамѣтно, или тяжко, въ немъ укрытый или меляихолизмъ журбы или беззаботность и апатія.

„Куда ѣдете?“ спросилъ Стефана наконецъ одинъ изъ мужикôвъ.

Стефанъ шепотомъ проголосилъ: „Стъ!“ и показалъ рукою на альковy, не замѣтивши мене.

„Ага!“ начали зъ тиха прочіи.

„То, то!“ продолжалъ Стефанъ „въ сваты!“

„Ну, ну, въ гараздѣ проѣзжайте! Пригадали на моего сына. Женити бы мнѣ его теперь. Та не идетъ.“

„Пождѣтъ, прійдетъ и на него часъ!“ толковалъ Стефанъ.

„Прійдетъ-не-прійдетъ. Газдôвство марнѣетъ, газдовати нѣтъ кому. А сосѣдъ не хочетъ. Правда богачъ ôнъ, дочцѣ дасть вѣно, за то и я тутъ не зайда. Толкую ему сюды-туды, а ôнъ —“

„Якій тамъ богачъ!“ озвался другій мужикъ, „кажутъ его отецъ зайшолъ въ село чи не изъ за Бескида.“

„Не зайшолъ, нѣтъ!“ крикнулъ мужикъ, сидѣвшій до теперь тихо, съ подпертою головою.

„Ба! вы не знаете!“

„Знаю!“ также громко голосилъ противникъ.

„Вы то и не памятаете. Закличемъ старого присяжного. Той всѣхъ въ селѣ пережилъ. Васплю! А! Василю!“

„А що?“ озвался знакомый мнѣ уже голосъ изъ сѣней.

„Ходѣтъ сюда!“

Старый Василь, той-же мужикъ, которого я встрѣтилъ у входа, войшолъ съ сознаніемъ своего достоинства и попристанулъ при печи, запекаючи въ огни люльку.

„Того Пантиля, кажѣтъ, отецъ, изъ за Бескида зайшолъ?“

„Фу!“ презрительно сказалъ присяжный, „якій вамъ Пантиль?“

„Пантиля Данюка отецъ, що купчилъ где-що и мазею; памятаете, такій плечистый, заведеяцкій.“

„Ну, ну, ну, таже памятаю. Уже — й памятаю! Всѣ вы не памятаете того, що я!“ съ высокомѣрностію говорилъ присяжный. „Где человѣкъ уже не бывалъ! А тутъ на челѣ, видите, знакъ. Ôтъ кули. Пôдъ Шликомъ человѣкъ воевалъ!“

„Казали, що то у васъ ôтъ медвѣдя.“

„Те, те, те!“

„Ôтъ медвѣдя!“ крикнулъ сновь сидѣвшій неподвижно мужикъ.

Другіи махнули къ нему рукою, якъ бы хотѣли его утихомирити.

„Правда“ толковалъ присяжный „брался я и съ медвѣдями на силу. Было то —“

„Такого вы не дожили, якъ я“ прорвалъ ему одинъ изъ слухавшихъ, вставши и розмахуючи руками „такого нѣтъ! Давно ходилъ я за Бескидъ, рубати дрова. Иду разъ горами а тутъ кличетъ за мною баца. Що, що — медвѣдь, кажетъ на полонинѣ! Прійдетъ лѣсничій съ ручницею, возьмемъ и мы свои ручницы и найдемъ его. Куда ты будешь глядати его, думаю. А ôнъ, забравши мене и лѣсничого, помежь гущавину, тихо до медвѣжой гавры. Лѣсничій поблѣдъ!“

„Говорѣтъ! Страхъ беретъ передъ такою звѣрюкою.“

„Поблѣдъ якъ стѣна. Думаю, идетъ-же тобѣ морозъ по тѣлѣ. Вынялъ хустинку и отираетъ чело.“

„Хе, хе!“

„Баца ôтвалилъ пень. Въ гаврѣ забормотало. Лѣзьте—кажетъ баца до лѣсничого — на смереку, и якъ медвѣдь выглянетъ, вы въ чоло кулею! Полѣзъ лѣсничій на смереку. Мы ôтсунули еще дальше пень и причаились. А медвѣдь уже-уже выглядаетъ.“

„Мой, мой!“ заголосилъ мôй повозчикъ Стефанъ, родомъ гуцулъ, который видно тоже съ медвѣдями зналъ заходитись.

„Лѣсничій, хоть якій былъ, а всежь еще держался. Якъ лишь медвѣдь показался, а ôнъ зъ смереки—тарахъ! Лишь не въ чоло. Задеръ хребетъ. Тогды мы стрѣлили зъ убочи, а потомъ сокирами по головѣ! Медвѣдь неживый! Ну, кличемъ до лѣсничого, слазѣтъ! А ôнъ ни слова. А що вамъ? А ôнъ тремтитъ. Що было начати, свели мы лѣсничого изъ смереки на силу. Перелякался и тремтитъ. Завели мы его въ хату, и говорѣтъ,

що хочете, — че-ты-ре недѣли вылежалъ, якъ разъ!"

„Я сновъ" началъ присяжный розсказовати — но въ той хвилѣ мужикъ сидѣвшій подпертый при столѣ, поспѣшно всталъ, выпрямился и такъ-же поспѣшно оставилъ комнату. При той случайности я могъ видѣти его рослую стать.

Всѣ оглянулись за нимъ.

„Якій человѣкъ!" сказали они.

И теперь они сами забирались до ôтхода. Лишь мужикъ, розсказовавшій о медвѣдю, сталъ при огни. Я приблизился къ нему и вопросилъ, що за человѣкъ той парень, що такъ поспѣшно выйшолъ.

„То добрый человѣкъ" отвѣчалъ мужикъ, „но уже такій часомъ не свôй. Ôнъ немного божевольный. Изъ чого ôнъ збожеволѣлъ, не знати. Кажутъ, свояки не дали ему свѣнчатись съ тою, которую ôнъ хотѣлъ взяти за жену."

Для насъ было уже время до ôтъѣзда. Въ гостинницѣ стало пусто, лишь на припечку лежалъ дальше бездѣльно цыганскій хлопакъ, а при окнѣ сидѣлъ старый, сивобородатый жидъ.

Такъ выбрались мы въ дальшую дорогу.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе*.)

Года 1781 былъ Андрей Липницкій препозитомъ катедральнымъ львовскимъ и генеральнымъ администраторомъ опорожненного еще тогды епископства галицкого (wakującego biskupstwa Halickiego generalny w duchowieństwie administrator.) Года 1769 визитуетъ съ порученія епископа Максимиліяна Рыллы, Ѳеодоръ Витусовскій, соединенную съ епископствомъ Холмскимъ епархію Белзскую, которую еще г. 1737 съ рамени тогдашного епископа Холмско-Белзского, Фелиціяна Володкевича, визитовалъ Василіанинъ Іосифъ Осташевскій. Визитаторъ Ѳеодоръ Витусовскій приговорюетъ повинныхъ священникôвъ къ отбыванію реколекцій, не якъ его визитаторы-попередники, въ монастыряхъ Василіанскихъ, но въ монастыри Бернардинôвъ въ Сокали. Года 1784 съ порученія епископа Максимиліяна Рыллы, визитуетъ епархію Перемышльскую Игнатій Витушевскій, крылошанинъ Перемышльскій, и придѣляетъ повинныхъ священникôвъ на реколекціи въ монастырь Августинôвъ въ Витковѣ.*) Года 1804 ôткликуется Матей Ганкевичъ въ Олеску, до визитаціи Алексія Ганкевича, крылошанина Галицкого, яко генерального визитатора.**)

Слѣдовалъ годъ 1809, въ которôмъ возникло княжество Варшавское. Австрія ôтступила въ пользу того княжества округъ Замостьскій, Краковъ, аннектованный къ Австріи первый разъ при третôмъ подѣлѣ Польщи, и часть западной Галичины; для Россіи же ôтступила округъ Тарнопольскій т. е. бôльшую часть нынѣшного галицкого Подолья. Той ôтступленный округъ Тарнопольскій, оставалъ при Россіи до Вѣденского договора т. е. до г. 1814—15, послѣ того же прилученъ былъ сновь до Австріи. Въ тое время россійского владѣнія въ Тарнопольщинѣ, а именно г. 1813, функціоновалъ въ Теребовли Григорій Ганкевичъ, крылошанинъ катедральный Львовскій, яко делегованный судья Тарнопольского округа.

Акты, которыи бы свидѣтельствовали о дѣятельности тыхъ мужей, еще гдѣ-то спочиваютъ въ архивахъ деканальныхъ и консисторскихъ; я переглядаючи акты старой регистратуры прокураторіи скарба во Львовѣ, встрѣтилъ о дѣятельности тыхъ мужей лишь намеки, которы тутъ наводжу, щобы по крайной мѣрѣ не затерся слѣдъ о тыхъ дѣятеляхъ на церковной-народной ниві, о чемъ, можетъ быти, еще позднѣйше кто подастъ на пôдставѣ якихъ ôтнайденныхъ актôвъ, подробнѣйшіи свѣдѣнія. Тутъ еще для улегченія такихъ изслѣдованій подаемъ подробно заглавія источникôвъ того рода, которыхъ слѣдъ встрѣтилъ я въ актахъ старой регистратуры прокураторіи скарба во Львовѣ.

III.

Акты, — въ которыхъ находились ерекціи, фундаціи, описанія грунтôвъ (descriptio fundorum), презенты, записи на бенефиція церковныи (poponatus) и списи депозитôвъ, съ поданіемъ, куда и до кого тіи уже за австрійского владѣнія прійшли, а то такъ бенефицій мірско-духовныхъ якъ и монастырскихъ, о скôлько о нихъ въ урядовыхъ записахъ при случаяхъ ссылки упоминается, или о скôлько они сохранились по нынѣшній день,*) — акты тіи встрѣчаются въ архивахъ консисторскихъ, декапальныхъ или правительственныхъ пôдъ слѣдующими заглавіями или надписями фасцикулôвъ или реестрôвъ:

Зъ г. 1762. „Akta X. Oficyała Brzeżanskiego, proboszcza Zarwanickiego...« — За временъ Максимиліяна Рыллы, епископа Холмского и администратора, а послѣ епископа Перемышльского: „Acta Reverendi consistorii Sanocensis«, »Acta Consistorii Premisliensis", „Acta consistorialia Chełmensia«, и »Cancellaria Actorum transcriptorum« зъ г. 1781. — Зъ временъ Атанасія Шептицкого, епископа Львовского (1715—1746) а ôтъ г. 1729—1746 русского митрополита: „Acta curiae metropolitanae et episcopatus Unioviensis a. 1744", и »Acta curiae episcopalis Leopolitanae, a. 1743." Зъ временъ Льва Шептицкого, епископа Львовского (1746—1780, а ôтъ г. 1779 русского митрополита): »Acta curiae episcopalis de a. 1774," »Protocollon archivi consistorialis Leopoliensis," въ которôмъ знаходились записи, сдѣланны монастырямъ Галицко-русскимъ; дальше „Acta domestica monasterii Leopoliensis« зъ того времени, коли еще при катедрѣ св. Георгія обитали Василіане; „Acta decanalia, Archivum ecclesiae cathedralis Leopoliensis,« „Metrices regni Poloniae;« „Archivum Stauropigianum«; въ немъ преимущественно сбережены счеты ôтъ г. 1586, зъ которыхъ любопытными были-бы свѣдѣнія, о скôлько Ставропигія причинилась до меліораціи монастырей а преимущественно до меліораціи содержанія русскихъ монастырей Львовскихъ.

(Прод. посл.)

*) Въ нумерѣ 5 „Нов. Галичанина", на стор. 58, стихъ 26, вмѣсто 1760 должно быти: 1737; — стихъ 31, вмѣсто „Витушевскій" должно быти: „Осташевскій."

*) Въ актахъ пôдъ г. 1770 той самъ Ignatius Wituszewski, наведенъ яко „ecclesiae cathedralis Premisliensis vicarius et concionator."

**) „Visitationem hanc" выражается выше названный Матей Ганкевичъ „libro cuidam ad instar protocoli insertam, curavi libris fundalibus inscribi." Въ якую пору была та визита Алексія Ганкевича предпринятою, того не ôтнайшли мы въ актахъ. Имя его пригадуетъ на Стефана Ганкевича, секретаря короля Михаила. Стефанъ Ганкевичъ пôдписалъ декретъ того короля зъ года 1671, освобождающій ôтъ тягарôвъ державныхъ и громадскихъ, духовенство русское староствъ Перемышльского, Мостисского и Медыцкого. См.: „I. Szaraniewicz. Rzut oka na beneficye kościoła ruskiego. Lwów. 1875. str. 47."

*) За которыми именно слѣдити бы належало.

Александеръ Серг. Пушкинъ.

Новеллистъ Гоголь слѣдующимъ способомъ выражается о Пушкинѣ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное." Писатель, давшій своей родной сторонѣ множество превосходныхъ поэтическихъ произведеній, создавшій богатую національную литературу, обратившую на себе вниманіе всего просвѣщенного міра, такій поэтъ дѣйствительно явленіе необыкновенное. Геній Пушкина превосходитъ всѣхъ представителей русского искуства тымъ, що ни у кого изъ нихъ не проявляется въ творчествѣ такое гармонійное

сліяніе красотъ и правды, що никто не выразилъ русскихъ народныхъ идеалôвъ въ такой ясности, въ такой искренной простотѣ и полнотѣ.

Пушкинъ происходилъ изъ старинного дворянского рода; матерью его была Надежда Осиповна, рожденная Ганнибаль, внучка Абрама Петровича Ганнибаля, отцемъ — Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, человѣкъ свѣтскій и въ жизни не мало легкомысленный. Родился поетъ 26 мая 1799 г. въ Москвѣ. Въ раннôмъ дѣтствѣ ôнъ былъ неповоротливымъ и молчаливымъ. Воспитаніе его было въ рукахъ французôвъ-гувернерôвъ. Учился ôнъ лѣниво, но читалъ съ жаждностію все, що ни попадалось ему пôдъ руку въ библіотецѣ его отця, составленной майже изъ самыхъ французскихъ авторôвъ. Въ Октоврію г. 1811 поступилъ Пушкинъ въ Царскосельскій лицей. Скоро среди воспитанникôвъ образовался кружокъ товаришей, связанныхъ близкою дружбою и склонностію къ литературѣ. Въ немъ издавалось нѣсколько журналôвъ, въ которыхъ помѣщались повѣсти и стихи. Первымъ лицемъ того кружка былъ Пушкинъ, блисшими его товаришами были А. Дельвигъ и И. Пущинъ. Первыи стихи Пушкина, попавшіи въ печать, были помѣщены въ „Вѣстнику Европы“ г. 1814. На публичнôмъ испытѣ г. 1815, Пушкинъ читалъ передъ Державиномъ, „Воспоминанія въ Царскомъ селѣ.“ Державинъ былъ приведенъ въ восторгъ стихами.

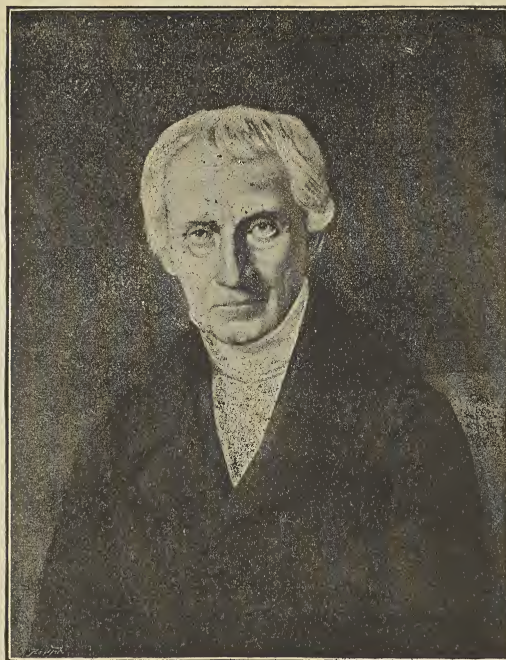
Года 1817 кончилась для Пушкина свободная и беззаботная жизнь лицейская; ôнъ окôнчилъ курсъ и вступилъ въ общество петербургской свѣтской молодежи. Увлекаючись страстно блескомъ ей шумной и роспущенной жизни, ôнъ все таки предавался литературѣ и сообщался съ писателями: Жуковскимъ и Карамзиномъ. Въ обществѣ тогды начиналось движеніе, образовались кружки о политическихъ цѣльяхъ. Среди того движенія выдавался Пушкинъ рѣзкостію своихъ отзывôвъ и вольностію своихъ стихотвореній.

Въ Маю г. 1820 Пушкинъ былъ переведенъ въ Екатеринославль, въ канцелярію головного попечителя колонистôвъ южного края, И. Инзова. На юзѣ Пушкинъ пробылъ до г. 1824. Все то время ôнъ переѣзжалъ изъ мѣста на мѣсто Г. 1820 Пушкинъ поѣхалъ съ семействомъ генерала Раевского на Кавказъ, вернулъ же черезъ Кримъ. Тая поѣздка дала ему поэтическій матерьялъ для „Кавказского плѣнника“, который былъ конченъ въ Февруарію г. 1821, и для „Бахчисарайского Фонтана“. Послѣ разомъ съ Инзовымъ, который назначенъ былъ полномочникомъ намѣстника Бессарабской области, Пушкинъ переѣхалъ въ Кишеневъ; изъ того города выѣзжалъ ôнъ часто въ окрестныи мѣста: былъ въ Кіевѣ два разы, посѣтилъ Одессу г. 1821; разъ былъ высланъ Инзовымъ за ссору въ Измаилъ, и приставши въ степахъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ

Альбумъ археол. библіографической выставки Ставропигійского Института.

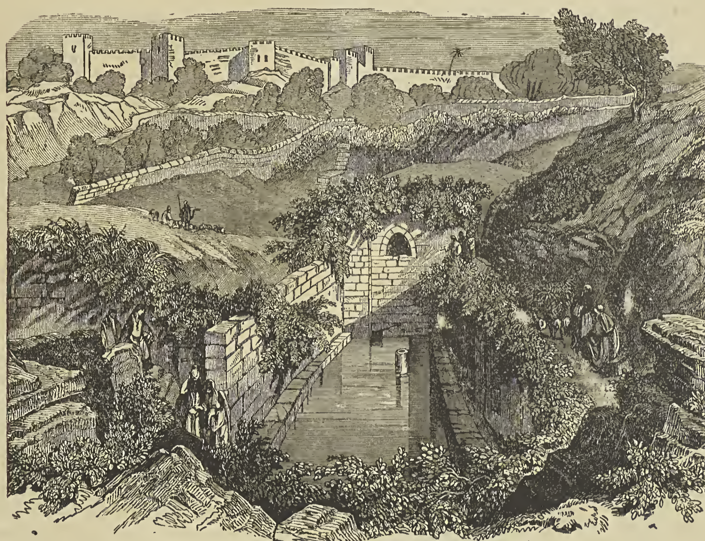
Изъ таблицы LX.

1) Іоаннъ Лавровскій.



2) Діонисій Зубрицкій.

Тиверіадское озеро.



Купель Силоамская.

нѣкое время. Въ Кишиневѣ ôнъ началъ писати „Евгенія Онѣгина“, но близше занялся нимъ доперва въ Одессѣ, куда лѣтомъ 1823 г. его перевели въ канцелярію графа М. Воронцова, нового генералъ-губернатора. Тутъ ôнъ написалъ три пѣсни той поемы.

Съ своимъ новымъ начальникомъ Пушкинъ не ужился, написалъ на него язвительную епиграмму и графъ Воронцовъ просилъ перевести Пушкина изъ Одессы. Пушкина уволили въ отставку и ôнъ прибылъ въ село своего родителя. Отецъ его Сергѣй, видѣвшій въ сынѣ якую-то извращенную природу, попалъ съ нимъ въ горячіи объясненія, послѣ однакъ уѣхалъ изъ Михайловского, и такъ поетъ остался одинъ съ своею старою нянею, Ариною Родіоновною. Въ Михайловскôмъ Пушкинъ продолжалъ „Евгенія Онѣгина“ и написалъ „Бориса Годунова“. Два лѣта прожилъ ôнъ тутъ, и тіи два годы уединенія, наступившіи послѣ долгой безпорядочной свѣтской жизни, два годы, которыи Пушкинъ провелъ въ простôмъ и милôмъ обществѣ сосѣднихъ помѣщиковъ, получивши наконецъ возможность, сосредоточитись надъ своею роботою, были поворотнымъ временемъ въ жизни Пушкина. Ôнъ въ первый разъ отдохнулъ и осмотрѣлся. Ôнъ приѣхалъ въ село съ страстною жадностію ко всему, въ чемъ проявила себе душа и фантазія русского народа. Ôтъ теперь Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ пересталъ подражати, и передъ нимъ, якъ высшій образецъ, остались простота и искренность вдохновенія Шекспира, которого ôнъ особенно много читалъ въ то время. Послѣ Пушкинъ проживалъ въ Петербурзѣ, но часто верталъ въ свое село.

Лѣтомъ г. 1829, Пушкинъ ѣздилъ въ кавказскую дѣйствующую армію, выступившую противъ Турковъ, и описалъ ту поѣздку въ „Путешествію въ Арзрумъ.“

Года 1831 Пушкинъ былъ обвѣнчанъ въ Москвѣ съ Наталіею Николаевною Гончаровою. Вскорѣ послѣ того ôнъ былъ принятъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Въ августѣ 1833 г. задумавши писати романъ изъ времени Пугачевщины, Пушкинъ съѣздилъ на короткое время въ Казань и Оренбургъ, щобы познакомитись съ мѣстомъ и собрати матерьялы. Однакъ романъ той „Капитанская дочка“, явился позднѣйше, собранными же матерьялами Пушкинъ воспользовался для того, щобы списати „Исторію Пугачевского бунта“.

Александеръ Пушкинъ былъ приглашаемый къ двору на бали и государь ôтносился къ нему милостиво и внимательно. То возбуджало ревность аристократôвъ, издавна приближенныхъ къ двору, хотяй древностію своего рода Пушкинъ не былъ ниже многихъ изъ нихъ.

Въ послѣдніи годы жизни, Пушкина сильно тягнуло на село. Его послѣдное стихотворсніе „Къ женѣ“ говоритъ о усталости ôтъ городского шуму и желанію отдыха. Года 1836 въ петербургскôмъ обществѣ стали ходити розличныи сплетни о женѣ Пушкина. Дантесъ, побочный сынъ голляндского посланника въ Петербурзѣ, барона Геккерна, принятый офицеромъ въ кавалергардскій полкъ, былъ предметомъ подозрѣній Пушкина. Пушкинъ и многіи его знакомыи получали анонимныи письма, злорадно намекавшіи на успѣхъ чувствъ Дантеса къ женѣ Пушкина. Все то роздражнило Пушкина. Ôнъ возвалъ молодого Геккерна Дантеса на дуель, но Дантесъ посватался съ сестрою Пушкиной и женился съ нею. Пушкинъ взялъ своѝ вызовъ обратно. Но та женитьба мало поправила дѣло. Пушкинъ продолжалъ питати вражду къ Дантесу, не хотѣлъ его принимати въ свôй домъ, а сплетни всегда росли. Пушкинъ написалъ вызывающое письмо къ старику Геккерну, и вслѣдъ за тымъ состоялся дуель межи сыномъ послѣдного, Дантесомъ, и Пушкиномъ. Въ тôмъ дуелю, происходившôмъ на Чорной Рѣчцѣ, 27 януарія, Пушкинъ былъ смертельно раненъ, и уже раненный сдѣлалъ свôй выстрѣлъ въ Дантеса и легко ранилъ его руку, которою ôнъ прикрылъ грудь. Послѣ двохъ дней мучительныхъ страданій, Пушкинъ 29-го януарія скончался.

Головнѣйшимъ произведеніемъ Пушкина считается поема „Евгеній Онѣгинъ“. Тутъ поетъ твердо уже сталъ на родную почву. Самъ Онѣгинъ, герой поемы, — типъ русского романтика-либерала, который со всѣмъ своимъ европейскимъ блескомъ, поставленъ при тôмъ въ приниженное положеніе передъ истинною носительницею родной правды и естественности, передъ тою чистою и прекрасною дѣвицею „бѣдною Танею“, розвившоюся потомъ еще бôльше въ полный „образъ чистой красоты.“

Майже всѣ его поетичсскіи произведенія -- нѣкоторыи изъ нихъ писаны пôдъ вліяніемъ Байрона, — ровно глубокіи и знаменитыи, якъ: „Кавказскій плѣнникъ“, „Русланъ и Людмиля“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыганы“, „Графъ Нулинъ“, „Братья розбойники“, „Полтава,“ „Домикъ въ Коломнѣ,“ „Анджело“, и пр.

Кромѣ поемъ оставилъ Пушкинъ драматическіи произведенія: „Борисъ Годуновъ“, „Каменный гость“, „Моцартъ и Сальери“, „Русалка“ и пр. — повѣсти: „Капитанская дочка“, „Повѣсти Бѣлкина“, „Дубровскій“, „Пиковая дама“, „Кирджали“, „Арапъ Петра Великого“ „Исторія села Горохина“, „Рославлевъ“ и „Египетскія ночи“.

Послѣдніи минуты его жизни послѣ дуеля подробно описуетъ В. Жуковскій въ своимъ письмѣ къ отцю Пушкина, Сергѣю. „Первыи минуты ужасного горя для тебе пройшли“ пишетъ Жуковскій, „теперь ты можешь мене выслухати и плакати. Я опишу тобѣ все, що было въ послѣдніи минуты твоего сына, що я видѣлъ самъ, що мнѣ розсказовали другіи очевидцы. Въ середу, 27 януарія, вечеромъ приѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ заявляютъ, що и ôнъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зайшолъ, встрѣчаетъ мене словами: „Получили ли вы записку княгини? За вами давно посылали. Поѣзжайте къ Пушкину; ôнъ умираетъ.“ Оглушенный тымъ извѣстіемъ, я побѣжалъ зъ лѣстницы. Приѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожой, передъ дверями его кабинета, нахожу докторôвъ Арендта и Спасского, князя Вяземского, князя Мещерского. На мôй вопросъ: „Якъ съ нимъ“, Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: „плохо; умретъ непремѣнно.“ Мнѣ розсказали слѣдующое о сбывшôмся: Пушкинъ привезенъ былъ въ тôмъ отчаяннôмъ положенію, подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товаришемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницю. „Грустно тобѣ нести мене“ спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ. Въ то время, коли его укладовали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти, но ôнъ громкимъ голосомъ закричалъ: „Не входѣтъ, я тутъ не одинъ!“ Послали за докторами. Приѣхалъ Шольцъ и Задлеръ. Арендта не найшли. „Плохо со мною“ сказалъ ôнъ, подаючи руку Шольцу. Его осмотрѣли и Задлеръ поѣхалъ за инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: „Що вы думаете о моимъ положенію, скажѣтъ откровенно.“ — „Не могу скрывати, вы въ опасности.“ — „Скажѣтъ, лучше, умираю.“ — „Считаю долгомъ не скрывати и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано.“ — „Благодарю вамъ, вы поступили относительно мене якъ честный человѣкъ“, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою чело, потомъ прибавилъ: „Мнѣ слѣдуетъ устроити свои домашніи дѣла.“ — „Не желаете ли видѣти кого изъ вашихъ ближнихъ?“ спросилъ Шольцъ. — „Прощайте, друзья!“ сказалъ Пушкинъ, обративши очи на свою библіотеку. — Явились прочіи лѣкари и увѣрились, що нѣтъ ніякой надежды. Передъ ôтъѣздомъ Арендта, Пушкинъ сказалъ ему: „попросѣтъ государя, щобы ôнъ простилъ мнѣ.“ — Послѣ всѣ его мысли обратились на жену. „Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ,“ — говорилъ ôнъ — „не скрывайте передъ нею, въ чемъ дѣло, она не притворщиця; впрочемъ дѣлайте со мною, що хочете, я на все согласенъ.“ Въ то время уже собрались: князь Вяземскій,

княгиня, Тургеневъ, и пр. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; часомъ якъ привидѣніе она прокрадовалась въ тую свѣтлицю, где лежалъ ей умирающій мужъ; ôнъ не могъ ей видѣти (лежалъ лицемъ ôтъ оконъ и дверей); но всякій разъ, коли она входила, или лишь устанавлялась у дверей, ôнъ чувствовалъ ей присутствіе. „Жена тутъ?" говорилъ ôнъ. „Ôтведѣтъ ею." Ôнъ боялся допускати ею къ собѣ, такъ якъ не хотѣлъ, щобы она могла замѣтити его страданія, которы ôнъ съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. Вообще съ начала до кôнца своихъ страданій, ôнъ былъ удивительно терпеливый. У него спросили, желаетъ ли исповѣдатись и причащатись. Ôнъ согласился охотно и положено было призвати священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ вернулъ.

Покинувши Пушкина, ôнъ ôтправился въ дворецъ, но не засталъ императора, который былъ въ театрѣ; ôнъ сказалъ камердинеру, щобы по возвращенію императора, было донесено ему о случившôмся. Около полуночи приѣзжаетъ къ Арендту ôтъ императора фельдегеръ съ повелѣніемъ, безпреволочно ѣхати къ Пушкину и прочитати ему слѣдующое письмо императора: „Если Богъ не велитъ намъ бôльше увидѣтись, посылаю тобѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мôй совѣтъ, исполнити долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе." — Съ утра 28 ян., въ которое рознеслась по городу вѣсть, що Пушкинъ умираетъ, его передная комната была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ, другіи приходили сами." — Пушкинъ скончался на рукахъ Жуковского.

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П Ш.

Старообрядцы въ Бѣлокерницѣ.

(Продолженіе.)

Съ тымъ однакъ и кончилось его управленіе въ Бѣлокерницѣ. Россійское правительство узнавши о тôмъ, затребовало во виду того, що расколъ въ Россіи именованіемъ и посвященіемъ владыкъ изъ толка поповщины вскрѣпился, ôтъ австрійского правительства выдаленія епископа Амвросія изъ Буковины, що вскорѣ и послѣдовало. Послѣдній заточенъ въ городъ Цилли въ Стиріи, скончался тамъ-же г. 1863. По его смерти обнялъ викарій Амвросія, бывшій дьякъ Кипріянъ Тимофѣвъ, прозванный въ чинѣ монашескôмъ Кириллъ, управленіе епархіею Буковинскою. Ôнъ будучи великимъ защитникомъ старообрядного вѣроисповѣданія, не отличался вправдѣ знаніями, но чрезвычайною ревностію. Произведши себе митрополитомъ всѣхъ старообрядныхъ Христіанъ, учредилъ вторую епархію въ Добруджи, именно Славскую прозванную ôтъ тамошного монастыря Славске, и епархію Васлуйскую въ Румуніи, прозванную ôтъ города Васлуй, и посвятилъ двохъ іеромонахôвъ, именно Онуфрія для первой а Алипія для второй епархіи; а такъ якъ и старообрядцы россійскіи узнали его митрополитомъ всѣхъ старообрядцевъ, то ôнъ учредилъ новыи епархіи и въ Россіи, именно Уральскую, Саратовскую, Балтскую, Кавказкую, Казанскую и Оренбургскую. Кириллъ пріобрѣлъ собѣ не малое значеніе и вліяніе въ средѣ старообрядцевъ, о чемъ свидѣтельствуетъ обстоятельство, що (не помню уже, которого года) ôнъ созвалъ въ Москву вселенскій соборъ, который, якъ то читалъ я въ приложенію къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", ôтбылся въ цѣли низверженія одного изъ владыкъ старообрядныхъ, въ дому купця Артемія В. Аракчаева, пôдъ управленіемъ Духа святого а предсѣдательствомъ митрополита Бѣлокерницкого Кирилла. — Ôнъ умеръ г. 1876, посвятивши еще за жизни своей теперѣшного митрополита Афанасія въ епископы и именуючи его своимъ викаріемъ.

Хотяй старообрядныхъ владыкъ теперь уже не мало, однакъ и Афанасій посвятилъ лѣтъ тому три назадъ, іеромонаха Паизія въ епископы и заименовалъ его своимъ викаріемъ. Въ пору, коли я былъ въ Бѣлокерницѣ, митрополитъ викарія еще не малъ.

Монахи, съ которыми я познакомился во время моего пребыванія въ Бѣлокерницѣ, по бôльшой части люди простыи, старыи, можно сказати, хлѣборобы-мужики въ отставцѣ. Были тамъ однакъ гдеякіи бывшіи купцы-Москвичи, изъ Одессы, Самары и изъ надъ Дона, удивительно при всемъ своимъ нерозположенію а даже враждѣ къ церквѣ православной, хорошіи русскіи патріоты, интересующіися живо ходомъ дѣлъ въ ихъ когдашнôмъ отечествѣ. Въ церквѣ обратилъ еще вниманіе мое довольно молодый монахъ, брюнетъ съ пелеринкою вправдѣ, и въ клобуцѣ старорусскôмъ, но въ чорной рясѣ съ широкими греческими рукâвами. Олимпій сказалъ мнѣ, що ôнъ Малороссъ изъ Кіева родомъ, но былъ монахомъ въ Троицкой Лаврѣ коло Москвы, которую тайкомъ оставилъ перейшовши къ расколу, и зажадалъ самъ перейти изъ Россіи въ Буковину или Молдавію. „Ôнъ весьма молчаливъ" сказалъ мнѣ дальше Олимпій, „но мужъ благоговѣйный и умный." Радъ блисше познакомитись съ нимъ, приступилъ я къ нему и началъ съ нимъ розговоръ. О воспитанію и школахъ ôнъ выражался слѣдующимъ способомъ: „Къ чому лучшая школа, чимъ церковная" сказалъ ôнъ мнѣ. „До чого довела, примѣромъ, школа и наука, сынôвъ Якова Балановича, старообрядця изъ Липовенъ? Ôнъ посылалъ ихъ даже въ гимназію Сучавскую и щожь? Евтихій и Епифаній выдержали испытъ и перейшли въ университетъ, первый въ православный богословскій факультетъ въ Черновцы, послѣ же въ духовную православную академію въ Петербургъ, а вторый въ Вѣдни дослужился степени официра. То ужасно! Старообрядцы маютъ отвращеніе къ военской службѣ. Они были даже свободны ôтъ той-же, но теперь, коли въ Австріи заведено общую обовязанность къ военской службѣ, все таки нашимъ людемъ дана тая льгота, що они служатъ лишь при санитарныхъ отдѣлахъ. Отецъ ихъ, который оплакиваетъ своихъ сынôвъ, недавно тому жаловался передъ нами; сыны его научились въ школѣ курити папироски и вѣроятно не дѣлаютъ знамени креста, коли ѣдятъ якую пищу, или пьютъ воду. Богъ вѣсть, быти может, пьютъ они уже кофе и чай, чого нико и за нищо изъ Липованôвъ не сдѣлалбы." „То пустяки, що вы говорите" сказалъ я ему, „не то оскверняетъ человѣка, що входитъ въ ротъ, а то, що изъ него исходитъ. Що же касается военской службы, то вѣдь и вы почитаете и Корнилія сотника и великомученника Георгія святыми, а одинъ и другій были воинами." На сей упрекъ ôнъ мнѣ ничого не отвѣтилъ, но коли спросилъ я его, по чому ôнъ оставилъ лавру св. Троицкую, ôнъ сказалъ мнѣ тіи слова: „Молю Васъ, Господинъ, не спрашивайте мене, нехай то будетъ тайною всѣмъ."

Потомъ оставилъ я его, и узрѣвши нѣсколько староватыхъ монахôвъ, приближился я къ нимъ и спросилъ ихъ, суть-ли межи ними якіи, которы были тутъ, коли пребывалъ или приѣздилъ въ Бѣлокерницю монахъ старообрядный — Павелъ Прусскій. „Такъ, такъ, суть!" отвѣтило нѣсколько голосôвъ, но лиця ихъ нахмурились, а одинъ изъ нихъ обращаючись ко мнѣ, сказалъ: „Зачимъ спрашиваете за него? Проклято да будетъ имя его! Анатема! Ты молодый еще, якъ знаешь ты его?" Дѣло же съ Павломъ Прусскимъ отъ якое. Въ Пруссіи, именно въ прусской Литованіи (Preussisch Lithauen) естъ мѣстцевость Гумбинненъ, где проживаетъ великая колонія старообрядцевъ. Тамъ родился Павелъ (но имя тое уже монашеское) и будучи умомъ весьма даровитымъ, а при тôмъ поборникомъ старообрядныхъ началъ, ôнъ всю молодую жизнь посвятилъ дѣламъ своего религіозного убѣжденія. Въ Гумбинненъ, где старообрядцы маютъ даже свою печатню, ôнъ печаталъ многіи изъ своихъ писаній въ защитѣ раскола и безпрестанно путешествовалъ всюда, где живутъ старообрядцы. Въ

конецъ ôнъ долшое время жилъ въ Москвѣ и тамъ публично на площади въ такъ зовимыхъ „разглагольствiяхъ“ защищалъ расколъ. Въ то время былъ въ Москвѣ митрополитомъ Филяретъ, одинъ изъ виднѣйшихъ ученыхъ церкви православной. Той познавши, що раскольники въ догматахъ вѣры ничимъ не розличаются ôтъ церкви православной, а лишь фанатически придерживаются нѣкоторыхъ обрядôвъ, завелъ родъ унiи въ церквѣ православной. Ôнъ соизволилъ имъ придерживатись старинныхъ обрядôвъ церковныхъ, одобрилъ приданность ихъ къ давному строю и отвращенiе, съ якимъ они ôтносятся къ табаку, и тымъ способомъ прiобрѣлъ ихъ для церкви православной, соизволяючи при тôмъ, щобы назывались не православными а „единовѣрцями.“ — Павлу то понравилось, ôнъ принялъ „единовѣрiе“ и посвященъ былъ въ пресвитеры церкви единовѣрной. Тому то згадка за Павла Прусского такъ непрiятно тронула закаленныхъ старообрядцевъ. Хотѣлъ одинъ изъ нихъ нѣщо о немъ еще говорити, но заѣхала уже повозка, котора повезла насъ, розпращавшихся сердечно съ всѣми, до Фратовецъ.

У лѣсничого застали мы гостя, православного приходника изъ Костешi, человѣка весьма хорошого и образованного. Ôнъ нынѣ архипресвитеромъ при соборѣ катедральнôмъ въ Черновцяхъ. Коли мы блисше познакомилися, и я ему розсказалъ цѣль моей поѣздки въ Бѣлокерницю, въ конецъ же упомнулъ о единовѣрцяхъ и Павлѣ Прусскôмъ, ôнъ сказалъ мнѣ, що и въ его приходѣ суть такiи единовѣрцы, хотяй того названiя не употребляютъ. Именно село Климовцы (Klimoutz) маетъ 36 родинъ, которы изъ толка безпоповщины перейшли въ православiе. По его розсказу, еще 1871 года 10 безпоповцевъ просило покойного митрополита Евгенiя Гакмана, щобы ихъ принялъ въ нѣдро церкви православной, и щобы вмѣстѣ одного съ ихъ бозпоповскихъ монахôвъ поставилъ iереемъ, который бы на старинный ладъ служилъ имъ литургiю и ôтправлялъ всѣ требы. На то пок. митрополитъ не согласился. Въ г. 1877 сновь подали многiи безпоповцы такое-жь прошенiе въ правосл. консисторiю и клали тiи самыи условiя. Тогдашнiй митрополитъ Θеоктистъ Блажевичъ, согласился на ихъ предложенiе, и посвятилъ имъ ихъ монаха, Петра Яковлева, — который уже прежде былъ перейшолъ въ православiе и жилъ въ монастыри Драгомѣрна,—25 дек. 1878 г. въ дiяконы, а 4. январ. 1879 въ пресвитеры для православныхъ Липованôвъ въ катедрѣ Черновецкой.

Тридсять шесть родинъ бозпоповцевъ въ Климовцахъ становлятъ сегодня дочернiй приходъ Костеши.

Iеромонахъ Петръ Яковлевъ построилъ имъ своими издержками хорошую церковь св. Николаевску, и купилъ 8 м. поля яко ерекцiю для священника; ôнъ служитъ имъ на ихъ ладъ литургiю, креститъ, вѣнчаетъ и похороняетъ ихъ, но метрики ведетъ правосл. приходникъ изъ Костеши.

* * *

Послѣ вечери развлекалъ насъ хозяинъ превосходною игрою на фортепьянѣ и спѣвомъ. Извѣстно Чехъ! На „dobrou noc“ запѣлъ ôнъ своимъ хорошимъ голосомъ „Kde domuv muj“, и вспомнулъ конечно о серебристой Велтавѣ Мы пôйшли спати. Но спати я не могъ. Рознообразныи чувства волновали мене. Жiю въ австрiйской Буковинѣ, а казалось мнѣ, що сегодня былъ я где-то въ якой глухой осадьбѣ далеко на Востоцѣ. Жiю въ вѣку XIX, а на видъ „оглашенного“ въ церквѣ, а при водосвятiю епилептика, которого весь народъ считалъ бѣснующимъ и который по водосвятiю успокоился, здавалось мнѣ, що живу въ первыхъ вѣкахъ еры христiанской. Въ конецъ пѣснь чешская перенесла мене надъ серебристую Велтаву, въ золотую, стовежатую славянскую Прагу, и пригадала мнѣ сей чародѣйный городъ съ его хорошимъ патрiотическимъ народомъ, съ которымъ лѣтъ тому 5 назадъ я познакомился. На дѣлѣ, дивный и памятный сей день для мене!

Дѣти Гаймона
и
Партизантъ.

Новелля на тлѣ событiй г. 1848.

(Продолженiе.)

На добро республиканскихъ идей начался данный гвардiею баль пôдъ проводомъ фанатичной дамы Анны Рожицкой. Шаржа гвардiи явилась въ полнѣ и не одно дѣвичое сердце сильнѣйше било на видъ червоныхъ кокардъ у своихъ дансерôвъ.

По оконченiю контраданса возникла въ салѣ замѣшанина и необыкновенное движенiе. Межи гостей вступилъ мужчина въ шкотскôмъ уборѣ, съ лякерованными холявами, въ англiйскôмъ низкôмъ блестящôмъ шпокляку, съ пачкою газетъ пôдъ рукою. Мигомъ розôйшлись письма по салѣ межи собранными; нервово розхопили ихъ члены гвардiи и такъ же нервово переглядали.

„Реакцiя горою!“ говорилъ ставшiй посередъ нихъ гость въ шкотскôмъ красистôмъ уборѣ. „Въ Парижи ростетъ наша справа; до нацiонального комитета избранъ Тирсъ, Гюгъ и Бонапарте. На челѣ нашой емиграцiи въ Парижи станулъ Блянкъ и Распель; сто тысячь людей потягнуло на площадь Бастилли; тысячи станули передъ парижскимъ народнымъ собранiемъ. Голосно прочиталъ президентъ Блянкъ петицiю о возстановленiе польской републики.“

И шкотскiй гость прочиталъ дальше манифестъ, принятый голоснымъ рукоплесканiемъ и голосилъ, що и въ Униграхъ реакцiя торжествуетъ, що Коссутъ вже полъ милiона армiи затягнулъ, що банкноты Коссутовскiи вже обѣгаютъ Угорщину, що наконецъ и наслѣдникъ Iеляшица, Лямбергъ въ Пештѣ яко предатель убитый.

Котилiоновыи мысли пôйшли на другiй планъ, въ салю заточено боченки съ виномъ и начался пиръ. Но мужчина въ пестрôмъ жакетѣ тайно сносился съ Анною Рожицкою, послѣ еще съ гвардзистами и въ коротцѣ опустилъ салю.

Въ ôтдаленной комнатѣ сидѣлъ Евтимъ. Ôнъ плылъ теперь житьемъ, страстiю безъ остановленiя, якъ бѣжитъ на слѣпо скрозъ волны корабль, поки не розобьется въ бѣгу о скалы.

За хвилю сѣлъ при сержантѣ одинъ изъ его товаришей.

„Добре, що тебе снаходжу тутъ“ сказалъ ôнъ „я именно глядалъ за тобою, щобы поговорити о важнôмъ дѣлѣ.“

Евтимъ поднесъ голову.

„Прости“ продолжалъ товаришъ „но выслухай мене до кôнця; не осуджай; може тобѣ странными покажутся мои слова, но я уже долшое время съ моими мыслями ношусь. Я говорю до тебе, бо вижу, що ты правый товаришъ и що ты... Но ты смотришь на мене такъ...“

„Говори лишь, я слухаю до кôнця“ отвѣтилъ Евтимъ.

„Отже ты пригадуешь собѣ може той день, въ которôмъ ты рано стоялъ пôдъ горою катедральною и велъ розговоръ съ тыми мужиками, селянами. Я подношу то слово: селянами. И я ишолъ тогды съ капитаномъ и видѣлъ васъ... Я знаю, ты добрый товаришъ, а може и — неконечно доволенъ, не хочу казати несчастливый... но познаю по тобѣ: ты розстроенъ, якъ многiи изъ насъ. И я не маю той послѣдной меты, на которой могбы я спочити... Во мнѣ изъ якого-то времени повстаетъ въ душѣ переломъ. Думаешь, якiи мысли прiйшли менѣ на видъ тыхъ селянъ, съ которыми ты стоялъ? Мысли, которыи ôтъ давна во мнѣ родятся... Товаришу, мы не на нашой правой дорозѣ, но на бездорожью, мы не тутъ принадлежимъ... мы боремся, кровь льемъ... а за кого?“

„За кого? За свободу“ отвѣтилъ сержантъ безъ намысла.

„За свободу? А щожь она? Въ чемъ она состоитъ? Мы носимъ въ нашихъ портфейляхъ Русса, но мы не поняли его. За нимъ идучи должны мы

гдеинде стати... мы нашою кровью не свободу, но найтяжшое ярмо боронимъ..."

Евтимъ удивленъ поглядалъ на товариша.

„Мы бьемся за ярмо, которое давитъ ôтъ вѣкôвъ цѣлыи массы народа; поглянь лишь тамъ на салю, кто они всѣ?"

„Кто? А но-жь, шляхта!" далъ Евтимъ въ отвѣтъ.

„Такъ; а знаешь, мы не зъ ихъ среды... И якъ же она, тая шляхта бьется за свободу, якъ славитъ и превозноситъ Русса, а на дѣлѣ гнететъ, угнетаетъ... а народъ стогнетъ пôдъ ярмомъ той неволи панщизнянной... Нѣтъ, мы не на правой пути, мы принадлежимъ тамъ, где той старый селянинъ принадлежитъ... Тамъ, где нашъ народъ."

„Народъ?" Евтимъ якбы затопленный въ мысляхъ смотрѣлъ съ свѣтло блестящого лампіона... ôнъ може глядалъ теперь въ жизни пристани, на которой солодко могбы спочити по буряхъ...

Музыка загремѣла, поточнлись на ново ронда...

На престолѣ народной любви запалили незначительно духи отечественныи жаріющій пламенъ...

* * *

На слѣдующій день были въ городѣ закрыты всѣ рукодѣльныи склады и заведенія; на улицяхъ собиралась новая каста; громадками показовались рукодѣльники всякой бранжи, заробники, ремесленники, всѣ якбы получены въ одно тѣло. Они вели живыи розговоры, переходили изъ улицы на улицю и съ виднымъ нетерпѣніемъ ожидали назначенной годины. Ôтъ времени до времени являлся межи ними той же самъ мужчина въ шкотскôмъ жакетѣ и лякерованныхъ чоботахъ, договоривалъ имъ и ôтправлялся до другой группы. Потомъ вступилъ еще разъ въ сальоны Анны Рожицкой, и по долгôмъ времени выйшолъ.

На старой вежѣ города выбила година.

Толпы заробникôвъ и рукодѣльникôвъ почали посуватись на трактъ Ярославскій, где въ кôнци при одной ôтдаленной ôтъ города гостинницѣ всѣ собрались и розсадовились. Наконецъ явился ожиданный ними предводитель, шкотскій мужчина, которого толпа привитала голосными воскликами. Ôнъ прочиталъ имъ манифестъ, въ горячой рѣчи завзывалъ всѣхъ до вступленія въ новый союзъ всѣхъ польскихъ заробникôвъ и рукодѣльникôвъ, который малбы принести услуги будущой републицѣ, а котрый завязался во Львовѣ и Краковѣ, обравши своимъ представителемъ Гosляра.

И собранныи громадно затягнулись пôдъ прапоръ Гosляра а послѣ взяли Гosлярового емиссарія, шкотского мужчину и съ помпою несли на улицяхъ города, поки не прійшли передъ домъ Анны Рожицкой, пôдъ которой ôкнами ôтбыли серенаду подобну въ своей цѣлости до кряхканья крукôвъ.

* * *

При чорной ранной кавѣ сидѣлъ по балевой ночи сержантъ Евтимъ въ своимъ фотелю. Наркотичный напой успокоивалъ и ôтсвѣжалъ Не долго ждалъ Евтимъ, коли явился Шлойма съ усмѣхненнымъ лицемъ, радостнымъ выразомъ, розмахуючи сухими руками, якъ бы по овладѣнію цѣлого свѣта.

„Ай" началъ жидъ „сержантъ такъ блѣдый! то по балю, такъ всѣ по балю; на то средства сутъ; у моего братанка, тутъ, що маетъ магазинъ, суть острыи маринаты, которыи усмиряютъ и боль головы и недоспалось... Но правда, сержантъ и не видятъ, що я готовый до дороги..."

„Значитъ?"

„Значитъ, и сержантъ мусятъ выбиратися. Мазурскій возъ съ будою, що ѣдетъ съ товарами на сяноцкій трактъ, ждетъ тутъ на насъ передъ домомъ... Мусимъ сѣдати сейчасъ; ôтъ моего братанка я дознался за дальшіи слѣды... (Тутъ жидъ оглянулся) Ôнъ, той вашъ соперникъ, якъ кажутъ, заложилъ кондиторію въ однôмъ мѣсточку пôдъ Бескидами коло угорской границы, за Сяномъ. Но въ которôмъ? О тôмъ узнаемъ сновь на Сянѣ коло прому, ôтъ того сына рабинового, що держитъ въ Смеречнôмъ промъ на Сянѣ..."

Сержантъ собрался и пустился въ дорогу. Слабый румянецъ покрылъ его лице. Такъ палалъ коли-то таинственный огонь, зажженный славянскимъ божищемъ Кощеемъ, пламенъ мести, который николи не малъ угасати...

Сѣверный вѣтеръ вѣялъ по Карпатахъ; дощъ непрестанно хлюпоталъ а горы покрылись оловяными хмарами. На сяноцкôмъ трактѣ точилась поволи мазурская брыка, накрыта полотняною будою и тягненна высокими худыми шкапами. Возъ точился въ болотѣ и калужахъ камеральной дороги а мазурскій повозчикъ въ синой широкой бундѣ, въ округлой тканной шапцѣ, кидалъ слова огорченія. Много миль не было ніякой гостинницы, ніякой австеріи. Пустый былъ трактъ, лишь мѣстцями корчѣ орябины и старыи поломанныи вербы указовали, що туды вела дорога.

И въ природѣ было ôтпечатанно и вытисненно бурное время послѣднихъ лѣтъ. И якихъ событій не былъ свидѣтелемъ той уголъ Карпатъ! Еще не затерты воспоминанія и наслѣдствія изъ памятного 1846 года, коли тоюжь самою дорогою ступали повстанцы, косыньеры, где колись по дворахъ шумѣло веселое житье, а где по дни револьты слѣдовали руины по всѣмъ селамъ, застой въ роботѣ и въ поступѣ, заступленнôмъ теперь лунами пожарными и кровью...

Устала революція а за нею слѣдовала якъ упырь другая язва: голодъ, поніщившій всю житель... Опустѣли села, не видно у загородъ жизни, пусткою стоятъ соломяныи стрѣхи, зарослыи хвастами и мохомъ.

Такъ прійшолъ годъ 1848 съ новыми событіями. На граничныхъ верхахъ угорскихъ виднѣютъ вже шибеницы а по дорогахъ угорскихъ Карпатъ рядомъ стоятъ висѣлицы якъ злопамятный штафажъ; круки и галки уносятся стадами надъ полонинами. Узлы всякого порядка прорвались, жизнь безъ связанія настала. Переломъ слѣдовалъ въ природѣ и въ жизни народôвъ. Ломилась ихъ доля на всѣхъ краяхъ Европы, якбы свѣжая ера приспѣшала, новыи дороги отвирались, новый источникъ житья вытрыскалъ, щобы вывести людей изъ бездѣлія, которое механично управляло общою жизнью народôвъ.

Изъ головного шляху свернула брыка мазурская въ слѣдъ якой-то горской дороги. Унылою была природа карпатская... Невыразно рисовались въ дали холмы высокихъ кичаръ и стрешоръ. На поляхъ мѣстцями стояли въ мокрыхъ одежахъ, накрыты соломяными пелеринами, овчари и пастухи, що пасли угорскіи кайлы или стада овецъ на сухихъ дебряхъ. Тамъ поверталь изъ мѣста гдеякій мужичокъ на малой телѣзѣ тягненной волами, а тамъ въ ущелью скалы палалъ огонь, розложенъ кочующою цыганскою бандою.

Въ кôнци заблистала струя Сяну якъ вьющаяся лента. Но не спокойно, не маестатично плынулъ теперь Сянъ; ôнъ шумѣлъ теперь, рвался, волны кидалъ, взбранный ôтъ горскихъ потокôвъ. Вже почало вечерѣти, темно стало. Приѣхавшіи сойшли зъ брыки. Они были вже при промѣ. Надъ берегомъ стояла поломанная корчма, за которою протягалась скала надъ берегомъ Сяну. На загородѣ ходили козы, становящіи цѣлый видимый добытокъ галицкихъ жидôвъ.

„Тутъ постоимъ" началъ Шлойма оглядаючись, „тутъ сынъ рабина изъ Городка; но вижу, що ледво и черезъ рѣку переберемся."

„Идиже и пытай жида за него" говорилъ Евтимъ.

„За кого?" дался чути въ близи шепотливый голосъ. Коло нихъ завертѣлся малый рудый жидъ съ повырыванною червоною бородою, съ лицемъ засѣяннымъ жолтыми пѣгами, въ бѣлыхъ обдертыхъ пончохахъ и въ латаннôмъ халатѣ. То былъ Харонъ, который вправдѣ и людей высылалъ на засянскій свѣтъ, но бôльше еще перепущалъ контрабандованный угорскій бакунъ, подольскіи краджены и кони и заблукавшіися козы.

„Сержантъ схочутъ певно черезъ

промъ“ говорилъ ôнъ (его голосъ былъ якбы пôдземный, якъ у колдуна), „то вже не нынѣ. Сянъ давно такій не былъ якъ нынѣ, рветъ небывало: дождь ôтъ тыждня вже тутъ лѣетъ. Переночоватибы въ моей хатѣ. Вже тамъ естъ одинъ панъ, также чекаетъ на промъ, до мѣста хочетъ.. то Больскій, кондиторникъ изъ нашого мѣста.“

„Кто?“ закричалъ сержантъ съ такою силою, що рудый еврей якъ громомъ раженный сталъ недвижимъ. Но Евтимъ не чекалъ. Пламенъ, который идолъ Кощей запалилъ, вспыхнулъ.

Евтимъ вступилъ въ чорную комнату валящойся корчмы. На припечку горѣлъ огонь изъ смерекового рѣща. При тôмъ глинянôмъ комннку сидѣлъ пôдбескидецъ въ пасованныхъ, окопченныхъ и мокрыхъ панталонахъ и въ такôмъ-же одожденнôмъ кинтарѣ. Ôнъ согнувшись, запекалъ въ огни люльку. Его такъ схиленная голова выглядала якъ копула, покрыта стрѣховою сторчащою соломою: волосъ якъ рѣща спадалъ по его лицѣ. Ôнъ приподнесъ очи. То былъ той же самъ рыбарскій мужикъ, который пôдъ горою катедральною стоялъ разомъ съ прочими горняками.

Евтимъ поступилъ дальше. Въ углѣ комнаты сидѣлъ на лавѣ мужчина, закутанный въ плащъ, съ надѣтымъ на голову капишономъ. Его уста были затиснены и указовали на рѣшительного человѣка.

„Евтимъ!“ проговорилъ ôнъ, побачивши ставшого передъ собою сержанта.

„Такъ, то я“, отвѣтилъ горячокровно Евтимъ „то я, и ты знаешь поводъ, для которого стаю передъ тобою, знаешь причину, за для которой я тягнулся въ такую дорогу, щобы тебе ôтнайти. Я не уложусь до спочиванія въ моимъ житью, поки не увижу крови... То не дуель, нѣтъ то не зимная рукавиця... ты знаешь, щô во мнѣ жарится... Кто ставалъ у косыньерôвъ и на барикадахъ и тою саблею якъ перомъ затиналъ, той уважалъбы за непростимо, щобы твоя кровь не полилась пôдъ тою самою саблею... щобы...“

Больскій всталъ повольно изъ лавы; ôнъ скинулъ широкій плащъ, не сказалъ ни слова, лишь взялъ Евтима пôдъ рамя и выйшолъ съ нимъ изъ комнаты, ажь поки не пріостановились на скалѣ при самôмъ берегу Сяну. Тутъ ôнъ лишилъ рамя Евтима и сталъ противъ него.

„И я“ сказалъ ôнъ спокойно „не розлучаюсь съ моею саблею, она всюда со мною. Кровавое наше время, въ которôмъ жіемъ, то не время биллярдôвъ, ни картъ.. И мене не лякаетъ кровь, но противно ласкаетъ...“

На горизонтѣ далекихъ горъ, неботычныхъ полонинъ, блыскавицы не уставали; въ зигзакахъ спадали они въ пропасти и ущелья горъ, а ехо точилось надъ дикіи верхи съ стократнымъ ôтгомономъ. Освѣщала часами блыскавиця брячащіи полыскующіи желѣза и мѣшалась съ червоностію крови... Кровь была то. кровь сержанта... Устали его силы, изнемощенъ ôтъ убытка крови упалъ ôнъ изъ береговой скалы въ шумящіи бурливыи волны Сяну.

Таинственно шумитъ бескидскій вѣтеръ, а межи яругами вода розбивается. На Сяноцкой землѣ точится Сянъ, вѣчно стремитъ, вѣчно непрестанно высылаетъ волны, а въ долинахъ межи горами почиваютъ села, молчатъ передъ розвязанною стихією и поглядаютъ съ тревогою на опустошенія

Пройшла ночь; минула и буря въ природѣ. Бременный воздухъ переломился; розступилась изъ своей тѣсноты природа, що жаждѣла розрыва, борьбы, уволенія ôтъ давлящихъ узôвъ.

Ясно на небѣ. Легкій вѣтеръ обнимаетъ любовью полонины якъ любящій отецъ свои дѣти по бурѣ. Блекающіи стада овецъ наполняютъ зеленыи спады горъ а солнце покропляетъ теплыми искрами Карпатскую землю.

Проломилась буря и въ душѣ Евтима. Пламенъ Кощея, пламенъ мести увязывалъ его душу, котора тягнулась до розорванія тыхъ узôвъ, до услодженія жажды, котора демонично нею овладѣла. Угаслъ вже той пламенъ Кощея, но не угасла страсть партизантска, не уступила тая хоробливая страсть, що губила его спокой...

(Прод. посл.)

Дръ Францъ Миклосичъ.

(Продолженіе).

Изъ многихъ частныхъ изслѣдованій Миклосича поднести слѣдуетъ розсужденіе (дотычащое нашого края), составленное вмѣстѣ съ Д-ромъ Емиліяномъ Калужняцкимъ п. з.: „Переходы Румунôвъ въ земляхъ карпатскихъ.“

Францъ Миклосичъ*) рожденъ 1813, въ нижной Стиріи, посѣщалъ школы въ Вараждинѣ и Мариборѣ, потомъ университетъ въ Грацѣ, где года 1837 занялъ катедру философіи. Слѣдующого года ôтправился въ Вѣдень, сталъ докторомъ правъ и вступилъ въ адвокатскую канцелярію. Въ Вѣдни познакомился съ землякомъ, славистомъ Копитаромъ и то знакомство повело его на иную область. Копитаръ, бывшій въ то время библіотекаремъ придворной вѣденской библіотеки, уговорилъ его, посвятитись славянскому языкознанію, що Миклосичъ и сдѣлалъ. Года 1844 ôнъ поступилъ въ придворную библіотеку, предался изслѣдованіямъ и тогожь года уже заявилъ себе филологомъ, написавши рецензію „Сравнител ной Грамматики Боппа“ въ журналѣ: „Wiener Jahrbücher der Literatur.“ Года 1848 ôнъ былъ избранъ своими земляками на соймъ, но сложилъ мандатъ и получилъ профессуру въ вѣденскôмъ университетѣ, где уже г. 1853 былъ избранъ ректоромъ. Миклосичъ много путешествовалъ для своихъ изслѣдовательныхъ цѣлей, года 1852 въ Германіи и Франціи, г. 1856 въ Дальматіи и Черногоріи и пр.

Миклосичъ, хотяй великій оппортунистъ, оставилъ много цѣнного для Славянъ Межи его трудами головнѣйшое мѣсто занимаетъ его сравнительная грамматика славянскихъ языкôвъ. Къ ней якъ и къ прочимъ его трудамъ предметовымъ будутъ прибѣгати изслѣдователи. Блисше упоминаемъ тутъ о его послѣднôмъ Словарѣ, по той именно причинѣ, що Словарь той статъ по своему характеру подручникомъ не лишь для изслѣдователей, но и для всего прочого читающого славянского, а взглядно и инo-племенного міра. При осудженію того словаря слѣдуетъ розличити два становища. Иначе представляется той словарь, если уважаемъ его практическимъ подручникомъ, а иначе, если прійдетъ означити, о скôлько той словарь представляетъ интересъ научный. Въ первôмъ случаю, яко подручникъ, составляетъ ôнъ важное событіе въ области познанія славянскихъ, а предовсемъ русского, языкôвъ. Для читающихъ Славянъ, изучающихъ русскій языкъ, словарь той необходимый и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Ôнъ на дѣлѣ и розойшолся, мимо того, що цѣна его чрезмѣрно высока (15 злр.).

Генеза Словаря слѣдующа: первая мысль о параллельнôмъ славянскôмъ Словари возникла у пок. принца П. Г. Ольденбургского, во время пребыванія его въ Вѣдни, коли г. 1877 на обѣдѣ у австрійского императора, ôнъ розговорился о славянскихъ языкахъ. Ему рекомендованый былъ проф. Миклосичъ, яко первый славистъ, который могъ бы достойно осуществлити благородную мысль принца. И мысль была на дѣлѣ осуществлена. Словарь выйшолъ накладомъ принца Ольденбургского, былъ однакъ яко научный трудъ всею майже критикою осужденъ сейчасъ по появленію неприклонно. Наведемъ тутъ мнѣнія проф. В. Ламанского и нашого земляка Як. Головацкого, мнѣнія высказанныи тыми критиками сейчасъ по появленію словаря (г. 1885.) Словарь той маетъ заглавіе: „Краткій Словарь шести славянскихъ языковъ: русскаго съ церк.-славянскимъ, болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго,

---

*) Миклосичъ писалъ свое имя; Miklosich, правописею, котора была въ употребленію передъ выступленіемъ Л. Гая.

а также французскій и нѣмецкій по порученію Его императорского Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, составленный подъ редакціею проф. Ф. Миклосича. Вѣна, Браумиллеръ 1885. Составители (въ поодинокихъ славянскихъ отдѣлахъ): Ф. Миклосичъ, В. Никольскій, Стоянъ Новаковичъ, А. Маценауеръ и А. Брюкнеръ."

Мысль того словаря — говоритъ проф. Ламанскій — не маетъ ничого общого съ научнымъ интересомъ, якій уже прежде былъ мечтою знаменитого лингвисты Шлейхера, и Срезневского. Словарь довольно красиво напечатанъ въ типографіи Гольцгаузена въ Вѣдни. Въ немъ всего 950 стр.; считаючи по 40 приблизительно слôвъ на сторону, получимъ 38 тысячъ слôвъ. Словарь названъ: краткій, и по той причинѣ вѣроятно въ немъ опущены всѣ отдѣльныи реченія, описательныи обороты, которы ни одному иноплеменнику не могутъ быти понятны безъ толкованія, хотяй бы отдѣльныи слова, войшовшіи во фразу, и были ему извѣстны. Лучше было для короткости выпустити массу ненужныхъ иностранныхъ слôвъ, именно такихъ, которыи войшли, за исключеніемъ церк. славянского, во всѣ прочіи славянскіи языки, а на ихъ мѣсто дати объясненія розличныхъ отдѣльныхъ реченій и поговорныхъ выраженій. Правда, для объясненія тыхъ послѣднихъ выраженій требовалось отличное живое знаніе русского языка, межи тымъ, якъ за исключеніемъ болгарского сотрудника, ни одинъ изъ прочихъ составителей того словаря не знаетъ непосредственно живого русского языка, а знаетъ лишь книжный. Можно еще замѣтити, що не всегда въ словари выдержано единство въ объясненіяхъ. Мимо тыхъ промахôвъ и неточностей слѣдуетъ привѣтствовати той словарь яко явленіе во многихъ ôтношеніяхъ отрадное.

Подобно осуджаетъ словарь и Я. Головацкій, при чемъ подноситъ еще то обстоятельство, що Миклосичъ, убѣдившись въ полной несостоятельности своего противуестественного проекта, употребляти для болгарского языка нео-словенскую латинку, — которому проекту никто не послѣдовалъ — въ предлежащôмъ словари пишетъ болгарскіи слова кириллицею, якъ то и должно быти, не латинкою.

Альбумъ

арх. библ. выставки Ставр. Инст.

(См. изобр. на стр. 56.)

Минувшого года были поданы въ „Нов. Галичанинѣ" таблицы LIV и LVIII. Предлежащая таблиця LX (кождая изъ таблицъ становитъ для себе цѣлость), содержитъ портреты: Іоанна Лавровского, Діонисія Зубрицкого, Григорія Яхимовича и Ореста Хомчинского.

(Прод. посл.)

До моихъ подругъ.

IV.

(Софія Ковалевска.)

Минувшого мѣсяця скончалась въ Штокгольмѣ извѣстная во всемъ ученôмъ мірѣ Софія Ковалевска, бывшая профессоромъ математики въ университетѣ Штокгольмскôмъ. При своимъ становищѣ осталась она однакъ совершенною женщиною, соединяючи въ собѣ доброту и простоту женскую съ образованностію. Ученый міръ наслѣдилъ по ней научныи сочиненія изъ области математики, въ которой то области она пользовалась широкою извѣстностію.

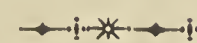
Софія Ковалевска рождена въ Москвѣ г. 1850. Была она дочерью генерала Симеона Корвина-Круковского, человѣка заможного и образованного, особенно въ наукахъ математичныхъ. Способность Софіи къ математицѣ считаютъ затымъ объявомъ атавизма. Первыи лекціи математики побирала Софія у своего домашного учителя Малевича. Въ шестнадцятôмъ году жизни Круковска вполнѣ обзнакомилась съ предметомъ въ объемѣ гимназіальнôмъ. Года 1869 Круковска стала женою Ковалевского, оконченного юриста изъ Петербурга.

Нѣсколько мѣсяцей послѣ вѣнчанія молодая пара выѣхала за границю. Посѣтивши Францію и Англію, Софія Ковалевска прибыла въ Гайдельбергъ, где въ продолженію двохъ лѣтъ посѣщала преподаванія математики на университетѣ; мужъ же ей предался студіямъ изъ области геологіи.

Года 1871 Софія, въ цѣли дальшихъ изслѣдованій, выѣхала въ Берлинъ, где тогды преподавали найзнаменитшіи математики Нѣмеччины. Не было ей однакъ соизволено, слухати университетскихъ преподаваній, лишь найзнаменитшій математикъ берлинскій Вейерстрассъ познавшій необыкновенныи способности Ковалевской, удѣлялъ ей приватныхъ объясненій. Года 1874 Ковалевска, идучи за совѣтомъ своего учителя, написала розсужденіе п. з.: „Прибавленіе къ теоріи сровнаній", за которое розсужденіе университетъ въ Гетингенѣ призналъ ей степень доктора философіи, отзначеніе которое въ продолженію 150-лѣтного своего существованія, университетъ удѣлилъ лишь двомъ женщинамъ. По возвращенію на родину, Ковалевска трудилась дальше, мужъ же, получивши степень магистра геологіи, получилъ приглашеніе ôтъ университета въ Москвѣ на катедру геологіи.

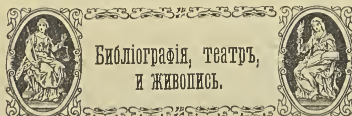
Софія, маючи численную родину въ Петербурзѣ, и матеріально обезпечена, наклонила мужа, щобы предлагаемой катедры не принялъ. Г. 1887 умеръ старый Круковскій, а въ два лѣта послѣ его жена. Софія обратилась къ дальшимъ трудамъ. Знаменитыи ей розсужденія, а именно умѣщенныи въ журналѣ математичнôмъ: »Journal für reine und angewandte Mathematik« п. з.: »Ueber die Reduction einer bestimmten Classe Abelscher Integrale 3-ten Ranges auf elliptische Integrale«, и артикулъ печатаный въ »Comptes Rendus des séances de l'academie des sciences de Paris« (1884) пôдъ заглавіемъ: »Sur la propagation de la lumiére dans un milieu cristalisé«, обратили на авторку вниманіе ученого міра и университетъ штокгольмскій покликалъ ею до преподаванія высшой математики.

Года 1888 Ковалевска получила нагороду Академіи французской, 5000 франкôвъ за написаніе розсужденія: »Mémoire sur un cas particulier du probléme de la rotation d'un point fixe", года же 1889 припала ей нагорода 1.500 ф. ôтъ Академіи штокгольмской за два розсужденія: 1) „Sur le probléme de la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe", 2) „Sur une propriété du systéme d'equation d'un corps solide autour d'un point fixe." Въ тôмъ времени Академія наукъ въ Петербурзѣ именовала ею своимъ членомъ-корреспондентомъ.



РОЗЛИЧНОЕ.

Къ чому можетъ служити жалива. Мы привыкли уважати ею извергомъ дѣтей Флоры, но она вмѣсто слѣпой ненависти, заслугуетъ съ стороны промышленникôвъ и господарей на лучшое. Приведемъ важнѣйшіи ей свойства. Первыи весняныи листочки жаливы даютъ превкусную, шпинаку похожую страву, или деликатесовую салату. Въ Англіи изготовляютъ съ жаливы зупъ, въ Россіи приготовляютъ ею въ видѣ капусты, въ другихъ сторонахъ въ видѣ шпарагôвъ. Свѣжая жалива, добре посѣченная, даетъ отличный кормъ дробу и ракамъ. Твердое мясо скоро смягчится, если будетъ варитись съ жаливою. — Особенно полезною есть она для коней. Въ той цѣли жалива сушится, розтирается а потомъ смѣшанная съ овсомъ, подается рано и въ вечеръ конямъ. Ôтъ такого корма кони скоро толстѣютъ а шерсть ихъ набираетъ прекрасного шелкового блеска. — Корень жаливы закрашаетъ на жолто воскресенскіи яйця. Кромѣ того то запознанное ростѣніе служитъ въ болѣзняхъ цѣлительнымъ средствомъ. Въ индустріи играетъ жалива важную роль и уже Несторъ сгадуетъ, що (904) изъ ей волокна выдѣланы были парусы. Башкиры, Самоеды, Татаре и пр. изготовляютъ съ жаливы сѣти, нити къ шитью и крѣпкіи поворозы. Нынѣ существуютъ величественныи фабрики розличного рода полотенъ и другихъ издѣлій изъ жаливы, которая дѣлаетъ опасную конкуренцію льну, бавовнѣ и коноплямъ.



„Изданій Общества им. Мих. Качковского“ ч. 184 за мѣсяцъ Мартъ г 1891 содержитъ продолженіе „Житій Святыхъ“, которыхъ праздники припадаютъ на Декемврій, Януарій и Февруарій. Къ тексту за учено нѣсколько изображеній.

Славянскіи музычныи мотивы. (Продолженіе) Лисенко Н. Сборникъ украинскихъ пѣсней. Другій выпускъ ц. 2 рб. 50 кп. а) Пѣсни козацкіи: 1) Про Палія та Мазепу. 2) Про Швачку. 3) Про Саву Чалого. 4) Про руйнованье Сѣчи. 5) Про Харька. 6) Ой не гараздъ, Запорожцы. 7) Гомонъ, гомонъ по дубровѣ 8) Ой не пугай, пугаченьку. 9) Ой крикнула лебедонька. б) Пѣсни чумацкіи: — 10) Зъ за горы и кручи. 11) Ой чумаче, чумаче. 12) По горѣ сѣрыи волы ходили. в) Пѣсни бурлацкіи: — 13) Що-жь бо то за воронъ. 14) Та не спалъ я нôчку. 15) Забѣлѣли снѣги. 16) По-за садомъ-виноградомъ, 17) Ой, по горахъ снѣги бѣлѣютъ. г) Пѣсни бытовыи: — 18) Да въ Кіевѣ на рынку. 19) Да туманъ яромъ. 20) Жила собѣ та удовонька. 21) Казалъ менѣ батько. 22) Ой ты мѣсяцю, зоре. 23) Щось у лѣсѣ зашумѣло. 24) Ой, ходила дѣвчина бережкомъ. 25) У полю озерце. 26) Ой запѣлъ козакъ 27) Нењко, зацвило серденько. 28) Туманъ, туманъ по долинѣ. 29) Розвивайся, ты дубочку. 30) Ой я у батька единиця. 31) Выйду я за воротенька. 32) Выйди, выйди ясный мѣсяцъ. 33) Ой по горахъ, по долинахъ. 34) Ой пôйду-жь я лѣсомъ-боромъ. 35) Не хилися сосно. 36) Ой не свѣти мѣсяченьку. 37) Горе менѣ на чужинѣ. 38) Ой, Гандзю милостива.

Лисенко Н. Сборникъ украинскихъ пѣсней. Третій выпускъ. Ц. 3 рб. 50 к. — а) Историческіи пѣсни: — 1) Про Кальнишевского. 2) Про Нечая. 3) Про Байду. 4) Течетъ вода. 5) Що въ Кіевѣ на рыночку. 6) Добрый вечеръ тобѣ, зелена дуброво. б) Чумацкіи и бурлацкіи: — 7) Ой летѣлъ пугачъ по надъ возами. 8) Ой горе той чайцѣ. 9) Вылѣтали орлы зъ-за крутой горы. в) Семейныи: — 10) Ой ты богачу. 11) Оретъ, Семенъ, оретъ 12) Що молода съ старымъ мудровала. 13) Ой хмелю-жь мôй, хмелю. 14) Тяжко важко, кто кого любитъ. 15) Ой у полю билиночка. г) Любовныи: — 16) Бачится, лѣсокъ не высокъ. 17) Не спѣвайте пѣсни. 18) Ой, чіижь то волы по горѣ ходили. 19) За тучами громовыми. 20) Жаль менѣ вечоронька. 21) Ой самажь я сама якъ билиночка въ полю. 22) Сама я пшениченьку жала. 23) Щось менѣ не легко. 24) Чи я вилыла, чи я обрела. 25) Ой жаль менѣ, жаль. 26) Тихо Дунай воду несетъ. 27) Колибъ менѣ доля. 28) Ой не стукай вражій сыну. 29) Ой, у лузѣ, лузѣ, ходятъ волики въ плузѣ. 30) У полю керниченька одна. 31) Болятъ ручки. 32) Ишолъ козакъ зъ косовицы. 33) Ой перепеличка. 34) Що за слава въ свѣтѣ мала. 35) Безъ тебе Олесю. д) Шуточныи:— 36) Колибъ мати не била. 37) Да куды идешь Явтуше? 38) Якъ поѣхалъ мôй миленькій. 39) Чомъ, чомъ чернобровъ. 40) Про Куперьяна.

МАГИЧЕСКІИ КВАДРАТЫ.

I.

	1)	2)	3)	4)	5)
1)	а	а	д	д	д
2)	д	и	н	и	н
3	л	л	н	н	о
4)	о	о	о	р	р
5)	р	с	с	у	у

Значенія слôвъ: 1) Народъ, въ настоящую пору страдающій. 2) Пожелаемое для дѣвицъ 3) Свойство меду. 4) Божища. 5) Точка найвисшая въ небосклонѣ.

II.

	1)	2)	3)	4)	5)
1)	а	а	а	а	а
2)	а	а	б	д	д
3)	і	і	к	л	л
4)	н	о	о	р	р
5)	р	р	т	т	т

1) Городъ. 2) Нѣсколько тоно̂въ разомъ. 3) Императора одного имя. 4) и 5) Два городы надъ Адріатскимъ моремъ.

Розвязка задачи шарадовой, на стр. 52.

терноноль, яковъ, чари, ванда, рак, торба, тога, варта, цитра, кора, тиса, раса, марія.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Ч. 7. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Цвѣтня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

Весна.

Изъ пôдъ снѣга
Цвѣтокъ смѣется,
Среди луга
Источникъ бьется.

Въ дубровахъ тамъ
Поютъ птицъ хоры,
А по горамъ
Цвѣтутъ вже боры.

И снова лучъ
Теплѣйшій грѣетъ;
Вдругъ лѣтнихъ тучь
Пора наспѣетъ.

И радость сновь
Грудь оживляетъ;
Вездѣ любовь
Вже повертаетъ.

Мечты, мечты
О пробудѣтесь!
Съ лучемъ весны
Всѣ исполнѣтесь!

Душо ликуй —
Вертаютъ цвѣты;
Жизненныхъ струй
Напійтесь дѣти!

Судьба насъ — нѣтъ,
Не сморозила;
Рядъ тяжкихъ лѣтъ
То наша сила.

Любови лучъ
Нехай насъ грѣетъ,
Не боймось тучь,
Коли наспѣютъ!

Недолевъ.

Александеръ Духновичъ.

ТОВАРИШЪ.

Розсказъ І. Верхлицкого.

(Переводъ изъ чешского.)

Я заблукался по пятнадсяти лѣтахъ въ однôмъ живописнôмъ уголку южной Чехіи, где я давно прожилъ свои хорошіи юныи лѣта.

Была то Недѣля.

Передъ полуднемъ покôнчилъ я скоро и успѣшно свои дѣла. Я долженъ былъ полудневымъ поѣздомъ ôтъѣхати обратно въ Прагу, но необыкновенный чаръ задержалъ мене. Чаръ воспоминаній привлекалъ мене въ мѣста, изъ которыхъ я началъ поглядати въ свѣтъ, въ жизнь. Власть воспоминаній, чертавшая мнѣ мои первыи мечты и стремленія, первыи розочарованія и борьбу, была сильнѣйшою, и я осталъ.

Я не долго думалъ надъ тымъ, якъ слѣдуетъ мнѣ перебыти пору полуденную. Вблизи города видиѣютъ пзъ межи вѣнця темныхъ ялицъ широко розложенныи розвалины старого замка. Тамъ собирается обыкновенно въ Недѣлю послѣ обѣда лучшая часть городского общества. Дорога ведетъ чрезъ лѣсъ, а на гору вспинаешься безъ труда. На горѣ подаютъ лучшое, свѣжое пиво. Межи розвалинами уставлены тамъ въ живописнôмъ безладѣ деревянныи столы и лавки, а на мѣстѣ давной замковой каплицы построено теперь кругольное шатро. Такъ было, по крайной мѣрѣ, передъ пятнадсяти лѣтами; узримъ, що ôтъ той поры тамъ измѣнилось.

Я заждалъ, поки головная струя выбравшихся на прогулку не уменьшится, и допсрва около четвертой годины пустился я въ дорогу. День былъ прехорошій. Короны деревныи колысались въ легкôмъ вѣтрѣ, мохъ и травы розпространяли солодкую вонь. Въ половинѣ дороги путникъ приневоленъ розстатись на время съ тою смѣлою тѣнью и еластичнымъ мхомъ. Слѣдуютъ скалы и перовная стежка. То не треваетъ долго, но рознѣженный лѣснымъ чаромъ путникъ чувствуетъ тую скорую змѣну и жаждно поглядаетъ въ гору, где межи розвалинами шумятъ величезныи дерева предвѣщаючи новый холодъ и новое покрѣпленіе.

Тутъ на той каменистой дорозѣ встрѣтилъ мене якій-то молодый человѣкъ о малой, присадистой стати. Носъ его почивалъ вызывающимъ способомъ межи блестящими, полными здоровья, очами. Пôдъ согрѣтымъ челомъ видиѣлъ золотый бинокль зъ грубого стекла; одежь молодого человѣка была найновѣйшого кроя и плотно приставала къ его стати. Ôнъ що хвилн приставалъ, утиралъ чело и немного покашливалъ.

Мы спокойно проминулись, но тутъ ôнъ пристанулъ и, поглядаючи на мене, завозвалъ: „Ехъ! Якая горячь!“ Слово: „Ехъ!“ и его произнесеніе, задержали и мене. Я уже зналъ теперь, кто передъ мною стоитъ. Я не радъ былъ вправдѣ теперь зъ ніякихъ знакомствъ, но былобъ мнѣ совѣстно пройти мимо него; я затымъ зайшолъ ему дорогу и наслѣдуючи по возможности его способъ произношенія, закликалъ я: „Ехъ! падетъ бомба!“

Была то реминисценція изъ студенческихъ временъ. За кождый разъ, коли профессоръ вынималъ свôй памятный каталогъ, мôй другъ Швенко шепталъ: „Ехъ! падетъ бомба!“ Ôнъ тымъ выкликовалъ неоднократно великую сензацію и предупреждалъ намѣреніе профессора.

Заледво высказалъ я тіи слова, а уже мôй толстякъ зависъ на моей шіи, не обращаючи вниманія на то, що подавилъ свôй великій, пестрый кравать. Дивно, що не удусилъ мене; ôнъ произнесъ наконецъ слова: „То-ли случай!“

Я объяснилъ ему, зачимъ я тутъ перебываю; вслѣдъ затымъ посыпались изъ его стороны на мене упреки: по чому я такъ долго о собѣ не давалъ ніякого извѣстія, по чому я по прибытію сейчасъ не посѣтилъ его, старого друга, не заѣхалъ къ нему и т. д. У него — кажетъ — пространная хата, всегда готова, приняти и гостя. Особенно его жена радовалась-бы, познавши друга юности, о которôмъ ôнъ ей уже много розсказовалъ.

Я свернулъ розговоръ на иный предметъ. Мы середъ розговора, ступали поволи въ гору, хвилями приставали, и зачимъ доспѣли мы къ верху, изъ которого роздавался гаморъ, веселыи клики и кругольныи удары, былъ я уже изъ слôвъ моего друга познакомленъ со всѣми обстоятельствами и сплетнями города.

„Позволь-же, представлю тебе нашому обществу“ сказалъ мôй другъ, задыхавшись, коли мы стали уже передъ входомъ давного замка.

Я извинялся, представляючи ему послѣдствія долгой розлуки, различіе мнѣній, отчужденіе и прочое, но все надармо. Я попалъ разъ въ сѣть и мусѣлъ поддатись. Мы намѣряли уже поступити въ давную замковую площадь, коли задержаны были мы торжествующимъ кликомъ, и гаморомъ падающихъ круглей.

„А! Судья повалилъ всѣ девять!“ проговорилъ съ улыбкою мôй другъ, исправляючи кравать.

„Судья? Кто-жь ôнъ?“ пыталъ я поневольно.

„Ну, ты не знаешь!? То Роденъ, долгій Роденъ, якъ мы его называли. Изъ него теперь — чудакъ. Но ты самъ узришь! Не удивляйсь, если ôнъ тебе не познаетъ, или даже за твôй привѣтъ не поблагодаритъ.“

„А бьетъ хорошо?“

„Тутъ уже правда, превысшаетъ насъ всѣхъ. Впрочемъ я думаю, що Роденъ не такій, якимъ мы его знали въ гимназіи. Я противно убѣжденъ, що ôнъ одинъ изъ всѣхъ насъ ведетъ глубшую, внутренную жизнь. Ôнъ и читаетъ много. У насъ иначе. Семейство, дѣти, клопоты, все то не даетъ намъ много читати. Такъ лишь немного перекинувши кусникъ шинки, прочитается где-якую политическую газету, новости дня! Но Роденъ не такій, якъ мы. Лишь одно: съ нимъ намъ не соперничати. Кинетъ кулю — всѣ девять бьетъ, а послѣ улыбается иронически.“

Тымчасомъ приблизились мы передъ бôльшое ôкно, отѣненное по части бзовымъ корчемъ. Изъ того мѣста могли мы приглянутись цѣлому обществу.

Нѣкоторыи сидѣли при столахъ, иныи стояли при кругольной стежцѣ. При середнôмъ столѣ толпилось все вокругъ нѣкой дамы о изгибистой стати и великогородскихъ движеніяхъ. Въ кружку кругольнôмъ былъ средоточіемъ судья Роденъ. Черга киданія прійшла именно теперь на него. Зъ моего укрытья я могъ смотрѣти ему просто въ лице, на которôмъ обозначился выразъ грустной резигнаціи. Высокій, брунетный мужчина, безупречный въ одежи и поведенію, ôнъ занималъ мене теперь бôльше, чимъ колишній молодый товаришъ школьный. Ôнъ нагнулся за кругольною кулею, и въ полголосъ произносилъ якіи-то слова. Я по части зачулъ ихъ; были то слова Челяковского изъ „Столистной рожи“:

„Ничтожнымъ умъ свôй розвлекай,
Если не можешь лучшого начати,
Игру кругольну, карты, шахъ,
Не къ пиру намъ мужамъ бы подавати.“

Куля полетѣла и произвела у зрѣтелей обычный восклинъ, звучавшій якъ бы иронія къ тымъ словамъ поеты. Лежали „всѣ девять.“

„Смотри, чи пôзнаешь того тамъ, що ворожитъ изъ картъ моей женѣ?“ пыталъ мôй другъ Швенко. „То Гальмъ, адьюнктъ Гальмъ“ додалъ ôнъ скоро.

„Твоей женѣ?“ спросилъ я съ возрастающимъ удивленіемъ. „Ты отже, счастливый человѣкъ, мужемъ Минны Ердлингеръ?“

Швенко притакнулъ изъ легка улыбаючись, была то однакъ странная улыбка, которой я совсемъ не понималъ.

„Видишь“ продолжалъ ôнъ „тамъ на луцѣ бѣгаютъ съ обручами мои двѣ дѣвочки.“

Я смотрѣлъ будьто на играющіи вблизи дѣвочки, на дѣлѣ же наблюдалъ я за Минною. Была то хорошая, стройная дама, которая въ цѣлôмъ кружку собранныхъ была якъ бы владѣющою особою. Она въ продолженію лѣтъ значительно измѣнилась, но остала и теперь красивою. Я думалъ о тôмъ и майже не могъ вѣрити, що она стала женою Швенка.

Я, по правдѣ, не хотѣлъ оскорбляти моего друга, ôнъ добрый товаришъ и впрочемъ, безъ сомнѣнія, мужчина полный, но ôнъ и Минна, нѣтъ, то не соґлашалось въ моимъ пониманію. Я погрузился въ воспоминаніяхъ, время студенческое стануло передъ моими очами, тогды была тая Минна средоточіемъ нашого малого міра. Она, дочь судового президента, дѣвиця необыкновенной красы, талантливая и образованная, теперь женою моего друга Швенка! Нѣтъ — то загадочно. Цѣлая наша октава была заслѣпленна въ Минну, послѣ же, коли изъ октавы перейшли товариши въ университетъ и на академическихъ баляхъ встрѣчались съ Минною, убôльшился кругъ ей почитателей значительно. Она могла избирати! Для ней подходилъ лучше великогородскій шумъ, концерты, театръ и прочіи увеселенія, лѣтній побытъ въ купельныхъ мѣстахъ, подорожи за границею и пр. — вообще широкое поле общественное. Тымчасомъ она тутъ, въ малогородской тѣснотѣ, где адъюнктъ Гальмъ що Недѣли на прогулькахъ предсказуетъ дамамъ изъ картъ, и где Роденъ играетъ роль чудака и кругольного короля. Быти можетъ однакъ, я и мои товариши преувеличили были ей юный ентусіазмъ, она, быти можетъ, была обыкновеннымъ явленіемъ, о не много лишь превысшаючи окружающій ею свѣтъ становищемъ своего отця и своею внѣшностію; она може не заслуговала и не бажала бôльше, якъ того Швенка, того друга „Ехъ!“, который при всей своей безукоризненной добротѣ и сердечности, не былъ ничимъ инымъ, якъ лишь повседневнымъ весельчакомъ съ нѣкоторымъ прибавленіемъ великогородской дандисеріи.

Я наконецъ вопрошалъ себе въ тайнѣ, чого тая дѣвочка собѣ бôльше и желати могла. Получила адвоката, сильного адвоката съ широко извѣстнымъ бюромъ, съ хорошою практикою, адвоката, который — къ тому уполномочняла и привлекала его говорливость — приготовлялся къ политической карріерѣ, который протягалъ руку за мандатомъ, который тоже въ своимъ родиннôмъ городку могъ быти бурмистромъ, который тоже могъ —

„Друже, друже!“ вырвалъ мене Швенко изъ моего роздумья, поклепавши мене по рамени: „ходи лишь дальше, нектаръ шумитъ уже въ збанѣ, я извѣстилъ уже общество о твоимъ явленію, они радо пріймутъ тебе, ходижь“ — и ôнъ потягнулъ мене въ замковую площадь.

Привѣты и взаимныи представленія. Послѣ скорая обмѣна нѣсколькими обычными фразами.

Я вскорѣ позналъ, що въ обществѣ развлеченіе, вѣроятно по причинѣ появленія чужой стихіи, притялось. Долшую хвилю владѣла полная тишина, лишь дѣти на луцѣ не перестали своей игры.

Я старался, незамѣтно усунутись, но напрасно! Общество, разъ обезпокоеное, не вернуло вже въ давное розположеніе.

Тоже замѣтилъ я, що дружище Швенко въ присутствію своей жены потерялъ наразъ свою говорливость, ôнъ былъ неспокойный, розсѣянный и заклопотанный. Минна полголосомъ вела розговоръ съ Гальмомъ, который покинулъ былъ карты на землю. Они спорили о якôмъ-то высоко интереснôмъ вопросѣ: книдли съ априкосами. Минна утверджала, що то пышная страва, адъюнктъ противился и думалъ, що они не пикантны, вялыи, просто, якъ любовь въ супружествѣ. Общая сензація! Прочіи поглянули на себе значительно, якъ бы хотѣли сказати: Гальмъ — то быстрая голова, при явленію пражского гостя не дасть сбитись изъ пантелика, а одинъ изъ общества (казали, другъ Гальма) брался изъ смѣха за боки и заголосилъ: „Отлично! Дотепъ надается до комедіи! При случайности всунемъ той дотепъ въ яку комедію!“

(Конецъ посл.)

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

„Liber privilegiorum capituli Leopoliensis rit. lat.“ — „Księga originalna lustracyi województwa ruskiego z r. 1616, w Archivum koronnem w Warszawie znajdująca się, ztąd ekstrakta przewilejów dla cerkwi św. Mikołaja we Lwowie zrobione r. 1777.“ — »Sprawy cerkiewne ruskie z r. 1740 czyli protestacya od sądów biskupa — coram notariatu ecclesiae collegiatae Sandecensis pontificis Benedicti XIV.“ — »Protokół ekonomicznej komisyi przez dwory Najjaśniejsze do sprawy 6 (sześciu) banków upadłych w Warszawie.“ Въ тôмъ протоколѣ находятся описанія служебностей, до монастыря Василіанъ въ Пацыковѣ (ключа Станиславовского) принадлежавшихъ. То были-бы найважнѣйшіи акты, дотычащіи русскихъ церковныхъ бенефицій.

Упомнемъ еще о такихъ актахъ, которы уже загинули, или зъ архивôвъ духовныхъ до иныхъ коллекцій перенесены, или до мірскихъ книгъ и реестрôвъ переписаны остались. За владычества епископа Максимиліяна Рыллы, приказуетъ епископскій нотарій, Пискоровичъ Литинскій, свести въ цѣли сконсигнованія всѣ привилеи церковныи зъ цѣлой Самборщины: „ex speciali mandatu privilegia ad consignandum“; тіи же изъ привилеевъ, которы попалились или въ иный способъ погибли, были реставрованы „ex libro metrices regni Varsaviae.«Года 1795 приказалъ деканъ парохамъ деканата Куликовского: „ut erectiones originales in libris fundorum dominicalium et in inventariis ingrossarent.“

Въ инвентари монастыря Теребовельского зъ г. 1777, была вспоминка о документахъ, которы вслѣдствіе нашествій Туркôвъ или по древности были уничтожены (amissa documenta per hostem et per antiquitatem). — До актôвъ городскихъ Галицкихъ было пôдъ годомъ 1693 внесено объявленіе Григорія Баллабана, ротмистра королевского, (объявленіе то дано г. 1656), що по смерти Гедеона Баллабана, епископа Львовского, Галицкого и Каменецкого, (1585—1607) права и привилеи, касающіися Перегинска, перейшли въ руки его отця (»Perehinsko majętność dziedziczna cerkwi Halickiej Kryłoskiej, ta wieś w ręku ojca potem mojim, a prawa tej w schowku w Stratynie, majętności mojej, gdzie przez inkursyę nieprzyjaciół z inszymi rzeczami mojimi pogorzały, — były tam kontrakty z Gedeonem Bałabanem a potem Jeremijaszem Tessarowskim, ojca mego Jerzego a potem Alexandra brata mego, — fundacyę tę miał zdziałać Teodor Olgierdowicz a Kazimierz IV, Zygmund I i Zygmund II ją potwierdzili.“*)

Въ екстрактѣ визиты „inter documenta episcopatus Premisliensis“, находилися акты и документы, относящіися до монастыря Василіанского въ Сушицѣ, который еще г. 1751 былъ оставленъ Василіанами, и акты розграниченія села Страшевичи, яко епископского имѣнья.— Въ актахъ „officii decanatus Biecensis“, находилась ерекція церковная Лоська, села положенного коло Горлицъ, давнѣйшого циркула Ясельского. Въ старой регистратурѣ ц. к. прокураторіи скарба во Львовѣ встрѣчалъ я вспоминку о пяти фасцикулахъ, касающихся имѣній львовской капитулы, забезпеченныхъ на Пересиѣ, на пôдставѣ конвенціи изъ г. 1828. На дни 21 Грудня 1829, была для такихъ заставôвъ установлена и выслана комиссія королевства польского въ Варшавѣ.

Много церковныхъ ерекцій внесено было до актôвъ громадъ, именно тыхъ, которы поселены были на правѣ нѣмецкôмъ или волошскôмъ. Такъ, примѣромъ, въ документѣ ерекціии. зъ 1566 г. Вален-

---

*) Aleksander Wigand, молодшій братъ короля Владислава Ягайлы, сдѣлавшій тую фундацію, былъ женатый съ дочерью Владислава Опольского. Нѣкоторыи зъ дотычныхъ стипуляцій того супружества находятся въ исторіи Нарушевича.

тина Фредры, лат. епископа Перемышльского, дотычащôмъ села Завадки, именно при купнѣ грунта на поповство за 150 зол., покликуется издатель документа на акты того-же села (quemadmodum in actis ejusdem villae exactius descriptum). — Въ ерекціи (изъ г. 1657 и 1672) поповства въ Рыботичахъ, селѣ осадженнôмъ на правѣ Магдебургскôмъ, въ имѣнью земскôмъ Юрія зъ Тенчина Оссолинского, встрѣчается ссылка на книги Рыботицкіи („jak zapis zeznany w księgach Rybotyckich świadczy"). Ерекціи церковныи короля Іоанна III, ôтносящіися до селъ Мацошина и Собѣшина, извѣстны суть „ex extractu urbariali."

Въ документѣ поповства въ Мановѣ (въ Сяноцкôмъ) изъ г. 1631, находится ссылка на записи въ книгахъ громадскихъ. — Документъ короля польского Іоанна Казиміра зъ г. 1660, данный на поповство Оравское, именно дотычно економичныхъ обовязанностей священниковъ, покликуется до реестра, составленного по ревизорскому уставу. »Jest to erekcya cerkwi Orawskiej Starostwa Drohobyckiego co do praw i dochodów, według praw oryginalnych dawniejszych i pośredniejszych, jak antecessorowie ich popi Orawscy trzymali.« Упоминаются тутъ „księgi radzieckie, liber fundorum, – regestum actionum coram consulibus, acta scabinalia, protocollon advocatiale, tabula civilis, (а въ ней:) liber diversorum ingrossatorum" города Дрогобыча, осадженного на правѣ Магдебургскôмъ.

(Прод. посл.)

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П. Ш.

X.

Изъ общественной жизни: Свадьба въ домѣ у русско-православного священника.

„Маемъ честь пригласити къ вѣнчанію нашой дочки О. съ господиномъ А. В. Ж., которое и. т. д." Такое приглашеніе, печатанное на картоновôмъ, золотымъ берегомъ обведеннôмъ билетѣ, сложенное въ формѣ листа и пôдписанное знакомымъ не лишь мнѣ, но и ширшому русскому кружку, священникомъ-патріотомъ и его достойною кокòною*), получилъ я тому недѣль четыре, а такъ якъ я еще николи не малъ случайности быти на свадьбѣ въ русскôмъ поповствѣ на Буковинѣ, то корыстаючи съ приглашенія и хорошой санной дороги, ôтправился я въ село Д. Радъ былъ я при тôмъ лично поздоровити того дня и честныхъ родителей и молодую пару; узналъ бо я, що тое супружество заключилось не для якихъ тамъ видôвъ а просто изъ взаимной любви и що такъ молодыи якъ и родичи довольны тымъ, що такъ „все склалося."

Отецъ именно молодой маетъ нѣсколько дочерей въ дома, а будучи примѣрнымъ священникомъ и правдивымъ отцемъ своихъ прихожанъ — хотяй у насъ православныи приходы хорошо дотованны, земля надъ Днѣстромъ и вообще въ Буковинѣ плодоносна, и конгруа съ двома додатками деценальными не малая, а жена и дѣти на случай смерти тоже священникомъ а отецъ режешемъ,*) человѣкомъ мающимъ, который кождой дитинѣ лишилъ нѣсколько надсятъ фалечъ**) поля, немного лѣса и домъ съ загородою. Тому и не ôттягался отецъ молодой во виду взаимной любви молодыхъ людей, согласился на ихъ союзъ и приготовилъ свадьбу, на котору я, якъ уже сказано, выбрался.

Щобы станути заблаговременно на мѣстци, выѣхалъ я рано изъ Черновецъ. Въ мѣсточку Заставнѣ мы мусѣли пристанути, щобы кони ôтпочали. Пишу мѣсточко, но оно, изъявши нѣсколько еврейскихъ домôвъ и такъ зовимого ратуша а собственно величезной гостинницы, на-

Катедральный храмъ въ Унгварѣ.

значительною пенсіею изъ фонда религійного забезпечены, — все таки не могъ ôнъ яко патріотъ и истинный народолюбецъ накопити собѣ такого имѣнія, щобы касательно будущихъ зятей своихъ дѣлати якіи-то притязанія! Тожь не выжидалъ ôнъ, приѣдетъ ли въ домъ который изъ нечисленныхъ у насъ богословôвъ въ сваты. Случился, якъ то кажутъ, человѣкъ молодый, хорошій и образованный а до того, хотяй нѣмецкіи школы черновецкіи его не много онѣмчили, всею душею русскій. Къ сему ôнъ сынъ изъ доброй родины. Дѣдъ его былъ стоящое село и то село чисторусское. Можешь тамъ лѣта перебывати а волошкой рѣчи не зачуешь; лишь въ день ярмарочный якій сосѣдній domnul parinte***) румунизаторъ, якихъ, къ сожалѣнію, все еще консисторія въ стороны русскіи высылаетъ, встрѣтившись съ другимъ такимъ

*) Кокона, слово румунское, употребляемое у насъ и русскими людьми, ôтвѣчаетъ нѣмецкому: »Gnädige Frau.«

*) Режешами зовутъ на Буковинѣ властителей участковыхъ (Antheilsbesitzer).

**) Фалча = $1\frac{1}{2}$ морга.

***) Domnul parinte по румунски = панъ-отецъ (священникъ).

Тальмудистъ.

домнулемъ заговорятъ межи собою по румунски.

Выѣхавши изъ Заставны я началъ чимъ разъ больше заниматись окрестностію. Мы приближались въ стороны Днѣстра, которого великіи скалистыи береги такъ плѣнительны! Село Товтры, черезъ которое мы переѣзжали, ввело мене въ удивленіе. Лѣсôвъ тамъ въ окрестности мало, за то камня богато! Тому и хаты селянъ исключно каменныи, такъ що и плоты а у нѣкоторыхъ газдôвъ и ворота почиваютъ на бôльшихъ каменныхъ, хорошо рѣзанныхъ, столбахъ. Населеніе тамъ видно богатое, я бо замѣтилъ на нѣкоторыхъ загородахъ величезныи нѣсколькολѣтніи обороги съ сбожемъ и полно кошницъ не малыхъ съ кокорузою. Якъ мнѣ мôй сопутникъ, родомъ Буковинчикъ, розсказовалъ, суть въ тôмъ селѣ фрунташи,*) которыхъ имѣніе числятъ на 20—30000 злр. То мене удивило не мало, знаю бо, що въ селахъ русскихъ, (где именно дѣдичи армяне или румуны), народъ бѣднѣйшій, чимъ въ селахъ румунскихъ коло Радовецъ, належащихъ до православного религійного фонда, въ которыхъ народъ и такой тяжкой панщины не робилъ и былъ по снесенію тойже надѣленъ великими громадскими пасовисками и лѣсами. Изъ чого въ Товтрахъ народъ такъ богатый? Кажется, що тамъ и паны-армяне были людьми честными и тамошніи панъ-отцы (дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ молодой, на которой свадьбу я ѣхалъ) были пастырами примѣрными въ цѣлôмъ того слова значенію.

Пôдъ вечеръ приѣхали мы въ село Д. Тутъ уже, якъ наши люди кажутъ „видно было весѣлья.“ При въѣздѣ въ село задержали насъ празднично одѣтыи мужики. Въ праздничнôмъ тоже строю проходжали по улицяхъ молодицы, парни и дѣвчата. Мужики спросили насъ, на свадьбу-ли мы ѣдемъ, а коли мы то признали, одинъ сейчасъ завелъ насъ на опредѣленную намъ кватиру, значитъ въ домъ одного изъ заможнѣйшихъ газдôвъ, вторый же побѣгъ на поповство, извѣстити о нашôмъ приѣздѣ. Справившись скоро съ нашимъ тоалетомъ, мы удались въ домъ священника, где съ сердечною, правдиво-русскою гостинностію принялъ насъ дома хозяинъ и его супруга. Гостей было уже довольно.

Коли около семой годины всѣ ожидаемыи гости собрались, дружбы и дружки повели молодого и молодую на благословеніе родичей. Цыганы (у насъ по бôльшой части на свадьбахъ и въ храмовыи праздники играетъ на поповствахъ музыка цыганская) начали мелодійную сумную дойну. Есть то родъ румунской думки, но мелодією и ритмомъ пригадуютъ намъ дойны такъ-же, якъ введеніе до угорского чардаша, называемое „Zongora“, наши русскіи думки, которы до сердця русского промавляютъ и насъ цлѣняютъ.

(Прод посл.)

*) Фрунташъ = румунское слово, употребляемое и русскимъ народомъ въ значенію „богачъ“ хотяй оно въ рум. языцѣ означаетъ: „Der Vornehmste“, ôтъ слова „frunte“ чело.

ЕТНОГРАФІЯ.

ИЗЪ НОВОЗАПИСАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЕЙ.

(Записалъ Стефанъ Киричинскій въ Роздѣловичахъ, округъ: Рудки.).

* * *

Сѣно мое сѣно, низонько усѣло,
Та гдесь мое закоханье до вечерѣ сѣло.
Сѣложь оно сѣло, най здорове буде,
Оно мене вѣрне любитъ,
О мнѣ не забуде.
Кониченьку сивый,
Будьже ми счасливый,
Занесижь мѣ, завезижь мѣ
До моей дѣвчины.
Вдаришь копытами
Передъ воротами,
Выйди выйди, дѣвчиноньќо,
Поговори съ нами.
И дѣвчина выйшла
И рученьку дала,
Витай, витай мôй миленькій,
Давномъ тя чекала.
Чекаламъ тя вчера,
Сѣмъ годинъ зъ вечера;
Свѣченька горѣла,
А въ мнѣ душа млѣла
За тобою, мôй миленькій,
Щомъ тя не видѣла.

* * *

Цѣсаре, цѣсаре, цѣсаре Юзуню,
Пусти мнѣ до Касунѣ,
Цѣсаре, цѣсаре, цѣсаре Францѣшку,
Пусти мнѣ хоть на одну нôчку.
Якъ я машеровалъ,
За мновъ войцецъ волалъ,
Вруць сѣ сыну, вруць сѣ,
Бо я цѣ выховалъ.
Выховалась мати,
Цѣсарови сына,
Теперь ся лишилась
Якъ въ поли билина.

* * *

Журужь я ся журу,
Якъ въ вечеръ такъ рано,
Охъ мому серденьку
Сумно не весело.
Веселости моя,
Дежь ты ся подѣла?!
Въ недѣленьку рано
На бѣло заквила.
До полудня квила,
По полудню спала,
Веселости моя
На вѣкись пропала!
На вѣкись пропала,
На вѣкъ вѣковъ аминь,
Якъ бы булъ я кинулъ
Въ тихій Дунай камѣнь.
Надобности моя,
Марнѣ зъ свѣту гинешь,
Ôтъ мого серденька, гей, гей,
Жалю не ôтберешь.
Въ Дунай камѣнь кине,
И съ водовъ поплыне,
Стародавній милый
Дрôбнй листы пише.
Ôнъ до мене пише
Чорными перами,
Я му ôтписую
Дрôбными слезами.
Я ему писала
На рыбовôмъ фостѣ,
Щобы си прочиталъ
На штуковôмъ мостѣ.
Не одна рыбонька
По пôдъ мôсть перейшла,
Еще я не видѣлъ,
Щобы листы несла.
Таяжь то рыбонька,
Що по задѣ ишла,
Тая то рыбонька,
Тіи листы несла.

Исторія народного театра.

Петръ Полянскій.

Часть II.*)

Театръ пôдъ управленіемъ Моленцкого.

1) Антоній Нейôкъ-Моленцкій и Ольга зъ Мореловскихъ Моленцка.

Въ пять лѣтъ по основанію народного театра Емиліяномъ Бачинскимъ, выступаетъ новое драматичное общество пôдъ управленіемъ Антонія Моленцкого. Его правленіе тревало не долго, а однакъ прислужился ôнъ не мало для розвитія нашой драматургіи, якъ такожь для розбужденія народной жизни. Подобно, якъ Бачинскій во Львовѣ, дѣйствовалъ Моленцкій въ Перемышли; тутъ даетъ ôнъ свои первыи представленія въ то-же само время, коли Русь перемышльская начала иную, бôльше дѣятельную жизнь. Общество Моленцкого розвивалось зъ начала успѣшно; недуга Моленцкого

*) Часть I того очерка, помѣщенная въ первôмъ (1889) рочнику „Нового Галичанина“, обнимаетъ свѣдѣнія о началѣ театра и о директурѣ Емиліяна Бачинского, а именно три періоды той-же: 1) Періодъ сезонôвъ львовскихъ, 2) Періодъ сезонôвъ провинціональныхъ и 3) Періодъ утриквистичный.

была причиною, що за три лѣта уже перейшло правленіе театра въ иныи руки. Кромѣ того въ послѣднихъ мѣсяцяхъ существованія клонился театръ Моленцкого къ паденію, управителю бо нестало уже силъ до отвѣтного администраційного веденія.

Въ жизни Моленцкого слѣдуетъ розличити его дѣятельность яко управителя и яко актора. Бачинскій былъ лучшимъ директоромъ, чимъ акторомъ и то выходило въ пользу для сцены; противно же отзначился Моленцкій яко первостепенный акторъ, не заявился однакъ безукоризненнымъ управителемъ. Недоставало у него той вытревалости, котора необходимою есть для управителя провинціональной переселяющойся постоянно трупы. До того прилучилось еще и то обстоятельство, що Моленцкій трудился надъ своими выступами больше, чимъ надъ режишерствомъ. Общество отже, которое въ первыхъ сезонахъ представилось досыть жизненнымъ, начало послѣ, вмѣсто поступа, слабѣти и въ персоналѣ и въ репертоарѣ.

Яко акторъ былъ Моленцкій любимцемъ публики. Въ первый разъ познала его публика на представленіяхъ Бачинского во Львовѣ. Былъ онъ разомъ съ Витошинскимъ притягательною силою для театра.

Областію Моленцкого были роли комичныи; былъ то акторъ, который всецѣло преданный былъ сценѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ тоже случай, принесшій его кончину, причиною бо смерти Моленцкого былъ въ части жаль за сценою, съ которою приневоленый былъ розстатися.

Антоній Нейбокъ-Моленцкій родился г. 1848 въ Тарнополи. Въ 20 году жизни вступилъ Моленцкій до провинціональной трупы Лобойка, который послѣ давалъ тоже представленія и въ нашômъ языцѣ. Тогды завязовалось во Львовѣ общество Е. Бачинского. Бачинскій въ первыхъ уже своихъ сезонахъ принялъ Моленцкого до своего общества, где Моленцкій ôтъ г. 1864 выступалъ въ головныхъ комичныхъ роляхъ. Въ два лѣта послѣ того, поступила въ театръ Бачинского тоже дѣвиця Фердинанда Мореловска, позднѣйшая Ольга Моленцка.

Моленцкій и Мореловска остали въ обществѣ Бачинского и тогды, коли той-же оставилъ Галичину, и выѣхали съ нимъ въ Листопадѣ г. 1867 за границю до Каменця Подольского. Тамъ выступалъ Моленцкій пôдъ именемъ Нейбока. Съ началомъ Апреля однакъ слѣдующого (1868) года, заявилъ Бачинскій членамъ, що звиваетъ дирекцію. Моленцкій прилучился теперь до драм. трупы Качинского. Въ Каменци Подольскôмъ вѣнчался Моленцкій 1868 г. съ Фердинандою Мореловскою, котора ôтъ теперь выступаетъ на сценѣ яко Ольга Моленцка.

Въ Каменци получилъ Моленцкій письмо ôтъ львовского общества „Бесѣда", завзывающое его до объятія правленія надъ театромъ. Моленцкій вернулъ въ Галичину и ôтъ теперь начинается его директура.

Зимою 1873 г. приѣхалъ Моленцкій до Львова уже недужный. Въ Перемышли именно дозналъ ôнъ частного паралижа лиця, а разомъ и органа бесѣды. Вслѣдствіе того Моленцкій не могъ уже выступати на сценѣ. Тое сознаніе, що яко акторъ не будетъ могъ уже дѣйствовати, подѣлало на его умъ такимъ образомъ, що еще того-же года ôтставленъ былъ въ заведеніе умалишенныхъ во Львовѣ, послѣ же въ Жолквѣ, где и слѣдовала его кончина.

Моленцкій написалъ кромѣ переводôвъ, драму „Сирота зъ Гаю", котора была въ первый разъ представлена Бачинскимъ 1866 г. во Львовѣ, въ пользу автора. Было то одно представленіе въ тôмъ сезонѣ (шестôмъ) Бачинского, где публика численнѣйше собралась.

Первостепенною силою на сценѣ была тоже Ольга Моленцка зъ Мореловскихъ, рождена 1850 г. въ Козовѣ, мѣсточку коло Бережанъ. Отецъ ей Іосифъ переселился исперва яко властитель реальности до Кросна, послѣ же переѣхалъ до Львова, где получилъ примѣщеніе при желѣзницѣ. Во Львовѣ былъ уже Бачинскій, и Ольга поступила г. 1866 въ его общество. Первый разъ выступила Моленцка въ комедіи „Нема поломѣни безъ дыму" и въ „Уличнику Парижскôмъ."

(Прод. посл.)

Угорская Русь.

Зачимъ наведемъ нѣкоторыи подробнѣйшіи свѣдѣнія, дотычащіи такъ близко намъ стоящой Угорской Руси, упомнемъ еще о престольнôмъ городѣ той горской стороны, якимъ считати можно въ настоящую пору городъ Унгваръ. Давнѣйше средоточіемъ жизни Угорской Руси былъ городъ Пряшевъ; послѣ, такъ по литературной якъ и общественной дѣятельности, выдвигается на первый планъ Унгваръ.

Городъ той построенъ на первыхъ, живописныхъ горбкахъ южного склона угорскихъ Карпатъ. Карпаты по сторонѣ угорской не спадаютъ терасами, якъ по сторонѣ галицкой; нѣтъ тамъ постепенного перехода изъ выжинъ въ ровнины. При Унгварѣ прямо кончатся карпатскіи верхи, верхи высокіи, утесовыи, темныи, покрытыи нетронутыми еще, широкими буковыми лѣсами. Изъ Мискольча ведетъ желѣзнодорожная путь еще по угорскихъ пустахъ ровныхъ, якъ и на юзѣ Угорщины; изъ дали лишь виднѣютъ первыи карпатскіи верхи Унгвара.

Пространь путевая межи границею галицко-угорскою а городомъ Унгваромъ представляется не меньше живописною и дико-унимающою. Нѣтъ тутъ яспыхъ видôвъ, далекихъ горскихъ перспективъ, но напротивъ, горскіи темныи провалы и паровы. Изъ самого верха граничныхъ полонинъ сейчасъ замѣчается розличіе обохъ склонôвъ. По части галицкой розкрывается изъ полонинъ для зрѣтеля ясная, далека, майже до границъ Подгорья простирающая перспектива, виднѣютъ поодинокіи поселенія, рѣки и различаются виднѣйшіи магуры и скалы. Напротивъ по сторонѣ угорской преобладаетъ мрачный видъ лѣсôвъ. Горы не спадаютъ постепенно и по тому дальшіи верхи безвыразно заникаютъ въ темнотѣ лѣсной и мракахъ. Изъ полонины дозрѣти можно по угорской сторонѣ лишь безпосредственно пôдъ спадомъ полонинъ розлягающіися поселенія, состоящіи изъ нечисленныхъ хатъ, изъ межи которыхъ выдѣляется где вежа каменной бѣлой церкви.

Изъ Галичины ведетъ въ Унгваръ путь долиною рѣки Унгъ. Первою мѣстностію по сторонѣ угорской есть прекрасный, чрезвычайно живописный купельный городокъ Ужокъ. Путь ведущая изъ верха граничного въ той городокъ, интересна, и не маетъ собѣ подобной въ Карпатахъ. Верхъ граничный спадаетъ на сторону угорскую глубоко и прямо. Глубоко въ долинѣ, окруженъ высокими скалами и лѣсистыми верхами, видпѣетъ Ужокъ. До недавного времени съѣздъ изъ верха былъ прямый и карколомный. Передъ нѣсколько лѣтами доперва изготовилъ одинъ священникъ, Русинъ изъ Мукачевской епархіи, проектъ серпентины. Проектъ былъ принятый и произведеный. Серпентина та, вьющаяся по склонѣ одной горы, маетъ въ долготу полъ мили.

Городокъ Ужокъ въ сезонъ купельный представляется жизненно, особенно въ дни недѣльныи. Вода и воздухъ тутъ чистыи, покрѣпляющіи; собираются тутъ гости купельныи изъ угорской и галицкой стороны, для покрѣпленія здоровья. Нѣтъ тутъ виднѣйшихъ зданій купельныхъ, ни готелôвъ, всего два ресторапы, и одна отвертая бôльшая саля, построенная нарочно для танцевъ. Въ дни недѣльныи прибываютъ тутъ изъ окрестности гости, въ бôльшой части священники съ родинами изъ угорской и галицкой стороны, и зъ городôвъ Турки по галицкой а Березна по угорской сторонѣ. Оркестрою тутъ — цыганская банда, играющая щоденно въ салѣ танцовальной, а въ дни недѣльныи до поздной ночи на той-же салѣ, где ôтбываются танцы.

Трактъ, получающій Ужокъ съ

Унгваромъ, мимо того, що идетъ помежи самыи высокіи горы, ровный, такъ якъ тягнется до самого Унгвара надъ берегомъ рѣки. По сторонамъ его возносятся горы, покрытыи лѣсами, которы особенно осенью, коли листье прибираетъ жолтую краску, даютъ хорошій пестрый образъ.

Городъ Унгваръ маетъ по части видъ типовыхъ нашихъ галицкихъ городковъ. Городъ подѣленъ рѣкою, котора тутъ становится уже широкою, на двѣ части. Рынокъ и улицы Унгвара, подобно якъ и прочихъ угорскихъ городовъ, неопрятны. На тротоарахъ и подъ стѣнами головной гостинницы розкладаются по временамъ безженадно цыганскіи семьи; при гостинницѣ стоятъ жидовскіи возы, наладованныи различнымъ товаромъ; жиды изъ Турки ведутъ тутъ постоянную торговлю, привозятъ изъ Унгвара въ Турку, а послѣ въ Самборъ предовсемъ овощи, угорскіи сливы, мелоны и пр. На серединѣ рынка розложились типовыи угорскіи продавщики жаренины. Селяне, прибывающіи тутъ изъ окрестныхъ селъ, покупаютъ тую жаренину и на мѣстци горячую поживаютъ. Чистѣйшою представляется другая часть города, на возвышенію. Тутъ надъ цѣлымъ городомъ владѣетъ зданіе семинаріи, давнѣйшій замокъ, подаренный Русинамъ Маріею Терезіею.

Не много нисше стоящій катедральный храмъ*), переобразованъ изъ давного Іезуитского костела, епископомъ Андреемъ Бачинскимъ. Въ той части города помѣщаются тоже прочіи виднѣйшіи зданія, якъ гимназія, почта, костелы и пр. Замѣчательною есть такъ зовимая улица Кальваріи (Kalvaria-Utza). Кальваріею тутъ названа гора, покрытая виноградным садомъ; при улчцѣ ведущой къ верху горы, построено въ малыхъ отступахъ середъ виноградныхъ деревъ, нѣсколько надсять капличокъ, и по той причинѣ названа та улица улицею Кальваріи. Винобраніе отбывается въ Унгварѣ, якъ и вообще въ Угорщинѣ, свѣтло, а у мѣстного населенія еще теперь остаютъ въ памяти и упоминаются славныи пиры при случаяхъ винобранія, даваемыи попереднимъ епископомъ унгварскимъ.

Въ Мукачевской и Пряшевской епархіяхъ Угорской Руси находятся слѣдующіи науковыи заведенія: 1) Двѣ духовныи семинаріи, одна въ Унгварѣ, другая въ Пряшевѣ. 2) Препаранда въ Унгварѣ для образованія церковныхъ пѣвцевъ и учителей. Зданіе для той препаранды воздвигнуто духовенствомъ и церквами епархіи Мукачевской (1885 г.), которы сложили на ту цѣль 35.000 злр. Воспитанники получаютъ въ томъ заведенію харчъ и кватиру, частью безплатно (сироты), частью по умѣренной цѣнѣ. 3) Конвиктъ сиротъ-мальчиковъ по священникахъ въ Унгварѣ, въ которомъ сироты получаютъ помѣщеніе, харчъ и одежду безплатно. 4) Алумней священническихъ сыновъ въ Унгварѣ, которы посѣщаютъ гимназію и нормальныи школы. 5) Алумней св. Іоанна Крестителя въ Пряшевѣ, где учащіися мальчики получаютъ харчъ и кватиру по умѣренной цѣнѣ. 6) Пансіонъ сиротъ-дѣвочокъ по священникахъ въ Унгварѣ, где сироты получаютъ харчъ, помѣщеніе и воспитаніе безплатно, а не сироты за 150 – 200 злр. годичной платы.

(Прод. посл.)

---

*) См. изобр. на стр. 80.

Дѣти Гаймона

и

Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

II.

Изъ старой, гонтами по стѣнахъ и даху оббитой церкви въ Смеречномъ, ступалъ по раннѣмъ богослуженію парохъ того же села Дуновичъ, и переходилъ помежи узкіи прогоны, которыи вели помежь хаты до приходского дома. Онъ носилъ неотмѣнно плащъ крою семинарского, изъ чорного сукна, подъ шіею упятый а на долъ до колѣнъ чимъ разъ розширяющійся. Неотступный былъ такожь (еще изъ временъ семинарскихъ датующійся) цилиндеръ, въ доли узкій, до горы же сновь росширяющійся. До того были его чоботы угневской роботы, съ паленными холявами, а подъ шіею увязанна хустка фіолетовой краски.

Парохъ Дуновичъ былъ высокій, худощавый, на лици отмѣтены были два сморщки по обоимъ сторонамъ устъ, въ которыхъ сложенію сливался и гуморъ николи не увядающій съ малою примѣшкою добродушной сатиры, а при гуморѣ отпечатлѣніе капелянской нужды и бѣдствій.

„А що?“ пыталъ онъ, вступивши въ приходство, поклавши цилиндеръ и натягаючи домашную чемеру „якъ съ нимъ?“

„Пробудился; но всегда въ горячцѣ, говоритъ непонятныи слова; его первое слово было ‚народъ‘.“

Тіи слова сказала Сидонія, дочь пароха, дѣва въ розцвѣтѣ и въ полнотѣ природной прелести. Она яснѣла якъ Лада въ золотыи колосы увѣнчанна; ясно-золотистый ей волосъ уложенный въ шиньонъ локонный соперничалъ съ бѣлостію лиця, черезъ котору пробивала розовая кровь якъ пурпура черезъ сребрнотканную заслону. Синое карпатское небо отъобразилось въ ей очахъ; якъ чарующая ночь смотрѣла она, а за тою синою нескончененною глубиною жарѣлъ чаръ и полнота чувствъ.

Ей бюфястая сукня изъ попелину въ вкусѣ пестрого рококо, надавала ей видъ пестрой стрекозы, що улѣтаетъ ськользячи по волнахъ жизненныхъ.

Сидонія была окрасою карпатскихъ горъ. На зеленомъ тлѣ урочищъ странно отбивали ей серебристыи кудры. А вѣрное дитя была она тыхъ урочищъ; взросла межи ними, сжилась и не оставляла ихъ безъ любезничанія. Въ свѣжихъ весеннихъ и въ горячихъ лѣтнихъ дняхъ ступала помежь засѣвы жолтого жита, помежь зеленыи луки, сребрноволосая Сидонія; спѣшитъ въ сосѣдній гай. А дальше черезъ кичару надъ береги Сяну и тутъ же любезничаніе съ чарующою природою. А въ парозѣ горскомъ цыганская ватра; подходитъ до дѣвы цыганочка, одна изъ тыхъ романичель, що якъ метеоры перелѣтаютъ изъ однихъ горъ въ другіи. Дѣва пытаетъ о судьбу поневольно. Въ сердцѣ дѣвицы всегда бьетъ желаніе роскрыти будущность. По ворожбѣ слѣдуетъ усмѣхъ и вже дѣва спѣшитъ дальше черезъ луги, пахущіи луки, до отцевского дому, где блекающая череда овецъ вертаетъ изъ пасовиска и где старыи браклены и вербы, окружающіи домъ, такъ довѣрчиво манятъ.

Затымъ вже и готова найтичанка или угорскій кабріолетъ и сребрноволосая княжна ѣдетъ до сосѣдки, брюнетной Славки; наговорилось, насмѣялось, нашепталось и нашутилось много съ подругою отъ сердця и по поцѣлуяхъ розстаются обѣ подруги на верху пращальномъ...

Она была нѣжна а свѣжость и краса замѣтна была въ ей цѣломъ явленію. Незначительная тужливость овѣвала ей усточка а въ душѣ отбивалось ехо скорбящихъ карпатскихъ пѣсней и мелодій.

На вопросъ пароха Дуновича она отвѣчала съ тою заботливостію и теплотою, на видъ которой мы чувствуемъ, що женщина есть всѣмъ въ нашомъ житью, що безъ ней жизнь былабы сухою пустынею, а мы сами среди жизненной бури безъ ніякого покрова.

„Спасенъ будетъ“ говорилъ на то парохъ „еще время; въ саму пору изъ волнъ спасеный.“

Они войшли въ другую комнату. Тамъ спалъ мужчина, которого блѣдое лице отбивало отъ чорного уса и републиканки. У ложа сидѣлъ мужикъ, старецъ о сивихъ долгихъ волосяхъ, въ чиповѣ.

„А що, Гаймонъ?“ поспыталъ парохъ старика.

„Палитъ, палитъ“ говорилъ Гаймонъ „извѣстно кровь; темно стало, и не диво, а еще попасти въ воду... Памятаю и я, похожатъ и я въ боевый огонь молодыми лѣтами; ишлось байдуже, ба, чи байдуже! Такъ смѣло и на медвѣдя никто не пойдетъ. За медвѣдемъ ити, то стягнетъ

такъ человѣкомъ, ажь морозъ пôйдетъ по тѣлѣ, а на кулю то ишлося, якъ въ дымъ! Хоть кули бьютъ а чоловѣка ничь за сердцѐ не стискаетъ, вольно тогды душѣ стаетъ, хоть смерть за плечима. Въ бою не лячно, а зайдетъ же куля ... а, то палитъ, палитъ...“

Уста Евтима тихо через сонъ шептали слова марсиліанки, однакъ слова „любовь свята отечества...“ звучали якъ мольбы наверненного сына.

Ôнъ отворилъ очи; его взоръ блудилъ неопредѣленно. Но въ тôмъ пристали его очи якъ прикованныи при видѣ ясного серафимка, колосыстой Лады; ôнъ смотрѣлъ и любезничалъ, якъ дитя на видъ свѣтилка. Синость неба карпатского ôтбита въ очахъ Сидоніи впилась теперь бальсамомъ въ хорую душу Евтима. — Ôнъ сновь заспалъ.

Солодкое состояніе въ горячой лихорадцѣ. Не желаетъ сержантъ сбудитись изъ того блаженного, безсознательного сна; солодкая горячая дрожь перебѣгаетъ по тѣлѣ. Ôнъ далеко теперь ôтъ свѣта; на удаленныхъ тропинкахъ ступаетъ душа, якбы ôторвалась ôтъ земли; ніякое стремленіе, ніякая жажда не давитъ груди. Душа плыветъ роскошію безъ перепонъ...

Минали дни, а съ ними и Евтимъ верталъ изъ успенія горячкового. Ôнъ часто прибуджался, часто направлялся его взоръ на дѣвичое лице... А коли ночею лишь каганецъ слабо свѣтилъ въ комнатѣ, тогды ôнъ пробудившись видѣлъ у ложа стать плечистого, схиленного старика, мужика, которого тѣнь ôтъ каганця въ великихъ очертаніяхъ падала на стѣну.

* * *

Тыждень проминулъ. Въ домѣ пароха въ Смеречнôмъ смѣнилось немного. Вѣсть прійшла ôтъ замужной, старшой дочери пароха, що ей мужъ въ дорозѣ до Мукачева на Уграхъ ôтъ мадьярской револьтующой шайки, котора смѣнилась въ розбойничую банду и перетягала лѣсы, пойманный и безъ всякого пардону повѣшенный, побôльшилъ рядъ шибеницъ стоящихъ на роздорожьяхъ. Жена попала въ недугу и Сидонія немедленно мусѣла ôтправитись, щобы быти помощною сестрѣ.

Старый же парохъ Дуновичъ заявлялъ теперь необыкновенную жизненность и занятость. Ôнъ частѣйше, чимъ передъ тымъ, натягалъ святочную капоту, убиралъ новыи чоботы угневской роботы, запрягалъ свои подольскіи, еще посажныи кони и выѣзжалъ где то по сосѣдствахъ.

По поворотѣ лице его сіяло, ôнъ затиралъ руки и былъ занятъ всегда якою-то мыслею.

Евтимъ выздоровѣлъ вже на стôлько, що могъ выходити. Но ôнъ замѣтилъ, що ôтъ времени, коли ôнъ вс̂талъ изъ ложа, не было бôльше на приходствѣ того старого мужика, который ночею сидѣлъ при немъ. Ему пригадовалось его лице и его величная стать. Тую стать видѣлъ ôнъ вже гдето, той самъ не много гордый и глубокій взглядъ очей, той самъ чиповъ и темно-понсовыи гайдаверы. Вонь, припоминающая на чаджу, остала конечно въ его памяти...

Погодного дня выйшолъ Евтимъ стежками на положистыи кичары. Ôнъ проходилъ мимо поля, на которôмъ сотки косарей стинали колосыстое море сбожа. Межи ними увивались съ нагайками гайдуки дворскіи и мандаторъ. Но Евтима застановилъ иный видъ.

У журчащой изъ земли керницѣ коло поля сидѣлъ согнувшійся надъ водою косарь селянинъ, смывалъ зъ лиця кровь и прикладалъ сырую землю на тварь.

„Вамъ що?“ пыталъ Евтимъ.

Но селянинъ и не обернулся, лишь поволько вытягнулъ руку за свѣжою глиною и обмывалъ дальше кровь. Такіи вже были они всѣ, тіи панщизнянныи подданцы!

„Кровь? Изъ чого?“ пыталъ дальше Евтимъ.

„Ба!“ отвѣтилъ мужикъ, не обертаючись „не бôйтесь, кобы нагайка, а кровь возьмется уже, хоть бы где!“

И пôдъ нагайкою не оставляетъ карпатского мужика гуморъ. Но Евтимъ не потребовалъ вже бôльше истолкованія; ôнъ видѣлъ, якъ на полю економъ ту саму свою должность сполнялъ съ другимъ мужикомъ, вывиваючи дротяною гачистою нагайкою.

„То дворское поле?“ пыталъ Евтимъ.

„Дворское и божье.“

„А выжь на то ничо?

Мужикъ поглянулъ удивленъ на Евтима.

„Або що? Панщина, то панщина! Чей перебудемъ, то не першина у насъ.“

Съ молчаніемъ пустился дальше Евтимъ. Передъ нимъ станулъ цѣлый Руссо. Ôнъ первый разъ попалъ въ свѣтъ, въ которôмъ ôткрылось ему немаскованное состояніе дѣлъ. И поневоли свернулся ôнъ въ сторону двора, который былъ правдивымъ тираномъ народа.

Вже хотѣлъ Евтимъ вертати въ село, коли почулъ изъ за горы звуки пѣсни. Ôнъ выйшолъ на верхъ горы. Новый видъ представился его очамъ. Тутъ вся зелень сникла изъ земли. Сухіи, каменистыи, жолтыи скалы розтягались передъ нимъ. Сянъ крутился помежь скалы а на убочи стояла на одной пустцѣ хатина, яку ставляютъ на лѣто чабаны, овчари. Она сложена была изъ чорныхъ окопченныхъ лигарôвъ, накрыта дѣравымъ лубомъ изъ смереки и корою изъ липъ; плотъ изъ драницъ огороджалъ хатину а у входа стояла малая телѣга о двохъ колесахъ.

Пôдъ плотомъ надъ берегомъ Сяну лежалъ хлопакъ около десяти лѣтъ, обнявши за шію кудлатого овчарского пса. Той хлопакъ спѣвалъ пѣснь; а спѣвалъ ею такъ, якъ лишь спѣваютъ уроженцы горъ, изъ полной груди, сильнымъ звонкимъ голосомъ, якъ бы всѣ горы мали стрепенутись и сровнатись пôдъ силою той пѣсни.

„Нѣтъ“ подумалъ Евтимъ „такая пѣсень муситъ зъ свободной груди плысти, не зъ неволи.“

Но измѣнился тонъ; прорвалась нута урывчива а слѣдовала тужливая, молящая мелодія, мягкая плачущая пѣснь, котора часто повтарялась: „Ой тамъ въ гаю цвитетъ зѣлья, и вянетъ во гаю. — Маю батька, маю неньку, а воли не маю...“ Странное чувство овладѣло Евтимомъ. Тая мелодія? Въ колыбели своей чулъ ôнъ той напѣвъ, лице якоето согнуто надъ колыбелею спѣвало тую тужливую мелодію... Все забывается, но пѣснь колыбельная яко солодкое воспоминаніе неизгладима, безсмертно жіетъ въ нашой памяти цѣлую нашую жизнь...

(Прод. посл.)

Дръ Францъ Миклосичъ
и
Дръ Емиліянъ Калужняцкій.

(Продолженіе).

Въ періодичнôмъ изданію: „Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. B. XXX. Wien 1880,« напечатано было розсужденіе пôдъ заглавіемъ: „Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpathen.“ Лишь невеликая часть того розсужденія, дотычащая румунского елемента въ областяхъ: далматинской, сербской и хорватской, составлена Миклосичемъ; прочій матерьялъ и подробнѣйшій очеркъ историческій: „О Румунахъ на области малорусской“, поданый Дромъ Емиліяномъ Калужняцкимъ.

Розсмотриваючи въ своимъ очерку сношенія сосѣднихъ елементôвъ, румунского и малорусского, и поддерживаючи свои утвержденія лингвистичнымъ матерьяломъ, приходитъ Дръ Калужняцкій къ заключенію, що Румуны, начавши съ XIII столѣтіемъ и въ продолженію XIV, XV и XVI столѣтій, яко воины, политическіи емигранты, торговщики, а предовсемъ яко овчари, дали начало многимъ поселеніямъ на нынѣшной галицкой области, що дальше осадьбы тіи, возникшіи не однимъ разомъ и безъ територіальной связи, съ временемъ слялись вполнѣ съ мѣстнымъ малорусскимъ населеніемъ; въ настоящую пору лишь названія посе-

леній, горъ, лѣсôвъ, потокôвъ, рѣкъ и поодинокіи, до теперь употребляемыи слова, указуютъ на колишній побытъ Румунôвъ въ такихъ мѣстностяхъ

Упомнувши о событіяхъ, пособствовавшихъ колонизаціи Румунôвъ въ области теперь галицкой, а именно о годахъ 1388 и 1411, коли Покутье припало въ заставъ Молдавіи, и о продолжительныхъ войнахъ межи польскими королями и молдавскими господарями, приводитъ авторъ яко головнѣйшіи причины возроста колонизаціи въ XVI столѣтію, такожъ слѣдующіи обстоятельства: 1) Широкіи простраии, покрытыи лѣсами и незаселенныи привлекали переселенцевъ надеждою богатыхъ плодôвъ; 2) На горахъ и ровнинахъ перебывали многіи румунскіи овчари и хлѣборобы, которы, не снайшовши обезпеченія въ Угорщинѣ или Молдавіи, радо переселялись въ Галичину, где во виду постоянно возникающихъ новыхъ поселеній, могли найти безпечное прибѣжище.

Такіи мѣстности, привлекавшіи румунскихъ переселенцевъ, были надбережныи стороны Сяну и горного Днѣстра, тоже Стрыя и Ломницы. Авторъ выражаетъ положительное мнѣніе, що бôльшая часть поселеній, осадженныхъ вокругъ Турки, Борыни, Тухли, Скольного, Болехова, Долины и Калуша, могутъ быти зачислеными въ рядъ „волошскихъ поселеній“; они возникли въ продолженію XV и XVI столѣтій, не были они однакъ исключно румунскими. Напротивъ думаетъ авторъ, що лишь тіи поселенія можно исключно румунскими считати, которымъ приданъ епитетъ „волошскій“, якъ: Короликъ волошскій, Тырава волошская, Камѣнка волошская, Кобыльниця волошская, дальше осадьбы о названіяхъ; Волоща, Волощина, Волохи, Волошинова, Волосянка и пр., а наконецъ осадьбы, которыхъ начало румунское историческими жерелами зазначено, якъ Болеховъ и Ступниця. При прочихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ поставити яко мѣстныхъ сожителей Малоруссôвъ, Мазурôвъ и пр.

При очерку наведены названія такихъ поселеній, которыхъ румунское начало или историческими жерелами или иными обстоятельствами подтверджается. Наконецъ слѣдуетъ цѣлый рядъ слôвъ, происхожденія румунского, употребляемыхъ и теперь еще нашимъ народомъ. Слова тіи ôтносятся въ бôльшой части къ жизни овчарей; одни изъ тыхъ слôвъ суть чисто румунского происхожденія, иныи перейшли тутъ посредствомъ Румунôвъ изъ Персіи, Турціи, вообще Востока, наконецъ розличаются слова славянского корня, которы однакъ формою своею указуютъ на заимствованіе изъ румунского. Во виду того, що объясненіе и происхожденіе тыхъ слôвъ представляетъ для насъ не малый интересъ, наведемъ тутъ важнѣйшій изъ нихъ:

Адзимка = ощипокъ, зъ румунского: adima, въ значенію малорусск. „плацокъ“, (греч: ἄζυμος). — Анталъ, анталокъ = боченка на вино, рум. antal.—Арбузъ = рум. harbud. — Аренда = наимъ, рум. arinda. Арендарь, рум. arindariu. — Бальмусъ = у Гуцулôвъ и Буковинцевъ: родъ мамалиги съ сметаною, рум. balmus. — Бановати = тосковати, рум. a banui, тогожь значенія. — Барда = широкая сокира, рум. barda. — Басаманъ = лента, пасъ, рум. basmea. — Бербениця = малая боченка на бриндзю, рум. barbiuta. — Бетега = у Гуцулôвъ и Буковинцевъ: недуга, рум. beteag, недужный. — Борсукъ = рум. borsuq. — Бовгарка = польная кошара на волы, рум. bouaria. — Бриндза = овчій сыръ, рум. brinda. — Бунда = верхная грубая одежь, рум. bunda. — Бундзъ = въ старыхъ актахъ: „сыръ волошскій“, рум. buntu. — Бырки, берульки = молодыи ягната, посредствомъ Румунôвъ зъ турецк. bere. Хорбуры = хребетъ, рум. horbura. — Цундравый = порванный, рум. tundra, одежъ кудластая.— Чердакъ = крыша, хата, рум. cerdac. — Чипнаръ = зъ рум. роздѣляющій напой. — Чобанъ = овчарь рум. cioban, тогожь значенія. — Чеканъ, чоканъ = рум. ciocan, тогожь значенія. — Дора = у Гуцулôвъ и Буковинцевъ: священная пасха, рум. dora.— Дзеръ = серватка, рум. dar. — Дзигерай = катаръ, лишь у Гуцулôвъ, рум. digaraiu. — Фанта = одежь, рум. или мад. происхожденія. — Фацарный = злобный, рум. fatarnic. — Фицигати или фицкати, рум. a fitii. — Фердиль = $^1/_4$ корця, рум. ferdela. — Ферфелити = падати, насыпати (снѣгъ), рум. a firfili. — Филь = коло Жабья: семья, рум. fil или fiiu, сынъ. Флекевъ = у Гуцулôвъ и Буковинцевъ: юноша-женихъ, рум. flecau. — Флоара = сопѣлка, рум. fluier. — Фортуна = у Гуцулôвъ и Буковинцевъ: непогода, рум. fortuna, тогожь значенія. — Фудулія = надменность, рум. fudulia. — Фудулитись = гордитись, рум. a se fuduli. — Гайда = нездарный песъ, рум. haita. — Галамгати = плести безмысленницы, рум. a galagi. — Гавцунъ = великій горнецъ, рум. gavan. — Гога = змія, въ Коссовскôмъ, рум. goga. — Грунь = у Гуц. и Букови.: горбокъ, рум. gruin. — Гадра, гидра = сварливая жена, рум. hidra. — Гармасаръ = конь, рум. harmasariu. — Гергевъ = горнецъ къ варенію мамалиги, рум. hardau. — Гіаба тоже гляба = даромъ, невозможно, рум. giaba. — Гойсъ — Ча! Покликъ къ воламъ, щобы ихъ на лѣво или право повернути: рум. hoisa! ceala! Мѣстцями взываютъ: Гойсъ-боу! Ча-боу! отвѣтно румунскому: hoisa bou! ceala bou! Впрочемъ: собъ! цебе! — Гуцулъ = вѣроятно зъ рум. hotul, мужественный легинь, опрышокъ. — Качулея = головка маку, рум. caciula. — Каманакъ = у Гуц. и Бук. шапка, рум. comanac. — Канчурья = стряпы, въ Калушскôмъ, рум. tanturi. — Каруца = конный возъ, рум. caruta. — Киптаръ = безрукавный кожушокъ, рум. chieptariu. — Клебана: капелюхъ съ широкими крысами, рум. clabana. — Кочерга = рум. cociorva, — впрочемъ: качуба. — Кучма = рум. cusma — Курманъ = веревка, рум. curmein. — Левъ = у Гуц. и Бук.: одинъ злр. рум. leu. — Левада = лука, рум. livada. — Локъ = нива, рум. loc. Май = слово, употребляемое часто и безъ блисшого правила, лишь у Буковинцевъ, (пр. вы май бôльше, май меньше знаете, вы май прійдете), отвѣчаетъ румунскому mai. — Малай = рум. malain. — Мамалига = рум. mamaliga. — Марфа = товаръ, лишь у Бук. Рус.; рум. marfa. — Марга, маржена — скотъ, рум. marga. — Мерендя = провіянтъ, рум. merinde. — Мерендзати = ѣсти, ôтжувати, рум. a merinda. — Нанашъ, нанашка = рум. nanas. — Неня, ненька = мати, рум. nana, старшая сестра, а то послѣдное изъ турецк. nene, мати. — Партъ = судьба, участь, у Бук. Рус., рум. parte, часть. — Плай = стежка на горахъ, рум. plaiu. — Прейда = добычь, рум. prada. Прашувати = зъ рум. a prasi, и сапати зъ рум. a sapa, копати. — Путна, путня = рум. putina. — Путера, путира = власть, сила, рум. putere. Путерный = сильный, рум. puternic. — Раманда и рамата = лохмотье, рум. происхожденія. — Тогожь происхожденія здаются быти: рантанка, рвучій ручай, рьянда, подертая одежь, ретезь, риндза, дальше: — Рипа = утесъ берега, рум. ripa. — Салашъ = овчарская кошара съ колыбою и комарникомъ, рум. salas. — Саманати = быти похожимъ, рум. a samana. Самараты = насувающіися хмары, рум. posomorit русс. пасмурный. — Сарака = достойный соболѣзнованія, состраданія, рум. sarac. — Сегельба = розчищенный на пашню лѣсъ, рум. sehelbe. — Сокотачъ = сторожъ, рум. socotaciu. — Сокотити = надзирати, рум. a socoti. Спиндзъ полонинскій = родъ горского ростѣнія, у Гуц. зъ рум. spindu, helleborus viridis. — Спуза = жарющій пепелъ, рум. spuda. — Стемпиратися = воздерживатись, рум a se stimpera. — Струнка = малое отверстіе въ стѣнѣ кошары, которымъ овцы поодиноко къ доенію впущаются, рум. strunga. — Сигла = у Гуц. и Румун. лѣсъ на горѣ, въ прочихъ сторонахъ Галичины

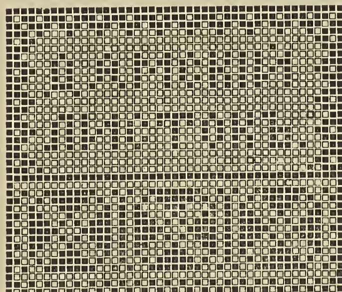
вообще выше положенная лука съ лучшою травою, рум. silha, лат. silva. — Шкамъ = тонкая волна, рум. scama. — Шопра = шопа, рум. sopron. — Таркатый = пестрый, рум. tarcat. — Тяръ = по правдѣ, на дѣлѣ, рум. chiar. — Тобѣлка = кобеля, рум. ta bilca. — Токма = договоръ, рум. tocmala. — Токмитися = погодитися, рум. a se tocmi. — Торонко — богато, вѣроятно рум. или мад. происх. — Трим бита = великая, пастырская труба, рум. trimbita. — Вакарь = пасущій коровы, рум. vacariu. — Варе = чи? (варе прійдешь? = чи прійдешь?) рум. oare. — Ватагъ = рум. vatav. Венитъ = взыскъ, доходъ, рум. venit. Вура, гурда (молоко гурдится) = рум. urda. — Згарда = нашійникъ зъ монетъ, рум. zgarda

(Прод. посл.)

Александеръ Духновичъ.

(См. порт. ст. 77.)

Подаемъ тутъ портретъ одного изъ первѣйшихъ писателей и дѣятелей Угорской Руси, о которого жизни поданы будутъ свѣдѣнія въ продолженію очерка: „Угорская Русь.“



Искуственныи цвѣты.

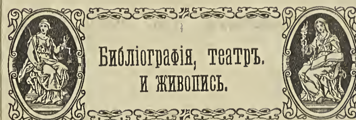
Нѣмеччина есть тою стороною, котора во всѣ прочіи державы европейскіи и позаевропейскій высылаетъ годично масы искуственныхъ цвѣтôвъ, становлящихъ въ продажи товаръ, для женщинъ такъ пожадаемый. Съ Нѣмеччиною соперничаютъ тутъ лишь Хины съ своими древними бароковыми взорами и Бразилія, где изъ перъ изготовляются чрезвычайно искустныи и прехорошіи, но разомъ и не дешевыи цвѣты.

Въ Нѣмеччинѣ идетъ годично изъ изготовленія и продажи такихъ цвѣтôвъ, въ оборотъ сумма 30 миліонôвъ марокъ. До выдѣлки цвѣтôвъ употребляется въ настоящую пору во Франціи и Нѣмеччинѣ не паперъ, лишь тканныи штофы и газы. И тутъ принороввляется принципъ роздѣленія роботы. Поодынокіи фабрики изготовляютъ лишь такіи или другіи сорты цвѣтôвъ; одна фабрика изготовляетъ самыи рожи, другая леліи, траву, пальмовыи листья, а суть рукодѣльни, которы доставляютъ самыхъ складовыхъ частей цвѣта, якъ цвѣтныхъ прутиковъ, стебла, дроты, крашенныи матеріи или листья.

Въ фабрикахъ листьевъ выходятъ самыи хорошіи вздѣлія. Отвѣтнымъ матричнымъ снарядомъ вытискаются листья въ ихъ природнômъ видѣ, послѣ выглаждаются и закрашаются. Оттѣни на листьяхъ, надающіи имъ такъ жизненный видъ, изготовляются ручною живописью. Нѣкоторыи фабрики занимаются выдѣлкою стеклянныхъ перелъ, которы при цвѣтахъ употребляются яко капли росы.

Выдѣлка искуственныхъ цвѣтôвъ идетъ слѣдуюшимъ способомъ: сложенныи уже изъ частей цвѣты вкладаются въ бôльшіи сосуды покладами. Каждый покладъ пересыпается сухимъ пѣскомъ. Сосудъ съ такими покладами стоитъ нѣсколько дней въ горячой печи, вслѣдствіе чого изъ цвѣтного штофа вся волгкость уступаетъ. Штофъ пабираетъ черезъ то прочности; цвѣты послѣ того еще разъ закрашаются и высылаются къ продажи.

По свѣдѣніямъ Плинія изобрѣтены были искуственныи цвѣты въ Египтѣ 600 г. пер. Христ.; Хинчики изготовляли въ 3 стол. п. Хр. хорошіи цвѣты, въ Европѣ же стала выдѣлка цвѣтôвъ искуствомъ доперва въ XV ст. въ Италіи. Цвѣты приняты были французскими дамами и ôтъ XVII столѣтія промыслъ той процвиталъ во Франціи. Доперва ôтъ памятного для Франціи года 1870 слѣдовало паденіе цвѣтного промысла во Франціи а возростъ его перейшолъ въ Берлинъ.



„Русской Библіотеки“ издаваемой Ив. Пелехомъ, выпуски II и III за мѣсяцы Февруарій и Мартъ, содержатъ продолженіе романа Г. Данилевского п. з. „Мировичъ“. Подписная цѣна на „Русскую Библіотеку“ выноситъ 2 злр. 40 кр. въ годъ за 12 ежемѣсячныхъ выпускôвъ.

„Исторія руского церковного пѣнія. Порфирій Бажанскій, священникъ. Львôвъ. Изъ тип. Став. Института. 1880.“

Славянскіи музычныи мотивы. (Продол.) Н. Лисенко. Сборникъ укр. пѣсень. Четвертый выпускъ. Ц. 3 руб. — Пѣсни историческіи: 1) Про Нечая. 2) Про Харька и Гнатка. 3) Про Татарскій полонъ. 4) Про Михайла. 5) Про Добуша опрышка въ Галичинѣ. 6) Про голоту. 7) Ой въ городѣ на ростоцѣ. 8) Та на бѣду на горе козакъ уродился. 9) Ой пили, пили козаченьки. 10) Ой на горѣ огонь горитъ. 11) Гей шпоритъ по дорозѣ. 12) Ой у Кіевѣ. 13) Гей у степу керниченька. 14) Та запилъ чумакъ. 15) Идетъ чумакъ у дорогу. 16) Охъ и я зъ горя та зъ печали. Пѣсни уличныи: — 17) Улиця гудетъ гей, где козакъ идетъ. 18) Ревутъ воды, шумлятъ лозы. 19) Ой зъ за горы зъ за крутой. — Пѣсни семейныи: — 20) Побратался соколъ съ зиценькимъ орломъ. 21) Ой зъ за горы та буйный вѣтеръ вѣетъ. 22) Та колибъ мати знала, що то за досада. 23) Ой добрая годиненька. Пѣсни про горе и любовь: — 24) Ой чи воленька ты, чи неволя. 25) Ростетъ зѣлья та и у кучеры вьется. 26) Ой тамъ за горою та за кремѣнною. 27) Та нема гôршь никому, якъ той сиротинѣ. 28) Що сегодня я тутъ. 29) Ѣдужь бо я, ѣду, коня попасаю. 30) Ой ты мѣсяцю. 31) Счастливому по грибы ходити. 32) Ой мала я два садочки. 33) Гиля гиля сѣры гусы на тихую воду. 34) Плынетъ качоръ по Дунаю. 35) Бескиде зеленый. 36) Чомъ чомъ не прійшолъ.

ОТЗЫВЪ.

Желаючи исполнити вложенную на насъ статутами Общества им. Михаила Качковского обовязаность: роспространяти межи русскимъ народомъ въ Австріи просвѣщеніе, утверджати его въ прадѣдной вѣрѣ и обрядѣ, возбуджати въ немъ любовь къ своей народности и тымъ приводити его къ гражданскому самосознанію и къ улучшенію матеріального положенія — центральный выдѣлъ Общества им. М. Качковского обращается къ всѣмъ благомыслящимъ Патріотамъ съ просьбою о дальшую ревную поддержку интересôвъ Общества и въ текущômъ 1891 году.

Прежде всего обращаемся съ просьбою къ духовнымъ Отцямъ нашего народа, щобы они своимъ примѣромъ и словомъ заохочали своихъ прихожанъ до якъ найчисленнѣйшого вступленія въ членьі нашого Общества и тымъ содѣйствовали такъ роспространенію изданій Общества, якъ и матеріальному благосостоянію того же.

Обрашаемся также и къ Братьямъ-Селянамъ съ зазывомъ, щобы они громадно вступали въ члены, а всѣ члены щобы (въ силу §. 12, точка 11 статутôвъ) старались пріобрѣтати якъ найбôльше новыхъ членôвъ Обществу.

Братья! Чимъ для Васъ наше Общество, о тôмъ знаютъ и свои и чужіи, такъ якъ оно въ теченію своего 17-лѣт-

ного существованія съ найбôльшимъ усердіемъ роспространяло просвѣщеніе, несло грамотность пôдъ бѣдныи селянскіи стрѣхи, учило постоянно гражданского сознанія, твердости, ощадности и трудолюбія, и дѣйствовало всегда въ духѣ любви къ нашой народности и преданности къ нашой русской церкви. И кто же изъ истинно русскихъ патріотôвъ не сочувствовалъ бы такимъ стремленіямъ Общества и не вступалъ въ его члены? Центральный Выдѣлъ надѣется, що нынѣшній его голосъ не будетъ гласомъ вопіющого въ пустынѣ, а напротивъ принесетъ якъ найблистательнѣйшіи успѣхи.

Членскій вносъ за цѣлый годъ выноситъ всего 1 зр., ôтъ новыхъ членôвъ побирается вписовая належитость въ сумѣ 20 кр.

Ôтъ центр. выдѣла Общества им. М. Качковского.

Во Львовѣ, 11 (23) марта 1891.

Б. А. Дѣдицкій. председѣдатель. *И. Н. Пелехъ.* секретарь.

СИЛЛЯБОВАЯ ШАРАДА.

а, а, а, а, аль, ан, ан, ба, бам, берг, берс, бо, бо, бѣ, бу, буд, ве, вѣ, ви, вир, ги, да, да, дан, ди, ді, е, е, е, е, еб, ел, жа, жеш, жу, и, и, и, гил, ил, ка, ко, ко, кол, лес, ли, лик, ло, маз, мант, мо, на, на, на, не, не, не, ні, ні, ні, нов, нѣ, но, нѣ, о, о, о, об, ор, пар, по, пол, раб, рах, рав, рас, рок, роз, рон, ра, ри, ро, ро, ри, ри, ри, сепс, стол, та, те, те, ти, у, фа, фри, чач, че, я.

Изъ выше наведенныхъ частей слѣдуетъ сложити 37 слôвъ, которыхъ початковыи буквы, читанныи изъ горы въ долину дадутъ намъ одну, а кôнцевыи, читанныи тоже изъ горы въ долину другую народную пословицю.

Значенія слôвъ: 1) Римскій императоръ. 2) Третій падежъ одного женского имени. 3) Дорогій камнь. 4) Римскій поетъ. 5) Въ нѣкоторôмъ значенію то само, що: двѣ. 6) Извѣстный нѣмецкій романописатель. 7) Снарядъ господарскій. 8) Житель одного азіятского полуострова. 9) Французскій императоръ. 10) Дорогій камнь. 11) Великорусскій поетъ. 12) Польская писательница. 13) Роздѣленіе въ православной церквѣ. 14) Той ростетъ въ нашихъ огородахъ. 15) Водное животное. 16) Женское имя. 17) Строитель Суесского перекопа. 18) Выраженіе музычное. 19) Ученикъ Христа. 20) Системъ религійный. 21) Рѣка въ Сибиріи. 22) Народное собраніе. 23) Дается чувствовати въ зимѣ. 24) Извѣстный италіанскій живописецъ. 25) Богини мести. 26) Выраженіе, наслѣдующое паденіе якого предмета. 27) Римскій богъ. 28) Городъ въ Баваріи. 29) Рѣка въ южной Америцѣ. 30) Городъ на Подолью. 31) Того глядаютъ поеты и залюбленныи. 32) Имя мужеское. 33) Рѣка въ Испаніи. 34) Бôльшая птиця. 35) Третій падежъ женского имени (поставленного выше пôдъ числомъ 16). 36) Ночній ссущій звѣръ. 37) Часть свѣта.

Толмачевъ.

МЕТАМОРФОЗНЫЙ АКРОСТИХОНЪ.

пасторъ
лиликъ
сало
крамъ
митра
опора
концептъ
грѣхъ
сода
стонъ
корнетъ
король
омега
баронъ
локай
турокъ

Въ кождôмъ изъ тыхъ слôвъ слѣдуетъ смѣнити лишь одну изъ буквъ, (вслѣдствіе чого повстануть новыи слова съ смѣненнымъ значеніемъ), а тіи новопоставленныи буквы дадутъ намъ заглавіе одного изъ новѣйшихъ сочиненій Льва Н. Толстого.

Юл. Игн. Дзер.

Съ нынѣшнимъ числомъ розсылается цѣнникъ торговли Баллабана во Львовѣ.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 8. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Цвѣтня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня каждого мѣсяця въ обьемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

ТОВАРИШЪ.

Розсказъ I. Верхлицкого.

(Переводъ изъ чешского.)

(Конецъ.)

Дотепъ той наименьше понравился Швенку; ôнъ толкся изъ одного мѣстця на другое. Я замѣтилъ тоже, що судья Роденъ бôльше обращалъ вниманія на насъ, собственно на Минну, чимъ на кругольню. Швенко наконецъ присѣлъ при однôмъ бочнôмъ столѣ, и въ молчанію уничтожалъ одно сигаро за другимъ, съ мужественностію старого табачника.

Въ коротцѣ розговоръ сновь притялся.

„Начнѣмъ якую общественную игру" предлагалъ адьюнктъ.

„Ахъ, то уже чрезмѣрно обычное" отвѣчалъ почтовый официалъ Ейзельтъ, который, якъ то я замѣтилъ, старался, адьюнкта Гальма высадити изъ его сильного становища въ симпатіи Минны, и по той причинѣ постоянно изъ опозиціи супротивлялся Гальму.

„Мнѣ прійшло що иного на гадку" продолжалъ официалъ. „Мы тутъ становимъ майже заключенное общество. Заранжуемъ отже — живыи картины! Все ровно – що они будутъ представляти, лишь полно фантазіи. Руины и дерева даютъ свѣтлый пейсажъ—" Ôнъ нѣ могъ докончити. На всѣхъ лицяхъ видно было, якъ неловкимъ явилось тое предложеніе. Минна ôтвернулась съ презрѣніемъ ôтъ Ейзельта, мужчины и дамы обмѣнялись много значительными поглядами и улыбались — особенно же взволнованымъ былъ адьюнктъ Гальмъ. Официалъ по видимому повредилъ собѣ и то сильно повредилъ.

СИЛЬГУЕТЫ.

Куда иду, а ту иду,
Всюда си спѣваю,
А якъ прійду до домоньку,
Сяду тай — читаю.

Новая Коломыйка.

„Живыи картины! Якъ старомодно!" говорилъ саркастично адьюнктъ.

„Швенко, посмотри, готова-ли наша каретка, мы ѣдемъ!" рѣшила Минна.

„Якъ-же, почтенная, уже? Уже?" роздалось вокругъ, що найменьше, десять голосôвъ.

„Готовъ!" закликалъ кто-то въ кругольнѣ, „баста и конецъ! Роденъ все забралъ, то понятно само собою."

„И вы еще съ нимъ начинаете игру!" сказалъ иный.

„Платити!" взывали сновь при инôмъ столѣ.

„Мы играемъ еще сами дальше!" предложилъ изъ нова кто-то.

Не было уже въ обществѣ ни Родена ни Швенка. Послѣднiй поспѣшилъ вѣроятно поглянути за каретою, Роденъ же — я наблюдалъ за нимъ — кинулъ флегматично весь выгранный грошъ, хлопаку кругольному въ капелюхъ, и послѣ поспѣшно выйшолъ въ лѣсъ, начинавшійся за руинами.

Общество розойшлось. Я держался всегда такъ, щобы быти незамѣтнымъ. Я пустился умысленно изъ стежки въ иную сторону лѣса. Наразъ найшолся я

въ свободной его части, изъ которой розлягался видъ на цѣлую окрестность.

Сквозь зеленыи вѣтви производило солнце у моихъ ногъ цѣлый рядъ взорбвъ, перстеней и сѣтей. Въ долѣ, на дорогахъ перетинающихъ засѣвы, пестрѣли уборы мѣстныхъ селянокъ, якъ яскравыи польныи цвѣты. На пасовиску блестѣли въ горячи солнечной великіи камни и лишь по временамъ мотыль съ пурпуровыми крыльми перелѣталъ изъ одного цвѣта на другій.

Вздолжь стежки ведущой въ долину, двигались оставшіи изъ нашого общества. Темныи одежи мужчинъ отмѣчались на тлѣ сочистой зелени, ясныи тоалеты дамъ и ихъ червоныи парасоли вились якъ пестрая лента вокругъ высокихъ ялицъ, стоявшихъ по обомъ сторонамъ стежки. Я познавалъ поодинокіи лица: адъюнктъ Гальмъ летѣлъ побѣдительно на челѣ, официіалъ Ейзельтъ урывалъ въ нѣмомъ огорченію бодаки по дорозѣ. Каретка уже стояла на долинѣ. Минна отъѣхала въ сопроводѣ своего покоренного мужа, которого она по видимому не любила, а который закрывалъ свою семейную недолю то богатствомъ, то ровнодушіемъ въ ей присутствію, то говорливостію и веселіемъ въ минутахъ, коли самъ безъ ней являлся межи людьми.

Я не могъ не думати теперь о судьбѣ, котора съ нами такъ шутитъ. Той Швенко, якій то былъ добрый, непосѣдющій весельчакъ! Много обѣщающая будущность лежала передъ нимъ. Его вниманіе было всегда обращено на многіи розличныи, даже далеко лежащіи предметы и вопросы, его сужденіе было неоднократно страннымъ, но всегда интереснымъ, бьющимъ. Была то хитренная, быстрая голова, якъ бы рождена на то, щобы межи людьми играти роль. И що выйшло изъ него? Малогородскій бесѣдникъ, который и своимъ выбирателямъ не заимпонуетъ, шутникъ, которого лишь одно явленіе его жены побѣджаетъ.

А Минна, къ которой мы передъ лѣтами, якъ къ богинѣ красоты и граціи смотрѣли? Краса и теперь еще у ней, но грація поникла уже разомъ съ юностію. Героиня аматорскихъ представленій, производителька огненныхъ прологбвъ, поетическая мечтательница, — она нынѣ въ состоянію цѣлую годину розводитись въ розговорѣ о книдляхъ, быти владѣтелькою въ бтношенію къ своему мужу, быти разомъ и ровнодушною для своихъ дѣтей, а вообще являтись вялою, якъ цѣлый кружокъ, въ которбмъ бтъображается повседневная жизнь тыхъ людей. А Роденъ? Загадочный — — —

„Такъ развлекаемся мы кождой Недѣли“ сказалъ якій-то голосъ за мною. „Лѣтомъ тутъ еще выносимо; природа, полна милосердія, украшаетъ нашу скуку рамами своихъ прелестей, но зима! Страшно подумати! Скука!“ Былъ то судья Роденъ, который теперь передъ мною стоялъ, указуючи рукою на прелестную околицю, котора якъ-бы усмѣхалась въ лучахъ западающого солнця. Роденъ лежалъ былъ именно где-то вблизи и читалъ книгу, зачувши однакъ, що я въ ту сторону лѣса зайшолъ, приблизился до мене. На его лицѣ виднѣлъ постоянно выразъ резигнаціи.

„Быти можетъ, оно на дѣлѣ не такъ страшно“ отвѣчалъ я. „Думаю, и сельская жизнь маетъ свои прелести и не есть може такъ не утѣшительною, якъ то вы, вѣроятно зъ уваженія для великогородского жителя, представляете.“

„Противно! Дѣло стоитъ бблыше безнадежно, чимъ вы думаете“, говорилъ дальше Роденъ. „Вы смотрѣли на тую жизнь лишь одну минуту, прійдѣтъ однакъ тутъ на цѣлый годъ, на два—тогды иначе будете говорити!“

„Вы уже идете въ городъ?“ спросилъ я Родена.

„Такъ.“

„Чи могу васъ сопроводжати?“

„Буду весьма благодарнымъ.“

„Чи не мѣшаю вамъ въ вашбмъ улюбленнбмъ уединенію.“

„У мене уже полно того уединенія!“

Мы съ начала шли въ молчанію черезъ лѣсъ.

„Швенко несчастливъ въ своимъ сопружествѣ“ началъ я розговоръ.

„Очевидно нѣтъ, и никто не былбы счастливъ съ Минною.“

„И вы нѣтъ?“ пыталъ я рѣшительно.

„Я найменьше.“

„А однакъ вы любите Минну?“

„Бтъ дватсяти лѣтъ я люблю ею.“

„Якъ то случилось, що она, тая гордая обожаемая Минна, стала женою Швенка! И якимъ способомъ прійшолъ Швенко къ такому имѣнію? Того не понимаю.“

„Вамъ-же извѣстно, що у Швенка была богатая тетка.“

„Бнъ отже наслѣдилъ?“

„То нѣтъ, но бнъ таки получилъ ей имѣнье.“

„Вы возбуджаете мою любопытность“

„О тбмъ много говорятъ, а однакъ сомнѣваюсь, скажетъ-ли вамъ кто полную правду, по тому именно, що никто не знаетъ той послѣдной.“

„Вы знаете?“

„Мене занимало то дѣло чрезвычайно и я за всякую цѣну рѣшилъ, узнати правду. Я по части и былъ управненъ къ тому, такъ якъ я былъ съ нею обрученъ.“

„Вы — съ Минною обручены?“

„Такъ. И свадьба былабъ послѣдовала, но тутъ умираетъ тетка Швенка! Она оставила завѣщаніе, полное противорѣчій, и дѣло прійшло передъ судъ.“

„Начинаю понимати —“

„О, того вы недогадаетесь“ отвѣчалъ Роденъ „дѣло стояло иначе.“

„Но я зналъ всегда, що старый президентъ, отецъ Минны, былъ интригантомъ.“

„Такимъ сдѣлали его обстоятельства. Для него иного выхода не было. Его привело къ безвыходному положенію удержаніе семьи и прежніи долги. Среди такихъ обстоятельствъ прійшло дѣло наслѣдія Швенковой тетки. Президентъ припомогъ своимъ вліяніемъ Швенку къ полученію наслѣдія.“

„И Швенко одружился изъ благодарности съ Минною? Ну, такъ хорошо!“

„Такъ скоро и просто, якъ то думалъ старый президентъ, не пойшло. Швенко николи не любилъ Минны, хотяй говорилъ ей любезности, якъ прочіи молодыи люде въ городѣ. Бнъ бтклонилъ предложеніе президента прилично но рѣшительно.“

„Тогды малъ уже наслѣдіе въ своихъ рукахъ?“

„Такъ. Но старый Ердлингенъ намѣрилъ за всякую цѣну перевести свбй планъ. Якъ я узналъ, было тогды его положеніе чрезмѣрно уже безвыходнымъ, — мусѣло затымъ сбытись по его волѣ. Ишла поголоска уже о комиссіи, котора должна была явитись изъ Праги, — была послѣдная пора, полагодити нѣкоторыи непріятныи грошевыи дѣла.“

„Швенко отже согласился.“

„То нѣтъ! Но бнъ былъ просто пойманъ, досыть неловко пойманъ разомъ съ своимъ имѣньемъ. Вы замѣтили може тревожное движеніе, вызванное предложеніемъ Ейзельта дотычно „живыхъ картинъ?“ Ейзельтъ тутъ не долго, не знаетъ отже минувшости, и произвелъ своимъ предложеніемъ неизлѣчимое смятеніе. — Вы пригадуете собѣ безъ сомнѣнія, що у Ердлингербвъ частѣйше собирались въ полуденной порѣ общества. Швенко приходилъ тамъ и выходилъ, якъ у себе въ дома, и велся крайне неосторожно. Разъ были именно представлены „живыи картины.“ Минна, тогды полно розцвившійся цвѣток, была якъ всегда, средоточіемъ собравшогося кружка. Швенко былъ аранжеромъ. Я не пригадую собѣ уже, при которой картинѣ то сбылось, досыть — поведеніе Швенка было до той степени довѣреннымъ, що бнъ поцѣловалъ рамя Минны. Наконецъ принадлежало то и къ представленію картины, неоспоримо однакъ ухватилъ его президентъ, смотрѣвшій за нимъ, на тбмъ событію, потягнулъ его послѣ секретно въ сосѣдную комнату, и по горячбмъ но тихбмъ розговорѣ,

представилъ того-же еще вечера Швенка и свою дочерь обществу яко обрученныхъ. Двѣ седмицы послѣ того, по сбывшойся свадьбѣ, была честь президента спасена. Комиссія уже не являлась и Швенко началъ романъ, которого одну часть вы нынѣ мали случайность познати."

„Слѣдовательно я могу предполагати, що Минна знала о тômъ цѣлômъ начинанію" примѣтилъ я.

„И я такъ думаю. Минна доперва по свадьбѣ явилась въ своимъ правдивômъ свѣтлѣ. Но не говорѣмъ уже о тômъ. Повѣрьте мнѣ — еслибъ она на дѣлѣ была невѣрною своему мужу — то былобъ еще понятно, но тое пустое, безцѣльное кокетничаніе, примѣромъ, съ Гальмомъ, той цѣлый дворъ паразитôвъ вокругъ ей особы, того не понимаю, то для мене отвратительнымъ, просто банальнымъ."

„Простѣтъ, друже" сказалъ я, „но вы таки любите Минну."

„Я мушу. Розсуджаючи, якъ бы то не было, я вижу, що такъ, якъ сбылось, добре сбылось. Швенко принесъ Миннѣ по крайной мѣрѣ имѣнье, она можетъ удовлетворити своимъ желаніямъ а Швенко на все соглашается. Якихъ-либо недоразумѣній межи ними нѣтъ. Швенко выговорится по за своимъ домомъ въ нашихъ кружкахъ. Еслибъ то припало мнѣ или иному изъ насъ, мусѣлобъ довести до семейной драмы, но у него есть то повседневную прозою, въ которой можно ôтдыхати — якъ, того не пытайте"

„И вы нѣмымъ свидѣтелемъ того всего? Чому по крайной мѣрѣ не стараетесь о перенесеніе въ иный городъ."

„Доброе примѣчаніе. Нѣмый, полно нѣмый свидѣтель, щоденній! Я страдаю, но я не могу удалитись изъ того мѣста. Я по крайной мѣрѣ мушу видѣти Минну. Тому я посѣщаю ихъ скучное общество. Вѣрьте, коли она не говоритъ, она чрезвычайно красива и мнѣ довлѣетъ одинъ поглядъ на ей лице. Я може такъ смѣшнымъ представляюсь, якъ адъюнктъ Гальмъ или офиціалъ Ейзельтъ, которы напрасно добиваются ей приклонности, но я смѣшный лишь въ моихъ очахъ, прочіи же служатъ насмѣшкою для цѣлого свѣта."

„И Швенко тому спокойно приглядается."

„Такъ. Дотычно бо чести своей жены, можетъ ôнъ быти спокойный. Минна тревожно старается, берегчи свою честь, но она полна женскихъ хитрeностей, подобно якъ ей отецъ. Для Швенка былобъ желательнѣйшимъ, еслибъ сталъ пословъ, тогды бôльшую часть времени прожилбы по за домомъ, и время проминулобъ ему скорше, пріятнѣйше. Ну, може поведется ему, достигнути одного или другого."

„А вы?" вспомнулъ я съ сочувствіемъ.

„Я? Прошу васъ" говорилъ ôнъ, улыбаючись, „человѣкъ всегда подается и въ тômъ лежитъ, по моему мнѣнію, цѣлая философія жизни: отказатись ôтъ юношескихъ фантазій, нехай останетъ цѣлою головка капусты, щобы нею насытилась коза. Но кто то сможетъ легкимъ способомъ? Сердце при тômъ статъ зъупотребленымъ а душа надъ мѣру повседневною! Еслибъ не книги и занятіе — кто перестрадалбы то?..."

„А одинъ поглядъ на красивое личко Минны?" зашутилъ я.

„Ну, лишь тогды, если она не говоритъ! Якіи стати сдѣлаетъ изъ насъ жизнь, друже!"

Я пожалъ ему руку и розпращался съ нимъ.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Въ презентѣ зъ г. 1698 удѣленной на церковь Костяшинскую, изъ стороны конвента Доминиканцевъ Белзскихъ, передаются книги, звоны и прочіи инвентарскіи предметы выразительно „według regestru w osobnéj księdze zawartych." — Въ актѣ изъ г. 1789, упоминается метрика при Княжипольской церквѣ Успенія Пресв. Богородицы (коло Добромиля), въ которой то метрицѣ „spisane są greckim (т. е. славянскимъ) pismem pokolenia postronnych koło Dobromila Jaśnie Wielmożnych arcybiskupów, biskupów, ktytorów etc. Tę księgę miał Michał Korostyński « — Въ актѣ изъ г. 1780 есть вспоминка о дватсяти документахъ, ôтносящихся до монастыря Василіанъ въ Теребовлѣ, ингроссованныхъ въ книгахъ городскихъ Теребовельскихъ (in acta Trembowliensia ingrossata. Cancellaria fundi religionis.) — Оригиналы были переданы къ сохраненію, уряду давнѣйшому, названному: »Gefällenverwaltung (zur Aufbewahrung.)"

Дальшими актами суть книги войтовскіи въ Преворску. И такъ Александеръ князь Острожскій въ относительной ерекціи одной изъ церквей въ Добромили, ссылается на привилей своего отця, вписанный „w księgach Wójtowskich Przeworskich.« — „Conventus laudi Wisnicensis", преимущественно: „Vigore laudis confederationis de a. 1733 feria 3-tia post festum Sti Francisci Confessoris." — „Lustratio bonorum tam regalium, quam terrestrium districtus Przeworscensis per revisores, — ex actis contributionis d. a. 1642 et 1643.—" »Documenta erectionalia ecclesiastica civitatis Komarnensis ex a. 1704—1738, ingrossata in libris fundorum dominicalium.« — Принадлежатъ до того рода источникôвъ: „zapisy na dobrach i rewizyje majątków dziedzicznych wielkich." — Ерекціи епископôвъ краковскихъ Задзика и Гембицкого зъ г. 1636 и 1644, для русскихъ парохій въ старост вѣ бывшômъ Мушинскômъ, находились въ актахъ Сандецкихъ. — Документы Елизаветы Господаровой Молдавской (вдовы по воеводѣ Ереміи Могилѣ), наданныи для монастыря Василіанъ титула св. Параскевіи въ Задаровѣ, облятованы суть въ актахъ городскихъ Галицкихъ, и такъ документъ Елизаветы Могилянки изъ дня 4-го Януарія 1614, облятованный „in castro Haliciensi a. — 1780," составленъ на польскômъ языцѣ. Документъ изъ 14-го Януарія г. 1614, облятованый „in castro Haliciensi a. 1774", на русскômъ языцѣ.

Документы Маріи Потоцкой „palatinae Moldaviae" и Анны, „palatinae Cracoviensis" (были то дочери Елизаветы Кермартовной и Іереміи Могилы), составленныи на польскômъ языцѣ, облятованы „in castro Haliciensi sub. a. 1661." — Многіи ерекційныи документы погинули уже въ минувшômъ столѣтію; свидѣтельствуютъ о тômъ слѣдующіи указанія: Въ ерекціи, возобновленной г. 1627 черезъ дѣдича села Вроблика*), Самуила на Яцьмиржу Слупецкого, кастеляна Радомского, сказано: „nieprzyjaciel korony, wtargnowszy do państw Jegomości króla r. 1624 i wiele miasteczek i wsi popaliwszy, między którémi też majętność J. W. Samuela Slupeczkiego, kasztelana Radomskiego, starosty Zawutojskiego, splundrowawszy wieś nazwaną Wróblik i prawo onym nadane od przodków śp. popaliwszy." — Въ документѣ изъ г. 1721 облятованнômъ: „in castro Haliciensi a. 1777« пишетъ Іосифъ Яблоновскій, графъ на Заваловѣ и Подгорцяхъ: „przez śmierć i zabicie Igumena w Suczawie prawa Monasteru w Pohoni zaginęły." Документъ той относитъ фундацію монастырей въ Погони и Заваловѣ, до князя галицко-русского Романа и вяжетъ съ нимъ сродство князей Острожскихъ. „Roman walczy z Połowcami, ich wódz Sołodywy Boniak obległ Romana w zamku, nad Lipą, na tem miejscu, gdzie dziś monaster (w Zawałowie) Św. Mikołaja, ktory się zjawił w toku bitwy. Roman zwycięża, chwyta Boniaka, łeb mu ucina, ciało spalić, popiół w Dniester rzucić każe. Za Dniester pogoń, ztąd Pogonia,— w góry w dziedzictwo Jabłonowskich, ztąd Perehonje (Perehinsko), Jabłonowscy tę miejscowość odstępują Bazylianom.**)"

---

*) Есть Врobликъ королевскій коло Кросна, а Врobликъ шляхотскій коло Рыманова.

**) Извлеченіе зъ дотычной грамоты, извѣстной впрочемъ изъ публикаціи А. Петрушевича.

Спаситель на горѣ Оливной.

Года 1807 на завозванiе фискуса, вопрошаетъ прокураторъ ОО. Василiанъ, Модестъ Гриневецкiй, Евгенiю Комаржинску, настоятельку монастыря Василiанокъ давнѣйше въ Смольницѣ, а потомъ въ Яворовѣ, где подѣлись документы ôтносящiися до тыхъ монастырей и на пôдставѣ ей сознанiй, реляцiонуетъ: „że część dokumentów wydano do urzędu cyrkularnego w Drohobyczy a to na ostry nakaz z r. 1785 ś. p. Godharda Rzyszkowskiego, directoris Districtus Drohobicensis«. (Упомнено тутъ, що г. 1785 находилось: „privilegium regium servicus omnibus ecclesiis Stryjensibus", въ депозитѣ »oficii Drohobicensis.") Прочiи же королевскiи привилеи и акты находились въ Архивѣ епископскôмъ въ Перемышли (»regia privilegia, regiae comissiones granitiales habentur in Archivo r. gr. episcopali.")

(Прод посл.)

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П Ш.

X.

Изъ общественной жизни: Свадьба въ домѣ у русско-православного священника.

(Продолженiе)

Передъ вѣнчанiемъ получили молодыи благословенiе ôтъ родителей, родины и старшихъ вѣкомъ гостей, молодая розпращалась съ своими подругами а молодый съ молодежею мужескою. Минувшого года церковь приходска погорѣла, тожь чинъ вѣнчанiя долженъ былъ ôтбыватись на приходствѣ, въ нарочно къ тому пристроенной комнатѣ. Сивый якъ голубъ настоятель прихода въ С. съ своимъ симпатическимъ лицемъ, хорошiй народолюбецъ и борецъ за дѣла народныи, съ двома молодшими вѣкомъ священниками, тоже извѣстными Руси Буковинской патрiотами, ôтправляли чинъ вѣнчанiя и то точно по обряду церкви восточной. Мы унiаты въ тôмъ взглядѣ не одно пропустили, не одно добавили. Такъ н. пр. нѣтъ у православныхъ „присяги", въ тôмъ видѣ, якiй мы, якъ видно изъ дивоглядныхъ слôвъ: „беру тебе собѣ за малжонка и слюбую тобѣ милость (по церковному милосердiе) и уцтивость малженскую", приняли просто ôтъ Поляковъ. Напротивъ же нѣтъ у насъ того обычая, що по наложенiю вѣнцевъ, и то не изъ цвѣтôвъ, но металевыхъ, похожихъ совсемъ на вѣнцы княжескiи и украшенныхъ имитацiями каменей драгоцѣнныхъ, по которой то причинѣ и хоръ поетъ „положимъ на главу его вѣнецъ отъ каменя честна" и по чому у насъ народъ молодого „княземъ", молодую же „княгинею" а дружбôвъ „боярами" зоветъ, — молодая пара сопровождаемая дѣйствующимъ священникомъ, тоже „батькомъ" и „маткою" (у насъ въ Галичинѣ зовутъ ихъ старостою и старостиною) трикратно аналой обходитъ. Во время того обхода поетъ хоръ тропаръ „Исаiя ликуй" тоже вторый „Святыи мученицы." Первый тропаръ, такъ отвѣтный чину вѣнчанiя, въ нашихъ требникахъ вправдѣ находится, но по неизвѣстнымъ причинамъ не поется.

Упомянулъ я тутъ прежде о „батьку" и „матцѣ." Они въ Буковинѣ на свадьбахъ занимаютъ весьма почтное мѣстце. Во все время чина вѣнчанiя стоятъ съ горѣющими бôльшими свѣщами, которы сами купуютъ, при столѣ же належится имъ первое мѣстце. Свѣщи закладаютъ дома по вѣнчанiю въ колачи (короваи), которы ставляются на столъ передъ молодыми; свѣщи тiи горѣютъ во время цѣлого свадебного торжества. Они сохраняются старательно молодою четою и зажигаются опять, застромленны въ колачахъ, при крестинахъ первороженной дитины. Есть у насъ тоже обычай, що при вѣнчанiю по городамъ особенно при свадебныхъ торжествахъ высшого сословiя, дружбы во время обхода молодой четы около аналоя, кидаютъ межи народъ кондиторскiи солодичи. Во виду того, що тутъ вѣнчанiе на приходствѣ ôтбывалось, дружбы выйшовши изъ хаты, кидали изъ крыльця приходства, межи собранный народъ тiи солодичи.

Послѣ обхода подаетъ вѣнчающiй молодому а послѣ молодой къ питью вино, обычай, которого въ Галичинѣ уже нѣтъ. Удивительно, що вѣнчаемыи унiаты по селахъ а даже селяне принадлежащiи къ унiатскому приходу Черновецкому, приносятъ съ собою въ церковь мисочку меду и кусникъ корована. Въ то время, коли у православныхъ по городахъ, молодыи пьютъ вино, священникъ женихамъ-селянамъ подаетъ хлѣбъ съ медомъ до спожитiя. Той обычай приняли унiаты ôтъ православныхъ селянъ-сосѣдôвъ, которымъ тоже при вѣнчанiю не подается вино, лишь бѣлый хлѣбъ съ медомъ. Прочiй обрядъ вѣнчанiя точно такiй якъ у насъ. Не могу замолчати хорошой бесѣды, высказанной содѣйствующимъ священникомъ Г., къ молодой четѣ; бесѣда была и хорошо обдумана и хорошо произнесена. — Тропары церковныи были отпѣты не напѣвомъ греческимъ а таки нашимъ питомымъ русскимъ. Новая мода, якая теперь завелась въ соборѣ катедральнôмъ въ Черновцяхъ, и якую заводятъ въ семинарiи духовной тамже, мода состоящая въ тôмъ, щобы пѣти на странѣ (такъ у насъ крылосы зовутъ) румунской и славянской, гласы на одинъ и тойже самый напѣвъ греческiй, видно еще до села Д. не досталася.

Послѣ вѣнчанiя отецъ вмѣстѣ съ матерью витали молодыхъ, входящихъ въ комнату, где было все до вечери прилигоджено, хлѣбомъ и солею. По той церемонiи слѣдовалъ свадебный обѣдъ. Такiи пиры на Буковинѣ розличаются ôтъ нашихъ галицкихъ межи иными и тымъ, що произносятся тутъ численныи и долшiи рѣчи; тутъ послышати можешь на такихъ пирахъ хорошiи будь серьезныи будь и гумористическiи тосты. Замѣчательнымъ было для мене, що первую и то долшую рѣчь выголосилъ до молодыхъ самъ отецъ и домохозяинъ, и получилъ ею съ тостомъ произнесеннымъ во здравiе и многолѣтствiе повѣнчанныхъ. — Молодый конечно отвѣтилъ ему рѣчею хорошою и съ чувствомъ сказанною, но къ сожалѣнiю нѣмецкою, за що и извинялся. Якъ уже сказано, Черновцы и школы онѣмчили его, однакъ село русское и школа русская а що найбôльше жена-голубочка русская сдѣлаютъ въ коротцѣ русскимъ молодого человѣка, у которого и такъ бьетъ сердце щиро русское.

(Прод. посл.)

Исторiя народного театра.

Петръ Полянскiй.

Часть II.

Театръ пôдъ управленiемъ Моленцкого.

2) Перiодъ представленiй, даваемыхъ любителями во Львовѣ передъ основанiемъ драм. общества Моленцкимъ.

Въ Листопадѣ года 1867 переѣхалъ Е. Бачинскiй съ своимъ обществомъ до Каменца Подольского. Зачимъ прибылъ послѣ во Львовъ Моленцкiй, дано было во Львовѣ любителями нѣсколько представленiй, и вообще въ двохъ тыхъ годахъ 1867 и 1868, замѣчательный у тогдашной публики бôльшiй интересъ для театральныхъ дѣлъ, интересъ заствшiй годъ передъ тымъ, коли именно въ послѣднихъ львовскихъ сезонахъ Бачинского слѣдовали самыи лишь недоборы.

Одною изъ причинъ, толкнувшихъ тогдашнихъ Львовянъ изъ нова къ новой дѣятельности въ пользу сцены, было то обстоятельство, що въ ту же пору происходило въ славянской, затымъ братной намъ Чехiи, положенiе угольного камня для чешского народного театра. Торжество тое ôтбилось свѣтлымъ отгомономъ въ Галицкой Руси, о чемъ свидѣтельствуетъ живая участь Львовянъ по случаю того событiя въ Чехiи.

Уже годъ на передъ подѣйствовала сама вѣсть о будущôмъ торжествѣ на апатiю Галицкой Руси. Года именно 1867 завязался комитетъ театраль-

ный во Львовѣ пôдъ предсѣдательствомъ О. Павликова. Комитетъ обратился съ отзывами къ народу и отзывы не остали безъ успѣха. Жертвы плынули обильно, не лишь ôтъ частныхъ лицъ но и ôтъ громадъ. По случаю складанія жертвъ, и щобы вывести публику изъ ровнодушія, пишетъ дописователь „Слова" (г. 1867) слѣдующое: „Если посмотримъ, якъ неоднократно неодинъ молодецъ русскій на полъ недопаленныи сигара гордо ôтъ себе отвергаетъ, що казалобысь судити, будьто бы у него были капиталы, которыхъ самыи отсотки обильное ежегодное пропитаніе подавати бы были въ состоянію, то сновь, якъ то неодинъ молодый или и доспѣлый человѣкъ при играхъ въ карты свою портмонетку выпорожняетъ, а бôльшіи банкноты ôтъ себе ôтсуваетъ, якъ бы собственныи села къ роспорядимости у него были, якъ сновь иный все блаженство свое на тôмъ полагаетъ, щобы Бакху свою десятину ôтдати, или сновь, якъ то обыкновенно говорятъ, щобы лишь якъ овый Епикуръ добре проживати и увеселятись, если все то сообразимъ, то конечно приходитъ намъ въ умъ извѣстный вопросъ: ‚Чего ради гибель сія бываетъ?'"

Ишли также пожертвованія въ закордонной Руси. Тамъ именно на вѣсть, поданную „Словомъ", що „нашъ театръ маетъ нынѣ вакаціи по причинѣ отказанія польскимъ большинствомъ Львовского сойма, субвенціи", рѣшили Малороссы пôдъ предводительствомъ Костомарова давати на университетѣ отчити за оплатою вступныхъ билетôвъ; чистый доходъ изъ тыхъ преподаваній долженъ былъ припасти въ пользу народного театра въ Галичинѣ. Отчиты держалъ Костомаровъ. Межи иными была отчитана новая драма Островского. Собранныи гроши были присылаемы на руки австрійского правительства для переданія обществу „Беседа."

Тіи закордонныи жертвы становили отдѣльный капиталъ ôтъ грошей, собранныхъ львовскимъ комитетомъ. Конецъ тыхъ закордонныхъ жертвъ былъ такій: не прійшли они для театра, вѣроятно зъ причины, якъ кажетъ ‚Слово' — що выдѣлъ театральный „Беседы" во Львовѣ залишилъ или не малъ смѣлости по сему дѣлу соотвѣтныи шаги подѣлати. Вся же сумма, сложенная изъ отчитôвъ Костомарова, употребленою была на закупленіе книжокъ для народной библіотеки общества „Беседа."

Фондъ же, собранный львовскимъ комитетомъ пôдъ предводительствомъ О. Павликова, доруче́нъ былъ послѣ Моленцкому, коли той-же основалъ уже общество. Жертвы тіи были всѣ подробно выказаны въ часописи „Слово."

Прійшолъ годъ 1868. Въ связи съ нашимъ театральнымъ дѣломъ того года стоитъ торжество положенія угольного камня для народного театра въ Празѣ. По случаю того торжества занялась и Галицкая Русь больше своимъ театромъ. Русины могли тутъ приглянутись, якъ Чехи берутся до того дѣла. Того-же года именно прислалъ комитетъ управляющій постройкою чешского театра въ Празѣ приглашеніе къ торжеству, на день 16 л. Мая, тоже слѣдующимъ Русинамъ: Митрополиту Спиридіону, дальше Куземскому, Петрушевичу и Дѣдицкому. (Изъ Полякôвъ получили приглашеніе: Смолька, Сапѣга, Поль, Уейскій, А. Потоцкій.) Изъ межи Русинôвъ выслалъ митрополитъ Спиридіонъ, въ отвѣтъ на то приглашеніе, въ Прагу дружелюбное письмо съ заявленіемъ искреннихъ чувствъ взаимности для собратей Славянъ съ приложеніемъ дару 100 злр. на цѣль чешско-народного театра. Также заявилъ митрополитъ достойникамъ церкви и управителямъ семинаріи, щобы тоже не залишили, переслати въ Прагу свои щиросердечныи желанія. „Матиця" и „Народный Домъ" рѣшили выслати депутацію на той день, „Беседа" же благожеланіе. Также приготовляемый былъ на той день музыкально-декляматорскій вечерокъ во Львовѣ, при участвованію Русинôвъ и Чехôвъ въ Народнôмъ Домѣ, именно въ честь двойного торжества: русского (т. е. освобожденія ôтъ панщины) и чешского (основанія театра.).

Отпоручниками „Матицы", „Народного Дома" и „Беседы" были: Стефанъ Качала и Павлевичъ, которы перевезли въ Прагу золотую поздравительную грамоту съ подписями, въ память участвованія нашой Руси. Ôтправился тоже въ Прагу Богданъ Дѣдицкій, редакторъ „Слова."

Грамота тая звучитъ дословно:

„Слава Вамъ, Братья! Слава и братское поздравленіе чешскому народу! Торжество ваше — положеніе угольного камня къ основанію чешско-народного театра — есть для насъ общимъ праздникомъ. Принимаючи въ немъ участіе, мы, русскіи Галичане, исполняемся тымъ духомъ вѣры въ нашу будущность, що нынѣшного же дня полагаемъ основаніе взаимного нашого славянского единства. Искренно молимъ Всевышного Господа, да благословитъ честный трудъ и подвиги ваши, поднятыи для блага чешско-славянского народа, того народа, которому мы по доброй волѣ признаемъ священный долгъ и высокую задачу: ступати напереду всѣхъ насъ въ дѣлѣ соединенія Славянъ австрійской державы. Съ глубокою вѣрою въ праведность нашого общеславянского дѣла, ободренныи Вашими достохвальными примѣрами, мы постоянно идемъ съ вами къ одной цѣли, соединяючи силы наши пôдъ общее знамя Славянъ: братства и ровенства всѣхъ племенъ Славянщины. Затымъ путемъ правды и честного труда бодро въ передъ — къ достиженію идеи и къ исполненію посланничества Всеславянства, бодро всѣ впередъ „яко съ нами Богъ!" — Слава Вамъ! Слава всему славянскому міру! Львовъ дня 1 (13) Мая 1868 года." (Слѣдуютъ подписи.)

На день же самъ 16-го не ôтбылся вечерокъ, лишь слѣдующого дня на „Вульцѣ паньенской" собрались къ празднованію разомъ Русины и Чехи.

„Беседа" и „Ставропигія" выслали слѣдующую телеграму:

„Дръ Антоній Чижекъ, предсѣдатель комитета театрального въ Празѣ. Слава чешскому народу за его великіи труды о благо славянского міра. Да процвѣтаетъ чешское слово и да крѣпится чешскій духъ въ храмѣ Музы, нынѣ созидаемôмъ во вѣкопомную пользу всѣхъ Славянъ." Заявленіе искреннихъ чувствъ выслали тоже Русины изъ Черновецъ, Перемышля, Станиславова, Коломыѣ, Дрогобыча.

Слѣдующого мѣсяця т. е. въ Юнію (1868 г.) начались аматорскіи представленія. Представленія тіи устроивалъ Ю. Нижанковскій, бывшій акторъ изъ общества Бачинского, оставшій по выѣздѣ Бачинского изъ Галичины, во Львовѣ. Былъ ôнъ безпосредственнымъ управителемъ представленій, иниціатива же выходила ôтъ театрального Выдѣла „Беседы."

И такъ дня 13 (25) Юнія дана была въ салѣ „Народного Дома" въ пользу убогихъ ученикôвъ, комедія Моліера „Лѣкарь по неволи" въ переводѣ І. Гаврышкевича. Гостей собралось бôльше — выражается „Слово" — чимъ бы то при жаркôмъ лѣтнôмъ вечерѣ ожидати было можно; всякіи зъ нашой среды, старшіи, женщины и молодежь охотно явилися сюда, щобы полюбоватись сновь разъ театральнымъ зрѣлищемъ, якого уже полтора года тутъ не бачили. А хотяй игра на сценѣ, производима диллетантами, которыи съ изъятіемъ двохъ (Нижанковского и г-жи Лукашевичь) въ первый разъ силъ своихъ въ театральнôмъ искуствѣ пробовали, ишла съ мѣрнымъ успѣхомъ, и хотяй представитель головного характера (Легкодуха), добрый впрочемъ комикъ, не всегда певный былъ своей роли, то однакъ публика оказалась для охочихъ диллетантôвъ благосклонною, и выкликавши всѣхъ ихъ при кôнци представленія, почтила громкими рукоплесканіями. Кромѣ Нижанковского отличились г. Ч. (Подкова), вѣрнымъ ôтданіемъ старческого характера, и двѣ дѣвицы (Танька и Палазя) точнымъ изъученіемъ роли.

Другое представленіе, тоже въ пользу учащойся молодежи, ôтбылось дня 25 (7) Юнія; дана была комедія въ 3

дѣйствіяхъ п. з. „Грушенкôвъ зять“. Представленіе повелось тымъ разомъ лучше; двѣ головныи роли (Грушенка и зятья) были въ добрыхъ рукахъ, и другіи содѣйствующіи лица съ видимымъ соревниваніемъ усиловались исполнити свою задачу къ удовольствію публики, котора численно собралаесь.

Дня 3 (15) Юлія 1868, представлена была въ салѣ Народного Дома, въ пользу фонда стипендіи Григорія Яхимовича, комедія въ однôмъ дѣйствію „Раптусъ“, и комедія „Рецепта на тещи“ передѣланная Ю. Нижанковскимъ. Гостей явилось уже меньше по причинѣ начавшогося ферійного времени.

Такъ-же меньше численно собрались зрѣтели на день 12 (24) Августа, коли „Бесѣда“ устроилъ вечерокъ по случаю консекраціи номината-епископа Михаила Куземского. Явились межи иными ОО. Власевичъ и Грущевичъ изъ Холма и епископъ Михаилъ, которого публика привѣтствовала восклицами съ рукоплесканіями. Былъ то декляматорско-вокальный вечеръ, полученный съ представленіемъ пьесы: „Двѣ любови“; наконецъ слѣдовало великолѣпное табльо, символически представляющое отъѣздъ Отця Предводителя народного изъ галицкой Руси.

Дальше дали любители дня 26 Новемврія (1868), комедію въ трехъ дѣйствіяхъ „Братанецъ и стрый“ Шиллера, въ переводѣ Ю. Нижанковского. Публики было много, игра добра, но доборъ пьесы неудачный. (Цѣна мѣстцямъ: канапа 2·80 кресло 60 кр., вступъ 60, парт. 30, гал. 10.)

Наконецъ слѣдовало послѣдное аматорское представленіе дня 10 (22) Декемврія: „Розводъ или любовь мужа и коханка,“ зъ французского, переводъ (по польскому переводу) Ю. Нижанковского; дальше ишла комедія въ однôмъ дѣйствію „Котрый зъ нихъ или слѣпый набой“ зъ нѣмецкого, въ переводѣ Нижанковского.

Тымъ кончились представленія любителей.

3) Въ правленію Моленцкого періодъ сезоновъ Перемышльскихъ. (1869)

Въ Марти г. 1869 ôтбылось общое собраніе членôвъ „Львовской Бесѣды“. Избранъ былъ новый выдѣлъ, а именно предсѣдателемъ сталъ Василій Ковальскій, мѣстопредсѣдателемъ проф. Меруновичъ, кассіеромъ Дръ И. Добрянскій.

Якъ уже выше сказано было, ôтнесся выдѣлъ къ Антонію Моленцкому, пребывавшому тогды въ Каменци Подольскôмъ, въ дѣлѣ объятія театральной директуры. Моленцкій пріѣхалъ въ Марти. Въ Априлю (1869) получилъ уже Моленцкій концессію ôтъ краевого правительства на основаніе театрального общества. Вскорѣ была составлена труппа изъ 10 лицъ.

Моленцкій началъ свои представленія въ Перемышли. Съ праздникомъ Воскресенія воскресла новая жизнь въ Перемышли. Въ Свѣтлый Четвергъ 1 (13) Мая дано было первое представленіе. Дописователь такъ выражается въ Словѣ: Подумаѣтъ собѣ певно неодинъ Львовянинъ: ôтъ Перемышля може̂тъ ли що добро быти? Пріиди и виждъ, отвѣтимъ ему. Вправдѣ не увидитъ ôнъ тутъ декорацій хорошихъ и костюмôвъ богатыхъ, къ тому бо потребны капиталы и субвенціи, но за то може̂тъ Моленцкій повеличатись совѣстнымъ употребленіемъ всего, що въ его роспорядимости може̂тъ быти, а тое есть: довольно хорошій выборъ драмъ и старанное ихъ представленіе. — Моленцкій выступалъ въ роляхъ комичныхъ, Стечинскій въ роляхъ любовныхъ, а Гембицкій въ роляхъ серьозныхъ — по выраженію дописователя — à la Сероичковскій (извѣстный публицъ изъ представленій Бачинского.) Межи актрисами ôтзначалась Моленцка, всѣ же прочіи заявились старательными производителями своихъ роль.

Стечинскій и Гембицкій пріѣхали были съ Моленцкимъ изъ Каменця, во Львовѣ же пріобрѣлъ до своего общества Моленцкій еще Г. Кручкевича, Коралевича, А. Витошинского, дѣвицю Яхимовичь и (позднѣйшую) Гембицку. Въ первôмъ году правленія, поступили въ составъ персонала Петръ Кукула и д-ця Лукашевичь, послѣ (во Львовѣ) Цурковскій (въ роляхъ любовникôвъ), Трембицкій (въ меньшихъ роляхъ), г-жа Сѣдлецка-Смолинска (въ р. женскихъ героичныхъ), д-ця Загачевска (въ р. субретокъ), д-ця Теофилія Романовичь (въ р. драматичныхъ). По двохъ лѣтахъ поступилъ въ театръ Моленцкого I. Биберовичъ, д-ця Падлевска (въ р. наивныхъ), д-ця Осуховска, д-ця Антоневска, наконецъ I. Гриневецкій (позднѣйшій директоръ) и Стефуракъ.

(Прод. посл.)

ЕТНОГРАФІЯ.

8) Округъ: Болеховъ.

(Подастъ: Іоаннъ Бирчакъ.)

ПОДБЕРЕЖЪ и сосѣдніи села. — Четыре километры на сѣверо-востокъ ôтъ Болехова, на правой сторонѣ рѣки Свѣча, лежитъ камеральное село Подбережъ. На востокъ граничитъ оно съ селами Якубовъ и Солуковъ. Границю становитъ потокъ Оржешева, или, якъ его въ судовыхъ актахъ зъ XV вѣка названо, Лужешева (Науковый сборникъ 1867 II Стор. 137.). На югъ граничитъ село Тяпче, на западъ Гошовъ и Гозѣевъ — а на сѣверъ Чолганы.

За польскихъ королей держала село Подбережъ шляхта, а именно за свои услуги, сполненныи въ пользу короны; и такъ года 1738 принадлежало то село Тарлу, воеводѣ Любельскому и старостѣ Долинскому.

Село лежало давнѣйше дальше на сѣверъ, надъ рѣкою Свѣча, на ровнинѣ, пôдъ берегомъ, званнымъ нынѣ „Бѣлый берегъ“, изъ чого возникло и названіе села. Мѣстце, где давнѣйше село лежало, называется селищемъ; оно было рѣкою пересыпано и въ настоящую пору мѣстце то покрыто рѣняками. Причиною перенесенія осадьбы на иное мѣстце была въ первыхъ рѣка Свѣча, а во вторыхъ напады татарскіи. Преданіе говоритъ, що, коли года 1676 напали Татаре на Журавно, одна часть Татаръ пустилась вздолжь рѣки Свѣча на югъ и истребляла села. Жители Подбережа бѣжали передъ нападомъ Татаръ въ горы, и поселилися въ селѣ „Бряза.“ Вскорѣ затужили жители за ровнинами, и потому сейчасъ послѣ удаленія Татаръ, повернули они до Подбережа. Заставши однакъ село истребленымъ, поселилися по обохъ сторонахъ рѣки Свѣча, дальше на югъ. Позднѣйше, коли Свѣча, яко горская рѣка, смѣнила свое корыто и обойшла село зъ западной стороны, обѣ части села случились разомъ но западная часть села зовется и нынѣ Зарѣчьемъ“, старое же корыто Свѣчи зовется „Рѣчищемъ.“

Село числитъ 779 душъ русской народности, 16 обряда латинского, принадлежныхъ до латинского прихода въ Болеховѣ, и 15 душъ Евреевъ.

У народа встрѣчаются тутъ многіи суевѣрія, якъ вообще и въ прочихъ поселеніяхъ, но суть тутъ и мѣстцевыи вѣрованія. До такихъ мѣстцевыхъ суевѣрій принадлежитъ повѣріе о „полазнику“. Полазникомъ называютъ человѣка или женщину, которы бы на Воведеніе, Рождество, Богоявленіе или на Воскресеніе, кого посѣтили. Если въ той день посѣтитъ добрый, щирый полазникъ, то будетъ цѣлый годъ добре вестися, если же нещирый, то не ведется въ господарствѣ. Такого полазника проклинаютъ. Во виду того, що никто не знаетъ, якимъ кто есть полазникомъ, въ выше наведенныи дни одинъ другого не посѣщаетъ, даже дѣти подруженныи не могутъ въ тіи дни посѣщати своихъ родителей.

Дальшимъ обычаемъ есть паленіе „дѣда“ на соборъ Пресв. Богородицы передъ зорями, то есть надъ раномъ; въ той день замѣтаютъ въ хатѣ смѣтье, которое на Рождество не было замѣтано; палятъ немного соломы на воротахъ, и скачутъ черезъ огонь. Народъ вѣритъ о вѣдьмяхъ, для того въ навечеріе св. Юрія намащуютъ ворота дегтемъ, щобы ôтстрашити вѣдьму ôтъ коровъ.

Выбираючись въ первый разъ на веснѣ съ плугомъ заорювати поле, беретъ господарь цѣлый хлѣбъ съ собою, и кладетъ бохонокъ на краю нивы; тамъ стоитъ хлѣбъ такъ долго, поки господарь съ плугомъ назадъ не повернетъ въ свою загороду. На Великдень не кидаютъ лупы зъ яецъ на воду, лишь на дахъ хаты. По освященію пасокъ, утѣкаетъ каждый съ паскою, якъ найскорше въ село, щобы чимъ скорше до дому забѣгнути, ôтъ того бо зависимо счастье цѣлого года.

На Святый Вечеръ, на который муситъ быти 12 стравъ, послѣ вечери не годится воду пити, иначе бо не угасала бы жажда въ порѣ жнивъ. Послѣ вечери выходитъ дѣвка изъ хаты и слухаетъ, въ которой сторонѣ псы гавкаютъ, то зъ той стороны маетъ надѣятися „сватачей", О послѣднихъ есть обычная поговорка: „кобы рогачи — то будутъ и сватачи", значитъ, „якъ будутъ волы и коровы — то выйдетъ замужъ."

На день св. Меланіи приготовляютъ дѣвчата пироги и складаютъ рядомъ; каждый пирогъ представляетъ поименно одну дѣвчину. Пускаютъ послѣ кота или пса, и смотрятъ, къ которому пирогу той котъ или песъ направится; тая дѣвчина, которую поглощенный пирогъ представлялъ, выйдетъ скоро замужъ.

Если кто украдетъ сбоже зъ поля на насѣнье, то властитель сбожа вѣруетъ, що ему забраный и весь плодъ (полонъ)

Свадьбы ôтбываются съ розличными суевѣріями. Передъ вѣнчаніемъ — мусятъ молодыи мыти лице въ вываръ зъ барвѣнку, который осталъ зъ вѣнка. Молодыи мусятъ мати новыи сорочки, еще не пранныи, застягненныи пôдъ шіею повѣстомъ. Молода не маетъ на шіи ніякихъ „пацьорокъ", щобы „ей цѣле житье было легкимъ." Которое изъ молодыхъ при вѣнчанію приступитъ другому ногу, или которого руки при присязѣ почиваютъ на верху, тое будетъ цѣлую жизнь верхъ водити въ супружествѣ. Баба, которая несетъ дѣтину до кресту, муситъ мати въ пазусѣ чеснокъ и соль, тое бо ôтводитъ нечистую силу ôтъ дѣтины некрещенной.

Умершому до трумны даютъ крайцаръ и свѣчку, а именно въ руку крайцаръ на перевозъ, а свѣчку, щобы малъ чимъ собѣ засвѣтити на темной дорозѣ.

При похоронахъ заводятъ женщины за своими мужами и дѣтьми, а дѣти за родичами. „Чи не малъ ты що ѣстоньки — чи я тебе не шановала — рыбко моя! Зозулько моя! Яка твоя дороженька далека — коли тя зобачу? Яка твоя хатка темненька — ахъ яка сумненька, безъ оконця—и безъ сонця."*) Женщины при тôмъ часто попадаютъ въ омлѣніе. Они носятъ „жалобу" — даже за дѣтьми. Жалоба состоитъ въ тôмъ, що рантухъ*) или пѣвку пригортаютъ сѣракомъ, и не носятъ пацьорокъ а то за мужемъ или родичами цѣлый годъ, за дѣтиною же полъ года. Если есть умершій въ селѣ, то не можно ничого ни сѣяти, ни садити, „бо бы заумерло въ землѣ и не зôйшло бы." Коли умершого выносятъ изъ хаты, бьютъ три разы домовиною о порогъ хаты и сѣней „на прощу". На мѣстце, где лежалъ умершій, кладутъ сейчасъ дѣжу, въ которой мѣсятъ хлѣбъ, щобы хлѣбъ не пôйшолъ за умершимъ, и замыкаютъ сейчасъ двери сѣнныи, щобы смерть не вернула скоро до хаты.

(Прод. посл.)

*) Въ минувшôмъ рочнику „Нового Галичан." упоминали мы, що въ горахъ нашихъ заводятъ члены семьи за домовиною; суть то, якъ видимъ хотьбы изъ той записки, поданной почт. дописователемъ изъ Подбережа, слова глубоко прочувствованы; особенно приходникамъ предстоитъ случайность записовати такіи похоронныи слова. Маютъ они нѣкое подобіе съ „кайдавами" и „ровильями", которы у Цыганôвъ произносятся надъ гробами умершихъ. Обычай той задержался еще въ полнотѣ преимущественно въ бойковской области, где такіи похоронныи „заводы", которымъ мы мали случайность прислухатись, представились и чувствительными и даже поэтическими. — Прим. ред.

*) Т. е. долгіи концы широкой бѣлой, накрахмаленной ленты, которой употребляютъ яко накрытіе головы.

Дѣти Гаймона

и

Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

Хлопакъ вскочилъ; ôнъ побѣгъ съ псомъ на вершокъ горы, станулъ тамъ, розложивши рамена якъ побѣдитель на мурахъ города и теперь роздалась давная рубающая пѣснь: „Въ два голосы заспѣваю, — два голосы маю, — Одинъ пущу по дубровѣ, — другій по Дунаю.— Одинъ пущу по дубровѣ,— дѣвчины шукати, — Другій пущу по Дунаю, — воли си глядати..."

Ôнъ сникъ. Евтимъ приближился до хаты. Его тягнуло що-то. Отворивши скрипящую дверь, войшолъ ôнъ до внутри. Вонь чаджи ударила и пригадала ему на старика. Свѣтло падало лишь черезъ дѣры ликового даху. На серединѣ комнаты висѣлъ котелъ, пôдъ которымъ жарилась ватра.

Въ углѣ сидѣла невѣста. По ей поораннôмъ лицѣ видно было терпѣніе и сближающуюся старость, но остали слѣды давной дѣвичьей красы. Она сидѣла неподвижно, сложивши руки. Ей очи запали, но видно было, що колись плѣняли они молодецкіи сердця.

Первый взглядъ Евтима упалъ на тую женщину. Послѣдная узрѣвши вступившого гостя, задрожала, ей лице покрылось блѣдостію а послѣ червоностію. Она пôднеслась, упала безсильно а потомъ свернулась въ другую сторону комнаты и якбы глядаючи схороненія, сблизилась до сѣдящого тамъ мужика.

„Гаймонъ!" сказала она тревожно до него.

„Ай, Явдоха, смотри, нашъ панъ вже и здоровъ, отъ здоровъ; хвалити Господа и слава Святому Николаю."

Женщина тымчасомъ спѣшно въ розстроенію удалилась.

„Скажѣтъ" пыталъ Евтимъ усѣвши „вы называетесь дѣйстно Гаймонъ?"

„Атъ! придали имя" отвѣчалъ старый мужикъ „имя придали, такъ назвали, то ничо и не сдѣлаешь. Такъ вже у насъ водится: у насъ по своему называютъ, якъ захочутъ."

„Вы тутъ живете?"

„Тутъ" (Гаймонъ вынялъ изъ угля люльку).

„Якже? такъ нужденно?"

„Ба, но свободно! Уже то такъ: ѣджь хотьбы самыи крамили, пій самую лишь жентицю и якось жіется, абы лишь на свободѣ..."

Евтимъ утиралъ горячее чело.

„Кто спасалъ мене изъ воды?" пыталъ ôнъ „скажѣтъ, бо вы — пригадую собѣ, сидѣли ночею при мнѣ. Лишь двѣ постати остали менѣ въ памяти изъ того времени: вы и еще то кто... вже не помню..."

„А..." шутилъ Гаймонъ, стягнувши бровью и смѣючись съ пôднесеннымъ усомъ „еще ктось! якъ княгиня ясноволосая... якъ рыбочка... а що? Пождѣтъ же, розскажу вамъ небылицю: (въ немъ теперь пробивалъ типъ давного овчаря) небылицю розскажу, просто для васъ. Лишь слухайте до кôнця. Жилъ разъ богатый князь. Раемъ ему жизнь, жена красавиця якъ горличка: калиновыи уста, очи теренъ, любовь огень. Но що? Дѣточокъ не было. Сумуетъ князь, сумуетъ и княгиня. Прійшолъ князю часъ выѣзжати въ край. Плачетъ калина, жена бѣлявина, а князь ей кажетъ: бѣлыхъ ручокъ не ломай, чорныхъ очокъ не стирай, не порубаютъ мене, не посѣчутъ а медомъ напоятъ. Ѣдетъ князь— спекота велика. При керницѣ стаетъ, воду пьетъ. А чаши не взялъ. Таки приложился и пьетъ. Коли вставати, а его за его долгую должезную бороду якась сила въ керницѣ держитъ. Смотритъ въ воду, а зъ воды вызираетъ чарôвникъ пôдземный; очи у него зелены якъ папороть, самъ же смѣется якъ заѣдливый

лисъ. „Чого напосѣлся?“ пытаетъ князь „пусти.“ — „Впередъ“ кажетъ чарôвникъ „забожись: менѣ припадаетъ тое изъ твого дому, о чемъ ты не знаешь.“ — Бери, кажетъ князь, а самъ подумалъ „тобѣ то и было, о чемъ бы я не зналъ!“ — Вертаетъ князь до своей палаты, а тамъ витаетъ его жена не сама — но держитъ на рукахъ сына малого и цѣлуетъ. Посоловѣлъ князь, не тѣшитись ему тымъ сыномъ, чарôвнику запродалъ.“

„Но сынъ выросъ; правый молодецъ сталъ изъ него. Не майте журбы батьку, кажетъ сынъ, уже я справлюсь съ тымъ чарôвникомъ. Осѣдлалъ коня и выѣхалъ; ѣдетъ, ажь тутъ и озеро На озерѣ дватсять уточокъ сребрныхъ такихъ, лишь миготятъ на солнцю, а на берегу дватсять бѣлыхъ хустъ. Взялъ княжевичъ одну хусту и укрылся въ гай. Уточки поплюскотѣли, выйшли на берегъ, натягнули хусты и отъ — изъ кождой стала красавиця и одна за другою улетала. Лишь одна уточка остала. А княжевичу жаль ей стало, подалъ ей хусту. Тутъ же коло него и стала дѣвиця красавиця, якой еще не видалъ... Княжевичу дивно стало на душѣ.“

„Еще разъ давно зимою сокола убилъ стрѣлою; кровь сокола червона упала каплями на бѣлый снѣгъ Тогды подумалъ княжевичъ: кобы менѣ жена така бѣла, якъ той снѣгъ, а червона на устахъ, якъ тая кровь. Жену-бъ таку любилъ, цѣловалъ. Такъ колись подумалъ, а теперь видитъ передъ собою такую красавицю. „Я наймолодшая дочка чарôвника пôдземного“ кажетъ до него красавиця: „ôнъ уже ждетъ на тебе и лютится, но не бôйсь, я раду тобѣ дамъ перебыти всѣ заклады.“ Приходятъ они въ край чарôвника. А чарôвникъ лютый. Кажетъ до княжевича: „Отъ диви тутъ моихъ дватсять дочокъ, всѣ они око въ око подобны, всѣ якъ одна. Ôтгадай, котора изъ нихъ наймолодша. Не ôтгадаешь, голова не твоя!“ Переглянулъ княжевичъ разъ, не утнетъ, всѣ якъ одна капля воды. Другій разъ, а за третимъ смотритъ, а на одной изъ нихъ лице бѣлѣйше снѣга; на щечинкахъ краска роскотилась якъ кровь-молоко. А! такая краска лишь у ней: у другихъ нѣтъ. (Другіи еще и не знали за любовь.) „То дочь твоя наймолодша“ кажетъ княжевичъ. „Вражій же ты сынъ“ хитаетъ головою чарôвникъ. „Голова твоя, вертай на землю; а еще, що хочешь, того и забажай а получишь...“ И щожь бы бойкому княжевичу забажати якъ не того личика, що снѣгъ съ кровью, що молоко а кровь... То то и цѣловалъ же ôнъ его... Отъ, и моя небылиця: а що?“ продолжалъ Гаймонъ „кто другій вамъ застрягъ въ памяти? Чи не уточка тая сребрнокрылая? Съ сребрными косами?“

Гаймонъ смѣялся зъ укоса и поглядалъ на Евтима, прикладаючи рѣща до ватры. Но ледво скôнчилъ, коли передъ хатою дали чутись крики и гаморъ. Они выйшли на обору. Тутъ молодый хлопакъ, чобаникъ боролся на силу съ якимто панкомъ, по которого костюмѣ и нагайцѣ въ руцѣ познати мандатора. Малый чобаникъ присталъ до мандатора, якъ Давидъ до Голіата.

„Трофимко!“ крикнулъ Гаймонъ громовымъ голосомъ.

Трофимко пустилъ мандатора и стрѣпуючи зъ себе панское нпчо, станулъ широко и показалъ рукою на мандатора.

„Явдоху“ говорилъ ôнъ „нагаемъ побиралъ; нагаемъ не штука, а прійшлось на силу, ану вражій сынъ легкій якъ перо.“

„На панщину“ вскричалъ мандаторъ, пѣнившійся ôтъ злости „всѣ, сейчасъ на поле.“

Гаймонъ выпрямился. Теперь на лицѣ его пробивалъ спокой и овладѣніе собою, но разомъ и якаято частица гордого самосознанія.

„На панщину?“ проговорилъ ôнъ — „А! ты новый мандаторъ! Не диво, що ты зайшолъ на мою обору. Ты незнаешь, кто я; ну, иди и поспытай твого пана, кто такій Гаймонъ и що съ нимъ за дѣло, а не прійдешь тутъ другій разъ. А теперь тобѣ ніякое дѣло до моей загороды.“

„Хамъ! окропный хамъ!“

Мандаторъ пѣнился ôтъ злости и удивленія; ему не приходилось еще чути такихъ слôвъ. Ôнъ лишь затискаючи въ руцѣ нагайку, спѣшно удалился.

Гаймонъ похнилилъ голову. Ôнъ началъ запрягати до телѣги коня и вынесъ анталокъ. (Ôнъ ѣздилъ именно своею телѣгою ôтъ времени до времени за границю въ Мукачевъ, Берегсасы, Уйгель и купчилъ виномъ.)

Но зачимъ ôнъ собрался, явились дворскіи посѣпаки, связали Гаймона и Явдоху и потягнули въ дворъ. Гаймонъ не произнесъ ни слова; ôнъ лишь мрачно водилъ очима. Но Явдоха середъ плачу не ôтводила очей ôтъ Евтима, якбы не могла надивитись досыть на него и якбы боялась, щобы не розлучитись на всегда съ тымъ видомъ.

Розогненъ пустился Евтимъ черезъ поля; ôнъ не глядалъ стежки, ôнъ ишолъ на произволъ, и бôльше пущался въ дебри якъ въ гладкіи поля. Въ кôнци ôнъ пристанулъ; ôнъ былъ при камеральной дорозѣ, що вела на Угры.

Изъ дороги билъ тарабанъ. На Угры переходили охотники рекрутовавшіися изъ гвардіи, щобы стати тамъ пôдъ прапоръ Высоцкого, который съ Коссутомъ и Гергеемъ прошибалъ угорскіи пусcты; тожь тамъ звучитъ и его марсиліанка, що неразъ улюляла его до огненной сѣчи. Но не вѣрна то была плекательниця, не питомая, иная пѣснь звенѣла надъ его колыбелею, иное солодкое люлю уносилось надъ его дѣтствомъ.

„О я слѣпецъ!“ говорилъ ôнъ „и я за нихъ боролся, за нихъ кровь проливалъ, за тиранôвъ. Но я не зналъ! Новая картина мнѣ ôткрылась. Той самъ прапоръ либерты, который тамъ горою революнтанты несутъ, тутъ на долинѣ сдоптаный, уничтоженъ... А еще... що тягнетъ мене до тыхъ людей?... до того Гаймона.. Где моя...?“

Ôнъ не докôнчилъ; изъ дороги почулъ ôнъ свое имя. Гвардія давно вже перейшла, а на трактѣ пристанула найтичанка пароха Дуновича.

„Ходѣтъ“ говорилъ изъ брычки Дуновичъ „ай, где то не можна васъ встрѣтити! Глядалъ за вами и снайти не могъ; ходѣтъ скоро на брычку.“

Парохъ незвычайно нынѣ былъ по праздничному приодѣтъ; чемера нова, цилиндеръ свѣтилъ до солнця а въ чоботахъ лиЕовалъ угневскій цехъ.

„Тутъ, коло мене сѣдайте“ продолжалъ торопливо парохъ „що вамъ? що такъ блѣды вы? правда, было не выходити еще, ваша горячка еще не совсемъ уложилась. — Но добре, що васъ снаходжу; ѣду власне до нашего окружного мѣсточка. Маемъ тамъ нынѣ зъѣздъ; въ первыхъ будетъ поговорка о нашихъ народныхъ дѣлахъ а потомъ по обычаю праздничное. Отъ, що-то такого и для васъ принадно; вы молоды, а дамы тамъ будутъ, самыи перлы карпатскіи... Но и другое дѣло. Для отчины слѣдуетъ що сдѣлати. По правдѣ мы спали до теперь, но теперь иначе пôйдетъ. Важныи вѣсти идутъ зъ Вѣдня, кажу, важныи вѣсти. Будетъ якійто переломъ; академики и народъ двинулись тамъ, и намъ не сидѣти бы бездѣльно, а дѣлати для народа!“

„Такъ, для народа“ ôтвѣчалъ Евтимъ „лишь для народа... Не моя вина была до теперь, що я его не зналъ... Въ моей юности былъ я воспитанъ черезъ якого-то старого ветерана Наполеонисту во Львовѣ... Якъ я до него прійшолъ, того не знаю, но моимъ отцемъ ôнъ не былъ... Ôнъ померъ и я осталъ самъ одинокъ на свѣтѣ. Я такъ на слѣпо кинулся въ тогдашній шалъ; порванъ былъ я струею, где лишь побачилъ я прапоръ, где почулъ тарабанъ, тамъ тягнулъ... черезъ то и выросла у мене страсть партизантска, за которою я слѣпо ишолъ... котора давитъ мене, чепилась якъ упырь. Николи не хочетъ тая страсть уложитись... А еще, я такъ до теперь ошибался!...“

Парохъ съ удивленіемъ поглядалъ на Евтима. Въ первый разъ чулъ ôнъ такіи слова ôтъ него.

„Не удивляйтесь“ толковалъ Евтимъ „но я самъ на свѣтѣ; передъ никимъ не

могу изъявити того, що во мнѣ происходитъ.“

„Спокойно, лишь спокойно“ уговоривалъ парохъ „дѣло мусить быти съ спокоемъ получено; горячая нервовость николи не доведетъ до цѣли Богъ вже колись высвободитъ нашъ народъ ôтъ панщизняного ярма и мы должны дѣлати, но — правою дорогою. А цѣль? Опертись лишь на народъ, а тогды есть и цѣль. Свѣтло ему принести, то наша повинность. А що до вашой страсти револьтовой, то она не есть ничимъ инымъ, якъ часткою той епидеміи, що грасуетъ теперь по цѣлой Европѣ. Въ воздусѣ цѣлой Европы теперь владѣетъ дѣйстная револьтовая джума, котора всѣхъ достигаетъ... Вы мусите излѣчитись. До свободы стремится прямою дорогою.“

(Прод. посл.)

Дръ Францъ Миклосичъ
и
Дръ Емиліянъ Калужняцкій.

(Продолженіе).

Названія мѣстностей въ Галичинѣ, принадлежащіи румунскому корню: Акрешоры = ручай въ селѣ тогожь названія, рум. acrisor, кисловатый. — Арджелюжа = гора и ручай коло Жабья, рум. argila, глина. — Балтагулъ = гора въ Коссовскôмъ округѣ, (въ переводѣ: кончастая гора.) — Бребенескуль = гора по угорской сторонѣ Чорно-Горы, рум. brebene, лѣсный анемонъ. — Брескуль = гора тамъже. — Брустуръ = хребетъ горскій межи Ломницею и Быстрою, рум. brusturu, цѣпь. — Чербуль = гора и ручай въ округѣ Калушскôмъ, рум. cerbul, олень. — Фересчинка = потокъ коло Микуличина; рум. feresten, пила. — Горганъ, гурганъ = въ многихъ сторонахъ названіе, придаваемое горамъ и верхамъ, рум. gurguiu, вершина — Говерля, = гора межи селомъ Жабье и Микуличиномъ, (въ переводѣ: непроходимая выжина). — Гургулатъ = гора на югъ ôтъ Людвиковки, рум. gurguiu, (кончастая гора). — Гига, гичка = названіе, придаваемое часто горамъ.— Гирлята = горскій хребетъ коло Козьовы, рум. harlata. — Клива = проваль, увозъ, часто названіе горы, лат. clivus. — Кливинскій ручай коло Рожанки нижной, то-же. — Кобура = гора коло Ямельницы, рум. à cobori, зступати. — Киратура = гора коло Джурова, рум. caratura, груда. — Левдра = гора коло Зеленой, рум. leudra, пырейный, горный чеснокъ. Лопушна = ручай, впадающій до Быстры, рум. a lopai, плюскотѣти. — Лунга = ручай коло Березова нижного, рум. lunga лат. longus. — Лупатуль = потокъ коло Труханова, рум. lupu, лат. lupus. — Магеу = гора коло Рожанки нижной, рум. magau, округлый. — Менчель и мунчель, названія. придаваемыи часто горамъ, рум. muncel, muntecel, горбокъ, малая гора. — Негрова = гора у жерелъ чорной Быстрицы, означаетъ: чорнявая, рум. negra. — Нягра = гора въ селѣ Нягринъ, то-же. — Пекура = потокъ коло Березова нижного, рум. pecura, пара, дымъ. — Петранка, село въ Калушскôмъ, Петриковъ, гора коло Турки, Петрикальный верхъ коло Людвиковки, = вѣроятно рум. petra, скала. — Петрошуль = гора на угорской сторонѣ Чорно-Горы, рум. petrosul. — Пину = гора коло Стинявы, рум. pinu, сосна. — Ракита, малая и великая = горы коло Микуличина, рум. rachita, пасовиско. — Рушоръ = гора коло Яблонова, рум. rusuor, червонявый. — Рипа чорна = гора коло Сенечова, рум. ripa, берегъ. — Рипяна = село въ округѣ: Турка, (въ переводѣ „положенное надъ берегомъ“,) рум. ripa. — Рипянка = село въ Калушскôмъ, тоже. — Секатура = гора коло Березова нижного, рум. secatura. — Шешуль = гора по угорской сторонѣ Чорно-Горы, рум. sessu, ровнина. — Шешоры = село въ Гуцульщинѣ, тоже. — Туркуль = гора на угорской сторонѣ Чорно-Горы, рум. turcul, Турокъ. — Рум. корня суть дальше названія мѣстностей: Себеля гора коло Багноватого, Солаганъ, гора коло Козьовы, Стевьора, Струнга, Стримба (село въ Гуцульщинѣ), Сиглый, ручай коло Либохоры, Теюшъ, лѣсъ коло Березова выжного, Троянъ,Васкуль, Волосянъ и т. д.

До моихъ подругъ.

V.

(Гармонія красокъ.)

Если нашъ селянинъ-Гуцулъ, попавшій разъ случайно въ Парижъ и оглянувши его, сказалъ, що таки наша Коломыя краснѣйша, то не можно того его мнѣнія осуждати такимъ способомъ, якобы ôнъ не чувствовалъ, примѣромъ, гармоніи архитектурной; тутъ уже есть психичное явленіе, любовь къ родимой сторонѣ и т. д. Изъ издѣлій его домашнихъ однакъ можемъ познати, що въ добиранію красокъ у него замѣчается природою данный смыслъ. И такъ ôнъ не поставитъ, примѣромъ, барвы жолтой въ сосѣдствѣ съ зеленою, барвы синой съ зеленою, ôнъ бо чувствуетъ, що то былабы дисгармонія.

Росходится тутъ о то, якіи правила дотычно гармоніи красокъ поставляютъ естетики. Живописецъ очевидно мусить тожс теоретично изучити тіи правила, они однакъ не всегда достаточны; живописецъ мусить чувствовати, якіи краски собѣ отвѣчаютъ. Тому суть межи живописцями лучшіи или слабшіи колористы. На вопросъ послѣднихъ дотычно добора красокъ, совѣтуютъ имъ первыи, ити за примѣромъ природы. Правда, природа тутъ даетъ найлучшіи примѣры, но въ природѣ сутъ неоднократно изъятковыи явленія, которы на полотнѣ живописця дадутъ диссонансъ.

Впрочемъ слѣдуетъ взяти за основу природу. Былъ собѣ нѣкій изслѣдователь Нютонъ и той поставилъ правила гармоніи барвъ. Ôнъ взялъ за основу дугу, въ которой, по его сопоставленію, замѣтны головныи барвы: червоная, помаранчевая, жолтая, зеленая, синая, фіолетовая. Его правило фигуральное (линіи на перекрестъ) дасть означитись словами: кождая барва отвѣчаетъ т. е. гармоніюетъ съ четвертою по ряду барвою, затымъ: червоная съ зеленою, помаранчевая съ синою, жолтая съ фіолетовою, и на оборотъ. Барвы, слѣдующіи сейчасъ одна по другой, даютъ, слученныи разомъ, непріятный для ока видъ, (червоная и помар. — жолтая и зеленая — и пр.), такъ якъ они стоятъ за близко при собѣ не выдѣляются достаточно и вредятъ, собѣ взаимно. Въ природѣ суть въ тôмъ взглядѣ изъятковыи явленія, но природа въ состоянію, иными средствами закрыти той недостатокъ. Суть цвѣты жолтозеленыи, зеленосиніи, досыть пріятныи для ока, но тутъ много дѣлаетъ видъ и жизненность цвѣта. Окончательно однакъ стаютъ они для ока вялыми; рожа же всегда плѣняетъ око, такъ якъ тутъ случены барвы рожево-червоная съ зеленью листья. Скрозь зеленыи вѣтви пріятно поглядаемъ на синій небасводъ, но тутъ вмѣшиваются и золотыи лучи солнця межи двѣ сосѣдніи барвы. Смотрѣти однакъ изъ грабового лѣса долго на небасводъ, стаетъ скучнымъ. Синіи цвѣты на зеленой луцѣ, суть явленіемъ неестетичнымъ, напротивъ блавати въ жолтôмъ житѣ даютъ пріятный видъ.

Иный сновь изслѣдователь, Брике, поставилъ подробнѣйшіи слѣдующіи правила: изъ барвъ — червоной, помаранчевой, жолтой, зеленой, синозеленой, зеленосиной, синой, и пурпуровой — гармоніюетъ кождая барва съ пятою по ряду барвою, затымъ червоная съ синозеленою и т. д. Иныи, якъ Унгеръ, Адамсъ, Раутъ, пробовали сложити тіи правила систематично, якъ правила гармоніи музыки, а именно во виду того, що жереломъ барвъ есть тоже дрожаніе, подобно якъ и жереломъ тонôвъ. Смѣривши отже дрожанія барвъ и тонôвъ, поставилъ Унгеръ мнѣніе: — барва карминовая отвѣчаетъ музычному = C.; цинобровая = Cis.; — цеглястая — D.; = помаранчевая = Dis.; — жолтая

= E; — ж о л т о з е л е н а я = F.; — с н н о з е л е н а я = Fis.; — с и н а я = G.; — и н д и г о = Gis.; — ф і о л е т о в а я = A.; пурпуровая = H. = Барвы укладается по правамъ музычнымъ и получаемъ moll, или dur. Если такъ, такъ давайтежь наши народныи барвы и нашу коломыйку? Якій музычный аккордъ даетъ наша народная барва ж о л т о - с и н а я. Жолтая даетъ музычный тонъ E.; синая G.; во виду того, що G въ ôтношенію до E есть такъ зовимою малою терцею, маемъ тутъ аккордъ Emoll, затымъ сложеніе барвъ жолтой и синой, даетъ аккордъ Emoll. — Якъ-же дасть живописью представитись наша к о л о м ы й к а? Извѣстно, коломыйка, хоть скочная, есть мелодіею въ moll и то по бôльшой части въ Dmoll, козачокъ же въ Ddur. Аккордъ Dmoll состоитъ изъ головного тона D (цеглястая), изъ малой терцы F (жолтозеленая), и квинты A (фіолетовая), затымъ получаемъ сложеніе цеглясто - жолтозелено - фіолетовое. Якъ видимъ, весьма естетичное сложеніе. Козачокъ Ddur будѣтъ розличатись ôтъ коломыйки великою терцею Fis = синозеленою барвою.

Фавстина Галичанка.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Изданій Общества им. Мих. Качковского“ ч. 186 содержитъ три повѣстки Л. Толстого, передѣланныи М. М. К-мъ, п. з. „Илія Петровичъ“, „Где любовь, тамъ и Богъ“, „Ворожье красне а Божье крѣпке.“ За тыми повѣстками слѣдуетъ розсказъ Стефана Пятки п. з. „Совѣсть.“

Розвязки магическихъ квадратôвъ на стр. 76

I.

1)	р	у	с	и	н
2)	у	р	о	д	а
3)	с	о	л	о	д
4)	н	д	о	л	и
5)	н	а	д	и	р

II.

1)	б	а	л	т	а
2)	а	к	о	р	д
3)	л	о	т	а	р
4)	т	р	а	н	і
5)	а	д	р	і	я

Упрашаемъ о выровнаніе залеглостей.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

КРИСТАЛЛОГРАФЪ.

							1							
						12	3	2						
					4	5	6	7	2					
				8	9	10	4	11	12	3				
			12	13	6	14	11	15	9	6	9			
		5	12	7	9	11	16	5	4	11	16	17		
	18	2	5	11	19	17	4	20	12	21	16	3	12	
1	3	6	4	11	16	4	7	16	4	20	3	12	4	12
	23	21	8	16	4	11	16	12	7	4	20	19	17	
		14	3	12	8	6	4	5	16	7	19	12		
			4	16	3	16	20	16	7	12	24			
				13	2	7	3	19	6	5				
					12	5	12	9	2					
						16	4	16						
							12							

Однаковыи числа представляютъ однакозыи буквы. По отвѣтнôмъ вложенію буквъ, даетъ найдолшій рядъ изъ горы въ долину и найдолшій ôтъ лѣвой до правой, радостный воскликъ кождого христіанина.

Поодинокіи ряды означаютъ: I) Согласна. II) Новый періодъ. III) Дерево овочевое. IV) Рѣка въ Австріи. V) Житель одного африканского края. VI) Имя, начальная буква патроним., и прозвище романописателя. VII) Море на сѣверѣ Европы. VIII) Той радостный воскликъ. IX) Начальныи буквы имени и патроним., и полное прозвище русского романописателя. X) Вступъ. XI) Давнѣйшая монета. XII) Имя мужеское. XIII) Имя женское. XIV) Насѣкомое. XV) Самогласна.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 9. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Мая 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

ЗАЗУЛЯ.

й яворе зелененькій,
Маю на тя гадку,
Гадаю тя порубати,
Миленькой на хатку.

Гадаю тя порубати
Гилье потесати,
Щобы своей миленькои
Хатку сбудовати.

Ой лѣщино, лѣщиноньcко,
Чому'сь не сродила?
Зимка была студененька,
Та мя сморозила.

Зашумѣли воды, броды,
Зелененьки гаи,
Вылетѣла зазуленька
У далеки краи.

Перестаньте воды, броды,
На тотъ часъ шумѣти,
Та якъ будетъ зазуленька
До дому летѣти.

Ой не лѣтай зазуленько
Въ ночи по убочи,
Абы'сь собѣ не выбрала
На калинку очи.

Ой бо того, зазуленько,
Пригода бываетъ,
Та що собѣ зазуленька
Очи выбираетъ.

Коломыйки.

На подолью.

Изъ пригодъ жениха.

III *)

Мы сидимъ въ тепленькой комнатѣ, на приходствѣ. Тутъ заѣхалъ я переночовати. Вокругъ тихо. На дворѣ темно, лишь въ дали, у воротъ церковной входной вежи блестаетъ свѣтло ватры, розложенной вартовникомъ. Ôтъ времени до времени розлягается его монотонный, ночній покликъ.

Комната старого пароха не велика. Нѣсколько старинныхъ меблей, старинныи картины на стѣнахъ и высокіи, полно книгами наложенныи полки, дѣлали однакъ комнату прибѣжищемъ, въ которôмъ послѣ денныхъ трудôвъ, радо спѣшимъ спочити. Мы домышлялись, що и старикъ радо пребываетъ въ той комнатѣ, где книги и привлекали и задерживали его.

Противъ мене при столѣ сидѣлъ лѣсничій того-жь села, посѣщавшій пароха щоденно. И нынѣ ôнъ, якъ обычно, прійшолъ и мы познакомились. Мы ждали явленія пароха, который выйшолъ, полагодити еще нѣкоторыи господарскіи дѣла. Съ лѣсничимъ мы съ начала вели досыть живый розговоръ, послѣ однакъ тишина, окружавшая насъ, подѣйствовала и на насъ и мы, избравши собѣ гдеякіи книги, перелистывали ихъ въ молчанію и махинально. Такъ переглядаемъ книгу, коли чувствуемъ внутренній спокой и удовольствіе, изъ которого выйти не хочемъ, а ничого иного въ той хвилѣ не желаемъ.

Наконецъ войшолъ старикъ. Волосъ долгій, бѣлый спадалъ на его одежь, лице было поорано, но полно благородныхъ чертъ. Ôнъ улыбаючись, похиталъ къ намъ головою, якъ бы хотѣлъ изъ нова насъ привитати.

„Тихо? правда?“ спросилъ ôнъ, узрѣвши насъ затопленныхъ въ книгахъ, и сѣдаючи при насъ, „у мене всегда такъ. Уже така тая комната. И я, признати, люблю тую тишину, котора вокругъ насъ владѣетъ. Вы — обратился ôнъ ко мнѣ — быти можетъ, и тутешній, Подолянинъ, но не знаю, стало ли то для васъ замѣтнымъ, якъ блаженно дѣйствуетъ на человѣка въ нѣкоторыхъ хвиляхъ подольская тишина. Вы юный человѣкъ и васъ безсомнѣтельно бôльше плѣняетъ гаморъ жизненный. Хорошо, и въ тôмъ есть прелесть. Шумъ городскій отдѣливаетъ на насъ тоже своимъ полезнымъ, подстрекающимъ къ дѣятельности способомъ.“

„Дѣйствительно, такъ“ запримѣтилъ я.

„Ну, видите. Я проживалъ и въ городѣ. Если тамъ сидишь вечеромъ самъ въ комнатѣ, то ты таки не чувствуешься одинокимъ. Чувствуешь, що вблизи, вокругъ тебе, суть люде. Изобразѣтъ собѣ однакъ вечеръ у насъ, на Подолью, примѣромъ въ зимѣ. Кождого майже вечера играемъ мы съ лѣсничимъ тутъ въ шахи. Сидимъ оба тихо и роздумуемъ. Въ цѣлôмъ домѣ и вокругъ въ селѣ тишина. Лишь вѣтеръ посвистываетъ хвилями, задуваючи снѣгомъ. Такіи хвили маютъ въ собѣ прелесть спокоя и мира. Позвольте однакъ спросити васъ, были ли вы коли сами ночью середъ подольской ровнины, а именно зимою?“

„Нѣтъ“, отвѣчалъ я.

„Пытаю васъ о то не безъ причины. Вы коротко у мене, двѣ-три годины, а однакъ вы въ нашôмъ прежнôмъ розговорѣ выразились, що Подолье не способно своею природою дати величественный образъ. Я о стôлько вамъ супротивляюсь, що суть нѣкоторыи поры, въ которыхъ природа подольская стаетъ величественною. Вы то сейчасъ почувствовалибы, еслибъ найшлись вы сами ночью на далекихъ поляхъ, покрытыхъ снѣгомъ. Правда, око ничого не можетъ дозрѣти, вокругъ ровнина. Но то именно производитъ необыкновенное впечатлѣніе, а именно впечатлѣніе мертвоти, и человѣка тогды поневольно обнимаетъ страхъ.“

Старикъ замолкъ и погрузился немного въ задумье. Его личность начинала мене занимати. Въ той хвилѣ роздался унилый покликъ ночного вартовника. Мы поневольно содрогнули. Лишь старикъ сидѣлъ спокойно. Наразъ ôнъ поднесъ голову и указалъ рукою въ окно.

„Вы чули?“ спросилъ ôнъ.

Не знаю по якой причинѣ я не отвѣтилъ ему. Вѣроятно, я въ ту минуту, всмотриваючись въ пароха, хотѣлъ догадатись, по якому поводу ôнъ пытаетъ мене о то. Старикъ однакъ предупредилъ мене.

„Удивляетесь, по якой причинѣ я ставляю вамъ такій вопросъ,“ говорилъ дальше старикъ. „Я, быти можетъ, являюсь для васъ страннымъ, но мы на селѣ стаемъ поневольно такими. Вы, юныи люде, живете въ свѣтѣ, полно, буйно. И добре; вамъ слѣдуетъ жити въ буйствію, иначе вы не юноша! А мы тутъ иначе! И я перейшолъ минуты шалости. Теперь я самъ тутъ живу. Моя дочь уже замужемъ. Среди такихъ, видите, обстоятельствъ человѣкъ поневольно стаетъ страннымъ. Якъ для кого, слѣдуетъ придати. По моему мнѣнію, кождое понятіе есть взгляднымъ. Не говорѣтъ сейчасъ, що я скептикъ. Если я нимъ есмъ, то и вы разомъ со мною скептикъ, такъ якъ предполагаю, що вы въ жизни вообще хотьбы лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ были иного мнѣнія, чимъ другіи, а отмѣнность мнѣній не есть ничимъ инымъ, якъ лишь фактичною стороною скептицизма. Вертаю отже до вартовника. Я хотѣлъ васъ спросити — изъ любопытности — чи вы, зачувши, примѣромъ, той покликъ вартовника, поставили собѣ коли вопросъ: о чемъ той вартовникъ, що ходитъ тамъ цѣлую ночь, о чемъ ôнъ думаетъ?“

„Я дѣйстно о тôмъ не розмышлялъ“, отвѣтилъ я.

„А я докончу: бо вамъ обстоятельства не дали розмышляти о тôмъ. Вы просто, живучи въ свѣтѣ, не маете времени, привести на умъ такую мысль. А намъ обстоятельства даютъ къ тому время. Правда, щô тіи обстоятельства не сдѣлаютъ изъ человѣка!“

Тутъ старикъ улыбнулся.

„Нашъ сосѣдъ накладаетъ изъ нова люльку“ продолжалъ парохъ (его лице чимъ разъ розвеселялось), „не будемъ же мы сновь аскетами. У мене есть молдавское вино. (Ôнъ наполнилъ наши чаши). Затымъ, пью здоровье юныхъ женихôвъ.“

Мы выпили.

„Я позволю собѣ, быти немного и недискретнымъ. Продолжаю прежное. Положѣмъ, на мѣстци вартовника былибъ — вы, такіи именно, якими вы теперь. О чемъ вы бы цѣлую ночь или цѣлый день думали?“

Старикъ даромъ ожидалъ отвѣта.

„Вы може скучалибъ“, продолжалъ ôнъ, „но то не входитъ въ мôй вопросъ, такъ якъ узвычаеніе, скучати, не есть ничимъ инымъ, якъ лишь сознаніемъ, що нѣтъ намъ що дѣлати. Я бы былъ весьма любопытнымъ узнати, чи такое узвычаеніе, скучати, есть у кождого человѣка? Якъ думаете?“

„Думаю, такіи хвили, хоть не часто, суть у кождого человѣка.“

„И у селянина? Сновь не отвѣчаете. Тымъ разомъ еще по одному на здоровье нашого сосѣда. Пійтежь! Я сновь думаю, що у селянина нѣтъ того узвычаенія, и въ тôмъ вижу добрую сторону селянина. Затымъ той вартовникъ тамъ не скучаетъ, а если такъ, то ôнъ конечно о чемъ-то думаетъ.“

„Хорошо“ началъ я теперь, „я поставилъ бы тоже одинъ запросъ.“

„Я и знаю, якій“, заявилъ старикъ.

„Примѣромъ.“

„Вы хочете теперь мене спросити— о чемъ бы я думалъ, будучи на мѣстци вартовника. Такъ?“

„Такъ. Отже о чемъ?“

„Ну, я скажу вамъ примѣромъ, що то у мене не новина. Я неоднократно цѣлый день самъ просижу въ моей комнатѣ.“

„Въ тôмъ великое розличіе“ замѣтилъ я „просидѣти день въ комнатѣ своей далеко не то, що пробыти день на пустцѣ, на стражи.“

*) См. ч. 6.

„Длячого?“

Въ комнатѣ вы лишь на видъ сами, а на дѣлѣ вы не сами. Тіи книги даютъ вамъ мысли, и берутъ ôтъ васъ мысли. Кождая картина, кождый предметъ маетъ свое предназначеніе и съ ними связаны поневольно и поочередно наши мысли. Иначе тамъ — пустка!“

„А природа?“

„Затымъ о природѣ вы думалибъ?“ пыталъ я дальше.

„Я того не кажу“ отвѣчалъ парохъ, „я лишь спрашиваю, якую роль будетъ играти тогды природа.“

„Позвольте, природа ре играетъ нiякой роли.“

„Якъ нѣтъ?“

„Очевидно, нѣтъ; природа пассивна. То уже ôтъ насъ зависимо, чи мы ей пассивность принимаемъ къ собѣ яко влiятельную силу.“

„А може и не такъ. Возьмѣтъ такій примѣръ. Вы — при прочихъ нормальныхъ обстоятельствахъ — въ свѣтлую, ясную погоду, будете тоже веселы умомъ, охочіи, при непогодѣ и человѣкъ стаетъ нерасположенымъ.“

„Стаетъ, бо такъ хочетъ, можетъ однакъ и не хотѣти и не станетъ такимъ.“

„Не росходится о то, щобы могло быти, еслибъ — но о то, що на дѣлѣ пересѣчно а майже всегда случается.“

„Нехай-же и такъ будетъ. Я однакъ пригадую, що я прямого отвѣта на мôй первый вопросъ еще не получилъ.“

Старикъ въ голосъ розсмѣялся.

„Ну, ну, выпьемъ еще по одной чашцѣ. Дамъ вамъ такій прямый отвѣтъ, якій и вы мнѣ должны были дати, а именно: що на той вопросъ прямо отвѣтити не можно.“

Тутъ парохъ наразъ примолклъ и двинулся поневольно изъ фотеля.

„Если не ошибаюсь, то — они!“

На оборѣ роздавался гаморъ, якъбы кто заѣхалъ.

„Безсомнѣтельно они!“

Парохъ выйшолъ изъ комнаты, и вскорѣ вернулъ съ гостьми.

„Отъ мои! Мои спюшки, и щебетюшки! Тутъ моя дочь, тутъ мôй зять, завѣдатель сосѣдного села, а тутъ тіи пещенныи спюшки!“

Двѣ малыи дѣвочки смѣючись сердечно, чепились полъ старика.

Мы привитавшись, якъ слѣдовало, удалились оба съ лѣсничимъ въ сосѣдную комнату, поки гости не справлятся съ шубами, привитаніями и такъ дальше. Въ такихъ случаяхъ суть свои секретики.

Коли мы были оба въ комнатѣ, лѣсничій значительно моргнулъ ко мнѣ, указалъ пальцемъ въ сторону первой комнаты а послѣ приложилъ палецъ на чело.

„Правда?“ началъ ôнъ, „старикъ въ своимъ родѣ! Ну, правда, що-жь съ вами? Женитесь?“

„Дѣло пустое“ кажу.

„Ба, ба, ба! Якъ то кажутъ: хлѣбъ ѣстся, а бесѣда говорится. Глядаете красивой, чи богатой?“

„Якъ случится!“

„Правда! Межи нами сказати: на столъ клади батеньку тысячки, якiи тамъ суть у тебе. Ну, уже вѣроятно маете що напятого?“

„Не идетъ!“

„Не вѣрю, голубчику, не вѣрю! Хорошо-жь, тайна сердце! Ехъ, тіи юныи лѣта! Погуляйте еще, поки свободны! Не спѣшется! Теперь еще у васъ полъ бѣды — а потомъ!“

Ôнъ взялся за голову.

За хвилю войшли въ салю прочіи гости и розговоръ сталъ общимъ, несвязаннымъ.

„Ану, щебетюшки, ходѣтъ и вы сюда!“ взывалъ старикъ.

Малыи дѣвочки изъ тиха войшли, позираючи несмѣливо па незнакомыхъ гостей. Ихъ полныи, усмѣхливыи личика, покрылись немного краскою. Вскорѣ однакъ они розсмѣлились и вели постоянную борьбу съ старикомъ.

Съ зятемъ-завѣдателемъ, я промѣнялъ первыи слова етикетально—извѣстно, обычай — однакъ слово за словомъ, вспоминка за вспоминкою и показалось, що мы давнiи знакомыи; мы уже встрѣчались чи не тамъ на соборнику, а здается, и въ купé разомъ разъ ѣхали и еще много утѣшенія мали зъ якого-тамъ толстяка, сидѣвшого съ нами въ купé. Ôнъ, мôй собесѣдникъ, въ тую сторону ѣхалъ, я въ тую. Ôнъ былъ ѣздою изнеможенъ, и вообще не любитъ долго оставати на поѣздкахъ. Особенно на тыхъ нашихъ галицкихъ желѣзницяхъ! Хаосъ, кажетъ, якъ вообще въ Галичинѣ. Съ шуткою сказати: ельдорадо. Дальше ôнъ не куритъ папиросокъ, лишь люльку. А такъ! На злость министру финансôвъ. А потомъ, економія и здоровье промавляютъ за выборомъ люльки. Наконецъ кажетъ, надѣется, що я схочу у него побывати день, два, такъ якъ я свободный пташокъ, съ временемъ не числюсь, о день долше, чи коротше, то все рыба! Лишь слѣдуетъ избрати жену добросердечную, щирую, съ чувствомъ и пониманіемъ.

„Время спочити!“ сказалъ наконецъ старикъ. „Полночь уже минула, а то еще завтра наговоримся, що не мѣра!“

Слѣдующого дня я посѣтилъ моего давного знакомого.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древнiи церкви и монастыри, фундацiи и фундаторы тыхъ-же и древнiи фамилiи священническiи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

IV.

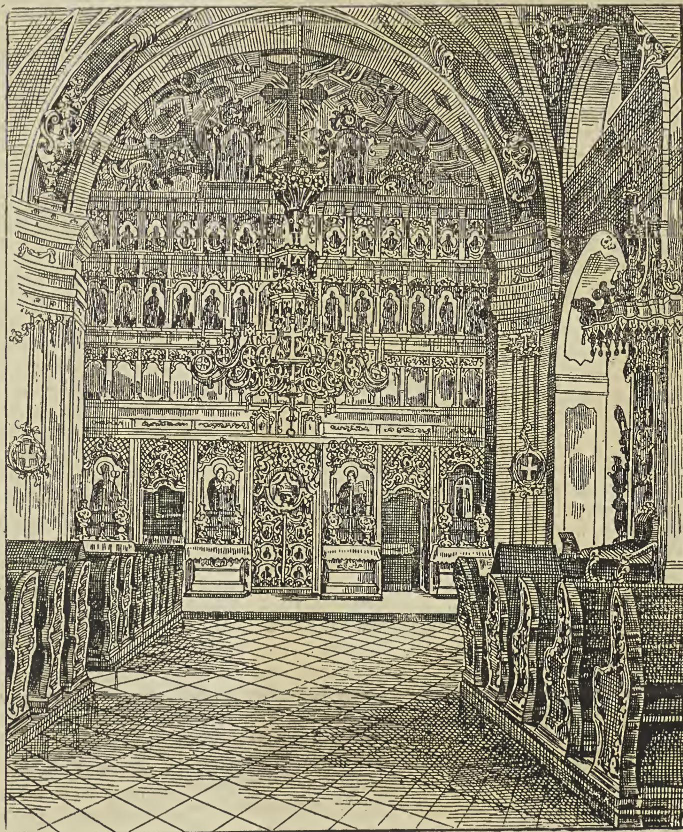
Зъ тыхъ актôвъ и документôвъ, о скôлько они намъ были доступны, вообще явствуетъ, що зайшла великая смѣна въ формѣ презентъ и фундацій церковныхъ, въ первыхъ дотычно квалификацiи кандидатôвъ, требуемой при обсадженію бенефицій церковныхъ, во вторыхъ по причинѣ приготовляемого послѣ явного приступленія къ униi въ двохъ епархiяхъ, Львовской и Перемышльской.

Дѣломъ отвѣтного воспитанія и образованія клира, занимались Львовскiи и Перемышльскiи епископы, уже въ другой половинѣ XVII столѣтія, но недостатокъ матеріальныхъ средствъ, препятствовалъ основанію отвѣтныхъ училищь, а предовсемъ семинарiй духовныхъ. Епископъ Львовскій, Іосифъ Шумлянскій, въ метрицѣ или реестрѣ, изданнôмъ г. 1687 для церквей, поручаетъ мiрскимъ священникамъ, щобы своихъ сынôвъ накланяли не лишь до изученія словенского, взглядно русского но и латинского, языкôвъ, и подаетъ къ тому слѣдующій мотивъ: „Называютъ насъ — пишетъ епископъ Шумлянскій въ выше упомянутôмъ посланію— простотою (т. е. простаками), по причинѣ, що латинского письма ниже польского не понимаемъ, и языкомъ латинскимъ или польскимъ говорити не умѣемъ, — хотяй другій священникъ въ словенскôмъ языцѣ и письмѣ будетъ добре ученый и бôльше умѣти бы не долженъ (для исполненія своего званія), лишь щобы кождый своего власного языка и письма былъ добрымъ знатокомъ.*)“ Во виду того препоручаетъ той епископъ своему духовенству, щобы обзнакомивши своихъ сынôвъ у себе въ дома съ началами языка русского, высылало ихъ до училищь во Львовъ, Ярославль, Краковъ, и за границю до Кіева, где существовала академія, учрежденная митрополитомъ Петромъ Могилою; если же бы кому до Кіева было за далеко, совѣтуетъ духовенству, высылати сынôвъ до Гойска, мѣсточка, лежащого надъ рѣкою Горинею на Волыни; тамъ существовало училище, въ которôмъ ишли преподаванія не лишь словенского, но и латинского и польского языкôвъ. Образовавшимся въ тыхъ училищахъ, обѣщаетъ епископъ свое покровительство, выражаючись, що будетъ обращати на нихъ свое вниманіе при обсадженіяхъ бенефицій и при про-

*) Сводная Лѣтопись А. Петрушевича, стр. 358, г. 1687.

моціяхъ. Вѣроятно такаяжь инструкція была издана тоже которымъ изъ Перемышльскихъ епископôвъ, въ слѣдствіе которой приготовляющіися къ духовному званію кандидаты изъ Перемышльской епархіи, образовались въ теченію XVIII столѣтія, въ училищахъ латинско-польскихъ или латинско-угорскихъ, ближе лежащихъ и приступнѣйшихъ для жителей епархіи Перемышльской, а именно дѣлъ епархіи Перемышльской, составленнôмъ для апостольского нунція въ Варшавѣ, Іосифа Гарампи, г. 1772.**) Тіи училища, очевидно, предназначенныи для мірскихъ людей, не могли заступати потребу духовныхъ семинарій, котора чимъ разъ сильнѣйше давала чувствоватись. Учрежденія такихъ семинарій, или вообще воспитанія кандидатôвъ, отвѣтного духовному званію, домагалась сближаюкому, пранявшому тайно унію прежде уже въ Варшавѣ: „ut iuvet mitti adolescentes ad seminaria pontificia “

Тому требованію удовлетворилъ наслѣдникъ Инокентія Винницкого, приступившого явно къ уніи г. 1692, епископъ Перемышльскій, Георгій Винницкій, обнявшій престолъ по Инокентію г. 1700. Георгій Винницкій, избранный по смерти митрополита русско-унитского, Леона



Иконостасъ катедрального храма въ Унгварѣ.

во Львовѣ, Перемышли, Ярославли, Кроснѣ, Решовѣ и въ Подолинци (на Угорщинѣ).*) Явствуетъ то изъ реляціи, которую сложилъ епископъ Перемышльскій, Атанасій Шептицкій, въ своимъ описанію щаяся къ своему осуществленію идеа уніи церковной, якъ тое явствуетъ изъ желанія, выраженного зъ высше епископу Перемышльскому, Инокентію Винницкому, ... Заленского (скончу. г. 1708), поступилъ на митрополитальный, русско-унитскій престолъ, дѣйствительно г. 1711. Былъ ôнъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ епископôвъ Перемышльскихъ, а взглядно русскихъ митрополитôвъ.*) Георгій Винниц-

*) Сводная Лѣтопись А. Петрушевича.

**) Атанасій Шептицкій былъ епископомъ Перемышльскимъ ôтъ года 1762—1779.

*) Умеръ ôнъ г. 1713 въ Урожи на Подгорью, въ бывшôмъ имѣнью еписко-

кій сдѣлалъ значительную фундацію на образованіе русскихъ воспитанниковъ въ папской коллегіи ОО. Театинôвъ, которая тогды учреждена была въ престольнôмъ городѣ тогдашного воеводства русского, во Львовѣ. »Notabilem fundum fecit pro alendis alumnis in collegio Pontificio Leopoli P. P. Theatinorum.“ Такъ сказано въ рукописи, составленной современнымъ майже епископомъ Володимірскимъ, Леономъ Кишкою, который сталъ послѣ митрополитомъ унитскимъ.**) Сверхъ того записалъ еще Георгій Винницкій г. 1712, 40.000 зол. польскихъ на учрежденіе духовной семинаріи, съ тымъ опредѣленіемъ, щобы тая семинарія основана была не где-инде, лишь при катедральной церквѣ св. Іоанна въ Перемышли.***)

(Прод. посл.)

Мальчикъ.

попôвъ Перемышльскихъ. Жизнь его описалъ Ольшевскій въ своимъ сочиненію: „Żywot Jerzego Winnickiego“. Кончина его слѣдовала въ самôмъ розцвѣтѣ его мужеского вѣку, въ 50 году жизни. Похороненъ былъ, по свѣдѣніямъ Стебельского („Ostatnie prace Stebelskiego, Kraków 1877“ ст. LXIII) въ монастыри Василіанскôмъ въ Лавровѣ.

**) Сводная Лѣтопись А. Петрушевича.

***) Сумму тую забезпечилъ Георгій Винницкій г. 1712 на своихъ наслѣдственныхъ добрахъ: Чаплю, Гуменци, Яновѣ и Волицѣ.

Картинки изъ Буковины.

Галицкимъ братьямъ начерталъ А. П Ш.

(Конецъ.)

По вечерѣ слѣдовали танцы, начатыи нашою коломыйкою. Послѣ продолжали плясаніе молодыи люде до бѣлого дня. Коломыйка заступаетъ у насъ тоже и мазура, которого тутъ и въ кружкахъ русскихъ и въ нѣмецкихъ, или весьма рѣдко или вовсе — якъ то по буковински кажется—не „данцуютъ.“ Дансерокъ было доволѣ, самыи хорошенькіи, и самыи русскіи. Иной бесѣды и не слышалъ ты. Не увѣришь, любезный читатель, якое то неизреченно милое впечатлѣніе сдѣлало на мене, коли узрѣлъ я себе въ чисто русскôмъ обществѣ. Пригадалъ я собѣ сейчасъ на одного подофицера войска Донского, съ которымъ г. 1848 я въ Станиславовѣ познакомился. На мôй запросъ, якъ нравится ему наша Галичина, сказалъ ôнъ мнѣ: „Тутъ мѣшанный народъ. Идетъ собѣ тутъ Полякъ, а тамъ Нѣмецъ, то сновь Русскій, а тутъ и Еврей. Еслибъ ты былъ у насъ на Дону, то хорошая сторона! Тамъ нѣтъ Поляка, нѣтъ Нѣмця, нѣтъ Еврея а лишь самыи Козаки!“ И я понималъ его. Пріятно, быти межи своими.

Казалось бы, що на селѣ, во время школьного года, будетъ недостатокъ молодыхъ дансерôвъ. Но тутъ хозяинъ дома извѣстный, всѣми почитаемый и любленный патріотъ, тому и семинарія духовная и общество Черновецкихъ академиковъ „Буковина“, доставило хорошій контингентъ охочихъ дансерôвъ, а що бôльше, и спѣвакôвъ. Молодыи люде у насъ не радо до картъ засѣдаютъ, якъ то я въ Галичинѣ въ послѣднихъ лѣтахъ запримѣтилъ. Даже и у старшихъ игра въ карточки не належитъ до необходимого розвеселенія въ такіи торжества. Молодыи гуляли и ôтъ поры до поры спѣвали. Хорошій квартетъ, склавшійся изъ богословôвъ и академикôвъ Буковинцевъ, затягалъ, коли цыганы утомилися, наши хорошіи пѣсни, такіи самыи, якіи поются въ Галичинѣ. Що пѣсенька „Чомъ красна Буковина“ или „Кобъ я была та зазуля“, бôльше може у насъ до сердця промавляетъ, тому не удивляйтесь. Подолянина бôльше порушитъ пѣснь: „Ты дѣвчино изъ Подолья“ или „Ой орле, орле, сивый соколе“ чимъ лемковская: „Ой на горѣ овцы пасла, ажь ся тота гора стрясла“, которая сновь якому брату-Лемку, если бы ôнъ былъ съ нами на свадьбѣ, и почулъ тую пѣснь, была бы слезы изъ очей вытиснула. Мене чрезмѣрно возрадовало, що и дѣвицы наши Буковинскіи ставали до квартета и хорошо пѣли изъ нотъ наши пѣсеньки. Давнѣйше и у насъ въ Галичинѣ, за временъ моихъ юныхъ лѣтъ, бôльше спѣвали дѣвицы, чимъ теперь. Неразъ по праздникахъ, на поповстахъ русскихъ, розлягалися пѣсни нашихъ дѣвицъ, а если не было музыки, то при пѣснѣ коломыйки плясали мы коломыйку, при иныхъ же пѣсняхъ начинали мы и кадриля. Теперь продукуются спѣвомъ лишь тіи дѣвицы, которы спѣвати нарочно учатся; другіи же думаючи, що спѣвъ ихъ не такъ ученый

или искуственный, спѣвати въ обществѣ не хочутъ. Такъ не должно быти. Пѣніе то головная признака русскихъ людей. Тому спѣвайте, наши птички, якъ умѣете, а не дай Боже, щобы наша пѣснь въ нашихъ домахъ колись занѣмѣла!

Приглянувшись охочой плясбѣ нашой молодежи, и потолковавши съ старшими о дѣлахъ народныхъ, надъ ранкомъ уже удалился я, не много проспатись. Во виду того, що обовязки званія моего, не позволяли менѣ оставати долше, я переспавшись, пôйшолъ роспращатись съ хозяинами. На поповствѣ вже все было на ногахъ и уже подавали каву тымъ гостямъ, которы, подобно якъ я, переспавшись, приходили. Сновь переважали числомъ мужчины. Дамы занятыи, якъ обыкновенно, тоалетомъ, еще не явилися. Tout comme chez nous. Я наконецъ, поблагодаривши за приглашеніе и принятіе, роспращался съ всѣми присутствующими гостями, и удалился на свою кватиру, шобы ôтправитись въ Черновцы. „Не бануйте, господинъ профессоръ“, сказала мнѣ, еще при ôтходѣ, любезная хозяйка. Того слова „бановати“ въ Галичинѣ въ тôмъ значенію не употребляютъ; на Украинѣ говорятъ пращающимся „не помянѣтъ лихомъ“, що майже идентическое съ буковинскимъ „не бануйте“. Слово тое, которого и народъ употребляетъ, значитъ въ такихъ случачаяхъ то, що „извинѣтъ, если въ чемъ не угодили мы вамъ.“ Полусонный ѣхалъ я въ Черновцы. Безпрестанно гомонѣли еще мелодіи спѣваемыхъ пѣсней и танцевъ. Передъ очима переходили серьезныи лиця бородатыхъ священникôвъ, добродушныхъ ихъ супругъ и милыи, веселыи личка нашихъ красавицъ.

Где я былъ? Сто лѣтъ и нѣсколько тому назадъ, тая краина принадлежала Бисурманамъ. Поляки въ Галичинѣ думаютъ все еще, що тутъ настоящая Волоша, где коли-то они получили доброго прочуханця; не даромъ вспоминаютъ, що za króla Olbrachta wyginęła szlachta, котору лестнымъ способомъ привлекли Волохи въ лѣсы буковыи (сегодня Мигученскіи), и тамъ порядочно истребили. Однакъ мнѣ, родомъ Галичанину, казалось, що я былъ межи своими сердечными землями, що я хотяй не на родимой а все таки на своей землѣ.

———•●•———

(Конецъ.)

Подбережъ, если не цѣлый, то по крайной мѣрѣ часть его, есть осадою румунскою; доказательствомъ того суть межи иными названія фамилій: „Кульпа“ (Culpa), Фуръ (fur); вѣроятно было тутъ бôльше названій фамилійныхъ румунскихъ, но тіи смѣнились на патронимія, якъ: Андрѣевъ, Олексинъ, Яцковъ, Тымковъ, Юрковъ, Микитинъ, Прокоповъ, Гавриишинъ, Федишинъ, Иванишинъ и проч.

Селяне ходятъ въ чорныхъ, по колѣна сягающихъ сѣракахъ или кожухахъ, и въ бараньихъ высокихъ шапкахъ, якіи продаются на ярмаркахъ въ Долинѣ. Носятъ тоже новомодныи чоботы, купуемыи у Болеховскихъ сапожникôвъ.

Бѣднѣйшіи ходятъ въ ходакахъ, или собственного издѣлія „капцяхъ.“ Есть то зъ вербы или березы выдолбаная подошва съ клобукомъ, до которой прибиваютъ пришву съ короткою холявою. Лѣтомъ при роботѣ носятъ полотняныи бѣлыи лейбики — (родъ камизоли съ рукавами). Сорочки у нихъ собственного издѣлія, долгіи, доломъ дзѣрганиныи т. е. вышиванныи. Женщины носятъ тоже сѣраки и кожухи, якъ мужчины. На головѣ носятъ женщины на тыждни или въ дома — чепецъ (родъ сѣтки); кромѣ того на около головы обвиваютъ на 4 до 5 сентиметрôвъ широко сложенную хустку. Такіи-жъ хустки носятъ и дѣвчата, лишь безъ чепця. Межи люде или до мѣста берутъ женщины на голову пѣвку. — Есть то бѣлый платокъ сфалдованный въ однôмъ кôнци, щобы присталъ до головы по надъ чело, украшенъ червоною вышивкою. Въ недѣли и свята до церкви убираютъ они на голову рантухъ, надъ челомъ узко сложенный; оба концы его спускаютъ широко по плечахъ, одинъ же конецъ рантуха привязуютъ до кармана сѣрака или кожуха. Если женщина носитъ жалобу, то закрываетъ рантухъ надѣтымъ сѣракомъ или кожухомъ. Сорочки женщинъ — долгіи по пяты, вышиваны лишь на рукавахъ. Споднпцы носятъ собственного издѣлія, зъ домашного полотна, которое даютъ выбивати въ розличныи десени; такимъ выбиваніемъ взорôвъ занимаются Жиды. Лишь богатшіи носятъ споднпцы купованныи.

Головнымъ занятіемъ селянъ есть господарка орная и скотоводство. При свободнôмъ времени, зимою, многіи занимаются плетеніемъ кобель, т. е. ручныхъ кошикôвъ зъ лозъ; лозину варятъ въ котлахъ, обдираютъ кору и послѣ сплетаютъ. Промыслъ той однакъ выкорыстуютъ Жиды Болеховскіи; давнѣйше платили по 30 кр. за такую кобелю, теперь даютъ лишь по 10 кр., и желѣзницею высылаютъ въ свѣтъ.

Многіи занимаются ткацтвомъ. — Въ Подбережу есть двохъ властителей двохъ тартакôвъ водныхъ и трехъ млынôвъ. Суть два ковали, одинъ столяръ и механикъ самоукъ, который направляетъ швейныи машины жидамъ Болеховскимъ, и годинники селянамъ. Есть тоже одинъ рѣзбярь и каменярь — самоукъ.

Селяне выпасаютъ скотъ на громадскôмъ пасовиску, зовимôмъ Дуброво ю. Пасовиско тое есть мокрявиною, съ непропускающимъ грунтомъ, сивою глинкою. Тую Дуброву перетинаетъ потокъ Сажава. Вода Сажавы есть червонявою и — якъ народъ кажетъ — щипающою, а при тôмъ вредною на поля, если выступитъ зъ корыта и разлѣется на нивы. Народъ говоритъ: „якъ вода Сажавы перейдетъ полемъ — то поле 5 лѣтъ не родитъ.“

Въ селѣ есть школа филіяльная, котору посѣщаютъ 60 дѣтей; языкъ выкладовый русскій. Приходская церковь Пресвятой Тройцы, построенъ г. 1820, украшена внутри г. 1872. Книги метрикальныи задержались начавши ôтъ г. 1785. Ôтъ того года, по книгамъ метрикальнымъ, были слѣдующіи душпастыри; Юстинъ Высочанскій, изъ чина св. Василія Великого, до 1793. Василій Салевичъ, г. 1819. Завѣдателемъ года 1820 былъ Лука Данкевичъ; по немъ до года 1826 былъ Іоаннъ Туркевичъ. Ôтъ 1826 — по 1850 приходникомъ былъ Іоаннъ Павликевичъ; до 1851 Даніилъ Шевадзицкій; ôтъ 1851—1879, Василій Микитка; до 1882, Владиміръ Микитка; ôтъ 1882 до 1884, Григорій Гуменный, года 1886, Емилій Ковальскій, ôтъ года же 1886 — теперѣшній приходникъ — Іоаннъ Бирчакъ.

———

Дѣти Гаймона
и
Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

Найтичанка сближалась до мѣсточка. Изъ дали виднѣла уже церковь, що стояла на горбку.

„Еще одно“ говорилъ Евтимъ, якбы собѣ пригадовалъ „не могу позбытись его вида; скажѣтъ, кто той Гаймонъ? Не сидѣлъ ли ôнъ при моимъ ложи? а до того, кто выдобылъ мене изъ волнъ Сяну, того до теперь не знаю.“

„Гаймонъ? Добре, розскажу вамъ.“ Дуновичъ на хвилю задумался. „Той Гаймонъ — продолжалъ парохъ — то необыкновенный человѣкъ, мужикъ, якого я въ долгôмъ моимъ служенію не встрѣчалъ. Имя Гаймонъ походитъ ôтъ мене; я придалъ ему тое прозвище, а оно якъ каждое прозвище того рода скоро принялось у людей. Его никто иначе не называетъ, лишь Гаймономъ. А назвалъ я его такъ, бо ôнъ своею минувшостію

пригадуетъ на того извѣстного Гаймона изъ Дордоны и его дѣтей, которы долгую борьбу вели. Его всѣхъ предкôвъ можнабы назвати — дѣтьми Гаймона. — Якъ знаете, Смеречне есть панщизнянымъ селомъ. Всѣ подлежатъ панщинѣ, — лишь одинъ Гаймонъ и его дѣти нѣтъ. То одна родина, котора совсемъ свободна ôтъ панщизнянного ярма."

„Но зачимъ до того прійшло, переплатилось не однимъ. Ôнъ маетъ, якъ и вы може замѣтили вже, великое сознаніе свободы и любовь до ней, явленіе, которое не у кождого мужика встрѣчается. Невольничества тиранского ôнъ не сноситъ, но ôнъ держится всегда правой дороги... Тое самосознаніе есть у него свойствомъ родовымъ; ôнъ наслѣдилъ его ôтъ прадѣдôвъ, и его дѣти такими будутъ. А слѣдуетъ сказати, що его предки всѣ еще были подданными, всѣ робили панщину; но у нихъ было то особенное, що всегда ставали въ противности до двора, до дѣдича. Паранюки (такъ они звались) всегда вели борьбу съ дворомъ. Но яку? Родина Паранюкôвъ была давно заможна въ смыслѣ панщизнянôмъ. Но прорвалось."

„Одного разу прадѣдъ Гаймона не могъ стерпѣти виду тыхъ тиранскихъ жестокостей, якихъ дѣдичъ допускался на людяхъ. Коли именно гайдуки якогото старого сивого мужика, що просилъ о милостиню, на приказъ дѣдича сѣкли нагайками яко заволоку на панской оборѣ, Паранюкъ не повздержался, щобы не освободити старика. И ôнъ просто одного гайдука кинулъ на землю, другого заглушилъ ударомъ а третого таки взялъ и кинулъ якъ перомъ за высокій плôтъ. (Слѣдуетъ знати, Паранюки всѣ ôтзначаются бôльшою силою.) За то дѣдичъ зъ мести ôтнялъ ему половину его добра а его сына послалъ въ баталіоны, где той и погибъ. Вкôнци и на самôмъ Паранюку помстился. Дѣдичцѣ захотѣлось разъ, щобъ той фаетонъ, въ которôмъ она ѣхала въ мѣсто, тягнулъ старый Паранюкъ. Въ тôмъ чинѣ ôнъ и умеръ."

„На то намяталъ оставшійся сынъ Паранюка. Ôнъ ишолъ еще на панщину, но коли разъ дѣдичъ бременную женщину на полю обкладалъ нагайкам", попалъ Паранюкъ въ крайній гнѣвъ, чепилъ дѣдича и потрясъ нимъ такъ сильно, що тойже потерялъ ôтъ того времени бесѣду, онѣмѣлъ. Не зналъ Паранюкъ въ гнѣвѣ, щó съ паномъ почати, то лишь и потрясъ нимъ, бо сновь праwотитись тогды-то была иронія! Нигде мужикъ не снайшолъ справедливости."

„Вернувши до дому, Паранюкъ уже надѣялся, що по него прійдутъ дворскіи посѣпаки. Ôнъ на то приготовался. Ôнъ сталулъ съ бучиною въ дверехъ и никто изъ гайдукôвъ не смѣлъ приступити; валилъ первого, который лишь сближался. Прійшло и бôльше службы дворской, но ничо не помогло. Они взялись тогды на способъ. Пôдпалили на четырехъ углахъ хату. Но Паранюкъ -- не пôддался. Сгорѣлъ въ огни, а не выйшолъ."

„Теперѣшній Гаймонъ, его сынъ, малъ тогды коло тридсяти лѣтъ. Вы теперь поймете, якъ ôнъ ôтносится до двора. Своего батька видѣти въ поломѣняхъ! Досыть! — Ôнъ не малъ теперь ни хаты, ни поля. — Взялъ бигаръ, овчарскій костуръ и пустился изъ села. Дѣдичъ хотѣлъ силою взяти его въ тяжкую службу. ‚Пожди!‘ сказалъ Гаймонъ ‚Сава Паранюкъ не будетъ бôльше служити убійцѣ своего батька.‘ И ôнъ пôйшолъ на полонины, сталъ овчаремъ, пасъ череды."

„Но тутъ случилось що-то, що важнымъ было на цѣлую его жизнь. Умирающій дѣдичъ малъ видѣніе, що сова выколювала ему очи, зъ совы сдѣлался гробарь и закоповалъ его живого въ яму, а за гробаремъ горѣлъ огонь, въ огни человѣкъ... старый Паранюкъ. Дѣдичъ по такôмъ видѣнію прикликалъ своего сына, теперѣшного нашого дѣдича и одно наказалъ ему передъ скономъ, — щобы въ житью того не сломилъ; именно, щобы Гаймона оставилъ совсѣмъ на свободѣ, щобы николи не затронулъ ни его, ни его загороды, ни дѣтей..."

„Ôтъ того времени нашъ дѣдичъ зъ далека держится ôтъ Гаймона. Длятого Гаймонъ и свободный ôтъ панщины. Ôнъ вже теперь не овчаръ; покинулъ полонины, купилъ коня и купечничаетъ виномъ, за которымъ ôтъ времени до времени на Угры ôтправляется."

„Гаймонъ то душа добра, якой я не зналъ. За него кто нибудь изъ села жизнь бы далъ. Отъ и при васъ ночью сидѣлъ. Но кто васъ изъ воды спасалъ? Послухайтежь еще за его дѣтей."

„Его дѣти тоже въ своимъ особеннôмъ родѣ. Одинъ Яковъ, горбатый, малый; у него замѣтно то, що нимъ всецѣло овладѣло суевѣріе; суевѣріе влечется за нимъ якъ тѣнь. Оно словно уничтожаетъ его. Ôнъ всегда якто молчаливый, глядаетъ уединенія и вѣчно занятый видѣніями. Ôнъ есть и хмарникомъ въ селѣ и построилъ собѣ хатчину, комарникъ тамъ на пусткахъ (вы може и видѣли)."

„Другій его сынъ совсемъ иный: то рыбарь и промовикъ, що провадитъ промъ на Сянѣ. Человѣкъ веселый, шутливый, правдивый сынъ пôдкарпатскихъ горъ. Ôнъ приклванъ до своей воды и до прому. Тамъ ему жизнь и рай. Ванько кажутъ, еще дитиною былъ, а вже до воды тягнулся. Разъ коли жиды пущали Сяномъ бревна, посбиванныи въ родъ плоти съ шатромъ полотнянымъ, Ванько, еще хлопакъ тогды пятлѣтній, всунулся въ шатро тайкомъ и поплылъ съ жидами. Доперва на долахъ вже побачили жиды, що якійто хлопакъ въ шатрѣ закутался. Ôнъ потомъ бывалъ и на Днѣстрѣ и на Черемоши, но таки кинулъ все и вернулъ на свôй Сянъ. Тутъ, кажетъ, жіется якъ разъ. Его вы навѣрно и запамятали, ôнъ бо спасалъ васъ изъ воды, коли вы раненныи упали зъ берега въ Сянъ... Ôнъ принесъ васъ ледво ôтдыхающого на наше приходство, а самъ вернулъ. При васъ оставалъ потомъ Гаймонъ."

„Еще одинъ сынъ Гаймона померъ и остала по немъ лишь вдова Явдоха."

Евтимъ слухалъ особенно послѣднихъ слôвъ; ôнъ тыхъ по видимому и ожидалъ. Ôнъ еще теперь не могъ истолковати собѣ странного поведенія Явдохи при его явленію.

Найтичанка станула на рынку; парохъ казалъ завернути въ сѣнь новопостроенной кондиторіи, где по бôльшой части всѣ сосѣды заѣзжали. Но рынокъ окружного мѣсточка не былъ нынѣ пустый. Тамъ, где передъ тымъ тягались лишь жидовскіи козы, пейсатыи евреи, и где безженадно розкладались съ цѣлымъ своимъ семействомъ скитающіися цыганы, тамъ теперь ржали кони, брязчали сабли. Охотники, що тягнули на помощь Коссуту, тутъ ôтпочивали. Нѣкоторыи лежали на камняхъ неровного рынку, иныи поили кони середъ рынку у колодязя. Многіи собраны были въ кондиторіи.

То была кондиторія, котора разомъ въ малôмъ мѣсточку становила и австерію и ресторанъ и сборное мѣстце. Въ салѣ головной висѣлъ замараный портретъ Робеспіера а на другой стѣнѣ старинный кводлибетъ.

„Тымчасомъ пôйдемъ въ салю" сказалъ парохъ Дуновичъ „еще время; потомъ пôйдемъ до мѣстцевого пароха. Тамъ всѣ сосѣды зъѣхатись маютъ."

Они вступили въ кондиторію. На порозѣ пристанулъ Евтимъ, якъ бы на що-то рѣшался, но сейчасъ рѣшительнымъ шагомъ войшолъ въ первую комнату. Тутъ за бюфетомъ сидѣла женщина, дама о чорныхъ бровахъ, смяглавôмъ лицѣ, на которôмъ незначительно видныи были пѣги, побôльшающіи еще красу ей лиця. На головѣ носила шиньонъ а-ля-Шарлоттъ, а чело обнимали шиньоны льоконныи. — Евтимъ перейшолъ мимо ней, якъ мимо чужой собѣ дамы, безъ выразу лиця. Но она замѣтила его; остала однакъ спокойною, лишь прикусила усточка.

„Скончено съ нею" говорилъ Евтимъ, сѣдаючи при однôмъ столѣ въ другой салѣ „я и самъ вижу, що тую Чешку я неправдиво любилъ; то былъ лишь молодеческій шалъ. А она и сама не совсемъ заслугивала на любовь."

„А! сержантъ Рокитанскій! И ты тутъ! Браво, столлобъ шампанского вы-

пити, а то заподѣлся ты въ свѣтѣ, якъ банька пропалъ; куда бывалъ ты? А теперь съ нами идешь на Коморнъ! отлично! Еще разъ браво.“

Такъ говорилъ толстый, объемистый капитанъ гвардіи перемышльской съ фіолетовою краскою не щекахъ.

„О!“ продолжалъ бнъ, увидѣвши пароха Дуновича „и парохъ зъ моего Смеречного тутъ? а!... разомъ съ сержантомъ... но, не надѣялся,.. витайтежь. Якъ тамъ теперь въ моимъ Смеречнôмъ, що сбылось... Отъ и не надѣялся встрѣтити тутъ...“

„Все по старому“ отвѣчалъ парохъ зимно.

„Но вжежь... колоды тамъ не люде... и людьми ихъ не годится назвати... значитъ: колоды.“

„Капитанъ!“

Передъ капитаномъ станулъ грозно бывшій сержантъ, Евтимъ.

„Овъ! що съ тобою? ге?“ смѣялся капитанъ. „Демократъ? Демократъ изъ тебе вже? ай! Новость одна за другою.“

„Такъ, не стою я уже пôдъ вашимъ револьтовымъ, шляхотскимъ прапоромъ. Но не конецъ, я оборонитель правъ и чести того народа, который остаетъ пôдъ вашимъ гнетомъ.“

„А-у! чи то байка Шегерезады, чи я добре не чую.“

„Якъ позналъ я, вы дѣдичъ изъ Смеречного.“

„Но?“

„Зарядѣтже въ своимъ домѣ; тамъ происходятъ дѣла..“

„Фю! фю! що теперь но свѣтѣ наконецъ не дѣется. Братку, плетешь якъ дитина; що мене обходитъ, що тамъ дѣется. Кобы гроши бтъ жида и вино, а я не дбаю о ничь бôльше.“

„Не дбаешь? А слово твоего батька? Гаймонъ...“

„Гаймонъ?“ (капитанъ нахмурилъ чело). „И ты его вже знаешь? Мара нехай его тамъ беретъ. Мужикъ бнъ, то и на то родился, щобы терпѣти. Ходѣмъ братья!“

„Если ты...“

„Ба, ба, ба, ты хочешь битись! симплицитась! За такъ маловажную рѣчь. Въ походъ братья!“ приказалъ капитанъ охотникамъ.

Опустѣлъ рынокъ и австерія опустѣла; охотники оставили мѣсточко и посувались къ границѣ.

(Прод. посл.)

Исторія народного театра

Петръ Поляцкій.

Часть II.

Театръ пôдъ управленіемъ Моленцкого.

(Продолженіе.)

Вскорѣ по первыхъ представленіяхъ данныхъ Моленцкимъ, основалось (г. 1869) въ Перемышли общество „Бесѣда перемышльская“, до нынѣ существующое. Можно предполагати, що къ новой дѣягельности привели тогдашнихъ Перемышлянъ, межи иными, и сценичныи представленія Моленцкого. Театръ нашъ былъ въ то время, хоть начинающимъ, но стремлящимъ сценичнымъ обществомъ, и былъ всюды принимаемый симпатично.

За двѣ седмицы по приѣздѣ Моленцкого до Перемышля, завязался провизоричный выдѣлъ проектуемой „Перемышльской Бесѣды“, на которого руки сложена была на основаніе общества сумма 47 зол. Довременный выдѣлъ предложилъ три роды членôвъ: учредительныхъ, мѣстцевыхъ и замѣстцевыхъ, такъ якъ и многіи священники изъ окрестности заявили свою готовость, приступити до будущой „Бесѣды.“ Статутъ долженъ былъ быти предложенымъ на общôмъ собранію. Передъ собраніемъ провизоричный Выдѣлъ „Перемышльской Бесѣды“ издалъ слѣдующое обвѣщеніе: „Не могла природа человѣку красшого преимущества удѣлити надъ голосъ, способный изъявити всякое чувство, всякую мысль и гадку, надъ слова, сплетенныи въ искуственный вѣнецъ бесѣды. Слово плывущое изъ устъ нашихъ, то даръ неоцѣненного Бога, а бесѣда, то отгомонъ слова правды, которое человѣка съ человѣкомъ вяжетъ и въ одну великую родину лучитъ. Щобы однакъ бесѣда достигнула высокой той цѣли въ обществѣ, щобы связовала розсѣянныи семейства, щобы горнула въ одну громаду всѣхъ, що нею порозумѣтися хочутъ, муситъ мати средоточіе, зъ которого бы, поддерживаема соединенными силами, могла сильныхъ крѣпити, малодушныхъ загрѣвати, запропащенныхъ навертати. Тою гадкою ведены, рѣшили Русини старинного города Перемышля и окрестности, устроити товаришескую „Бесѣду“ и завязали комитетъ, которому препоручили составити статутъ общества. Комитетъ вывязуючись изъ препорученного ему дѣла, взываетъ Русинôвъ Перемышля и окрестности, и всѣхъ щирыхъ покровителей русской бесѣды, щобы явились на день 23 Мая (4 Юнія) с. г. (1869) въ Пятницю св. Михаила Преподобного, на первое засѣданіе основательное; будутъ тутъ предложены для окончательного рѣшенія, изготовленныи комитетомъ статуты и день дѣйствительного открытія Бесѣды. Засѣданіе ôтбудется въ саляхъ гостинного дома „Пôдъ звѣздою“ о 5 годинѣ зъ полудня.“

Тое основательное собраніе слѣдовало дѣйствительно въ означенный день, пôдъ предсѣдательствомъ крылошанина Гр. Гинилевича; предложенный статутъ былъ въ цѣлости принятый.*)

На первôмъ представленію театральнôмъ понравилась комедія „Мѣшанина французского и румунского языка.“ По своимъ содержанію есть тая комедія сатирою на французоманію. Отецъ невѣжа, перенятый французоманією, самъ не знаетъ ни слова по французски, но дочку свою даетъ учити, и принимаетъ къ той цѣли метра-Румуна, который, вмѣсто по французски, учитъ ею по румунски. Сверхъ того избираетъ отецъ для ней жениха и посылаетъ его на свôй счетъ до Парижа, щобы научился по французски. Женихъ однакъ застрягъ въ Берлинѣ, и повертаетъ послѣ, не знаючи ни одного слова французского. Тымчасомъ приѣзжаетъ нѣкій истинный Французъ и проситъ о руку дочери. Женихъ однакъ и обучитель-румунъ увѣряютъ старого, що той Французъ то обманщикъ, и отецъ проганяетъ его. Дѣло кончится тымъ, що женихъ вѣнчается съ якою тамъ Нѣмкою въ Берлинѣ, Румунъ же съ своею ученицею. Старый радуется, що его дѣти такъ хорошо щебечутъ по французски.

Дальше слѣдовали представленія: 2 (14) Мая, народная драма „Жертва за жертву“ передѣланная изъ великорусского Гембицкимъ; 5 (17) Мая, „Забудько“ комедія въ 2 дѣйствіяхъ, „Катарина“ и „Чія теперь жена“ шутка въ однôмъ дѣйствію; 9 (24) Мая, „Средство, выдавати дѣвчата“ комедія съ спѣвами (1 д.), въ переводѣ Стечин-

---

*) Перемышльская „Бесѣда“ была послѣ открыта дня 1 л. Декемврія (1869). Того дня служили торжественную литургію крылошане: Дръ Гинилевичъ, Кордасевичъ и Дръ Ильницкій, въ присутствію архипресвитера Гр. Шашкевича. Послѣ богослуженія слѣдовало въ комнатахъ Бесѣды общое собраніе. Провизоричный предсѣдатель Д-ръ Юліянъ Лужецкій извѣстилъ собранныхъ о рѣшенію министерства дѣлъ внутреннихъ, признающôмъ „Бесѣду“ обществомъ неполитическимъ. Изъ самого города вписалось 50 членôвъ. Касіеръ Устіяновичъ сложилъ отчетъ, изъ которого оказалось, що до сихъ поръ прихода было уже 212 злр. 30 кр. Слѣдовалъ выборъ выдѣла. Избраны были: Гр. Шашкевичъ (предсѣдатель), Д-ръ Г. Гинилевичъ, Д-ръ Ю. Лужецкій (заступникъ предсѣдателя), Н. Устіяновичъ, Кл. Сѣнкевичъ, Кл. Вахнянинъ (офиціалъ почтовый) и Л. Шеховичъ, заступниками же І. Кульчицкій, Ю. Желеховскій, и И. Никоровичъ (пенсіонованный комиссарь.)

ского, и „Украинцы“ оперетка (1 д.); 12 (25) Мая, „Лѣкарь по неволи“ комедія (3 д.); 15 (27) Мая въ день бôльшого съѣзда доокрестной публики по случаю ôтбывшогося рано богослуженія за упокой бл. п. митроп. Григорія: „Замужная вдова и мужъ кавалеръ, комедія (2 д.) изъ французского переведенна А. Стечинскимъ и „Сатана въ бочцѣ“ оперетка (1 д.); 19 (31) Мая, „Отецъ, якихъ мало“ комедія въ однôмъ дѣйствію изъ великорусского передѣланная А. Моленцкимъ и „Покойникъ Опанасъ“ комедія (2 д.); 30 (11) Мая, въ пользу завязавшойся „Бесѣды пер.“: „Сватанье на Гончарôвцѣ“ комедія (3 д.); половину чистого доходу въ суммѣ 13 зл. 70 кр. сложилъ Моленцкій на фондъ основательный общества „Бесѣда.“

Дня 1 (13) Юнія дано было: „Первыи любощи“ и „Суматоха“ комедія съ спѣвами; 5 (18) Юнія „Грушенкôвъ зять“ драма (3 д.); 9 (21) Юнія „Мѣшанина языкôвъ“, и „Мужики-аристократы“, оперетка (1 д.). Тымъ закончились представленія въ Перемышли.

4) Въ правленію Моленцкого періодъ сезоновъ провинціональныхъ и львовскихъ.

Изъ Перемышля намѣрялъ Моленцкій выѣхати въ Дрогобычъ, но тутъ встрѣтилъ препятствія, и переѣхалъ въ Стрый. Тутъ дано было всего 6 представленій въ теченію мѣсяця Августа (1869) съ репертоаромъ Перемышльскимъ. Тутъ отличалась уже въ своихъ роляхъ д-ця Романовичь, позднѣйшая директриса театрального общества.

Съ первымъ днемъ Септемврія былъ уже Моленцкій въ Дрогобычи. Побытъ Моленцкого въ Дрогобычи—якъ выражается дописователь въ „Словѣ“ — сдѣлалъ якъ найлучшое впечатлѣніе, особенно на мѣстцевую школьную молодежь, котора весьма численно посѣщала всѣ представленія. Интеллигенція и мѣщанство русское, было всегда численно заступлено. Що на русской сценѣ замѣтити могъ всякій, то есть недостатокъ средствъ матеріальныхъ — читаемъ дальше — который не дозволяетъ удержанія бôльшого числа акторôвъ, щобы возможно было давати и бôльшіи драматы. Заслуги однакъ Моленцкого для русской сцены великіи; безъ запомоги, безъ средствъ матеріальныхъ, при нужденныхъ приходахъ, составити сцену, состоящую изъ добрыхъ акторôвъ, съ добрыми декораціями, въ наши времена здается превосходити границы возможности.

Изъ Дрогобыча переѣхалъ театръ до Бережанъ. О тôмъ побытѣ читаемъ въ „Словѣ“ слѣдующое: „На сихъ дняхъ мали мы случайность, видѣти реальныи и абсолютно убѣждающіи доказательства о погребанію уніи на Высокôмъ Замку во Львовѣ. Передъ седмицею приѣхалъ до Бережанъ Моленцкій. Обыкновенно ôтбывались представленія въ войсковой салѣ упражненій, если конниця той-же не потребовала. Во виду того, що теперь гузары изъ Бережанъ выйшли на упражненія до Львова, соизволили власти войсковыи и староство на употребленіе той сали. Коли Моленцкій началъ роботу, приходитъ возьный урядовый, беретъ ключи, розганяетъ роботникôвъ, и застанавляетъ роботу. Яко причину подано то, що представленія будутъ препятствовати асентерунку, который долженъ ôтбытись. Коли неумѣстность такого мнѣнія не можно было дотычнымъ особамъ истолковати, рѣшился Моленцкій давати представленія тогды, коли не будетъ бранки, но и то не помогло. Моленцкій потерявши много времени и издержекъ, мусѣлъ сцену гдеинде умѣстити. Якіи вліянія при тôмъ запрещенію перемогли, не хочемъ говорити, досыть, що ôтбылись на пôдставѣ równości i braterstwa. Игра акторôвъ была хороша. Даже иcотники, которыи остентаційно войшли въ салю съ тою цѣлью, щобы нашъ театръ высмѣяти, голосно узнали, що имъ все понравилось. Изъявляемъ откровенно, що мы вполнѣ задоволены подвигами нашой сцены. Нигде не малъ нашъ театръ теперь такого сердечного принятія, якъ въ Бережанахъ. Честь прото народолюбцямъ, которы старались о поднесеніе народной сцены! Изъ полономанôвъ не видѣли мы черезъ цѣлое время никого въ театрѣ, а зъ рады городской и повѣтовой не выжичили до театру ни одного кресла, — за то густое камѣнье сыпалось на дахъ зданія, где былъ театръ, хотяй дирекція обращалась въ тôмъ взглядѣ до магистрату.“

Давши еще нѣсколько представленій въ Тернополи, прибылъ Моленцкій съ своимъ персоналомъ во Львовъ. Было то въ пору совѣщаній соймовыхъ. Наши послы начали старатись о субвенцію для театра. Посолъ Иванъ Наумовичъ сказалъ въ дѣлѣ той субвенціи горячую рѣчь дня 9 л. Новемврія (1869); противъ субвенціи говорили польскіи послы, Поляновскій, Голеевскій и мазурскій селянскій посолъ Цѣхоржъ.

Тымчасомъ начались представленія. Дня 4 Нов., на первôмъ представленію, произнесъ директоръ Моленцкій стихотвореніе: „Слово до публики“, за которымъ слѣдовала комедія „Золотый Крестикъ.“ Все выйшло досыть удачно; публика собралась численно. Еще лучше представились артисты въ своихъ роляхъ на слѣдующôмъ представленію, дня 9(21), въ пьесахъ: „Первыи любощи“ и „Украинцы“. Конечно репертоаръ, сложенный среди такихъ обстоятельствъ, якіи сопровождали основаніе труппы Моленцкого, не могъ удовлетворити вполнѣ требованіямъ столичной публики. Тожь въ тôмъ львовскôмъ сезонѣ Моленцкого, представился репертоаръ Моленцкого, Львовянамъ не безупречнымъ. Также и игра акторôвъ изъ труппы Моленцкого не могла въ очахъ львовской публики явитись блестательною, а именно по той причинѣ, що публика львовская передъ тымъ уже видѣла на сценѣ несровнанную игру Бачинской, Бачинского, и прочихъ прежнихъ артистôвъ. Якъ мы уже въ первой части нашого очерка упомнули, не могла никоторая актриса — за цѣлое 25-лѣтіе — доровнати въ игрѣ актрисѣ Бачинской; тому и теперь, коли по шести лѣтахъ началъ Моленцкій свои представленія во Львовѣ, публика сровнивала игру Моленцкой съ игрою Бачинской (въ тыхъ самыхъ роляхъ) и засудъ выходилъ всегда въ пользу Бачинской, о чемъ встрѣчаемъ даже нотатки въ „Словѣ.“

То показалось уже на представленію оперетки „Сватанье на Гончарôвцѣ“, дня 13 (25) Нов., извѣстной публицѣ изъ побыта Бачинского. Въ ролѣ дѣвочки выступала Моленцка, была однакъ бôльше наивною, чимъ сентиментальною. Ролю матери ôтдала не совсемъ правдиво д-ця Романовичь, способна по своей внѣшности играти лучше роли молодыхъ чимъ старшихъ женщинъ. Стецька гралъ теперь лучше Гембицкій чимъ Бачинскій, а также отставный солдатъ Скорикъ выйшолъ свѣтло въ игрѣ Моленцкого. Любовникомъ Уляны былъ Стечинскій.

Комедія „Жертва за Жертву“ дана разомъ съ шуткою „Кумъ мірошникъ“, дня 16 (28) Нов., не понравилась по своему ексцентричному содержанію и вѣроятно уже бôльше николи не повтарялась. Дня 23 Нов. слѣдовала комедія „Забудько“ и „Покойникъ Опанасъ“, а 2 Дек. „Наталка Полтавка“, извѣстная тоже публицѣ, лишь въ новой обсадѣ. Гембицкій былъ мужикомъ Макогоненькомъ, Моленцкій возьнымъ, Наталкою Моленцка, отличившаяся въ спѣвѣ особенно при пѣсни „Видно шляхи Полтавскіи“, Стечинскій Петромъ, а Витошинскій Николою. Интересною для публики была новая обсада въ драмѣ „Маруся“ дня 9 Дек. Игра Моленцкой, въ сровнанію съ игрою Бачинской, выйшла слабше. Понравилось складанное представленіе дня 10 Дек.: „Мѣшанина языкôвъ“, „Два розсѣянныи“, и „Москаль Чарôвникъ.“

„Верховинцы“ народная драма въ 3 дѣйствіяхъ а 9 ôтслонахъ, І. Коржепевского, была найудачнѣйшимъ вечеромъ въ тôмъ львовскôмъ сезонѣ Моленцкого. Акторы играли съ выразомъ, чувствомъ и вервою. Ôтзначились игрою Гембицкій (батько Максимъ), Стечинскій (Антось), д-ця Романовичь (матерь Антося), Моленцкій (мандаторъ), Моленцка (Параня), Витошинскій (скарбовый стрѣлецъ). — Дня 7 (19) Дек. дано было:

„Чія теперь жена?“, шутка въ 1 д., „Отецъ, якихъ мало“, комедія съ спѣвами, и „Бывальщина.“

Въ пользу Моленцкой отограна была въ первый разъ (11 Дек.), оригинальная комедія съ спѣвами въ 4 дѣйствіяхъ „Давай молодыхъ или Сиротка Сузанна“, съ музыкою Бажанского, по содержанію своимъ однакъ не дѣйствовала на публику. Дальше пшли представленія: 16 Дек. „Замужная вдова“, ком. въ 2 д., „Запечатанный жидъ“; 18 Дек. „Комедія“ шутка въ 1 д. и „Мужики“; въ пользу Сѣдлецкой драма „Щирая любовь“; въ пользу Стечинского 1 (13) Ян. 1870, „Назаръ Стодоля“ и живая картина „Новый годъ въ нашôмъ мірѣ“.

О Моленцкого драмѣ „Сирота зъ Гаю“ (4 Янур.), котора теперь уже не существуетъ ни въ репертоарахъ, ни въ печати, подаетъ рецензію „Слово“ слѣдующимъ способомъ: Драму тую могъ бы легко писатель передѣлати на весьма удачную трагедію изъ жизни нашого народа, къ чему суть въ ней многіи условія; но такъ, якъ она въ Недѣлю представилась, содержитъ она еще не мало недостатковъ. Шо до сценичной игры, увѣрились мы сего вечера къ истинному нашому удовольствію, що артисты наши покрыли весьма совѣстною и прилѣжною игрою, майже всѣ недостатки драмы. Моленцкій былъ въ ролѣ старого гаевого Семена Граба въ полнôмъ значенію того слова артистомъ, достойнымъ всякой признательности. Тоже должны мы сказати и о Моленцкой, ôтдавшой ролю сиротки Насти, прибранной доньки Семена Граба, дѣвочки смиренной, чувствительной и розлюбленной. Добре помагалъ имъ — хотяй не безъ пересады въ нѣкоторыхъ партіяхъ — Гембицкій, игравшій роль злобного, зарозумѣлого богача сельского, Федька Лукавця. Стечинскій въ ролѣ честного и благородного легиня сельского, малъ много счастливыхъ хвиль. Витошинскій пописался такожь незле въ ролѣ возьного бециркового. Публика была нечисленна на канапахъ и мѣстцяхъ нумерованныхъ, заполняла же биткомъ партеръ и галерію, а на сей послѣдной видѣли мы много вояковъ русскихъ, прислуховавшихся съ живымъ участіемъ драмѣ, которой може неразъ въ жизни были свидѣтелями.

Представленія во Львовѣ закончились дня 8 (20) Ян. 1870, комедіею „Кравецъ изъ за кордона.“

(Прод. посл.)

Весняная жизнь.

Ив. Гаврышкевичъ.

Изъ чужины до насъ прибыла
Всѣмъ намъ миленькая кума́,
И дары всѣмъ поприносила
Чудесны, красны, безъ числа.

Впередъ ю послы заповѣли,
Спѣвалъ о ней нашъ жайворонъ,
На стрѣхахъ буськи склекотѣли,
Вѣстилъ ю журавлиный стонъ.

Передъ самою кумонькою
Заблысли съ громомъ небеса,
Пустили теплый дощъ росою,
И засіяла намъ дуга.

Тогды сама ся намъ явила,
Даровъ краину полную
Чудесныхъ всѣмъ намъ ôтчинила,
И стало мило, мовь въ раю.

Вразъ солнцю грѣти даръ ôтдала,
А днинѣ продолжила вѣкъ,
Землицю въ зелень всю прибрала,
Слабымъ несетъ родимый лѣкъ.

А иву всю озолотила,
Козенки крыла серебромъ,
Жемчугомъ бобôвникъ дарила,
Камелій цвѣтъ блыщитъ садкомъ.

Розверла славныи судины,
И воня милая пôйшла
Изъ бзинъ, клекочки, садовины,
Черемхи, лозъ, копытника.

И славныхъ спѣваковъ призвала:
Заводитъ косъ, коваль толчетъ,
Бьетъ дроздъ, зазуля заковала,
А жукъ и гупало гудетъ.

Въ ночи ю мило величаетъ
Дробненькій соловѣевъ ротъ,
А чайка надъ водовъ стогнаетъ,
Где громко жабъ звучитъ рехкотъ.

И миріяды ся сбѣгаютъ
Естествъ въ привѣтъ весны,
Зъ воды, земли, норъ воскресаютъ,
И прилѣтаютъ зъ чужины.

Все радуется, восхищаетъ,
На видъ такихъ чудесъ,
Надежда въ насъ нова вступаетъ,
Спѣваемъ всѣ „Христосъ воскресъ.“
— 1891.

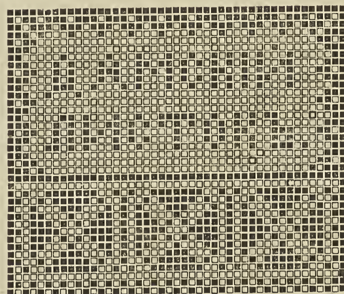
Угорская Русь.

(Продолженіе).*)

Самый веселый видъ представляетъ Угорская Русь наблюдателю, если ôнъ станетъ розбирати то, що сдѣлалъ угрорусскій народъ для славы божьей. Немного окрестностей можетъ повеличатись такими церковными зданіями, якіи воздвигъ народъ на Угорской Руси. Въ мукачевской епархіи, примѣромъ, насчитывается до 330 каменныхъ церквей; деревянныхъ осталась уже лишь третья часть, а каменныхъ приходскихъ домôвъ находится выше 300, деревянныхъ же остается лишь около 75.

Въ епархіяхъ Мукачевской и Пряшевской, находится въ настоящую пору 7 монастырей: 1) Мукачевскій, основанный литовскимъ княземъ Теодоромъ Корьятовичемъ; 2) Марія-Повчанскій, основанный 1757 г. графомъ Францомъ Карольи; 3) Мало-Березнцкій, основанный 1742 г. при помощи графа Гомоннаи; 4) Мстичевскій, основанный епископомъ Іоанникіемъ Зейканомъ 1686 г.; 5) Боронявскій, основанный 1716 г. приходникомъ селишскимъ, Іоанномъ Козакомъ; 6) Краснобродскій, по преданію, основанный тоже княземъ Т. Корьятовичемъ, и наконецъ 7) монастырь на горѣ Буковской, основанный по просьбѣ галицко-русского инока о. Иринарха Ясельского, графомъ Сирмаемъ 1742 г.

(Прод. посл.)



Театральныи воспоминанія.

(Подаетъ Левъ С-ій.)

Читаючи историю народного театра въ „Новôмъ Галичанинѣ“, я поневольно переношусь мыслею въ тіи времена, коли я съ моими товаришами малъ случайность, въ первый разъ наслаждатись народнымъ зрѣлищемъ. То мои студенческіи времена! Все пригадуется мнѣ, и природно; студенческіи времена остаютъ каждому изъ насъ найдолше въ памяти.

*) См. ч. 7.

Извольте затымъ приняти тыхъ нѣсколько строкъ въ вашую часопись; я намѣрилъ тутъ подати нѣкоторыи воспоминанія, дотычащіи театральныхъ дѣлъ, а именно воспоминанія о тыхъ безжурныхъ восторгахъ, шуткахъ и поговоркахъ студенческихъ, кружившихъ у насъ за каждый разъ въ пору, коли пребывалъ театръ въ нашôмъ мѣсточку.

Не иначе назву то, якъ мѣсточко, такъ якъ въ Галичинѣ въ то время, а въ бôльшой части еще и теперь, всѣ мѣстности, где были гимназіи, были такими малогородскими уголками, якіи могутъ лишь пожеламы быти въ фантазіи гимназистôвъ, для веселой студенческой жизни. Чимъ меньшій городокъ, тымъ высше ишло значеніе и сила гимназистôвъ. На всѣхъ баляхъ, вечеркахъ, праздникахъ, прогулькахъ, гимназисты, а на ихъ челѣ матуристы были якбы владѣющими зевсами, всюда пожелаемыми дансерами, коротко становили при розвлеченіяхъ условіе, безъ которого и за порогъ салона не ступай. Слѣдуетъ еще знати, що въ то время гимназисты уже начавши ôтъ пятого отдѣла, были усатыи, ходили въ шапоклякахъ, безукоризненно плясали коломыйку, играли на гитарѣ, а о пѣсняхъ уже и не упоминати! Теперь я на селѣ, и у мене на стѣнѣ группа нашихъ товаришей; изъ той лишь группы я неоднократно пригадую собѣ, що у мене коли-то былъ балабонскій усъ и примѣрная борода!

При всѣмъ нашôмъ буйствію, были мы уже тогды ентузіастами родного слова, родной пѣсни и мелодіи. Не удивительно затымъ, що при появленію театральной трупы въ городку, насъ влекла неопредолимая сила на представленія. Не преувеличу, если скажу, що всѣ директоры театральныи довольны были у насъ въ бôльшой степени изъ публики партеровой, т. е. студенческой, чимъ кресловой. Въ нашôмъ городку случилось разъ одно маленькое театральное событіе, которое тутъ можетъ служити иллюстраціею. На одинъ Суботній день данъ былъ „Донъ-Жуанъ." Пьеса та была просто магнесомъ для всей публики, а въ особенности для насъ, малогородскихъ академикôвъ, по той именно причинѣ, що въ ней выступаетъ заведіяцкій, крайне комичный Педрилло, послужникъ, Донъ Жуана. Досыть, узрѣвши афишъ „Донъ-Жуанъ", подумалъ каждый изъ насъ: „во що бы ни стало, нынѣ иду!" Къ несчастью на той день погода явилась невыносимою и вечеромъ въ салѣ — кресла майже всѣ пустыи, за то партеръ полно набитый! Всѣ мы въ комплетѣ явились. Сейчасъ узнали мы, щó происходило за сценою. Тамъ акторы объясняли директору, що нынѣ собственно не слѣдовалобы начинати игру, такъ якъ нѣтъ ніякой публики. Строго поглянулъ на нихъ директоръ и обучилъ ихъ изъ своей стороны, щобы на будущность о такихъ и такихъ зрѣтеляхъ иначе выражались. И представленіе было дано. Не конецъ еще; въ однôмъ дѣйствію представляется каменная статуа (каменный гость у Донъ-Жуана). Акторъ Шо—ій, представлявшій тую бѣлую статуу, подумалъ собѣ, що въ виду такой публики, вмѣсто стояти неподвижно во время цѣлого дѣйствія, лучше будетъ сейчасъ изъ начала прибрати позу сидящой статуы. И такъ сбылось. За то послѣ представленія получилъ не на шутку научку ôтъ директора. Мы очевидно выросли о одну степень высше.

Не упоминаю тутъ о нашихъ оригинальныхъ мелодрамахъ, для тыхъ чувствовали мы просто неувядаемый восторгъ.

Для нѣкоторыхъ изъ насъ стало посѣщеніе театра даже узвычаеніемъ. Межи нами былъ одинъ товаришъ, который явившись на повтаряемыхъ уже пьесахъ, подъ время представленія проходжалъ изъ тиха по вольной части партера, и думалъ свои думки, не обращаючи вниманія на игру; являлся однакъ правильно въ театрѣ.

Въ нашой малогородской жизни мали мы веселыи поговорки, если на сценѣ который изъ акторôвъ явился фотографіею извѣстныхъ въ городку лицъ; одинъ комикъ точь-въ точь переобразовался на сценѣ въ извѣстного всѣмъ толстого трактирника, пользовавшогося межи нами нѣкою популярностію; даже посолъ одинъ, П—ль, при тôмъ польскій шляхтичъ старой даты, удостоился фотографичной маски на сценѣ.

Съ признательностію можемъ зазначити, що наши директоры были, при приниманію акторôвъ въ свое общество, серьезными. Розсказовалъ намъ одинъ товаришъ о своимъ розговорѣ съ директоромъ. Былъ то сердечный товаришъ, лишь сильно былъ увѣренъ, що его высокая стать, клясическіи черты лица, орлиній носъ и кучеры, якъ бы на то ему приданы, щобы ôнъ изъ сцены плѣнялъ зрѣтелей. Одѣвшись отже безукоризненно, явился у директора и предложилъ ему свое намѣреніе дотычно поступленія въ персоналъ театральный. Директоръ серьезно отвѣтилъ: „Нѣтъ, я васъ не могу приняти." — „По якой причинѣ, если смѣю спросити?" — „По той причинѣ, що вы не знаете, съ якими препятствіями полученна жизнь акторôвъ. У насъ, любезный, на сценѣ иначе, а въ жизни иначе. На сценѣ мы часомъ смѣемся, а за сценою намъ не до смѣха. Мы мусимъ съ многими препятствіями боротись. Надумайтесь отже, а послѣ, если схочете, прійму васъ."

Публика мала своихъ любимцевъ межи акторами. Изъ тыхъ теперь дѣйствуетъ при сценѣ еще лишь Гембицкій. Прочіи где-то розойшлись по свѣту, якъ Зеновичъ, Людкевичъ, Витошинскій и пр.

О тыхъ временахъ зсегда радо вспоминаю, быти можетъ по тому, що то мои юныи лѣта, на каждый случай однакъ можно тутъ сказати извѣстныи слова: „Давнѣйше иначе бывало."

Библіографія, театръ и живопись.

„Русская Библіотека 1891 г. Изданіе И. Н. Пелеха." — Выпускъ IV за мѣсяцъ Априль, содержитъ продолженіе романа Г. П. Данилевского п. з. „Мировичъ." — Подписная цѣна на „Русскую Библіотеку" выноситъ 2 злр. 40 кр. въ годъ за 12 ежемѣсячныхъ выпускôвъ, и высылается пôдъ адресою издательства: Львовъ, улица Бляхарская ч. 13.

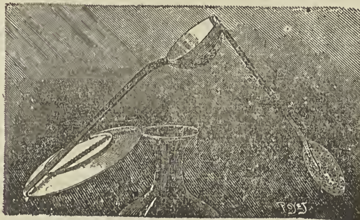
Накладомъ В. В. Комарова, редактора часописи „Свѣтъ", появилось весьма занимательное и первое въ своимъ родѣ сочиненіе, содержащое народныи гимны всѣхъ державныхъ областей, п. з. »Recueil des hymnes nationaux de tous les pays, par P. A. Schurowsky, ancien chef d'orchestre de l'opera Imperial russe." Народныи гимны суть якъ-бы ессенціональнымъ отблескомъ идеи, мыслей и темперамента относительного народа, мелодійныи ихъ мотивы суть тоже типовыи, тому можетъ выше наведенное сочиненіе служити тоже по части етнографичной сравнительнымъ переглядомъ тыхъ мотивôвъ. О способѣ переведенія своей отличной мысли выражается авторъ въ своимъ обвѣщенію слѣдующимъ способомъ: „Тое монументальное сочиненіе — первое и единственное въ своимъ родѣ — которого потреба изъ долшого времени давалась чувствовати, составлено мною по офиціальнымъ документамъ, полученнымъ изъ всѣхъ державъ путемъ офиціальнымъ. Является оно единственнымъ подручникомъ подлиннымъ въ той области. До теперь не было такого подручника, который такъ необходимъ для институцій правительственныхъ и административныхъ, для полкôвъ и прочихъ управительствъ войсковыхъ, городскихъ, школьныхъ, для амбасадъ, заведеній дипломатичныхъ и т. д. Сборники, появлявшіися въ тôмъ предметѣ по нынѣшній день, такъ въ Россіи, якъ и заграницею, суть весьма неполныи и не отвѣчаютъ и умѣреннымъ требованіямъ; сверхъ того они содержатъ въ текстѣ и въ мелодіяхъ много неточностей. Въ предлежащôмъ изданію каждый гимнъ средагованый по официальному тексту, мелодіи же поданы въ такой композиціи, въ якой они въ относительныхъ краяхъ при официальныхъ торже-

ствахъ производятся. — Цѣна Сборника: 15 руб. (=45 мар. нѣм., 50 фр., 10 дол.) Складъ: въ С.Петербурзѣ, Невскій пр. 138, въ комтоарѣ журнала „Свѣтъ.“ — Въ Сборнику тôмъ маютъ свои гимны слѣдующіи державныи области: Нѣмеччина, Америка (Соед. Шт.), Аргентина, Австрія, Баварія, Белгія, Чехія, Боливія, Бразилія, Брунсвикъ, Болгарія, Хили, Данія, Домин. репуб., Египтъ, Испанія, Франція, Англія, Греція, Гессія, Гондурасъ, Угорщина, Италія, Японія, Мадагаскаръ, Мекленбургъ-Шверинъ и Штрелицъ, Мексикъ, Монако, Черногора, Норвегія, Ольденбургъ, Парагвай, Нидерлянды, Персія, Португалія, Пруссія, Румунія, Россія, Санъ-Марино, Саксонія, Кобургъ-Гота, Мейнингенъ, Веймаръ, Сербія, Сіямъ, Пол. Афр. реп., Швеція, Швейцарія, Тунисъ, Турція, Вальдекъ, Виртенбергъ, Занзибаръ.

Весьма полезныи объясненія для народа содержитъ ч. 186 „Изданій общества им. М. Качковского,“ за мѣсяцъ Май. Въ тôмъ выпуску помѣщены „Полевый законъ ôтъ 17 Юлія 1876 г. съ объясненіями“ и „На що поле гноити? Написалъ для братей хлѣборобôвъ Антонъ зъ Побережа.“

Занимательныи експерименты.

Въ Парижи появилась занимательная книга „La Science Amusante“, въ которой подано 100 експериментôвъ, полагающихъ на правахъ физично-природныхъ. Изъ тыхъ подаемъ тутъ нѣкоторыи.



1) Тареликъ почиваетъ на краю сосуда. Такое положеніе тарелика, которое на видъ противится правиламъ тяжести, получаемъ при помощи двохъ бôльшихъ ложокъ, якъ то указузуетъ изображеніе. Конецъ одной ложки слѣдуетъ прикрѣпити при краю тарелика такимъ способомъ (съ помощію корка), щобы ложка не спадала изъ тарелика. Прикладается послѣ тареликъ краемъ на край сосуда, и прилучается до ложки другую якую ложку; теперь, посуваючи отвѣтно тареликъ на краю (немного въ передъ или назадъ), прійдемъ на мѣстце, въ которôмъ спайдемъ ровновѣсъ. Такимъ способомъ тареликъ однимъ краемъ будетъ почивати на краю сосуда.

ШАРАДА.

ХХ . . . . . Картагинскій полководецъ.
ХХ . . . . Городъ въ Италіи.
ХХ . . . . Провинція Нѣмеччины.
ХХ . . Ремесленникъ.
ХХ . . . Страва.
ХХ . . . . . Атентаторъ на Александра II.
ХХ . . . . Учительница народôвъ.
ХХ . . Городъ въ Галичинѣ.
ХХ . Славянская языческая богиня.
ХХ . . Народъ въ тіи сильно вѣритъ.
ХХ . . . . . . Провинція Австріи.
ХХ . . . . Король Вандалôвъ.

а, а, аль, баль, бро, га, да, даль, ды, за, и, ковъ, ки, ла, ля, ма, не, ни, поль, пи, ри, рихъ, рі, ро, рогъ, са, сто, ткачъ, у, ці, ці, я, я, я.

Тіи слоги вложити такъ вмѣсто точокъ и крестикôвъ (кождая точка и крестикъ представляетъ одну букву), щобы буквы, поставленныи на мѣстце крестикôвъ, читанныи зъ горы въ долину, дали намъ двѣ мелодрамы двохъ малорусскихъ авторôвъ. **Толмачевъ.**

Розвязка силлябовой шарады на стр. 88.

1) **Неронъ.** — 2) **Аннѣ.** — 3) **Діямантъ.** 4) **Виргил.** — 5) **Обѣ.** — 6) **Еберс.** — 7) **Борона.** — 8) **Араб.** — 9) **Бонапарте.** — 10) **Альмаз.** — 11) **Веневитинов.** — 12) **Оржешко.** — 13) **Раскол.** — 14) **Огирок.** — 15) **Жаба.** — 16) **Ирина.** — 17) **Лессепс.** — 18) **Анданте.** — 19) **Апостол.** — 20) **Будда.** — 21) **Об.** — 12) **Вѣче.** — 23) **Мороз.** — 24) **Рафаел.** — 26) **Ериніи.** — 26) **Тарах.** — 27) **Аполло.** — 28) **Бамберг.** — 29) **Ориноко.** — 30) **Бучач.** — 31) **Уединеніе.** — 32) **Даніл.** — 33) **Ебро.** — 34) **Журав.** — 35) **Иринѣ.** — 36) **Лилик.** — 37) **Африка.**

т. е.: „На двое баба ворожила, або вмретъ, або буде жила. — Нѣтъ лѣса безъ волка, а села безъ лихого человѣка.“

Розвязка метаморфозного акростихона на стр. 88.

Касторъ
ли**Р**икъ
с**Е**ло
кра**Й**
Цитра
оп**Е**ра
конце**Р**тъ
Орѣхъ
со**В**а
ст**А**нъ
кор**С**етъ
к**О**роль
о**Н**ега
бар**А**нъ
Токай
т**А**рокъ

т. е.: „Крейцерова соната.“

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 10. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Мая 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 зпр. полугодичная 3 зпр.

На подолью.

Изъ пригодъ жениха.

IV.

„Я совѣтую вамъ" говорилъ до мене завѣдатель села Н., коли мы послѣ обѣда накладали свои люльки, „я совѣтую вамъ еще разъ, — если уже конечно хочете нынѣ ôтъ насъ выѣхати — заѣдьте въ наше мѣсточко, до контролора, который и вамъ, якъ кажете, знакомый. У него вправдѣ дочерей нѣтъ — и по тому вы безпретенсіонально можете долшое время у него побыти — но за то въ городку суть хорошенькіи дѣвочки. Есть тамъ нѣсколько и нашихъ родинъ, а у Русина, якъ знаете, всегда мы свои. Розглянетесь сюды-туды. Кто знаетъ, где ваша звѣзда. Быти можетъ, авотъ и тутъ. Впрочемъ, якъ кажу, для васъ теперь нѣтъ ни границъ, ни времени. Свобода, друже, безпредѣльная свобода!"

„Про мене!" кажу, „поѣду и тамъ."

„Ано! А на случай якого несчастья, которое иначе называется женитьбою, запрашайте хоть въ старосты! Поѣду! На свадьбу поѣду!"

Выпивши еще чай, я выйшолъ на обору. Солнце понемногу пригрѣвало и вообще на свѣтѣ было пріятно, ни зимно, ни тепло. Сейчасъ замѣтилъ я моего повозчика Стефана. Ôнъ сидѣлъ на лавѣ верандовой, покуривалъ люльку и высокомѣрно, съ сознаніемъ своего достоинства, поглядалъ на обору.

Илія Граниловичъ,
гр. кат. епископъ крижевацкій.

„Стефане, поѣдемъ!"

„Гай! Хоть заразъ. Чи туды?" Ôнъ указалъ на дорогу ведущую до сосѣдного села. (Тамъ были хорошіи дочери у пароха.) Ôнъ при тôмъ моргнулъ значительно бровью.

„Нѣтъ, до мѣста."

Стефанъ поднесъ брови. Значилось, а то що за маневръ, чого до мѣста въ сваты!

„А щожь конята?" спросилъ я еще.

„Отава! Команиця!" говорилъ Стефанъ довѣренно. „Наскидали изъ оборога всего до воли! Ну, иду запрягати."—

...Мы станули на рынку мѣсточка, передъ головною гостинницею; въ тôмъ окопченнôмъ, обдертôмъ зданію помѣщались разомъ и городское управительство и гостинниця и почта; зачимъ я зступилъ изъ саней, уже кружили въ округъ насъ бородатыи евреи, окидаючи насъ, будьто случайно, любопытными взорами. Ишолъ туда и якій-то панокъ, и той приступилъ будьто случайно, приближился къ стѣнѣ, на которой было налѣплено якое-то почернѣлое рѣшеніе городского управительства, и зъ укоса поглядалъ то на кончики моей обуви, то на моего повозчика. Послѣ ôнъ на видъ ровнодушно потягнулъ дальше. Приѣздъ незнакомого гостя не уйшолъ вниманію и якимъ-то двомъ дамамъ; изъ нихъ одна старша вѣроятно матерь, втора молоденькая дѣвочка. Они ишли

противуположнымъ тротоаромъ, узрѣвши же насъ незначительно направились въ сторону гостинницы и зъ высока поглядаючи на насъ, поступили въ продажный магазинъ, помѣщенный тоже въ тôмъ-же зданію.

Вѣроятно во виду того, що на свѣтѣ стало теплѣйше, явились тутъ и тамъ на бальконахъ женскіи стати. На бальконѣ одного дома, на которого стѣнѣ была прибита вывѣска, знаменующая людемъ, що тутъ помѣщается филія якогото асекураційного общества, возникло даже нѣкого рода движеніе. Выйшли двѣ женщины, вскорѣ скрылись въ комнатѣ а вслѣдъ затымъ поступилъ на балконъ толстякъ лысый въ домашной капотѣ и просто, приложивши еще руку къ челу надъ очи, поглядалъ на нашъ кружокъ, убôльшавшійся постоянно новыми любопытными евреями.

Коротко, нашъ приѣздъ произвелъ въ городку впечатлѣніе и могъ бы кто подумати, що къ намъ ôтносился и тарабанъ, которымъ слуга городскій въ другой части рынка, скликовалъ якъ разъ по нашôмъ приѣздѣ, численную толпу. На счастье оказалось, що тамъ росходилось о совсемъ иное дѣло. Женѣ вицебурмистра потерялся где-то любимецъ-хортикъ. За отнайденіе его назначалась высокая надгорода.

У одного еврея замѣчалась уже и охота, спросити, по крайной мѣрѣ у повозчика, нѣтъ ли у насъ на продажь чого-нибудь, по еврей — знатокъ! Съ мѣхами кукурузы или овса не такъ заѣзжается! За хвилю показалась изъ магазина, до которого войшли были дамы, голова старой еврейки, котора осмотрѣла насъ однимъ, двома поглядами.

Середъ такихъ обстоятельствъ я направился въ тую сторону городка, где обиталъ контролоръ. Его обиталище было мало не за мѣсточкомъ, межи крайними домами. За ними розтягались уже поля.

Ôнъ привиталъ мене радо. Вернулъ передъ хвилею зъ уряда и сѣлъ было ôтпочити въ фотелю, переглядаючи газетку.

„Видите“ продолжалъ ôнъ, „якъ я обитаю. Далеко, мало не за мѣсточкомъ. Такъ выдается, що оно далеко. Въ такôмъ маленькôмъ городку то уже называется далеко, а въ столицѣ такая пространь уважается блестательно близкою. Позвольте-жь, не хочу я васъ сейчасъ вводити въ наши малогородскіи секретики, а то мусѣлъ бы я вамъ уже сказати, що вслѣдствіе того ошибочного понимания пространи у нашихъ тутъ золотыхъ и позолоченныхъ провинціональныхъ головъ, выродился вообще не за далекій взглядъ и на прочіи дѣла. Я не мизантропъ, нѣтъ, не думайте такъ, а однакъ я изъ моего обиталища не спѣшусь переводитись тамъ ближе тыхъ дотепныхъ камяницъ. Адіо! Я и такъ не лишенъ той пріятности, — при тôмъ словѣ ôнъ съ удареніемъ поднесъ голосъ — пріятности, оставати въ сношеніяхъ съ прочими изъ нашого кружка. Нехай лишь весна, лѣто, пріидетъ! До мене тутъ якъ въ купельное затишье, на квасное молоко приходятъ, на прогульку и прохолодъ! Хе, хе, а що? Не цѣлая ли пріятность — по моей сторонѣ?“

Ôнъ, улыбаючись, всталъ изъ фотеля и началъ проходжати по комнатѣ. Послѣ ôнъ добылъ бутылку вина и началъ наливати. При тôмъ ôнъ, якбы махинально и къ собѣ, повтарялъ полуголосомъ: „По моей, очевидно, по моей сторонѣ!...“

„Славно, що вы приѣхали,“ продолжалъ ôнъ. „Съ вашимъ старымъ мы, бывало, байдовали! Жизнь была! Правда, давніи то времена! Помню, еще наши афекта до одной дѣвочки. Мало въ дуелю не побились мы. Въ юныхъ лѣтахъ не много до счастья потребно. Листокъ любовный, киненный зъ окна, цвѣтокъ якій и одушевленіе! Иное дѣло женитьба! Взявши такъ дѣло глубоко и добравшись до дна вашой души, смѣю спросити, есть тамъ вже що? Чувство? Любовь? Признайтесь!“

„По возможности оминаю всякіи чувствительности“ отвѣчалъ я.

„Добре, значитъ и вы съ любовными листками мали давно до дѣла. Надоѣло. Перелюбится! Кажете, завѣдатель изъ Н. на силу васъ тутъ загналъ. Славный ôнъ хлопакъ! Правдиво славный! И дотепный! Ôнъ знаетъ, що я такихъ сельскихъ гостей люблю. И я знаю, щô ôнъ малъ на мысли. Казалъ певно, суть тамъ въ городѣ хорошенькіи дѣвочки... такъ?...“

„Такъ и говорилъ.“

„Видите. Познаете ихъ, тыхъ дѣвочокъ. Но, брате, женитьба за десятыми горами Не вамъ тутъ женитись. То кажу вамъ на ухо, по давной знакомости. Но мы заведемъ тутъ колосальныи атаки! Пустимъ межи наши малогородскіи позолоченныи головы и головки струю електризма; люблю пошутити изъ тыхъ нашихъ сосѣдôвъ. Доживемъ оба малой сюрпризы. А що, согласны?“

„Вполнѣ.“

„Рѣшено. Вы коротко: кандидатъ до женитьбы, якій тамъ нибудь, положѣмъ чиновникъ, мôй кузинъ, десятый колъ въ плотѣ. Блисше не означаймо. Надати слѣдуетъ всему родъ таинственности... А! Кто-то зайшолъ до мене! Отъ, уже и тутъ.“

Въ комнату вступилъ старшій человѣчокъ, одѣтый еще немного по старому бюрократскому крою, чесавшійся однимъ взмахомъ ôтъ лѣвой стороны чела къ правой, съ сивавою бородою и пожелтѣлыми ôтъ табачного дыма усами.

„Засталъ!“ говорилъ гость, не ôткладаючи капелюха ни лѣски, „вертаю изъ прохода, и случайно тутъ зайшолъ. Думаю собѣ, нынѣ, ану затягнути бы контролора на партійку тарочка. Ааа!... простѣтъ, я и не замѣтилъ, у васъ гость...“

„Мôй далекій сродникъ“ представлялъ контролоръ „а тутъ директоръ податковой кассы.“

„Сродникъ?... А!... Самъ цвѣтъ юности.“

„Щожь зъ того!“ говорилъ на то контролоръ. „Неисправный! Кажу ему — женись уже разъ гденибудь — нѣтъ, не хочетъ. Кажетъ, еще побушую немного по свѣту!“

Кассіеръ лыкнулъ слыну. Ôнъ переступалъ зъ одной ноги на другую.

„Не ôткладайте!“ началъ кассіеръ. „Представьте собѣ: голубочка въ дома, милое лице, радуетесь вы — и она съ вами, сумуете вы — и она съ вами. Ба! а наконецъ и посажикъ гдеякій капнетъ!“

„Обѣщаютъ — а послѣ не дадутъ!“

„Изъятія, изъятія! И коли то случается? Примѣромъ тогды, если кто сложитъ свои капиталы въ якôмъ сомнительнôмъ банку. Крахъ, банкротъ въ банку и пиши пропало. Въ такіи однакъ солидныи банки дати, якъ тутъ маемъ одну филію — где и я съ довѣріемъ поклалъ гдеякій крайцарикъ (тіи слова ôнъ произнесъ якъ бы мимолетучи) — то що иного. Довѣріе оправдано. Банкъ той ведется солидно. А то чи не закупитибъ и акціи. Страхъ, я мѣшаю вамъ. Иду; жаль, а то былъ бы васъ я затягнулъ нынѣ на партійку.“

„Скорыстаю зъ любезности и приглашенія.“

„Если такъ, такъ прошу-жь разомъ, оба.“

„Съ найбôльшою пріятностію.“

Кассіеръ розкланявшись, выйшолъ.

„Такое посѣщеніе нечаяпное? Якъ то случилось? Чи не догадатись бы? Кажетъ, верталъ зъ прохода. Баечка! Ôнъ николи на проходъ зимою туда не ходитъ. А до того и у мене ôнъ не былъ давно... Гмъ... Тутъ уже що-то есть.. Впрочемъ идемъ нынѣ вечеромъ къ нимъ. У него есть жена и дочерь...“

„Не брюнетка ли? Середного роста... Носикъ дотепный...“ говорилъ я.

„Ба, ба! Вы вже и знаете!“

Я розсказалъ ему цѣлое событіе съ двоми дамами, которы поступили были въ магазинъ.

„Есть! Уже знаю, якъ все пôйшло. То была его жена и дочерь. Они безсомнѣтельно вывѣдались уже, що вы женихъ и що вы у мене, и на вздогонъ, щобы всему надати видъ случайности, вытаскали старого, который межи нами сказати у нихъ пôдъ пантофлемъ, щобы будьто незнаючи о вашôмъ приѣздѣ, пригласилъ насъ на партійку. Хе, хе, хе!“

Контролоръ сѣлъ на фотель, и обнимаючись за боки, сердечно смѣялся.

И послѣ еще, коли мы ишли улицями на вечерокъ, ôнъ не могучи повздержати смѣха, хохоталъ и повторялъ: „Отъ и маете. Отъ и маете!"

Мы уже у цѣли нашого посѣщенія. Дѣвочка называется Маня, вернула недавно изъ великого свѣта — Львова, где была у сродниковъ; она ентузіастка музыки, театра, тутъ немного скучаетъ. Очевидно, послѣдное заявленіе снаходитъ изъ нашой стороны громкое оправданіе, такъ якъ для такой дѣвицы жизнь на провинціи то що-то не до описанія невыносимое, въ столицѣ же она допервa въ своей стихіи! Конечно, розговоръ начался о погодѣ и протягался такъ, съ розличными переходами на иныи предметы, нѣсколько чвертей годины, за время которыхъ, якъ извѣстно, сидится вокругъ стола съ натянутыми выразами лица, въ штивныхъ позахъ, выдвигаючи прилично на видъ половину маншетъ, протягаючи по хвилямъ руку то за поданымъ папиросомъ то за попельничкою. Домовыи дамы ôтъ поры до поры, разъ одна, потомъ другая, удаляются въ передную комнату, где приготовляется чи то гербата, чи перекуска, а може и на добре вечеря, становлящаяся единственнымъ спасеніемъ изъ того шпильковатого засѣданія.

Наконецъ, старшая дама съ любезною улыбкою вступаетъ и проситъ до стола. Всѣ встаемъ и начинаются прошенія и извиненія дотычно первенства въ поступленію черезъ двери. По долшой борьбѣ, удается наконецъ перебратись черезъ переходный мостъ до другой комнаты. Тамъ на столѣ межи стравами стоитъ такая прелестная китиця изъ искуственныхъ цвѣтôвъ, що человѣка поневольно беретъ охота, сдѣлати якое лестное сровнаніе съ красою домашной дѣвицы. Поки що, нѣтъ къ тому случая, дѣвочка бо занята гостьми, припрошуетъ къ стравамъ, и такъ дальше. Мы кидаемъ тутъ и тамъ якое величаніе дотычно кулинарскихъ способностей дѣвицы, за що ôтъ матери получаемъ наказаніе и упрекъ, що мы чрезмѣрно сыплемъ комплиментами. Самое лучшое задержано было на конецъ вечери. Въ комнату вступаетъ послужниця.

„А що тамъ?" пытаетъ мати.

„Отъ старосты прійшолъ посланецъ, и проситъ нашого пана на нынѣ вечеръ, такъ якъ тамъ важное дѣло."

„Етъ!" ôткинулъ отецъ-кассіеръ, мало не презрительно. „Скажи посланнику, шо у мене гости суть, нѣтъ времени."

Послужниця удалилась. Контролоръ толкнулъ мене тайно рукою.

„Фю! фю! дѣло!" говорилъ дальше кассіеръ. „Знаю я, якое дѣло. Вистъ, четвертого имъ недостаетъ. Впрочемъ — етъ!"

„Мы може мѣшаемъ" началъ контролоръ „слѣдовалобъ намъ удалитись."

„Нѣтъ! нѣтъ! Николи въ свѣтѣ! Где-жь можно! Начинаемъ же сейчасъ нашу партійку."

...Мы, вернувши, переспались дома хорошо.

„Староста на виста приглашаетъ!" говорилъ рано контролоръ, натягаючи ранніи пантофли. „А то на дѣлѣ, старосты даже нѣтъ теперь въ городѣ. Выѣхалъ где-то. На виста приглашаетъ!"

(Прод. посл.)

Зъ галицко-русской
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

IV.

Потребу отвѣтного приспособленія кандидатôвъ къ священническому званію, и учрежденія духовныхъ семинарій, узналъ въ цѣлой полнотѣ, обрадовавшій черезъ 5 седмицъ, церковный соборъ въ Замостью. Изъ рѣшеній того собора, три точки маютъ близшую связь съ тематомъ, который мы въ предлежащôмъ нашôмъ розсужденію розрѣшити намѣрили, а именно: 1) посредственное устраненіе купна и наслѣдственности бенефицій или парохій; тутъ запрещено въ первыхъ, за удѣленіе презенты патрону що нибудь давати, записовати, домовымъ записомъ обтяжати, или якую сумму ôтъ провентôвъ ôтступати, во вторыхъ же запрещено было, дотычно бенефиціантôвъ, щонибудь зъ церковныхъ имѣній спродавати, заставляти, своимъ сродникамъ давати или межи нихъ оныи якобы наслѣдственнымъ правомъ роздѣляти; — 2) устраненіе купна и наслѣдственности бенефицій черезъ приписанія, ôтносящіися до способôвъ поставленія на священникôвъ. Практикованныи до теперь правила православного Кіевского митрополита Петра Могилы, дотычно поставленія кандидатôвъ на низшіи степени духовныи (якъ на аколитôвъ, дверникôвъ, и субдіаконôвъ), остали снесены; такожь снесеный былъ обычай восточной церкви, силою которого желающіи быти поставленныи священниками, должны были выказатись апробатою или свидѣтельствомъ нравственности ôтъ своего исповѣдника. Вмѣсто того, въ припоровленію правилъ Тридентского Собора, введено было испытаніе нравственного поведенія и отвѣтного умственного приготовленія или науки, изъ чого слѣдовало еще приписаніе, щобы никто не былъ рукополаганымъ, кто-бы передъ тымъ при катедральной церквѣ не обиталъ черезъ цѣлыхъ 6 седмицъ, и тутъ пôдъ окомъ епископа не обучился въ отвѣтнôмъ служенію обрядôвъ, литургіи и тайнъ. Такимъ способомъ теперь, по мысли тыхъ рѣшеній, войшла въ жизнь иная практика; давнѣйше церковныи бенефиціи переходили съ отця на сына, священники, по одному, по двохъ или бôльшое ихъ число, одни яко пресвитеры, другіи яко діаконы, съ родинами засѣдали на бенефиціяхъ; наука обрядôвъ, литургизанія и пр., разомъ съ знаніемъ церковного устава и языка старословенского, традиційно переходила въ родинѣ изъ генераціи на генерацію, такъ якъ поповства правно черезъ купно въ родинное посѣданіе переходили. Теперь же испытаніе моральной стороны кандидата, должно было припасти пôдъ надзоръ деканôвъ или протоереевъ, а приспособленіе къ священническому званію ординаріатамъ и намѣреннымъ духовныхъ воспиталищамъ.

Соборъ Замостскій вообще поклалъ на первый планъ, воспитаніе и школу. Ôнъ приказалъ учредити училища при всѣхъ тыхъ монастыряхъ, въ которыхъ бы бôльше якъ 12 монахôвъ обитало, и въ тыхъ школахъ приказалъ учити такъ монахôвъ, а именно приспособляющихся къ монашеству, якъ и мірскихъ людей, которы бы тіи школы посѣщати хотѣли, по крайной мѣрѣ моральной теологіи въ обычнôмъ т. е. русскôмъ языцѣ. Поглядаючи на дѣло изъ той точки зрѣнія, що мірскому духовенству еще бôльше потребна наука, яко такому, которое маетъ помагати епископу въ душпастырствѣ, возвалъ той соборъ всѣхъ епископôвъ, щобы по возможности въ своихъ епархіяхъ фундовали духовныи семинаріи, а еслибъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, того сдѣлати не были въ состоянію, на той случай поручилъ владыкамъ, щобы избравши изъ молодежи, а предовсемъ изъ межи сынôвъ священническихъ, остроумнѣйшихъ и способнѣйшихъ, высылали ихъ на воспитаніе до папской коллегіи о. Театинôвъ*) во Львовѣ, учрежденной конгрегаціею »de propaganda fide.«

Зъ дальшихъ словъ тыхъ соборныхъ постановленій, узнаемъ, щô уже въ тôмъ направленію было сдѣлано. А именно сказано тамъ-же, що протоархимандритъ съ конзульторами Василіанского чина,

---

*) Былъ то законъ латинскій пôдъ названіемъ: »Theatyni, ordo fratrum Clericorum regularium.« Монастырь сей созданъ во Львовѣ г. 1731—1734. Его зданіе пôдъ замковою горою („Червоный монастырь"), премѣнено нынѣ въ касарню артилеріи.

Антоній Завадзкій, леговалъ 40.000 зол. польск., въ пользу той Львовской папской коллегіи Театинôвъ, що тогдашній русскій митрополитъ Леонъ Кишка, который былъ разомъ и епископомъ Володимірскимъ и Берестейскимъ, построилъ духовную семинарію въ Володимірѣ (на 6 воспитанниковъ), и що дотычный фондъ въ суммѣ 90.000 зол., умѣстилъ и гипотековалъ на своихъ имѣньяхъ Макославахъ и Манчицяхъ, що дальше епископъ Полоцкій, Флоріянъ Гребницкій, обѣщалъ удержовати двохъ воспитанниковъ въ монастыри Жировецкôмъ (на Волыни), а епископъ Пинскій и Туровскій, Теофилій Годебскій, двохъ воспитанниковъ въ которôмъ изъ монастырей русскихъ, щобы тамъ-же могли побирати науки. Наконецъ обовязались тоже своими издержками воспитовати: епископъ Холмскій, Іосифъ Левицкій, гербу Рогала, двохъ воспитанниковъ въ семинаріи Володимірской, епископъ Львовскій Атанасій Шептицкій четырехъ, еп. Перемышльскій Гіеронимъ Устрицкій одного, а епископъ Луцкій, Іосифъ Виговскій, трехъ воспитанниковъ въ папской коллегіи оо. Театинôвъ во Львовѣ.

(Прод. посл.)

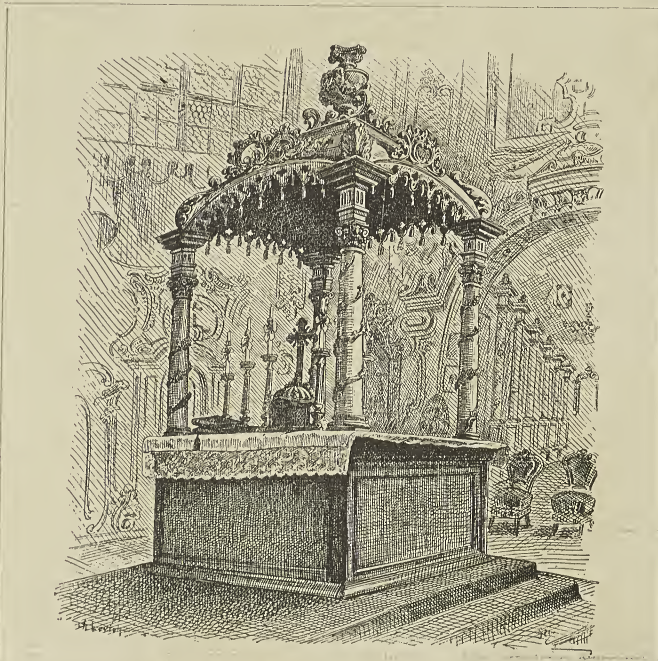
Крижевацкая гр. кат. епархія.

(См. порт. на ст. 113.)

Въ началѣ XVII-го столѣтія, коли Славонія ôтъ рабства Турецкого была освобождена, въ землѣ Славонской Турками опустошенной начали обитати Сербы и Хорваты, происходившии изъ Босніи. Одна часть ихъ осталась въ православію, пôдъ правленіемъ архиепископа Карловацкого, другая же пôдъ предводительствомъ Симеона Вратанья, архимандрита чина св. Василія Вел., приняла унію. Симеонъ архимандритъ за то получилъ ôтъ папы Павла V. г. 1611 титулъ древного греч. епископства Свидницкого, былъ поставленъ греческимъ викаріемъ латинского епископа Загребского, и обиталъ въ монастыри св. Архангела Михаила на горѣ Марча. Позднѣйше возникла межи епископами Загребскими и ихъ викаріями, епископами Свидницкими, долгая распря о юрисдикцію, вслѣдствіе чого папа Бенедиктъ XIV вмѣсто зависимыхъ епископôвъ Свидницкихъ, поставилъ апостольскихъ викаріевъ. Первымъ такимъ викаріемъ былъ Теофилій Пашичъ, которого самъ папа посвятилъ г. 1740 на титулъ епископа Свидницкого. Наконецъ папа Пій VI г. 1777 по прошенію Маріи Терессіи возстановилъ древное епископство Свидницкое для гр. кат. Сербôвъ и Хорватôвъ въ Славоніи. Монастырь на горѣ Марча, который служилъ мѣстопребываніемъ епископôвъ Свидницкихъ, былъ черезъ раскольникôвъ уже г. 1737 разрушенъ. Во виду того сооружила Марія Терессія для монахôвъ чина св. Василія, новый монастырь г. 1769 въ городѣ Крижевацъ, съ церковью въ честь св. Пульхеріи, и назначила его для ново-канонизованныхъ епископôвъ Свидницкихъ обиталищемъ; по той причинѣ и названіе епископôвъ Свидницкихъ замѣнилось названіемъ епископа Крижевацкого, который былъ прежде подверженъ митрополитамъ Острихолмскимъ, а въ послѣдствію сталъ подвѣдомственнымъ архиепископу Загребскому.

Епископы Крижевацкіи были до сихъ поръ: 1) Василій Божичковичъ (1777—1787); 2) Іосафатъ Басташичъ (1787—1793); 3) Сильвестеръ Бубановичъ (1793—1815); 4) Константинъ Станичъ (1815—1830); 6) Гавріилъ Смичикласъ (1834—1856); 7) Георгій Смичикласъ (1857—1881), рукополаганный въ гр. кат. церквѣ св. Варвары въ Вѣдни; 8) Илія Граниловичъ ôтъ г. 1883.

Капитула, основанна при тôмъ епископствѣ Фердинандомъ V, состоитъ изъ 5 крылошанъ. Объемъ епархіи невеликій, хотяй она розтягается на три коронныи краи. Къ той епархіи принадлежатъ тоже Угроруссы, которыи поселились въ области Бачка.



Престолъ катедрального храма въ Унгварѣ.

Угорская Русь.

(Продолженіе).

Монастырь Краснобродскій лежитъ въ Земплинской жупаніи, не далеко границы Галицкой, въ отстоянію малой мили ôтъ верхной цѣпи Бескида, межи селами: Чабины и Краснобродъ, на довольно красивой долинѣ, ôтъ текущой рѣки Ляборцъ названной Ляборскою. Мѣстоположеніе его на малой возвышенности съ одного края не пространной долины, заключенной по сторонамъ вѣтвями Карпатскихъ горъ, покрытыхъ по мѣстамъ буковыми лѣсами, по мѣстамъ же орными землями, даетъ ему весьма красивый, великолѣпный и вмѣстѣ веселый видъ. Монастырь построенъ изъ камня и кирпича, составляетъ два рамена четыре-угольника; къ югосѣверному рамени прилегаетъ выступающая фронтомъ къ западу часовня, въ которой помѣщена чудотворная икона пресвятой Богородицы, обложенная серебромъ, по преданію принесенная въ древную часовню первымъ ей основателемъ, нищимъ слѣпцомъ.

На тôмъ же возвышенію, где мо-

Надъ Ниломъ.

настырь, въ маломъ отстоянію отъ него къ сѣверу, стоитъ каменная, довольно великая церковь, съ высокою звонницею и однимъ малымъ куполомъ. Вокругъ церкви не великая площадь, украшенная старинными липами и дикими каштанами, составляетъ кладбище упокоившихся монаховъ. Тутъ тоже на сѣверъ отъ церкви есть керниця, бывшая якъ послѣ увидимъ, причиною основанія на томъ мѣстѣ церкви и монастыря, которая и по нынѣ слыветъ въ народѣ своею цѣлительною водою. Тую площадь и часть сада, окружающого майже со всѣхъ сторонъ монастырь и церковь, обводитъ каменная стѣна.

Въ монастыри есть библіотека, считающая около 2000 томовъ розличного содержанія сочиненій на розличныхъ языкахъ составленныхъ, въ великой части изъ дара бл. п. крылошанина Александра Духновича; не отличается однакъ особенностями библіографическими. Драгоцѣннѣйшіи сочиненія въ ней суть:*) три примѣрники Острожской Библіи; сочиненіе св. Василія В. изъ тойже Острожской печатни 1595 г.; Чешская лѣтопись на чешскомъ языцѣ изъ 1541 г.; Чешское законодательство изъ 1569 г.; два примѣрники Словаря шестиязычного Калепина изъ 1563 г., тогожь словарь осьмиязычный изъ 1589 г.

Монастырь Краснобродскій не маетъ ніякихъ старинныхъ грамотъ, указующихъ на его основаніе и первобытное состояніе. Самыи древнѣйшіи записки относятся лишь къ первой половинѣ минувшого столѣтія, то есть, къ времени возвращенія въ тую обитель монаховъ послѣ розсѣянія ихъ мятежію Ракоція.

(Прод. посл.)

*) См. Лит. Сб. Матицы.

Надъ Ниломъ.

(См. изобр. на стр. 117)

Вода приноситъ буйность вегетаціи и красоту флоры. Но истинно удивительными суть средства, якими природа старается заосмотрити всю землю водою и пособствовати розцвѣту флоры. Не малая то задача подъ знойнымъ солнцемъ тропиковъ, где мѣсяцами ни дождь ни роса не освѣжуютъ почвы, якъ то случается въ баснословной землѣ Фараоновъ. Той цвѣтущій, плодоносный и роскошный рай африканскій, пустынею сталбы, если-бы Ниль ежегодно въ опредѣленной порѣ не розливалъ въ всѣ стороны своихъ водъ. Наводненіе считается совершеннымъ, коли Ниль достигнетъ высоты 16 т. з. пикъ (cubitus) и тому число то получило историческую извѣстность. Шестнадсять играющихъ мальчиковъ на славной статуѣ Ниля въ Ватиканѣ, относятся до той высоты Ниля; сюда такожь относити слѣдуетъ овое число 16, выписанное надъ аллегоріею рѣки на монетахъ Траяна, Адріяна и Авреліяна.

Розкошный видъ даютъ тихіи воды Ниля, изъ которого по временамъ укажется могучая голова алигатора!... Береги отѣнены величественными мимозами и сикоморами; тутъ розлягаются живописныи гаи пальмовыи, переплѣтанныи роскошными огородами. Воды врѣзуются неразъ глубоко въ чорную толстую землю, где буйно ростетъ тростина, папирусъ, индиго и бавольна. Изъ зеленого хаоса прерозличныхъ ростѣній, торчатъ тутъ и тамъ домики Феллясовъ, минареты мошей, вилли и овыи дивоглядныи 7 метровъ высокіи голубники. Тутъ кипитъ жизнь особенно въ порѣ пшеничныхъ жнивъ. Сотки Феллясовъ трудятся на золотыхъ нивахъ, цѣлыи караваны верблюдовъ двигаютъ до селеній плоды земли. Изъ перекоповъ черпаютъ тысячи людей воду, впроваджуючи ею въ борозды нивъ а на многихъ мѣстцяхъ звѣрята домовыи съ завязанными очима, порушаютъ вододвигательныи снаряды. А мусятъ они спѣшитися, бо солнце палитъ, а Ниль спадаетъ, щобы потомъ возрости и оплодотворити всю землю.

Исторія народного театра

Петръ Полянскій.

Часть II.

Театръ подъ управленіемъ Моленцкого.

(Продолженіе.)

Изъ Львова намѣрялъ Моленцкій выѣхати въ Черновцы, но встрѣтилъ неожиданное запрещеніе изъ стороны буковинского краевого правительства, которое мотивовало свое отклоненіе тымъ, що театръ Моленцкого дѣлалъ бы конкуренцію перебывавшимъ тогды въ Черновцяхъ театрамъ нѣмецкому и румунскому. Выѣхалъ отже Моленцкій на двѣ седмицы въ Жолковь, где до того времени еще не заѣзжала театральная трупа. На первомъ представленію „Наталки Полтавки" явилось изъ окрестности до 200 лицъ, на другомъ было уже лишь 40-50. Много сдѣлалъ въ Жолкви для театра парохъ о. Пелехъ. Изъ Жолкви переѣхалъ Моленцкій въ Станиславовъ а послѣ въ Коломыю.

Въ то время въ Априлю 1870 г. вернулъ Бачинскій изъ Каменця Подольского во Львовъ и организовалъ новое общество. (Смот. первый рочникъ „Нов. Галичанина" сторона 82.) Майже два годы существовали теперь отже въ Галичинѣ два отдѣльныи театральныи общества, Моленцкого и Бачинского.

О поѣздкахъ Бачинского упомнено было въ первой части очерка, тутъ наведемъ еще журнальную нотатку о первомъ представленію Бачинского во Львовѣ по повороте зъ Каменця. Выступившую въ ролѣ Наталки Бачинску, повитала публика якъ милую знакомую свою громкими рукоплесканіями, обсыпавши ею цвѣтами. Бачинска поблагодаривши за истинно сердечное привѣтствіе, сказала лишь: „Дай Боже, щобы сей разъ тревалъ нашъ театръ долше." Артисты отограли обѣ пьесы прекрасно, съ житьемъ, съ мало не французскою вервою и не безъ высшой даже елеганціи.

О дѣятельности Моленцкого на провинціи встрѣчаемъ и дальше самыи признательности, а такожь и совѣты, щобы дирекція старалась устранити недостатки, безъ которыхъ при начинающомъ обществѣ всегда еще не могло обойтись. Особенно съ репертоаромъ были обѣ дирекціи въ клопотѣ; авторовъ не много было, тожь дирекціи мусѣли вести театръ и сотворяти репертоаръ.

А слѣдуетъ признати, що при тогдашнихъ слабыхъ средствахъ подавали дирекціи годично много премієръ. У Моленцкого встрѣчаемъ слѣдующіи премієры: „Ревизоръ" Гоголя, „Сынъ-невѣста" ком. зъ французского, „Весѣлье на обжинкахъ" ориг. оперетка А. Стечинского съ музыкою Бажанского, „Подозрительный женихъ" ком. въ переводѣ Моленцкого, „Псотниця" ком. въ 3 дѣйствіяхъ, „Примиреніе" драма въ 1 д., „Пансіонарка" шутка съ спѣвами въ 1 д., „Женитьба" Гоголя, „Послѣдній изъ родины графовъ" и пр.

Моленцкій посѣтилъ въ то время слѣдующіи мѣстности: Станиславовъ, Коломыю, Городенку, Залѣщики, Бучачъ, Улашковцы, Чортковъ, Снятынъ, Черновцы (въ Февр. 1871 г.), Калушъ, Золочевъ, Тернополь, всюды съ добрымъ успѣхомъ. Зъ Коломыи снаходимъ слѣдующую нотатку: „Не могу тутъ не вспомнути о однομъ Славянинѣ Чеху, который ни одного представленія не опустилъ, хотяй есть отъ Коломыѣ отдаленый о цѣлую милю. Часомъ онъ и пѣшкомъ потрудился въ театръ. Такое есть крѣпкое почувствіе народности у Чеховъ!" — Изъ той-же корреспонденціи узнаемъ, що въ Коломыи существовалъ уже передъ тымъ русскій малый театръ, составленный пок. О. Озаркевичемъ, подъ дирекціею Звоняря.

Наконецъ слѣдуетъ еще поднести, що въ то время завязался былъ, комитетъ (провинціональный) покровителей нашой сцены, который поставилъ собѣ задачу, пособствовати дѣ-

ламъ сцены пôдъ дирекціею Моленцкого. Члены обовязовались уплачати годично на цѣли театральныи 4 или 9 злр. Въ той комитетъ вступили съ вкладками: О. Котлярчукъ, приходникъ Бережанскій, Иванъ Наумовичъ, Соневицкій, кат. гимн., Лужицкій, парохъ изъ Жукова, Вербицкій, проф. гимн., Думаникъ, мѣщанинъ Бережанскій, Игнатій Галька, Викторъ Нероновичъ, Іоаннъ Сѣрко, Кл. Литинскій, свящ. полковый изъ Дебречина, Левъ Трещаковскій, Іосифъ Маркевичъ, ротмистръ изъ Городка, Лука Павловъ, гражданинъ изъ Городка.

Въ „Академическомъ „Кружку“ держалъ Моленцкій 2 Дек., 1872 отчитъ: „О пользѣ знанія литературы драматической.“

Слѣдуетъ теперь соединеніе обохъ театральныхъ обществъ Бачинского и Моленцкого въ одно (см. первую часть очерка.) Вскорѣ сновь отдѣлился Моленцкій, давалъ представленія съ слабшимъ уже репертоаромъ и персоналомъ, поки не занедужалъ. Моленцкій скончался г. 1873, а члены его труппы перейшли въ иныи театральныи общества.

ВЪ АЛЬБУМЪ.

Данило Млака.

Теперь ажь сдогадалась ты,
Що я для тебе жилъ,
На свѣтѣ тôмъ тебе одну
Вѣрненько лишь любилъ.
Менѣ що зъ того, сли теперь
Розовыи уста
Говорятъ: „любый хлопче мôй!“
Вѣдь поздна вже пора.

Любовь, що пламенѣла разъ,
Загасла вже давно,
А счастье, о которôмъ я снилъ,
Розбилось якъ стекло.
Хоть ты щебечешь о любвѣ,
Тыхъ слôвъ не чую я —
И слезъ не бачу полный токъ,
Бо поздна вже пора.

Любови цвѣтъ давно совялъ,
Ôнъ вѣчно не цвитетъ,
Въ грудехъ зима, тамъ вже давно
Снѣжницею мететъ.
Любезности всѣ вже пусты,
Бо въ сердцѣ вже зима,
Не сбудишь того, що гробъ взялъ,
Бо поздна вже пора.
— 1891.

Дѣти Гаймона
и
Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

III.

На приходствѣ окружного мѣсточка цѣлая обора заставлена то угорскими возиками, то широкими родинными брычками, то простыми драбинястыми телѣгами. Пудла и паки (съ дамскими уборами и приборами) не могли помѣститись въ тѣснôмъ передпокою. А и для тоалеты дамской нѣтъ было где подѣтись. Тѣснота така была въ уборной, що кринолины ніякъ не могли прійти въ свою круговую позицію. За то и комора не была порожна. Тутъ специалы за спеціалами, марцепаны за марцепанами, а все въ дарѣ привезенное ôтъ милыхъ сосѣдокъ. Въ пушистôмъ папировôмъ моху почиваетъ тамъ шоколядовый перекладанецъ а дальше маковый книшъ съ розинами, за нимъ бѣлѣются мазурки съ пѣною и фигами. (Той спеціалъ привезенъ былъ ôтъ нѣкой Евляліи). Тутъ сновь веселитъ очи бакаляръ зъ галяретовыхъ компотôвъ, любимецъ особенно дѣвицъ по причинѣ своего ванилловего сложенія. Достойно сосѣдуютъ съ нимъ два жаренныи, не бôльше якъ четыремѣсячныи жаренныи съ хреномъ въ зубахъ и — прочое еще, которое градомъ сыпалось изъ пакъ приѣхавшихъ сосѣдокъ. Въ углѣ стояла боченка съ мигдаловою оршадою, любимымъ холодящимъ дамскимъ напоемъ, рядомъ съ винными анталками.

Въ мужеской комнатѣ собрались уже сосѣды, а и такіи, що и за десятыми горами где проживали. Всѣ они сосѣды. Межи ними кружило якоето письмо въ многихъ числахъ и всѣ были заняты его содержаніемъ. Въ комнатѣ творились поодинокіи громадки, въ которыхъ ишли горячіи бесѣды; лиця розгорѣлись и правдивое одушевленіе обнимало собранныхъ. Но и тутъ были оказы, которы отдѣльно держались ôтъ того одушевленія.

Въ одлôмъ углѣ комнаты стояло трехъ парохôвъ. Одинъ Перловичъ, сухій человѣкъ съ выстающими щеками, брунатно-глинястого цвѣта лиця, лысый; прочій волосъ въ завояхъ заточенъ былъ изъ зады въ передъ. Ôнъ носилъ мѣщанскій жупанъ черешневой краски зъ сѣракового сукна и чоботы о жолтыхъ выверненныхъ холявахъ. Другій Стокайло въ долгой рипсовой блюзѣ, высокій, набитый, съ напушенною миною. Его фризура была правдивымъ морскимъ хаосомъ, начертаннымъ рукою Клодъ-Лоррена. Въ кôнци третій Сержакъ, малый, грубый, одинъ изъ пелеринковыхъ.

„Общества!“ говорилъ первый, прикладаючи по философски палецъ до чела. „Терефере! Подурѣли но! Якихсь тамъ обществъ имъ захотѣлось! Того еще не бывало у насъ. Дальше яйце мудрѣйше курки станетъ А человѣку и не жити вже.“

„Що вже, а то правда“, говорилъ Стокайло „лихіи часы.“

„Але-ле?“

„Зле що-то тягнетъ. Чую, Краковъ вже чи не сбомбардовали. Ôтъ голода, войны и несподѣванной смерти сохрани насъ Господи Чи не запрягати-бъ намъ нашихъ коней, и такъ тайкомъ высунутись.“

Тутъ ôнъ бережливо оглянулся.

„Думаете?“

„Ага!“

„Пождатибъ бодай до вечери.“

На то не отвѣтилъ вже сосѣдъ, бо въ комнатѣ настало общое движеніе. Тамъ старыи и молодыи иначе вели розговоръ. По нарадахъ всталъ парохъ Дуновичъ и зачалъ:

„Выйшолъ я въ поле. Жнива были. Солнце высоко пôднялось. Смотрю, всѣ жнутъ, лишь одинъ таки спитъ на убочи, спитъ сердечно, лишь серпъ коло себе положилъ. Приступаю до него, буджу его. ‚Ой проспалъ же ôнъ найкрасшій часъ, не догонитъ насъ,‘ смѣются другіи женцы. А человѣчокъ сбудился, схопился, взялъ серпъ и жнетъ; кладетъ снопъ за снопомъ. Зъ полудня полягали сосѣды ôтпочивати, а человѣчокъ жнетъ та жнетъ. Надъ вечеромъ догналъ всѣхъ, а зачимъ солнце зайшло, всѣхъ перегналъ. — Той человѣчокъ — то мы. И мы спали. Слѣдуетъ намъ взятись жати на добре, бо солнце уже высоко а сосѣды давно вже въ поли.“

Такъ говорили еще многіи и всѣхъ получила одна мысль, любовь отчины и народа.

Въ коротцѣ надойшла и праздничная часть ночи. Музыка загремѣла. По появленію Евтима пôйшолъ по салѣ межи дамами шепотъ. Его замѣтили сейчасъ И не диво. Евтимъ былъ хорошъ, а блѣдость оставшаяся по болѣзни пôдносила его красу. — По узвычаенію повелъ ôнъ майже безмысленно, лишь ôтъ привычки, окомъ по дамскôмъ кружку.

Но тутъ и пріостановился ôнъ. Ôнъ не повелъ дальше очей, но упивался роскошію, чаромъ синой безконечности карпатского неба, ôтбитой въ очахъ ей— Сидоніи.

„Гаймонъ правду казалъ“ подумалъ Евтимъ „она то есть, той самъ серафимокъ... Она, которую правдиво люблю... И я ей не позналъ бы, якъ той княжевичъ свою пôдземную любимицю, хотяйбы межи дватсяти ей подругами! Она то же само. Що за ясность ôтъ ней бьетъ: сребрныи льоки. А лице? то лице той преобразовавшойся уточки на озерѣ: бѣлое якъ снѣгъ а червоное якъ кровь соколъ...“

Сидонія явилась тоже съ уздоровѣвшою сестрою. Ей уборъ былъ праздничный, сдѣланъ изъ легкого бѣлого штофа зъ пуль-де-соа, въ непревысшимôмъ вкусѣ и умѣренности, чимъ и ôтзначалась ôтъ прочихъ Помпадуровыхъ тоалетъ.

„Первый сонъ для мене солодкій и счастливый, былъ у васъ“ говорилъ до Сидоніи Евтимъ (они были за хвилю якъ давніи знакомыи) „а именно сонъ моей семидневной болѣзни... въ немъ видѣлъ я серафимка, васъ...“

„Ага“ шутила Сидонія „вы вѣроятно видѣли точнѣйше еще кого-то въ снѣ, якъ догадоватись можно по вашôмъ первôмъ словѣ при пробужденію.“

„Такъ? я сказалъ якое то имя?... быти можетъ, дамы якой... но...“

„Отъ, отъ, дамы! вы словились по части! но успокойтесь, то не было имя дамы...“

„Нѣтъ? Певно нѣтъ. Васъ люблю первую и най...

„Не кôнчѣтъ! А первое слово?“

„То было —“

„Народъ.“

Якъ звукъ еольской арфы переняло то слово душею Евтима. А еще сказала его женщина. Его улюбленная дама. И то тономъ такимъ, якбы приказовала, бôльше любити народъ, якъ женщину. А хотяй такъ приказовала, не можна было не любити ей бôльше всего. Ôнъ чувствовалъ, що то слово высказанное дѣвичьими устами, уколышетъ его внутренную бурю.

И цѣлую ночь не видѣлъ Евтимъ иной дамы, лишь Сидонію. А тымчасомъ родилась въ душечцѣ брюнетки Чешки страшная борьба. Она и теперь прибрала холодный видъ и прикусовала уточка якъ въ первый разъ въ кондиторіи. Но въ душѣ?...

Чи она любила его? Конечно, дама не всегда и не даромъ прикусываетъ уста. Она знала, що сабля, съ которою одного рана вернулъ ей мужъ кондиторникъ Больскій, що сабля была окровавлена кровью — Евтима и знала, що кровь плыла за ей чувства.. и она може смѣялась тогды. Но теперь? Теперь ни одинъ поглядъ ôтъ него, ни одинъ укоръ, ни наветъ одно слово! А ôнъ такъ красивый! о много красившій, чимъ прежде; особенно тая блѣдость его. У дамъ и юношъ ростетъ краса въ хвиляхъ страданія.

Но еще одно принадлежитъ дамамъ. Они суть, якъ той славянскій идолъ Триглавъ, которого лице закрыто золототканнымъ покровомъ, за которымъ не видно, що въ душѣ происходитъ. Коли однакъ свѣтъ не смотритъ на даму, скидаетъ она тую Триглавскую заслону и Чешка черноволосая не прикусываетъ уже усточокъ, но въ уединенію ручки бѣлыи ломитъ, слезы льетъ. Въ уединенію страданіе дѣвичього сердца розрываетъ узы, державшіи передъ свѣтомъ бьющіи чувства въ строгôмъ укрытію.

* * *

Первымъ дѣломъ Евтима по поворотѣ въ Смеречне было, удалитись въ хату Гаймона. Пôдъ вечеръ ôнъ пустился на скалистыи пустки. Идучи стежкою, ôнъ сѣлъ ôтпочити. Тоюжь самою дорогою сближался мужикъ въ киптарѣ, съ кошомъ рыбарскимъ въ рукахъ. Не долго приглядался Евтимъ. То былъ Ванько, промовикъ. Ôнъ держалъ въ устахъ короткую люльку и усмѣхался, якъ бы той сухій хребетъ горы былъ для него раемъ.

„Здоровы, право здоровы!“ почалъ Ванько, узрѣвши еще зъ далека Евтима. „Пôйдутъ и они? То гараздъ, пôйдемъ въ двое. Добре робятъ, що остали таки у насъ. Що у мѣстѣ? Ану, сказатибъ лишь, що мѣсто маетъ? А отъ що: Камянецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда. А перекотишься изъ мѣста въ село, то якъ бы щупакъ перекотился изъ мочары въ Дунай. Та широко-жь пану всюда. А зачепишь где за Савку чи Пантиля, то для нихъ вѣтеръ, хоть якъ завертайся, все просто въ очи. Бѣдному Савцѣ нема доли, ни на печи, ни на лавцѣ: на печи печутъ а на лавцѣ сѣчутъ. Етъ! Кобы одно: бакунъ и люлька, тогды и Сянъ не высихаетъ и гуляй по водѣ, поки житья стаетъ.“

То все сказалъ ôнъ не приставаючи ни въ словѣ ни въ ходѣ и розмахуючи руками, якъ ястребъ, що взбивается крыламп въ гору. Они поступили вскорѣ въ комарникъ.

„Трофимко! ану, овчарикъ же зъ тебе, таки уродился на чобана, подай рѣща до огню; чого загасло. А ты самъ! Лежишь! отъ призабрался. Лежати ему! Полонину бы розвалити, дубомъ скрухотѣти а лежати бабамъ та панамъ.“

„Дѣдо и Явдоха, знаете где?“ пыталъ не встаючи изъ сѣна хлопакъ Трофимко „знаете где? Не пустили изъ двора, а таки замкнули пôдъ землею.“

Дверь заскрипѣла. Въ комнату вбѣгъ малый, горбатый мужикъ съ росчохраннымъ волосомъ и съ переляканнымъ взоромъ.

„Отче Святый Николаю и ты Пречиста!“ стогналъ хмарникъ Яковъ „Мадьяры! Мадьяры! Чорнява сунетъ тамъ изъ за Бескида. Село Вербѣжи вже въ огни.“

Всѣ поспѣшили до села; почало вже меркнути денное свѣтло. Вечеръ былъ. Изъ стороны угорской границы надойшла въ село толпа угорскихъ шегенôвъ. А были то паразиты, выросшіи за время революційной угорской бури. Въ недоступныхъ Карпатахъ множились они бôльше еще, чимъ на широкихъ пусстахъ. Была то сволочь образовавшаяся въ банды розбойничи и корыстающая изъ движенія, изъ прорванія всякихъ узбвъ общого порядка, сволочь сложенна изъ розличныхъ сословій людей, а рекрутовавшаяся головно изъ среды касты, яка лишь на Унграхъ выродалась, касты зовимой Бетіарами а прозывающой себе Шегенъ-Легенами. Бетіары ôтъ давна гуляющіи на Уграхъ, якъ недоступныи орлы и окрытыи въ устахъ народа якимто романтизмомъ, розвинули еще буйнѣйше свои крыла за революціи. Они бушовали по краю, якъ по своей области, уничтожали все лишь для самого уничтоженія и не знали границъ въ тôмъ бѣшенствѣ. Край представлялъ правдивый пореволюційный образъ. И съ житьемъ человѣка они шутили. По дорогахъ стояли шибеницы. Висѣлъ тамъ и жидъ и селянинъ и панъ и мундуровый а кôнчилъ пандуръ.

Толпа обдертыхъ Шегенôвъ нашла на Смеречне и почала въ немъ по своему газдовати. Середъ села они розложились; наскиданныи огненныи ватры горѣли широко. Они нагнали изъ села найтолстѣйшую маргу, найлучшіи подольскіи волы и овцы, и начали пиръ при огняхъ. Корчма стояла вже розрушенна, водочныи куфы выточены; нѣсколько хатъ горѣло вже въ селѣ.

Евтимъ сближался до мѣстця бенкетующихъ. Коло придорожной хаты боролось нѣсколько шегенôвъ съ мужикомъ, который ôтбивалъ свою послѣдную овцю. Евтимъ ôтторгнулъ Бетіара.

„Ты? Противъ мене? Хлистокъ такій! Противъ вождя Шегенôвъ! Пожди; на гакъ его. Но нѣтъ, заждѣтъ. Ôнъ чого лучшого достоинъ; тому угодимъ лучше. На найвысшой полонинѣ будетъ висѣти: связати и забрати!“

Въ синôмъ тужурку, съ жолтыми флоресами, въ мадьярской чапочцѣ, съ широкимъ ножемъ въ рукахъ и съ искрящими очима приглядался вождъ Шегенôвъ увязи Евтима.

Сновь опустѣло село. Згасли ватры. Шегенскіи горды потягнули за Бескидъ.

Пражская выставка ôтзначается ôтъ прочихъ прежнихъ выставокъ одною свойственностію, которою прежніи, даже парижскіи выставки не могли повеличатись. Цвѣтный отдѣлъ, представляющійся блестательно, слученъ тутъ съ декораціею выставки вообще и становитъ дополненіе ей архитектоничной части. На иныхъ выставкахъ встрѣчались тоже пышныи цвѣтныи и деревныи сады, но строители не старались приноровляти ихъ къ цѣлой выставцѣ. Въ Празѣ цвѣтники тѣсно случены съ прочимъ пространствомъ выставковымъ и безъ нихъ не представлялись бы павилоны такъ свѣтлыми и обрамленными.

Сейчасъ на вступѣ витаетъ посѣтителя на площади бôльшій цвѣтный левъ чешскій изъ живыхъ цвѣтôвъ. На зеленôмъ обрамленію травы розложенъ бѣлый левъ на червонôмъ цвѣтнôмъ тлѣ, съ чешскою короною надъ нимъ умѣщенною, тоже изъ живыхъ ростучихъ цвѣтôвъ устроенною. По сторонамъ виднѣютъ буквы M. S. P. (т. е. Mestky Sad Pražsky). Цвѣтникъ розтягающій сейчасъ при вступѣ, маетъ въ долготу 110 м., въ ширину 36 м. По краямъ идутъ цвѣтныи загоны мозаиковыи, а по обомъ сторонамъ той площади возносятся прекрасныи павилоны. То первый поглядъ на выставковую пространь, поглядъ, который — по выраженію чешскихъ газетъ — дѣлаетъ на посѣтителя свѣтлое впечатлѣніе. Въ перспективѣ случается гармонійно стиль павилонôвъ и кіоскôвъ съ цвѣтными взорами, зъ свѣжою зеленью и съ деревными сводами.

Цвѣтникъ съ своими окрешеніями обнимаетъ въ собѣ 74.200 ростѣній. Половина изъ того припадаетъ на чешского льва и мозаику. Прочіи цвѣты становлятъ окрашеніе, отвѣтно устроенное вокругъ статуы Юрія Подебрадского, котора поставлена передъ промышленною палатою. Памятникъ той, представляющій ѣздока въ боевôмъ уборѣ, выдвигается на пьедесталѣ 6 м. высокôмъ, изъ межи буйного цвѣтного гаю и становитъ законченіе цвѣтной площади.

Дальшими новостьями, якіи являются посѣтителю сейчасъ при вступѣ, суть чешскіи цвѣтныи окрашенія, вѣрно ôтдающіи народныи взоры, якихъ чешскій народъ употребляетъ при вышивкахъ, сосудахъ и пр. По обохъ сторонахъ чешского льва розложены мозаиковыи загоны, изъ которыхъ плѣняютъ зрѣтеля чешскіи орнаменты по взорамъ солнечника, цвѣта яблони, дикихъ рожь, звѣздъ, и пр., точно, якъ народъ ихъ по своему вкусу складаетъ.

Дальше слѣдуетъ особый отдѣлъ цвѣтный въ павилонахъ, который даетъ полный и блестательный образъ чешского промысла въ той области. Первыи роботы на выставковой пространи начали строители цвѣтной части. Въ согласію съ архитектами и выставковымъ выдѣломъ, перевелъ Фр. Томайеръ планъ той площади и уже минувшого года началась робота.

Къ тому прилучается еще выставковый садъ, протягающійся ôтъ павилона древностей до оранжеріи. Садъ той обнимаетъ въ собѣ одну изъ найбôльше привлекательныхъ частей выставки, а именно чешскую сельскую хату, передъ которою виднѣютъ два хорошіи сельскіи огороды. Въ тыхъ сельскихъ загородахъ розцвились тутъ пивоніи, солнечники, столистныи рожи, лиліи, мята, калина, бозъ, макъ и пр. Огородецъ той выплекали тутъ сами чешскіи дамы.

Въ стекляннôмъ павилонѣ красуется выставка рожь. Собраны тутъ изъ Чехіи близко тысячь родôвъ рожь. Слѣдуютъ дальше розличныи роды зелени, цвѣты иностранныи, пальмы, оршидеи и пр. Въ павилонѣ умѣщена статуа цвѣтного промышленника чешского Бенедикта Резля.

Есть дальше за садомъ и прелестный ставокъ, тоже дѣло Ф. Томайера. Тутъ для посѣтителя пріятное затишье послѣ выставкового шума. Ставокъ состоитъ изъ двохъ частей, высшой и нисшой; обѣ части случены водопадомъ. Надъ берегомъ нисшого ставу поставленъ рыбарскій павилонъ, которого стѣны прозираются въ зеркалѣ воды.

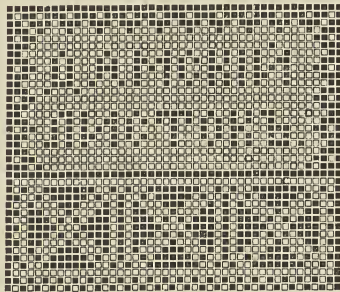
Межи зданіями отличается своимъ видомъ и величиною промышленная палата. Чешскіи газеты выражаются, що видъ той палаты превзойшолъ всѣ надежды. Посѣтители выражаются о ней съ великою признательностію, що конечно приноситъ честь чешскимъ строителямъ и архитектамъ.

Основу того головного зданія становлятъ четыре могучіи луковыи своды изъ желѣза, которы случаются въ четырехъ стройныхъ вежахъ, уставленныхъ по угламъ зданія. Все то полно орнаментôвъ, межи которыми преобладаютъ лавровыи листья и чешская корона. На верху головной копулы умѣщена корона чешская, устроенна такимъ способомъ, що и въ ночи жарѣетъ свѣтломъ своихъ дорогихъ камней. Цѣлое головное зданіе а съ нимъ и промышленная палата, почиваетъ пôдъ короною Святовацлавскою, котора такъ завершаетъ цѣлое дѣло выставки. Надъ входною брамою виднѣютъ даты 1791—1891, надъ ними буквы R. B. (Regnum Bohemiae). Въ горѣ надъ входовымъ сводомъ возносится бôльшій, девятиметровый, крылатый геній, по обомъ же сторонамъ его почиваютъ статуы, представляющіи знаніе и промышленность. На двохъ вежахъ передного свода уставлены статуы двохъ императорôвъ, Леопольда II и Францъ-Іосифа I. Изъ вежь повѣваютъ прапоры. Особенную барвность надаютъ зданію гербы чешскихъ городôвъ, почивающіи въ лавровыхъ вѣнцяхъ. Изъ галерій ведетъ лѣстница на верхъ зданія, до самой короны.

Могучіи своды зданія сдѣланы изъ желѣзного матерьяла, по примѣру зданій послѣдной парижской выставки, и по плану архитектôвъ чешскихъ Новотного и Минцбергера. Роботы постройки произведены въ сорозмѣрно короткôмъ времени. Они начаты были въ половинѣ минувшого года. По рельсамъ, проведеннымъ изъ желѣзнодорожного дворця на пространь выставковую, прибывали безпрерывно матерьялы. Въ половинѣ строительной роботы послѣдовала пора зимовая. Но роботы не прекратились даже въ дни найострѣйшого мороза. На выжи-

нѣ зданія жарѣла угольная печь, при которой ôтъ времени до времени загрѣвались занятыи при строенію ремесленники. Движеніе робочое не прекращалось тутъ и ночью. Лишь такимъ способомъ могли роботы быти произведены въ такъ короткôмъ времени.

Изъ иныхъ зданій выдѣляются два павилоны для искуствъ, протягающіися по обомъ сторонамъ цвѣтной площади. Построены они, по плану чешскихъ архитектôвъ Впля и Бѣльского, въ стилю чешского ренесанса изъ XVI столѣтія. Такіи мотивы встрѣчаются на городскôмъ зданію въ Пильзнѣ, Прахатицяхъ, Кутной-Горѣ и пр. Зъ начала павилоны для искуствъ не входили въ планъ выставки, такъ якъ къ той цѣли могло служити Рудольфинумъ, где должна была открытись дополнительная выставка искуствъ. Но вскорѣ перемогло мнѣніе, що и искуства должны спайти на самой выставковой площади свое помѣщеніе. Въ тыхъ павилонахъ хорошо представляется головная долгая саля для картинъ; на бочной стѣнѣ умѣщена занавѣса изъ сцены народного чешского театра, котора вступающимъ посѣтителямъ представляется яко завершеніе долгой сали. Безъ сомнѣнія однимъ изъ найбôльше занимательныхъ будетъ той отдѣлъ картинный. Будутъ тамъ собраны многіи картины чешскихъ живописцевъ, картины доставленныи на время выставки заграничными галеріями и музеями.



КНЯЗИ
на галицкой области.

Галицкая земля принадлежала уже и родителю Владимірка, Володарю, проживавшому въ Перемышли, но Владимірко, соединивши княжество Перемышльское, Звенигородское а послѣ и Теребовельское въ одну державу, первый основалъ свою столицю въ Галичи.

Галицкіи князи. Владимірко Володаревичъ, 1126 г. — Ярославъ Владиміровичъ, 1152 г. — Олегъ Ярославичъ, г. 1187. — Владиміръ Ярославичъ, въ первый разъ г. 1187. — Романъ Мстиславичъ 1188 г. — Андрей, сынъ Белли, королевичъ Венгерскій, 1189 г. — Владиміръ Ярославичъ, вторично 1190 г. —Романъ Мстиславичъ, вторично 1199 г. Даніилъ Романовичъ, въ первый разъ 1205 г. — Владиміръ Игоревичъ, 1206 г. — Романъ Игоревичъ, 1209 г. Владиміръ Игоревичъ вторично, 1210 г. — Даніилъ Романовичъ, вторично 1211 г. — Мстиславъ Ярославичъ, 1212 г. — Володиславъ, беззаконный присвоитель престола, 1213 г. — Колломанъ Андреевичъ, венгерскій королевичъ, галицкій король, въ первый разъ 1214 г. — Мстиславъ Мстиславичъ, 1218 г. — Колломанъ, Венгерскій королевичъ, вторично 1219 г. — Мстиславъ Мстиславичъ, вторично 1221 г. — Андрей Андреевичъ, Венгерскій королевичъ въ первый разъ 1227 г. — Даніилъ Романовичъ, въ третій разъ 1229 г. — Андрей Андреевичъ, Венгерскій королевичъ, вторично 1231 года. Даніилъ Романовичъ, въ четвертый разъ 1234 г. — Михаилъ Черниговскій и сынъ его Ростиславъ, 1235 г. — Даніилъ Романовичъ, послѣ король русскій, въ пятый разъ 1237 г. — Левъ Даніиловичъ, 1264 г. — Георгій Львовичъ, русскій король, 1301 г. — Андрей и Левъ Георгіевичи, вмѣстѣ князи Галицкіи и Володимірскіи, 1316 г. — Левъ Георгіевичъ, г. 1320. — Георгій Андреевичъ, князь Галицкій и Володимірскій, съ титуломъ „Всей Малороссіи“ 1324 г. — Дочь князя Георгія Андреевича, неизвѣстного имени и супругъ ей Димитрій Гедиминовичъ, 1337 г. Съ кончиною Георгія кончится и наша історія древного Гилицко-русского княжества.

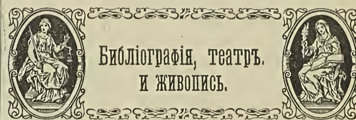
Перемышльскіи князи. Володарь Ростиславичъ, 1081 г. — Рюрикъ Ростиславичъ 1085 т. — Володарь Ростиславичъ, вторично 1086 г. — Ростиславъ Володаревичъ, 1125 г. — Владиміръ Ярославичъ, 1187 г. — Святославъ Игоревичъ, 1210 г. — Лешко Бѣлый, князь Краковскій, 1216 г. — Колломанъ, король Галицкій 1216 г. — Андрей Андреевичъ, королевичъ Венгерскій 1222 г. — Даніилъ Романовичъ, 1236 г.

Белзскіи князи. Всеволодъ Мстиславичъ, 1187 г. — Александеръ Всеволодовичъ, 1205 г. — Василько Романовичъ, 1209 г. — Всеволодъ Всеволодовичъ, 1212 г. — Алекс. Всеволодовичъ, вторично 1219 г. — Шварно Даніиловичъ, 1264 г. — Георгій Львовичъ, 1268 г. — Георгій Даніиловичъ 1377 г.

Бужскіи князи. Давидъ Игоревичъ, 1100 г. — Святославъ Всеволодовичъ, 1146 г. — Ростиславъ Георгіевичъ 1148 г. — Ярополкъ Изъяславичъ, 1168 г.

Теребовельскіи князи. Василько Ростиславичъ, 1086 г. — Іоаннъ Васильковичъ, 1125 г. — Изъяславъ Игоревичъ 1210 г.

Звенигородскіи князи. Владимірко Володаревичъ 1125 г. — Романъ Игоревичъ, 1206 г.



„Батько и Мати, двоспѣвъ для Сопрана и Альта зъ супроводомъ фортепяна, до слôвъ народныхъ зложивъ О. Нижанковскій.“ — Мелодія до слôвъ: „Та нема древа ряснѣйшого надъ дубочка, та нема роду рôднѣйшого надъ батечка. Що дубочка зломлю, тай покину, а батечко умре, я и загину. — Та нема цвѣту цвѣтнѣйшого надъ маковку, та нема роду рôднѣйшого надъ матѣнку. Що маковку зôрву, друга буде, а матѣнка умре, я и загину.“

„Бібліотека музыкальна. Три квартети, для хору мужеского уложив Недільский-Цетвіньский. Львів. Випуск 17. Ціна 30 кр.“ 1) Моя мати ворожбита“ (Недѣлского), 2) „Якъ ночь мя покрыетъ“ (Цетвинского), 3) „Князь Ревуха“ (Цетвинского.) — Адреса „Музыкальной Библіотеки“: Львовъ. Ул. Коперника ч. 36. Издатели: Ост. Нижанковскій и Несторъ Дмитровъ.

Журналъ общества чешскихъ филологовъ въ Празѣ: »Listy filologické«, содержитъ въ выпуску III за г. 1891, межи иными, розсужденіе: „Literatura rimska na Rusi“ (F. Krsek), основанное въ части на прежнихъ того рода трудахъ Нагуевского, проф. Казанского университета, („Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ г. 1709 по 1889.“) Первый переводъ зъ латинской литературы появился въ Россіи г. 1709. Переведена была именно книга Квинта Курція Руфа о дѣлахъ Александра Великого. Имя переводчика неизвѣстно. За тымъ слѣдовали переводы изъ сочиненій Руфа, сдѣланныи Крашенинниковымъ, и меньшіи уступы Горація и Непоса. Года 1772 переложилъ Василій Майковъ четыре книги Метаморфозъ Овида. По тридсяти лѣтахъ переложилъ первый Теодоръ Поспѣловъ произведенія Тацита. Съ кôнцемъ XVIII-го столѣтія были уже майже 20 кляссикôвъ переведены, якъ Овидъ, Горацій, Непосъ, Цицеро, Сенека, Плиній, Саллюстій, Вергиль, Валерій Ма., Тацитъ, Терентій, Като, Цезаръ, Светоній, Апулей, Федръ, Геллій, Витрувій, и пр. Съ началомъ XIX столѣтія начало появлятись въ Харковѣ первое изданіе латинскихъ кляссикôвъ для русской молодежи, первыи журнальныи статьи о литературѣ римской (особенно въ Вѣстнику Европы съ года 1807) и первыи научныи розсужденія зъ области наукъ древне-кляссическихъ.

Кириллиця въ словенской литературѣ. Минуло 400 лѣтъ съ того времени, (1491), коли были напечатаны кириллицею въ Краковѣ Швайпольтомъ Фѣолемъ первыи славянскіи книги „Осмогласникъ" и „Часословъ." По тому случаю подаетъ Матей Трновецъ въ часописи Тріестенской „Edinost" попытку приноровленія кириллицы къ словенскому языку, помѣщаючи въ тôмъ же журналѣ стихотвореніе Симна Грегорчича „Кмешкей хиши" („Сельской хатинѣ") съ примѣненіемъ кириллицы. И примѣненіе то даетъ самъ лучшій результатъ. Оно выйшлобы въ пользу словенского языка, такъ якъ при примѣненію кириллицы открывается при многихъ словахъ етимонъ словный, который при употребленію латинки внѣшно заникаетъ. Тутъ, природно, приходится многіи слова свести до первобытного славянского корня, которого фонетичныи формаціи принимаютъ въ различныхъ областяхъ славянскихъ розличный видъ. Въ предлежащôмъ стихотворенію тая связь съ первобытнымъ тематомъ задержана; на нѣкоторыи чисто мѣстцевыи словенскіи звуки прийшлось автору подобрати знаки старославянскіи; они добраны отвѣтно съ изъятіемъ звука o(n), которого значеніе въ стихотворенію есть идентичнымъ съ Ж (живете), затымъ лишь невеликое розличіе въ формѣ знака.

Новооткрытое дѣло Аристотеля. — *„Ἀθηναίων πολιτεία.* Aristotle on the Constitution of Athens. Edited by F. G. Kenyon, M. A. fellow of Magdalen college, Oxford, assistant in the department of manuscripts, British Museum. Second edition. Oxford 1891." Въ короткôмъ времени появляется уже второе изданіе новооткрытого сочиненія Аристотеля о законодательствѣ атенскôмъ; найлучшій то доказъ, якое движеніе произвело отнайденіе того дѣла, въ научнôмъ мірѣ. Подаетъ оно цѣнныи дополнительныи свѣдѣнія о державнôмъ устройствѣ Атенъ. Въ введенію подаетъ издатель подробнôе описаніе найденной рукописи, и доказуетъ, що дѣло то есть дѣйствительно сочиненіемъ Аристотеля *„Ἀθηναίων πολιτεία"*, которое часто наводится у иныхъ авторôвъ древнихъ греческихъ. Затымъ слѣдуетъ текстъ съ объясненіями. Въ рукописи замѣтны четыре почерки, всѣ довольно четкіи. По мнѣнію издателя копія та, писанна на папирусѣ, сдѣланна при кôнци первого или съ началомъ второго столѣтія по Хр., и походитъ зъ Египта, на що указуютъ межи иными и даты, поданныи въ рукописи въ египетскихъ названіяхъ мѣсяцевъ. Що рукопись есть дѣйствительно выше наведеннымъ сочиненіемъ Аристотеля, нѣтъ сомнѣнія. У Гарпократіона встрѣчаются выписи изъ того его сочиненія и они находятся тоже въ найденной рукописи. Дѣло то было списано Аристотелемъ въ подлиннику межи г. 329—307 пр. Хр., затымъ въ послѣднихъ семи лѣтахъ его жизни. Первая часть рукописи содержитъ поглядъ на развитіе атенского законодательства, въ другой части подано систематичное изложеніе законôвъ державныхъ. Изъ дальшой части, подающой свѣдѣнія о судахъ, суть лишь фрагменты.

„Академическій Кружокъ" праздновалъ дня 7 (19) Мая, 20-лѣтній ювилей своего основанія.

За первый годъ существованія (1871) подалъ выдѣлъ „Ак. Кружка" слѣдующій отчетъ:

Коли основалась „Русская Рада" и духъ народного сознанія усилился во всѣхъ слояхъ русского общества, тогды и русская молодежь на Львовской Академіи, одушевленна патріотическими подвигами, обнаружила многообразную полезную дѣятельность, которой окончательнымъ результатомъ было основаніе общества „Академическій Кружокъ", уставъ которого удостоился рѣшеніемъ намѣстничества изъ дня 5 Январ. 1871 ч. 56681, своего одобренія. Выше 66 членôвъ дѣйствительныхъ приняло съ начала основанія общества самое живѣйшое участіе въ дѣлахъ того-же, а сообразивши, що число всѣхъ русскихъ мірскихъ ккадемикôвъ не о много перевысшаетъ число членôвъ „Академического Кружка", смѣло можетъ Выдѣлъ заявити, шо „Ак. Кр." сталcя умственнымъ огнищемъ той русской молодежи, котора скланяется къ тымъ надеждамъ и стремленіямъ, якіи одушевляютъ численнѣйшую часть русской народности. Такъ якъ такимъ образомъ общество въ своимъ зародыши успѣвало, но не было еще средствъ матеріальныхъ къ переведенію цѣли, Выдѣлъ удался до Родимцевъ съ просьбою о поддержку и содѣйствіе. Просьбу рѣшено на корысть нашего общества, народныи институціи жертвовали на ту цѣль значительныи сумы, „Домъ Народный" помѣстилъ насъ безплатно въ своихъ комнатахъ, Общество „Русская Рада" жертвовало 130 злр. а Институтъ Ставропигійскій 100 злр. Родимцы же причисляютъ наше общество къ тымъ русскимъ институціямъ, которыхъ вспомоществованіе есть патріотическимъ долгомъ. Росчетъ доходôвъ и росходôвъ, свидѣтельствуетъ о сорозмѣрно цвѣтущôмъ состоянію нашего общества:

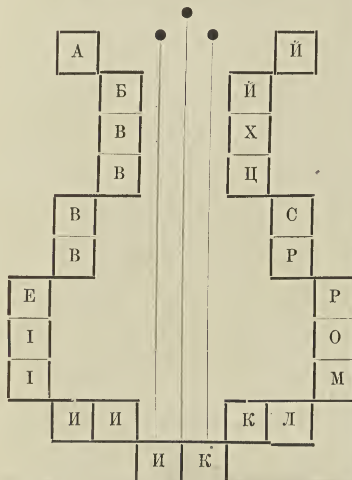
Доходы: Вносы членôвъ	67	зл. —	кр.
Общество Русская Рада	130	„ —	„
Ставропигійскій Институтъ	100	„ —	„
Ôтъ членôвъ-основателей	83	„ 40	„
Иныи пожертвованія .	142	„ 13	„
За оплату игры въ шахи	4	„ 36	„
Вносы членôвъ за I сем.	17	„ —	„
Итого . .	543	„ 89	„
Росходы: разомъ	199	„ 43	„
Остаетъ въ касѣ	344	„ 46	„

Знаючи, що въ обществѣ, которое должно быти умственнымъ огнищемъ, библіотека необходима, Выдѣлъ заботился по силамъ около основанія той-же. Заявляемъ искренное благодареніе Высокодостойнымъ гг.: Богдану Дѣдицкому, Лопатынскому, Мацѣевскому, Гавалевичу, Палюху, Обществу „Матиця", которымъ Кружокъ завдячуетъ существованіе своей библіотеки. Удерживаніемъ численныхъ газетъ стремилъ Выдѣлъ къ дальшому умственному развитію членôвъ, чому споспѣшествовали почт. Редакціи: „Слова", „Моск. Вѣд.". „Учителя", „Ластôвки", „Рус. Рады", „Сіона", „Свѣта", "Politik", „Nar Listy", „Zukunft", и пр. — Выдѣлъ именовалъ, въ мысль артикулôвъ своего Устава, членами-основателями почт. гг.: Павенцкого, Готеровского, Ден. Турянского, Мих. Качковского, Н. Горецкого, Л. Мацѣлинского, Дра Ивана А. Добрянского, Ев. Павлевича, Вен. Площанского, и деканаты: Потелицкій и Комарнянскій. Выдѣлъ считаетъ своею должностію, поблагодарити на тôмъ мѣстѣ еще особно г. Дру Ивану Добрянскому, своему отличнѣйшому благодѣтелю, о. Павликову, Наумовичу, Красицкому и Коссаку. Коли „Ак. Кр." такимъ способомъ усталилъ свое существованіе, устроилъ Выдѣлъ въ день славянскихъ Апостолôвъ св. Кирилла и Методія, торжество основанія „Ак. Кружка", щобы ввести молодецькое общество наше въ ширшій свѣтъ и въ ширшôмъ слав. крузѣ пріобрѣсти собѣ признательность и сочувствіе. То представленіе нашой дѣятельности въ головнѣйшихъ чертахъ. Мы уступаемъ въ убѣжденію, що мы не завели довѣрія въ насъ положенного; среди самого затруднительнѣйшого положенія, среди самыхъ неблагосклоннѣйшихъ обстоятельствъ мы трудились около блага нашого общества совѣстно по силамъ и возможности.— Львовъ, дня 19 Окт. 1871.

Въ Парижи появилось сочиненіе, свидѣтельствующое, що заграниця начинаетъ заниматись основнѣйше славянскою исторією и вообще славянскимъ бытомъ. Сочиненіе то, встрѣтившое признательность во всѣхъ чешскихъ журналахъ, издано пôдъ заглавіемъ: »Fin de l'indépendance bohême. I George Podiédrad; les Jagellons; II Les premiers Habsbourgs. Paris." „Чехія — кажетъ авторъ въ предисловію — окруженна и давленна изъ всѣхъ сторонъ Нѣмцями, была боевымъ поприщемъ, становившимся предметомъ завзятой борьбы обохъ племенъ. Нѣмцы считали себе владѣтелями той земли ажь до начала XIX столѣтія, но ихъ побѣда встрѣтила наразъ неожиданную реакцію. Послѣ сна майже двовѣкового, Чехи пробудились яко Славяне, и подобно якъ коли-то подали первый толчокъ до освобожденія религійного, провозгласили теперь борьбу за освобожденіе народное. Чехи были предводителями, а суть и теперь найгорячѣйшими

дѣятелями въ дѣлѣ славянского возрожденія, которое безъ сомнѣнія останетъ однимъ изъ найважнѣйшихъ событій нашого столѣтія.“ Затымъ въ двохъ томахъ своего сочненія подаетъ авторъ исторію чешского народа за періодъ реформаціи. Дѣло тое становитъ дополненіе до прочихъ того рода сочиненій, именно во виду того, що авторъ не лишь подаетъ ходъ событій, но входитъ въ критическій розборъ соціальныхъ ôтношеній тогдашнихъ временъ и подаетъ такимъ способомъ внутреннии причины паденія чешской независимости. Авторъ, ознакомившись съ чешскимъ языкомъ, составлялъ свôй трудъ тоже по свѣдѣніямъ чешскихъ историкôвъ. Приноровляючись къ потребамъ французскихъ читателей, придаетъ авторъ очерки землеписныи и монографіи городôвъ. Номенклятура землеписная ведена въ тôмъ сочиненію по славянскимъ именамъ мѣстностей, правописею французскою.

БУКВОСКЛАДЪ-ЛИРА.



Буквы, помѣщенныи въ квадратахъ лиры, слѣдуетъ такъ уложити, щобы одна сторона лиры дала намъ имя (т. е. три первыи буквы имени) и прозвище одного, а вторая сторона имя (т. е. двѣ первыи буквы изъ имени) и прозвище другого композитора.

Юл. Игн. Дзер.

ЗАДАЧА ШАРАДОВАЯ.

пальто, кармен, ажіо, навоз, око, марка, рука, варта, цитра, ваза, коняк, овца, роса, дама, кара, кость

Изъ наведенныхъ 16 слôвъ сдѣлати въ тôмъ-же порядку слôвъ и буквъ, новыхъ 17 слôвъ.

Толмачевъ.

Просимъ о выровнаніе залеглостей.

Розвязка кристаллографа на стр. 100.

							Х							
						е	Р	а						
					с	л	И	в	а					
				д	н	ѣ	С	т	е	р				
			е	г	и	п	Т	я	н	и	н			
		л	е	в	н.	т	О	л	с	т	о	й		
	б	а	л	т	і	й	С	к	е	м	о	р	е	
Х	Р	И	С	Т	О	С	В	О	С	К	Р	Е	С	Е
	ѳ.	м.	д	о	с	т	О	е	в	с	к	і	й	
		п	р	е	д	и	С	л	σ	в	і	е		
			с	о	р	о	К	о	в	е	ц			
				г	а	в	Р	і	и	л				
					е	л	Е	н	а					
						о	С	а						
							Е							

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 11. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Червня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листо̂въ.

Предплата цѣлогодична выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

На подолью.

Изъ пригодъ жениха.

(Продолженіе).

Послѣ обѣда мы выйшли оба, пройтись по городѣ.

„Въ ту пору встрѣтимъ неодного на улицѣ“ говорилъ контролоръ „и такъ вы въ коротцѣ станете тутъ извѣстными. Я, позвольте, начинаю по вашо̂мъ появленію рости на силу въ гору. Вообразѣтъ, нынѣ въ бюрѣ, былъ у мене управитель той банковой филіи, о которой упоминалъ кассіеръ, и былъ такъ любезнымъ, що я просто удивился. Зайшолъ, кажетъ, за якимъ-то дѣломъ наслѣдія его далекихъ сроднико̂въ, а поволъно перескочилось въ розговорѣ то на событія политичныи, то на новости дня, — визитъ по всѣмъ правиламъ. Правда, хотѣлъ я спросити васъ, не будете ли вы тутъ получати якихъ писемъ на почтѣ, рестанте?“

„Я — нѣтъ!“

„Очевидно, нѣтъ. Нынѣ бо почтарь на полъ довѣренно, пыталъ мене, не мо̂й ли то гость маѣтъ рестантовыи буквы Н. Н., по̂дъ которыми лежитъ тамъ у него на почтѣ якое-то письмо въ надежной розовой ковертѣ. Мнѣ однакъ приходитъ мысль.“

„Говорѣтъ!“

„Шію даю, що такого письма нѣтъ на почтѣ. Вы однакъ идѣтъ на почту и спросѣтъ о той листъ.“

„Ааа! Витайте, витайте!“ озвался при насъ якій-то голосъ. Мы оглянулись. Передъ нами стоялъ высокій, тонкій, выгинающійся мужчина, старательно обголенный, и одѣтый мало не по великогородски. О̂тъ него заносило вонею фіялокъ.

„А що? Що чувати?“ спросилъ о̂нъ, держачи въ зубахъ сигаро.

„Що у васъ?“

„Ебба! По старому. Правда, чули вы за шопку?“

„Ну, яку?“

„Не чули? Шопка — пирамидальна! Бурмистрова — домышляетесь — бурмистръ...“

„Еге!“

„Поссорились на добре! Кажутъ, за якого-то хортика! Бурмистръ шутникъ. Она плачетъ, а о̂нъ завертаетъ ей розличныи гитары! То была колосальная шопка! Пращайте, время до бюра! Межи нами сказати гамарня, не бюро. Па!“

Заледво мы о̂твернулись о̂тъ него,

Старинныи малорусскіи уборы.

Знатныи женщины въ старинныхъ уборахъ.

якъ на насъ насунулся якій-то толстякъ, засапавшійся въ ходѣ. Ôнъ пристанулъ и поднесъ очи. Я позналъ его; былъ то той самъ достойникъ, который вчера изъ балькона филіи банковой такъ насъ обсмотрювалъ.

„Простѣтъ! То вы! Я такъ страшно задумался" говорилъ ôнъ „и не замѣтивши васъ, мало не повалилъ васъ на землю. Що чувати? Не хочу васъ задержовати."

Ôнъ подалъ руку кассіеру и поспѣшно пустился дальше дорогою. Но вдругъ ôнъ, якъ бы надумавшись, закликалъ за-нами.

„Пстъ! пстъ! На хвильку. Одинъ секретикъ, тожь прошу на слово, бо у васъ гость."

„Не стѣсняйтесь. То мôй сродникъ."

„Аа! Пріятно познати! Певно..."

Тутъ ôнъ якъ бы ожидалъ дополненія того „певно..."

„Приѣхалъ приглянутись до мене, якъ безженныи жіютъ" объяснялъ контролоръ.

„Хорони васъ Боже! Вы — безженный! О, мы мусимъ васъ спасати. Мы васъ оженимъ. Суть тутъ дѣвочки. Отъ, примѣромъ, у моего сосѣда, кассіера, есть дочечка нѣчого. Вправдѣ тамъ у него матеріально сухо, такъ, що межи нами сказавши, обѣ дамы употребляютъ на вечеркахъ одного платка до носа, но то немноговажное дѣло. За то образованность у ней; не слѣдуетъ же обращати вниманія на то, що она даже не была въ состоянію покончити во Львовѣ всѣ школьныи отдѣлы, и съ недоброю нотою таки и вернула. На то слѣдуетъ дивитись черезъ пальцы. А сновь то обстоятельство, що ей мати, якъ кажутъ, была собственно гувернанткою, или чимъ-то подобнымъ, такожь не должно тутъ рѣшати."

Въ тую хвилю подступилъ къ намъ якій-то уличный бѣдакъ и снялъ шапку.

Управитель банка накинулся на него.

„А ты чого! Голота! Пройдисвѣтъ! Негодяй! Идешь, иначе замкнути кажу!"

Бѣдакъ удалился.

„Еслибъ я тутъ былъ бурмистромъ" говорилъ мудренно банковичъ, „ябъ иный ладъ завелъ въ городѣ. А теперь у насъ всюда и на улицяхъ — хаосъ! Такій бурмистръ, якъ теперь! Лишь сочувствовати, сожалѣти. И чудакъ! Грошей у него цѣлая копица а на снѣданье ѣстъ редьковь съ масломъ. А уже любопытнымъ есть его взглядъ на нѣкоторыи вещи. Недавно, примѣромъ, покупилъ оконныи занавѣсы о такой странной, шамовой, чи якой тамъ, барвѣ, що уже въ первый день послѣ покупки ты приходишь на мысль, не есть ли то якая споловѣлая, опыленная тандета. Время, намъ розстатись. А заходѣтъ же тамъ до мене, хотьбы за якимъ чекомъ. У васъ, такого жениха, должна же быти гдеякая банковая книжечка!"

„Въ долгахъ по уха!" заявилъ контролоръ, указуючи на мене.

„Ну, ну, очевидно! Якъ каждый женихъ! И я за юныхъ лѣтъ былъ въ рукахъ евреевъ. А теперь евреи въ моихъ рукахъ. Хотѣли они, вражіи сыны, затягнути ôтъ мене на дняхъ громадную пожичку, За колнѣрь — и за двери! Я — жидамъ бы капиталы выжичалъ изъ моей собственной кассы? Изъ моей?"

Тутъ ôнъ потрепалъ въ воздусѣ рукою. Быстро надъѣхавшій якій то возъ, роздѣлялъ насъ въ кôнци. Мы перебирались оба по уличныхъ вертепахъ, вслѣдствіе чого мы приневолены были ити отдѣльно. Коли я такъ ишолъ по одной сторонѣ улицы, зачулъ я на плечахъ легкій ударъ. Коло мене упалъ невеликій снѣговый сбитокъ. Я оглянулся и замѣтилъ, якъ за уголъ одного домика ховались маленькіи жидики, которыхъ впрочемъ бôльшое число, разомъ съ еврейскими козами, шасталось всюдя по улицяхъ.

Контролоръ приблизился до мене, стреппулъ изъ моего плеча снѣгъ и немного улыбнулся.

„Видите, що у насъ не можетъ кому приключитись! Якъ лишь вы ôтдѣлились ôтъ мене, а уже тая уличная сволочь, узрѣвши васъ незнакомого, кидаетъ на васъ снѣгомъ — поки не привыкнетъ къ вамъ. Къ счастью, снѣгъ можна стреппути, но, якъ познали вы, жидики тіи маютъ тутъ соперникôвъ, межи которыми отличается въ первой линіи той банковичъ. То, що ôнъ кинетъ, на многихъ прилепаетъ. Ôнъ свѣту голоситъ, що розбогатѣлъ, а тымчасомъ въ судъ вплываютъ ôтъ меньшихъ даже лихвярей, грошевыи жалобы на него за долги. Где-жь мы идемъ? Мы встрѣтилибъ еще не одного, а кождый сейчасъ направилъ бы къ намъ запросъ: ‚Що чувати?' Вы замѣтили? Еслибъ кто спросилъ мене, якихъ людей найбôльшое число маетъ нашъ городъ, я отвѣтилъ бы: любопытныхъ. Кождому при встрѣчѣ, сейчасъ на устахъ слова: що чувати? Я роздумую надъ тымъ, якіи побивающіи отвѣты давати бы тымъ людемъ на тіи запросы. Вообразѣтъ, що человѣкъ приневоленъ тутъ, кождого дня що наименьше въ двадцять разы, почути такій запросъ: ‚що чувати.' И не знаешь же теперь, що начати съ тымъ? Слѣдуетъ ли молчати — не можно, посыпалбыся градъ на мене; слѣдуетъ-ли за каждый разъ отвѣчати: ‚ничо'— сентиментализмъ овладѣваетъ человѣкомъ. Я радо закупилъ бы якую машинку, котора вмѣсто мене, отвѣчалабъ имъ: ‚ничо не чувати.' Въ свободныхъ хвиляхъ я намѣренъ дальше составити лексиконъ слôвъ, якими обговоривается у насъ кождого дня, безъ изъятія, а даже нѣсколько разы на день, состояніе погоды. И такъ (тутъ контролоръ вынялъ нотатку) почуешь такіи опредѣленія: ‚А то нынѣ плюта, плюта!' ‚Нынѣ пустило, но!' ‚Беретъ морозъ не на шутку!' ‚О, нынѣ потягаетъ, и то добре!' ‚Но, розъяснилось не много!' ‚Шарга, якой не было!' ‚И лѣетъ, и лѣетъ, и лѣетъ, безъ кôнця!' ‚Фу, а то горячь!' ‚Печетъ! чи много степеней?' ‚Западный, не будетъ гаразду!' и. т. д."

Контролоръ затворилъ нотатку.

„Мы отже поступимъ теперь до бурмистра. Якъ вы вже може замѣтили, тутъ кождый бьетъ на него — по причинѣ, що ôнъ въ глубинѣ души добрый человѣкъ. Я къ нему радо заходжу, ôнъ бо человѣкъ веселый."

Мы приблизились къ дому бурмистра. Величезная собака накинулась изъ своей буды на насъ, но вскорѣ пристанула, такъ якъ ланцухъ не пускалъ. Контролоръ станулъ передъ нею.

„Ты, старый Бисурманъ" говорилъ контролоръ до собаки, улыбаючись „въ первыхъ, позволь спросити себе, якъ смѣешь ты носити такое имя? Вѣдь оно для мене невыгодное. Дальше, якіи у тебе уха? Клапчастыи! То невыносимо для мене, а уже просто импертиненціею уважаю, если у тебе носъ не много задернутый въ гору. Позволь же, у тебе бо и ланцухъ не такій, якій долженъ быти. Покупленый не у солидной фирмы. Я того терпѣти не буду. А въ твоей будѣ вырѣзано колесо! Долженъ же быти треугольникъ!"

„Гей! що тамъ за проповѣдь?! А скорше же ходѣтъ, бо черезъ окно морозъ мнѣ до комнаты идетъ, а къ тому и бараболи выстинутъ!"

Такіи слова доходили къ намъ изъ отвертого ôкна дома. Тамъ изъ межи шамовыхъ занавѣсъ, вызирала къ намъ голова съ полною, широкою бородою. На шіи бурмистра была увязана сервета а въ рукахъ держалъ ôнъ ножъ.

„Идемъ, идемъ, затворѣтъ ôкно!"

Мы вошли.

„Ага! то вашъ гость, который уже шума надѣлалъ въ городѣ!" говорилъ бурмистръ до мене. „Славно! Заберемся всѣ до стравы. Сѣдайте и прибирайтесь. Отъ тутъ гербатка сейчасъ будетъ, а тутъ, видите якіи специалы? Печенныи бараболи съ масломъ. Що кажете на то, контролоръ?"

„Давно было намъ и на той специалъ погадати."

„Правда? То становитъ славное приданное до гербаты."

Мы увязали всѣ на груди серветы и забрались до бараболь.

„Я изъ двохъ причинъ выдумалъ тую страву" продолжалъ бурмистръ „въ первыхъ я пригадалъ собѣ, що давно мы разъ въ лѣсѣ пекли бараболи и они намъ представились вкусными, во вторыхъ — по спытаю васъ однакъ еще

впередъ, не кружитъ ли тамъ уже що найновѣйшого о мнѣ?"

Контролоръ указалъ на оконныи рулеты.

„А що? пустили уже въ ходъ? Хе, хе, хе! Удалась шутка. Я ихъ умышленно покупилъ къ той цѣли, щобы дати новый предметъ до розговора въ городѣ. А то иначе въ городѣ всѣ стали-бы молчащими Картузами. Я тому умышленно вынахожу такіи необыкновенныи дѣла, щобы могли хватитись городскихъ язычкôвъ. Наша прежная страва, редьковь съ масломъ, уже переживаетъ въ городѣ добу новости и тому я — во вторыхъ — выдумалъ тіи, вкусныи впрочемъ, печенныи бараболи. Они въ коротцѣ станутъ костью въ горлѣ всѣхъ моихъ горожанъ. Недавно сновь, былъ я въ однôмъ обществѣ, и тамъ жаловались, що въ мѣсточку нѣтъ ніякихъ новостей. На слѣдующій день я приказалъ, тарабаномъ обвѣстити свѣту, що затратился где-то хортикъ. А ôнъ на дѣлѣ о стôлько затратился, що у мене николи не было ніякого хортика... Ану старый, еще разъ гербатку!"

„Хоть бы и въ третій разъ!"

„Ты еще розохотишься по при своимъ гостю, и самъ копнешься въ сваты гденибудь по разъ вторый."

Контролоръ розсмѣялся.

„Ôтъ напасти не пропасти."

„Еге, якъ молоднѣетъ!

„А можебъ не завертѣлся я еще коло дѣвочки? Не такій-же зъ мене уже антикъ!"

„Ба, а у мене нѣтъ даже якой-такой сродницы! А то сказалбы я вамъ: ,такъ, видите, межи своими, межи родиною нехай останутъ тіи глубокіи капиталы, которы тамъ у ней накоплены'... Ша! бо тутъ есть таки правдивый женихъ и готовъ еще постричись въ монахи. Мнѣ приходитъ одна мысль... Що, контролоръ?..."

„По вашихъ усахъ вижу, що замышляете що-то такого, на що я сейчасъ пишусь."

„Я отже задумалъ такое. Тому нашому высокому гогу, ôтъ которого постоянно бьетъ вонь фіялокъ, слѣдовалобъ разъ нагнати порядочного страха. Ôнъ на точцѣ героичной мужественности чрезвычайно податливый. Передъ самымъ гукомъ стрѣла, даетъ драпака. Цѣлое дѣло отже сложимъ слѣдующимъ способомъ. Я зааранжую у когонибудь складанный пикникъ, по тому складанный, що на такій вечерокъ безцеремонно насунется цѣлый нашъ городокъ. Еще каждый думный на то, що его жена прислала на столъ такъ славно засмаженного каплона. А где-кто и съ индикомъ попишется. На тôмъ отже вечерку, вы, званный женихъ, не ôтступайте ôтъ которой-либо дѣвочки, а якъ лишь приблизится къ ней той фіялковый гого, призывати въ танецъ, вы попросѣтъ его на слово, и заявѣтъ, що вы приневолены вызвати его на дуель. Мы будемъ тамъ вблизи. Ему сейчасъ въ пятахъ застинетъ. Согласны?"

„Вполнѣ."

*

* *

„Идѣтъ же вы на почту за письмомъ Н. Н. Менѣ время сполнити нѣкоторыи мои дѣла."

Контролоръ, сказавши то, розстался со мною. Я направился въ сторону почтового зданія. По дорозѣ мнѣ случались розличныи встрѣчи. Одинъ селянинъ роздвинулъ якій то паперъ и просилъ прочитати, добре ли писарь сложилъ прошеніе. Иный селянинъ совѣтовался, що дѣлати ему съ ревизоромъ, который наложилъ на него подать акцизную за то, що селянинъ на мясницы зарѣзалъ собѣ одно теля. Балбусты призывали до своихъ крамôвъ, захваляючи новыи краватки, а при возахъ еврейскіи балагулы кликали за мною, не хочу ли я, случайно, присѣсти съ ними, въ дорогу до сосѣдного мѣсточка.

Кромѣ того уже нѣсколькократно передъ тымъ и теперь замѣтилъ я подобіе въ однôмъ явленію. У брамы ратуша шастались три гусочки, въ сосѣднихъ же дверехъ, надъ которыми была вывѣска „Аптика", постоянно стояли на порозѣ, то вызирали три дѣвочки, на себе похожіи, изъ чого заключалъ я, що они всѣ дочери аптикаря. Всѣ брюнетки-круглолицыи; ихъ шепоты и смѣхи мѣшались съ подобными голосами гусочокъ.

Я поступилъ наконецъ въ почтовое бюро. На мене повѣяло пижмомъ. Мѣшались въ комнатѣ и клубы табачного дыма. За кратками сидѣла старшая, о костистыхъ щекахъ, дѣвиця-експедиторка.

„Н. Н. рестанте."

Почтарка ôтложила перо съ рѣзбленными листками и протягнула руку до передѣлки. По моихъ словахъ, въ другôмъ углѣ комнатѣ изъ за высокого фотеля показалась зъ начала чуприна, послѣ чело и колесообразный носъ самого почтаря. Ôнъ съ любопытностію поглядалъ на мене, а послѣ сновь затопился въ свою роботу.

Къ моему удивленію почтарка вынайшла листъ съ буквами Н. Н. и подала мнѣ. Я розкланялся и вышолъ.

(Прод. посл.)

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Зъ архивальныхъ записокъ*) узнаемъ, що епископъ Львовскій Атанасій Шептицкій, тогды уже митрополитъ цѣлой Руси**), сдѣлалъ на дни 15 Юлія 1731 запись 10.000 зол. пол. для удерживанія двохъ воспитанникôвъ въ коллегіи Театинôвъ во Львовѣ, и що тую суму гипотековалъ на грунтахъ св. Георгія (in promontorio St. Georgii); фондъ же, легованный еще передъ синодомъ Замостскимъ черезъ епископа Перемышльского и митрополита Георгія Винницкого, былъ загипотекованый на селѣ Ястрембиця въ давнѣйшôмъ (уже австрійскôмъ) окрузѣ Жолковскôмъ. Фондъ Гіеронима Устрицкого, епископа Перемышльского, который обовязался одного воспитанника удерживати въ коллегіи Театинôвъ во Львовѣ, выносилъ 3000 зл., которая то сумма выдана была настоятелю Театинôвъ во Львовѣ, Раданаскому, (Radanaschi) на дни 5 Марта 1727 г. Сверхъ того и папа Бенедиктъ XIV, который засѣдалъ на папскôмъ престолѣ ôтъ г. 1740—1758, опредѣлилъ для епархіи Львовской, Перемышльской и Луцкой, мѣстця въ коллегіи Театинôвъ во Львовѣ по одному воспитаннику кождой изъ трехъ выше наведенныхъ епархій, учредивши для прочихъ русскихъ діецезіи г. 1753 въ Вильнѣ†) „pontificium alumnatum Vilnense"

О скôлько фундованныи черезъ епископôвъ Львовского и Перемышльского, мѣстця, были дѣйствительно обсаджены въ Львовской коллегіи Театинôвъ, и о скôлько намѣренная фундація епископа Луцкого войшла въ жизнь, не могъ я дочитатись въ старыхъ актахъ. Въ выше наведенной реляціи епископа Перемышльского Атанасія Шептицкого††) изъ г. 1772, предложенной нунцію пап-

*) См. А. Петрушевича „Сводная лѣтопись."

**) Атанасій Шептицкій вступилъ на престолъ митрополитальный по смерти митрополита Леона Кишки, задержуючи разомъ и епископство Львовское, ажь до своей смерти, которая послѣдовала г. 1746.

†) Бреве папы Бенедикта XIV зъ г. 1753 придѣляетъ алюмнатъ папскій въ Вильнѣ для епархіи Кіевской, Владимірской, Холмской, Пинской, Плоцкой и Смоленской.

††) Атанасій Шептицкій, иный ôтъ Львовского епископа Атанасія Шептицкого, вступилъ на престолъ епархіи Перемышльской по смерти епископа Онуфрія Шумлянского г. 1762, скон. 1779.

скому въ Варшавѣ, узнаемъ, що семинарія, котора должна была основатись при катедрѣ Св. Іоанна въ Перемышли, была перенесена съ сонзволеніемъ владыки Перемышльского, до коллегіи Театинской во Львовѣ, и що тая зъ начала удержовала 6 питомцевъ; число тое 11 лѣтъ передъ первымъ подѣломъ Польщи т. е. передъ г. 1772, обнижено было до одного воспитанника, въ кôнци же заявилъ настоятель той коллегіи, що ни одного питомця зъ епархіи Перемышльской приняти не можетъ, такъ що избранную молодежь — пишетъ реченный владыка — принужденны мы въ дома обучати (juvenes electos pro studiis domi retinuimus), мимо того, що фонды легованныи съ процентами, до того года уже до суммы 12.450 з. наросли.

Въ кôнци примѣтити слѣдуетъ, що можно, що дѣятельность Театиновъ въ дѣлѣ воспитанія русской молодежи, посвятившойся духовному званію, не была безъ послѣдствій. Встрѣчаемъ въ актахъ и запискахъ изъ минувшого столѣтія имена питомцевъ, которы, скôнчивши студія въ Театинской коллегіи, были поставляемы въ приходахъ. Такъ н. пр. по старымъ актамъ г. 1744 презентованый былъ до церкви въ Романовѣ (округа Сяноцкого) »Georgius Lisienieckі alumnus „Collegii pontificii Leopoliensis.« Года 1732 патронъ „Blasius Ioannes Krasinski“ презентуетъ до церкви св. Спаса въ Добромили „Theodorum Czerchawski alumnum collegii pontificii Leopoliensis“ Въ документѣ епископа Атанасія Шептицкого изъ дня 5 Нов., розрѣшающôмъ споръ межи нимъ а Василіанами Добромильскими, названъ ôнъ „Theodorus Czerchawski, alumnus Collegii Pontif. s. Theologiae licentiatri.«

Монастырь Марія-Повчанскій.

съ австрійскимъ правленіемъ, многимъ фундаціямъ надана была иная цѣль. Такъ и Театинская фундація епископа Перемышльского, Геôргія Винницкого, ôтступлена была на дотаціи архиепископіи армянского обряда, вѣроятно разомъ съ фондомъ для питомцевъ арм. обряда, которыи въ той коллегіи разомъ съ питомцями греч. обряда получали образованіе.*) При тôмъ всемъ лишь зазначити

Года 1762 въ мѣсточку Щирци, презентованый былъ »urodzony Jan Czajkowski, w akademii Lwowskiej societatis Jesu filozoficznych nauk pilnujący.“ Можетъ отже быти, що на свои издержки гдекоторыи изъ молодыхъ людей и въ Іезуитской Львовской школѣ, преподаваній слухали, такъ якъ предполагати слѣдуетъ, що сыны заможнѣйшихъ родинъ русскихъ, даже священническихъ, и на заграничныхъ университетахъ образовалися. И такъ уже г. 1641, нѣкій Яковъ Седовскій, прибывши до Италіи, встрѣтилъ тамъ „жителя Львовской земли“ Григорія Керницкого, на университетѣ въ Падуѣ, и тронутый по той причинѣ чувствомъ радости, составилъ въ честь его покровителей, архиепископа Филадельфійского, Атанасія Валеріана и гражданъ Венецкихъ, (членôвъ братства при церквѣ св. Мучен. Георгія тамъ-же) двѣ оды, которыи печатаны были тогожь года въ Венеціи въ типографіи Марка Гинамма. Седовскій выражается въ предисловію до тыхъ одъ, що пишетъ „своими отческими метры, въ утѣшеніе православнымъ найпаче людемъ діалекту Словенского, его-же широкость, земли широкости рвна.“ Керницкіи была то давная шляхотская священническая родина, которой имена встрѣчалъ я въ актахъ въ Добромили, а перенесшаяся послѣ на приходъ Скниловъ коло Львова, где, примѣромъ, г. 1789 Лука Керницкій при церквѣ Преображенія Госп., за сонзволеніемъ епископа избралъ собѣ яко сотрудника, своего сына „уроженного Іоанна Керницкого.“

Вертаемъ сновь до послѣдствій дѣятельности Театинской коллегіи, где черезъ XVIII столѣтіе клиръ русскій воспитовался. Зъ той коллегіи выходили миссіонари, которыи низложивши профессію театинскую, ѣздили ôтъ церкви до церкви, где они народоселенію отвѣтно до его понимація, христіанскую науку выкладали. По моему мнѣнію, были то священники гр. обряда, безбрачныи, которы длятого, що у Театиновъ образовались, называемы были Театинами. Для тыхъ-то такъ званныхъ Театиновъ создалъ г. 1765 Николай Потоцкій, воеводичъ Белзскій (староста Каневскій), въ Городенцѣ каменную церковь, и поставилъ при ней 5 священникôвъ, съ должностію научанія на миссіяхъ. (Ecclesiam ex latere cocto aedificavit pro quinque sacerdotibus coelebibus in communi habitantibus et habitaturis.) Такихъ миссіонерôвъ мірскихъ вѣновалъ въ городѣ Житомірѣ г. 1766, Михаилъ Примовичъ, архипресвитеръ катедральной церкви во Львовѣ, официалъ и генеральный намѣстникъ митрополіи Кіевской, мужъ великой дѣятельности и патріотического жертволюбія, скончавшійся г. 1783.**)

(Прод. посл.)

*) Монастырь Театиновъ — якъ заключати можно изъ пространства зданія, премѣненного нынѣ въ артилерскую касарню — былъ заложенъ на семинарію бôльшихъ розмѣрôвъ. Года 1781, архиепископъ армянскій Яковъ Тумановичъ, положилъ угольный каменъ для проектованного тамъ-же костела. Костелъ не былъ построенъ, такъ якъ вскорѣ по г. 1785 Театинскій институтъ былъ снесенъ.

**) Сводная Лѣтопись Петрушевича. Часть II. стр. 91 и 204 пôдъ г. 1776 и 1783. На стр. 90 Лѣтописи читаемъ, що на основанію конституціи сойма зъ г. 1776, вызначено мѣстце на семинарію, котора должна была при той миссіи въ Житомірѣ учредитись, и що дозволено на просьбу Пирамовича на тую цѣль записати фондъ въ суммѣ: 200.000 зл. пол.

Угорская Русь.

(Продолженіе.)

Въ несчастныхъ событіяхъ, якимъ подвергался той монастырь, всѣ древнѣйшіи грамоты и записки потерялись. До-

Борьба перепелицъ у древнихъ Грековъ.

стовѣрное однакожь преданіе, сохранившоеся въ сосѣднихъ селеніяхъ, собранное ôтъ самыхъ старѣйшихъ жителей послѣ упомянутого возвращенія монахôвъ, въ части записанное у Антонія Сирмая,*) розсказуетъ слѣдующое о основанію и событіяхъ сего монастыря.

Въ началѣ, кажется, XIV столѣтія, нѣкій слѣпецъ ишолъ за милостинею въ пятницю передъ праздникомъ Сошествія св. Духа, разомъ съ своимъ проводникомъ изъ Чабинъ въ Краснобродъ. Утомленный и жаждущій, ради отдыха задержался вблизи мѣста, где нынѣ стоитъ церковь монастырская; напившись изъ того источника воды и омывши нею очи, вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ свѣтлый крестъ, возносящійся изъ источника. Вѣсть о тôмъ чудеснôмъ исцѣленію рознеслась молніею по всѣмъ окрестностямъ и начала привлекати множество больныхъ къ чудотворному источнику. Къ тому многіи изъ сосѣднихъ жителей увѣряли, що они тоже многократно видѣли надъ тымъ источникомъ то великое свѣтло, якбы горящіи свѣчи, то свѣтлый крестъ.

Со своей стороны чудомъ исцѣленный слѣпецъ всю свою ревность и заботу направилъ къ тому, щобы на тôмъ пропамятнôмъ для него мѣстѣ создати церковь. И истинно успѣлъ ôнъ изъ собранной милостини соорудити тамъ малую деревянную церковь и помѣстилъ въ ней пріобрѣтенную икону пресв. Богородицы, находящуюся по нынѣ въ церквѣ монастырской. Съ того времени народъ сталъ собиратися толпами на святое мѣсто въ день сбывшогося тамъ чуда. Изъ близкихъ и дальнихъ селеній, предводимы своими приходниками, толпились крестныи походы и многіи получали исцѣленія ôтъ своихъ недугôвъ.

Узнавши все тое тогдашній владѣлецъ тыхъ сторонъ, князь Θеодоръ Коріятовичъ, по ревности своей къ благочестію, подобно якъ въ другихъ мѣстахъ, именно же въ Мукачевѣ, на горѣ Синайской (Снинской) и пр., создалъ и тутъ церковь и монастырь.

Въ теченію выше двохъ столѣтій состояніе того монастыря было, кажется, совсемъ мирное, такъ за жизни основателя его, князя Θеодора, якъ и при Другетахъ, которыхъ, послѣ безпотомственного преставленія его, имп. Людовикъ 1380 г. надѣлилъ имѣніемъ Гуменне съ окрестностями по самъ Бескидъ. По крайной мѣрѣ преданіе не упоминаетъ о якôмъ либо въ немъ происшествію.

Такъ было по г. 1603. Сего же года Валентинъ Другетъ, принадлежащій къ протестантскому вѣроисповѣданію, наджупанъ Земплинской столицы, переѣзжаючи возлѣ монастыря во время праздника прежде Сошествія св. Духа, встрѣтился съ крестными походами. Испуганныи кони помчались по ярамъ и опровернули повозку такъ несчастливо, що наджупанъ сломилъ руки и его полумертвого занесли въ Чабины. Розъяренный гнѣвомъ повелѣваетъ ôнъ своимъ гайдукамъ, зажечи церковь и монастырь, щô они сейчасъ точно исполнили. Пожаръ въ мигъ обнялъ деревянныи зданія, такъ, що монахи могли спасати лишь свою жизнь. Все въ огни погибло, движимое имѣніе, грамоты нажданія, вещи церковныи, и пр., спаслась лишь чудотворная икона пресв. Богородицы, найденная послѣ, ніякъ неповрежденная ôтъ огня, межи деревами надъ источникомъ воды, и въ ôтстоянію 315 сяжней ôтъ церкви — найшли же ею овчари, привлеченныи на то мѣсто появленіемся тамъ чрезвычайного свѣтла. — Извѣщенныи о тôмъ чудеснôмъ обрѣтенію, духовенство и народъ, сойшовшись многочисленно, перенесли, съ крестнымъ походомъ, святую икону на мѣсто погорѣвшого монастыря и тамъ поставили сю пôдъ временнымъ осѣненіемъ.

Межи тымъ наджупанъ Валентинъ Другетъ тяжкимъ розболѣлся недугомъ и коли болѣзнь все бôльше усиловалась, по совѣту одного изъ своихъ друзей, сдѣлалъ обѣтъ, построити вновь церковь и монастырь. — Тотъ обѣтъ совершилъ ôнъ точно. Создалъ сновь церковь и монастырь и получилъ прежное здоровье.

(Прод. посл.)

*) Notitia politica Topographica Comit. Zemplinensis. Budae 1863 a.

ЕТНОГРАФІЯ.

ИЗЪ НОВОЗАПИСАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЕЙ.

(Записалъ Стефанъ Киричинскій въ Роздѣловичахъ, округъ: Рудки).

* * *

Тамъ въ саду, садоньку,
Трава по колѣна,
Вже менѣ дѣвчина
Вѣрнôсть ôтповѣла.
А возьму косу,
Тую траву скошу
А свою дѣвчину
Людьми перепрошу.
Ой въ саду, садоньку,
Та червонî вишнѣ,
Ктожь то не знае,
Якî въ мене мысли.
Тамъ въ саду, садоньку,
Червоныи ябка,
Ой никто не знае,
Яка въ мене гадка.
Една за горою,
Друга за водою,
Трета за дѣвчиновь,
Чи пôйде со мною.
Тамъ въ саду, садоньку,
Заквили гвоздики,
Запрягай Ясуню,
Всѣ штыре коники.
Якъ же ихъ запрягчи,
Коли ся путаютъ,
Тяжкій жаль дѣвчинѣ,
Якъ си слюбъ даютъ.
Пôйшла до церковцѣ,
По бѣлôмъ камени,
Розпустила косы
По жовтôмъ рамени.

* * *

Пьютъ люде медъ, горѣлку,
Бѣлî гусы воду,
Плынѣтъ, плынѣтъ бѣлî гусы,
Ажь до мого роду.
Еще гусы не доплыли,
Южь родина знае,
Южь сѣ мною сиротонькою,
Родина цурае.
Не цурай сѣ родинонько,
Я тобовь не буду,
Приѣдь, приѣдь, въ гостиноньку,
Я ти рада буду.
Якъ ся въ мене молодои,
Пшениця родила,
То до мене молодои
Родина ходила.
Якъ у мене молодои,
Куколь уродился,
То ôтъ мене молодои,
Весь родъ ôтдѣлился.

Альбумъ
арх. библ. выставки Ставр. Инст.
П. П.

(Продолженіе).

Іоаннъ Лавровскій. — Дѣятельность Іоанна Лавровского была многополезною для Руси, о его жизни не встрѣчаемъ однакъ нотатокъ журнальныхъ. Лишь „Вѣстникъ“ изъ года 1852 подаетъ характеристику его личности слѣдующимъ способомъ:

„Были то (Снѣгурскій и Лавровскій) два свѣтила на небосклонѣ русскôмъ, и сіяти будутъ, поки русского рода станетъ. Чи мы тишину домашного житья б. п. Іоанна Лавровского чи заслуги относительно общества беремъ собѣ за предметъ розбиранія, то всегда въ тоже повертаемъ, що въ малôмъ тѣлѣ великій духъ обиталъ. Если то правда, що той дѣйстно свободный, кто собѣ повелѣвати умѣетъ, що самопобѣда есть одною изъ первѣйшихъ благодѣтелей, що кто себе покорити зъумѣлъ, той міръ покорилъ, — то безъ сомнѣнія тая благодѣтель покойному въ высокой степени принадлежитъ. Ніякіи приключенія не смогли его ровноуміемъ и хладнокровіемъ зашибну-

*) См. ч. 6.

ти. Онъ былъ истинный любомудрецъ Христ., умѣлъ не лишь опредѣлити благодѣтель, но ею и исполняти. Къ всѣмъ былъ снисходительный, приступный, къ собѣ лишь строгій. День проводилъ въ трудолюбію, ночь на молитвѣ. Жилъ не такъ для себе, якъ для общества. Высокая ученость его славима была и за предѣлами, съ славою онъ сѣдалище богословское и любомудрское занималъ. Коли еще темрява обнимала Русиновъ, онъ уже лагодилъ путь къ лучшой будущности, бесѣдуючи все роднымъ словомъ, преподаючи словесность русскую молодежи, при проповѣдяхъ и иныхъ случаяхъ высокоумно розтолковуючи красоту русского богослуженія, а предовсемъ нагромадивши такое сокровище источниковъ русской словесности, и передавши его народу въ наслѣдіе. Онъ майже всего себе лишилъ, щобы лишь человѣческую жертву приносити. Доказательствомъ того есть славимая библіотека его зъ 14.139 книгъ состоящая. Была то плодоносная робочая пчела въ пчельнику русского народа, сама для себе мало требующая, и все отдающая людемъ."

Вспоминку тую дополнимъ свѣдѣніями о его жизни. Іоаннъ Лавровскій былъ найстаршимъ сыномъ Василія Лавровского, декана Балигородского, пароха Терки, послѣ Смольника, скончавшогося въ Смольнику г. 1813, и Пелягіи, по фамилій Терлецкой, скончавшойся въ Смольнику г. 1819. Изъ той же родины выйшли еще два извѣстныи на Руси мужи. У Василія Л. отця Іоанна, были еще слѣдующіи сыны: Григорій, парохъ въ Мшанѣ (его сыномъ былъ Юліянъ Лавровскій, вицемаршалъ кваевого сойма), Василій, парохъ въ Торчиновичахъ, Андрей, парохъ въ Лопѣнцѣ, (его сыномъ былъ Іоаннъ Лавровскій, извѣстный композиторъ).

Іоаннъ, крылошанинъ Перемышльскій, рожденъ въ Терцѣ г. 1773, былъ рукополаганый г. 1800. Исперва былъ онъ профессоромъ львовского лицеа, который существовалъ во Львовѣ послѣ перенесенія университета въ Краковъ. Яко докторъ богословія и философіи, преподавалъ онъ на теологичномъ выдѣлѣ, богословіе пастырское, на философичномъ же языкъ греческій. Въ пору, коли именованъ былъ митрополитомъ епископъ перемышльскій, Левицкій, обнялъ Лавровскій скромную посаду первого проповѣдника при катедрѣ въ Перемышли, где постепенно авансуючи, достигнулъ степени архидіакона. Тутъ преподавалъ онъ тоже грамматику языка церковного, которую, по волѣ и фундаціи Снѣгурского, обовязаны были слухати слушатели богословія въ Перемышли, побирающіи запомогу изъ фонда религійного.

Еще за время своего побыта во Львовѣ, закупилъ Лавровскій на публичной лицитаціи, отъ австрійского правительства, камеральныи добра: Смольникъ, Лупковъ и Волю, где заводилъ сейчасъ ладъ, строилъ магазины, получивши тоже концессію на ярмарки въ Волѣ. Его дѣломъ есть тоже основаніе печатни въ Перемышли. Постоянно закуповалъ старыи книги и рукописи, изъ чого собралась численная библіотека съ многими цѣнными книгами.*) Библіотеку тую передалъ Лавровскій крылосу Перемышльскому, въ надеждѣ, що зъ ней будетъ корыстати Русь..

Изъ печатни и выше упомянутыхъ добръ, Смольника, Лупкова и Воли Миговой, составилъ Лавровскій капитульную фундацію. Цѣлью Лавровского было въ первыхъ, основати при крылосѣ Перемышльскомъ посаду схоластика, который долженъ былъ быти головнымъ управителемъ народныхъ школъ, остававшихътогды еще подъ надзирательствомъ духовенства. Послѣ смѣненія школьной системы, уступила разомъ и намѣренная фундаторомъ, должность схоластика. Другою цѣлью Лавровского было, сберегчи сродникамъ фундатора, сиротамъ и вдовамъ священническимъ, подпомогу изъ того фонда. Въ настоящую пору капитула вкладаетъ изъ того фонда годично нѣкую сумму до фонда вдов. сиротинского.

Іоаннъ Лавровскій скончался года 1846.

Денисъ Зубрицкій. — Изъ межи многихъ трудовъ Зубрицкого, головнѣйшимъ сочиненіемъ есть исторія Галицкой Руси, изданна въ трехъ частяхъ п. з. „Исторія древняго Галичско-русскаго княжества, сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Съ приложеніемъ родословной картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіанскимъ. Часть первая, 1852. Памяти Сигизмунда Перваго, короля польскаго, великаго князя литовскаго, возстановителя уничтоженной галицко-русской епископіи, посвящаетъ сочинитель. — Часть вторая, 1852. — Часть третья. 1855. Памяти незабвенныхъ, въ Бозѣ почивающихъ, всепресвѣтлѣйшихъ галичскихъ королей: Іосифа втораго, римскаго императора, основателя львовскаго университета и русско-католической генеральной семинаріи — Благонамѣреннаго, и Франциска, втораго римскаго, и перваго австрійскаго, императора, воскресителя галичской митрополіи, Правотолюбиваго, въ знакъ неувядаемой въ сердцахъ галичско-русскаго народа благодарности и благоговѣнія, посвящаетъ сочинитель."

Исторіею Зубрицкого начались историческіи изслѣдованія въ Галицкой Руси. Въ области затымъ исторіографіи будетъ трудъ Зубрицкого всегда уважатись уже изъ того взгляда цѣннымъ сочиненіемъ. Исторія Зубрицкого уже въ пору своего появленія найшла значительное число предплатителей, найлучшій доказъ, якъ подобный трудъ ожидаемый былъ галицкою публикою, для которой до сихъ поръ не было возможно, по недостатку подручниковъ, обзнакомитись съ своею родною исторіею. — „И такъ станемъ писати Исторію Галиціи — кажетъ авторъ въ предисловію. — Коли чужестранцы Енгель, Гебгарди и Гоппе, не робѣли принятись за дѣло, зачимъ же и намъ, русскому Галичанину, не попытатись?"

Авторъ покончилъ свою исторію при событіяхъ, послѣдовавшихъ въ началѣ XIV столѣтія. Часть первая исторіи обнимаетъ свѣдѣнія о началѣ Славянъ вообще и о первыхъ временахъ Руси до кончины Владиміра; во второй части начертанъ періодъ отъ г. 1015 до пересѣченія династіи Ростиславичей, управлявшихъ державою до кончины Владиміра Ярославича, третая же часть подаетъ, подробно уже, событія на галицкой землѣ отъ г. 1200--1337. Изъ всѣхъ частей послѣдная является найбольше самостоятельнымъ трудомъ, авторъ бо сосредоточается тутъ на событіяхъ одной Галицкой области, въ чемъ и состояла цѣль сочиненія.

Трудъ той Зубрицкого, такъ важный для розвитія исторіографіи въ Галицкой Руси, служившій поздиѣйшимъ авторамъ во многихъ точкамъ, жереломъ, со ставленъ весьма старательно, особенно въ третой части, маетъ однакъ и свои, впрочемъ незначительныи, недостатки. И такъ является онъ трудомъ на полъ изслѣдовательнымъ, на полъ популяризующимъ. Такое слученіе выходитъ обыкновенно во вредъ книги, а по крайной мѣрѣ не въ ей пользу. При популяризующомъ трудѣ предполагается и обыкновенно встрѣчается апріоризмъ. Тутъ онъ на своимъ мѣстѣ. Въ научныхъ однакъ трудахъ апріоризмъ недопускательный. У Зубрицкого апріоризмъ замѣтный хоть не во многихъ случаяхъ, лишь въ Исторіи, напротивъ нѣтъ его уже въ „Кроницѣ Львова", где впрочемъ наведенныи тамъ событія сами собою сильно промавляютъ до читателя.

Не меньше цѣннымъ, а изъ многихъ взглядовъ важнѣйшимъ трудомъ Зубрицкого есть именно выше упомянутая лѣтопись Львова, появившаяся п. з. „Kronika miasta Lwowa, przez Dyonizego Zubrzyckiego. Nakładem autora. Lwów 1844. Drukiem Stauropigiańskim. — Jaśnie wielmożnemu Jegomości Panu Leopoldowi Sacher-Masoch, Kawalerowi de Kronenthal, radcy wysokich c. k. rządów krajowych, direktorowi policyi w królestwie Galicyi i Lodomeryi, i naczelnikowi galicyjskiego muzykalnego stowarzyszenia, w dowód wysokiego poważania autor" Изданіе той кро-

*) Библіотека Оссолинскихъ покупила за 500 злр. одинъ примѣрникъ древне-печатного Евангелія, изъ библіотеки Лавровского.

ники встрѣтило препятствія, ставляемыи со стороны цензуры, такъ якъ въ кроницѣ Львова поданы многіи событія, свидѣтельствующіи о насиліяхъ, наносимыхъ Поляками русскому народу. Цензура перечеркала затымъ многіи мѣстця въ рукописи, запрещала вообще печатати кронику, и доперва по долгихъ старанiяхъ Леопольда Сахеръ-Масоха, директора полиціи, стоявшого по сторонѣ Русинôвъ, удалось автору, своими издержками напечатати кронику, которую Зубрицкій присвятилъ тому-жь Леопольду Сахеръ-Масоху.

Кроника Львова есть, дотычно хронологичныхъ событій, продолженіемъ „Исторіи Галицкой Руси.“ Послѣ общого очерка о началѣ города Львова, начинаетъ авторъ лѣтопись съ годомъ 1340, а кôнчитъ ею съ годомъ 1782. Зубрицкій трудился въ архивахъ львовскихъ, въ которыхъ лежали закиненныи въ безладѣ акты и документы. Все то спасалъ Зубрицкій, и многіи свѣдѣнія изъ тыхъ актôвъ вошли въ „Кронику.“ Послѣ смерти Зубрицкого, въ архивахъ завладѣлъ прежній хаосъ, и даже многіи акты, зъ которыхъ еще Зубрицкій подаетъ выписи, запропастились и не существуютъ теперь. Такимъ способомъ Кроника Зубрицкого останстъ единственнымъ источникомъ, для розъясненія многихъ событій. Особенно важными суть свѣдѣнія, дотычащіи Ставропигійского Института, львовского мѣщанства, львовской промышленности, торговли, а не меньше и администраційного устройства самого города Львова. Галицкая область входитъ въ то время въ сношенія съ сосѣдними державами, съ Угорщиною, Молдавіею, Турціею, Литвою и пр. и къ тымъ сношеніямъ ôтносятся многіи записки въ Кроницѣ Зубрицкого. Къ тому прилучаются внутренніи событія въ самôмъ городѣ Львовѣ, кидающіи свѣтло на тогдашніи общественныи ôтношенія.

Яко дополненіе до своей „Исторіи Руси“ издалъ Зубрицкій года 1855, брошуру, которой полное заглавіе звучитъ: „Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Латинскія выписки изъ ихъ сочиненій, статей, относящихся къ исторіи Галичско-Владимирской Руси, за періодъ отъ 1337 по 1387 годъ, съ русскимъ переводомъ, и критическими изслѣдованіями и замѣчаніями. Сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Вмѣсто четвертой части галичской Исторіи. Иждивеніемъ сочинителя. Львовъ. Типогр. Став. 1855. — Памяти въ Бозѣ почивающаго, славнаго, незабвеннаго императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго, пожаловавшаго въ 30-тый день генваря 1846 года за маловажный трудъ, сверхъ чаянія, сочинителю золотую медаль большой величины, и тѣмъ неожиданнымъ монаршимъ даромъ, поощрившаго его къ усерднѣйшему упражненію въ историческихъ разыскиваніяхъ; въ знакъ, до послѣдняго издыханія, неугасасмой благодарности за милость, посвящаетъ благодарный сочинитель.“

Во виду того, що дотычно событій за періодъ ôтъ г. 1333 до 1382, единственными источниками суть лишь свѣдѣнія Анонима Гнезненского и Іоанна Длугоша, подаетъ Зубрицкій извлеченія изъ писемъ тыхъ обохъ писателей, дотычащіи дѣлъ галицко-владимірскихъ.

(Прод. посл.)

Дѣти Гаймона
и
Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Продолженіе.)

Связанного въ оковахъ провадили Шегены за Бескидомъ Евтима на засудъ. Шутками приговоривалъ ихъ вождь. Для него нѣтъ удовольствія бôльшого надъ тое, до которого нынѣ забирался. Они шли лѣсомъ.

„Пождѣтъ; що тамъ за голосъ?“ крикнулъ вождь надслухуючи.

За гущавиною дались чути стоны; тамъ лежалъ раненный человѣкъ. Вождь Шегенôвъ вдивился въ него.

„Товаришъ!“ сказалъ ôнъ въ кôнци „до ката! Чи то ты товаришъ Больскій? що за бѣсъ заставилъ тебе тутъ лежати? Куля?“

„Такъ... но кого вы тамъ ведете? розступѣтся; що? Евтимъ? Що вы?“

„На шибеницю ведемъ.“

‚Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, его оставьте; товаришу, оставь его... я маю прошеніе до него передъ смертію...“

Вождь сморщилъ брови.

„Для товариша! Лишь для тебе!“

И ôнъ самъ розрѣзалъ острымъ ножемъ цѣпи связывавшіи Евтима.

„Евтимъ“ молилъ теперь слабымъ голосомъ кондиторникъ Больскій „Евтимъ, прости менѣ... я не виноватъ. Моя любовь была виновата тогда; правда, тогда я сдѣлалъ не якъ товаришъ, но прости.. видишь я умираю, куля прошила мене, тамъ на пусстѣ дунайской. Пôйшолъ я съ охотниками. Но получивши кулю, не хотѣлъ я умирати на чужинѣ и на жиръ крукамъ; я пустился вертати до моей Елизы. Но дальше вже я ити не могу; скôнчу тутъ житье и теперь змѣнаю съ тобою роль... Передъ двома мѣсяцами были мы оба другами правдивыми: разомъ стояли мы на Краковскихъ барикадахъ. Ты упалъ ôтъ кули; тогды ты далъ мнѣ листъ до ней и просилъ занести его. Ты любилъ Елизу, тую чорнольоконную Чешку. Но коли я прійшолъ до ней съ листомъ и ею въ первый разъ побачилъ, я запалалъ найстрастнѣйшою любовью. А ты — уйшолъ смерти тымчасомъ. Я бѣжалъ съ нею... но ты достигъ мене. Теперь змѣняется роль. Я прошу тебе... Занеси ей вѣсть о моей смерти и скажи, що ею споминалъ я въ послѣдную хвилю... и еще одно; погребай мене тамъ...“

Вѣтеръ потягнулъ по горахъ, хмары розложились. Грубый дождъ каплями началъ рясити. Больскій былъ мертвый, а надъ нимъ одинъ стоялъ, другъ давній, склонивши голову.

Ночью черезъ вертепы тягнули волы телѣгу, а на ней труна Больского, и изнеможенного Евтима. Тягнули они сводомъ по верхахъ и прогонахъ, по потокахъ и яругахъ, а въ лѣсахъ вѣтеръ шумѣлъ, тоскно и тужливо прошибалъ помежь горы.

Въ полную безчувствительность попалъ Евтимъ, безмысленно поглядалъ въ даль. Телѣга сближалась поздною ночью до знанного мѣсточка, за которымъ на горѣ стояла церковь съ чудотворною иконою, привлекающою до себе ôтъ давна окрестный народъ. Коло церкви стоялъ деревянный входъ, а за церковью кладбище.

„Тамъ, тамъ волы поганяй!“ промовилъ монотонно Евтимъ, указуючи на церковь. И волы потягнули на гору и стали передъ входомъ. Евтимъ сложилъ тѣло, ôтправилъ мужика, а самъ изнеможенъ кинулся до сну въ деревянной входовой фуртѣ. Ôнъ заспалъ...

...Но тутъ и пробудился; шепотъ чуетъ якійто, шепотъ молитвы и сновь тихо. Нѣтъ, то лишь было видѣнія... лишь прочулось. Ранокъ заблесталъ. Свѣжость ранна наполнила воздухъ. Въ низу пôдъ горою мракъ покрывалъ мѣсточко.

Но то не прочувается спящому Евтиму. То на дѣлѣ. Отъ снова шепотъ молитвы, но вже не въ дали пôдъ дверьми церковными, но тутъ же близко надъ его головою. Схилено якое то лице шепочетъ молитву. Лице старой женщины, терпящой матери.

„Сыну, сыну“ шептала она со слезами и ей спаленныи уста дотикались зимного чола Евтима.

Такъ дорогого слова не чулъ Евтимъ въ жизни; первый разъ оно ôтбилось о его схорѣлую душу.

* * *

„Такъ, я твоя мати“ говорила Явдоха, коли вже Евтимъ не разъ уцѣловалъ ей руки. „Мôй мужъ былъ сынъ Гаймона. А Гаймонъ тогды еще былъ овчаремъ на полонинахъ. Поля мы не мали, тожь иначе мусѣлъ мôй Василь заробляти на хлѣбъ. Мы пôйшли обое на Подолье, на роботу; тамъ и повила я тебе,

Подаемъ тутъ дословный и полный текстъ съ заглавіемъ и предисловіемъ любопытныхъ стихотвореній Якова Седовского, о которыхъ упоминается тоже въ статіи: „Зъ Гал. рус. общ. Исторіи“ въ нынѣшномъ числѣ „Нов. Галичанина.“ Брошурка напечатана г. 1641 въ Венеціи въ типографіи Марка Гинамма. Одинъ ей примѣрникъ сбереженъ въ библіотецѣ Ставр. Института. — Прим. ред.

ΑΝΑΘΗΜΑΤΗΣΤΙΜΗΣ

добродѣтелми, й блгочтіем оукрашенноу искоуснѣйшемоу, й цѣломоудрѣйшомоу моужоу

КѵР ГРИГОРІЮ КІРНІЦКОМꙋ

вь Россіѣ Лвовскіа землѧ ѿбывателю,

Єгда оучѣніа своего тр8дов достойноую мзд8 в преславной Академіѣ Патавской Ꙋчителства глаголю философичного изволеніем, й совѣтом всѣх в коупѣ оучителей совершенный восприат степень.

вкратцѣ ѿческим его діалектом

чрез Іакова Седовского ѿписанно.

Рокоу ѿ Рожд. Хва ахма Мца Юніа і.

в Преславномь Градѣ Венеціѣ.

В тѵпографіѣ Марка Гинамма

позволеніемь Старших.

Преосщенномоу й Превелебнѣйшом8 Іего Милости Господиноу ѿцоу

АѲАНАСІЮ ВАЛЕРІАНꙋ

Архіеппоу Метрополитѣ филаделфйскомоу й прч. В коупѣ й всѣм Іхь мтім п.п. Гражданом Венецкимь Братій й Ктиторем Црквe стго вел. моученика Хва Геѡргіа Вѣрі стыа восточно кадолическіа Православным сыномь Іаков Седовскій здравіа й благоденст.

Приспѣвши до славнаго Власкіа землѧ Града Антенѡрова й се смотреніем нѣкоим вышнаго обрѣтох нѣкойх ѿ землѧ, й ѿчествіа моего оученіем прилежащих ѿ нихже іединаго сего искоусна й цѣломоудренна моужа йменем Грігоріа Кирницкого на степень оучителства ѿбилным йждивеніем, й прилежаніем мтей Ваших достойнѣ восходѧща видѧ Бга моего сорадостію доуша моеа благодарих, йже сице достойных винограда своего дѣлателей промншлаѥ, толики оубо блгих неневлагодарен сый радость, юже на серцоу моем имѣх, оусты й тростію ѿческими моими метры во обшоую ползоу й оутѣшеніе прочіем православным (найпаче же людем діалектоу Славенскаго, егоже шерокость земли шерокости равна.) Под пресвѣтлым йменем Мл. Ваш. (йхже самѣх по Бзѣ помощію й промышленіем сіе бысть) в кратцѣ изобразити неневрегох

іеже любовнѣ да восприймете

совсѧцѣм сми-

реніем и говѣніем молюсѧ.

Патріархов четкірех навѣдилѣсь миле,
ѿваживши дость часоу не малоу хвиле,
Там ратоуикоу дозналесь чоудовне ѿ Бга
жаднати небезпеченств нешкодила трвога,
Без соумтоу без достаткоу ѿпатреніе знеба
мѣлесь.бо тє мысль завше простовал до нба
Постигл іеси ѧзиков вѣжествіе многих
Латинского, Влаского, и Греков оубогих,
И потим а до Римоу достиже самого
тѣла Петра и Павла навѣдил стго,
Так тє и іных кости моученик Хртвкіх,
а тых мѣлесь причинцов до Бга готовых.
Жадна тѧ прелесть свѣта ѿ Вѣры Стоѣ
ѿвести не могла до секты проклѧтоѣ.
И так теды скончивши щасливе дорогоу,
котроуюсь ѿфѣровал іединомоу Бгоу,
Остаток сил и часоу взабавах пристоины
травиш, достоупоуючи на8к вызволіоны,
Вкоторы и докторством годнесь тє 8чоиый,
цноты и наоукою ѿраз вывышшоный.
Жійже Церкви, ѿчизнѣ, домови, щасливе
Прежи Мадоусалове лѣта нетескливе.

Превелебным, и Прѣсвѣтлым

Іх Милостем П. П.

ѿбивателем Венецким славнаго Народа Греческаго

Братіѣ Братства стго Моуч. Хва Георгіа.

Ода

Мзда добродѣтели похвала.

Неоустала Побожность и сталость оу Вѣрѣ
хоть пренаслѣдованье ах терпиш безмѣрі,
ѿ презацный Народе, агдеш тыѣ лѣта,
гдыс мѣл в р8ках скипетры праве все свѣта,
Немогл нѣгдись шерокій ѡцеан цнеи славы
ѿгорноути.вѣдоми свѣтоу твой справы,
Ꙋрожона Вам была реч панствы владати
и всем8 нѣгдысь свѣтоу на8к оузычати.
Таксѧ проудко фортоуны кола обертают,
сцептры в ѧрмо, достатки в нѣзоу ѿмѣнѧю.
але ты цный народе любтерпиш ѿмѣноу
вдочасны рѣчах.вѣроу держиш не ѿмин8,
Жадный ти тоѣ тиран неможет ѿнѧти
ани секты новыѣ, в чим спрофановати.
Леч цалоую Хтви жениxоу невѣстоу,
ѧк цвѣт в терни рожаны захов8іеш чист8.
Соуть досыть и іншіѣ побожныіе справы
щодробливость, и мсть знак вѣч. славы.
іест свѣдком ты цнѡ ваши свѣжо креованы,
на стан доктрва, ваши хлѣбо промованы
Прето квѣтнеш и в славно т8 градѣ Венецко
даіе цнота цным мѣсце и в панствѣ т8реко,
але вжды коли колвек Бгь 8мысл тв8й сталы
примет, в терпливостѧх, и вѣрѣ с. трвалы,
здарит час, гды сланы дожч 8ст8пит ѿ очи
а слонце ласки іего мрак ѿженет ночи. Конецъ.

моего сына. Но найшло несчастье на насъ. Умеръ отецъ незадолго, а я остала съ тобою, коли еще былъ ты малымъ дитятемъ въ колысцѣ. Не стало мнѣ уже теперь якъ жити. Я тягнулась по Подолью, зарабляла еще гдещо а потомъ и опустили мя силы, я занемогла. Не мала я ни своей хаты, ни якого даху. Разъ ишла я дорогою; прійшла хвиля, въ которой я вже не могла дальше поступити. Лежу таки при дорозѣ и лишь тебе, малую дитину, обнимаю. Чую, дорогою ѣдетъ брыка а въ ней якій-то панъ. Ôнъ поглянулъ на мое снемощѣлое лице и змилосердился. Зступилъ зъ брычки и пытаетъ, що и якъ. Я просила его, щобы лишь дитину якъ схоронилъ. И ôнъ взялъ дитину ôтъ мене и поѣхалъ. Я не могла иначе тебе спасти. Но моя недуга перейшла, я сновь пустилась въ села... За пана и слѣду не было, не могла я тебе ôтнайти. Я шасталась еще по свѣту и знидѣла на нищо. Такъ зайшла я назадъ тутъ въ наше Смеречне и жіемъ ôтъ давна на пусткахъ. — Разъ прійшолъ Гаймонъ и розсказалъ, що на приходство принесли раненного недужного; тогды мене що-то стиснуло за сердце, а я не знала чому. И цѣлый тыждень потомъ менѣ было як-то узко, тѣсно, я не знала, где дѣтись. Доперва того дня, коли ты войшолъ въ нашу хату, я познала, що то было... Я предчувствовала, що то мôй сынъ. И познала я тебе, якъ лишь ты войшолъ въ нашъ комарникъ. Я не знала тогды, щô со мною дѣется. Отъ теперь и маю тебе“ скôнчила Явдоха.

„То Гаймонъ мôй...“

„Твôй родный. Ты внукъ Гаймона.“

„А ôнъ —?“

„Еще сидитъ замкненый въ дворѣ. Уже такій человѣкъ! Дивный, не человѣкъ! Знаешь, замкнули его и мене. Коли разъ чуемъ пôдъ дверьми гаморъ. И за хвилю двери упали вывалены. То былъ Ванько и Трофимко. Они высадили двери и кажутъ намъ, що тайкомъ всунулись въ дворъ, що стерпѣти не могли, абы насъ замыкали за ничо якъ звѣрину и що пора пробратись теперь черезъ обору. А Гаймонъ, отъ якій же человѣкъ! ‚Не пôйду‘ кажетъ ‚хоть мя рѣжьте, а такъ не пôйду: хоть тутъ умру, то умру, а знати буду, що тайкомъ не утѣкалъ. Нѣтъ‘ кажетъ ôнъ ‚Гаймонъ по за плечи не умѣетъ утѣкати; просто въ очи стаетъ, а тайкомъ не утѣчетъ.‘ Не помогло, лишился таки тамъ. А я пôйшла; и якъ не было ити, коли тебе отнайшла. Нынѣ я до церкви тутъ зайшла, Пречистой чудотворной помолитись. Клячу, и выклячала, вымолила... А еще и не то, не сама я тутъ; въ мѣстѣ нынѣ всѣ села; и зъ Смеречного и Розгорного и Межибродья и Кольчина и далеко зъ пôдъ Бескида. Передъ днями зъѣхали по селахъ комиссари и голосили, щобы люде, громады, стали нынѣ въ мѣстѣ. — А я прійшла тутъ до Пречистой и она выслухала мене.“

И любящая мати, одна изъ судьбы тыхъ, которыи горькіи дни проживаютъ по широкôмъ Подолью и Карпатахъ, цѣловала на ново чело своего сына, що красою припоминалъ ей молôдыи лѣта, где ей чорныи брови и косы плѣняли легиновыи сердця.

Пôдъ горою же церковною розойшлась мрака и ôткрылось мѣсточко. Оно мало нынѣ видъ святочный. Тысячи народа застелили мѣсто. Громады цѣлого округа явились, якъ было голошено комиссарями, въ святочныхъ одежахъ. Мѣсточко пестрѣло ôтъ барвъ. Чорныи халаты жидôвъ, червоныи уборы женщинъ, бѣлыи сорочки мужикôвъ, рудыи сѣраки, чиновы, все то помѣшалось въ одну пеструю крашанку.

На рынку уладились громадскіи старшины и старыи сивыи мужики, що еще Іосифа и Марію Тересу запамятали.

Тамъ столпились громадяне изъ Протѣсного. Всѣ въ широкихъ берегсаскихъ чересахъ, въ угорскихъ широкихъ панталонахъ, съ блестящими окрашеніями на грудехъ и съ легкими топорами за чересомъ. Самыи же высокіи, гнучкіи, съ брунатными лицями, чорными усами и крысатыми капелюхами. — За ними Кольчовяне набитого тѣлосложенія, малого роста, широкоплечіи, мускулярны, въ шляхотскихъ червоно-обшиванныхъ жупанахъ изъ сивого сѣрака, въ бараньихъ кучмахъ. А дальше Межибродяне въ кожаныхъ лейбикахъ, ликовыхъ ходакахъ, съ обрытыми щеками и дегтеванымъ волосьемъ.

Всѣ они прійшли, не знаючи, чого и по що; голосили, то и прійшли. Одинъ пыталъ другого, другій третого, а той то раменами сдвигалъ, то странно отвѣчалъ.

„Слухайте“ говорилъ межи Кольчовянами старый присадковатый мужикъ, опершись на костурѣ „хочете, то скажу, що и куда. Зле, не добре заносится. Уже я такъ ôтъ давна уважаю, що що-то ладится. Снилась менѣ вчера очеретянка, она ѣла мандрику. Смотрю, а то чи не пава. А пава знаете съ нечистымъ въ связи стоитъ. А дальше вôйтова розсказовала, якъ присяжный умеръ, не положили оболоса въ трумну; душа мертвого вернула, а очи у ней были червоны... Чи не на новую кровь заносится! Отъ то и естъ.“

Иначе розводился межи Протѣснянами провизоръ, що побывалъ и на славныхъ бояхъ.

„Шію утнѣтъ“ говорилъ ôнъ „якъ не то: Камера долги зажичковыи опущаетъ; за тое збоже, которое прошлого лѣта, якъ голодъ былъ, люде брали изъ камерального шпихлѣра на зажичку. Камера опушаетъ теперь долгъ. Що камера то не домена!“

Въ домѣ мѣстцевого пароха такожъ розвинулось житье. Сосѣды сновь зъѣхались, ихъ лиця были одушевлены, урадованы, они горячо росправляли, затирали руки и поглядали ôтъ поры до поры на рынокъ, якбы чого ожидали.

Тымчасомъ сойшолъ Евтимъ зъ горы и вмѣшался межи народъ.

„Евтимъ! Евтимъ! друже! пождѣтъ. Боже! чи то вы? правдивый, живый Евтимъ? Невозможно. Вы жіете? И вы идете такъ повольно, теперь, нынѣ, въ такій день!“

Парохъ Дуновичъ взялъ Евтима за рамя.

„Вы уйшли? Вы дѣйстно уйшли тымъ розбишакамъ? тымъ Шегенамъ? Отъ, до чого ведетъ революта, до такихъ бандъ, до прорванія всякого общого порядка. Такій епилогъ революціи. Она перемѣняется въ кôнци въ шаленную рѣзню. Но нынѣ, Евтимъ, радость, радость для насъ. Я казалъ, важныи вѣсти вже давно приходили зъ Вѣдня. Нынѣ день, якого не бывало и не будетъ у насъ. Даютъ вже знакъ, тарабанъ бьетъ. Ходѣтъ тутъ на той вершокъ, зъ того мѣстця узримъ все.“

Парохъ и Евтимъ подойшли на въ близи стоящій горбокъ, изъ которого розстелился видъ на весь народъ. Но парохъ сталъ удивленъ. Передъ нимъ клячалъ Евтимъ.

„Скажѣтъ“ молилъ дрожачи Евтимъ „скажѣтъ: она не духъ? Нѣтъ? Не духъ ли она?“

„Кто она?“

„Мати, моя мати.“

„Ваша мати? Що вамъ? Вы больны.“

„Нѣтъ, я доперва здоровѣю.“

„Встаньте лишь. Що вамъ?“

„Самъ не знаю, що. Я народился. Я нынѣ народился. Нынѣ я свѣтъ узрѣлъ. До теперь я скитался по свѣту самъ одинъ, якъ брошенный листокъ, якъ излишній человѣкъ. Теперь я отнайшолъ два сокровища: матерь, а тымъ самымъ и народъ, бо я выйшолъ изъ него... Гаймонъ мôй... она,.“

Парохъ не понималъ Евтима, ôнъ лишь вдивлялся въ него.

„Вы не можете забыти Гаймона; то природно. При вашой слабости ôнъ вбился вамъ въ память. То душа! но я чулъ, що съ нимъ теперь що-то случилось въ дворѣ. Кажутъ, ôнъ тамъ збожеволѣлъ. Протерпѣти того не могъ, що взяли его. А согнутися не далъ; утѣкати не хотѣлъ... Теперь, кажуть, совсемъ божевольный.“

„А!“ Евтимъ горько засмѣялся. „И я зъ рода Паранюкôвъ, и я зъ дѣтей Гаймона! Бій же тамъ тарабане, знаю, на кого теперь за твоимъ голосомъ ити. Чій предокъ умеръ, въ фаетонѣ роспустной дамы запряженъ? Чій прадѣдъ по-

тпбъ въ поломѣняхъ огня? А теперь чій предокъ божеволѣетъ тамъ?..“

Утихъ на мѣстѣ тарабанъ.

Тишина настала.

На высокой трибунѣ середъ народа появились промульгаторы. Великое слово голосили они народу. Слово, що сломило ихъ недолю до лучшой будущности. — А было то слово — свободы. Вѣсть снесенія панщизняного ярма. — Давно проминула вже катастрофа въ столицѣ. По всѣхъ углахъ державы голошено свободу.

По окенченію промульгаціи народъ нѣмо стоялъ, позниманши пакрытія изъ головъ. Тихо было наоколо. Якъ громомъ раженна стояла недвижимая маса. Не надѣялась она такъ великого слова. Доперва за хвилю двинулся народъ, якъ то волнистое мое, которое передъ волнованіемъ тихо розлилось. Здрадливая тишина. Так ю была и тишина народа. Люде упали теперь на колѣна, цѣловали святую землю, поклоны били и долго еще не поднимались изъ земли.

„Отъ и день!“ воскликнулъ изъ горы Евтимъ съ розъясненнымъ обличьемъ, и поднесъ руку въ гору „великій день! Тѣшься Гаймонъ, старче, веселись тамъ въ твоей вязницѣ. Ты свободный! Свободный! Тѣшься Гаймонъ!“

„О! Тѣшусь“ почулось въ близи середъ толпы, якъ кряхканье крука. Люде ôтступались и крестились; межи ними пробиралась якая то стать, якійто великанъ схиленъ, въ обдымленной старой одежи, съ долгими сивыми розвѣянными волосами, съ блудными очима.

„Божевольный! Гаймонъ!“

„Гаймонъ“ говорили голосы межи народомъ.

И Гаймотъ якъ бѣшенный валилъ передъ собою все, що лишь придыбалъ, и тиснулся помежь толпу.

Гаймонъ говорилъ еще непонятныи слова охриплымъ голосомъ и смотрѣлъ все блудно въ даль.

Нѣсколько мужиковъ зъ Смеречного смогли уняти его пôдъ руки.

„Богъ святый съ вами, Гаймонъ“ приговоривали они, „що вамъ?“

Гаймонъ поглядалъ на нихъ не познаючи нѣкого; по его пооранôмъ старôмъ лицѣ точились слезы. Ôнъ кинулся еще разъ всею своею силою, уволился ôтъ державшихъ его мужиковъ и упалъ безсильно на землю.

Гаймонъ былъ вже мертвый.

Не зазналъ вѣсти, за которою тужилъ цѣлую жизнь.

(Прод. посл.)

Малорусскіи уборы.

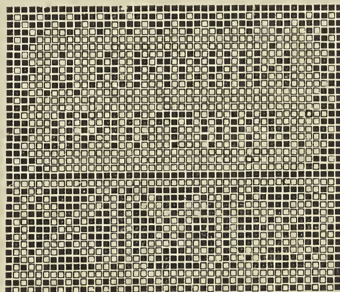
(См. изобр. на стр. 125)

Бантышъ-Каменскій описуетъ слѣдующимъ способомъ старинныи одежи малорусскихъ женщинъ: Знатныи малорусскіи жены и ихъ дочери одѣвались прежде, якъ нынѣ крестьянки, съ тымъ лишь розличіемъ, що вмѣсто шерстяныхъ полосатыхъ плахтъ (юпокъ), обвертывали себе, сверхъ одежи, шелковыми; у нихъ были тоже шелковыи передники, называемыи запасками. Одежь тая была домашная. Коли выѣзжали они изъ двора, то надѣвали долгіи кафтаны изъ хорошого сукна или богатыхъ якихъ матерій. Замужныи носили на головахъ кораблики или шапки, похожіи на корабли, также бôльшіи такъ зовимыи кибалки съ долгими сзади концями. Дѣвицы ходили съ непокрытыми головами, связовали крѣпко сзади волосы, заплетали двѣ косы и обвертывали ихъ около головы; въ праздники же обвивали косы золотыми или серебряными сѣтками, опущаючи косы въ долъ, подобно сельскимъ дѣвочкамъ, которыи такимъ же образомъ украшаютъ свои головы лентами, а лѣтомъ огородными цвѣтами. Вообще всѣ женщины носили чорныи сапоги, въ праздничныи дни червоныи.

Борьба перепелицъ у древнихъ Грековъ.

(См. изобр. на ст. 129.)

Привыкши къ кровавымъ зрѣлищамъ на бôльшихъ аренахъ, розвлекается домашній кружокъ и въ дома борьбою, которой ходъ слѣдится зрѣтелями съ нетерпѣніемъ. Лишь у невольницы, стоящой при столѣ, выраждаются отмѣнныи мысли на видъ того увеселенія повелителей, которы охотно присмотривались бы и страданіямъ невольника.



Чешская хата на выставцѣ въ Празѣ.

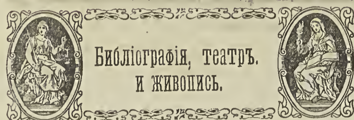
Уже въ попереднôмъ числѣ „Нов. Гал.“ упоминали мы коротко о сельской хатинѣ, построенной на выставковой площади въ Празѣ. Такая хатина, безсомнѣтельно, пригадуетъ всѣмъ посѣтителямъ мирный сельскій уголокъ на родинѣ, и тому всѣ посѣтители радо спѣшатъ въ тую часть выставковой пространи. Особенно Чехи, прибывающіи на выставку, предовсемъ спрашиваютъ о чешскую хату и спѣшатъ, посѣтити ею. „Она стоитъ близко чешскому сердцю“ объясняетъ при тôмъ чешскій посѣтитель. Явленіе то весьма отрадное. Оно свидѣтельствуетъ, що Чехъ осталъ правдивымъ Славяниномъ, который не пренебрегаетъ сельскою хижею, а который въ народѣ видитъ свою силу. А представился тутъ чешскій народъ не мало блестательно. Тая бо чешская хатина есть якъ бы павилономъ для домашнихъ чешскихъ издѣлій, которы ôтъ долшого времени уже красили и иныи выставки, якъ примѣромъ выставку въ Будапештѣ. Въ розличныхъ музеяхъ собранъ уже богатый матерьялъ, но тутъ полнѣйше и нагляднѣйше представляется искуственный и промышленный смыслъ чешского народа.

Мысль построенія чешской хаты возникла сейчасъ, якъ лишь рѣшено было комитетомъ, подати образъ народного чешского искуства. Издѣлія народныи снайшли найотвѣтнѣйшое помѣщеніе въ той простой хатинѣ, съ деревянною крышею, низкими стѣнами, съ ихъ вырѣзованными столбами, написями на дверахъ, голубникомъ и пр. Архитектъ А. Виль взялся за роботу, начерталъ планы и минувшой осени началъ постройку. Взорцемъ до поодинокихъ частей, служили ему загороды въ нѣкоторыхъ чешскихъ селеніяхъ; выставковая хата есть затымъ сложена на первовзорахъ. Лишь сѣнь и комната должны были по плану, получити устройство вѣрно по сельскому взору, прочіи части, якъ коморы, стодолы, боища и пр. послужили цѣлямъ выставковымъ.

Изъ двора вступаемъ на право въ сѣнь, въ которой помѣщены дѣжи, масляницы, и многіи иныи снаряды. Изъ сѣни ведетъ дверь въ свѣтлицю. Тутъ одинъ уголъ занятый великою печею, съ припечкомъ, вокругъ которого прикрѣплена лава. Въ противуположнôмъ углу свѣтлицы уставленъ столъ съ лавками по обомъ сторонамъ; дальше слѣдуетъ постель, при ней колыбель, скрыни, полицы и пр., все съ выкладанными окрашеніями. На оконницяхъ виднѣютъ тоже древне-чешскіи орнаменты. Въ прочихъ частяхъ хаты експонованы издѣлія. Въ мѣру, якъ прибывало чимъ разъ бôльше выставкового матерьяла къ тому отдѣлу, оказалась потреба, роздѣлити матерьялъ, тожь часть вышивокъ помѣщена тоже на сѣверной галеріи промышленной палаты. Тутъ въ хатѣ, кромѣ численной коллекціи вышивокъ, собраны тоже многіи скульптурныи издѣлія чешского народа, дальше снаряды домашніи съ окрашенія-

ми живописными, рѣзанными и пр. На оборѣ передъ хатою, уставлены плуги и снаряды господарскіи. Тутъ стоитъ и голубникъ, а при плотѣ глубокій колодязь. На входнôмъ сводѣ виднѣетъ слѣдующая напись въ старочешской правописи: „Leta Pane 1891 dne 15 Aprilis.", надъ нею же слова: „Lomenice tato wyzdwizena gest s pomoci P. Boha wſſemohouciho a nakladem wykonneho wyboru wyſtawniho." Кромѣ того умѣщенъ еще тутъ слѣдующій стишокъ:

„Pan Buh zehneg domu tomu,
wystawil gsem, newim komu.
Kdo w nem bude prebywat,
tomu rac Buh pozehnat."



На дняхъ появилось изъ печати весьма полезное для народа, популярнымъ слогомъ составленное изданіе п. з. „Илюстрованнй житья Святыхъ угодниковъ божихъ, на кождый день въ роцѣ празднуемыхъ гр. кат. Церковью, Съ 17 илюстраціями въ текстѣ. Цѣна въ переплетѣ 1 зл. 60 кр. Львôвъ. Накладомъ Антонія Хойнацкого, управителя Ставропигійской книгарни. 1891." О способѣ переведенія сего труда и о источникахъ, кажетъ авторъ сочиненія, Иванъ изъ надъ Луквы, въ предисловію межи иными, слѣдующое: „Я руководился особенно поглядомъ, шобы принятый мною порядокъ былъ сходный съ порядкомъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Въ первôмъ ряду я увзглядняль, нашими церковными писателями, Добрянскимъ, Гинилевичемъ, Гузаромъ, и нѣкоторыми другими спопуляризованный уже матерьялъ, стараючись таковый, где находились анахронизмы и другіи ошибки, исправити."

Розвязка шарады на стр. 112.

ГаНибаль
НеАполь
АлЗація
ТкАчъ
ПиРогъ
РиСаковъ
ИсТорія
БрОды
ЛаДа
УрОки
ДаЛьмація
АлЯрихъ.

т. е. Гнатъ Приблуда — Назаръ Стодоля.

СИЛЛЯБОВАЯ ШАРАДА.

ав, ал, ан, ар, ва, ва, ва, враг, дель, дер, ди, ер, ев, зан, зе, и, ин, ко, лаг, ле, ли, лі, ло, лон, лой, ма, ми, ми, мо, пак, не, нид, о, пе, печ, пси, ра, ра, ре, ро, ров, са, сен, сен, со, стра, тер, троп, ум, чі, шин, фн, ю, я.

Изъ вышенаведенныхъ частей слѣдуетъ сложити слова, которыхъ початковыи буквы, читанныи зъ горы въ долину и конецевыи (въ продолженію съ прежними) читанныи зъ долины въ гору (безъ взгляда на ъ), дадутъ заглавія четырехъ поемъ послужившихъ при тôмъ тематомъ до 4 оперъ. — Поодинокіи слова означаютъ: 1) Городокъ на сѣверѣ Галицкой Руси. 2) Даръ божій, данный человѣку. 3) Ночная птиця. 4) Мужеское имя. 5) Часть свѣта. 6) Рѣка въ Россіи. 7) Герой тургеневского „Наканунѣ." 8) Малорусскій композиторъ. 9) Бойкій легинь. 10) Городъ въ давной Греціи. 11) Заглавіе одной комедіи Моліера. 12) Названіе буквы. 13) Городъ въ Италіи. 14) Могаметанскій богъ. 15) Извѣстный замокъ. 16) Славный шахистъ. 17) Выраженіе математическое. 18) Церковная книга. 19) Прежное названіе папы. 20) Мѣра. 21) Муза. 22) Непріятель.

Юл. Игн. Двер.

Розвязки шарадъ надослали: И. Т.: Г-жа Юлія Барылякъ въ Б.; Неонилія К. въ С.; М. На—скій въ Ш.; „Розгрызенько" въ Н.; Арт. Р. въ Л.

Просимъ о выровнаніе залеглостей.

Новоприступающіи предплатители получаютъ попереднііи числа и преміи.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Полныи рочники „Нового Галичанина" за г. 1890 можна получити въ редакціи по цѣнѣ 5 злр., въ переплетѣ же по цѣнѣ 6 злр., съ пересылкою почтовою.

Изъ первого рочника „Нового Галичанина" продаются нумера ôтъ 5 включно) до 24 по цѣнѣ 3 злр. 50 кр. въ переплетѣ 4 злр. 50 кр.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій. Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 12. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Червня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

На подолью.

(Продолженіе).

Я былъ любопытный узнати, щó обнимаетъ въ собѣ той листъ, но рѣшилъ, роскрыти его доперва въ присутствію контролора.

На одной улицѣ зачулъ я за собою голосъ: „Пстъ! пстъ!“ Подумавши, що въ такôмъ славнôмъ мѣсточку на улицяхъ жизнь патріархальна, я не малъ причины, не предполагати, що такій голосъ может и до мене ôтноситись. Тому я оглянулся. И дѣйстно, я былъ предметомъ такого телефона. Ко мнѣ подбѣгалъ малый гарсоникъ съ якого то ресторана и кивалъ рукою, на знакъ, щобы заждати.

„А що тамъ?“

„Прошу тутъ... контролоръ взываетъ...“

„А где-жь тое тутъ?“

„А тутъ, реставраційка у насъ! Казали призвати васъ.“

„Идижь на передъ и веди.“

Гарсонъ съ задертымъ носикомъ ввелъ мене въ якіито валящіися, окопченныи сѣни.

Петръ Прерадовичъ,
хорватскій поетъ.

„Слухай, куда-жь ты мене ведешь?“

„Сейчасъ тутъ двери. Они тамъ.“

„Ага!“ подумалъ я „то другій входъ до реставраціи, незамѣтный...“

Я розтворилъ дверь. Встрѣтилъ однакъ не то, чого надѣялся. Была то маленькая комнатка съ нѣсколькими столиками, желѣзною печею и анонсовыми картами на стѣнахъ. Въ горѣ не можно было уже розличити, есть ли тамъ якій плафондъ, или чернь непромѣримая. Сигаретный дымъ просто дусилъ за горло. Безжурно однакъ сидѣло коло одного столика нѣсколько лицъ, изъ межи которыхъ я скрозь облаки дыма розличилъ стать контролора.

„Вы не въ гадесѣ, нѣтъ“ говорилъ до мене контролоръ „що найбôльше, могъ бы Данте вамъ подшепнути, що то подземный свѣтъ. Для новиковъ выдается, що тутъ полно дыма! Га?“

„Куда вы тутъ скрылись?“ пыталъ я поневольно.

„Правда? Я умышленно прикликалъ васъ тутъ, узрѣвши васъ через ôкно. Вы же должны, по крайной мѣрѣ,

разъ побывати въ нашôмъ первостепеннôмъ, за мало, первой кляссы, ресторанѣ. Улыбаетесь? Тутъ у насъ единственное сборное мѣсто на перекуски, поговорки и т. д. Шлойма маетъ и найлучшое пиво и найлучшое вино. Есть у него и мѣшанина вкусная. Теперь, въ тую годину, тутъ еще благодать! Прійдѣтъ однакъ рано, коло одинадсятой годины, — шпильки нѣтъ где кинути, а черезъ облаки дыма ни одного изъ насъ не узришь! Такъ живемъ, и рады нѣтъ! Человѣкъ привыкнетъ до той атмосферы, тутъ вообще ко всему слѣдуетъ привыкнути. У насъ любезный, неоднократно начинается читати книгу ôтъ кôнця, а пишется рядки зъ горы въ долину!"

„Особенно книги, книги!" отозвался якійто бородачъ сидѣвшій съ нами.

„Правда, я еще и не представилъ. Тутъ надлѣсничій изъ сосѣдного села а тутъ нашъ славно извѣстный ескуляпъ, лѣкарь по неволи на цѣлую окрестность."

„И маститъ и давитъ!" отозвался лѣкарь, которого очи середъ смѣха при полнотѣ лица смѣнились въ двѣ продолжистыи линійки. „И маститъ и давитъ! Славно извѣстный лѣкарь — по неволи. На двое баба ворожила. Затымъ маемъ нового члена нашого клюба. Розгостѣтся, а то розкоркую новую бутыльку портера."

Надлѣсничій указалъ на лѣкаря.

„Ôнъ нынѣ платитъ... обливаетъ... огромныи подвиги дѣластъ въ сердцѣ старостянки..."

Комната загремѣла смѣхомъ.

„Не кпити зъ Микиты!" ôткинулъ, улыбаючись, лѣкарь.

„Маня шалѣетъ за нимъ! А и нашъ ескуляпъ видно по уха запропащенъ, такъ якъ кождого дня заходитъ въ староство."

„По своему чину" объяснялъ лѣкарь „извѣстно: повѣтовый лѣкарь."

„На село людей дурити! На село! Будьто по чину а все съ бьющимъ сердцемъ."

„Позволь" началъ контролоръ до надлѣсничого „не такъ дѣло стоитъ. Его возмущаетъ нѣкая блондинка."

Лѣкарь поднесся изъ своего кресла, выпрямился и принялъ ораторскій выразъ лица.

„Намѣряю поднести тутъ тоастъ во славу блондинокъ, которы суть найнѣжнѣйшими существами на свѣтѣ..."

„Противно!" загремѣлъ надлѣсничій.

„Которы суть обыкновенно найбôльше красивыми,.."

„Противно!" началъ сновь надлѣсничій. „Коротко протестую противъ такого идеализма нашого ескуляпа. Вообще же пью — на свободу!"

Лѣкарь понизилъ голосъ.

„А я може не пью на свободу? А? Хиба я не за свободою?"

„Кто тоастъ во славу блондинокъ пьетъ — пропащій уже человѣкъ. Свобода у него за моремъ."

„А якъ бы такъ получити разомъ: во славу блондинокъ и свободы!"

„Софизматъ!"

„Мы заговорились а тутъ и не замѣчаемъ, що уже ночь. Въ комнатѣ темно а шинкарь свѣтла не даетъ. Гей! Козакъ Шлойма!"

Лѣкарь отворилъ дверь и началъ кричати въ корридоръ: „Шлойма! Свѣтло!"

За добрую доперва хвилю прибѣгъ гарсонъ.

„Кликали? Чимъ могу служити?"

„Слухай ты" началъ къ нему лѣкарь, подперши боки „ты бердычевскій свербиносе, утрипусе неисправный, що спишь днемъ и ночью, ты варикаша пейсокрутый, шинкорѣзе вѣтрогонный, ты маринованный селедцевый хвостику безбородый, чуешь — свѣтла давай! Уже бѣжишь! Пожди! Шлойма где?"

„Въ склепѣ."

„Скажи ему: нехай уже разъ прибьетъ тутъ на дверехъ вывѣску: ‚Комната до перекусокъ. Табачный дымъ за дармо. Свѣтла на каждый случай бôльше якъ въ радѣ повѣтовой.' Иди!"

„Зажди" отозвался теперь надлѣсничій „скажи моему Максиму, нехай запрягаетъ кони, поѣдемъ."

Гарсонъ выйшолъ. Вернувши, гарсонъ зажсгъ поломанную шабасовую свѣчку и заявилъ, що повозчика Максима где-то нѣтъ, вѣроятно вскорѣ надойдетъ. Мы выйшли наконецъ на улицю. Ступаючи поволи, мы кончили еще розговоръ. На улицѣ противъ насъ сближался якій-то мужикъ.

„Есть и мôй Максимъ" говорилъ надлѣсничій, „время бы намъ, Максиме, выбиратись."

„Якъ разъ добре будетъ ѣхати. Я заговорился и заговорился. Уже такій человѣкъ. Есть тутъ въ мѣстѣ давній, давній знакомый — въ гараздѣ нехай проживаетъ — Стефанъ, що приѣхалъ тутъ съ однимъ женихомъ. Слово сюды, слово туды и такъ затягнулось ажь до теперь."

* * *

Вернувши до контролора, мы засѣли до гербаты, щобы не много ôтпочити. Я добылъ полученный мною изъ почты листокъ и предъявилъ его контролору.

„Есть? Дѣйстно? Ну, а що было въ немъ?"

„Не знаю еще? Быти можетъ, то не до мене адресованное письмо."

„До васъ или не до васъ? Розберѣмъ теперь. Я, сопоставляючи всѣ обстоятельства, таки убѣжденъ, що листъ той вамъ былъ призначенъ. Поглянемъ до внутри. Начертана незабудька. При ней слова: — ‚Символъ той посылаетъ тобѣ А. З. Отвѣчай пôдъ адресою А. З.' — Избранникъ судьбы, кажу. Ледво приѣхалъ въ городъ, а уже получаетъ ôтъ якой-то дѣвицы письма съ незабудьками. Теперь нѣтъ сомнѣнія, що то до васъ. Не иначе. Тутъ есть гачокъ. Закиненная удка. Лишь въ тôмъ дѣло, ôтъ кого выйшло то письмо. Есть тутъ бôльше дѣвочокъ. Кто однакъ писалъ то письмо, того догадатись еще не могу. Но мы будемъ знати. Лишь поволи. Мусимъ отвѣтно ôтписати ей пôдъ поданною адресою."

Контролоръ началъ по своему обычаю проходжати по комнатѣ.

„Синій той цвѣтки цвѣтъ" декламовалъ ôнъ „що незубудька звесь, цвѣтъ къ сердцю приложи, мене сгадай. Хоть вмретъ надежды цвѣтъ, любовь останетъ все, любовь не свянетъ, нѣтъ, повѣрь менѣ... И такъ дальше! Той свѣтъ! На немъ найбôльшое число фабрикъ бляншу и ружу, а именно такого, которымъ не лице, но душа закрашается. Щô много увѣреній любовныи, акъ не бляншъ? Не говори: люблю, но на дѣлѣ люби. Такъ уже представляю я собѣ дѣло, шо если кто скажетъ мнѣ: люблю тебе— думаю тутъ не о женской любвѣ, но вообще о приклонности якихъ нибудь двохъ лицъ — то я зазначаю собѣ въ мысли; той человѣкъ или мôй ворогъ или по крайной мѣрѣ не любитъ мене."

„Такъ обыкновенно бываетъ."

„Такъ все бываетъ. Лиця, любящіися правдиво, не потребуютъ заявляти того словомъ: люблю. Въ дѣлахъ а не въ заявленіяхъ пробивается любовь... Напротивъ съ заявленіями часто получены ровновременно и интриги... Впрочемъ вернѣмъ до нашого прежного розговора. Закусѣмъ хотьбы тымъ маковникомъ, и гербату еще повторимъ. Человѣкъ поневольно пригадуетъ собѣ нѣкоторыи любовныи событія изъ юности. Наслухался я въ юныхъ лѣтахъ тыхъ женскихъ увѣреній. И знаете, що я наконецъ сдѣлалъ? Передъ лѣтами еще то было. Я слова одной пѣсни написалъ хорошимъ почеркомъ на хорошôмъ папери и далъ обрамити его. Рамки до нынѣ суть у мене. Якъ лишь коли заѣдутъ или зайдутъ ко мнѣ якіи дамы, я приводжу ихъ умышленно передъ той стишокъ. Дамы злоблятся и кажутъ, що я пессимистъ. А я еще дотинаю. Они еще бôльше злоблятся, за то мнѣ легче стаетъ. Если хочете, я укажу вамъ тіи рамки, они въ тамтой малой комнатѣ, где мы еще и не были, тамъ бо и не топлено. Цѣлый полкъ духôвъ тамъ собранъ, ôтъ Платона до якого-тамъ Канта..."

Я домышлялся, що контролоръ маетъ на мысли свою библіотеку. Ôнъ взялъ свѣщу и повелъ мене до комнатки. Тамъ на подлозѣ лежали въ хаосѣ стир-

ты книжокъ. Лишь на одной стѣнѣ виднѣли якіи-то лучшіи рамочки.

„То моя библіотека... тутъ той стишокъ... (Контролоръ поднесъ свѣщу къ рамкамъ). Читайте, толстымы буквами написано: ,Вже я не вѣрю увѣреньямъ, вже я не вѣрую въ любовь, и не могу предатись вновь, разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.' А що? Дамы злоблятся за каждый разъ, якъ то прочитають. Кажуть до мене: а невѣрный Тома, а сякій, а такій! Добре, добре. Знаю я васъ, мои женскіи серденька.... Стоитъ отже на тôмъ, що А. З. мусить ôтъ насъ получити отвѣтъ. Мусимъ ôткрыти, кто писалъ той листъ, кто кинулъ той гачокъ кто такая проворная рыбарочка... Гмъ... У мене давно, былъ печатанный „Сборникъ любовныхъ листôвъ", можебъ изъ него переписати, то былабы еще найкоротшая дорога."

„Лишь где его найти?"

„Найти? Сейчасъ. Тутъ вправдѣ въ четырехъ углахъ четыре копицы книжокъ, но добрый музыкъ и на одной струнѣ заграетъ а добрый библоманъ маетъ уже въ пальцяхъ такій дотыкательный смыслъ, якъ той карточникъ, що десятку пиковую мазѣльнымъ пальцемъ вынайдетъ на слѣпо изъ цѣлой таліи картъ. Апу, черкнѣмъ."

„А то що за такая черезъ мѣру уже зъупотребленная книга?" пыталъ я, указуючи на одну изъ книгъ.

„То? Будетъ якій-то лексиконъ. Чи не Брокгавзенъ?"

Я началъ читати заглавіе: „Триста шестьдесять и пять обѣдôвъ, порадникъ кулинарскій."

„Ага! То, бывало, изъ рукъ моихъ дамъ не выходитъ. А я въ первой хвилѣ думалъ, що то Брокгавзенъ. Щô книжка? Прочитаешь и кинешь. Забудешь даже, якъ изъ внѣ выглядаетъ. Я роздумую надъ тымъ, щôбы съ тыми книжными копицями сдѣлати. Продати може на вагу. А може и якіи библіографическіи рѣдкости тутъ суть. Анужь зачепишь где за якій давній памятникъ. Забираюсь кождой днины, привести въ поазбучный порядокъ тіи книги, но якъ-то не идетъ. Поетичной фантазіи до того потреба. А то поставишь Шекспира и Дарвина коло себе и погаратаются на голову. А тыхъ лирикôвъ-идеалистôвъ еще и не въ пору ставляти въ передѣлку. Впередъ слѣдуетъ ихъ дати переплести въ якую сороченьку съ сентиментальнымъ пейсажемъ. Звѣздочки, мѣсячная ночь, пара голубчикôвъ. А прозаисту Толстоя и Ибсена въ скору! Ехъ, тыхъ идеалистôвъ, що бушують по хмарахъ мѣсто по землѣ, ябъ приказалъ перетягнути всѣхъ скрозь сердце одною ниткою и сплести въ одинъ вѣнецъ. А сновь примѣромъ, старого Сократеса, не слѣдовалобы и непокоити. Смотрѣтъ, якъ собѣ безжурно разомъ съ Діогеномъ тамъ въ уголку дремаетъ. А съ Гомера лишь кончикъ вызираетъ. Поки що, поки що, оставьмо. Вернѣмъ въ салю, тутъ бо и не топлено, у мене ноги застили."

(Прод. посл.)

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

При тôмъ всемъ, т. е. при образованію немногихъ клерикôвъ у Театинôвъ во Львовѣ, въ Іезуитской академіи на курсѣ философскôмъ во Львовѣ, и— возможно еще — на иныхъ краевыхъ и заграничныхъ училищахъ, старанія о пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ къ основанію духовныхъ семинарій въ обохъ епархіяхъ, такъ Львовской якъ и Перемышльской, продолжались. Года 1744 выносила сумма, легованна или собранна на тую цѣль для семинаріи епархіи Лвовской, уже 116.820 зол. польск., гипотекованныхъ на селѣ: Горидаславичи, которы были собственностію князей Чарторискихъ, воеводичей русскихъ. Проценты изъ той суммы были тогдашнимъ епископомъ Атан. Шептицкимъ, употреблены на постройку нынѣшной катедральной церкви св. Георгія, пôдъ которую той-же епископъ самъ положилъ первый краеугольный камень года 1744. Самъ же капиталъ заимствованный былъ княземъ Чарторискимъ, и по той причинѣ на его добрахъ забезпеченъ. Во виду того, що проценты, уплачаемыи изъ той суммы, не могли покрыти всѣхъ издержекъ на постройку катедры львовской, рѣшилъ соборъ г. 1750, побирати къ той цѣли ôтъ всего русского клира контрибуцію, начавши ôтъ г. 1751, съ тымъ однакъ застереженіемъ, що такъ зовимая постоянная котрибуція (perpetua contributio), котора должна была платитись по мысли Тридентского собора на основаніе семинаріи, теперь остала прекращеною до времени совершенія продолжающойся тогды постройки катедральной церкви.

Мысль однакъ учрежденія духовной семинаріи тымъ не прекратилась. По довершенію постройки катедральной церкви и епископской палаты во Львовѣ, начались приготовленія къ постройцѣ духовной семинаріи, котора должна была станути при самой новосозданной церквѣ. Явствуетъ то изъ акта: „Urzędowa wizya cerkwi i monasteru Sw. Jerzego z roku 1761, 12 Lipca."*) Монахи, которыхъ ввелъ до церкви св. Георгія епископъ Львовскій, Іосифъ Шумлянскій, начали съ мірскимъ духовенствомъ споръ г. 1751 о право собственности, опертое на своей зажилости тамъ-же. Епископъ Львовскій, Леонъ Шептицкій, продолжалъ перестройку всѣхъ зданій, на горѣ св. Георгія находившихся, на бôльшіи розмѣры и основательно. На то жаловались обитавшіи тамъ монахи и призвали комиссію магистратскую для предпринятія ревизіи. Передъ тою комиссіею монахи протестовали противъ такого рода перестроекъ, при которыхъ давніи зданія а тоже муръ, окружавшій кладбище коло церкви, и брама, за которою находилась старая деревянная резиденція съ верандою, были снесены; колодязь былъ засыпаный, скала крушена, звонниця же, въ которой находился звонъ изъ года 1343, подаренъ княземъ Димитріемъ, и котора стояла передъ церковью, была перенесена на площадь за церковью; предовсемъ же противились монахи тому, що ôтъ юга церкви и коло ней, противъ зданія монастырского, кладены были фундаменты на официны, „a w rzeczy samej ma tu być założone seminaryum na cmentarzu monasterskim." — И дѣйствительно доперва по смерти епископа Льва Шептицкого, за правленія первого епископа Львовского изъ мірского духовенства, Петра Бѣлянского, была основана такая приватная семинарія; заключати то можно изъ презенты, выданной Іоанну Федоровичу г. 1782 въ латинской архіепископской палатѣ въ Оброшинѣ, архіепископомъ латинского обряда, Фердинандомъ съ Китки Китскимъ, на русскій приходъ въ Ряснѣ, послѣ пересенія тамошного пароха, Гавріила Кунцевича на приходъ въ Станимірѣ. Презентованный въ тôмъ актѣ Іоаннъ Федоровичъ, зовется »Seminarii Leopoliensis Alumnus, de vita honestate et morum probitate et scientia competenti litteris officiosis commendatus.**) Сверхъ того еще г. 1783, поступившій въ достоинство профессора на теологичнôмъ выдѣлѣ университета во Львовѣ, Игнатій Мартиновичъ, въ розсужденію своимъ, дедикованнôмъ тогдашному Львовскому епископу Бѣлянскому, подноситъ заслуги того епископа словами: „quod in erigendo cleri Tui seminario domestico subsidium ex propriis Suis praestas et educatos in theologia morali et pastorali scientiis ad curam animarum applices."

И въ Перемышли существовала въ тôмъ самôмъ времени якая-то семинарія. По крайной мѣрѣ преподаваемы были въ

*) Актъ той напечатанъ въ изданію: „Przegląd archeologiczny."

**) Презента тая издана 10 Мая г. 1782; заключати отже можно, що въ тôмъ времени существовала якая-то духовная семинарія во Львовѣ.

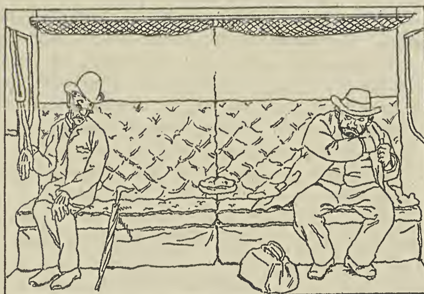
Перемышли для кандидатôвъ священнического званія, науки богословскіи Яковомъ Лапчинскимъ, етика же Игнатіемъ Витошинскимъ на основѣ учебникôвъ, ними составленныхъ. Тіи слушатели однакъ посѣщали лишь преподаванія въ семинаріи, удержовались же сами и обитали въ городѣ.

(Прод. посл.)

Исправленіе. Въ статіи сей въ „Новôмъ Галичанинѣ," на стор. 128. Ч. 11. стихъ 25, столбецъ 2-гій вмѣсто: которыи низложивши профессію театинскую, — должно быти: которыи не зложивши профессіи театинской.

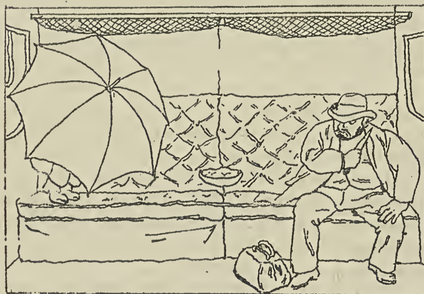
„ти струны изъ золота лучей солнечныхъ, хотѣлбы я розтягнути ихъ надъ „пространями океана и дугою изъ неба „обвити, а пѣснь мою нехай бы сопровождали въ тонахъ глубины морскіи, „вѣтры, птицы, цѣлая природа! Давленный изъ всѣхъ сторонъ, ты однакъ „свѣте славянскій, сильный и свѣжій; „за каждымъ твоимъ движеніемъ дрожитъ твôй отвѣчній ворогъ. Съ знаменемъ креста на прапорѣ, но духомъ „заборчивого хищника веденъ, той жестокій ворогъ розбышацкою рукою, роспиналъ народъ найчестнѣйшій на свѣтѣ. „Ритель на звѣздныхъ пространяхъ право „любви, котора владѣетъ свѣтомъ, а вы, „народы славянскіи, стали избранниками „неба. Неотрадною однакъ на землѣ „судьба избранникôвъ неба, Богъ ссылаетъ на нихъ искушенія, и до теперь „господствуетъ межи вами змія зависти „и ненависти. Выйдѣтъ изъ такого положенія, перейметъ ся мыслею, що единство „есть вашою цѣлью, единство живое и „согласное, запоручающое кождому изъ „васъ свободу. Нехай заяснѣетъ вамъ „солнце любви, покиньте ненависть, подайте собѣ взаимно руки а цѣлому

Страхъ маетъ великіи очи.
Исторія железнодорожная.

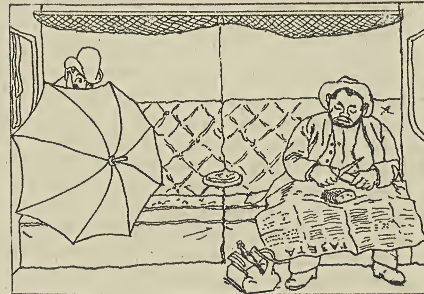


I

II



III



IV

Петръ Прерадовичъ.

(См. портретъ на ст. 137.)

„Голову склоняю передъ тобою, великій, могучій свѣте славянскій! Дрожу, щобы струны мои не порвались, „коли ихъ затрону, розогрѣтый блескомъ „твоего свѣтла. Щобы достойнымъ пѣніємъ тебе возвеличити, желалбы я ма-

„Ты однакъ, народе славянскій не ôтплачалъ местію, ты понималъ, що ты каменемъ граничнымъ межи свѣтомъ озареннымъ уже лучами Вѣры, а тымъ, „который еще темный, ты понималъ, що „ты долженъ розсыповати свѣтло дальше „на Востокъ и вѣрный своему посланничеству, ты грудью героичною защищалъ христіанство передъ нашествіемъ „варваризма. Но иное еще, важнѣйшое „предстоитъ тобѣ посланничество: неустранимыми буквами начерталъ Сотво-

„свѣту засвѣтите неизвѣстнымъ до теперь, блестательнымъ примѣромъ пребывающой въ васъ мысли любви, и „свѣтъ благодарный подверженъ будетъ „вашому свѣтлу а держава любви, предсказанная святыми книгами, завладѣетъ „на землѣ."

Такъ воспѣваетъ славянскую взаимную любовь хорватскій поетъ изъ добы общого славянского возрожденія. Петръ Прерадовичъ возлюбилъ предовсемъ и найгорячѣйше свою Хорватію, но

ПЛАНЪ НАРОДНОЙ ЧЕШСКОЙ выставки въ Празѣ.

I. Зданіе администраціи.
II. Почта, телефонъ.
III. Выставка искуства.
IV. Выставка ретроспективна.
V. Павилонъ краевой репрез.
VI. Павилонъ Праги.

(Прочіи части выставки означены на планѣ. — См. часть библіограф. нынѣшного нумера.)

Головный входъ. Цвѣтникъ. Оркестръ. Промышленная палата. Фонтана. Сельская хата. Огороды. „Соколъ“. Ставъ и рыбарство. Лѣсный отдѣлъ. Выдѣлки зъ желѣза. Господарскіи снаряды. Польное господарст. Воздушный шаръ. Оружіе. Электрика. Патенты. Промыслъ фабрич.

воображалъ собѣ ею не иначе, якъ любовью соединенную съ прочими вѣтвями южнославянского племени, а наконецъ обнималъ сердцемъ все Славянство, не прекращаючи николи своихъ мечтаній о любвѣ взаимной и согласію всѣхъ Славянъ.

Петръ Прерадовичъ принадлежитъ до группы далматинскихъ Иллирійцевъ. О иллирійскôмъ движенію литературнôмъ упоминали мы уже прежде, въ біографіяхъ Кукульевича-Сакчинского и Мажуранича. Иллиризмъ найшолъ тоже въ Дальматіи горячихъ приклонниковъ и явился могучимъ средствомъ къ отрожденію и розвитію народного сознанія. Задача и условія были тутъ подобныи якъ въ Хорватіи. Тогдашная литература должна была вести борьбу съ италіанскимъ вліяніемъ. Уже около года 1840 началась тутъ литературная дѣятельность; выступаютъ писатели Медо Пучичъ, Казначичъ, Валентичъ, Кузьманичъ и пр.

Однимъ изъ найбôльше популярныхъ писателей той добы является Петръ Прерадовичъ, которого стихотворенія и теперь еще зачисляются до найлучшихъ поетичныхъ произведеній въ хорватской литературѣ. Прерадовичъ, рожденъ г. 1818 въ Гравобницѣ (въ Пограничью), былъ въ двенадсятôмъ году жизни ôтданъ въ войсковую школу, послѣ поступилъ въ войсковую академію въ Нейштадтъ, где пробывши 8 лѣтъ, до той степени сжился съ новымъ свѣтомъ, що позабылъ даже въ части родную бесѣду. Милитаризмъ однакъ не погасилъ въ немъ поетичного духа, напротивъ, творческая сила розвинулась въ немъ блестательно. Зъ начала писалъ ôнъ удачныи стихотворенія въ нѣмецкôмъ языцѣ, доперва познакомившись лично съ Кокульевичемъ-Сакчинскимъ, вернулъ пôдъ его вліяніемъ на путь славянскую и ôтъ той поры писалъ уже лишь по хорватски. Любовь къ родимой сторонѣ возросла въ немъ еще за время четырехлѣтного побыта съ полкомъ въ Дальматіи. Года 1866 достигнулъ ôнъ степени генералъ-маіора. Скончался г. 1873 въ Фарафельдѣ.

Первыи его стихотворенія появивились въ журналѣ „Zora dalmatinska“ г. 1844, послѣ въ часописи Л. Гая, „Danica 1846.“ Тутъ уже витаетъ Прерадовичъ свѣтло, заблыснувшое на славянскôмъ небосклонѣ, витаетъ подвиги братей Чехôвъ, въ стихотворенію „Славянскіи пчелы“, ôтзывается дальше года 1850 до стремленій Русинôвъ, въ стихотворенію „До Русинôвъ“, упрекаетъ г. 1850 Полякôвъ за то, що суть ворогами Славянства и препятствуютъ согласію славянскихъ племенъ, сровниваетъ мадьярское племя съ темною мракою, явившоюся на горизонтѣ взаимного познанія Славянъ, подноситъ и враждебныи стремленія Нѣмцевъ въ ôтношенію ихъ къ дѣтямъ Славы. Самымъ могучимъ его произведеніемъ, въ которôмъ блестательными словами собралъ поетъ всѣ выраждавшіися въ немъ мысли о возлюбленнôмъ нимъ Славянствѣ, есть выше уже упомянутая его ода „Славянство“ изъ г. 1865.

Года 1846 издалъ Прерадовичъ сборникъ стихотвореній п. з. „Prvenci“, года 1851 въ Загребѣ „Nové Pjesme“, года же 1852 часть драматичного епоса „Kraljevic Marko.“ Многіи стихотворенія его розброшены по различныхъ журналахъ. Доперва года 1873 появилось полное собраніе его произведеній п. з. „P. Preradović. Pjesnicka djela. Izdana troskou naroda. Zahreb. 1873.“

Угорская Русь.

(Продолженіе.)

Слѣдовали бурныи времена мятежа Юрія II. Ракоція и Гавріила Бетленія. Тогды то разоренъ былъ до основанія монастырь Синайской горы (нынѣ Снинской) чина св. Василія В., тогды тоже, неизвѣстно однакожь которого года, спаслись бѣгствомъ въ Червоную Русь и иноки монастыря Краснобродского, можетъ быти, прогнаны или сами избѣгаючи гоненія ôтъ мятежниковъ, опустошавшихъ многократно тіи стороны. Такимъ способомъ монастырь сновь запустѣлъ, все же, чого монахи не успѣли унести съ собою, было розграблено. Отсутствіе монахôвъ въ Краснобродской обители продолжалось майже сто лѣтъ. Народъ однакожь не залишилъ, приходити толпами на тое святое мѣсто въ пропамятный день чудесного исцѣленія слѣпця. По тому нѣкоторыи изъ бѣлого духовенства, не маючи помѣщенія или надѣючись на бôльшіи доходы, самовластно съ своими семействами заняли монастырь и стали управляти его имѣніемъ якъ своею собственностію. Окрестныи селяне пользовались тоже случаемъ и грабили, що попалось изъ бывшихъ земель монастырскихъ. — Въ тоже время усилились крѣпче безпорядки и злоупотребленія относительно брачного союза, которыи, кажется, изъ давна уже были обычными на Угорщинѣ, такъ якъ еще 1552 г. Фердинандъ I. строго ихъ запрещалъ. Тіи безпорядки и злоупотребленія состояли въ тôмъ, що молодцы насильно хватали дѣвицы во время праздника, и приводили ихъ къ священнику, который сейчасъ ихъ вѣнчалъ. Коли же кто неговдовалъ или не былъ доведенъ своею сопругою, тогды приводилъ ею въ монастырь и тамъ священникъ, противъ правилъ, роввѣнчивалъ ихъ. Безнравственныи тіи злоупотребленія навели и на самъ монастырь жестокій ударъ.

Года 1708 урядъ наджупанскій для прекращенія выше упомянутыхъ злоупотребленій, прислалъ на праздникъ 50 гайдукôвъ, которыи розсѣялись межи многочисленно собраннымъ народомъ. Они начали наказывати похитителей и даже одного бôльше дерзкого, именемъ Ивана Гутика, хотѣли насильно принаресстовати. Тогды народъ возмутился, столпился и сталъ ихъ ругати, напирати и осыповати градомъ каменей. Гайдуки приневолены были, спасатися; они глядали прибѣжища въ монастыри, въ которôмъ и заперлись. Монастырь же былъ деревянный въ два поверхи, такъ, якъ его создалъ еще Валентинъ Другетъ. Тымъ однакъ возмущеніе не прекратилось, напротивъ, народъ огорченный сдѣлалъ якъ-бы осаду, кидалъ черезъ ôкна камни и що попалось въ руки, и даже приступомъ хотѣлъ вломитися въ него. Во виду такой опасности гайдуки начали употребляти стрѣльное оружіе и нѣсколько людей пало убитыхъ и раненныхъ. Тымъ розъяренный еще бôльше народъ, изъ другой стороны зданія, изъ которой осажденныи не ожидали приступа, подложилъ огонь и вдругъ пожаръ обнялъ все зданіе. Гайдуки мусѣли уступати, оружіемъ пробились они, хотяй не безъ потери, черезъ толпу народа въ церковь, где заперлись. Народъ узрѣвши пожаръ монастыря, ужаснулся и уже небезпокоилъ гайдукôвъ въ церквѣ, где они сохранились. Такъ монастырь сей по второрый разъ палъ жертвою огня.

Іосифъ Иванъ Годерморскій, заступникъ епископа Мукачевского, сожалѣючи тымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, исправилъ дѣло такимъ способомъ, що г. 1729 монастырь былъ изънова построенъ и уже 17. Юнія 1729 г. присланныи, за благословеніемъ Мукачевского епископа Юрія Генадія Бизанція, изъ монастыря Мукачевского монахи, поселились въ Краснобродскôмъ монастыри.

Въ смутахъ, якимъ подвержены были тіи стороны, имѣнія монастырскіи розграблено, древніи наданія потерялись, грамоты запропастились, память однакожь о нихъ живо сохранилась. По тому боговѣйная графиня Марія Вандернотъ рожденная Зичи, подражаючи, якъ сама выражается въ своей грамотѣ данной въ Гуменнôмъ 1756 г., ревность предкôвъ своихъ, именно же Другетôвъ, создавшихъ и надавшихъ монастырь и церковь Краснобродскіи, надѣлила той монастырь землями въ 36 моргôвъ.

Первая забота возвратившихся въ Краснобродъ монахôвъ была, построити церковь и монастырь изъ твердого матерьяла. Усердно взялися они за дѣло и уже 1752 г. окончили они постройку каменной церкви, которую того же года освятилъ епископъ Мукачевскій Емануилъ Ольшавскій. Года же 1759, положе-

но основаніе монастыря, которого постройка въ нѣсколько годахъ была тоже окончена. Не долго однакъ монастырь сей наслаждался мирнымъ владѣніемъ своего имѣнія, надѣленного ему графинею Вандернотъ. Новый владѣтель Чабинъ и Красноброда, графъ Владиславъ Сирмай призналъ 1785 г. монастырскіи земли своею собственностію и требовалъ десятины изъ всѣхъ посѣлостей монастырскихъ. Монахи, навѣрно не будучи въ состоянію, спорити съ могучимъ магнатомъ, покорились и давали требуемую дань. Но по его кончинѣ съ бôльшою жестокостію наступила на монастырь сопруга его Аполонія. Она не удовольствовалась уже десятиною, но требовала ôтнятія у монастыря всей его земли; такого требованія монахи уже приняти не хотѣли. Дѣло прійшло въ судъ, процесъ длился долго, въ конецъ отнайденная грамота графини Вандернотъ убѣдила и противникôвъ о правахъ монастыря на его земли, вслѣдствіе чого заключенъ былъ 1811 г. мирный договоръ, которымъ признано за монастыремъ 36 моргôвъ земли по наданію графини Вандернотъ.

Съ того времени по нынѣ монастырь Краснобродскій не былъ уже помѣшанъ въ мирнôмъ владѣнію своего имѣнія. Напротивъ, имѣніе тое убôльшилось; на засѣданію наслѣдникôвъ имѣнія графôвъ Чакилъ, которымъ принадлежала въ послѣдніи времена бôльшая часть долины Ляборской, держаннôмъ 1842 г. рѣшено, надѣлити монастырь бôльшими земельными добрами. Тое надѣленіе землею было удовлетвореніемъ за долгъ, затянутый у монастыря управителемъ фиденкомиса г. Иваномъ Сирмаемъ и выносящій майже 2000 злр.

Альбумъ
арх. библ. выставки Ставр. Инст.
П. П.

(Продолженіе).

Денисъ Вѣнява изъ Зубрицы Зубрицкій родился 1777 г. въ Батятычахъ, селѣ Жолковского округа, где его отецъ былъ посессоромъ. Послѣ первоначального домащного приготовленія началъ ôнъ обученіе свое во Львовѣ, где кончилъ г. 1790 нормальныи, года же 1795 гимназіальныи кляссы съ отличнымъ успѣхомъ. Дальшіи студіи пополнилъ приватно. — Еще будучи въ IV. отдѣлѣ гимн., ôнъ принятый былъ до розсмотрѣнія древнихъ актôвъ городскихъ и земскихъ, сложенныхъ въ архивѣ у Бернардинôвъ, и пôдъ руководствомъ начальства помагалъ регестровати тіи-же акты.

Послѣ окончення студій сталъ ôнъ чиновникомъ магистрата въ Березовѣ, и тутъ отличаючись прилѣжностію и дѣятельностію, поступилъ на степень городского сидника. Позднѣйше занималъ мѣсто юстиціарія въ Перемышльскôмъ и другихъ округахъ. Въ тôмъ чинѣ якъ и прежде часто избираемый былъ судомъ въ мужи довѣрительныи при розличныхъ спорахъ. Назначенъ послѣ куратором имѣнія малолѣтнихъ дѣтей графа Пининского, привелъ розстроенное имѣніе въ ладъ, завелъ образцевую економику въ господарствѣ и ôтдалъ возросшимъ премникамъ покойного графа, добра очищенныи ôтъ долгôвъ и въ цвѣтущôмъ состоянію. За тую безкорыстную старательность, получилъ въ надгороду ôтъ фамиліи село въ дожизненное владѣніе.*) Тутъ осѣлъ ôнъ съ своею сопругою, заводилъ у себе образцевую господарку, читалъ сочиненія о раціональнôмъ господарствѣ и старался вводити въ практику. Но болѣзнь сопруги его приневолила, года 1820 оставити ôтдаленное ôтъ лѣкарей село и переселитись въ бôльшій городъ. Ôнъ ôтпродалъ свое недвижимое имущество и купилъ домъ во Львовѣ на площади Бернардинской.

Не хотѣлъ однакъ розстатись съ сельскимъ господарствомъ и по той причинѣ нанялъ откупомъ у львовского магистрата приселокъ коло Львова, Сегеновку, но при болѣзни сопруги неуспѣшно велась ему господарка. По смерти сопруги ôтдался Зубрицкій совсемъ воспитанію троихъ своихъ дѣтей, сына Альбина и двохъ дочерей, Агнеты и Станиславы. Сынъ кончилъ юридическіи студіи и сталъ полковымъ авдиторомъ.

Года 1840 продалъ Зубрицкій свôй домъ и купилъ другій на высшой армянской улицѣ.

Зубрицкій еще въ г. 1809—1812 принялъ должность переводчика при судѣ краевôмъ. Года 1839 вступилъ въ члены Ставропигійского Института. По смерти сына подарилъ одну часть своей библіотеки г. 1832 университету, другую часть подарилъ Ставропигійскому Институту. Яко членъ выдѣла улучшилъ дѣла типографіи Ставропигійской, розсмотрѣлъ тоже весь богатый архивъ института, ввелъ въ порядокъ и списалъ его.

Зубрицкій писалъ зъ начала свои статьи въ языкахъ польскôмъ и нѣмецкôмъ. Перебываючи еще въ Перемышли писалъ ôнъ до тогдашнихъ польскихъ журналôвъ статьи, ôтносящіися преимущественно къ земледѣлію и политической економіи, а именно: „O ziemiakach“ (Rozmaitości Lwowskie 1819), »Maxymy z Aureliusza“ (Тамъ-же 1820), „O cenie zboża w Galicyi i billu zbożowym w Anglii.“ (Тамъ-же 1821). Прежде, чимъ появились польскіи агрономы, ôнъ студіовалъ Тера и Бургера, и самъ перевелъ и издалъ нѣкоторыи сочиненія въ польскôмъ языцѣ: „Jana Burgera. Agronomia. z niemieckiego przez D. Z-go. Przemyśl druk Jana Gołębiowskiego 1821;“ потомъ передѣлалъ то розсужденіе и издалъ пôдъ заглавіемъ: »Jana Burgera, Nauka ekonomii, z niemieckiego przełożona przez D. Zubrzyckiego. T. I. O agronomii. We Lwowie, nakładem i drukiem Jana Pillera, 1822.“ Кромѣ того появились изъ печати: „O uprawie koniczyny, rada dla pospolitego rolnika, przez D. Zubr. We Lwowie wyciśnięta u Józefa J. Pillera 1821;“ »A. Tedeschi. Nauka robienia i ustawiania tak zwanych Tholardowskich konduktorów słomianych od piorunów i gradu, przez D. Zub. przełoż. z ryciną litografowaną. We Lwowie, drukiem Pillerowskim. 1825«; „Uprawa lnu, rzecz dla galicyjskich gospodarzy. Lwów 1829.«

Съ г. 1829, коли Зубрицкій вступилъ въ члены Ставропигійского Института, началъ ôнъ заниматись всемъ, що ôтносилось до исторіи и быта Руси, къ которому обороту причину дало короткое знакомство съ актами Ставропигійскими. Пытливому его взору отворился новый свѣтъ, и Зубрицкій теперь началъ близше розсматривати древній Ставр. архивъ. Вникнувши въ древность родной исторіи, Зубрицкій не залишилъ подавати извѣстіе и современному свѣту дома и за границею отечества, знаючи, що тымъ поощритъ найлучше своихъ. Года 1830 написалъ статью: »Die griechisch kath. Stauropigiankirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut« въ журналѣ »Neuestes Archiv für Gesch., Staatenkunde, Literatur und Kunst. Wien. 1830. N. 77.“ Туюжь статью подалъ ôнъ тоже въ часописи „Rozmaitości Lwowskie, 1831, стр. 37, 39, 44, 46.“

Года 1836 издалъ Зубрицкій важное сочиненіе, пополняющое библіографическіи сочиненія Бандтке, І. Лелевеля, Сопикова и Строева, п. з. „Historyczne badania o drukarniach Rusko-Słowiańskich w Galicyi przez D. Zubrzyckiego. Lwów, w Druk. Stawr. 1846.“ Сочиненіе то посвящено было крыл. Михаила Гарасевичу-Нейштернъ. Тутъ, ровно якъ и въ выше реченной статьи, первый Зубрицкій представилъ въ яснôмъ свѣтлѣ дѣятельность Ставропигіи въ пользу вѣры и народа русского и его просвѣщенія. По смерти Михаила Гарасевича, написалъ Зубрицкій: „Nekrolog des Hochg. und Hochwürdigsten H. Mich. Harasiewicz, Freiherrn von Neustern. Wien 1836, bei E v. Gelenschen Erben (aus der Wiener-Zeitung)«; некрологъ появился тоже въ переводѣ польскôмъ.

Слѣдуетъ поднести, що еще въ лѣтахъ 1821—1823 Зубрицкій писалъ въ тогдашнихъ альманахахъ статьи о красотѣ и значенію народныхъ пѣсней.

Добравшись разъ до исторіи, трудился дальше и безпрерывно въ той

---

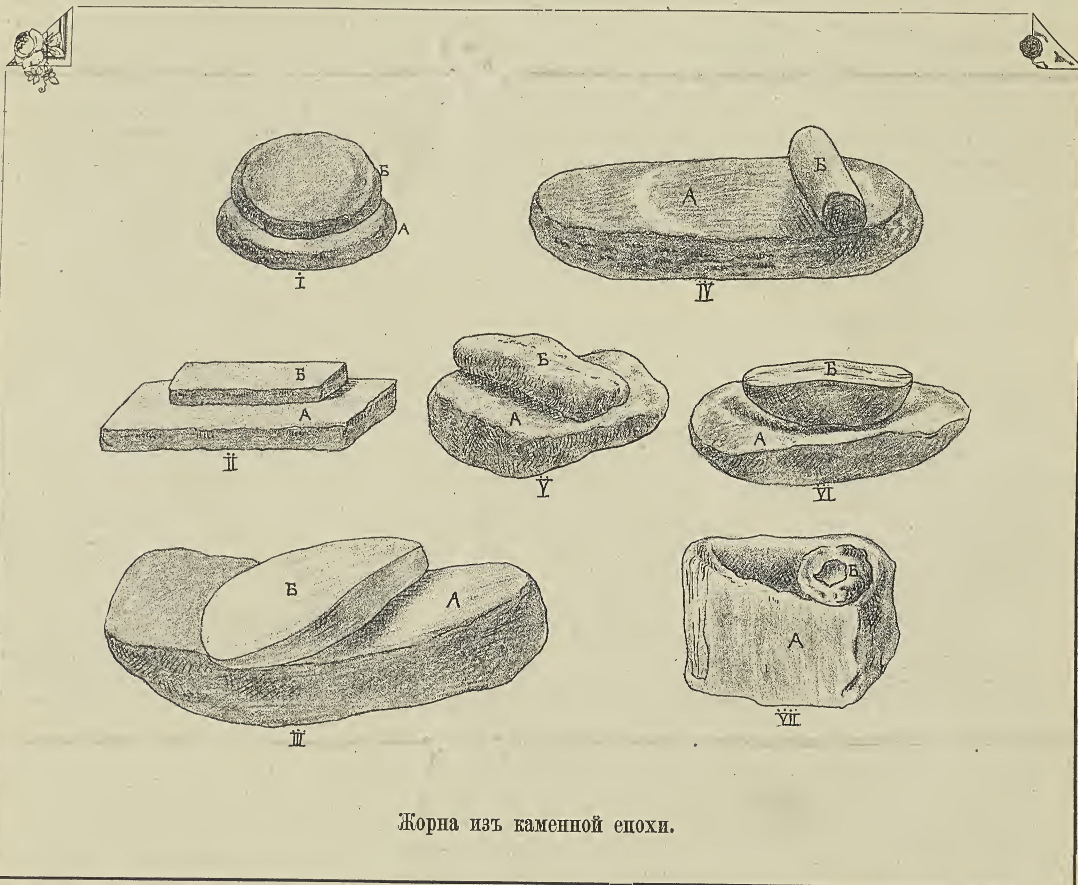
*) „Слово“ г. 1862.

области. Года 1837 появился его трудъ: »Rys do historyi Narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnéj w temże królestwie. Zeszyt I. Zaprowadzenie chrześciaństwa na Rusi aż do opanowania Rusi Czerwonéj przez Kazimierza W. Od r. 983 do 1340. Lwów, 1837.“ Авторъ роздѣлилъ трудъ на пять періодôвъ и намѣрялъ издати въ слѣдующихъ пяти отдѣленіяхъ: 1) Ôтъ г. 988—1340. 2) Русь Червоная пôдъ владѣніемъ королей польскихъ (1340—1596). 3) Русь Червоная ôтъ начала заведенія уніи до ей утвержденія (1596—1707). 4) Русь Червоная до ревиндикаціи Галичины (1707 1772.) 5) Русь пôдъ австрійскимъ правленіемъ. — Зубрицкій посвятилъ то сочиненіе митрополиту Михаилу Левицкому. Выйшолъ однакъ лишь первый выпускъ, вѣроятно по причинѣ препятствій, ставляемыхъ цензурою.

Въ то время собралъ Зубрицкій Альбумъ собственноручныхъ подписей славныхъ мужей польскихъ и русскихъ съ прибавленіемъ біографическихъ очеркôвъ. Альбумъ хотѣлъ ôнъ посвятити тогдашному президенту барону Кригу съ Гохфельденъ, длятого прибавилъ къ польскому тексту нѣмецкій переводъ. Но баронъ не принялъ посвященія, сказавши: „теперь не пора, возобновляти отжившую старину.“ Долголѣтнимъ трудомъ собранныи древніи акты, касающіися исторіи Галичины, собралъ ôнъ, и списавши въ два великіи томы, предложилъ чинамъ гор. Галиціи и Лодомеріи для напечатанія, пôдъ заглавіемъ „Codex diplomaticus Galiciensis.“ Получилъ однакъ на то отвѣтъ, що сочиненіе важное, но що нѣтъ фонда для напечатанія такъ пространного сочиненія. — Оставали однакъ въ сношеніяхъ съ Зубрицкимъ славянскіи ученыи якъ: В. Мацѣевскій, Дзялынскій, Ганка, Шафарживъ, Максимовичъ, Погодинъ, Дубровскій и пр.

Года 1843 возвалъ его львовскій магистратъ къ розсмотрѣнію и приведенію зъ ладъ магистратского древного архива. Зубрицкій принялся яко знатокъ за дѣло, розсмотрѣлъ акты, списалъ и ввелъ въ порядокъ. Плодомъ того труда есть „Kronika Lwowa“, о которой мы уже выше упоминали. Еще прежде появились сочиненія Зубрицкого, напечатаны въ Петербурзѣ, Москвѣ и въ Кіевѣ. Археол. комиссія, именовавшая его своимъ членомъ-корресп., напечатала многіи грамоты и другіи статьи въ актахъ западной Россіи, съ примѣчаніями. Дальше появились переводы: „О типографіяхъ рус. сл. въ Галиціи“ въ „Журн. мин. прос. 1838“, „Критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкого, пер. съ польскаго О. Бодянского, Москва 1845“, „Начало Уніи“ и другіи статьи въ чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древ. росс. 1847—1148.

Кромѣ прежде наведенныхъ статьей напечатаны были нѣкоторыи розсужденія Зубрицкого на нѣмецкôмъ языцѣ въ „Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft, Leipzig«, межи иными: „О перемѣненію народности“, и „О еврейскôмъ народоселенію въ царствѣ польскôмъ“. Отдѣльно издалъ брошуру »Gränzen zwischen der russischen und pol-



Жорна изъ каменной епохи.

nischen Nation in Galizien v. D Z. Lemberg 1848“ и то же въ польскôмъ языцѣ. »Granice między polskim i ruskim narodem w Galicyi.«

Институтъ польскій имени Оссолинскихъ избралъ его членомъ комитета, занимающогося издаваніемъ словаря Сам. Линде. Еще г. 1842 получилъ ôнъ дипломъ члена-корреспондента археографической комиссіи въ Петербурзѣ, г. 1844 призванъ въ почетныи члены Кіевской временной комиссіи для розбора древнихъ актôвъ, года 1846 назначенъ поч. членомъ Имп. Общества Исторіи и Древн. Росс. въ Москвѣ, наконецъ г. 1855 избрала его Имп. Академія наукъ своимъ членомъ.

Яко старикъ уже забрался Зубрицкій писати „Исторію Галицкую,“ къ которой матерьялъ собиралъ ôтъ долшого времени.

Зубрицкій скончался 3-го Январія г. 1862.

(Прод. посл.)

Дѣти Гаймона.

и

Партизантъ.

Новелля на тлѣ событій г. 1848.

(Конецъ.)

Сумно стало на дворѣ дѣдича въ Смеречнôмъ. Все тамъ смѣнилось.

День передъ смертію Гаймона вернулъ дѣдичъ, толстый бывшій капитанъ гвардіи, изъ угорской револьты. По маршу ôнъ спалъ твердо; но тутъ же надъ раномъ малъ ôнъ въ снѣ видѣніе. Сова выколювала ему очи, изъ совы стался гробарь, живцемъ закоповалъ дѣдича а за гробаремъ поломѣнь... Съ свѣтломъ въ руцѣ, въ ночной одежи, выйшолъ ôнъ пробудившись ôтъ тяжкого сну, на темный коридоръ. Тамъ сидѣлъ еще тогды затворенъ Гаймонъ. Дѣдичъ ключемъ отворилъ комнату.

„Иди... скорше иди...“ выстогналъ дѣдичъ ожидаючи выходу Гаймона. И выйшолъ Гаймонъ; волосъ у него розвѣянный, очи божевольныи.

„Иди!“ сказалъ еще разъ дѣдичъ.

Божевольно смѣючись уйшолъ Гаймонъ и такъ выйшовши бѣгъ по поляхъ, безмысленно, бѣшенно гналъ по горахъ, такъ же бѣшенно розбивалъ толпу въ мѣстѣ.

Но дѣдичъ не ложился вже спати. Вернувши въ свою спальню ôнъ положилъ свѣщу и упалъ на фотель. И не спочивалъ ôнъ спокойно. Ôнъ чулъ приближающуюся руину. Его добра и дворъ были совсемъ упалыи; иныи руки ждали лишь, щобы изъ забрати. И дѣдичъ, который недавно еще видѣлъ выжину радости въ грошахъ, зачеркнутыхъ ôтъ жида, и въ винѣ, вялымъ окомъ точилъ теперь по комнатѣ, котора незадолго мала статись для него совершенно чужою.

До двора тогожь рана сближились двѣ особы. Одна высока въ долгôмъ халатѣ, погрѣшной чапочцѣ на головѣ, съ завиванною бородою и вязанкою кукурузы на плечахъ, то Шлойма. Друга низка, руда, съ червонымъ вырыванным заростомъ. То Харонъ, жидъ изъ надсянской корчмы. Они вступали черезъ браму, но не уклончиво якъ передъ тымъ, не снимали ярмурокъ, лишь дерзко оглядали розваленную браму и негодовали на такіи непорядки въ дворѣ.

Оба жиды войшли въ спалню дѣдича. Они склонились низко до самой земли.

„Ай“ началъ Шлойма, покручуючи пейса „панъ дѣдичъ ранній пташокъ. Такъ рано встали! то тобы зъ пана дѣдича економъ былъ, що такъ рано встаетъ. Но що? Я и забылъ. Таже то капитанъ, ай, ай, славный панъ капитанъ! Я и не знаю, якъ ôтплатитись капитану за той обѣдъ тамъ на рогачцѣ въ Перемышли, чи памятаютъ, за тую шинку. И я благодарный буду, бо благодарность то обовязокъ человѣка. Отже якбы капитанъ не мали нынѣ, коли именно уступаютъ изъ двора, ôтдаючи дворъ и цѣлое добро за долги отъ тому тутъ моему сроднику а сыну рабина городецкого,— якбы нынѣ не мали панъ капитанъ сейчасъ пôдъ рукою доброго обѣда, то вже жена моего сродника постараeтся тамъ о якое Шолетъ съ логазами, чесникомъ и даррефлейшомъ, а можетъ быти и Пенецликъ или Кугли съ толстымъ мясомъ, или Креесъ, ну наконецъ вже и надѣванная шійка гусья съ утробою...“

Рано того же дня не было вже дѣдича бôльше въ дворѣ. Тамъ загосподаровались иныи властители. Съ молчаніемъ выйшолъ бывшій дѣдичъ Смеречного съ одною лишь лѣскою изъ двора и переходилъ по при пустки надъ Сяномъ. Изъ мѣста вертали вже люде. Нѣсколько мужиковъ стало коло него.

„Отъ, душу ты неповинну запропастилъ, Гаймонъ мертвый!“ казали они до него, хитаючи головами и поступаючи дальше.

„Мертвый?“

Дѣдичъ липнулъ очима на Гаймонову хату, передъ которою стояла телѣга.

„Мертвый? Тымъ лучше, теперь тамъ и наслѣдіе для мене по Гаймонѣ.“

Ôнъ припрягъ старого коня до телѣги и взялъ бичъ.

„То мое наслѣдіе.“ —

По монотонныхъ дорогахъ широкого Подолья тягнулся нѣсколько дней послѣ того лахатый мазярь, торговцикъ мази, тягнулся съ старымъ конемъ, полатанною телѣгою и чорною бочкою наполненною мазьянымъ плыномъ. Фіолетовая краска его лица не дуже и жахалась лахатой одежи. Бывшій капитанъ гвардіи и дѣдичъ Смеречного переливалъ теперь не вино Шамародное ни Дукельское, но дегтъ и мазь для подольскихъ мужиковъ и корчмарей.

Пусто и на перемышльской рогачцѣ. Не звучитъ вже марсиліанка, не бакхантуетъ бôльше гвардія. И слѣды за нею протрачены.

Въ цѣлой Галичинѣ слѣдовалъ споротъ. Гвардія польска остала розвязана. Тайныи общества для услугъ будущой републики были выкриты и обезсилены. Таяже судьба постигла и тайный союзъ рукодѣльниковъ пôдъ прапоромъ Госляра. Послѣдній погибъ на шибеницѣ, а вторый предводитель попалъ въ крѣпость Спильберга и тамже сконалъ. И извѣстная историчная дама Анна Рожицка, дочь генерала Самуеля Рожицкого, погибла тоже на Спильбергу. Лишь емиссарій Госляра, мужчина въ шкотскôмъ жакетѣ и лякерованныхъ чоботахъ, смѣнилъ имя, прибралъ иную внѣшность и въ далекôмъ затишью межи Ясліскими лѣсами заложилъ при дорозѣ гостинницю, вывѣсивши мѣсто червоного прапора, — смерековую вѣху.

IV.

Проминуло нѣсколько лѣтъ. Такъ, якъ стрѣлецъ, що видѣлъ кровь сокола на снѣгу, зажелалъ жены о лицѣ бѣлôмъ якъ снѣгъ а червонôмъ якъ кровь, такъ, кажетъ преданіе народное, и матерь узрѣвши кровь голуба спадающую на бѣлый мраморъ, выродила въ собѣ желаніе, получити дитя бѣлое якъ мраморъ а червоное, якъ кровь голуба.

И ей желаніе сполнилось. Осчастливленна цѣлуетъ страстно Сидонія свое дитя, сына въ колыбели, а еще страстнѣйше цѣлуетъ женочіи уста Евтимъ и съ любовью скланяется надъ колыбелею своего сына.

„Нѣтъ“ говорилъ Евтимъ свертаючись до матери своей, Явдохи „не иную пѣснь спѣвайте надъ вашимъ внукомъ а моимъ сыномъ, не иную пѣснь, но ту саму, котору надомною вы спѣвали, тую тужливую, молящую пѣснь свободы...“

И Явдоха спѣвала пѣснь родову, пѣснь, що по преданію изъ устъ до устъ переходила и заховивалась въ роднѣ якъ сокровище.

„Ба! пѣснь свободы ему спѣвати,“ шутилъ парохъ Дуновичъ вызираючи изъ за газеты „не треба и того. Кто зъ Гаймонôвъ, тому сама она внадится.“

„Горджусь тымъ родомъ“ отвѣтилъ Евтимъ „и я теперь счастливъ: бо я излѣченъ Совершенно излѣченъ. Я на правой дорозѣ теперь. Вы правду казали, до свободы идется правою дорогою. Ôтъ того памятного дня я излѣченъ.“

Еще нѣкоторое смѣнилось въ родинѣ Гаймона. Хмарникъ Яковъ побудовался на старой батьковщинѣ и началъ газдовати, а его сынъ Трофимко ôтзначается вже въ селѣ найбôльшою силою. — Лишь Ванько, промовикъ, осталъ при давнôмъ. Ôнъ на сушу не хотѣлъ ити. На водѣ лишь для него житье. И то не гдеинде лишь на Сяну. На Днѣстрѣ горъ и паровôвъ нѣтъ, а Черемошъ за порывистый. Лишь Сянъ плыветъ гардо якъ гардая дѣва. То и дѣло же, що съ улюбленною дѣвою ніякъ не доберешься до кôнця; всегда будьто задается. Часами спламенитъ и спѣваетъ: „Такійсь гарный и моторный, — Тай любити знаешь, — Тôлько лише доганочки, — Що жены не маешь.“ Зачепи же за то, щобы стала женою, а она — смѣется и сновь спѣваетъ: „Ой тамъ въ поли двѣ тополи, — Третья зелененька, — Не буду ся ôтдавати, — Бомъ ще молоденька.“

* * *

Въ одно горячое лѣто выбрался Евтимъ за дѣлами на Подолье. Переѣхавши долгую одностайную дорогу, пристанулъ коло одной подольской корчмы, стоящой одиноко середъ далекой ровнины. Передъ корчмою цѣла обора была заставлена. Однакъ не были то ни сбожевыи господарскіи возы, ни фурманки еврейскіи, но переѣздныи возы съ ôкнами и крашенными стѣнами; туда переѣзжала нѣмецкая театральная труппа, одна зъ тыхъ, которыхъ въ то время бôльшое число пребывало въ Галичинѣ переселяючись изъ мѣста до мѣсточка. — Нѣсколько оголенныхъ лицъ стояло при возахъ а межи ними ôтзначался широкоплечій режиссеръ.

Евтимъ переходилъ мимо одного воза и поднесъ очи въ гору. Ôнъ наступилъ на камень, а таки дальше не пôйшолъ, лишь снова поглянулъ въ ôкно воза. Тамъ вызирала женщина, полна, роскошна, о чорныхъ бровахъ, чорныхъ волнистыхъ льоконахъ, поглядаючи зъ горы своими въ душу проникающими очима. Нѣжный пѣговый тейнтъ не сникъ еще пôдъ сценичною шминкою.

Дама легко вскрикнула, но потомъ спокойна, якъ статуа, приблизилась еще бôльше до ôкна. До воза прибѣгъ мальчикъ о бѣлыхъ кучеряхъ.

„Венцличекъ“ говорила дама до мальчика „привитай того гостя; ôнъ былъ другомъ твоего отця.“ (Венцличекъ былъ сынъ Елизы.)

„Такъ, други мы были оба“ сказалъ Евтимъ, рисуючи лѣскою по пѣску „но въ немъ сильнѣйша была любовь до дѣвы, чимъ дружество.“

„Не осуджайте Больского“ говорила Елиза „я сломила слово любви, которое я вамъ дала. Но судьба хотѣла, щобы миртовый вѣнецъ случилъ мене не съ вами лишь съ Больскимъ... а однакъ... (она понизила взоръ)... однакъ держу я вашъ листъ изъ барикадъ... Я сломила слово, но моя любовь перва не сломилась...“

Дама сникла; за ôкно запала рулета.

Елиза по ночи праздничной у пароха, видѣвши Евтима ôтданного цѣло Сидоніи, перлѣ карпатскихъ горъ, попала въ женскій жаль, который иначе называется завистію. И она выплаковала чорныи очка и ломила бѣлыи ручки, однакъ чого не затираетъ время! Она кинула минувшость и стала женою режисера а разомъ и сценичною актрисою. Кажутъ, идолъ Триглавъ удѣлилъ ей своего золототканного покрова на закрываніе внутренныхъ чувствъ и волненій.

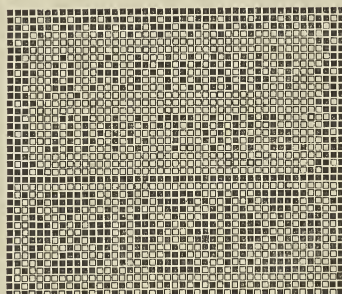
* * *

„Высоко въ лѣсѣ середъ отвѣчныхъ смерекъ и поваленныхъ ялицъ стоитъ на зеленôмъ верху крестъ зъ дубовыхъ палей, а пôдъ крестомъ виднѣетъ надпись: „За свободу. Дѣти Гаймона.“

Старинныи жорна.

(См. изобр. на стор. 144.)

Въ музею „Народного Дома“ во Львовѣ сохраняется одинъ примѣрникъ старинныхъ жорнъ (на изобр. Н. 5), найденъ на галицкой области; при тôмъ случаю поданы на изображенію иныи того рода примѣрники, найденныи въ розличныхъ сторонахъ Европы. Подробнѣйшое объясненіе будетъ подано нашимъ изслѣдователемъ, крыл. Антоніемъ Петрушевичемъ, въ слѣдующôмъ нумерѣ „Нового Галичанина.“



Историческіи женщини на Руси.

II. ГАЛЬШКА ЗЪ ОСТРОГА. — Одною изъ найбôльше популярныхъ женщинъ на Руси есть несчастная Гальшка княгиня Острожская, котора при своей необыкновенной красѣ и честнотѣ прожила цѣлый свôй вѣкъ въ недоли и въ неволи. Вообще минувшость родины Острожскихъ представляетъ для историка отрадное явленіе. Народъ ôтносился до Острожскихъ съ чрезвычайною любовью и привязанностію; народныи преданія величаютъ не лишь честноты, якими ôтзначался той славный русскій родъ, но воспѣваетъ тоже подвиги героевъ, якими родина Острожскихъ можетъ повеличатись. Тутъ предовсемъ выступаетъ ярко стать Константина Острожского, героя майже безпримѣрного, который изъ численныхъ своихъ подвигôвъ всегда выходилъ побѣдоносно.

Родъ Острожскихъ походилъ ôтъ Романа Мстиславича, князя Волынского, которого внукъ, а сынъ Василька, Даніилъ, былъ первымъ княземъ Острога. Федоръ, внукъ Даніила, непріятель Польщи, былъ первымъ въ той родинѣ, который принесъ славу имени Острожскихъ. Отцемъ Гальшки былъ Илія, который года 1539 одружился былъ въ Краковѣ съ Беатою, дочерью Андрея Костелецкого; Беата слыла тоже чрезвычайною красою.

Князь Илія занедужалъ однакъ вскорѣ и умираючи роспорядилъ своимъ имѣньемъ, изъ которого бôльшая часть припала для оставшойся жены вдовицы и дочери Гальшки. Беата стало осѣла теперь въ замку въ Острозѣ, и тутъ воспитовалась Гальшка до года 1553. Краса Гальшки плѣняла всѣхъ юныхъ князей, которы лишь мали случайность, ею побачити. Тринадсятый годъ жизни заледво кончила, а уже выступили убѣгатели-женихи. Заходился много коло дѣла Мартинъ Зборовскій, сынъ воеводы Калишского дальше Николай Мѣлецкій, воеводичъ подольскій, и Дмитрій Вишневецкій. Всѣ они шли розличными дорогами къ своей цѣли. Высылали то сродникôвъ, то знакомыхъ, то вліятельныи лица, и началось соперничество.

Вскорѣ выступилъ тамъ новый женихъ, который, сдавалось найскорше добьется руки Гальшки. Тымъ убѣгателемъ былъ князь Димитрій Сангушко, староста Черкасскій и Каневскій тоже изъ славного русского рода, що зналъ такожь побивати ворогôвъ. Изъ Украинныхъ своихъ староствъ приѣзжалъ ôнъ часто на добра Волынскіи, ôтновилъ знакомство съ родиною Острожскихъ и Гальшка плѣнила его тоже.

Ей мати Беата согласилась на его предложеніе. Узналъ однакъ о тôмъ король и написалъ листъ къ Беатѣ, шо избралъ для Гальшки иного жениха. Теперь Беата ôтказала и Сангушцѣ. То розъярило ôткиненного княза и ôнъ рѣшилъ силою взяти Гальшку. По его сторонѣ былъ сродникъ Гальшки, Василь Острожскій и съ нимъ выбрался Сангушко въ Острогъ — оба съ збройною дружиною.

Впередъ еще извѣстилъ Беату, що хочетъ у ней быти гостемъ. И Беата, не надѣючись ничого, приняла его. Сангуш-

ко съ дружиною въѣхалъ въ замковую площадь и вступилъ въ комнату княжны. Въ хвилю однакъ, коли витался яко сродникъ съ Беатою, замѣтила Беата черезъ замковое окно, що къ замку сближается тоже Василь Острожскій и то не самъ а съ дружиною. Теперь догадалась она, на що тутъ заносится и приказала своей дружинѣ, поднести сводный мостъ и замкнути замковую браму.

Тымчасомъ дружина спѣшно перейшла мостъ и въ брамѣ началась кровавая борьба межи дружиною Беаты и Острожского. Послѣдній побѣдилъ и войшолъ въ замокъ. Скрылась теперь Беата съ Гальшкою въ ôтдаленныхъ комнатахъ, но ихъ ôтнайшли и привели передъ наѣздникôвъ. Беата сомлѣла на видъ такого насилія, Острожскій же взялъ силою руку Гальшки и передалъ ею Сангушцѣ. „Ôтдаю тобѣ Гальшку“ казалъ, „я маю власть на то яко ей стрый.“

Тогожь дня — все то сбылось уже пôдъ вечеръ — завели Гальшку передъ престолъ и приневолили пресвитера, свѣнчати ею съ княземъ Сангушкомъ; Гальшка передъ престоломъ не отвѣчала, лишь въ слезахъ розплывалась, вмѣсто ей однакъ отвѣчалъ Острожскій и послѣ такого вѣнчанія, войшли гости въ свадебную комнату, где Острожскій поставилъ богатый столъ. Въ хвилю, коли мати Беата изъ жалю млѣла, рыдала и проклинала наѣздникôвъ, завелъ Сангушко Гальшку въ свою комнату.

Такое дѣло мусѣло получити ôтплату. Нѣкоторыи изъ родины и знакомыи взяли женщинъ въ защиту. Предовсемъ Зборовскій. Вѣсть дойшла о всемъ и до короля и той приказалъ вернути Гальшку матери, поки справа не розсудится на зъѣздѣ, назначеннôмъ королемъ въ Книшинѣ.

Всѣ съ любопытностію ожидали рѣшенія того дѣла на зъѣздѣ. Тутъ въ первыхъ выступилъ Чарнковскій, упрошенный защитникъ Беаты и представилъ зъѣзду цѣлый нападъ, розбой и насиліе, нанесенное женщинѣ. „Такоюжь то свобода въ Польщи!“ говорилъ ôнъ, „свобода, которою передъ свѣтомъ величаемся! Несчастьемъ нашимъ — свобода въ Польщи, въ которой такъ цвѣтетъ безправіе и сваволя!“ Такъ говорилъ Чарнковскій, но и защитникъ князей, Одаховскій далъ цѣлой справѣ иный видъ. Наконецъ сенаторы признали обохъ наѣздникôвъ-князей виноватыми. Король засудилъ Сангушка на утрату чести, всего имѣнія, а въ послѣдствію на кару смерти.

Скоро взялись сенаторы до сполненія той кары. Сангушко однакъ, дознавшись о такôмъ засудѣ, рѣшилъ за всякую цѣну задержати Гальшку при собѣ. Ôнъ утялъ ей косы, одѣлъ ею въ мужескую одежь и на селянскôмъ возѣ пустился съ такъ переодѣтою Гальшкою тайкомъ за границю. Такъ переѣхалъ ôнъ границю польско-моравскую и тутъ свободнѣйше уже стремилъ до замку въ Рудницѣ, щобы тамъ скрытись. По дорозѣ вступалъ ôнъ на ночлегъ до мѣстъ и мѣсточокъ.

Не дармовали однакъ и противники его. Они пустились съ дружиною догоняти Сангушка. Выѣхалъ Мартинъ Зборовскій съ сыномъ, Костелецкіи, сродники Беаты, Гурки, изъ межи всѣхъ же на передѣ былъ Зборовскій. Сангушко съ Гальшкою прибыли наконецъ на чешской землѣ въ мѣсточко Лысу и пристанули тутъ въ гостиницѣ Лива. Сангушко тутъ чувствовался безпечнымъ. Въ той же день ôтбывалась въ той гостиницѣ свадьба. Изъ окрестности было много гостей. Танецъ ишолъ охочо; и Сангушко, лишивши Гальшку въ горѣшнихъ комнатахъ, сойшолъ въ гостиницю, и началъ тутъ съ гостьми пировати. Ôнъ наконецъ пустился и въ танецъ съ одною селянкою. Поздно въ ночи розойшлись гости а Сангушко удалился въ свою комнату.

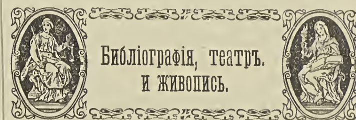
Тымчасомъ Зборовскій уже добѣгъ до мѣсточка Нимбурга, ôтдаленного лишь о двѣ мили ôтъ Лысы. Ôтъ шинкаря Мышлека дознался ôнъ точно, где перебываетъ Сангушко и въ сопроводѣ вôйта Нимбургского, Кухты, тогожь вечера направился въ Лысу. Тутъ представилъ дѣло старостѣ замковому, Вахтелю и той согласился на пойманіе Сангушка.

Свѣтло дня заледво начало рано пробиватись, коли Сангушко, лишь на полъ одѣтый, накинувши на себе богатую шубу, сойшолъ зъ горы сповь въ гостинницю и поручилъ тутъ, приготовити стравы. Въ ту хвилю розтворились двери и въ сѣни показались стати Зборовского, вôйта Нимбургского и дружины. Упали два выстрѣлы, но не ранили князя. Сангушко на видъ того всего, скинулъ шубу и пустился лѣстницею бѣжати въ гору. Тутъ приступъ былъ уже загородженый, тожь князь выбѣгъ изъ хаты и хотѣлъ перебратись черезъ браму. Тутъ допали его преслѣдователи и споймавши его, начали палками мститься. Они сдерли изъ него всю одежь, накинули на него простый овечій кожухъ и заковали въ кайданы. Зборовскій, который тоже былъ убѣгателемъ о руку Гальшки, ликовалъ теперь. „Не жалуйте его“ говорилъ ôнъ до людей, що просили за княземъ, „не жалуйте того опрышка и поганця; ôнъ много людей позабивалъ, сокровищь порабовалъ, тую княгиню насиліемъ увезъ съ собою, а ей матерь замкнулъ въ подземнôмъ скленѣ.“

Послужникôвъ князя поймали тоже преслѣдователи и повязали ихъ разомъ за шіи однимъ ланцухомъ. Зборовскій взялъ Гальшку въ крытый возъ а Сангушка посадили на ôткрытôмъ сельскôмъ возѣ и везли на общій смѣхъ народа якъ преступника. Такъ прибхали всѣ до чешского мѣсточка Яромира и пристанули у одного господаря. Сангушку и до свѣтлицы не пустили. Его пораненного и изнеможенного середъ зимового морозу — кинули въ стайню и привязали ланцухомъ до столба. Надъ нимъ постоялъ хвилю Зборовскій, насмѣхуючись „Ну, ты шляхтичъ простый“ говорилъ Зборовскій „жены тобѣ княгини захотѣлось! Видишь якій! Выйдешь ôтъ насъ — такъ въ соломяную хату зайди и тамъ жену бери! А золото где подѣлъ? Говори!“

Сангушко однакъ молчалъ. Зборовскій замкнулъ стайню и поставилъ при дверехъ на стражи двохъ татарскихъ послужникôвъ. На другій день Сангушка такъ прикованного до столба найшли нежививымъ Зборовскій мстился еще и теперь. Домовину, котору чешскіи мѣщане сладили для князя, не принялъ Зборовскій, а тѣло Сангушка выкинулъ на смѣтникъ. Послѣ доперва похоронили тѣло мѣщане.

Такъ погибъ первый женихъ Гальшки.*) (Прод. посл.)



„Изданій Общества им. Мих. Качковского“ ч. 187 за мѣсяцъ Юній 1891, содержитъ порадникъ Емиліяна Крыницкого п. з. „Що будемъ пити занехавши горѣлку?“ и „Лѣкарскую почту“ Дра С. Дрималика.

Пражскій выставковый комитетъ издалъ головный каталогъ п. з »H l a v n í k a t a l o g. Všeobecná zemská výstava v Praze 1891, k oslave jubilea první průmyslové výstavy v Praze 1791, pod protektorátem Jeho Veličenstva císaře Františka Josefa I. Vydal Výkonný výbor. Redigoval Dr. Josef Fort. V Praze. Nákladem výkonného výboru. 1891. Cena 70 kr.« Подручникъ той, необходимый для посѣтителей выставки, содержитъ въ первой части общіи даты и свѣдѣнія, ôтносящіися къ народоселенію Чехіи за годъ 1891, къ устройству внутренному, топографіи Чехіи и пр. При послѣднôмъ народочисленію насчитано было въ Чехіи 3,470.252 лицъ, употре-

*) На гробѣ Сангушки поставленъ былъ памятникъ съ латинскою и чешскою надписью того содержанія: „Тутъ почиваетъ князь Димитрій Сангушко, староста Черкасскій и Каневскій, убитый безъ причины недостойнимъ Мартиномъ Зборовскимъ.“ — Года 1859 въ первый разъ подалъ рисунокъ того памятника Францъ Патера Рогозинскій, послѣ же, года 1860, князь Романъ Сангушко приѣхалъ до Яромира, роскрылъ гробницю, и въ новой дубовой домовинѣ сложилъ кости князя въ тôмъ же гробѣ, на новôмъ же памятнику умѣстилъ надпись: „На тôмъ мѣстѣ передъ 306 лѣтами спочилъ князь Димитрій Любартовичъ Сангушко.“

бляющихъ чешскій языкъ, Нѣмцевъ же 2,054.174. — Часописей было въ Чехіи по обчисленію изъ 1888 года, 364 а именно: политическихъ 119, економ. 35, беллетр. 30, мѣстцевыхъ 30, господ. 26, урядовыхъ и пр. 24, научныхъ, театральныхъ и спортовыхъ 25, педагог. и стеногр. 23, технич. 18, церковныхъ 12, правничихъ 11, медицинскихъ 5, статисти. 6. Зъ тыхъ было 219 чешскихъ, 137 нѣмецкихъ, 8 чешско-нѣмецкихъ. — Кромѣ полного реестра всѣхъ участвующихъ въ выставцѣ лицъ, который оріентуетъ посѣтителя при перeглядѣ поодинокихъ предметôвъ, подаетъ каталогъ при каждôмъ отдѣленію тоже общіи свѣдѣнія о розвитію относительной отрасли промышленности, искуства и пр. въ Чехіи. Обнимаетъ затымъ каталогъ слѣдующіи отдѣлы: 1) Польное господарство и садовництво. 2) Лѣсное отдѣленіе и ловля. 3) Промыслъ господарскій. (Въ продолженію 100 лѣтъ выдѣлка пива улучшилась и дотычно количества выдѣланного пива убôльшилась, хотяй число пивоварней уменьшилось. Передъ 100 лѣтами, по обчисленію тогдашного пивоварского реформатора Пупета, варено было въ Чехіи 4.000.000 гкл. пива, года же 1890 — 6.112.862 гкл. Пивоварней было 1841 года 1.052, года же 1888 лишь 766.) 4) Выдѣлки изъ кожъ, щетины и пр. 5) Выдѣлки изъ дерева, кости, и пр. 6) Ткацтво. 7) Одежь. 8) Паперъ. 9) Полиграфія. (Въ настоящую пору считается въ Чехіи 197 печатней, изъ тыхъ 41 въ самой Празѣ, книгарней же въ цѣлой Чехіи 280. Дотычно числа книгарней стоитъ Чехія въ Австріи на третôмъ мѣстѣ. Угорщина маетъ 379, Нижная Австрія же 300 книгарней.) 10) Минеральныи воды. 11) Стекло, и керамика. 12) Хемія. 13) Желѣзо. 14) Выдѣлки изъ желѣза. 15) Золото и сребро. 16) Машины. 17—18) Пароходъ и пр. 19) Архитектура. 20) Орнаменты. 21) Техника. 22) Музычныи инструменты. 23) Школа и литература (отдѣльный каталогъ.) 24) Искуство (отдѣльный каталогъ.) 25) Выставка ретроспективна подаетъ образъ культурной жизни Чехіи ôтъ найдавнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія. 26) Отдѣленіе для общественной жизни. Затымъ слѣдуетъ поименный указатель лицъ, участвующихъ въ выставцѣ и описаніе отдѣльныхъ, поставленныхъ частными лицями, павилонôвъ, которыхъ насчитается тутъ 110.

Розвязка шарадовой задачи на стр. 124.

паль, токар, менаж, іона, возок, омар, карук, авар, тацит, рава, закон, яков, цар, осада, мак, арак, ость.

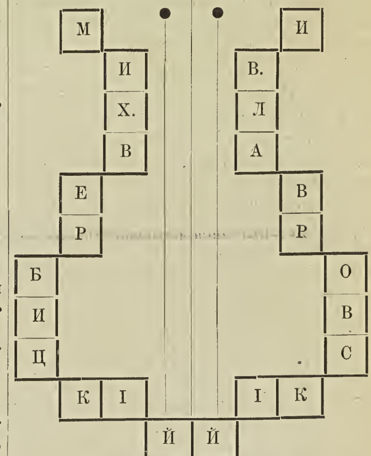
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА.

✕ . . . Напой.
. ✕ . . Выраженіе въ наукѣ физики.
. . ✕ . Божокъ любви.
. . . ✕ Турецкое имя.
. . ✕ . Членъ семьи.
. ✕ . . Городъ въ западной Галичинѣ.
✕ . . . Явленіе природы.
. ✕ . . Ночная птица.
. . ✕ . Выраженіе при игрѣ карточной.
. . . ✕ Муза.
. . ✕ . Плынъ.
. ✕ . . Звѣря. [выговорѣ.
✕ . . . Имя мужеское въ народнôмъ
. ✕ . . Мѣсяцъ года.
. . ✕ . Древній пѣвецъ на Руси
. . . ✕ Повелитель въ семьи.
. . ✕ . Родъ сбожа.
. ✕ . . Рѣка.
✕ . . . Звѣря, живетъ въ землѣ.
. ✕ . . Хорошій цвѣтъ.
. . ✕ . Даръ данный человѣку.
. . . ✕ Минералъ. [Руси.
. . ✕ . Городокъ на сѣверѣ Галицкой
. ✕ . . Село, извѣстное водопадомъ въ
✕ . . . Альпейское звѣря. [Карпатахъ.
. ✕ . . При немъ думается на выигрышъ.
. . ✕ . Напой
. . . ✕ Озеро въ Альпахъ.
. . ✕ . Рѣка въ Россіи.
. ✕ . . Противуположность дѣятельности.

17 а, 3 б, 8 в, 1 г, 2 д, 6 е, 1 ж, 2 и, 1 і, 6 к, 8 л, 8 м, 4 н, 20 о, 1 п, 11 р, 6 с, 6 т, 1 у, 1 ц, 1 ѣ, 3 я, 3 ь. — Всѣ тіи вычисленныи тутъ буквы слѣдуетъ вмѣстити такъ вмѣсто точокъ и знакôвъ ✕, щобы буквы поставленныи на знакахъ ✕ дали: названіе одного зданія въ Галицкой Руси.

Юл. Игн. Дзер.

Розвязка лиры-буквосклада на стр. 124.



т. е. Мих. Вербицкій. — Ив. Лавровскій.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: **Петръ Полянскій** Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 13. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Липня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.
Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

На подолью.

(Продолженіе).

Контролоръ затворилъ дверь до нетопленной комнатки и мы вернули въ салю. Ôнъ потеръ еще немного ноги и началъ ходити по комнатѣ.

„Замерзъ бы тамъ человѣкъ! Я отже думаю, що найлучше будетъ выкрыти тую проворную рыбарочку на тôмъ, предлагаемôмъ нами, складанôмъ вечерку. Сѣдайте и пишѣтъ: ,До А. З. въ мѣстци. На найблисшôмъ пикнику познаемся. Хочу самъ приступити къ вамъ и сложити вамъ мое почтеніе. Прошу отже, окрасити вашу коафюру на той вечерокъ, якою вазоновою рожею. По ней я познаю васъ. Н. Н., — Такъ. Бьетъ одинадсятая година. И почтиліонъ трубитъ вже на дорозѣ. Ходѣмъ-же спочити."

* * *

Предложеніе бурмистра, пущенное въ городъ дотычно складанного вечерка, произвело въ городѣ огромное движеніе умôвъ. Вопросъ той былъ на дневной очереди. Кого лишь не встрѣтили мы, у каждого былъ уже на язычку той предметъ. Одинъ вопрошалъ насъ, чи мы идемъ на вечерокъ, другій казалъ просто „до свиданія на вечерку", иный дѣлалъ съ того всемірный вопросъ, у кого именно ôтбудется вечерокъ — такъ якъ то еще не было рѣшено — межи дамами же возникло просто ополченіе. Они начали приготовленія на бôльшую мѣру. Всякіи крамарскіи магазины съ дамскими приборами роились теперь весело въ свѣтъ поглядающими посѣтительками. Балбусты завели быстроумную подажь товара. Они выдобыли изъ плѣсни старыи, выйшовшіи изъ моды матеріи, жаботки, блондины и пр. и представляли ихъ покупателькамъ, яко ино-що передвчера надойшовшій изъ столицы товаръ найновѣйшой моды. Тутъ заявляли они, що такій-то штофъ побрала тоже жена старосты, тутъ покликались зъ легка и на дочери банковича, при чемъ заявили, що на такій товаръ, извинѣтъ покупатели, цѣны неотмѣнныи и кредиты недопускательныи. Особенно за цвѣтными приборами былъ необыкновенный попытъ, якъ на биржѣ за якими посу-

Альбумъ Ставр. выставки.

Изъ таблицы LX.

3) Григорій Яхимовичъ.

вающимися въ гору акціями. Одна продавщиця мусѣла даже выслати умышленно своего балагулу въ близшій городъ за всякими новыми покупками. Повороту балагулы ожидали всѣ якъ наладованного корабля. Продажь послѣдовала мало не пôдъ открытымъ небомъ, передъ магазиномъ, сейчасъ послѣ явленія напакованныхъ саней.

Посредствомъ мужей въ бюрахъ и касинахъ, дамы дискретно и будьто лишь намекомъ узнавали, щó прилагоджаетъ на столъ тая или другая жена. Росходилось будьто о то, щобы, природно, не надослали всѣ однихъ лишь печенныхъ курей или цѣлый кладъ мѣшанины. Тихцемъ же розсказовалъ на ухо управитель банка, що жена кассіера, бывшая гувернантка, намѣряетъ пописатись флячками. Ôнъ при тôмъ заходился изъ смѣха и заявлялъ, що для ней отвѣчалбы вполнѣ горохъ съ капустою. За то почтарь молчалъ завзято и лишь своимъ избраннымъ другамъ по сердцю, въ секретѣ повѣрялъ почтовую тайну, що аптикарки записали изъ Львова якіи-то торты, въ чемъ перестигнула ихъ жена банковича, записавши даже андруты до мороженного. Своимъ путемъ ликовали разомъ уже аптикарки и дочери банковича во виду того, що одна изъ дамъ взялась сама въ своей печи припекати якіи-то кондиторскіи тѣсточка. Одной беззубой дѣвицѣ, а именно експедиторцѣ почтовой, они совѣтовали осторожно поступати на вечерку съ тыми печенными въ тутешной печи тѣсточками, такъ якъ возможность, потеряти при тыхъ тѣсточкахъ съ закальцемъ на два пальцы, и прочіи зубки, недалека.

Начались теперь посредствомъ касина и бюръ переговоры дотычно вопроса, у кого долженъ ôтбытись вечерокъ. Всѣ дамы съ достойною серьозностію заявили, що ихъ комнаты стоятъ до полной розпорядимости, що однакъ они не хочутъ препятствовати, если другіи желаютъ приняти любезныхъ гостей у себе. Вправдѣ то трудъ есть для домашнихъ, и хаосъ настанетъ по вечерку въ комнатахъ, но ктожь-бы бралъ во вниманіе такъ маловажное дѣло. Банковичъ встрѣтивши кого нибудь на улицѣ, обвѣщалъ всѣмъ яко пadобыкновенное событіе, що даже кассіеръ, той извѣстный скупецъ, рѣшился, на случай, приняти гостей у себе, щó впрочемъ слѣдовалобы въ коминѣ записати; при тôмъ управитель банковой филіи пробовалъ прочность своихъ подошвъ, съ намекомъ на то, не попадетъ ли ôнъ въ опасность, выкрутити чоботы на паркетахъ кассіера, которыхъ доски подаются то въ гору то въ долину якъ клявиши у фортепьяна. Нечаянно стали въ оппозицію противъ кассіера и три гусочки аптикарки, которы розговориваючи на порозѣ аптики съ извѣстнымъ высокимъ фіялковымъ дандисомъ, заявили, що если вечерокъ маетъ ôтбытись у кассіера, то они, аптикарки, положительно не являтся и вже скорше предлагалибы, премѣнити якую заѣздную буду въ салю.

Пущенная въ ходъ вѣсть о намѣренію кассіера розойшлась мигомъ по цѣлôмъ городѣ и произвела якое-то необъяснимое броженіе умôвъ. Многіи не знали, якъ толковати собѣ такое явленіе, иныи намекали на малый объемъ сали. Самъ же кассіеръ удивился не мало, почувши, що такая вѣсть кружитъ по городѣ; ôнъ торжественно заявилъ въ касинѣ, що ôтъ него николи такое предложеніе не выходило, що тутъ кто-то пустилъ въ ходъ свою выдумку и що на доказъ того всего, кассіеръ рѣшается даже — если о то уже росходится — не брати совсемъ участи въ вечерку. На то шепнулъ полуголосомъ банковичъ, що „баба зъ воза, конемъ легче“, но его слôвъ будьто другіи не запримѣтили.

Послѣ мы встрѣтились разъ съ бурмистромъ. Ôнъ привиталъ насъ, якъ всегда, радо, съ улыбкою.

„Варится“ говорилъ ôнъ „кипитъ въ городѣ. Одну искру лишь слѣдуетъ пустити. Ôтъ времени до времени мусимъ ôтживляти ихъ якою струею електризма. Я маю уже проекты на цѣлый годъ!“

* * *

Приготовленія къ вечерку ишли дальше.

Въ одинъ пріятный зимовый день мы оба съ контролоромъ выйшли не много за городъ дорогою, пройтись.

Мы чувствовались тутъ свободными, и середъ розговора зайшли досыть далеко. Контролоръ розсказовалъ якую-то исторійку изъ своихъ юныхъ лѣтъ. Наконецъ мы пристанули и опомнились. Начинало уже понемного вечерѣти. Контролоръ розглянулся по околицѣ.

„Не много еще“ началъ ôнъ, „не много, а мы зайшлибы таки до надлѣсничого.“

„Ôнъ тутъ вблизи?“

„Недалеко уже. Еще помежь тіи хаты, а потомъ немного черезъ лѣсъ а тамъ лѣсничôвка. Гмъ... Еслибъ такъ чахнути? Що?...“

„Чому бы и нѣтъ?“

„Правда! Якъ сказано въ пѣсни: насъ горе не тиснетъ, не давитъ журба. Пôйдемъ. Заскочимъ старого нечаянно. Обограемъ до крайцара.. Начинаетъ на добре вечерѣти. По хатахъ вже кладутъ огень. Лишь потомъ черезъ той лѣсъ! Бррь! Готовы засмаковати въ насъ волки. Вы якъ?“

„Для мене все рыба.“

„А за мене я кажу: лихое не сгинетъ.“

За нами роздался кликъ якого-то погонича. Мы обернулись.

„Сани сближаются“ говорилъ контролоръ. „Якъ разъ добре. Присядемъ.“

Были то сельскіи невеликіи а низкіи сани, на которыхъ сидѣлъ якій-то человѣкъ, оперши ноги на дольную часть санокъ. Чепурная шкапина быстро летѣла впередъ.

„Дай Боже гараздъ!“ закричалъ контролоръ.

„Дай Боже счастья! Дай Боже и вамъ!“

„Газдоньку любезный, а куда вы ѣдете?“

„Говъ, сива, говъ!“

„До дому вертаете?“

„А якъ-же!“

„Зъ ярмарку?“

„Якій тамъ ярмарокъ!“

„По при лѣсничôвку будете ѣхати?“

„А то робота! Певно, що буду.“

„Серденько газдо! А мы не присѣлибъ якъ?“

„Ну, ну, лишь у мене не якъ сѣдати. Такіи драницы, не санки.“

„Мы вже помѣстимось.“

„То сѣдайте, поѣдемъ разомъ.“

Мы начали мѣститись. Контролоръ сѣлъ зъ одной стороны санокъ и оперъ ноги на нижную, якъ казалъ селяниhъ, драницю, я же подобно осадовился по другой сторонѣ санокъ. Контролоръ сверненъ былъ лицемъ на востокъ я на западъ. Санки толклись по снѣжныхъ выбояхъ, при чемъ въ коротцѣ наши ноги потопились въ пушистôмъ снѣгу.

„У васъ много поля?“ пыталъ контролоръ.

„О, много! И то, що есть, годѣ придержати.“

„А щожь такое?“

„А що! переорюютъ. И по судахъ ходи, а все лѣзутъ по за межу. Гей, тажь и право на свѣтѣ есть!“

Мы выѣхали на часть дороги, спадающой по бокамъ и утертой санною ѣздою. Тутъ наши санки поочередно скользили по бокамъ дороги, разъ замахиваючись къ одному рову, другій разъ къ противоположному.

„А ктожь вамъ переорюетъ?“ пыталъ дальше контролоръ.

„Такій сосѣдъ у мене. Бывало, якъ еще жилъ его отецъ, то не такій человѣкъ былъ. До людей. Твое то твое, а мое то мое. А теперь...“

Тутъ нашъ мужикъ перервалъ. Санки на однôмъ спадѣ дороги чрезмѣрно уже запороли о ей берегъ и въ одной хвилѣ контролоръ выкиненный изъ санокъ врылся капелюхомъ въ снѣгъ. Мы съ мужикомъ тоже запали въ снѣгъ, который тутъ ишолъ глубоко въ ровъ.

„Говъ сива, говъ!“ взывалъ мужикъ, выдобываючись изъ снѣга. „Где у тебе, сива, розумъ? Га? Видишь, якъ розбрыкалась! За много команицы ѣстъ. Насъ старыхъ будешь учити?“

„Вы дыхаете еще?“ говорилъ до мене контролоръ, справляючи свôй смятый капелюхъ. „Я цѣлый обсыпаный снѣ-

гомъ. Будетъ часъ, газдо, замерзнути, поки заѣдемъ до лѣсничôвки?"

„Хе, хе" смѣялся мужикъ „бери Петре на розумъ. Конина побѣжитъ якъ вѣтеръ. Лишь то, що у васъ кожуха дасть Богъ."

„Може и санки поломились?"

„Мои санки!" говорилъ съ досадою мужикъ. „Малибы поломитись! То муръ не санки. На урядъ сложены. Менѣ-жь не першина вывертатись."

Наконецъ, мы перебрались черезъ лѣсъ, за которымъ въ дали указались свѣтилка оконныи. Лѣсничôвка стояла одна далеко ôтъ прочихъ хатъ, обведенна высокимъ плотомъ. Тутъ представился намъ совсемъ отмѣнный свѣтъ. Тишина и осамотненность владѣли вокругъ. Своего рода роскошь овладѣла нами однакъ, коли мы поступили въ комнату, где надлѣсничій насъ радо принялъ. Тутъ все пригадовало на несвязанную сельскую жизнь, дышащую свободою и простотою.

„Якъ же старикъ?" пыталъ по первыхъ словахъ контролоръ, указуючи на сосѣдную комнату.

„Держится, якъ обыкновенно."

„Предовсемъ его привитаемъ."

„Хвильку подождѣтъ."

Надлѣсничій выйшолъ въ сосѣдную комнату.

„Що за старикъ?" спросилъ я контролора.

„У него есть сродникъ одинъ. Премилый человѣкъ, но уже въ высокихъ лѣтахъ. И немощный уже немного."

Дверь изъ легка розтворилась и на призовъ надлѣсничого мы поступили до внутри. Тутъ на фотелю почивалъ старикъ о исхудалôмъ лицѣ, на которôмъ пробивалась однакъ еще быстрота ума. Ôнъ погладивалъ дрожащою рукою бѣлую бороду и хиталъ къ намъ привѣтливо головою. Зъ начала ôнъ не бралъ участи въ розговорѣ, нѣсколькократно скланялъ голову на поручь фотеля, якъ бы ôтпочивалъ и доперва послѣ, коли принесли вино, ôнъ выпивши одну чарочку, здавался быти покрѣпленнымъ и говорилъ спокойно, но довольно сильнымъ, вовсе не старческимъ еще голосомъ.

(Прод. посл.)

Жорна каменной епохи.

А. С. Петрушевичъ.

(Рисунки находятся въ „Новôмъ Галичанинѣ" н-ръ 12.)

Arma antiqua manus dentesque fuerunt,
Et lapides et item silvarum fragmina rami.
Lucretius „De rerum natura" V 1282.

Пôдъ заглавіемъ „Жорна каменной епохи" подаемъ нашимъ читателямъ розличныи изображенія каменныхъ орудій для ростеранія зеренъ въ муку посредствомъ двохъ камней. Такого рода каменныи терки открываются такъ па сѣверѣ якъ и юзѣ Европы, которыи, по долгихъ лѣтахъ усовершенія ихъ, преобразовались въ настоящіи наши ручныи жорна, а наконецъ въ водныи и вѣтряныи мельницы. Нѣтъ сомнѣнія, що полудикіи люди, для недостатка всякихъ пищеварныхъ сосудôвъ, въ началѣ жевали зерна сырыми, поки обученныи опытомъ стали варити изъ нихъ родъ каши, а наконецъ придумали сушенныи и твердыи зерна ростирати каменными орудіями на муку, що было поводомъ изобрѣтенія розличныхъ видôвъ каменныхъ жоренъ, о чемъ увѣряемся изъ помѣщенныхъ тутъ розличныхъ образцевъ каменныхъ терокъ.

N. I. — Въ седмôмъ десятку сего столѣтія, посѣтилъ я городъ Іезуполь, древную языческую мѣстность, до кôнця XVI столѣтія извѣстную пôдъ названіемъ Чешибѣсы*), где за рѣкою Быстрицею находится лѣсомъ оброслая гора названная Бойне, кажется, для того, що она коли-то служила мѣстомъ обороны для окрестныхъ жителей во время нашестія непріятелей. Верху упомянутой горы, въ западной ей сторонѣ, возносится бôльшая скала съ нѣсколькими натуральными пещерами, въ которыхъ прежде русскіи отшельники проживали, длячого таяже получила названіе Монастыря, где въ одной горной скальной розщелинѣ на стѣнѣ видно изображеніе главы св. Онуфрія пустынножителя, съ предолгою бородою. Вздолжь лѣсной дороги ведущой на гору ко скалистому Монастырю, еще мокрой по небôльшôмъ дождди, отправляючись туда, найшолъ я до 15 кременныхъ оскалкôвъ, на подобіе ножикôвъ правильно отесанныхъ. Отсюда заключаю, що тутъ въ каменную епоху издѣливались упомянутыи ножеобразныи скоблики (Schabemesser), или быти можетъ, що на сей восточной сторонѣ горы находилось розрушенное языческое кладбище съ урнами, изъ которыхъ теперь дождевая вода упомянутыи кременныи ножики выноситъ на лѣсную дорогу. Спрашиваючи моихъ спутникôвъ на монастырскую гору, не открываются-ли на ней другіи каменныи орудія, якъ на примѣръ молотки, долота, стрѣлки и пр. получилъ я въ отвѣтъ, що пôдъ тою-же горою открыто два кременныи небôльшіи кружки, которыи дадутся удержати руками, и которыхъ изображенія подаю тутъ пôдъ N. I, по розсказу державшого таковыи кременныи кружки въ своихъ рукахъ. Нѣтъ сомнѣнія, що описанныи тутъ кружки въ глубокой древности служили для терки зеренъ, или розжаренныи въ огни, употреблялись также для печенія межи ними паленицъ. Описанныи кременныи кружки достались потомъ въ посѣданіе недоступного сберегателя древностей въ городѣ Львовѣ, застерегающого собѣ исключно право описанія собранныхъ нимъ древностей.

N. II. — Другого рода продолговатыхъ, четвероугольныхъ гранитныхъ терокъ зеренъ, помѣщенныхъ тутъ пôдъ N. II, подаетъ Dr. Gustav Klemm („Handbuch der germanischen Alterthumskunde" Dresden 1836. S. 49. Taf I. N. 2), слѣдующое изображеніе съ слѣдующимъ описаніемъ: „Andere Handmühle (изъ тыхъ первыи терки помѣщаю ниже подъ N. III) gefunden auf dem grossen Opferheerde zwischen Schlieben und Malitzschkendorf (въ Пруссахъ въ Мерсебургскôмъ округѣ), deren auch mehrere in Grabhügeln der Schliebener Gegend gefunden worden. Sie sind von Granit. Die eine war 15 Zoll lang $9^{1}/_{4}$ Z. breit und 2 Z. dick, der Reibstein verhältnissmässig kleiner. Die Verfertigung dieser Handmühlen, die auch im Norden vorkommen: benutzten dazu Geschiebe, welche die geeignete Gestalt schon hatten und durch den Gebrauch noch mehr erhielten."

Каменныи круглыи и четвероугольныи плиты N. 1) служили, кажется, не лишь для терки зеренъ, но также до жары роспалены употреблялись для печенія хлѣбныхъ межи ними блинôвъ или паленицъ (Fladen). Такого рода печенныи паленицы открываются въ мѣстностяхъ сваевыхъ построекъ (Pfahlbauten). О такôмъ хлѣбнôмъ печивѣ пишетъ N. Joly (»Der Mensch vor der Zeit der Metalle. Leipzig 1880." S. 240): »Dieses Brod, das zwischen zwei rothglühenden Steinen gebacken wurde, findet sich in Form kleiner runder, 4—5 Zoll langer und 1 Zoll langer und 1 Zoll bis 15 Linien dicker Fladen. Man hat sogar einen verkohlten Mohnsamenkuchen gefunden. Das Pfahlbautenbrod ist ohne Hefe zubereitet; es enthält oft Körner, die entweder ganz geblieben oder kaum verkleinert sind, da die Handmühle, wie die des Ithakerkönigs Odysseus, dessen Sklavinnen das zur Ernährung der keuschen Penelope und ihrer fünfzig Freier bestimmte Getreide mit der Kraft ihrer Hände zerreiben mussten, mehr zum Zerquetschen als zum Mahlen eingerichtet war."

N. III. Гранитную терку изображенну пôдъ N. III. описуетъ Dr. Gustav Klemm, (Handbuch der germanischen Alterthumskunde. Dresden, 1836, S. 49.): „Handmühle von Granit, welche auf dem Opferplatze des Broidschenberges bei Bauzen (по словенски Будушинъ) gefunden wurde. Sie besteht aus zwei Stücken, deren unteres 18 Zoll Länge, 5 Zoll Höhe oder Dicke und 8 Zoll Breite hat; dieser centnerschwere Stein war bestimmt fest zu liegen, der obere (13 Z. lang. 8 Z. breit, 3 Z. dick) wurde hin und wieder bewegt und

---

*) Изъясненіе названія Чешибѣсы помѣстилъ я въ моимъ сочиненію „Критико-историческія изслѣдованія о наднѣстрянскомъ городѣ Галичѣ. Львовъ 1818 стр. 27, 133, 136."

auf diese Weise das aufgelegte Getreide zermalmt oder geschroten.“

N. IV. — Пôдъ тымъ N. 4 изображенныи каменныи терки принадлежатъ жителямъ свайныхъ построекъ; извѣстіе о нихъ заимствовалъ я изъ дѣльного сочиненія Фридериха Геллвалда: „Der vorgeschichtliche Mensch. Leipzig.“ 1874. S. 235 Taf. I N 1, где чтется: „Den Pfahlbauern stand nur ein ganz primitiver Apparat zum Zermahlen der Getreidekörner zu Gebote, wie wir solchen noch heute bei vielen uncivilisirten Völkerschaften in Aftika und Amerika finden. Messikomer besitzt einen solchen. Derselbe besteht aus einem platten Stück eines Nagelflue-findlings, 24 cm. lang und 25—26 cm. breit und aus einem anderen 24 cm. langen und 13 cm. breiten Stück; beide tragen Spuren gegenseitiger Abreibung.“ Тутъ чтется дальше: „In einem Grabe aus dem Steinzeitalter in der Gegend von Nantes hat man einen platten, oben abgeriebenen Mahlstein mit einem länglichen Reiber gefunden. Der letztere wurde wahrscheinlich quer zur Längsachse der Reibeplatte auf und niederbewegt.«

N. V.—Въ 1888 году около Русской Равы на поли въ селѣ Гребеновѣ открыто пôдъ N. V. изображены гранитныи терки, о чемъ приходскій священникъ въ Ляшкахъ О. Антоній Матюкъ письменно извѣстилъ управляющій совѣтъ Народного Дома 18-го Декабря 1890, и даже скоро потомъ доставилъ въ археологическій габинетъ Народного Дома во Львовѣ, сей любопытный памятникъ каменной епохи.*) Ôнъ сдѣланъ изъ зернистого гранита, вѣсомъ 40 кил. Дольной части его долгота 50 cm, ширина 30, грубость 6 cm. Долгота горного терщика (Б) 42 cm., ширина въ серединѣ 20 cm., который при кôнцяхъ его свужается для удобнѣйшой охватки тогоже руками для терки зеренъ, для чого долгота его есть о 12 cm. бôльшая ôтъ широты дольной части описуемыхъ каменныхъ терокъ. Всѣ три каменныи терки N. III, IV, V, носятъ на собѣ слѣды стертія дольного камня (А), особенно N. V. отличается бôльшою споховатостью своей горной пласкои части, що въ меньшой мѣрѣ является при N. IV.

N. VI. Рисунокъ первобытныхъ жоренъ подаетъ также Л. Линденшмитъ, Табл. XXV. рис. 6, 53, 24., изъ которыхъ въ статьи II. Лерха „О р у д і я каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ.“ (Извѣстія импер. археолог. Общества С.Петербургъ 1863. Т. четвертый, стр. 318. Табл. III. рис. 40), помѣщаю тутъ изображеніе пôдъ N. VI. м и с о о б р а з н ы х ъ ж о р е н ъ съ кругло噐ватымъ горнимъ камнемъ, находящимся въ тыхже для терки зеренъ.

N. VII. — Подобного рода корытообразныи каменныи терки зеренъ, оказались бôльше удобными и для того послужили къ построенію нынѣшнихъ жоренъ нашими простолюдинами до сихъ поръ употребляемыхъ. Кромѣ выше пôдъ N. VI такого рода представленныхъ каменныхъ терокъ, помѣщаю наконецъ тутъ еще подобныи каменныи терки въ бôльшôмъ видѣ, но съ иного рода терщикомъ, (толкачемъ, Kornstampfer), которыхъ изображеніе находится въ выше упомянутôмъ

*) Употребленный тутъ г р а н и т ъ происходитъ изъ в а л у н ô в ъ ((Erratische Blöcke) розсѣянныхъ во всей Белзской и Львовской земли. Перенесеніе валунôвъ въ нашу область приписуютъ бôльшимъ льдинамъ, якіи наплыли съ сѣвера въ то время, коли сѣверная и середняя Европа покрыти были еще водами океана.

ЗОРЯ.

Твоя, милый, сопѣлочка
Жалôсненько граетъ,
Не одная дѣвчинонька
Зъ жалю омлѣваетъ.

Ты гадаешь, дѣвчинонько,
Що я собѣ граю,
А я собѣ ôтъ серденька
Тугу ôтганяю.

Бо якъ сердце мое тужитъ,
Горюетъ, сумуетъ,
Та якъ собѣ заспѣваю —
Уже не бануетъ.

Голосочку мôй тоненькій,
Далеко тя чути:
„Ой мôй милый чорнобровый
Не можъ тя забути.“

Ой гадалъ я милый брате,
Що то скрипка граетъ,
А то моя чорнобрoва
По саду спѣваетъ.

Та гадалъ я, милый брате,
Що то солнце сходитъ,
А то моя миленкая
По подвôрью ходитъ.

Коли моя миленькая
По садочку ходитъ,
Видитъ ми ся, що за нею
Бѣла рожа ходитъ.

Личко твое, милисенька,
Краснѣйше надъ рожу,
Я тя бѣдный молоденькій
Забути не можу.

А вже-жь я ся не дивую,
Чому мила красна,
Коло неи вчера рано
Впала зоря ясна.

Якъ летѣла зоря зъ неба
Тай розсыпалася,
Мила зорю позбирала,
Тай намаилася.

Коломыйки.

Виды изъ надъ Дуная.

сочиненію N. Joly (стр. 241) съ слѣдующою подписью: „Fig. 65. Trogartige Handmühle mit ihrem Stosser aus der neolitischen Zeit, in Ty-Mawr (Holyhead) von Herrn Stanley gefunden (Nach I. Evans).« Тамже чтется: „Diese Mühle gleicht einem Troge und enthielt im Augenblick ihrer Entdeckung noch den zu ihr gehörigen cylinderförmigen Kornstampfer."

(Конецъ посл.)

ДУНАЙ.

Въ лѣсѣ, лѣсѣ буковôмъ,
Ой шло, шло два тесельчика,
Сѣкуть, рубають самборъ деревце,
Сѣкутъ рубають, на Дунай пускають.
Народная пѣснь.

I. Дунай есть для славянского вообще а для русского племени въ особенности митомъ, есть благовѣннымъ воспоминаніемъ земли, въ которой счастливо проживали коли-то ихъ предки. Дунай есть для Славянъ тымъ, чимъ Гангесъ для Индійцевъ — святою рѣкою. До нынѣшного времени задержалось названіе той рѣки въ народныхъ пѣсняхъ и думахъ, изъ которыхъ немногіи ниже будутъ наведены. Пѣсни тіи суть якъ бы преданіемъ народнымъ, свидѣтельствующимъ о первобытнôмъ пребыванію славянского племени на области Дунайской. Подобныи свѣдѣнія подаетъ и лѣтописецъ. Славяне — кажетъ лѣтописецъ — „по мнозѣхъ времянѣхъ" (послѣ розрушенія Вавилонского столба и роздѣленія языкôвъ) „сѣли суть по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьска. — Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь и Хорутане." То первое положительное показаніе о первôмъ поселенію Славянъ случившôмся межи 2000—1800 годомъ передъ рождествомъ Христа. • Прямый смыслъ Несторового свидѣтельства есть: що по многихъ лѣтахъ, послѣ смѣшенія языкôвъ, потомки Афетовы, Славяне, поселились въ теперѣшной Венгріи и теперѣшной Болгаріи по рѣцѣ Дунаю; що они ôтъ туда сорозмѣрно розмноженію народа роспространили свои поселенія по розличнымъ сторонамъ, принимали особое названіе ôтъ рѣкъ, или ôтъ якихъ либо другихъ предметôвъ или обстоятельствъ, и на конецъ що народы: Моравскій, Чешскій, Хорватскій, Сербскій, и Корутанскій, принадлежатъ къ самымъ древнимъ, изъ головного гнѣзда, изъ Панонія добровольно переселившимся, и постоянно въ своихъ жилищахъ водворившимся Славянскимъ племенамъ.

Долгое время жили Дунайскіи Славяне мирно въ заселенныхъ ними земляхъ, поки не принуждены были оставити отечество. „Волхомъ бо — кажетъ лѣтописецъ дальше— нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемь имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ." — То второе положительное показаніе о вторôмъ принужденнôмъ уже переселенію нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ отъ берегôвъ Дуная въ сѣверныи стороны. Настоящій смыслъ Несторового сказанія естъ: що Римляне, граничившіи съ Дунайскими Славянами, напавши и поселившись межи послѣдними, стали ихъ утѣсняти, що значительная часть угнетаемыхъ Славянъ, не стерпѣвши притѣсненій и чужестранного рабства, предпочли оставити любимое отечество, и пустились пôдъ предводительствомъ своихъ вождей и родоначальникôвъ, вѣроятно черезъ Карпатскіи горы къ сѣверу. Всѣ тіи Дунайскіи переселенцы, перемѣнивши мѣсто жительства, перемѣнили древное названіе заступивши его новымъ, или ôтъ мѣстности, въ которой поселились, или ôтъ рода жизни, которой предались, и слыли послѣ пôдъ наименованіемъ Кривичей, Дреговичей, Полочанъ, Сѣверянъ, Полянъ, Деревлянъ, Бужанъ или Волынянъ, Дулѣбовъ, Хорватôвъ, Уличей и Тиверцевъ: одни лишь поселенцы въ окрестности Ильменского озера, сохраняли исконное названіе своего народа „Словѣнъ" и славились нимъ долго еще и въ послѣдующее время.

По мнѣнію Юрія Венелина, переселеніе наддунайскихъ Славянъ изъ юга на сѣверъ началось 32 лѣтъ до Рожд. Христ.— Императоръ Августъ тогды еще Тріумвиръ, и пожизненный Трибунъ Римской републики, покорилъ 32-го года до Рождества Христового въ первый разъ часть Панонія смежной съ предѣлами Римской републики. — Въ 12. году до Рож. Хр. Римскіи полководцы, братья Друзъ и Тиберій, побѣдивши сновь Панонôвъ и Норійцевъ, завоевали значительную часть Славянщины, вывели въ неволю лучшую часть жителей изъ ихъ отечества, розселили ихъ по другимъ ôтдаленнымъ провинціямъ Републики, оставивши лишь такихъ, которы не бывши способными взятися за оружіе, были бы въ состоянію заниматися лишь землядѣліемъ. Тревога, ужасъ завладѣли и вже покоренными, и еще свободными сосѣдственными Славянами. Первыи терпѣли съ отчаяніемъ наложенное имъ иго; вторыи трепетали, опасаючись участія своихъ собратьевъ. Осьмнадсять лѣтъ сносились они тайно межи собою, но наконецъ и первыи рѣшились скинути рабскіи цѣпи, и послѣдніи удалити ôтъ своего рубежа опасныхъ завоеванія жадныхъ инородцевъ. — Всѣ Славянскіи поколѣнія и всѣ Панонскіи князи согласились и соединились въ одинъ союзъ, избрали верховныхъ военачальникôвъ, выставили огромную ратную силу, и начали наступательную войну. Одна часть намѣрила свернутись на Италію, другая напала на завоеванную уже прежде Римлянами Македонію. Они побѣдили многіи непріятельскіи отряды, истребляючи и опустошаючи огнемъ и мечемъ Римскіи предѣлы. Страхъ и уныніе завладѣли Римомъ. Со временъ осады Коріолана, нападенія и опустошенія Галлôвъ и нашествія Ганнибала, николи не находился покоритель міра Римъ въ такъ отчаянныхъ обстоятельствахъ. Сильно принялись Римляне за наборъ войскъ. Головное начальство надъ всѣми препоручено во первыхъ Тиберію, а послѣ Германику; присоединились къ войскамъ Римлянъ вспомагательныи отряды союзника ихъ князя Ѳракіи, кровопролитная борьба въ Панонія, Далматія и другихъ Славянскихъ областяхъ черезъ три годы (6—9 по Р. Х.) продолжалась, съ крайнимъ ожесточеніемъ и неимовѣрною храбростію Славянъ, и кончилась совершеннымъ порабощеніемъ послѣднихъ, не такъ превосходствомъ силы и мужества Римлянъ, якъ вреднымъ, у Славянъ обыкновеннымъ многогосподствомъ,—коли бо одинъ изъ начальствовавшихъ Славянскихъ князей, захваченный въ плѣнь, на вопросъ Германика, почому они возстали на Римлянъ, возразилъ: „Вы сами виноваты, высылаючи къ намъ волкôвъ вмѣсто пастырей", тогды Германикъ сталъ льстити ему, и обласканный коварнымъ Римляниномъ, князь соединилъ свои силы съ непріятелемъ рода своего, побѣдилъ прежного союзника, товариша своего, убилъ его, и тымъ способствовалъ, що Римляне одержали перевѣсъ надъ Славянами. — Побѣжденныи, якъ то и всегда водилось у Римлянъ были или проданы въ неволю, или переведены на жилища въ другіи стороны. И тогды-то, безъ всякого сомнѣнія послѣдовало общое переселеніе Русского и Польского племени изъ наддунайскихъ сторонъ на сѣверъ.

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Якъ сильно чувствовалась въ тôмъ столѣтію потреба духовныхъ семинарій, доказуетъ слѣдующое событіе. Гражданинъ и вôйтъ города Ярославля, Илія Вапинскій, окончивши учрежденную черезъ князя Чарториского, коллегіатскую церковь въ Ярославли, и надавши для ней еще 18.000 зол. пол., призначилъ сверхъ того записомъ зъ дня 3 Октоврія 1766, 44.000 зол. пол. на учрежденіе духовной семинаріи въ Ярославли, въ которой найшли бы помѣщеніе и образованіе 6 питомцевъ.*) Сдѣланная фундація была предложена тогдашному перемышльскому епископу Атанасію Шептицкому къ переведенію. Послѣдній принялъ фундацію, но не согласился на всѣ ей точки. Подлинникъ той грамоты фундаційной съ примѣчаніями епископа Атанасія Шептицкого находился въ консисторскôмъ архивѣ въ Перемышли.**) — Фундація тая не войшла въ жизнь.

Вѣкопомный фундаментъ дотычно образованія и воспитанія клира, пожелаемый въ продолженю цѣлого столѣтія XVIII въ русскôмъ обществѣ но неосуществимый по причинѣ недостатка матеріальныхъ средствъ, положили монархи австрійскіи а именно императрицъ Марія Тересія и имп. Іосифъ II, первая учрежденіемъ такъ зовимого Барбареумъ въ Вѣдни, вторый основаніемъ духовной генеральной семинаріи во Львовѣ.

Духовную семинарію учредила Марія Тересія, пôдъ названіемъ конвикта, при церквѣ св. Варвары въ Вѣдни, въ зданію поезуитскôмъ, при той-же церквѣ находившôмся, г. 1776 для католикôвъ греческого обряда изъ всѣхъ австрійскихъ областей, — оріентальная же академія, основанная Маріею Тересіею, а помѣщенная первобытно въ тôмъ-же поезуитскôмъ зданію, перенесена тогды остала до зданія при костелѣ св. Анны въ Вѣдни. Изъ Барбареумъ выйшли, воспитовавшіися тутъ, просвѣтители клира русского, якъ: Николай Скородинскій, Антоній Ангелловичъ, Гарасевичъ, Лапчинскій, Гуссаковскій, послѣ Михаилъ Левицкій и другіи иныи.*)

Въ 7 лѣтъ послѣ основанія вѣденского конвикта, слѣдовалъ совершенный своротъ въ воспитанію русского клира а именно вслѣдствіе рескрипта имп. Іосифа II изъ дня 1-го Нов. 1783. Тымъ рескриптомъ было приказано, щобы всѣ кандидаты до священнического званія, образовались на университетахъ и лицеахъ и щобы всѣ епископскіи семинаріи были перенесены до мѣстностей, въ которыхъ суть университеты или лицеи, щобы наконецъ студіи монастырскіи и катедральныи были прекращены, а всѣ кандидаты званія священнического на университеты или лицеи переведены. Въ рескриптѣ тôмъ названо 5 университетôвъ, которы могли къ той цѣли служити, а именно: университеты въ Вѣдни, Градци, Инсбруку, Фрейбургу (для Форарльберга). Львовскій университетъ въ тôмъ времени доперва вводился въ жизнь. Основательная грамота того университета маетъ дату диплома Іосифа II изъ дня 21 Октоврія 1784. Къ тому приказалъ еще имп. Іосифъ II, що никто не можетъ быти рукополаганымъ, кто не окончитъ въ генеральной семинаріи шестилѣтной богословской науки и не ôтбудетъ практическихъ клерикальныхъ упражненій. Такъ отже года 1784 университетъ и двѣ генеральныи семинаріи (для обохъ обрядôвъ русского и латинского обѣ отдѣльно) введены были ровновременно зъ жизнь.**)

Декретомъ надворнымъ изъ дня 24 Юнія 1786 на филос. и теол. выдѣлахъ введены были преподаванія на русскôмъ языцѣ, которы г. 1787 рѣшеніями губерніальными были блисше унормованы. Года 1787 заведенъ былъ особный богословскій выдѣлъ съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ. Въ генеральную русскую семинарію принимаемы были воспитанники зъ Галичины, Славоніи и Хорватіи зъ начала до числа 200, которое послѣ до 320 увеличилось.***) Межи первыми, принятыми тамъ воспитанниками, встрѣчаемъ тоже Угроруссôвъ, Іоанна Орлая, Петра Лоди и Василія Кокольника. Петръ Лоди былъ послѣ именованъ профессоромъ теоретической и практической философіи (съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ) на университетѣ львовскôмъ.*) Года 1796 на дни 24 Нов. вступилъ ôнъ яко членъ до Ставропигійского братства, подписавшись въ пропамятной книзѣ: »Philosophiae theoreticae et practicae professor in lingua patria.«

Хотяй послѣ генер. семинаріи для латинникôвъ въ Галичинѣ и иныхъ наслѣдственныхъ краяхъ были снесены, то однакъ остала задержаною ген. духовная семинарія для воспитанникôвъ греч. обряда во Львовѣ, где она до теперь пôдъ тымъ именемъ существуетъ. Ôтъ поры основанія той семинаріи ôтбывается уже воспитаніе кандидатôвъ систематически, подпадаючи при тôмъ еще нѣкоторымъ реформамъ. Къ тому управильненіе дотаціи черезъ поставленіе конгруы, и сосредоточеніе приходôвъ и бенефицій, которое послѣ наступило, поставили русское нисшое духовенство въ лучшое положеніе.

(Прод. посл.)

*) Тая коллегія состояла изъ 6 священникôвъ проповѣдникôвъ и одного кустоса. Коллегіатская церковь храма Преображенія Господного, построена была на площади въ городѣ Ярославли, дарованной королемъ польскимъ Іоанномъ Казиміромъ г. 1688. Призволеніе на постройку той церкви удѣлилъ былъ прежде еще Ярославскому братству, Станиславъ Конецпольскій.

**) Сводная лѣтопись А. Петрушевича.

*) По ихъ настаиванію выслалъ, межи иными, епископъ Львовскій, Бѣлянскій депутацію до имп. Леопольда II г. 1790, (Скородинского и монаха Вас. Спонринга), которая съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовала въ дѣлѣ правнополитического сровнанія обряда греческого съ латинскимъ.

**) Русская генер. семинарія была помѣщена въ зданію бывшого монастыря Доминиканокъ, латинская же въ монастыри Кармелитанокъ черевичковыхъ (нынѣшная библіотека Оссолинскихъ).

***) 13 Мая 1787 посѣтилъ греч. генеральную семинарію имп. Іосифъ II, во время своего побыта во Львовѣ. Было семинаристôвъ тогды числомъ 200. Онъ вопрошалъ ихъ о ихъ происхожденію, и приказалъ по своимъ отечественнымъ краямъ угрупповатися. Аврелій Фесслеръ, профессоръ богословія на университетѣ Львовскôмъ, будучи наочнымъ свидѣтелемъ того представленія, говоритъ въ сочиненію („Aus meiner 80-jähr. Pilgerfahrt“): „Er (т. е. цѣсарь Іосифъ II) rühmte die Schnelligkeit, mit welcher die Galizier, Ungarn, Slavonier und Croaten sich abgesondert darstellten.“ 17 Мая г. 1787 по другій разъ посѣтилъ цѣсарь Іосифъ II тую-же семинарію.

*) Кромѣ Петра Лоди преподавалъ въ русскôмъ языцѣ математику и физику на львовскôмъ университетѣ, Іоаннъ Зельманчикъ. — Смѣна послѣдовала доперва г. 1805, коли университетъ Львовскій премѣненый былъ въ лицей, а школы народныи или такъ зовимыи тривіальныи, безъ различія народности или обряда, прийшли пôдъ надзирательство латинской консисторіи.

Графское дитя.

(Розсказъ Мофриньеза)

За чимъ зайшолъ я въ той вечеръ въ ресторанъ — право не знаю. На дворѣ было холодно. Мелкій дождь, словно пыль, носился въ воздусѣ, засланяючи газовыи рожки прозрачною мракою и отпрыскиваючи на тротоарахъ, на которыи падало изъ дверей, свѣтло освѣщающое жидкую грязь и ноги прохожихъ.

Я никуда собственно не направлялся. Выйшолъ немного пройтись послѣ обѣда. Я проминулъ уже сберегательную кассу Льоне, улицю Вивьенъ и еще нѣ-

сколько улицъ. Вдругъ увидѣлъ бóльшій ресторанъ, который на половину былъ полный народу, и неизвѣстно зачимъ зайшолъ туда. Мнѣ даже и пити не хотѣлось.

Я сталъ глядати мѣсточка, где-бы не было тѣсно, и сѣлъ рядомъ съ якимъ-то человѣкомъ, который показался мнѣ старикомъ и который курилъ изъ стамбулки, съ виду чорной, якъ уголь. Шесть или осмь подносóвъ стояли передъ нимъ на столѣ, обозначаючи число выпитыхъ чарокъ. Я не розглядовалъ своего сосѣда, но съ первой-же минуты призналъ въ немъ одного изъ постоянныхъ посѣтителей ресторана, посѣтителей, которы являются съ утра, якъ лишь отопрутъ двери и уходятъ послѣдними. Ôнъ былъ грязный, съ лысыною по рединѣ головы; съ бокóвъ долгіи густыи волосы падали на колнѣрь жакета. Широкая одежь, казалось, была сшита еще тогды, коли у него былъ животъ.

Заледво я успѣлъ сѣсти возлѣ, якъ той самый человѣкъ сказалъ совершенно спокойно, обратившись ко мнѣ:

„Хорошо-ли поживаешь?“

Я вздрогнулъ, повернулся и сталъ пристально вглядыватись въ его лице. — Ôнъ сказалъ:

„Ты не узнаешь мене?“

„Нѣтъ!“

„Де-Барретъ...“

Я былъ пораженъ. То былъ графъ Жанъ-де-Барретъ, мôй старый школьный товаришъ. Я сжалъ его руку и такъ смутился, що ни слова не находилъ, що сказати. Наконецъ я пробормоталъ:

„А ты, — хорошо поживаешь?“

Ôнъ тихо отвѣчалъ:

„Живу, якъ могу.“ — И замолчалъ.

Мнѣ хотѣлось быти любезнымъ, я глядалъ фразъ:

„А що же ты подѣлываешь?“

„Якъ видишь.“

Я чувствовалъ, що краснѣю, но продолжалъ:

„Нѣтъ, вообще — що ты дѣлаешь?“

Ôнъ отвѣчалъ, выпускаючи густыи клубы дыма:

„Вообще каждый день одно и то-же.“

Затымъ постучавши по мраморному столику мѣдною монетою, которая тутъ лежала, ôнъ закричалъ:

„Гарсонъ! двѣ чарки!“

Чій-то голосъ вдали повторилъ: „двѣ чарки по четыре су!“ — Другій голосъ где-то еще дальше и рѣзче произнесъ: „сейчасъ!“ Затымъ появился человѣкъ въ бѣлôмъ фартусѣ; ôнъ несъ двѣ чарки.

Де-Барретъ однимъ духомъ опорожнилъ чарку и поставилъ на столъ. Затымъ ôнъ спросилъ:

„Якъ-же съ тобою?“

„Я сдѣлался комерсантомъ.“ На то ôнъ зѣмѣтилъ все тымъ-же ровнымъ голосомъ:

„И... то тебе интересуетъ?“

„Нѣтъ, но якъ-же? Вѣдь слѣдуетъ що-нибудь дѣлати.“

„Зачимъ?“

„Ну... щобы що-нибудь дѣлати.“

„Къ чому? Я ничого не дѣлаю, якъ видишь, — николи ничого. Если нѣтъ ни одного су — я понимаю, слѣдуетъ трудитись, если-же есть за що жити, то напрасно. Къ чому тогды? Ты трудишься для себе или для другихъ?“

Затымъ, постучавши люлькою о мраморную доску, ôнъ сновь закричалъ: — „Гарсонъ! чарку!“ — и сновь продолжалъ: „розговоръ возбуждаетъ во мнѣ жажду. Такъ. Я ничого не дѣлаю; живу, якъ живется и старѣю,— ничого не буду жалѣти, умираючи. Иныхъ воспоминаній, кромѣ того ресторана, у мене ніякихъ не будетъ.“

Ôнъ опорожнилъ поданную чарку, отеръ языкомъ губы и сновь принялся за люльку. Я, словно остолбенѣлый, смотрѣлъ на него, затымъ спросилъ:

„Но, вѣдь, не всегда-же ты былъ такимъ?“

„Извини, — всегда, начинаючи со школы.“

„Но, вѣдь, то не жизнь, друже мôй, — то якій-то ужасъ. Однакъ, що-нибудь ты умѣешь дѣлати.“

„Нѣтъ. Я вставши, прихожу сюда, берусь за снѣданье, выпиваю одну чарку за другою, ожидаючи наступленія ночи, обѣдаю, сновь пью чарку за чаркою. Затымъ съ полудня вертаю къ собѣ спати — такъ якъ ресторанъ запираютъ. И то мене злитъ бôльше всего. Послѣдніи десять лѣтъ — по крайной мѣрѣ шесть изъ нихъ я провелъ сидячи на той лавочцѣ, въ тôмъ уголку, а остальныи въ постели. Случаетса, я разговориваю съ нѣкоторыми постоянными посѣтителями.“

„Но коли ты пріѣхалъ въ Парижъ, тогды що ты дѣлалъ?“

„Тогды я сидѣлъ въ кондиторской Медичисóвъ.“

„А потомъ?“

„Потомъ... я перебрался на ту сторону Сены и прійшолъ сюда.“

„Зачимъ же ты подвергалъ себе такому безпокойству?“

„Що же было дѣлати? Не можна же всю жизнь прожити въ Латинскóмъ районѣ.*) Тамъ уже за много шумятъ студенты. Но теперь бôльше уже не двинусь съ мѣста.“

Я думалъ, ôнъ смѣется надо мною, и продолжалъ мои вопросы. „Ну, однакъ будь же откровеннымъ. Навѣрно у тебе было якое нибудь бôльшое горе, напримѣръ, розочарованіе въ любвѣ. Ты, несомнѣнно, человѣкъ убитый горемъ. Который тобѣ годъ?“

*) Часть Парижа.

„Мнѣ тридцать три. А на видъ, по крайной мѣрѣ сорокъ пять.“

Я смотрѣлъ на его лице. Сморщенное, плохо умытое, оно казалось совершенно старческимъ. Громадныи брови, огромныи усы и густая борода. И я сказалъ ему:

„Ты на видъ сдаешься быти о много старшимъ по вѣку. Конечно, у тебе было бôльшое горе.“

На то ôнъ возразилъ: „Увѣряю тебе — нѣтъ. Я состарѣлся, потому що николи не пользуюсь воздухомъ. Нищо такъ не розрушаетъ людей, якъ трактирная жизнь.“

Я не могъ тому вѣрити: „Ты и облысѣлъ порядочно.“

Ôнъ тихо покивалъ головою и поднявши очи къ зеркалу, ôнъ сказалъ: „Если я облысѣлъ, то виною тому газъ; ôнъ ворогъ волоса. Чарку! А тебѣ не хочется пити?“

„Нѣтъ. Но, право, ты мене интересуешь. Съ которыхъ поръ ты сталъ смотрѣти такъ розочаровано? Вѣдь то ненормально. Тутъ що нибудь скрывается.“

„Такъ; то тягнется еще со времени дѣтства. Я получилъ сильный толчокъ, коли былъ маленькимъ мальчикомъ, и тогды же все перевернулось ко мнѣ темною стороною и такъ до сихъ поръ.“

„Якъ же то случилось?“

„Хочешь знати? Такъ послухай. Ты, конечно хорошо помнишь той замокъ, где я жилъ въ дѣтскихъ лѣтахъ, ты, вѣдь, былъ у мене неоднократно во время ферій. Помнишь то сѣрое зданіе по серединѣ парка и долгую дубовую аллею, изъ которой открывался видъ на четыре головныи точки? Помнишь и моего отця, и мою матерь.

Я любилъ свою матерь, отця боялся и уважалъ ихъ обоихъ, такъ якъ привыкъ видѣти, що всѣ сгибаются передъ ними. Въ селѣ ихъ иначе не звали: господинъ графъ и госпожа графиня; сосѣды: Леттемаръ, Равеле, Бренвиль, они также заявляли моимъ родителямъ особенное почтеніе.

Мнѣ было тогды 13 лѣтъ. Я былъ веселый, всѣмъ доволенъ якъ обычно бываютъ въ тіи годы, — былъ полный счастья жизни.

Но якъ-то разъ въ Септемврію за нѣсколько дней до вступленія въ школу, коли я, играючи въ парку, представлялъ изъ себе волка, бѣгаючи промежь вѣтви и гущавину, я узрѣлъ. перебѣгаючи одну изъ аллей, отця и матерь, они проходжались.

Все то я помню такъ живо, якъ будьто было вчера. То былъ вѣтренный день. Весь рядъ деревъ сгибался пôдъ порывами вѣтра, дерева шумѣли, казалось, они испускали стоны, глухіи глубокіи стоны, которыи издаетъ лѣсъ во время грозы.

Оторвавшіися листья, уже совсѣмъ пожолтѣлыи, взлѣтали на воздухъ, словно

птицы, кружились тамъ, затымъ падали на землю и мчались вдоль аллеи, якъ якіи быстроногіи животныи.

Наступалъ вечеръ. Въ парку становилось темно. Я бѣгалъ, словно безумный.

Якъ лишь узрѣлъ я отця и мать, направился къ нимъ тихонько, крадучись межи деревами, и намѣрялъ напасти на нихъ вдругъ, нечаянно, словно бы я былъ лѣсный бродяга. Но въ нѣсколькихъ шагахъ я остановился охваченный ужасомъ. Отецъ кричалъ въ страшнôмъ гнѣвѣ къ моей матери.

„Якъ ни роспорядила съ наслѣдіемъ твоя матерь, мнѣ все ровно. Повторяю мнѣ потребна та сумма, и я жду, щобы ты подписала.“

Матерь твердымъ голосомъ отвѣчала: — „Не подпишу. Тіи капиталы принадлежатъ Жану! Я ихъ берегу для него и не хочу, щобы ты ихъ пропустилъ!“

Тогды отецъ, дрожачи ôтъ гнѣва, повернулся, схватилъ ею за горло, а другою рукою забирался бити ею по лицѣ.

Що касается мене, мôй милый, мнѣ казалось, що наступилъ конецъ міру, що всѣ вѣчніи законы измѣнились. Все въ моей головѣ помутилось, якъ мутится у человѣка, коли ôнъ видитъ сверхъестественное несчастіе. Мôй дѣтскій умъ мутился, мѣшался. Я и зо всѣхъ силъ началъ кричати, самъ не знаючи зачимъ, полный ужаса, горя, ужасного страха. Отецъ зачулъ мôй кликъ, обернулся, узрѣлъ мене, всталъ и пôйшолъ въ мою сторону. Я думалъ, ôнъ убьетъ мене, я началъ бѣжати, словно звѣрь, за которымъ женутъ, и бѣжалъ прямо въ лѣсъ. Такъ я бѣжалъ, можетъ быти, годину, можетъ быти двѣ, — не знаю. Настала ночь. Я кинулся на траву, и лежалъ, обезсиленный, мучимый страхомъ, горемъ, которое способно розбити навсегда бѣдное дѣтское сердце. Мнѣ было холодно, хотѣлось ѣсти. Наступилъ день, я не смѣлъ ни встати ни ходити ни возвратитись, ни думати о спасенію, — я боялся встрѣтити отця.

Доперва сторожъ отнайшолъ мене и привелъ въ домъ.

Я встрѣтилъ и отця, и матерь съ ихъ обычными лицями. Мати сказала мнѣ: — „Якъ ты мене налякалъ мальчикъ; я всю ночь не спала.“ Я ничого не отвѣчалъ и принялся плакати. Отецъ не проронилъ ни слова.

Черезъ 8 дней послѣ того я поступилъ въ школу. — И отъ, мôй милый, съ тыхъ поръ для мене все уже было кончено. Я видѣлъ обратную сторону жизни. Съ того дня хорошой стороны я уже не видалъ. Що произойшло въ моимъ умѣ? якій странный переворотъ совершился въ моихъ мысляхъ?—не знаю. Но у мене съ тыхъ поръ ни къ чому уже не было охоты, ни къ чому желанія, ни надежды. И теперь постоянно вижу бѣдную мать, съ ей страдающимъ ôтъ угрызеній лицемъ. — Мати за нѣсколько лѣтъ послѣ того умерла.

* * *

Ôнъ выпилъ, взялъ люльку, но рука его дрожала — и люлька упала, розбилась. Ôнъ сдѣлалъ отчаянный выразъ лиця и сказалъ:

„Отъ то такъ настоящое горе! Теперь новую цѣлый мѣсяцъ пріидется обжигати. И въ просторнôмъ ресторанѣ снова роздался его неизмѣнный приказъ: „Гарсонъ, чарку и новую стамбулку!“

НАУЧНЫИ РОЗГОВОРЫ.

Арх.

„А я позволю собѣ запротестовати противъ такого наименованія.“

Тіи слова происходили ôтъ человѣка, которого вся наружность представляла типъ ученого, истощившого свои физическіи силы на умственнôмъ трудѣ Скромная и не надто изящная одежа. прилегала до его тѣла а собственно до его костей, такъ якъ тѣла на немъ майже не было.

Ôнъ поднялся изъ своего мѣста, на которôмъ сидѣлъ, нѣмо прислухуючись разговорамъ другихъ, въ салонѣ собранныхъ гостей, и якбы въ сознанію своего духовного перевѣса, окинулъ свѣтлымъ взглядомъ все общество.

Присутствующіи умолкли въ ожиданію чого-то важного а достойная хозяйка любопытно розкрыла очи на нового бесѣдника, которого сама наружность

Надъ Дунаемъ.
Къ статьи „Дунай.“

была якбы протестацією розговорного предмета.

Дебата ишла именно на тему охарактеризованія текущого столѣтія. Мнѣнія были роздѣлены. Одинъ изъ общества доказовалъ, що XIX столѣтіе слѣдуетъ называти столѣтіемъ желѣза и пары, другій промавлялъ за вѣкомъ електричества; третій же шутникъ окрестилъ его столѣтіемъ бактерій а сновь нѣкій Денисъ полемизуючи съ всѣми мнѣніями, краснорѣчиво доказовалъ ихъ несостоятельность а наконецъ заключилъ, що текущое столѣтіе слѣдуетъ наименовати столѣтіемъ матеріи.

Ему хотѣли возражати а многіи сомнѣтельно покачали головами.

Воспаленъ тымъ, витійскій Денисъ кончилъ розговоръ слѣдующою рѣчью.

„Живемъ при кôнци XIX столѣтія. Нѣтъ уже безсмертныхъ пророкôвъ, ни новыхъ Мессіевъ, ни Апостолôвъ правды, ни наивныхъ ентусіастôвъ недостижимого идеала. Реальный и нервовый трудъ, — то характеръ нашого столѣтія вообще а нашихъ временъ въ особенности.

Допущаючи лишь существованіе матеріи, я не хотѣлъбы оскорбити, примѣромъ собранныхъ тутъ а отмѣнно думающихъ дамъ, но къ чому обманювати самого себе, если знаемъ, що идеалы погибшихъ временъ сложены до актôвъ а человѣкъ стремится быстро и енергично лишь къ одному: къ овладѣнію природы и ей силъ! И сутъ реальныи результаты того нервового труда. Я позволю собѣ указати лишь на величественныи культурныи средства, якіи дала намъ нынѣшная техника въ соединенію съ теоретическимъ познаніемъ. Укажу примѣромъ на примѣненіе силы пары и електричества, на поступы хеміи, медицины, акустики и на безчисленныи изобрѣтенія, якими славится нашъ вѣкъ.

Тымъ путемъ выдобываетъ человѣкъ сокровища земли и моря, подчиняетъ собѣ всѣ силы природы, одолѣваетъ границы пространства и времени, владѣетъ стихіями — коротко, стается паномъ матеріи.

Я думаю даже, що рѣшеніе всѣхъ общественныхъ вопросôвъ, зависитъ ôтъ розвитія культурныхъ средствъ, а розвитіе то въ мѣру що разъ точнѣйшого познаванія механическихъ законôвъ природы, дойдетъ кажется, уже въ XX столѣтію до своей найвысшой точки. Тому я смѣло назву наше столѣтіе— столѣтіемъ труда и матеріи!"

Енергія слова витіи— бôльше чимъ его аргументація, произвела на слушателей впечатлѣніе неоспоримости, якъ вдругъ послѣ короткого безмолвія, поднялася изъ фотеля въ углѣ комнаты, худая стать ненадѣйного опонента, нѣкого Осипа, за которымъ устремилось все вниманіе присутствующихъ.

„А я позволю собѣ запротестовати противъ такого наименованія!" началъ новый бесѣдникъ. „Вы, продолжалъ свертаючись къ предбесѣднику, вы — Денисъ выходите изъ заложенія, що на свѣтѣ не существуетъ ничого кромѣ матеріи и ей закона. Есть то правда, но правда естествознательна а не философическа. Вы покликуетесь на громадныи культурныи средства, пріобрѣтенныи изслѣдованіемъ матеріи и ей законôвъ и розвитіемъ техники. Хорошо, но я спрашиваю, изъ чого взяли начало тіи средства и чимъ собственно человѣкъ одолѣваетъ силы природы? Чи то мертва матерія изслѣдовуетъ законы и примѣняетъ ихъ практично въ механицѣ?... Конечно, то не матерія — то духъ, то геній человѣческій, которому и принадлежитъ господство. Именно въ нашихъ временахъ повсюду замѣтно преобладаніе духа и если дѣйстно наше столѣтіе характеризуетъ нервовый трудъ, то не естъ то трудъ матеріи, но человѣческого духа.

Вы сами напомнули теоретическое познаніе и я спрашиваю примѣромъ, где почиваютъ овыи непогрѣшимыи формулы математики, которыми мѣримъ отстояніе и правильность планетарного круженія, обчисляемъ вагу и успѣхъ механизма?... Въ матеріи може?... А овыи запутанныи конструкціи и помыслы изобрѣтеній, где маютъ свое начало, якъ не въ геніальной мысли человѣка?!

Всѣ отже культурныи средства, якими справедливо гордится нашъ вѣкъ, всѣ поступы химіи, медицины и пр., суть суммаричнымъ плодомъ умственного труда. Естъ прото началомъ культурныхъ средствъ, промысла и науки, духовая сила и въ тôмъ то смыслѣ сказалъ я, що ваша правда есть естествознательна лишь, но не философическа.

Впрочемъ, вы сами признаете существованіе неизмѣнимыхъ законôвъ природы, на теоретическôмъ познанію которыхъ почиваетъ практическая техника и овладѣваніе силами природы. Но я сновь спрашиваю, где начало того закона? Якая власть познаетъ его и практически приноровляетъ? Матерія не создала того закона, если сама ему подчинена и не матерія такожь изслѣдовуетъ его.

Тому посреди повсемѣстного нервового труда нашихъ временъ, видимо для философического наблюдателя господство духа и тому я называю наше столѣтіе — столѣтіемъ духа и идеи!"

Теперь записался до голоса поэтически настроенный Маркіянъ и заявилъ:

„Я охотно приступаю къ мнѣнію Осипа а если кого не убѣдили его слова то достаточно посмотрѣти на его безтѣлесную майже особу, щобы увѣритись въ господствѣ духа надъ матеріею."

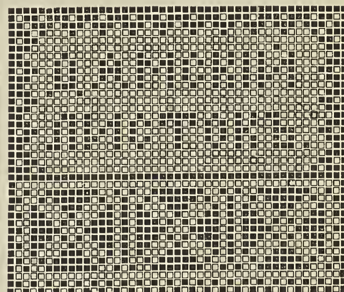
Всѣ голосно засмѣялись, а потомъ Маркіянъ продолжалъ:

„Все таки я позволю собѣ въ дополненію рѣчи Осипа обратити ваше вниманіе на... на идеалы, который почтенный защитникъ матеріи назвалъ погибшими и сложилъ ихъ великодушно до актôвъ!

Я буду такъ смѣлый, вытащити ихъ изъ архива и сказати, що нашъ вѣкъ не лишь не вырекся завѣтныхъ идеалôвъ человѣчества, но напротивъ, поспѣшно ихъ реализуетъ. Достойный предбесѣдникъ указалъ на начало культурного труда и средствъ, а я укажу на ихъ цѣль. Кто схочетъ оспоривати, що тою цѣлью естъ: создати всѣмъ людемъ екзистенцію, достойную человѣка и освободити человѣчество ôтъ рабской роботы и нужды. Ровнобѣжно съ тымъ идетъ розвитіе гуманности, квторая при всемъ нервовôмъ культурнôмъ трудѣ, прибираетъ що разъ реальнѣйшій видъ и николи еще не основано такъ много благотворительныхъ обществъ, институцій, больницъ, стипендій, фундацій, пособій и пр.

Даже въ самôмъ межинароднôмъ характерѣ культурного труда реализуется успѣшно идеалъ братства народôвъ, взаимное почитаніе и любовь и если такъ дальше пôйдетъ, то XX-ое столѣтіе преобразуется во всякôмъ ôтношенію."

„Я — перервала хозяйка, — была бы любопытна запознатись ближе съ пріобрѣтеніями пашихъ временъ и съ приблизительною перспективою на будущность! Тому я хотѣла бы, щобы розговоры на тую тему продолжались, а такъ якъ нашъ гость Миронъ нетерпеливится уже и часто смотритъ на свôй годинникъ, то я смѣю ôтложити розговоры на слѣдующій разъ съ тою пріятною надеждою, що гости являтся въ комплетѣ."



Историческіи женщины на Руси.

Гальшка — четырнадсятлѣтная вдова— вернула до матери. Сейчасъ сголосились новыи женихи. Хотѣлъ взяти Гальшку Зборовскій — но король супротивился, щобы черезъ сопружество съ Гальшкою, Зборовскіи не внадились ему въ землю Литовскую. Король затымъ выбралъ для Гальшки на жениха польского графа Лукаша зъ Горки. Беата однакъ не согласилась. Ей дочь чувство-

вала влеченіе лишь до одного изъ убѣгателей, Симеона Олельковича, князя Слуцкого, и ему хотѣла ôтдати Беата свою дочь.

Не было то по мысли короля, тожь ôнъ приѣхалъ въ Варшаву на дворъ своей матери королевой Боны, где перебывала тогды Беата, и тутъ за всякую цѣну рѣшилъ перевести свое намѣреніе. Беата была несломимою въ своей волѣ, тожь король завелъ вѣнчаніе пôдступомъ. Коли Беата скрылась передъ намовами въ одной комнатѣ, принесъ король Гальщцѣ будьто ôтъ матери перстень, яко знакъ согласія матери. Передъ престоломъ отвѣчала Гальшка, що лишь въ тôмъ случаю соглашаесь, если мати не противится.

Беатѣ сновь нанесла не малый ударъ вѣсть, що дочь ей уже свѣнчана; мати однакъ уважала вѣнчаніе то неправнымъ а тымъ самымъ не хотѣла знати Лукаша зъ Горки яко мужа своей дочери.

Наконецъ опасаючись, щобы при переѣздѣ короля и его сестеръ до Вильна, где тоже, на желаніе короля, должны были выѣхати Беата съ Гальшкою, не была дочь ей насильно похищена, рѣшила Беата тайно разомъ съ дочерью оставити Варшаву. Она заявила королю, що сдѣлаетъ по его волѣ, тымчасомъ однакъ, переодѣвшись съ Гальшкою совсемъ отмѣнно, выѣхала тайно изъ Варшавы во Львовъ; тутъ найшла прибѣжище въ монастыри Доминиканскôмъ, который въ то время былъ еще малымъ зданіемъ, стоящимъ середъ площади, обведенной старымъ муромъ.

Тутъ проживала Гальшка съ матерью, поки король не приказалъ имъ г. 1557 явитись передъ королевскою комиссіею, въ которой составъ входили межи иными: Николай Радзивилъ, воевода Виленскій, и Іоаннъ Горностай, воевода Новгородскій. Король хотѣлъ изъ нова приневолити Беату, щобы ôтдала Гальшку Лукашу зъ Горки, съ которымъ была уже вѣнчана, Беата однакъ не отвѣчала на той призывъ короля и оставала дальше въ доминиканскôмъ монастыри два лѣта 1557 и 1558. Доперва по соймѣ въ Пьотрковѣ года 1559, выдалъ король приказъ до львовского старосты Барзы, щобы той-же роздѣлилъ Гальшку съ матерью и передалъ первую Лукашу зъ Горки. Вслѣдъ за тымъ приказомъ короля, явился самъ графъ Лукашъ съ своими братьями Андреемъ и Станиславомъ, и съ численнымъ почетомъ сбройной шляхты, во Львовѣ, привесши съ собою актъ вѣнчанія съ Гальшкою, пôдписанный епископомъ Чарнковскимъ а Лукашъ требовалъ теперь ôтъ старосты Барзы, щобы той-же якъ найскорше взялся за сполненіе королевского приказа. Староста явился самъ въ монастыри Доминиканскôмъ и въ долшôмъ розговорѣ старался наклонити Беату, щобы согласилась съ волею короля.

Однакъ Беата остала несломимою. На представленія старосты она заявила, що сопружество Гальшки съ Лукашемъ, уважаетъ несбывшимся, мати бо не согласилась на то.

„И николи, поки жію, не соглашусь!“ говорила, войшовши въ жаръ, Беата! „Такъ ôтплачается Острожскимъ король! Тымъ Острожскимъ, що славою были и суть его державы, що такъ много побѣдъ принесли для него! А теперь женщины изъ того рода лѣтами сидятъ якъ бы въ тюрмѣ, якъ въ неволи татарской. Вмѣсто взяти въ защиту ихъ, ôнъ еще выдаетъ такіи приказы! Радше погину и я и дочка моя, а Гальшки не дамъ незванному жениху. И кождая женщина такъ сдѣлалабъ. И ты, старосто, скажи, не поступалъ бы иначе, еслибы король противъ твоей воли приказалъ тобѣ дати за жену кому твою дочку? Видишь той кинжалъ? Скорше пробьетъ ôнъ мою и моей дочери грудь, чимъ Гальшка станетъ женою ненавистного намъ графа Лукаша.“

Такъ говорила Беата, не надѣялась однакъ, що и король не дасть сломити своей воли.

Тогожь дня вечеромъ, коли утихъ уличный гаморъ князь Симеонъ Олельковичъ, одѣтый яко жебракъ, перебрался черезъ браму до монастыря.

Передъ престоломъ присягала теперь Гальшка вѣрную любовь Симеону Олельковичу князю Слуцкому, а тымчасомъ графъ Лукашъ зъ Горки собиралъ въ округъ монастыря своихъ дружинниковъ и забрался силою добывати монастырь и скрытую тамъ-же Гальшку. На другій день вѣсть о вѣнчанію Гальшки съ княземъ Слуцкимъ розъярила графа и ôнъ приказалъ дружинѣ добиратись черезъ муръ въ монастырь.

Началась теперь кровавая борьба. Не дармовала и дружина Беаты и держалась крѣпко. Лукашь мусѣлъ уступити. Ôнъ началъ нападъ другого и третого дня, но все безуспѣшно. Такой борьбѣ не могли приглядатись долше львовскіи жители. Они взялись боронити монастырь. Городскій урядъ покликалъ до службы своихъ пушкарей и черезъ посла просилъ у короля о сбройную помощь.

Зачимъ однакъ тая надоспѣла, взялъ староста львовскій пôдступомъ монастырь. Ôнъ перетялъ водную струю, котора доставляла изъ замковой выжины воду для монастыря. Такъ прождалъ староста нѣсколько дней. Въ послѣдствіяхъ ôнъ не ошибался. Въ монастыри вся залога унылa безъ воды. Беата выслала теперь дворянъ до старосты и извѣстила его, що дочь ей уже стала женою Слуцкого князя, що затымъ графъ Лукашъ уже долженъ уступити. Староста однакъ не отвѣчалъ. Слѣдующого дня сновь просила Беата о помилованіе. И теперь слôвъ ей не слухалъ староста.

Наконецъ обезсилена она сдалась. Она рѣшила, дати старостѣ дочь Гальшку въ секвестръ, поки дѣло сопружества Гальшки съ Олельковичемъ не рѣшится королемъ. Теперь въѣхалъ староста черезъ отвертую браму въ монастырь. Гальшка въ безсилію, съ блѣднымъ лицемъ, смарнѣвшая такою тюрмою, сойшла въ сопроводѣ старосты изъ комнатъ въ кабріолетъ и такъ увезъ ею староста въ львовскій замокъ. Тутъ помѣщеною была Гальшка въ одной изъ темныхъ комнатъ. При ней оставала сестра старосты. Гальшка однакъ попала въ еще бôльшій сумъ. Въ вязницѣ той она въ молчанію сидѣла, всецѣло ôтрапичена ôтъ свѣта.

Недолго была Гальшка въ той вязницѣ. Выйшла изъ ней, щобы попасти въ новую четырнадцятлѣтную неволю. По рѣшенію короля, графъ зъ Горки, признанъ ей правнымъ мужемъ, забралъ ею на свôй самокъ въ Шамотулахъ. Гальшка однакъ и тутъ не сломилась. Тожь въ то само время, коли графъ, не добившись приклонности Гальшки, изъ отчаянія гулялъ по свѣту, сидѣла Гальшка лѣтами пôдъ стражею въ его замку, въ малой комнатѣ высокой башни, изъ которой розлягался видъ на таинственный въ округъ розлягающійся лѣсъ и на далекіи ровнины. Стражь строго стерегла плѣнницю. Въ прочемъ безжизненно было въ замку. Порою лишь заѣзжалъ князь и сновь пущался въ свѣтъ и гулялъ, а зъ ôкна высокой башни постоянно выглядала чорно одѣтая, красивая, блѣдная плѣнниця, выглядала помощи, однакъ даромъ. Лѣта минали а въ замку Шамотульскôмъ все одна стражь, все одинъ лишь шумъ лѣсный и безжизненность.

Окрестный простолюдинный народъ, который часто малъ случайность, видѣти въ выжнихъ окнахъ замка женщину чорно одѣтую, съ чорною заслоною на лицѣ, и то въ продолженію цѣлыхъ 14 лѣтъ, не знаючи минувшости Гальшки, приходилъ на различныи домысли и розлично толковалъ собѣ такое увязненіе якой-то таинственной женщины. Одни говорили, що она есть дочерью графа Лукаша, що полюбивши якого-то юношу изъ нисшого сословія, бѣжала была давно съ нимъ изъ замка, долго укрывалась по сосѣднимъ селамъ, послѣ попала въ нужду, и наконецъ пойманна отцемъ, сидитъ теперь въ вязницѣ, съ наложенною, за кару, на лице чорною маскою. Иныи сновь толковали, що дочь Лукаша родилась темна на лицѣ, якъ муринка, що затымъ графъ не желаючи показати ею свѣту, заперъ ею на всегда въ тыхъ комнатахъ. Розсказы тіи о Гальщцѣ, межи народомъ, прибирали чимъ разъ бôльше фантастичный и таинственный образъ.

(Прод. посл.)

Изъ гумористики

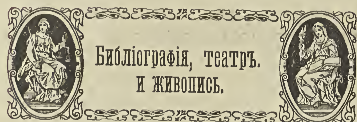
Розмышленія Выдумальского.

Гмъ... Читаю въ той книзѣ: Що есть теорія?... Гмъ, теорія... теорія то наука, которая освобожденна ôтъ всего земного, изъ духовно-интуитивной точки зрѣнія, пôдъ руководствомъ спекулятивной философіи, черезъ строгіи заключенія и логическое дѣйствіе мысли, удерживана категорическимъ императивомъ найчистѣйшого субъективизма, — соединяетъ даже негативное съ абсолютнымъ существованіемъ и такъ приводитъ къ сознанію фигуральныи понятія человѣка, поднесенныи до математической евиденціи!

То естъ теорія — ага!

РОЗЛИЧНОЕ.

Россини о фортепьянѣ. У одного собирателя середновѣчнихъ древностей была совершенная коллекція мучительныхъ снарядôвъ, употребляемыхъ за временъ инквизиціи. Россини, вступивши въ то отдѣленіе музея, сказалъ: „Коллекція численна, но все таки я не вижу тутъ одного изъ найстрашнѣйшихъ тортуровыхъ инструментôвъ.“ — „Ну, якого на примѣръ?“ — „Конечно, фортепьяна,“ отвѣтилъ серіозно знаменитый музыкъ.



Новости музычныи. »Chanson populaire Ukrainienne: ‚Ходитъ гарбузъ по городу“, composée pour le piano en forme d'une gavotte et dédiée a Madame la baronne Marie Steinheil par Nicolas Lisenko. Op: 22. Prix cop. 60. Kieff et Odessa.“ — „Adieu a l'Ukraine, piéce de Salon pour le piano par Ladislas Zaremba. Prix 50 cop. Kieff et Odessa.“

„Гуцулка, думка и три коломыйки на фортепьянъ, уложилъ и посвятилъ Обществу Русскихъ Дамъ во Львовѣ. И. О. Дуркотъ. Цѣна екз. 50 кр.

„Русской библіотеки,“ издаваемой И. Пелехомъ во Львовѣ, появились выпуски V и VI за мѣсяцы Май и Юній. Выпуски тіи обнимаютъ продолженіе знаменитого романа Г. П. Данилевского, п. з. „Мировичъ.“

Появился изъ печати на дняхъ „Литературный Сборникъ гал. рус. Матицы“ и „Библіографія за г. 1889.“ О изданіяхъ тыхъ будетъ подана близшая вспоминка въ слѣдующôмъ числѣ „Нов. Галичанина“

КАЛЕМБУРЪ.

До слѣдующихъ слôвъ прійдутъ початковыи буквы, которы составлятъ съ поданными словами новыи слова и дадутъ названіе одного общества.

— пять
— аронъ
— о!
— два
— мѣхъ
— актъ
— другъ
— конь
— ебро
— вага
— онетъ
— губа
— амѣнь
— ванна
— валити
— воръ
— постолы
— ода.

Толмачевъ.

Розвязка слогосклада на ст. 136.

Р а в **А**
У **М**
С о в **А**
Л е о н и **Д**
А в с т р а л і **Я**
Н е в **А**
И н с а р о **В**
Л и с е н к **О**
Ю н а **К**
Д е л ь ф **И**
М и з а н т р о **П**
И н с и л о **Н**
Л о д **И**
А л л а **Г**
М и р а м а р **Е**
А н д е р с е **Н**
З е р **О**
Е р м о л о **Й**
П е ч ч **І**
А р ш и **Н**
Е в т е р п **Е**
В р а **Г**

т. е.: Русланъ и Людмила — Мазепа — Евгеній Онегинъ — Пиковая дама.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 14. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Липня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выносить 5 злр. полугодичная 3 злр.

СУМАСШЕДШІЙ.

РОЗСКАЗЪ

Сватоплюка Чеха.

(Изъ чешского.)

Труднымъ бываетъ начало практики лѣкарской! По поводу того изреченія молодый докторъ медицины, Станиславъ Горливый, могъ бы написати объемистую книгу и малъ бы къ тому даже не мало времени. Поселился ôнъ въ городѣ Л. майже въ одно время съ молодымъ адвокатомъ Залогою, и що-же! Дръ Залога уже жаловался на недостатокъ времени и продолжительность посѣщеній, хотяй ему и приходилось соперничати съ ловкимъ адвокатомъ, который славился уже въ городѣ и въ окрестности бôльшою практикою. Докторъ Горливый, напротивъ, ніякъ не могъ добыти ни одного приличного паціента, хотяй товаришъ его, старый лѣкарь, былъ полуслѣпый и глухій, и хотяй у Горливого была голова полна знаній, а ящики и коробочки наполнены были розличными пилками, ножичками и ланцетами, такими блестящими и выточенными, що пріятно было на нихъ смотрѣти. Однакъ ни одинъ изъ Л-скихъ аристократôвъ не заявилъ до сихъ поръ желанія испытати на собѣ ихъ сказочную остроту. Человѣколюбивымъ желаніемъ молодого доктора было, щобы всѣ обитатели города занемогли разомъ всевозможными недугами, и ôнъ могъ бы всѣхъ ихъ исцѣлити и излѣчати. Но, они проходжали собѣ пôдъ его ôкнами совершенно здоровыи и смотрѣли иронически, якъ ему казалось, на изящную дощечку съ позолоченною надписью, прибитую у его дверей. Если же кто-нибудь изъ нихъ заболѣвалъ, то тащился мимо вышеупомянутой дощечки до жилища счастливого коллеги и на его рукахъ испускалъ свою затвердѣвшую душу.

Однакъ тую танталовую муку молодыхъ лѣкарей описало уже не одно, бôльше мѣткое, перо. Приступимъ же лучше къ приключенію, которое я хочу розсказати.

Василій Тарасовичъ.
Епископъ Мукачевскій.

Одного дня докторъ Горливый смотрѣлъ съ справедливымъ негодованіемъ на ôткормленныхъ горожанъ, бродившихъ внизу по грязному розѣзженному снѣгу, окутанныхъ фланелью и шубами, и головною мыслею его было: „Ну, якъ бы васъ вѣтрецъ не продулъ!“ Чимъ долше ôнъ смотрѣлъ на тіи круглыи, роскраснѣвшіися ôтъ холода лиця, тымъ мрачнѣйше пôднимались его брови пôдъ безнадежно свѣсившимся фезомъ и тымъ бôльше густыи клубы презрѣнія выпускалъ ôнъ изъ долгой люльки на улицю.

Вдругъ ôнъ далеко ôтложилъ люльку, погладилъ, якъ бы въ утѣшеніе, спустившійся фезъ и съ розгорѣвшимися очима уставился съ напряженнымъ ожиданіемъ вглубъ улицы. Побрякиваючи звончиками, летѣли тамъ дворскіи сани, роскидаючи брызги грязи съ снѣгомъ. Надъ самымъ дышлемъ сидѣлъ широкоплечій мужикъ въ засаленной капотѣ, съ

широкимъ, червонымъ лицемъ и истертою косматою шапкою на головѣ, которой пожолтѣвшіи кудлы, такъ похожи были на его волосы, що положительно не можно было розобрати, где кончаются одни и начинаются другіи.

Дръ Горливый уже хотѣлъ изъ нова разомъ съ клубами дыма ôтогнати и благую надежду, якъ вдругъ, противъ всякого ожиданія, сани остановились майже пôдъ самыми ôкнами, и повозчикъ крикнулъ стоящому у воротъ торговцику: „Где тутъ живетъ новый докторъ?" Докторъ Горливый мало самъ не прокричалъ внизъ отвѣта, но сейчасъ вспомнилъ, що тымъ ôнъ унизилбы свое достоинство. Торговщикъ отвѣтилъ: „А тутъ, въ первôмъ поверсѣ."

Въ одну хвилю фезъ и люлька были въ углѣ. Докторъ застегнулъ жакетъ и пригладилъ рукою чорныи волосы и усы. (При тôмъ замѣчу, що докторъ былъ красивый молодый человѣкъ.) Потомъ ôнъ сталъ противъ дверей въ позѣ, которую въ свободныи минуты (а ихъ у него было не мало) давно придумалъ въ самыхъ меньшихъ подробностьяхъ: одна рука почивала на столѣ, где соблазнительно были розложены ланцеты, ножички и пилки; другая лежала на груди такъ, що блестящій дорогоцѣнный камень перстеня долженъ былъ сверкнути прямо въ очи входившому паціенту.

Шумныи шаги приблизились; росдался стукъ въ дверь и повозчикъ войшолъ съ неяснымъ привѣтствіемъ въ комнату.

Повозчикъ — то была правдивая гора. Для полноты сровнанія прибавлю, що лице его было словно ночная луна, восходящая надъ тою горою.

„Що вамъ угодно?" съ сердечностію спросилъ Горливый.

„Я за г. докторомъ."

„Ôтъ кого?"

„Изъ Бешина."

„Кто призываетъ?"

„Дѣдичъ."

Почувши то важное извѣстіе, докторъ на минуту прекратилъ свои роспросы. Ôнъ старался пригадати, щó зналъ о владѣльци Бешина. Того было весьма немного. Зналъ ôнъ, що его звали Дртина, чулъ о немъ розличныи розсказы, но щó именно и въ якôмъ родѣ, совсемъ не помнилъ. Общимъ же выводомъ всѣхъ тыхъ розсказôвъ осталось у него убѣжденіе, що бешинскій дѣдичъ — бôльшій чудакъ.

„Такъ, значитъ, ôтъ г. Дртины?" продолжалъ ôнъ свои розпросы.

„Ну, такъ, ôтъ дѣдича. Я ино-що розпрягалъ кони и радовался, що минутку ôтдохну. Вдругъ прибѣгла сверху панночка, съ заплаканными очима, и приказала: ‚Венцель, запрягайте сейчасъ новыи сани и поѣзжайте за г. докторомъ. Лишь за тымъ... новымъ — понимаете?' — Я кивнулъ головою, а самъ подумалъ: чортъ бы побралъ ту службу!"

„А що съ г. дѣдичемъ?"

Повозчикъ, вмѣсто отвѣта, вытаращилъ очи на говорившого, якъ бы не понимаючи, потомъ же махнулъ рукою.

„Чого-то у него недостаетъ! Или, скорше, есть що-то лишное — тутъ." При тôмъ ôнъ показалъ пальцемъ на свое низенькое чело, и бѣлыи его зубы заблестѣли въ простоватой улыбцѣ.

„Якъ?" воскликнулъ удивленный докторъ, „не лишился же ôнъ розсудка?"

„Лишился, совсемъ лишился. Сегодня еще розбилъ о мою голову новое кнутовище."

„Значитъ приходитъ въ ярость?"

„А такъ! Вчера и сегодня ôтъ рана до вечера такъ ругался, що волосы встаютъ. Тамъ, въ выжнихъ комнатахъ, былъ постоянный грохотъ. Бѣдняжка панночка страдала, якъ мучениця. Крикъ роздавался на все село. Часомъ ôнъ выбѣгалъ на дворъ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ, поднималъ въ гору кулаки, часомъ остановлялся, — ну, просто, трѣсни со смѣху!"

Докторъ не могъ долше сдерживати своего неудовольствія по поводу такого грубого ôтношенія мужика къ несчастью своего повелителя.

„Не вижу въ тôмъ ничого смѣшного!" сказалъ лѣкарь, строго поглядаючи на смѣющогося повозчика. „Вамъ слѣдовало скорше пожалѣти несчастного. Понимаете? Оправьте сидѣнье въ саняхъ; я прійду сейчасъ вслѣдъ за вами."

Венцель принялъ выговоръ доктора съ замѣтнымъ удивленіемъ; роздвинулъ уста, вытаращилъ очи, потомъ покачалъ головою и махнулъ рукою.

Дръ Горливый подумалъ съ минуту, потомъ отворилъ одинъ изъ габлотôвъ и вынялъ куртку, употребляемую для усмиренія въ ярость попадающихъ сумашедшихъ. У него все было въ запасѣ.

Вскорѣ послѣ того сани летѣли уже за городомъ по бѣлой зимовой дорозѣ. Дръ Горливый, закутанный въ шубахъ, погрузился въ глубокое роздумье. Душевныи болѣзни требуютъ бôльше, чимъ иныи, личной опытности, — а у него ей не было. Ôнъ старался пригадати нѣкоторыи изъ тыхъ розсказôвъ, которыи зачувалъ о бешинскôмъ помѣщику, надѣючись, що они послужатъ ему аріадниною нитью въ лабиринтѣ его помутившихся мыслей, но ніякъ не могъ ни одного изъ нихъ оживити въ памяти. Съ грубымъ же повозчикомъ ему не хотѣлось говорити о тôмъ предметѣ. „Самыи вѣрныи свѣдѣнія можетъ мнѣ дати дочь помѣщика," рѣшилъ ôнъ наконецъ. И вдругъ ему представились странныи образы. Въ шумѣвшôмъ около летѣвшихъ саней воздусѣ являлись странныи стати, которы вскорѣ росплывались, исчезали, и передъ докторомъ явился прелестный, нѣжный образъ дѣвочки съ грустно-опущенною головкою, съ блестящою слезою на блѣднôмъ лицѣ и той образъ пріятно выдѣлился своею чорною одежью на чистой бѣлизнѣ снѣга. Простѣтъ доктору тіи фантазіи, — человѣкъ ôнъ былъ молодый, свободный! Коли они уже подъѣзжали къ бешинской осадьбѣ, докторъ очнулся и, нагнувшись къ повозчику, спросилъ: „А вашъ г. помѣщикъ сильный?"

Повозчикъ сновь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на лѣкаря, и немного пождавши, отвѣчалъ:

„Не дуже. Я бы его въ минуту опрокинулъ!"

„Хорошо! Вѣроятно, прійдется укротити его силою. Стôйте за дверями, коли я къ нему войду, и по первому зову прійдѣтъ мнѣ на помощь."

Повозчикъ изъ удивленія просто остолбенѣлъ.

„Хиба г. докторъ хочетъ..." пробормоталъ ôнъ. „То вѣрно... шутка..."

„Я не знаю шутокъ въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ. Якъ я уже сказалъ, вѣроятно прійдется укротити его силою. На случай такой необходимости будьте готовы. Я впрочемъ, поговорю еще съ дочерью."

Минуло много времени, поки повозчикъ опомнился ôтъ испуга и привелъ въ нѣкоторый порядокъ перепутавшіися мысли въ своей головѣ. Ôнъ откашливалъ, оглядался на доктора и хиталъ головою. Наконецъ вспомнилъ кнутовище, розбитое о самую слабую часть его могучой особы, и пôдъ вліяніемъ того воспоминанія, рѣшилъ, що исполнитъ волю доктора, будь щó будетъ. Принявши такое рѣшеніе, ôнъ сильно хлестнулъ коней.

Коли въѣхали въ дворъ, повозчикъ показалъ пальцемъ по направленію къ дому и, нагнувшись къ санямъ, сказалъ: „Тамъ, внизу... стоитъ." — Дръ Горливый посмотрѣлъ въ указанное мѣсто и увидѣлъ тамъ высокого, худощавого человѣка, странно махавшого руками въ воздуху. Странной формы голова съ низкоспадающою на лице прядью сѣдыхъ волосъ, и злобно сверкающіи очи, — все то довольно подходило къ тому понятію, которое докторъ, изъ слôвъ повозчика, составилъ собѣ о своимъ первôмъ паціентѣ. Бешинскій дѣдичъ еще изъ дали привѣтствовалъ своего повозчика цѣлымъ градомъ ругательствъ. Коли же сани остановились передъ выступомъ дома, его лѣвая рука заявила сильное стремленіе по направленію къ огненнымъ кучерямъ Венцля, правою же ôнъ такъ сердечно пожалъ руку доктора, що той мало не закричалъ. Въ то же время изъ устъ

его излился двойный потокъ упрекôвъ и привѣтствій, которыи совсемъ перепутовались и неоднократно мѣняли свое значеніе.

(Конецъ посл.)

Жорна каменной епохи.

А. С. Петрушевичъ.

(Окончаніе.)

Окончиваючи мою статью о каменныхъ теркахъ зеренъ, употребляемыхъ въ глубокой древности въ розличныхъ сторонахъ Европы, не могу на мѣстѣ тôмъ не обратити еще вниманія любителей древностей на помѣщенную мною въ Новôмъ Галичанинѣ N. 1, 1891 года, статью: „Старина каменной епохи.“ Тамъ подалъ я изображеніе каменного орудія въ видѣ столярского гебля (струга), которое, вѣроятно употреблялось не лишь для гладки розличныхъ предметôвъ, но такожь для терки зеренъ и другихъ вещей помѣщенныхъ на сподной каменной плитѣ, изъ якого рода орудія, думаю, уцѣлила лишь горная часть мною уже въ Новôмъ Галичанинѣ описана.

Изъ выше сказанного явствуетъ, що каменныи терки находятся не лишь въ западной Европѣ, но такожь въ словенскихъ земляхъ, для того могли такожь Словене древне пользоватися описанными каменными жорнами въ ихъ первоначальнôмъ видѣ, подобно тому якъ въ недостатку металлевыхъ орудій пользовались Словене каменными молотками, клинами или долотами и проч. По той причинѣ возникающій вопросъ, была ли у Словенъ каменная епоха, оставляю еще на сей разъ съ моей стороны не рѣшеннымъ до дальшихъ повсемѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій. Въ такôмъ интересѣ просимъ умильно нашихъ соотечественникôвъ о прилѣжное собираніе всякихъ памятникôвъ каменной епохи, открываемыхъ въ нашихъ областяхъ, и о благосклонное присыланіе тыхже въ археологическій музей русского Народного Дома во Львовѣ, для храненія и изученія нашой старины. Впрочемъ, щôбы небыло, для составленія жоренъ прежде всего употреблялся камень, своею твердостію способный для терки зеренъ. Сказанное тутъ мною доказуется первоначальнымъ значеніемъ старословенского слова жръны, польск żarna, литов. girnos, прусск. girnoywis, готск. qairnus, ahd. quirn. Сюда слѣдуетъ ôтнести русск. жерновки, lapides cancrorum, Krebsaugen. Всѣ выше приведенныи слова ôтноситъ O. Schrader (Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena 1890. S. 176) къ одному корню (Stamm): „*gerno, dessen ursprünglicher Sinn »Zerreibung“ oder »Zerreiber« war (skr. jar übertragen, sich abnützen).« На противъ того, не соглашаючись съ мнѣніемъ госп. О. Шрадера, утверждаю, що въ словѣ жръны, слѣдуетъ усмотривати келт. carn, сабинск. herna, saxa, баск. harria, армен khar, перск. khara, lapis, срав. санскр. gra'-van, Stein zum Auspressen des Soma; слѣдовательно названіе жоренъ ôтносится къ веществу ихъ составленія т. е. камню.

Подобно тому первоначальнымъ веществомъ молота былъ такожь камень, о чемъ нѣмецкое названіе его Hammer насъ увѣряетъ. Въ тôмъ предметѣ пишетъ J. Grimm (Deutsches Wörterbuch. Leipzig. 1868. IV B. Zweite Abth. S. 313.): „Die seit lange erkannten etymologischen Bezüge des Wortes (Hammer) ergeben, dass dieses uralte deutsche als Handwerkszeug wie als Waffe benützte Gerät, ursprünglich ein steinernes war. Wie noch altnord. Hamarr neben Hammer auch Fels, Klippe bezeichnet,*) so ist aus den urverwandten Sprachen verglichen altslav. kamen Stein, litt. akmu, lett. akmins, griech. ἄκμων, sanskr. açman, Wörter, die nur ein von dem deutschen verschiedenes Bildungssufix tragen, und der Wurzel aç, sich schnell, heftig bewegen, zufallen zu der dann ferner skr. açan Stein, Wurfgeschoss, açani Keil, griech. ἄκων, lat acies fallen. Das sanskr. açman bezeichnet Stein, Schleiderstein, Felsstück, dann die himmlische Schleuderwaffe, den Donnerkeil (Böthl.-Roth 1. 516) und dem entsprechend war auch im deutschen derjenige Hammer, den man dem Donnergotte zutheilte öfter und wie es scheint älter als Keule oder Keil aufgefasst. Deutsche Mythol. 165 f.; und wenn noch nhd. Kornhammer (s. 1825) für den Dreschflegel steht, so mag hierin die älteste keulen-oder schleuderähnliche Form des Hammers nachklingen.“

Съ словенонѣмецкимъ словомъ Hammer стоитъ въ языковой и митической связи словенское слово млънія fulgur, fulmen, хорутан. muniti (молнити) coruscare лужицк. milina сѣверное сіяніе, такъ якъ въ скандинавскôмъ языцѣ miölnir, означаетъ вмѣстѣ молнію и молотъ.

I. Гриммъ (Deutsche Mythologie. Göttingen 1854. S. 164 пишетъ: „Die nord. Mythologie legt dem Thôrr ausdrücklich einen wunderbaren Hammer zu, Miölnir (tudes, contundens) genannt, den er gegen die Riesen schleudert; er heisst auch thrudhamar (starker Hammer), und hat die Eigenschaft nach dem Wurf von selbst in die Hand des Gottes zurückzukehren Sn. 132. Diesen Hammer, wenn er durch die Luft fährt, kennen die Riesen, seinem Wurf gehen Blitz und Donner voraus..« О замѣчательнôмъ сходствѣ сканд. miölner съ словен. молнія пишетъ I. Гриммъ (тамже стр. 1171): „Miölner kling bedeutsam an die slavischen Benennungen des Blitzes molnija und munja, in den serbischen Liedern wird letztere zur personificierten Munja, und als Schwester des Donners (Grom), als Braut des Mondes (Miesetz) dargestellt (Vuk. I. 151. 154. der neuen Ausg.), was der Personification des Hammers (s. 166. 951) begegnet. Um so mehr ist Molnija dem Miölnir identisch. Auch den Römern muss der Donnerkeil silex, ein Jovis lapis gewesen sein: lapidem silicem tenebant juraturi per Jovem haec verba dicentes: „si sciens fallo tum me Dispiter salva urbe arceque bonis ejiciat, uti ego hunc lapidem.“ Aus des Juppiter feretrius Tempel holten schwörende Stab und »lapidem silicem, quo foedus ferirent“, gerade wie Thors Hammer Bündnisse weihte.«

Наконецъ на мѣстѣ тôмъ изъ древнѣйшихъ преданій сохранившихся въ русскôмъ народѣ, не могу премолчати о языческôмъ обычаю, состоящôмъ въ тôмъ символическôмъ дѣйствію, що русскій мужикъ при первôмъ услышанію грома весною бьется камнемъ въ голову, съ воскликомъ: „камень голова!“ щобы такимъ способомъ избѣгнути боли головы.*) Изъ приведенныхъ тутъ германскихъ и словенскихъ митическихъ данныхъ явствуетъ, що древнѣйшіи преданія о божествѣ грома, германскôмъ Торѣ и словенскôмъ Перунѣ восходятъ до каменной епохи у тыхже народôвъ, и що дальшіи доказательства въ тôмъ предметѣ со временемъ доставитъ сравнитель-

---

*) I. Гриммъ (Deutsche Mythologie S. 165) пишетъ тоже: Das altn. Hammar hat noch beiderlei Sinn rupes und malleus; sahs wiederum ist Steinmesser, folglich das lat. saxum. Dieser Name (Hammar) schickt sich ganz besonders für ein Werkzeug (молотъ), womit der Berggott Donar, jener Fairguneis (ср. литов. Perkunas), alle seine Thaten vollbringt; weil nun des Gottes Hammer einschlägt, und die Flüche „der Donner (громъ) schlage dich“, oder „der Hammer schlage dich“! gleichviel aussagten, so entsprang in einigen zumal niederdeutschen Gegenden nach dem Untergang des Gottes Donar, eine Personification des Wortes Hammar mit dem Begriffe Tod oder Teufel.«

*) Сюда слѣдуетъ ôтнести русскимъ простонародіемъ такъ названы каменныи Перуновыи или громовыи стрѣлки (Белемниты), у Нѣмцевъ Teufelsfinger. Марбодь французскій писатель XI вѣка въ своимъ розсужденію „De gemmarum lapidumque praetiosorum formis, natura et viribus«, уже пишетъ, що изъ неба низпадающій ceraunius (κεραυνίας) ношенъ человѣкомъ, »qui caste gerit hunc, a fulmine non ferietur, neo domus aut ville, quibus affuerit lapis ille.“ Въ тôмъ оказуется древнѣйшій культъ Бога грома, восходящій, якъ думаю, до каменной епохи европейскихъ народôвъ, бывшихъ еще охотниками и скотопасцями. См. I. Гриммъ (Deutsche Mythol. Donnersteine S. 1170.).

ное языкознанie яко древнѣйшій источникъ для исторіи человѣчества и первоначального мѣстопребыванія тогожь на земли.

Угорская Русь.

Изъ Мукачева.

Юлій Фирцакъ. Новоименованный епископъ Мукачевскій, Юлій Фирцакъ, родился 26-го Августа 1836 г. въ селенію Худльово (Horló), Унгварского комитата, где отецъ его Василій (ск. 1887) состоялъ приходскимъ священникомъ. Матерь, урожденная Тересія Гаджега, живетъ при немъ. Родители для воспитанія сына наложилили всю старательность и бôльшіи издержки; но и не безъ успѣха. Елементарныи школы кончилъ въ Мукачевѣ, а гимназію въ Унгварѣ, Сатмарѣ и Кошицяхъ. Года 1855 принятъ былъ въ клирики Мук. еп. тогдашнимъ епископомъ Василіемъ Поповичемъ и посланъ на богословскіи студіи въ Вѣдень, въ заведеніе св. Варвары. Возвратившись изъ Вѣдня, былъ назначенъ профессоромъ Догматики и Пастырского богословія въ Унгварскôмъ епископскôмъ лицеѣ. Года 1861 женился съ Емиліею Геревичь, дочерью священника Греблянского, Іоанна Геревича, помершою въ годъ послѣ свадьбы. Года 1862 произведенъ въ пресвитеры. Отселѣ весь посвятился священническому званію и наукамъ. Дѣлалъ путешествія въ Францію, Италіи, Турціи и Сербіи, къ чому предварительно изучилъ французскій языкъ, владѣючи при тôмъ въ совершенствѣ нѣмецкимъ языкомъ. Прекрасно писалъ и русскимъ литературнымъ языкомъ, особенно въ началѣ 60-хъ год., коли говорити и писати по русски начали въ Угорской Руси. Года 1872 именованъ почетнымъ каноникомъ, 1875 г. ректоромъ духовной семинаріи, а 1876 г. дѣйствительнымъ каноникомъ и вмѣстѣ почетнымъ аббатомъ титула: »de Valle Honesta.“ Протоіереемъ капитула (praepositus major, seu archipresbyter cap.) именованъ 1886 года. Въ Юнію 1887 года былъ избранъ одноголосно въ соймовыи послы изъ Березницкого избирательного округа въ Унгварскôмъ комитатѣ. Въ соймѣ угорскôмъ сталъ по сторонѣ либеральной, или правительственной и былъ предсѣдателемъ учебной комиссіи сойма, въ засѣданіяхъ которой подносилъ бôльше рѣчей въ интересѣ народного образованія. Епископомъ Мукачевскимъ именованъ 26-го Мая тек. года.

И. В.

(Продолженіе статьи изъ нумера 12.)

Исторія первыхъ Мукачевскихъ епископôвъ стоитъ въ тѣснôмъ союзѣ съ исторіею русскихъ монастырей, а именно по той причинѣ, що епископы избираемы были изъ чина св. Василія, если же случайно избранный епископъ не былъ членомъ чина св. Василія долженъ былъ передъ своимъ посвященіемъ низложити обѣты монашескіи.

Первый Мукачевскій епископъ Іоаннъ обиталъ частью въ Мукачевскôмъ, — частью же въ Грушовскôмъ монастыри (у Мармароши), который послѣдній былъ архимандріею титула св. Архистр Михаила.— Имп. Владиславъ г. 1498, повторительно подтвердилъ во владѣнію сей архимандріи Іоанна епископа, который былъ уже соединенный, якъ и все духовенство его и народъ русско-румунскій въ Мармароши.

Вторымъ Мукачевскимъ епископомъ былъ **Василій** (у мадьярскихъ писателей упоминается Laszló – Ladislaus, по принятому бо обычаю Мадьяре называютъ Василія Laszló-вомъ). Года 1551, дипломомъ Фердинанда взятый былъ Василій пôдъ покровительство, противъ нѣкоторыхъ священникôвъ, отрекшихъ ему каноническаго повиновенія. Изъ того пронешествія, якъ тоже во виду того, що ôтъ времени Владислава до Фердинанда въ теченію 60 лѣтъ, ненаходимъ слѣда ніякого епископа, можно заключати, що въ то время Мукачевскій монастырь, яко обиталище епископа, перенесъ нѣкое несчастье; такъ-же вѣроятнымъ есть, що нѣкоторыи ôтъ соединенія оторвавшіися священники отрекли повиновенія. Изъ дипломôвъ Фердинанда, изданныхъ въ защитѣ сего епископа явствуетъ, що въ то время свѣтскіи вельможи въ великой мѣрѣ мѣшалися въ церковныи, особенно брачного союза дотычащіи дѣла.

Третій епископъ приходитъ пôдъ именемъ **Иларіона** г. 1558, которого имп. Изабеля, вдова по Іоаннѣ Запольѣ, со всѣмъ клиромъ освободила ôтъ ношенія общихъ бременъ, изъ чого явствуетъ, що клиръ Мукачевской епархіи до тыхъ поръ съ латинскимъ клиромъ не стоялъ на одной степени, а былъ земскими посѣдателями на всякіи роботы и дачки принуждаемый. Въ пользу тогоже Иларіона изданый былъ вторый дипломъ Іоанномъ II, якъ самъ себе называетъ, избраннымъ царемъ мадьярскимъ, дальматскимъ и хорватскимъ; тутъ даетъ свободу Иларіону избрати наслѣдника. Общеизвѣстно, що въ горѣшной части Угорщины въ то время владѣли Іоаннъ Заполья послѣ же его вдова и сынъ, употребляючи разомъ царскихъ правъ и титулôвъ, и изъ того походятъ и титулы въ выше реченныхъ двохъ дипломахъ.

Имя **четвертого** епископа неизвѣстно. Сберегаются однакъ въ пользу его изданныи Максимиліаномъ II. два дипломы; въ однôмъ изъ тыхъ-же г. 1569. титулуется ôнъ „reverendus N. episcopus.“ Тыми дипломами епископъ защищается противу тыхъ, которы его въ каноническôмъ обозрѣнію Мукачевского монастыря обезпокоивали.

Пятымъ епископомъ былъ **Ладиславъ II.** (вѣроятнѣйше Василій), о которôмъ упоминаетъ имп. Рудольфъ II и его братъ Маѳія Губернаторъ Угріи, въ дипломахъ изъ г. 1597, защищаючи его въ церковныхъ правахъ ôтъ напастникôвъ.

Шестый епископъ былъ именемъ **Сергій**, которого тойже архикнязь Маѳія дипломомъ зъ г. 1601 взялъ, якъ выражается „пôдъ окремѣшную защиту Его кор. царского величества.“ — Года же 1606 Стефанъ „Hungariae Transilvaniaeque Princeps, et Siculorum comes« дипломомъ составленнымъ на мадьярскôмъ языцѣ въ Кошицяхъ, взялъ его въ защиту.

Седмымъ епископомъ былъ **Петроній**, якъ на то указуетъ дипломъ князя Гавріила Бетлена пôдъ г. 1623 составленный въ Мукачевскôмъ замку и контрасигнованный Канцлеромъ Стефаномъ Ковачковичемъ. Кромѣ того диплома Бетлена касательно сего епископа нѣтъ иныхъ свѣдѣній; остался однакъ другій дипломъ того же князя изъ г. 1627, въ которôмъ упоминается **осмый** епископъ **Gregory**, или **Іоаннъ Грегоровичъ**; въ наведеннôмъ дипломѣ ôнъ именуется: „Ecclesiarum Religionis Grecae in de Beregh, Ungh, Zabolch nec non Zempliniensis, Maramorosiensis, et Saarosiensis Comitatibus Episcopus.« — Тутъ по первый разъ встрѣчаемъ ясное наименованіе оной обширной территоріи, котора принадлежала духовному владѣнію Мукачевского епископа. **Девятымъ** епископомъ былъ **Василій Тарасовичъ**, о которôмъ существуютъ уже важнѣйшіи свѣдѣнія, такъ якъ его судьба была тѣснѣйше соединена съ Раковціанскими замѣшательствами и роспространеніемъ протестантизма.

(Прод. посл.)

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

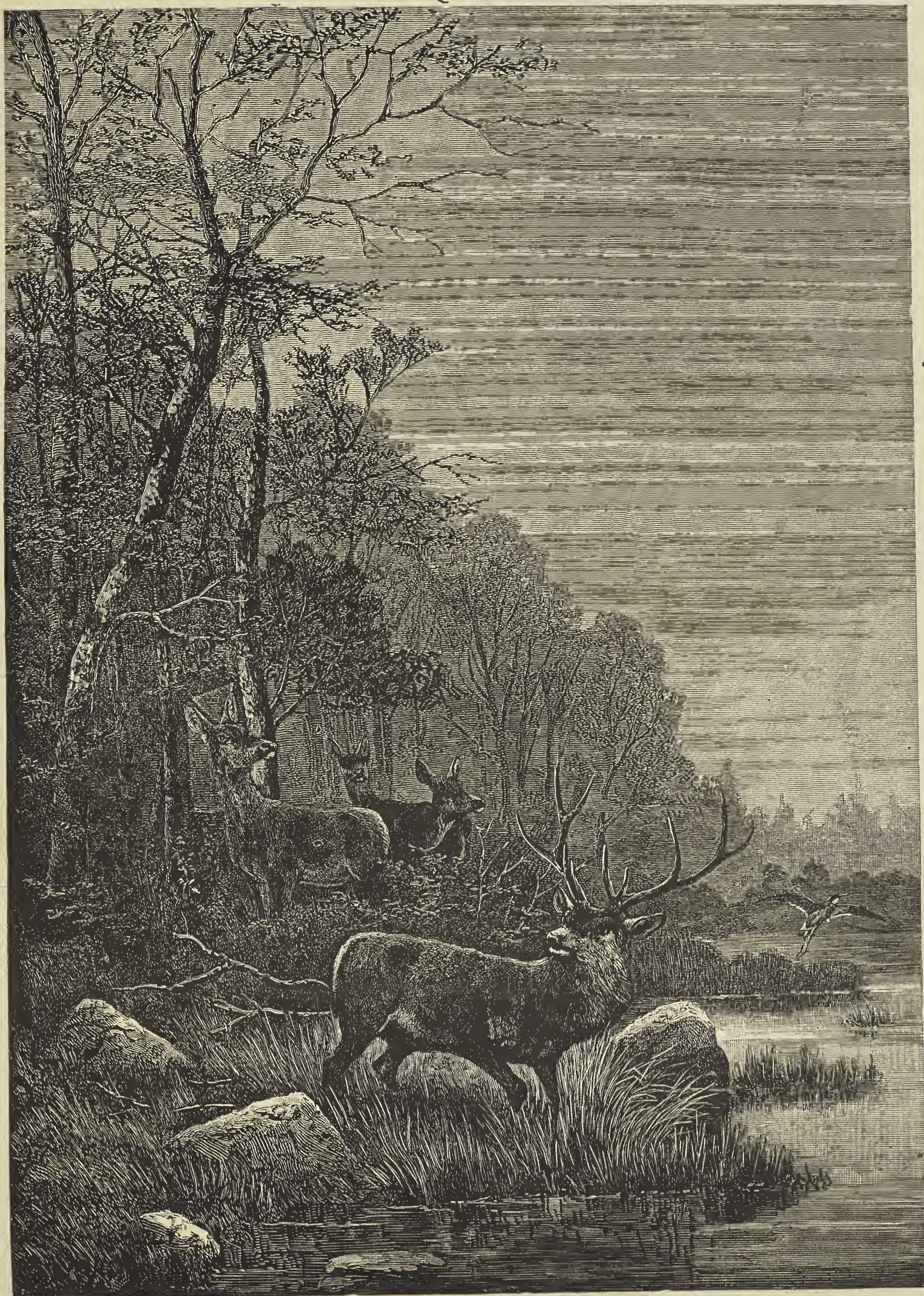
Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

V.

Послѣ тыхъ важныхъ происшествій, якими было: принятіе уніи (1691—1701), переходъ Галицкой Руси пôдъ владѣніе Австріи г. 1772. рѣшенія Замостского собора (зъ г. 1720), который былъ послѣдствіемъ церковной уніи, и учрежденіе генеральной семинаріи во Львовѣ 1784 г. для воспитанія духовенства греческого обряда, послѣдовали конечно смѣны, въ первыхъ дотычно самого содержанія церковныхъ фундацій,



Въ лѣсѣ.

См. стихотвореніе „Лѣсъ.“

а именно дотычно ôтношеній бенефиціантôвъ до патронôвъ вообще и що до ихъ общественного положенія и становища, во вторыхъ же дотычно административной организаціи русскихъ епархій, образованія, наружности и пр. въ убранствѣ, и наконецъ дотычно общественного обращенія и положенія клира и русскихъ священническихъ родинъ.

По тому поводу приглянемемся еще документамъ ôтносящимся къ тому предмету, избираючи пзъ межи нихъ такіи, которы ôтносятся до временъ ôтъ г. 1700 до 1784.

Такъ н. пр. документомъ, выставленнымъ пôдъ днемъ 7-го Юнія г. 1704 „Andreas de Pasławice Ankwicz, subdapifer Czernichoviensis et bonorum villae in Skwiertnia haeres« додаетъ до части грунта, уже ôтъ давенъ давна унитской церкви въ селѣ Сквертнѣ, принадлежавшой священнику Игнатію Путнянскому*) и его потомкамъ, (Ignatio Petnianski poponi et ipsius ecclesiae praefatae succedaneis poponibus), еще половину грунта селянского, пôдъ условіями, которы выражены въ слѣдующихъ словахъ дотычного документа: »na cerkiew we wsi Skwiertne, połowę roli kmieciej do używania ojcu duchownemu hospodynowi odstąpiłem, jakom w pierwszym skrypcie wyraził**) — teraz na prośbę ojca Ignacego Pętnianskiego całą rolę ustępuję, widząc jego godność około rozkrzewienia chwały Bożej, — gromada dadzą kartę na się, że z połowy roli czynszu zastąpią i sami dawać będą jak i z drugich rol, po złotych 20 i groszy 20 tyż sami bez. nadatku, ja zaś ustąpić deklaruję całą rolę ze wszystkimi akcydensami bez żadnych ciężarów dworskich od powinności i czynszów uwalniając, aby tylko chwała Boska i wszystkie obrządki cerkiewne odprawiane były z pilnością wszelką po uniacku i pod posłuszeństwem ojca św. Rzymskiego.***)

Замѣчательнымъ есть содержаніе документа, изданного въ замку Боновскôмъ пôдъ днемъ 15-го Октоврія г. 1740 черезъ властителя села Бонова, Іосифа Антонія Іоанна на Липю Липского, каштеляна Белзского, и его сынôвъ Венедикта и Тадея Липскихъ, въ цѣли помноженія фундаціи церковной въ тôмъже приходѣ.*) Реченный патронъ и дѣдичъ надаетъ церквѣ Боновской и ей тогдашному пресвитеру, Теодору Ляпкевичу, якъ тоже и его наслѣдникамъ, „na pomnożenie unii religii greckiéj, dwie ćwierci pola, jedną, na której cerkiew stoi, a drugą według niej leżącą, z których dotychczas po złotych 30 czynszu do dworu co rok dawano, ze wszystkiemi do tych ćwierci przydatkami albo przymiarkami, (także budynkami, ogrodami, sadami, łąkami), cerkwi Bogarodzicy i jej presbiterom, teraz ojcu Teodorowi Lanikiewiczowi i następującym po niem daruję i wiecznymi czasy zapisuję i od wszystkich danin dziedzicom i panom Buniowskim dotąd praktykowanych i od symonialnych za prezentę podarunków z ćwierci pomiemionych raz na zawsze uwalniam, oprócz podatków od Rzeczypospolitej albo województw postanowionych, lub od nieprzyjaciela albo od wojska jakiego włożonych; na ojca Teodora Lanikiewicza obowiązek składam odprawienia co rok 50 mszy za dziedziców i poddanych a potem za duszę ich.“ Къ тымъ словамъ жена того дѣдича-патрона Антонія Липского, придаетъ слѣдующое: „Ostrzegam, aby ojciec duchowny Boniowski familii swojej na gruntach tych cerkwi nadanych nie zasadzał i od zwierzchności pańskiej nie ochraniał, świeckich także osób przy sobie będących, od generalnych podatków rzeczypospolitej albo województw niezasłaniał, — a jeśliby ojciec duchowny Boniowski od wiary św. Rzymskiéj miał by się odszczepić, przez to samo od tych gruntów odpadać powinien.“

Вообще зазначити слѣдуетъ, що церковныи фундаціи въ продолженію XVIII вѣка значительно умножались шляхтою-патронами, которы тымъ способомъ старались вскрѣпити церковную унію.

Еще наведемъ двѣ ерекціи для поясненія выше наведенныхъ поглядôвъ, а то 1) ерекцію въ селѣ Жабокрукахъ**) на церковь на свѣжôмъ корени созидаемую и 2) умноженіе ерекціи въ Путятичахъ.***)

---

*) Реченный священникъ Игнатій зветея въ тôмъ документѣ »Ignatius Alexiewicz, praesbiter ecclesiarum in villis Pątna et Skwiertne r. gr. cath. unitus.«

**) Той первый скриптъ носитъ также дату г. 1704. Оба тіи скрипты облятованы въ актахъ города Бѣча „in crastino festi Nativitatis Beatae virginis Mariae a. 1704.“

***) Село Skwiertne, въ горлицкôмъ политическôмъ округѣ, не маетъ нынѣ русской церкви. Село Пентна (Pętna) маетъ русскую церковь и належитъ нынѣ до прихода Маластовъ. Оба выше упомянутыи села положены вблизи села Гладишова.

*) Село и приходъ гр. кат. Боновъ лежитъ въ политическôмъ повѣтѣ Яворовскôмъ.

**) Жабокруки, село положенное въ политическôмъ округѣ Бобрецкôмъ, другое же село того имени лежитъ въ старостві: Городенка, вблизи Обертына, Хотиміра и Коршова.

***) Село Путятичи одно въ старостві Городецкôмъ, другое въ старостві Рогатынскôмъ.

(Прод. посл.)

Лѣсъ.

Иванъ Гаврышкевичъ.

(По Матиссону.)

Лѣсъ менѣ милѣйшій,
Якъ театръ свѣтлѣйшій;
Ôнъ премилый вечеркомъ:
Въ дали якъ заграютъ
Звоны, застогнаютъ
Межи листнымъ сумеркомъ.
Пôдъ вечерни зори
Коникъ скачетъ въ борѣ,
То колишесь въ папорти;
Мушки тнутъ роями
Межи сѣтниками,
И несутся оленки.
По-пôдъ деревиновь
Бозъ цвѣтетъ съ калиновь,
А въ скалѣ вода журчитъ,
Дальше-жь межь травою
Въ милôмъ супокою
Лугъ, березину роситъ.
Тамъ, где стежка пнется,
Водопадъ женется,
Мовь бы лента зъ серебра,
Межи гущей листья
Синье небо зрится,
И меркающа гора.
Мовь бы чары граютъ,
Думки воскресаютъ
Зъ дѣтскихъ ще давныхъ часôвъ;
Виды тутъ минаютъ
Дивны, и плѣн ютъ
Вонею небесныхъ снôвъ.
1891.

Народныи розсказы.

1) Скала и лѣсъ.

(Переводъ изъ Б. Бьернсона.)

Межи двома скальными стѣнами протягался глубокій провалъ. На днѣ его протекалъ помежь камни быстрый ручай. Высоко стремили въ гору скалы; ихъ стѣны были пусты и безжизненны. Но надъ самымъ-же ручаемъ начинался свѣжій лѣсъ; осенью и весною, коли ручай взбиралъ, волны его ишли надъ гущавиною.

„Якъ думаешь, не покрытибы намъ и скальныи стѣны?“ сказалъ въ одинъ день яловецъ къ дубу, который блисше къ нему стоялъ, чимъ иныи ростѣнія. Дубъ поглянулъ въ низъ, щобы узнати, кто отзывается къ нему; послѣ ôнъ сновь смотрѣлъ въ гору и молчалъ. Ручай точилъ свои взбранныи волны, вѣтеръ сѣверный протиснулся въ глубъ провала и заводилъ въ ущельяхъ. — „Якъ думаешь, покрыемъ може скальныи стѣны?“ отозвался теперь яловецъ къ соснѣ, стоящой на противной сторонѣ

„Если кому слѣдуетъ взятись за то дѣло, то въ первыхъ намъ“ отвѣчала сосна; она поглянула еще къ березѣ и спросила: „Що ты думаешь о тôмъ?“ Береза однакъ впередъ обдуманно поглянула на торчащую скалу; послѣдная взносилась надъ нею похилившись такъ, що береза ледво могла вôдыхати. „За дѣло возьмемся“ отвѣчала береза, и теперь было уже трехъ союзниковъ. Такъ начали они, накрывати скалу. Яловецъ ишолъ первый.

Поступивши невеликую простран въ гору, встрѣтили они бурянъ. Яловецъ здавался не обращати на него вниманія. „Нѣтъ, возьми бурянъ съ собою“ сказала сосна. И бурянъ прилучился къ нимъ. Они чимъ разъ дальше вспинались въ гору; первый садовился бурянъ, а где для него найшлось мѣстце, тамъ уже широко розрастались и другіи.

Скала однакъ начала думати надъ тымъ, щобы то были за такіи гости, що такъ чимъ разъ дальше вспинаются въ гору. И подумавши надъ тымъ нѣсколько столѣтій, выслала маленькій поточокъ, щобы поглянулъ на все то. То было еще въ пору, коли вода съ весною росла; ручаекъ весело плюскотѣлъ и плылъ въ передъ, поки не прійшолъ на бурянъ. „Пусти мене“ говорилъ ручай къ буряну, „я еще такій молодый и малый!“ Бурянъ спѣшился въ своимъ пути, пропустилъ струю и поспѣшилъ дальше. Ручай перескользнулся пôдъ нимъ и поплылъ въ низъ. Тутъ встрѣтился ôнъ съ яловцемъ. „Пропусти мене, я еще такъ молодый.“ Яловецъ зорко посмотрѣлъ на него; коли однакъ бурянъ пропустилъ его, то и ôнъ могъ то-же сдѣлати. Изъ нова поплюскотѣлъ ручай пôдъ нимъ и поплылъ дальше, поки не прибылъ на мѣсто, где стояла сосна. „Не можешь-ли мене пропустити, я еще такъ малый!“ сказалъ ручай, уцѣловалъ стопы сосны и примилялся къ ней. Сосна стала застыдженою и пропустила его. Береза однакъ ухилилась уже, зачимъ ручай поставилъ вопросъ. И такъ ручай розгулялся; изъ малой струи сталъ потокъ, возросталъ чимъ разъ бôльше и наконецъ поваличлъ ôнъ бурянъ, яловецъ, сосну и березу къ землѣ. Скала сидѣла тутъ многіи вѣки и думала надъ тымъ, не улыбалась-ли она того памятного дня.

Дѣло было ясно: скала не хотѣла быти покрытою. Бурянъ злобился такъ, що сталъ снова зеленымъ и поступилъ сновь напередъ. „Лишь смѣло впередъ“ сказалъ бурянъ.

Яловецъ выпрямился немного въ гору, щобы посмотрѣти за бурьяномъ, и долго сидѣлъ такъ похиленъ, поки совсемъ не поднесся. Ôнъ набралъ бôльше силъ и пустился въ дальшій путь. „Не хочешь ты моею быти, то я хочу твоимъ быти“, сказалъ при тôмъ яловецъ до скалы. Сосна попробовала тоже поднестись, ступила испервa на одну ногу, послѣ на другу и выпрямилась совершенно. При тôмъ оглянула она мѣсто, куда передъ тымъ ходила, где лежала, а где ей слѣдуетъ теперь свернутись. Береза страшно была замарана, но опорядилась теперь и прилучилась тоже къ нимъ. И сновь всѣ ишли въ гору, скорше и скорше къ верху, при буряхъ и при солнечнôмъ свѣтлѣ. „Що изъ того сновь будетъ?“ сказала скала, коли надъ нею стояло солнце, коли все блестѣло росою! при спѣвѣ птицъ и тревожныхъ кликахъ гермелина.

И наконецъ прійшолъ день, коли бурянъ могъ однимъ окомъ поглянути по надъ край скалы. „Якъ хорошо тутъ!“ сказалъ бурянъ и вернулъ до себе. „Товариши, щó видитъ тамъ бурянъ?“ спросилъ яловецъ и приблизился на край скалы, щобы тоже въ низъ поглянути. „О, якъ прекрасно, якъ хорошо“ закликалъ ôнъ и вернулъ на свое мѣсто. „Чого яловецъ нынѣ такъ восхищается“ сказала сосна и середъ солнечного жару поступила на передъ. Вскорѣ она нагнулась и посмотрѣла въ низъ. „Якъ привлекательно!“ Вѣтви выпрямились изъ удивленія въ гору. „Чимъ тамъ такъ всѣ любуются?“ подумала береза и стройно поскочила въ свою очередь. „Пышно, чудесно! Не стоитъ-ли тутъ на горѣ цѣлый лѣсъ изъ соснъ, березъ, яловця и буряну?“ И ей листочки дрожали до солнечныхъ лучей, такъ, що капли росы спадали изъ нихъ. „Такъ пожинаетъ каждый, кто перейдетъ борьбу“ сказалъ яловецъ.

2) Судья и селянинъ.

(Изъ сербского.)

Зайшолъ селянинъ Дробнякъ на базаръ въ Нишичу, купилъ жита и справившись съ своими дѣлами, захотѣлъ поглянути еще на розличныи чудеса, розложенныи по крамахъ и торговельныхъ выставкахъ. Прійшолъ въ одинъ крамъ, видѣлъ тамъ много розличного хорошого товара, межи всѣмъ однакъ найбôльше понадобился ему одинъ чибукъ до люльки. То такъ понравилось ему, що ôнъ тайкомъ взялъ одинъ чибукъ и скрылъ его. Турчинъ крамарь, поглядавшій всегда зорко на свôй товаръ, замѣтилъ сейчасъ, що у него чибуки якъ-то не въ ладѣ. Почислилъ сейчасъ — одного недостаетъ. Призвалъ другого Турчина изъ другого крама, и попросилъ его, щобы не пустилъ изъ вида Дробняка, самъ же призвалъ зафтію и заявилъ ему, що Дробнякъ забралъ изъ крама одинъ чибукъ. Дробрякъ извинялся, но то ему не помогло. Зафтія взялъ его съ собою и завелъ передъ судью. Тамъ представили ему всё дѣло. Дробнякъ въ весь голосъ кричалъ, що ôнъ чибука не бралъ.

„Чи присягнешь, що ты не забралъ?“ спросилъ судья Дробняка.

„А хотьбы!“ отвѣчалъ Дробнякъ.

Кадія поднесся изъ своего мѣста, взялъ коранъ въ руки и началъ проповѣдати, якъ аллахъ наказываетъ кождого, кто сложитъ невѣрную клятву и т. д. Послѣ ôнъ началъ изслѣдовати Дробняка.

Судья: „Чи ты коли складалъ уже клятву, джавре!“

Селянинъ: „Нѣтъ, нѣколи!“

Судья: „А знаешь ты, що то клятва?“

Селянинъ: „Не знаю.“

Судья: „Если не знаешь, то я скажу тобѣ: дѣлай все, що я буду дѣлати.“

„Добре!“ отвѣчалъ Дробнякъ.

Судья: „Сказалъ великій аллахъ: кто сложитъ невѣрную клятву, не прійдетъ въ рай.“

Селянинъ: „Сказалъ великій аллахъ: кто сложитъ невѣрную клятву, не прійдетъ въ рай.“

Судья: „Положи, джавре, руку на коранъ.“

Селянинъ: „Положи, джавре, руку на коранъ.“

Судья: „Молчи еще теперь, джавре и впередъ положи руку на коранъ, а послѣ сложишь клятву.“

Селянинъ: „Молчи еще теперь джавре, и впередъ положи руку на коранъ, а послѣ сложишь клятву.“

Судья: „Клади, псе, руку на коранъ.“

Селянинъ: „Клади, псе, руку на коранъ“

Судья: „Проклятый, я розодру тебе!“

Селянинъ: „Проклятый, я розодру тебе.“

Судья: „Чи укралъ ты, пройдисвѣте, чибукъ?“

Селянинъ: „Чи укралъ ты пройдисвѣте, чибукъ?“

Судья: „Чи ты, джавре, не знаешь, чого я хочу ôтъ тебе?“

Селянинъ: „Чи ты, джавре, не знаешь, чого я хочу ôтъ тебе?“

Судья: „Ты звѣрюко проклята, мошеннику!“

Селянинъ: „Ты звѣрюко проклята, мошеннику!“

Судья розлютился и Дробняка кораномъ по головѣ — гримъ! А Дробнякъ вырвалъ коранъ изъ рукъ судьи и кораномъ судью по головѣ — тарахъ!

Судья позвалъ зафтію, щобы що съ Дробнякомъ сдѣлати. Наконецъ судья приказалъ зафтіи, пустити Дробняка, яко заведіяку, на свободу, торговщика же Турчина, которому загинулъ чибукъ, засудилъ судья къ уплатѣ 150 грошей, за то, що не доглядалъ своего товара.

3) Три совѣты.

(Изъ сербского.)

Жилъ одинъ богатый человѣкъ, у которого былъ одинъ сынъ. Въ глубокой,

старости, передъ своею смертью, призвалъ ôнъ сына и началъ ему такъ совѣтовати: „Сыну мôй, николи не вѣрь женѣ, не уважай твоимъ пріятелемъ того, который судитъ, и не начинай дѣла съ новымъ торговщикомъ.“ Коли отецъ умеръ, сынъ за нѣкое время одружился, и съ женою проживалъ счастливо и въ согласію. Затымъ прійшли ему на умъ предостереженія отця и ôнъ намѣрилъ о ихъ правдивости увѣритись. Запознался дальше съ однимъ судьею и въ коротцѣ стали они оба великими другами. Послѣ зайшолъ къ одному новому торговщику, познакомился съ нимъ и взялъ у него въ заимъ сто дукатôвъ. Наконецъ купилъ на торговицѣ одного барана, закололъ его ночью, кинулъ въ мѣхъ и принесъ въ свою хату. Коли прійшолъ передъ домъ, позвалъ свою жену, щобы принесла ему ключъ ôтъ магазина. Жена выйшла изъ хаты, подала ему ключъ и спросила: „А що ты несешь въ мѣху?“ Человѣкъ отвѣтилъ ей: „Встрѣтилъ я одного человѣка, поссорился съ нимъ немного — и ударилъ его одинъ разъ по головѣ такъ, що ôнъ на мѣстѣ упалъ мертвый. Скрыемъ его теперь въ магазинѣ, но ты никому ничого не говори о тôмъ!“ Жена увѣряла его, що не скажетъ никому; они понесли мѣхъ въ магазинъ и оставили его тамъ. На другій день мужъ немного поспорилъ съ женою и ударилъ изъ легка жену по лицѣ. Якъ лишь ôнъ то сдѣлалъ, почала она въ гнѣвѣ на весь голосъ кричати къ нему: „Розбойнику и заволоко! Ты убиваешь людей по дорозѣ, и хочешь и мене уже убити!“ На кликъ жены сойшлись сосѣды, и смотрятъ на все; жена однакъ не затихла, но начала еще сильнѣйше кричати и розсказала, що мужъ ей убилъ на дорозѣ человѣка и скрылъ его въ магазинѣ. Въ тôмъ надойшолъ и судья и приказалъ привести его передъ судъ. Коли былъ уже въ судѣ, спросилъ его судья: „Твоя жена кажетъ, що ты убилъ человѣка. Чи то правда?“ Человѣкъ отвѣтилъ: „Могло бы и быти!“ Тогды судья, который былъ передъ тымъ великимъ его другомъ, безъ дальшого изслѣдованія сейчасъ засудилъ того человѣка на висѣлицю. Коли вели его на мѣстце, где стояла шибениця, черезъ толпу, позналъ его торговщикъ и завозвалъ: „Пождѣтъ, ôнъ долженъ мнѣ сто дукатôвъ, нехай впередъ уплатитъ, а послѣ возьмѣтъ его на висѣлицю.“ Тогды подумалъ собѣ человѣкъ: „мôй отецъ правду говорилъ и я о тôмъ увѣрился.“ Затымъ добылъ сто дукатôвъ, подалъ ихъ торговщику, и сказалъ: „Не убилъ я человѣка но закололъ барана, кинулъ его въ мѣхъ и лишилъ въ магазинѣ, а женѣ сказалъ я, що я убилъ человѣка и хочу его скрыти въ магазинѣ — а тымъ я хотѣлъ увѣритись, чи жена мнѣ вѣрна.“ На тіи слова всѣ удивились, и поступили въ магазинъ, где найшли заколотого барана въ мѣху. Человѣкъ былъ освобожденъ и такъ увѣрился ôнъ о правдивости тыхъ совѣтôвъ.

4) Дочь султана и женихъ Хачичъ.

(Изъ сербского.)

Старый Хачи-Мехо передъ смертью завозвалъ къ собѣ своихъ трехъ сынôвъ, поблагословилъ ихъ и поучилъ, щобы помагали собѣ въ жизни, якъ будетъ можно. Хату и землю далъ двомъ старшимъ сынамъ, и поручилъ имъ, дати изъ того наймолодшому сыну тысячку дукатôвъ. Оставилъ имъ тоже одинъ табачный капчукъ, одинъ настольный платокъ и свôй старый фезъ. Всѣ тіи вещи ôнъ поручилъ, сохраняти яко талисманы и не продавати ихъ. По смерты Меха сыны призвали кадію, щобы имъ приписалъ спадьщину. Молодому брату однакъ дали лишь капчукъ. Взялъ братъ капчукъ и пустился въ свѣтъ. Вскорѣ не было уже у него грошей, ни табака. Ôнъ добылъ капчукъ и началъ стрясывати изъ него оставшій еще табакъ, щобы наложити люльку. Коли началъ потрясати капчукомъ, явился передъ нимъ якій-то старецъ и спросилъ: „Чого желаешь, Хачичу?“ — „Хочу табака, якой стравы и вина, щобы могъ я попоѣсти, запити и покурити; приведи мнѣ еще одного доброго коня, то махнемъ съ вѣтрами въ Стамбулъ.“

Старецъ поклонился и ôтойшолъ, а за короткое время передъ Хачичемъ явилось все, чого ôнъ желалъ. Хачичъ добре попоѣлъ, напился, сѣлъ на коня и направился просто въ Стамбулъ. Прибылъ въ Стамбулъ, потрясъ капчукомъ и зажелалъ ôтъ старця, щобы завелъ его въ палату падишаха до дочери султанской яко жениха. Такъ и сдѣлалъ. Султанская дочка заявила, що она радо станетъ его правою женою, що она любитъ его и що найбôльше нравится ей его дуган-кеса.*) Затымъ заявила дочь своему отцю падишаху, що не станетъ женою ніякого иного жениха, якъ лишь того Хачича. Султанъ съ начала противился, но наконецъ сдѣлалъ по ей волѣ, свѣнчалъ ихъ и завелъ свадебный пиръ. Такъ проживали они въ палатѣ счастливо нѣкое время, а дуган-кеса приносила имъ все, чого лишь зажелали.

Межи послужницями однакъ найшлась одна старая женщина, котора начала нашептовати султанцѣ, щобы взяла у Хачича дуган-кесу и прогнала его, а сама станетъ женою хинского царевича. Султанка взяла одной ночи дуганкесу, призвала старця и поручила ему, щобы занесъ Хачича обратно въ Боснію и тамъ его оставилъ. Старецъ сдѣлалъ такъ, якъ приказала султанка.

*) Капчукъ.

Хачичъ пробудился и узрѣлъ себе въ своей хатѣ межи своими братьями. Братья начали питати его, якъ ôнъ тутъ взялся, где бывалъ и якъ тутъ прибылъ. Ôнъ розсказалъ братьямъ все, якъ сбылось. Они дали ему теперь старый отцевскій фезъ и Хачичъ сновь пустился въ свѣтъ. Идучи такъ по свѣту, пригадалъ собѣ на той фезъ, взялъ его на голову и пошолъ дальше. На пути встрѣтилъ ôнъ пять косарей, изъ которыхъ ни одинъ, проходивши мимо него, не поздоровилъ его по обычаю. То его розгнѣвило и ôнъ ударилъ одного косаря по головѣ. Косарь обернулся до своего товариша, другого косаря й проговорилъ: „Враже, чого бьешь мене, що я тобѣ завинилъ?“ и началъ съ нимъ тормоситись. Товаришъ увѣрялъ его, що ôнъ не билъ его. И такъ пойшли они дальше. Хачичъ догадался, що то сдѣлалъ фезъ, и що поки ôнъ на его головѣ, никто его личности не можетъ видѣти. Весело пустился въ Стамбулъ, щобы тамъ съ фезомъ глядати счастья. Пятнадсятого дня прибылъ въ Стамбулъ и станулъ въ комнатѣ султанки. Положилъ фезъ на голову и недозримый началъ приглядатись всему. Его султанка сидѣла на отоманѣ а коло ней десять послужницъ. То смѣются, то шутятъ, то спѣваютъ и т. д. Въ тôмъ ôнъ похилился, щобы поднести упавшую люльку, и фезъ упалъ ему изъ головы на землю. Султанка взяла фезъ а узрѣвши теперь Хачича, выкинула его при помощи послужницъ изъ палаты. Призвала старця и приказала, щобы ôтнесъ его изъ нова въ Боснію. Старецъ сдѣлалъ то.

Коли Хачичъ пробудился, узрѣлся ôнъ сновь въ своей хатѣ. Братья удивились сновь. Ôнъ имъ все розсказалъ, що случилось. Братья дали ему теперь третій талисманъ платокъ и Хачичъ пустился въ свѣтъ.

Идучи, утрудился и на однôмъ камени простеръ платокъ, щобы поживитись хлѣбомъ. Съѣвши стрепалъ платкомъ а передъ нимъ вскорѣ явился Арабъ и сказалъ: „Чого желаешь Хачичу?“—„Заведи мене тамъ, где найчуднѣйшая сторона.“ Якъ лишь то сказалъ, узрѣлъ себе въ пышнôмъ огородѣ, въ которôмъ было премного розличныхъ и хорошихъ цвѣтôвъ; ягоды розличной краски: червоныи, синіи и чорныи. Хачичъ съѣлъ одну ягоду чорну и въ той хвилѣ ôнъ совершенно постарѣлся. Удивился тому. Теперь взялъ одну червоную ягоду, и сейчасъ сталъ изъ нова молодымъ и красивымъ. „Охъ, охъ, всѣ тіи ягоды чудотворны, они придадутся мнѣ.“ Набралъ много ягодъ всякихъ, и понесъ съ собою. Такъ прійшолъ въ Стамбулъ. Тутъ обвѣстилъ, що ôнъ чарôвникъ изъ Босніи и що можетъ привертати людемъ юность и красоту. Насунулись къ нему старики и старухи, вдовицы и вдовцы и

всѣхъ ихъ дѣлалъ ôнъ молодыми. Много назбиралъ изъ того грошей. О тôмъ дознался и султанъ и позвалъ его, щобы привернулъ юность султану, царицѣ и султанцѣ и всѣмъ царскимъ слугамъ. Хачичъ прійшолъ въ палату, сдѣлалъ царя и царицю молодыми а послѣ явился у дочери султана. Хачичъ далъ ей двѣ чорныи ягоды и она вмѣсто ôтмолоднѣти, стала некрасивою старухою. Царь спросилъ теперь Хачича: „Чому изъ моей дочери ты сдѣлалъ такую старую?" Хачичъ отвѣтилъ: „Твоя дочь маетъ два чужіи талисманы, и она такъ долго останетъ старою, поки не свернетъ ихъ менѣ."

Султанъ скричалъ на султанку. Она свернула Хачичу дуган-кесу и фезъ, а Хачичъ подалъ ей еще одну чорную ягоду, зачимъ султанка стала еще старѣйшою. Царь спросилъ: „Що такое дѣлаешь?" На то Хачичъ: „Славный падишахъ, твоя дочерь завинилась передъ Аллахомъ. Она ôтогнала своего мужа и не станетъ скорше молодою, поки не пріиметъ своего первого мужа." Она согласилась на условіе, Хачичъ подалъ ей одну червоную ягоду и султанка стала изъ нова юною и красивою. Хачичъ заявилъ царю, що ôнъ, Хачичъ, есть первымъ мужемъ его дочери, и теперь ôтбылся другій славный свадебный пиръ. Такъ осталъ Хачичъ въ палатѣ до смерти султана, а коли султанъ умеръ, Хачичъ наслѣдилъ по немъ престолъ.

Ставши султаномъ, Хачичъ прибралъ къ собѣ своихъ братей, одного сдѣлалъ „Шехисламомъ", другого „Хазнадиромъ" и „Мухурсахибіемъ". Всѣ три талисманы задержалъ до своей смерти. Еще живетъ и до теперь владѣетъ.

ДУНАЙ.

(Конецъ.)

II. Изъ многихъ народныхъ пѣсней, въ которыхъ упоминается Дунай, наводимъ тутъ нѣкоторыи:

Далась мене, моя мати
За Дунай, за Дунай,
Теперь собѣ, моя мати,
Подумай, подумай!
Дунаю не перебути,
Ани пребродити,
Не будужь тя, моя мати,
Во вѣки видѣти.

* *

На тôмъ боцѣ Дуная
Чобанъ ôвцѣ корняя,
Теленочку выграя:
„А вы, хлопцѣ молодцѣ,
Кажѣтъ же той дѣвочцѣ,
Шо въ шовковôй сорочцѣ,
Най не любитъ чобаны!
Бо ôнъ ся съ невъ ожене.
Стадо коній въ бужнику,
Скриня съ грôшми въ земнику,
Стадо коній въ половѣ,
Скриня съ грôшми въ коморѣ."
(Буковинская пѣснь.)

* *

Гей плыну я по Дунаю,
И такъ си думаю:
Не ма красшихъ спѣваночокъ,
Якъ у нашôмъ краю!
(Бойковская.)

* *

Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожатся отецъ по зеленôмъ гаю:
„Ей тату, таточку, поможь мнѣ приплынути!"
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!"
„Дѣвко моя люба, бодай'сь загинула
Бодай'сь загинула, бо'сь не добра була."
Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожа'тся милый по зеленôмъ гаю.
„Ей милый, миленькій, поможь мнѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!"
Милый ся прихопилъ, за ручку ю вхопилъ,
За ручку ю вхопилъ, зъ Дунайку выхопилъ.
„Лѣпшій мôй миленькій,
Якъ отецъ рôдненькій."
(Лемковская).

* *

Плаваютъ рыбочки по тихôмъ Дунаю,
Што мѣ съ молодости, кедъ своли не маю!
Младость, моя младость, где'сь ся мѣ подѣла,
Ци'сь мѣ утонула, ци'сь пожаромъ стлѣла?
(Угро-русская.)

* *

Черезъ Дунай глубокій
Лежитъ яворъ широкій;
Ишолъ черезъ него дружбонька,
Проситъ Бога дружечка,
Щобы дружбонька не втонулъ,
Щобы подаруночкôвъ не сгубилъ.

* *

Тоне вѣночокъ, тоне,
Плыне вѣночокъ, плыне —
Вѣночокъ на Дунаю,
А рубочокъ близько краю.

* *

Где ты милый пробываешь,
Што за мене не гадаешь? —
Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.
(Угро-русская.)

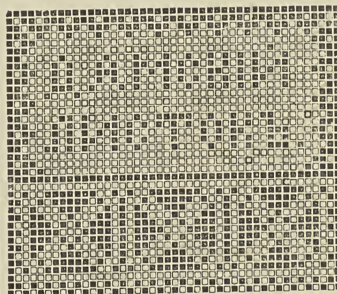
* *

Ой не думай мôй миленькій,
Не думай, не думай,
Перебрыла'мъ быстру рѣчку,
Перебрыду Дунай.

* *

Ой сивая зазуленько,
Що рано лѣтаешь,
Скажи менѣ зазуленько,
Где любка видаешь?
„Ой видаю край Дунаю,
Надъ тиховь водою,
Обтираетъ чорны очи
Хустковь шолковою."
и пр.

Дунай (въ древнôмъ названію Danubius и Ister, въ древ. германскôмъ Tuonowe, въ угорскôмъ Duna, въ турецкôмъ Duneh) представляетъ въ своимъ теченію до области угорской (до Будапеста), прелестныи надбережныи виды, съ древними замками или розвалинами. Начавши ôтъ Будапеста вьется Дунай по монотонныхъ ровнинахъ и пусстахъ, середъ мочаръ, водного сѣтовья и пр. Ширина его при городѣ Будапестѣ выноситъ 970 m., глубина же до 10 m. — Въ торговельнôмъ взглядѣ занимаетъ Дунай межи европейскими рѣками важное мѣсто. Громадная участь въ дунайской торговлѣ припадаетъ Дунайско-корабельному Обществу, основанному года 1830. Первобытный основный капиталъ акційныи того Общества, выносившій 105.000 злр. возросъ въ настоящую пору до суммы 25,200 000 злр. Имѣнье Общества обчислено на 45 миліонôвъ. На корабляхъ Общества Дунайского годично переѣзжаетъ пересѣчно 3,580.000 лицъ.



Историческіи женщины на Руси.

(Продолженіе).

За время коли Гальшка сидѣла увязнена въ замку Шамотульскôмъ, мати ей, Беата, была въ отчаяннôмъ положенію, по причинѣ такого, сполненного на ей дочцѣ, насилія. Она уважала правнымъ мужемъ Гальшки лишь князя Симеона Олельковича и называла Гальшку не иначе, якъ лишь княгинею Слуцкою Олельковичевою. Въ ей душѣ выродилась природно жажда мести и она не лишь

докладала всѣхъ усилій, щобы освободити дочку изъ Шамотульской вязницы, но роспорядила тоже отвѣтно своимъ имѣньемъ, щобы исключити графа Лукаша на всегда ôтъ наслѣдія. Уважаючи Симеона Олельковича законнымъ мужемъ Гальшки, Беата сдѣлала запись, силою которой всѣ ей добра, не исключаючи замка въ Острозѣ, должны были припасти тому-жь князю Слуцкому, Симеону. Въ дѣлѣ освобожденія Гальшки вела Беата напрасно пять лѣтъ переговоры съ графомъ Лукашемъ, глядала послѣ помощи у Зборовского, Радзивила и короля; послѣдній передалъ цѣлую справу архиепископу польскому Пржеремѣскому, который однакъ былъ далекимъ сродникомъ Графа Лукаша, и стоялъ по его сторонѣ.

Вскорѣ однакъ скончался года 1560 князь Симеонъ, которому должны были припасти добра Беаты. Постоянность Беаты однакъ теперь еще усилилась. Она изъ нова заявила Лукашу, що нѣтъ на свѣтѣ ніякой силы, котора вымоглабы на ней согласіе на такую связь ей дочери Гальшки съ ворогомъ, и що она радше готова посбытись всего имѣнья и нужду терпѣти, чимъ малабы согласитись на такое супружество. „Употреблю всякихъ средствъ — заявила Беата — щобы освободити мою бѣдную и несчастную мученицу изъ того адского и нехристіанского Вавилона, въ которôмъ пребываетъ, и щобы вывести нужденную дочку мою изъ той бѣды, въ котору другій разъ совсемъ невинно черезъ незванного мужа попала.“

Примасъ Пржеремѣскій, хотяй далекій сродникъ Лукаша, былъ однакъ досыть безсторонннымъ, не хотѣлъ брати въ тôмъ дѣлѣ на себе цѣлой отвѣчательности и предложилъ взаимный съѣздъ сродникôвъ и знакомыхъ изъ обохъ спорящихъ сторонъ; сродники должны были рѣшити споръ. Беата заявила, що готова дати Лукашу окупъ въ великой на то время суммѣ 100.000 талярôвъ, требовала однакъ, щобы Лукашъ или привезъ съ собою на съѣздъ Гальшку или далъ ею тымчасомъ въ секвестръ кому третому. На то не согласился Лукашъ, съѣздъ не сбылся и такъ среди мучительныхъ стараній о освобожденіе Гальшки прожила снова Беата три лѣта. Она памятала дальше о мести и во виду смерти Симеона Олельковича, глядала Беата нового наслѣдника своихъ добръ. О руку Беаты убѣгался теперь Ольбрахтъ Ласкій, красивый на лицѣ и бойкій, но крайне авантурничій воевода Сѣрадскій. Беата рѣшилась, стати его женою. Ей было уже тогды 49 лѣтъ, но она всегда еще была красива, долголѣтніи страданія и волненія души лишили на сй лицѣ выразъ якой-то неумолимой строгости и рѣшительности. Вѣнчаніе сбылось въ Краковѣ. Беата надѣялась въ Ольбрахтѣ Ласкôмъ найти нового защитника и освободителя Гальшки, и новый мужъ дѣлалъ ей передъ вѣнчаніемъ многіи увѣренія и обѣщалъ, освободити Гальшку изъ неволи. Щобы наклонити его еще къ тому, Беата вскорѣ сдѣлала новую запись, силою которой всѣ имѣнья ей стали собственностію мужа, Ольбрахта Лаского.

Беата однакъ завелась въ своихъ надеждахъ. Она знала вправдѣ о тôмъ, що Ласкій былъ вдовцемъ по Катеринѣ Бучинской, но не знала, що вѣно первой жены, выносившое 100.000 зол. пол., протратилъ Ласкій совершенно и новымъ супружествомъ намѣрялъ лишь пріобрѣсти новыи добра. И такъ вскорѣ послѣ записи, Ласкій заставилъ всѣ земли и сокровища своей жены, саму же Беату затворилъ якъ-бы въ тюрму. Ôнъ вывезъ ею изъ Кракова до Кезмарку, мѣстности, положенной у стопъ Татранскихъ горъ надъ Попрадомъ; тамъ въ своимъ замку затворилъ Ласкій Беату и поставилъ при ей комнатахъ строгую стражь; стражники тіи, Мадьяре, не понимали даже рѣчи княгини Беаты. Такъ остала Беата ôтлучена совершенно ôтъ свѣта. При ней оставали лишь три ей дамы. Тутъ въ Кезмарку въ строгой неволѣ перебыла Беата 8 лѣтъ. Мужъ ей Ласкій тымчасомъ ѣздилъ по свѣту, занимался по части политическими молдавскими дѣлами, бывалъ въ Туреччинѣ и не заботился бôльше о Беату.

Ровновременно страдала дочь ей Гальшка въ тюрмѣ Шамотулской. Въ Мартѣ однакъ года 1573 скончался ей тиранъ, графъ Лукашъ зъ Горки; на его похороны въ Познани привезена была тоже Гальшка изъ Шамотулъ. Ей было теперь 34 лѣтъ; краса ей не знидѣла, но напротивъ розвинулась. Гальшка намѣрила теперь вернути на лоно родины, о чемъ узнавши Константинъ II Острожскій, выслалъ до Познаня сына Януша съ отрядомъ, щобы привести Гальшку въ родимую сторону. Такъ вертала теперь Гальшка по 20 лѣтахъ страданій, середъ слезъ радости въ свое отечество.

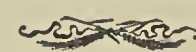
Узнавши о плѣненію матери въ Кезмарку, Гальшка питала теперь лишь одно желаніе: освободити матерь изъ той плѣни. Просила о помощь Константина Острожского, и воеводу подольского Мѣлецкого, а посредствомъ нихъ и короля угорского Максимиліана II, но все то было безуспѣшнымъ, такъ якъ Ласкій былъ влiятельною личностію и никто не хотѣлъ противъ него дѣйствовати. Императоръ однакъ Максимиліанъ хотѣлъ въ тôмъ дѣлѣ по крайной мѣрѣ на видъ що сдѣлати, и поручилъ своему генеральному старостѣ горной Угорщины, Риберу де Питендорфъ, изслѣдовати дѣло увязненія Беаты. Ôтпоручникъ Рибера, Рейтернъ прибылъ на дѣлѣ до замку въ Кезмарку, щобы о всемъ убѣдитись. Коли ôнъ явился у Беаты, княгиня омлѣла, такъ якъ 8 лѣтъ не видѣла никого, ктобы ей судьбою печалился. По розсказу Рейтерна, одежь Беаты была сношена но опрятна; была то еще та сама одежь, въ которой Беата передъ 8 лѣтами тутъ прибыла.

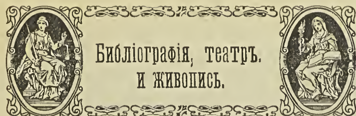
Во виду того, що Рейтернъ не понималъ польского языка, Беата могла съ нимъ объяснитись лишь въ латинскôмъ языцѣ, съ которымъ она по тогдашному обычаю, была хорошо обзнакомлена. За согласіемъ Рейтерна написала Беата въ латинскôмъ языцѣ листъ до императора Максимиліана II, упрашаючи о освобожденіе. Листъ той писаный былъ не чорниломъ, лишь роздѣланною сажею; подлинникъ его сохраняется по нынѣшное время въ придворнôмъ архивѣ въ Вѣдни. Староста Риберъ, тронутый вѣстями о такой судьбѣ Беаты, выслалъ разомъ съ листомъ Беаты реляцію до Максимиліана съ предложеніемъ, щобы тойже приказалъ освободити Беату. Максимиліанъ отвѣтилъ на то, щобы Беата внесла въ судъ правною дорогою жалобу на своего мужа, а дѣло рѣшится по справедливости. Тымчасомъ всякіи новыи старанія старосты, тоже Константина Острожского и Гальшки остали безуспѣшными, такъ якъ Максимиліанъ не хотѣлъ выступати противъ Лаского, который агитовалъ въ Варшавѣ при выборѣ короля за Максиміліаномъ. Такимъ способомъ Беата прожила по прежнему въ Кезмарку дальшихъ три лѣтъ.

Къ тому прилучился новый ударъ для Беаты, нанесенный ей однимъ авантурничимъ дѣломъ мужа Лаского. Послѣдній пребываючи случайно въ Парижи, игралъ тамъ роль человѣка безженного и въ то-же время, коли Беата сидѣла увязненна въ Кезмарку, оженился ôнъ въ Парижи съ Италіанкою, дочкою любовницы короля Генрика, взявши при тôмъ не малое вѣно. Новую жену привезъ Ласкій до Кракова. Вскорѣ однакъ замѣтила ей мати, що дочерь ей уважается въ Краковѣ не такъ женою якъ любовницею Лаского. Надѣлала затымъ Ласкому не мало упрекôвъ и семейныхъ сценъ, но авантурникъ Ласкій съ начала старался ею уласкати обѣщаніями, послѣ однакъ приказалъ своимъ прислужникамъ, утопити ею ночью въ Вислѣ.

Мати узнала о тôмъ приказѣ Лаского, обратилась послѣ къ сенату и требовала справедливости. Но по тогдашнему ладу въ Польщи ей жалоба остала безъ успѣха, такъ якъ Ласкій былъ всюды влiятельною личностію. Послѣдуючи совѣтамъ иныхъ польскихъ вельможъ, мати съ дочерью оставили съ горькимъ опытомъ Краковъ и вернули въ Парижъ.

(Прод. посл.)





„**Галицко-русская библіографія** за 1889 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Годъ изданія III. Львовъ. Изданіе автора. Тип. Ставр. Инст. 1890. Цѣна 1 злр." — Появившійся на дняхъ старательный трудъ И. Левицкого, составленъ по взору прежнихъ того рода изданій автора. Войшли затымъ въ составъ галицко-русской библіографіи за г. 1889: всѣ публикаціи, напечатанныи въ Австро-Угорщинѣ на русскôмъ языцѣ, такъ гражданскими и кирилловскими, якъ и латинскими письменами, безъ розличія національности авторôвъ и издателей, и всѣ сочиненія, появившіися въ печати, такъ въ Австро-Угорщинѣ, якъ и заграницею, на языкахъ: русскôмъ, польскôмъ, латинскôмъ и пр., которыхъ авторами являются русскіи уроженцы упомянутой державы. Списокъ публикацій, войшовшихъ въ составъ гал. рус. библіографіи за 1889 г. то точная копія заглавныхъ листôвъ относительныхъ сочиненій отпечатанныхъ въ тôмъ-же языцѣ, въ якôмъ напечатанъ подлинникъ. Во виду того, що самый богатый матерьялъ для исторіи галицко-русской словесности, майжє вся изящная и научная литература находится въ бôльшой части въ періодическихъ изданіяхъ якъ: газетахъ, журналахъ, сборникахъ и календаряхъ, наводитъ авторъ тоже въ поазбучнôмъ порядку и по родамъ предметôвъ всѣ вниманія достойныи статьи въ относительныхъ періодическихъ изданіяхъ. До „Библіографіи" долученъ тоже подробный, весьма старательно сложенный „Указатель" предметамъ и именамъ авторôвъ. Года 1889 появлялись слѣдующіи журналы: „Америка" (Шенандоа), „Батьківщина" (Львовъ), „Бесѣда" (Львовъ), „Буковина" (Черновцы), „Вѣстникъ Народного Дома" (Львовъ), „Добрыи Рады" (Рогозна), „Душпастырь" (Львовъ), „Дѣло" (Львовъ), „Зеркало" (Львовъ), „Зоря" (Львовъ), „Лискокъ" (Унгваръ), „Наука" (Вѣдень), „Новый Галичанинъ" (Перемышль-Львовъ), „Посланникъ" (Бережаны), „Правда" (Львовъ), „Русская Правда" (Вѣдень), „Русская Рада" (Коломыя), „Страхопудъ (Львовъ), „Учитель"(Львовъ), „Червоная Русь" (Львовъ), „Школьна Часопись" (Львовъ), кромѣ того періодическіи изданія: „Русская Библіотека", „Литературный Сборникъ Галицко-рус. Матицы", „Изданія Общества им. Мих. Качковского." Въ иныхъ языкахъ печатались статьи: Дра Е. Волощака въ »Oest. botan. Zeitung", Дра Иларіона Ганкевича »Vorschriften für Cassa-Manipulation", Дра Кл. Ганкевича статья въ »Bukow. Nachrichten", Дра Горбачевского въ »Sitzungsberichte der Wiener-Akademie", Романа Залозецкого въ »Dinglers polytechnisches Journal", С. Курыловича школьныи подручники, А. Манастырского »Ruthenen in Bukovina", и пр.

(„**Болгарія**"). „Das Fürstenthum Bulgarien. Seine Bodengestaltung, Natur, Bevölkerung, wirthschaftliche Zustände, geistige Cultur, Staatsverfassung, Staatsverwaltung und neueste Geschichte. Von Dr. Constantin Jireček. Mit 42 Abbildungen und einer Karte. Prag. 1891."

„**Литературный Сборникъ** издаваемый Галицко-русскою Матицею, подъ редакціею Богдана А. Дѣдицкого. Г. 1889—1890. — Дополненія ко Сводной галицко-русской Лѣтописи съ 1600 по 1700 годъ, изданной во Львовѣ 1874 года, составилъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. Изъ тип. Став. Инст. 1891. — Вѣчной памяти Молдавскому воеводичу, Кіево-Печерскому архимандриту, Кіевскому и Галицкому митрополиту Петру Могилѣ, упокоившомуся 1 января 1647 года, приснопамятному основателю Кіево-Могилянской Коллегіи, единственного розсадника просвѣщенія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ на всей Руси — посвящено.—"

Пôдъ тымъ заглавіемъ и съ выше наведенною дедикаціею появилась дальшая дополнительная часть Лѣтописи А. Петрушевича, о которой цѣнности и способѣ переведенія мы уже при попередних выпускахъ упоминали. Въ предисловію даетъ авторъ слѣдующое заявленіе: „Еще въ теченію сего года начнется печатаніе моего Дополненія, къ Сводной Галицко-русской Лѣтописи (1700 по 1800) изданной въ Львовѣ въ двохъ частяхъ, въ 1887 и 1889 годахъ, тоже съ особными дедикаціями и предисловіями. Печатаніе Указателей начнется не скорше якъ послѣ напечатанія моихъ Дополненій къ Сводной Галицко-Русской Лѣтописи съ 1700 по 1800 годъ, яко отдѣльной шестой части сего сочиненія, якими Указателями употребленіе собранного мною розличного матерьяла станется удобнѣйшимъ. Упомянутыи Дополненія къ моимъ Своднымъ Галицко-Русскимъ Лѣтописямъ XVII и XVIII столѣтій, составленнымъ по бôльшой части изъ разнородныхъ историческихъ записокъ еще непечатанныхъ, послужатъ къ исъясненію тыхже, а именно сдѣланными выписками изъ печатанныхъ уже сочиненій, съ ссылками на сюда относящіися мѣста, и останутся не безъ пользи для любителей нашой отечественной исторіи, такъ мало еще изслѣдованной по всѣмъ ей частямъ. Изъ собранныхъ мною историческихъ матерьялôвъ, начинаючи съ IV столѣтія до Рождества Христ. касательно пространныхъ областей, населенныхъ нынѣ русскимъ племенемъ, межи Карпатскими горами и Чорнымъ моремъ, рѣшился я на сей разъ издати печатью историческій матерьялъ, ôтносящійся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, такъ якъ упомянутыи столѣтія своими мірскими и церковными событіями, свидѣтельствуютъ о жалкихъ послѣдствіяхъ вознамѣренного слія̂нія давной Польщи съ Литовскою Русью, посредствомъ брака великого Литовского князя Ягайла Владислава съ королевною Ядвигою, въ слѣдствіе чого потомъ затѣяна была политическая Люблинская и церковная Берестейская Унія. Такимъ способомъ соединенная Польща съ Литовскою Русью, съ началомъ XVII столѣтія, вздумала подобную государственную и церковную акцію, пособствованіемъ въ Польщи воспитанныхъ Самозванцевъ, перенести въ предѣлы Московского государства, щобы тоже потомъ, подобно Литовско-русскимъ землямъ, насильнымъ способомъ облагородити польскою королевскою династіею и латино-польскимъ вѣроисповѣданіемъ. Однако такого рода политическо-церковными начинаніями, въ самыхъ Литовско-русскихъ областяхъ еще не полно переведенными, вызвала Польща въ Московскôмъ государствѣ бôльшую религійно-національную реакцію, которая съ прогнаніемъ польскихъ войскъ изъ Москвы, объявилась скоро потомъ такоже на всей южной Руси, пôдъ начальнымъ проводомъ южно-русской воинственной дружины - Козачества, вступившого наконецъ въ государственный союзъ съ Московскою Русью. Напрасно старался теперь гетманъ и король Іоаннъ III учрежденіемъ новой польской Козаччины, заступити Запорожскихъ Козакôвъ; напрасно покушался ôнъ утрату южно-русскихъ земель вознадгородити не удавшимися завоеваніями Молдавіи, не бывши однако въ состоянію устранити Турокъ изъ Каменца Подольского. Такимъ способомъ разшатавшаяся шляхотскими неурядицами давная Польща, приближалась уже ускоренными шагами къ своему крайному паденію. Наконецъ давно Поляками загроженное Московское царство, преобразовавшоеся въ могучественную Россію, и теперь изъ вазальной сѣверо-восточной части Польщи возникшая Пруссія, съ сосѣдною Австріею, для внутренного политического и религійного умиренія розстроенной Польщи, совершили трикратное роздѣленіе ей, по составнымъ частямъ прежного польского королевства, приблизившогося къ своему розложенію. О всемъ тôмъ узнаетъ почтенный читатель изъ современныхъ историческихъ записокъ, составленныхъ русскими, польскими и иностранными писателями, и тутъ помѣщенныхъ въ моихъ Сводныхъ Галицко-русскихъ Лѣтописяхъ XVII и XVIII столѣтій." Изданіе „Литер. Сборника" за г. 1891 послѣдуетъ съ кôнцемъ текущого или въ началѣ 1892-го года. Програмъ и условія для изданія „Лит. Сбор." на 1891 г. остаютъ тіи-же самыи, якіи были до теперь.

Для нечленôвъ открыта подписка на „Лит. Сборникъ“ на г. 1891 по цѣнѣ 1 злр. 50 кр, — Современно съ изданіемъ Сборника, появилась тоже въ изданію Матицы „Библіографія“ И. Левицкого.

Литературный Сборникъ вѣденского акад. Общества „Буковина.“ Общое собраніе членôвъ общества „Буковина“ въ Вѣдни, происходившое 17-го Юнія т. г., рѣшило единодушно, издати „Литературный Сборникъ“ и пригласити всѣхъ почетныхъ и всѣхъ бывшихъ и теперѣшнихъ дѣйствительныхъ членôвъ общества къ принятію участія въ изданію. Въ тôмъ-же общôмъ собранію избрана сейчасъ издательская комиссія. Въ члены издательской комиссіи избраны изъ членôвъ общества: Левъ Алексевичъ предсѣдатель общества, Александръ Дзеровичъ, мѣстопредсѣдатель, Григорій Малецъ, Романъ Алексевичъ и Владиміръ Могильницкій. Кромѣ тыхъ рѣшено пригласити въ комиссію изъ бывшихъ членôвъ общества почетного члена д-ра Вл. Ѳ. Дудыкевича и редактора Григорія Купчанка. Наконецъ представлено комиссіи право приглашати по ей благоусмотрѣнію новыхъ членôвъ. Желаючи, щобы издательская комиссія еще до окончанія учебного года начала свою дѣятельность, предсѣдатель „Буковины“ назначилъ уже слѣдующого дня первое ей засѣданіе. Издательская комиссія избрала предсѣдателемъ почетного члена В. Ѳ. Дудыкевича, мѣстопредсѣдателемъ Л. Ю. Алексевича, секретаремъ А. И. Дзеровича. Кромѣ того приняла комиссія нѣсколько подговительныхъ мѣръ и порѣшила во время ферій покончити всѣ подготовительныи роботы, такъ щобы съ началомъ нового учебного года дѣло могло пôйти скорымъ шагомъ впередъ, и въ той цѣли обратитися съ отзывомъ ко всѣмъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ общества. Наконецъ комиссія приняла въ общихъ чертахъ програму для изданія.

Розвязка дополнительной шарады на стр. 148.

В и н о
а Т о м
е р О с
о м а Р
б р А т
б Я л а
Г р о м
с О в а
к а Р о
к л і О
в о Д а
о С е л
К л и м
м А р т
б о Я н
о т е Ц
о в Е с
п Р у т
К р е т
р О ж а
м о В а
с о л Ь
р а В а
д О р а
Л я м а
л Ь о с
к а В а
к о м О
н е В а
л Ѣ н ь.

т. е. Вторая городская церковь во Львовѣ.

ЗАДАЧА-ЧАСОСКАЗЪ.

XII
XI I
X II
IX III
VIII IV
VII V
VI

Числа часосказа слѣдуетъ перемѣнити въ буквы, щобы тіиже по очереди въ ниже поданныхъ сложеніяхъ означали:

1, 2, 3, — птица.
2, 3, — часть воза.
3, 4, 5, — приправа до стравъ.
4, 5, 6, — насѣкомое.
5, 6, 7, — мѣстоименіе.
6, 7, 8, 9, — рѣка въ Азіи.
7, 8, 9, — часть дома.
8, 9, 10, 11, — = чинъ.
9, 10, 11, — = правительство.
10, 11, — то приноситъ смерть.
11, 12, 1, — слуга церкви;
12, 1, — выразъ вопросительный.

Юл. Игн. Дзер.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 15. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Серпня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выносить 5 злр. полугодичная 3 злр.

СУМАСШЕДШІЙ.

РОЗСКАЗЪ

Сватоплюка Чеха.

(Изъ чешского.)

(Конецъ.)

И такъ ôнъ заклиналъ повозчика, подати ему кнутовище, щобы во вторый разъ розбити его о его голову, а тутъ сновь благодарилъ доктору за то, що ôнъ самъ потрудился къ нему пріѣхати.

Дръ Горливый, почувши тіи безсвязныи взрывы ярости и замѣтивши дрожаніе всѣхъ мускулôвъ лиця у помѣщика, прійшолъ къ убѣжденію, що паціентъ его принадлежитъ къ самымъ типичнымъ сумасшедшимъ. Его удивило также, що больный ожидалъ его. „Вѣроятно ему наговорили о якой-нибудь другой болѣзни,“ подумалъ ôнъ наконецъ.

Коли докторъ вылѣзъ изъ шубъ, Дртина впился костлявыми пальцями своей непомѣрно громадной руки въ его плечи и потащилъ его за собою по лѣстницѣ въ свою комнату. Такимъ образомъ, надежда доктора, поговорити о состоянію больного прежде съ его дочерью, оказалась тщетною, и ôнъ ледво успѣлъ значительнымъ взглядомъ напомнити повозчику его обѣщаніе, на щô той съ нѣкою гримасою кивнулъ головою. Очутившись въ комнатѣ, паціента, докторъ Горливый съ любопытствомъ осмотрѣлъ ею. „Дѣйствительно больный духъ отпечатался со всѣми своими прихотями въ той комнатѣ, бывшой головною ареною его ексцентричностей“ — подумалъ докторъ. И ôнъ не ошибся. То дѣйствительно была берлога безумця. На голыхъ стѣнахъ висѣли, якъ бôльшіи оазы въ пустынѣ, календарь, кинжалы и пара старинныхъ пистолетôвъ; на столѣ, на креслахъ и сзади на огромной постели съ роздвинутыми занавѣсками, валялись перевязанныи шнурками пачки якихъ-то пожелтѣвшихъ, сильно обгрызенныхъ мышами паперôвъ; четверть комнаты занятою была розостланною на подлозѣ великою картою, въ которую мѣстцями воткнуты были бôльшіи булавки съ розноцвѣтными флягами. Прежде чимъ докторъ Горливый могъ привести въ своей головѣ въ порядокъ всѣ догадки, возбужденныи тою картиною, паціентъ притащилъ его къ картѣ и показуючи на туюжь пальцемъ, зашипѣлъ якимъ-то конвульсивнымъ смѣхомъ. „Тутъ вамъ вся исторія! Проклятая путаница! Видите ли на

Старинныи малорусскіи уборы.

13 и 14) Малорусскіи женщины плясающіи. 15) Знатная женщина въ зимовôмъ нарядѣ.

картѣ тамъ тую вербу у ручая, а коло ней воткнутую булавку? Тамъ я стою.. десять лѣтъ, полныхъ ожиданія, волненій, поѣздокъ и тасканія по цѣлôмъ свѣтѣ, росходôвъ майже до разоренія — и все стою, якъ зачарованный у той вербы, тамъ где булавка. Не могу тронутися съ мѣста. Щобы его громомъ ударило! А тіи, на другой сторонѣ, тіи мошенники, грабители, лжесвидѣтели, надоѣдаютъ, потираютъ собѣ руки, насмѣхаются... Пытаю: чи то справедливо? О, еслибъ ôнъ мнѣ попался, той толстякъ обманщикъ, той негодяй!“

Ôнъ заскреготалъ зубами.

Межи тымъ докторъ овладѣлъ мало-по-малу его рукою и, добывши годинникъ, наслуховалъ его пульсъ. Коли безумецъ замѣтилъ то, вырвалъ руку и, поглядаючи на доктора удивленъ, воскликнулъ:

„То щô вы дѣлаете? Чого вы мнѣ руку держите?“

„Вы нездоровы, г. Дртина“ спокойно отвѣтилъ докторъ.

„Я — нездоровъ?“ съ ужасомъ воскликнулъ бешинскій помѣщикъ. „Я — больный? Изъ чого вы то заключаете? Гмъ, нездоровъ! Можетъ быти! Кто тутъ не заболѣетъ при той постоянной ярости и безпокойствѣ! Повѣрьте, они днемъ и ночью лишь и думаютъ, якъ бы мнѣ сдѣлати якую-нибудь непріятность; общими силами стараются, якъ бы мене лишити имущества, чести, всего. Травятъ мене якъ оленя на панской ловлѣ, и ждутъ не дождутся минуты, коли увидятъ мене ограбленного, уничтоженного у своихъ ногъ. И все по подстрекательству того толстого радного и виц. городской думы.“

Изъ тыхъ слôвъ докторъ ясно понялъ мысль, служившую основаніемъ помѣшательства Дртины. Многихъ помѣшанныхъ мучитъ подозрѣніе, що ихъ кто-нибудь постоянно преслѣдуетъ, окружаетъ сѣтьями, старается довести ихъ до униженія, и гибели. У бешинского дѣдича роль такого преслѣдователя играла вся городская дума съ якимъ-то толстымъ раднымъ. Докторъ хотѣлъ ознакомитись съ тою мыслею, и сказалъ успокоительно: „Но г. Дртина, мнѣ кажется, що вы его обижаете. Ôнъ не такъ злобный человѣкъ!“

Паціентъ розлюченъ ôтскочилъ, очи его метали молніи, изъ устъ вырвались воскликы: „А! вы сговорились! Вы — тоже членъ цѣпи негодяевъ, которыи давлятъ мене за горло. Вы тоже подкуплены для заговора. Отъ — всѣ докторы по его сторонѣ, якъ по командѣ! Свôй къ своему! Позоръ!“ Сжавши кулаки, бѣгалъ ôнъ, якъ бѣшенный по комнатѣ. Докторъ увидѣлъ, що слова ничого не помогутъ, и прибѣгнулъ по тому къ другому средству. Ôнъ, засунулъ руку пôдъ полу своего широкого пальта и началъ вкрадчиво: „Господинъ Дртина, вы въ самôмъ дѣлѣ больны. Не хочете ли вы тую куртку?“

Ôнъ не договорилъ. Ледво помѣщикъ узрѣлъ тую куртку, якъ прійшолъ въ ярость, якъ звѣрь на аренѣ испанского цирка при видѣ червоного сукна. „Що!“ — закричалъ ôнъ — „вы смѣете дѣлати изъ мене сумасшедшого, въ моимъ собственнôмъ домѣ? Тамъ двери... понимаете? Или пождѣтъ минутку, я вамъ задамъ такій лѣкъ, который унесетъ васъ совсемъ разомъ съ вашою курткою!“

При тôмъ ôнъ потягнулъ къ заржавѣлымъ пистолетамъ на стѣнѣ. Хотяй послѣдніи слова паціента перейшли въ непонятное шипѣнье, но по его движеніямъ докторъ хорошо понялъ совсемъ не пріятное значеніе обѣщанного лѣку, и потому избралъ двери.

Якъ разъ въ ту хвилю они розтворились и войшолъ великанъ съ лукаво-улыбающимся лицемъ и засученными уже рукавами. По приказанію доктора, ôнъ все время стоялъ въ корридорѣ и по крику помѣщика узналъ, що наступила рѣшительная минута. Однимъ прыгомъ докторъ очутился за своимъ союзникомъ и въ той безопасной позиціи мужественно побуджалъ его къ штурму. „Поки ôнъ не досталъ еще пистолетôвъ!“ прибавилъ ôнъ съ стратегическимъ обчисленіемъ. Однакъ воинственный повозчикъ немного упалъ духомъ, очутившись лицемъ къ лицю съ своимъ розгнѣванным повелителемъ. Ôнъ обернулся на половину назадъ и сказалъ шепотомъ: „Но вѣдь вы не причините ему вреда, г. докторъ! А вдругъ ôнъ мене прогонитъ или ôтдасть пôдъ судъ!“

„Не тронемъ ни одного волоска! Вѣдь для его пользы мы то дѣлаемъ. Ôнъ не можетъ ни прогнати васъ, ни предати суду. Скорше надгородитъ васъ потомъ“ — приводилъ докторъ, одинъ за другимъ, свои совѣты.

„Ну, про мене!“ успокоилъ повозчикъ голосъ своей совѣсти, и воинственно двинулся впередъ, при чемъ докторъ скромно остался на заднôмъ планѣ.

Тымчасомъ Дртина схватилъ пистолеты и обернулся за докторомъ въ дверяхъ. Неожиданно узрѣвши передъ собою Венцля, ôнъ на минуту остановился, но потомъ воскликнулъ:

„Слухай, Венцель, выкини того человѣка! Сдѣлай мнѣ то удовольствіе — а то случится несчастье.“

Тая трогательная просьба сновь поколебала рѣшимость повозчика. Обернувшись въ половину къ доктору, ôнъ поглядалъ то на него, то на помѣщика, засучиваючи при тôмъ свои рукавы.

Къ стастью, мучительное положеніе доктора межи засученными рукавами и взведенными курками пистолетôвъ продолжалось недолго. Освободилъ его самъ помѣщикъ, розсердившись на колебающогося слугу. „Ну, що же трусъ? Ты его навѣрно боишься? Или мнѣ подогнати тебе палкою?“ То новое оскорбленіе склонило рѣшеніе слуги въ противную помѣщику сторону. Въ одну хвилю лежали оба пистолеты — которы, сказати еще, не были заряжены — на подлозѣ и помѣщикъ около нихъ. Еще и на подлозѣ произойшла сильная битва. Попавшій въ ярость паціентъ всѣми силами защищался ôтъ благодѣтельной куртки, которую докторъ съ помощію своего союзника силою хотѣлъ надѣти на него. Наконецъ они все-таки надѣли на него куртку. Рвеніе лѣкаря до того заглушило въ Горливôмъ всякое милосердіе, що ôнъ собственнымъ своимъ платкомъ крѣпко завязалъ уста паціенту, не перестававшому кричати: „розбойники! грабители!“ Потомъ докторъ велѣлъ ôтнести свою обезоруженную жертву, продолжавшую метатись, на гигантскую постель въ глубинѣ комнаты.

Заледво засунули занавѣски постели, якъ двери отворились и войшла привлекательная дѣвочка въ чорнôмъ уборѣ. Тревожно окинувши комнату своими прекрасными очами, пôдъ которыми на блѣдныхъ щекахъ блестѣли двѣ слезы, она спросила съ безпокойствомъ: „Що тутъ произойшло? Где отецъ?“

Въ то время она увидѣла доктора, быстро отерла слезы и поправила волосы. Докторъ, сдѣлавши съ начала повозчику знакъ удалитися (що той исполнилъ съ видомъ преступника, ино-що совершившого злодѣйство), поступилъ войшовшой на встрѣчу съ гордымъ сознаніемъ исполненной обовязанности и съ еще бôльше гордымъ сознаніемъ, шо ôнъ ино-що рисковалъ жизнью ради своего призванія. Но она приняла его совсемъ не такъ, якъ ôнъ былъ въ правѣ ожидати ôтъ дочери своего несчастного паціента. Взглядъ ей совсемъ не былъ примилительный.

„Прежде всего позвольте“, началъ Горливый, „предложити вамъ нѣсколько вопросôвъ, касающихся прежной судьбы и образа жизни вашого отця.“

„То будетъ за подробная species facti“ отвѣчала она.

Докторъ посмотрѣлъ на дѣвочку съ нѣмымъ удивленіемъ. Съ первого взгляда его очаровала ей красота, тіи нѣжныи очи, за лазурою которыхъ ôнъ предполагалъ серафима, и вдругъ такое розочарованіе! Ôнъ увидѣлъ въ ней дѣвочку безъ сердця, котора можетъ свободно шутити, коли ей отця постигло такое ужасное несчастье. А однакъ по ей лицѣ сплывали слезы.

„Я не зналъ“ сказалъ ôнъ съ рѣзкимъ упрекомъ, „що судьба вашого отця такъ мало васъ интересуетъ. Или, можетъ быти, вы не маете ко мнѣ довѣрія?“

„Васъ я совсемъ не знаю, докторъ, но вашъ попередникъ возбудилъ во мнѣ недовѣріе ко всему вашому сословію. Якъ же! Ôнъ такъ много лѣтъ тягнулъ то несчастное дѣло, посылалъ отцю долгіи счеты и якій же былъ результатъ всего того?"

„Ахъ! затымъ тутъ бывалъ докторъ уже передъ мною?"

„Такъ, и мôй отецъ долго питалъ къ нему безграничное довѣріе, но наконецъ терпѣніе его истощилось. Ему сказали, що у васъ обширная практика (дръ Горливый немного смутился), и послалъ за вами."

„Вы не маете права, изъ-за одного осуджати цѣлое сословіе. Наше призваніе возвышенное, стремлящоеся къ счастью человѣчества. Въ даннôмъ же случаю есть лишь одно средство: ôтправьте своего отця въ домъ умалишенныхъ."

Дѣвочка ôтступила на шагъ. Очи ей засверкали. Блѣдное лице загорѣлось яркимъ румянцемъ.

„Я не допущу," воскликнула она, „щобы въ моимъ присутствію такъ говорили о моимъ несчастнôмъ отци!"

„Но... прошу..."

„Ніякъ не ожидала я ôтъ васъ такого непочтительного поступка. Если вы признаете безполезность того процесса, то вамъ слѣдовало бы, вмѣсто пустыхъ насмѣшокъ, направити свое краснорѣчіе къ тому, щобы наклонити отця къ прекращенію процесса. Я уже давно не смѣю говорити съ нимъ откровенно. Изъ за того куска земли, о который ôнъ ведетъ споръ съ городомъ, ôнъ потерялъ майже все свое состояніе и майже десять лѣтъ спокойствія. Ôнъ жилъ безъ радости, въ постояннôмъ лихорадочнôмъ роздражненію, былъ тягостнымъ и собѣ и всѣмъ окружающимъ, не показовался среди людей, не выѣзжалъ въ городъ, проводилъ время, якъ узникъ, надъ тою картою, среди тыхъ бумагъ. Я и думаю, що все то свело въ могилу мою бѣдную матерь."

Рыданія не позволили ей продолжати.

Молодому доктору вдругъ все стало ясно. Ôнъ вдругъ пригадалъ собѣ, що всѣ розсказы о бешинскôмъ помѣщику касалися его знаменитого процесса съ городомъ; вспомнилъ ôнъ и доктора Залогу. Ôнъ понялъ все. Помѣщикъ не для него былъ паціентомъ.

„Произойшла отже ужасная ошибка" сказалъ Горливый дрожащимъ голосомъ, „— я не докторъ правъ."

„Якъ!" воскликнула она съ удивленіемъ, „вы не адвокатъ... дръ Залога?"

„Нѣтъ, я докторъ медицины, Станиславъ Горливый. Повозчикъ пріѣхалъ за новымъ докторомъ, а я тоже недавно поселился въ Л."

Послѣ того объясненія ôнъ подойшолъ къ постели, где паціентъ, къ удивленію, спокойно лежалъ все время, и снялъ злополучную куртку.

„Вы вѣрно чули, г. Дртина!" сказалъ ôнъ ему съ отчаяніемъ: „произойшла ужасная ошибка."

„Благодарю за такую ошибку!" заворчалъ Дртина и, соскочивши съ постели, началъ быстро ходити по комнатѣ, протягаючи освобожденныи руки, причемъ очи его сверкали грозно. Потомъ ôнъ вдругъ остановился передъ докторомъ и розразился такимъ искреннимъ, неудержимымъ хохотомъ, що увлекъ и дра Горливого, и личко дочери прояснилось.

Докторъ долженъ былъ остатись въ Бешинѣ къ обѣду. Коли же въ пріятной теплотѣ компаты зазвенѣли чарки пунша, помѣщикъ Дртина воскликнулъ съ веселымъ смѣхомъ:

„Ну, за ваше здоровье, докторъ! Вы доказали сегодня свое искуство! Жаль, що еще много лѣтъ тому назадъ я не послалъ за вами и за вашою курткою..."

Поздно вечеромъ сани летѣли изъ Бешина къ Л. Венцель погрузился надъ своимъ дышлемъ въ глубокіи мысли, напрасно стараючись понятп событія того дня. Помѣщикъ приказалъ ему, николи не говорити о нихъ. Дръ Горливый смотрѣлъ изъ своихъ шубъ на сверкающій снѣгъ, и вскорѣ всемогущая фантазія создала ему чудный сонъ. Ôнъ узрѣлъ бѣлый храмъ, освѣщенный множествомъ огней; звончики звучали, якъ звонки въ храмѣ, а самъ ôнъ ишолъ къ престолу рядомъ съ стройною, чудною женщиною, бѣлою и тихою, якъ голубка, съ синими очами и русыми косами.

Если не ошибаюсь, той сонъ доктора исполнится. Но то не идетъ къ дѣлу.

ЮГОСЛАВЯНСКІИ АМАЗОНКИ.

Ан....ій Кралицкій.

(Розсказъ.)

Во время, коли года 1809 французскіи полки направилися противъ Австріи, Дальматія належала къ Иллирскому королевству, которое было покоренною провинціею имперіи французской. Въ началѣ войны ново набранныи французскіи полки высланы были на береги Адріи, щобы предупредити Дальматинское возстаніе. На вѣсть войны гнѣвъ и отчаяніе овладѣли Югославянами Дальматіи. Вскорѣ затымъ явились вожаки-поджигатели и горскій народъ за нѣсколько дней былъ вооруженъ. Всѣ способныи къ оружію мужчины лишили родный очагъ и переступили границю сосѣдной Черногоріи или Герцеговины, щобы тутъ съорганизоватись, послѣ ударити на Дальматію, и тамъ набѣгами непокоити французскую силу. Села всѣ опустѣли, остали лишь старцы, женщины и дѣти.

На рубежи Черногоріи лежитъ осадьба Драгалъ, котора запята была двома полками наѣздниковъ французскихъ, выславшихъ патроли по окрестностяхъ. Полководцемъ одного изъ отрядôвъ югославянъ, стоявшихъ на територіи Черногорской, былъ гражданинъ Драгальскій, Иванъ Головичъ, лишившій жену Терку съ дѣтьми дома, беззащитными. Терка была типомъ настоящой югославянки: высокая, стройная, крѣпкого сложенія, нѣсколько смуглая ôтъ приморской спеки, — красавиця собою. Ивана Головича, навѣрно, скука по женѣ привела въ родимое село Драгалъ, ночью; но къ его несчастью узналъ о его прибытію сельскій староста (подеста) Лазарь Бенедичъ, державшій съ французами и завидовавшій Головичу изъ-за Терки. Запродалъ его французамъ, а тіи схватили ночью Головича въ его собственнôмъ домѣ и арестовали. Другого дня военный судъ приговорилъ вождя югославянского къ смертной казни.

Головичъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа и смѣлости. Рѣшительно отказался выявити товаришей по возстанію, додавши, що готовъ и за нихъ, и за отчину пострадати.

Прежде чимъ повели его къ мѣсту казни, жена его представилась полководцю, просила о позволеніе свидатися съ мужемъ и попращатися съ нимъ, що и было допущено. Трогательнымъ было пращаніе, коли вступила въ вязницю мужа и кинулась ему на шію. „Мы должны розстатися на всегда, дорогая Терка; остань тверда, якъ я. Умираю радо; но кровь моя не проліется даромъ; ты, яко моя жена, помни, чого требуетъ ôтъ тебе старинный югославянскій обычай", казалъ Головичъ.

„Знаю," ôтвѣтила Терка, скрѣпивши сердце. „Я отомщу тебе!"

Месть у юго-славянъ глубоко вкоренена.

Послѣ розлуки одинъ отрядъ французôвъ отвелъ плѣнника на конецъ села, возлѣ креста, и тамъ его поставили. Недопустилъ вождь завязати собѣ очи и стати на колѣни, съ спокоемъ принялъ засудъ, выстрѣлы слѣдовали и вождь повалился. Жена стояла вблизи и смотрѣла на трагедію.

Еще той ночи Терка свидалась съ подругами, въ ихъ домахъ, призываючи ихъ помощи къ затѣянной мести. Заговоръ заключенъ и женщины побожились при блисшой случайности умертвити предателя и французôвъ. А случайность вскорѣ представилась черезъ страсть Бенедича къ Терцѣ. Подеста посѣтилъ Терку, признался въ любви и просилъ

свиданія. Женщина, по видимому съ радостію приняла подесту и сказала: „Если согласенъ, еще сей ночи буду ожидати тебе. Приходи около полуночи.“

„Такъ, въ полночь. Точный буду,“ отвѣтилъ подеста.

Настала ночь. Тишина воцарилась всюды по селенію. Подеста тайкомъ выбрался изъ хаты, тихими шагами пробирался къ жилищу Терки и незадолго стоялъ передъ ôкномъ, въ которôмъ виднѣло свѣтилко ôтъ каганця. Постучалъ о стекло.

„Ты-ли прійшолъ?“ спросила Терка.

„Такъ, я,“ отвѣтилъ Бенедичъ, „я твôй обожатель, съ нетерпѣніемъ ожидавшій сего момента.“

Терка закрыла ôкно, а отворила двери.

Подеста вступилъ и ввелъ Терку, которая ожидала его, и ôни засѣли за заставленный стравами столъ. Поки гость попивалъ вино изъ збана, Терка призвала четырехъ своихъ подругъ, на то избранныхъ и скрывавшихся въ коморѣ. Подеста сидѣлъ спиною къ дверямъ, а Терка заняла мѣсто на супротивъ него; коли подеста выпорожнилъ збанъ и поднялся, щобы подати руку хозяйцѣ и ей поблагодарити, Терка стала изъ-за стола и кинула подестѣ петлю на шію.

Зачимъ Подеста силился высвободити шію изъ петли, четыре скрывавшіися женщины вторглись въ избу, повалили мужчину на землю, и повязанного потащили на дворъ. Тутъ вскорѣ Терка съ нимъ покончила. Изъ избы вынесла пистолеты мужа и пустила Бенедичу двѣ кули въ грудь. Такъ погибъ предатель ей мужа. Межи тымъ заговорщицы съ зажженными факелями розбѣглись по селу, подняли подругъ и вооружились. Роздался неистовый крикъ по всему селу. Женщины напали спящихъ французôвъ и кого не зарѣзали, того вязали и брали съ собою. Патроль была тогды на розвѣди, а другіи воины, не попавшіися еще въ руки женщинъ, вскорѣ были перебиты.

Коли уже и съ послѣднимъ французомъ покончили, Драгальскіи женщины выбрались изъ родного села со всѣмъ. Старыхъ и недужныхъ мужчинъ посадили на мулы и кони, а дѣтей на плечи и такъ выйшли съ пистолетами въ рукахъ, а ганджарами за поясомъ. Но мести ихъ еще не было конця. — Одна часть вооруженныхъ женщинъ проводитъ плѣнныхъ французскихъ воинôвъ прямо на ту сторону Черногоріи. И коли уже выселяются изъ прадѣдного очага, коли уже и послѣдная хата за плечами, наразъ въ темной ночи, возникаетъ зарево пожара, освѣщаетъ окрестныи скалы. Все село въ огни.

Небôльшій караванъ все дальше и дальше идетъ; попадаются еще на пути нѣсколько французôвъ, бывшихъ на передной стражи, но и съ тыми бѣшенныи женщины, въ розгарѣ мести, кончатъ. Наконецъ останавляются, — переступили рубежъ. А тутъ уже всякое дерево готовая висѣлиця плѣннымъ французамъ. И въ пору, коли пожаръ уничтожаетъ соломянныи крыши Драгальского села, воинственныи женщины привели въ исполненіе свою месть. Французы привязаны къ деревамъ послужили цѣлью выстрѣлôвъ розлюченныхъ славянскихъ амазонокъ.

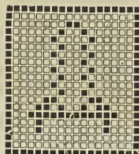
— 1891.

провелъ въ имѣнію своей бабки Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, въ Тарханахъ, Пензенской губерніи. Тутъ ôнъ получилъ и первоначальное свое воспитаніе; наставниками его были сначала гувернеры, преимущественно французы а потомъ, по переѣздѣ его въ Москву, г. 1827, гувернеромъ его былъ англичанинъ Виисонъ, который основательно познакомилъ Лермонтова съ Байрономъ, оставившимъ неизгладимыи слѣды на произведеніяхъ Михаила Юрьевича, Вальтеръ-Скоттомъ и Шекспиромъ. Русскую же литературу ôнъ зналъ отлично.

Въ 1828 г. Лермонтовъ поступилъ въ московскій университетскій пансіонъ.

Михаилъ Ю. Лермонтовъ.

Михаилъ Ю. Лермонтовъ.



ня 15-го Юлія минуло пятидесятилѣтіе со дня кончины знаменитого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, безсмертного автора „Демона“, „Героя нашого времени“, и многихъ лирическихъ стихотвореній, могучихъ по мысли и великихъ по исполненію.

Михаилъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ 3 Октоврія 1814 года, дѣтство

Съ того времени начинаются его литературныи опыты, первоначально подчиненныи генію Пушкина, а потомъ Байрона. Окончавши курсъ въ пансіонѣ и получивши за успѣхи въ наукахъ первую надгороду, Лермонтовъ въ 1830 году перейшолъ въ университетъ, изъ которого, однако, ôнъ вскорѣ выйшолъ по причинѣ якой-то исторіи съ однимъ изъ профессорôвъ, въ которую ôнъ былъ замѣшанъ совершенно случайно. Выйшовши съ первого курса, ôнъ поѣхалъ въ Петербургъ, намѣряючи поступити въ мѣстный университетъ, но судьба рѣшила иначе — ôнъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщикôвъ, въ кото-

Гуцульскіи легини.
Картина С. Грохольского.

рой и пробылъ до 1834 г. Будучи офицеромъ, Михаилъ сблизился съ литераторами Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ, Муравьевымъ и Плетневымъ. Въ первый разъ въ печати имя Лермонтова появилось въ 1835 году въ „Библіотецѣ для чтенія“, издаваемой Сенковскимъ, которому тайкомъ ôтъ поета была передана однимъ изъ товаришей Лермонтова по школѣ, поема „Хаджи Абрекъ“, и напечатанная безъ вѣдома автора.

Имя Лермонтова пріобрѣло извѣстность смертью Пушкина. Его знаменитое стихотвореніе „На смерть Пушкина“, написанное пôдъ свѣжимъ впечатлѣніемъ печального событія, обратило вниманіе на молодого поета, которому прійшлось ради того же стихотворенія покинути Петербургъ и перевестись въ нижегородскій драгонскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Впрочемъ, Лермонтовъ пробылъ въ немъ не долго; вскорѣ за стараніемъ Арсеньевой ôнъ снова былъ переведенъ въ гвардію.

1838, 39 и 40 годъ были особенно богаты сочиненіями Лермонтова, которы производили необыкновенное дѣйствіе на любителей литературы, особенно на молодежь, и которы горячо привѣтствовалъ самъ Бѣлинскій, предугадавшій въ юнôмъ поетѣ достойного преемника Пушкина.

Въ Февруарію 1840 года съ Лермонтовымъ случилась новая непріятность окончившаяся сновь ссылкою его на Кавказъ. На балю у графини Лаваль, ôнъ поссорился съ барономъ де-Барантомъ, который вызвалъ его на дуель. На слѣдующій день послѣ ссоры, а именно 18 Февр. противники сойшлись на Чорной рѣчцѣ, по Парголовской дорозѣ съ секундантами. Выборъ оружія предоставленъ былъ Баранту, яко считавшому себе обиженнымъ, и ôнъ выбралъ шпаги. Въ самôмъ началѣ дуеля у шпаги Лермонтова переломился конецъ и Барантъ нанесъ ему въ грудь не опасную рану. Послѣ того противники, по предварительному условію, взяли пистолеты и стали стрѣляти, но Барантъ сдѣлалъ промахъ, а Лермонтовъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Такимъ благопріятнымъ исходомъ кончился дуель и они тутъ же, на мѣстѣ поединка, помирились. Слухъ о состоявшôмся поединку дойшолъ до власти, было наряжено слѣдствіе и Лермонтовъ преданъ военному суду, который приговорилъ его: по лишенію чинôвъ и дворянского достоинства, перейти въ рядовыи. Но рѣшеніе то не было приведено въ исполненіе, участь подсудного была повергнута на возрѣніе императора. 13 Апреля 1840 г. послѣдовало собственноручное рѣшеніе императора; „поручника Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тымъ же чиномъ.“

Михаилъ ôтправился на Кавказъ, вступилъ въ партизанскій отрядъ и вскорѣ сталъ отчаяннымъ предводителемъ его, такъ що отрядъ той пріобрѣлъназваніе „Лермонтовского.“ Всѣ знавшіи въ то время поета говорили въ одинъ голосъ, що Лермонтовъ глядалъ смерти; ôнъ совершилъ въ короткій періодъ своего начальства отрядомъ рядъ безъумныхъ по смѣлости нападеній. Ôнъ не ишолъ за боевою славою, за знаками отличій, — ôнъ тяготился своимъ существованіемъ и глядалъ кôнця своимъ странствованіямъ, которыи ôнъ охарактеризовалъ въ стихотворенію: „Тучки небесныя, вѣчные странники! Степью лазурною, цѣпью жемчужною мчитесь вы, будьто какъ я же, изгнанники съ милаго сѣвера въ сторону южную. Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе? Зависть ли тайная? Злоба-ль открытая? Или на васъ тяготитъ преступленіе? Или друзей клевета ядовитая? Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя... Чужды вамъ страсти и чужды страданія; вѣсно холодныя, вѣчно свободныя, нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія...“

Съ кôнцемъ 1840 года Лермонтову было позволено приѣхати на короткій срокъ въ Петербургъ для свиданія съ родными. Уѣзжаючи въ началѣ 1841 года изъ столицы, Михаилъ, якъ бы предчувствуючи скорую свою смерть, говорилъ своимъ другамъ и знакомымъ, що ледво ôнъ коли либо еще съ ними свидится и вообще въ послѣдное время ôнъ былъ противъ обыкновенія грустный и молчаливый. По приѣздѣ на Кавказъ, Лермонтовъ, въ силу болѣзненного своего состоянія, взялъ отпускъ и поселился времено въ Пятигорску, въ которôмъ и умеръ 15 Юлія ôтъ раны въ сердце, полученной нимъ въ дуелю съ маіоромъ Мартыновымъ.

Причины того дуеля до сихъ поръ невыяснены. Ни слѣдствіе по тому дѣлу, ни судъ, ни личныи воспоминанія секундантôвъ не даютъ достовѣрныхъ, положительныхъ матерьялôвъ, которыи бы указовали на мотивъ того загадочного дуеля. Все же сводится къ тому, що Лермонтовъ былъ крайне неправъ въ тôмъ дѣлѣ; обладаючи насмѣшливымъ характеромъ, ôнъ довелъ своими злыми шутками и глумленіями уважавшаго его Мартынова до того, що той вынужденъ былъ вызвати его на поединокъ, на которôмъ и погибъ геніальный поетъ.

Мѣсто поединка Лермонтова съ Мартыновымъ назначено было у стопъ горы Машука, вблизи горы Баштау. Секундантами были: со стороны Лермонтова — кн. Васильчиковъ, а со стороны Мартынова — корнетъ Глѣбовъ. Дуель назначенъ былъ на пистолетахъ, на розстоянію 15 шагôвъ, но ôтъ барьера въ кождую сторону ôтмѣрено было еще по 10 шагôвъ, где противники должны были первоначально стати. Особого права на первый выстрѣлъ, по предварительному условію никому изъ нихъ не дано, каждый могъ стрѣляти или стоячи на мѣстѣ или подойшовши къ барьеру. Коли противники стали на крайнихъ точкахъ отмѣченного межи ними розстоянія, то одинъ изъ секундантôвъ подалъ знакъ рукою, они подойшли къ барьеру и остановились. Первый выстрѣлилъ Мартыновъ и нанесъ Лермонтову рану въ правый бокъ на вылетъ, ôтъ которой той умеръ, не успѣвши даже выстрѣлити.

Лермонтовъ первоначально былъ похороненъ въ Пятигорску на мѣстнôмъ кладбищи, но послѣ тѣло его было перевезено въ село Тараханы.

Лермонтовъ по всей справедливости заслужилъ имя великого поета. Если приняти во вниманіе его юношескій возрость (ôнъ умеръ въ 27 году жизни), то невольно поражаетъ его творческій геній, не успѣвшій положительно развитися, но уже давшій такіи замѣчательныи поемы, якъ: „Демонъ“, „Бояринъ Орша“, „Мцыри“, „Валерикъ“ и пр., полныи поетической фантазіи, чувства и вдохновенія, и переданныи въ чарующихъ, мелодичныхъ стихахъ. Лермонтовъ былъ глубоко наблюдательный и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ придерживался художественной правды. Лермонтовъ въ каждôмъ своимъ стихотворенію поражаетъ глубиною мысли, образностію сопоставленій, короткою выразительностію и чудною звучностію... Ôнъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ, горячо любилъ свою родину, любилъ и народъ — во многихъ стихотвореніяхъ его посвящены симпатичныи строки русскому люду.

Поезія Лермонтова живуча. Лермонтовъ маетъ и воспитательное значеніе — ôтъ него, якъ и ôтъ Пушкина, идетъ цѣлая плеяда подражателей и послѣдователей, що все доказуетъ его немаловажную роль въ русской поезіи.

———

Зъ галицко-русской ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Древніи церкви и монастыри, фундаціи и фундаторы тыхъ-же и древніи фамиліи священническіи.

Д-ръ Исидоръ Шараневичъ.

(Продолженіе.)

Ерекція церкви въ селѣ Жабокрукахъ, прилежащôмъ до Хотиміра, сполнена была черезъ Мартина Козьебродского (Marcina z Koziebrod na Kaliszu y Chocimierzu Koziebrodzkiego Podsędka i deputata na trybunał korony z ziemi Halickiej, Olchowieckiego i Chrebtowskiego Starosty). Новая церковь должна была созидатись тутъ за соизволеніемъ епископа Львовского Леона на Шептицяхъ Шептицкого „de nova radice“. Упомянутый

патронъ вызначаетъ на церковь и на кладбище мѣстце въ долготу и ширину 50 локтей пространное, а также при кладбищи протягающійся грунтъ такой-же долготы и ширины на огородъ и приходскій домъ для священника и на иныи господарскіи будынки. На содержаніе священника, который долженъ быти обряда гр. унитского, вызначается въ той ерекціи поле а именно управная нива и толока на 18 дней роботы; все то должно было роздѣлитись на три руки, такъ щобы въ кождой сторонѣ припадало для него поля по 6 дней робочихъ; также назначается сѣножать на 6 косарей. Тое поле и сѣножать освободилъ упомянутый патронъ ôтъ всѣхъ тягарôвъ публичныхъ тыми словами: »pole i sianożęć od wszystkich danin, dziesięcin zwyczajnych i powinności wolne będą, cum beneficium datur propter officium,“ однакожь священникъ въ Жабокрукахъ долженъ былъ ôтъ епископа отвѣтно презентованымъ и въ посессіи того прихода законно оставленымъ быти, при церквѣ обитати, приходскіи обовязанности прилѣжно исполняти и св. Тайны подавати, вѣры и катехизма прихожанъ научати, примѣромъ для всѣхъ просвѣщати, ôтъ вѣнчаній, крестинъ и погребеній, кромѣ звычайной уплаты назначенной властею, ничого больше не требовати, прочимъ христіанамъ дѣла милосердія сполняти, а на богослуженіяхъ и въ молитвахъ поручати Богу патрона, жену его и сродникôвъ якъ тоже и наслѣдникôвъ патрона. Интересный той документъ, одинъ изъ межи многихъ тогдащнихъ ерекцій, изданъ во Львовѣ на дни 20 Дек. 1769.

Примѣромъ же умноженія существующой уже церковной ерекціи послужитъ грамота изданна въ Курянахъ (пôдъ Бережанами) на дни 8 Августа г. 1761. Антоній Стржемескій (Antoni z Trzemszna na Kurzanach, Podwysockim, Lipicy i Kociubincach Strzemeski, Starosta Birecki) назначаетъ на вѣчніи времена для церкви въ Подвысокôмъ*) поля на 20 дней собиранія разомъ съ огородомъ лежащимъ вблизи приходского дома, ôтлучаючи тое поле и огородъ ôтъ нивъ и огородôвъ своихъ подданныхъ, а то въ той способъ, що огородъ и двориско, на которôмъ изъ давна малъ священникъ свое обиталище, а который тягнулся ôтъ того приходского дома ажь до рѣки въ простраи на 1½ дней орки, теперь долженъ былъ обнимати пространь на 2 дни орки; къ тому прибавляется за рѣкою фольварокъ и малая сѣножать. Все то записуетъ реченный патронъ церквѣ по вѣчніи времена а взглядно тогдашному священнику Александру Стефановичу. Къ той-же ерекціи Софія Фирлеевна, жена хоронжого Белзского Радецкого, яко внучка Іоанна Стржемского старосты Гадяцкого и яко дожизненная властителька тыхъ добръ, добавляетъ три ланки: одинъ на 8 дней орки, другій на 7 дней орки, межи Курянскими помѣрками а третій надъ потокомъ плывущимъ до Чесникъ на 3 дни орки, якъ тоже сѣножать въ Яворовой на 8 косарей; все то приказуетъ она ôтъ селянскихъ помѣрôвъ на всегда ôтдѣлити. Къ тому признаетъ реченная властителька священнику свободный вырубъ въ лѣсахъ Подвысоцкихъ, на домовыи потребы, опалъ а разомъ и на репараціи церкви. Священникъ освобождается ôтъ всякихъ данинъ, податей и десятинъ. За то все обовязанъ былъ за душу предкôвъ властительки и за ей добро Бога молити.

Такъ многіи церкви, остававшіи до сего времени безъ формальной ерекціи, были теперь вывѣнованы ôтъ своихъ патронôвъ. Межи многими грамотами, которы находятся въ старой регистратурѣ прокураторіи скарбовой во Львовѣ, поднесемъ еще тутъ для примѣра нѣкоторыи. Грамотою изъ дня 12 Мая 1761, изданною въ Бучачи, Іоанномъ Николаемъ Потоцкимъ, надаетъ той владѣлецъ церквѣ въ селѣ Бучачкахъ въ воеводствѣ русскôмъ, земли Галицкой, »cerkwi parochialnéj pod założeniem św. Jana Bohosłowa, dotąd bez erekcyi zostającéj, pro sustentatione parochi: plac na cmentarzu, na którym cerkiew stoji wzdłuż sążni 20, poprzek sążni 14, dworzyska przy rezydencyi kapłańskiej wzdłuż sążni 33, wszerz sążni 17, ogrodu przy tymże dworzysku wzdłuż sążni 42, wszerz 33, pola ornego na dni 8, a nad rzeką Czerniawą na dni 8, na dni 4 i na dni 3 orania, sianożęć na kosarzów 5.«

Подобное содержаніе находимъ и въ документѣ церковной ерекціи села Зубраче зъ г. 1760 въ тогдашнôмъ воеводствѣ русскôмъ, въ землѣ Саноцкой положенного. Гіеронимъ Бель, ловчій Брацлавскій, дѣдичъ того села З у б р а ч е*) вѣнуетъ церковь своего села: „cerkiew bez żadnego dotychczas prawa była a duchowny tameczny czynszem i innemi powinnościami był obciążony, stosując się teraz do Synodu Zamojskiego, puszczam wiecznymi czasy i nadaję x. Bazylemu Błażowskiemu, plebanowi pomienionéj wsi Zubracz, całą rolę z łąkami, pasiekami i innymi przydatkami, którego i jego sukcessorów czynię wolnymi od wszelakich danin dworskich i powinności.“

Подобное, довольно обильное вѣнованіе церкви, содержитъ въ собѣ ерекція церкви въ Гринковичахъ на Подолью.*) Въ документѣ, изданнôмъ года 1754 черезъ Констанцію зъ Пузынôвъ Мьежневску и ей мужа, Станислава Мьежневского, надается церквѣ того села и ей пресвитеру Василію Манчинскому, поле на 36 дней орки, къ тому пасѣчного поля на 4, сѣножати на 10 косарей, два огороды, „tudzież od dziesięciny pszczelnéj z dodaniem pasieczyska na gruncie cerkiewnym postawionego i pole z sianożęcią do niego należące, jako téż owczej i innych wszelkich podatków dworskich wolnym czynię.**)“

При такихъ ерекціяхъ патроны часто признавали священникамъ врубъ въ лѣсахъ, вольное мливо въ млынахъ, и вольную варку горячихъ напоевъ на свою потребу.

Наведемъ тутъ еще примѣръ совсемъ новой т. е. на новôмъ корени совершившойся церковной дотаціи изъ г. 1776, котора однакъ оперта еще на давнихъ основаніяхъ. Есть то дотація церкви въ Ожиннôмъ, сполнена со стороны Франциска Любомірского. Церковь тую построила громада Ожинне, завѣдовалъ же нею изперва Іоаннъ Нагановскій пресвитеръ и парохъ сосѣдного села Граба. »Franciscus, S. R. Imp. Princeps, comes in Wisnicz Lubomirski et in Rzeszow naturalis successor bonorum Rozwadow, Myszczow, Grabeto, dominus et haeres« проситъ въ той грамотѣ епископа Перемышльского, Атанасія Шептицкого, щобы Симеона Нагановского, сына Іоанна Нагановского „de stirpe nobili ortum“ — „moribus bene commendatum, doctrinisque instructum, prout in vilia Ożyn locare et instituere dignetur. Quem constitutum ego circa jura et constitutiones regni de praesbyteris r. gr. unitis descripta consecrari vollo, et duas meviadates agrorum Kaszkowła et Warzowka dictas cum omnibus campis, pratis, fructibus et usibus do et trado.“

Якъ много тіи ерекціи и презентаціи розличаются ôтъ подобныхъ документôвъ XVI и XVII столѣтій, легко познаемъ, если сровнаемъ съ ними-же, примѣромъ, актъ Іоанна Дзядуского, епископа Перемышльского, изданъ въ Бржозовѣ пôдъ днемъ 27-го Новемврія 1547, для прихода и церкви въ селѣ Воля Яслиска, въ которôмъ надаетъ тойже епископъ лат. обряда »medium laneum a scultetis ad synagogam ruthenicam privilegiatum, — medium laneum per eundem parochum de nova radice exstirpatum, excultum et elaboratum, — duos campos vulgo obszary seu łany incultos at non usitatos, pascua pro pascendis pecoribus, meleficia de nova radice elaborata et secun-

---

*) Село Подвысокое, тогды мѣстечко въ староствѣ Бережанскôмъ коло Курянъ положенное. Еще суть въ Галичинѣ два села того имени: одно въ староствѣ Снятынскôмъ другое въ староствѣ Рудки.

*) Село Зубраче лежитъ нынѣ въ староствѣ т. е. политическôмъ округѣ: Лиско, и належитъ до гр. к. прихода Солинки.

*) Село Гринковичи лежитъ нынѣ въ староствѣ Гусятынскôмъ.

**) Що не все тое вѣнованіе походитъ ôтъ реченной дѣдички, явствуетъ изъ слôвъ въ той ерекціи употребленныхъ: „według zwyczaju jak przeszli jego zażywali autecedanei.“

dum consuetudinem aliorum poponum libertatem et immunitatem a praestandis exactionibus collatas, — pro quo ut unam libram seu talentum cerae praefato haeredi et ejus successoribus solvat Iwan pop, cmethones vero omnes et incolae praefatae villae Jasliska Wola loco strenue obligantur et tenentur per sexaginta manipulos prout moris in tenutis regiae Majestatis quolibet anno dare.“ Другій примѣръ вѣнованія читаемъ въ копіи находящойся въ старой регистратурѣ прокураторіи скарбовой во Львовѣ, слѣдующого содержанія: „My prałaci kanonicy i wszystka przewielebna kapituła Lwowska ł. ob. przeczytawszy supplikę gromady Milczynskiéj (село Мильчицы, положенное нынѣ въ староствѣ Мостисскôмъ), za hospodynem tamecznéj cerkwi Danielem, pokazaliśmy, że wyżmianowany hospodyn Daniel żadnego niema do cerkwi gruntu wydzielonego, zleciliśmy przeto teraznieјszemu posesorowi, Pawłowi Garwackiemu, kantorowi katedry naszej Lwowskiej, proboszczowi Jaworowskiemu, aby opatrzywszy pustą cwierć pola chłopską, którą osobliwie żaden nie zasiewa poddany, dobrowolnie jemu i sukcesorom jego puścić w używanie; w nagrodę łaski naszéj tenże Daniel hospodyn z inszemi sukcesorami swymi czynszu na św. Marcina biskupa 70 złp. wypłacić ma, co utwierdzamy pieczęcią naszą kapitulną i podpisem Stanisława Wojenkowskiego, proboszcza katedry naszej Lwowskiej, na ten czas prezydenta. Działo się we Lwowie dnia 18 Kwietnia 1685.« Изъ сровнанія тыхъ актôвъ, съ наведенными въ прежнôмъ текстѣ, оказуется розличіе и смѣна, яка зайшла въ ôтношеніяхъ нашого мірского духовенства, примѣщенного на бенефиціяхъ малыхъ или такъ званныхъ поповствахъ.

(Прод. посл.)

Народныи розсказы.

5) Дѣдова дочка и бабина дочка.

(Малорусскій народный розсказъ.)

Былъ собѣ дѣдъ, и была у него дочка. Оженился той дѣдъ и взялъ собѣ бабу съ дочкою. Отъ баба якъ треба що робити, якъ треба куды небудь послати, то все дѣдову дочку посылаетъ, а своей дочцѣ ничого не загадуетъ робити. Посѣдаютъ вечеряти, то баба и кажетъ дѣду:

„Твоя, дѣду, дочка, ледащиця; ничого не хочетъ робити, за цѣлый день и пальцемъ о палецъ не ударила; а ѣсти, то бачь, такъ ѣстъ, якъ добрый косарь. Якъ бы така до роботы скора, якъ до ѣжи... А моя дочка робитъ и за себе, и за твою дочку.“

Посылаетъ баба дочокъ на досвѣтки прясти. Дѣдова-жь дочка все прядетъ та прядетъ, и не ôтступаетъ ôтъ гребеня, а бабина дочка лишь за хлопцями поглядаетъ. Якъ лишь дѣдова дочка ôтвернется куды нибудь, то бабина дочка возьметъ и смотаетъ починокъ изъ ей веретена, на свое: отъ, у ней и бôльшій починокъ станетъ. А якъ прійдетъ до дому, то она и кажетъ:

„Дѣдова дочка не прядетъ, а лишь за хлопцями поглядаетъ. Подивѣтся мамо, якій она починокъ напряла, а якій я.“

Посѣдаютъ вечеряти, а баба и кажетъ дѣду:

„Ты-бъ, дѣду, свою где подѣлъ, та подѣлъ, нехай бы она у насъ дурно хлѣба не ѣла: ничого не хочетъ робити. Щôбы ей не загадалъ, ничого не сробитъ до-ладу; того не умѣетъ, того не знаетъ, того не хочетъ. Пошлешь куды-небудь, день просидитъ, чи простоитъ где на улицѣ съ хлопцями. Пôйдутъ обѣ разомъ на досвѣтки, то моя-жь дочка прядетъ, а твоя съ хлопцями смѣется и веретено голе приноситъ до дому.“

„Ну, кажетъ дѣдъ, нехай еще разъ пôйдутъ на досвѣтки; побачимо, котора напрядетъ бôльшій починокъ.“

Пôйшли они на досвѣтки. Дѣдова дочка и ôтъ гребеня не ôтходитъ та все прядетъ, а бабина съ легинями смѣется. Дѣдова дочка замѣтила, що бабина дочка крадетъ у ней пряжу, и починка не кидаетъ. А бабина напряла немного и покинула веретено. Идутъ уже до дому; у дѣдовой дочки починокъ якъ починокъ, а у бабиной такій починокъ, що и на дратву не станетъ ниток.

Стали они перелазити черезъ тынъ, а бабина дочка кажетъ:

„Дай сестричко, я подержу твôй починокъ, поки ты черезъ тынъ перелѣзешь.“

„На, кажетъ, подержи.“

Взяла она починокъ и побѣгла впередъ до дому. Прибѣгла до дому и кажетъ:

„Отъ, мамо, якій я починокъ напряла — и показуетъ веретено дѣдовой дочки — а то, кажетъ, напряла дѣдова дочка — и показуетъ свое веретено.“

Прійшла дѣдова дочка до дому, а мачоха и напала:

„Ты, кажетъ, сяка-така дочка, не прядешь, лишь за хлопцями поглядаешь а съѣшь за чотырехъ добрыхъ косарей. Моя дочка робитъ и на тебе и на себе.“

Прійшолъ дѣдъ въ хату а баба ему и показуетъ починки.

„А що, дѣду, я тобѣ казала, що она ничого не робитъ, лишь дурно ѣстъ хлѣбъ. Теперь бачишь самъ. Веди, веди, дѣду, ею куды хочешь, бо черезъ твою дочку и моя розлѣнуется.“

„Ну, думаетъ собѣ дѣдъ, треба завести свою дочку куды небудь, а то, справдѣ, она ничого не робитъ, а при ней и друга розледащится.“

Прійшолъ ôнъ до своей дочки и кажетъ:

„Ходѣмъ, дочко, въ гай!“

„Ходѣмъ“ кажетъ она.

Взялъ ею дѣдъ и пôйшли въ гай. Идутъ, и идутъ, коли дивлятся, ажь стоитъ хатка. Зайшли они въ ту хату — нема никого.

„Ну, кажетъ дѣдъ, тутъ дочко, будемъ и ночовати. Ты останься въ хатѣ, и я пôйду въ гай и дровецъ нарубаю, щобы было чимъ протопити.“

Пôйшолъ дѣдъ въ гай, вырубалъ полѣно, привязалъ его до гиляки, а самъ пôйшолъ до дому. Що вѣтеръ повѣетъ, погойдаетъ полѣно, то оно о дерево и стукаетъ. Дочка ждала-ждала батька, выйшла изъ хаты и слухаетъ, зъ якой стороны батько рубаетъ дрова. Сновь вѣтеръ повѣетъ, полѣно стукнется о дерево, а она и кажетъ:

„Въ той сторонѣ мôй батько рубаетъ дрова.“

Ждала она долго — нема ни батька, ни дровъ. Пôйшла она коло хаты, насбирала дровецъ, затопила въ печи и варитъ собѣ галушки на вечерю. Коли изъ-пôдъ печи выбѣгаетъ мышка и кажетъ:

„Дай менѣ галушечку!“

Дочка выняла изъ горшка галушку и кинула ей. Мышка взяла и побѣгла. Съѣла она ту галушку и прибѣгаетъ сновь:

„Дай менѣ галушечку!“

Встала дочка, выняла изъ горшка галушку и дала мышцѣ, а она и кажетъ:

„До тебе, красавице, прійдетъ мара, и будетъ она тобѣ загадовати танцювати, такъ ты не танцюй. Скажи: „якъ же менѣ танцювати, коли у мене черевикôвъ нема?“ А якъ принесутъ тобѣ черевики и загадаютъ танцювати, то ты скажи: „якъ же менѣ танцювати, коли у мене сподницы нема?“ А принесутъ сподницю, то ты скажешь, що у тебе нема свиты; а якъ принесутъ свиту, то скажи, що у тебе кожуха нема. Все кажи, що у мене и того нема, то они тобѣ нанесутъ всего полную хату, а ты все не танцюй, ажь поки пѣвни не заспѣваютъ. А якъ пѣвни заспѣваютъ, то все то добро, що они тобѣ понаносять, останется тобѣ.“

Сѣла дочка на лавцѣ и сидитъ, коли двери ôтчиняются и сунетъ черезъ порогъ мара.

„Потанцюй со мною!“

„Якъ же я буду танцювати, коли у мене, кажетъ, нема черевикôвъ?“

Заразъ таки черевики и уродились. Мара кажетъ:

„Потанцюй со мною!“

„Якъ же я буду танцювати, коли у мене сподницы нема?“

Такъ сподниця и уродилась. Мара сновь кажетъ: „Потанцюй со мною!“

„Якъ же я, кажетъ, буду танцювати, коли у мене нема запаски?“

Якъ начала вычисляти, чого у ней нема, такъ уже и пѣвни заспѣвали, а она еще не все вычислила. Заспѣвали пѣвни, мара посунула съ хаты, а все добро осталось ей. На другій день она забрала все то добро, що ей понаносили, и поѣхала до дому. Баба побачила, що дѣдова дочка навезла собѣ всякого добра, и кажетъ дѣду:

„Заведи, дѣду, и мою дочку туды, где ты свою покинулъ. Нехай и моя дочка навезетъ собѣ такого добра.“

Дѣдъ взялъ бабину дочку и завелъ въ той самъ гай. Привелъ до той хаты и кажетъ ей:

„Сиди-жь ты, дочко тутъ, а я пôйду собѣ до дому.“

Покинулъ дѣдъ ею, самъ же пôйшолъ до дому; а она затопила въ печи и варитъ галушки на вечерю. Коли на разъ изъ-пôдъ печи выбѣгаетъ мышка и кажетъ:

„Дай менѣ галушечку на вечерю.“

„Еге,— кажетъ дочка— не знала, для кого варити вечерю, то такъ якъ разъ для тебе и наварила! До мене прійдетъ вечеряти мара. Може она захочетъ вечеряти, то ей треба оставити. А то я не знала, що робити та захожусь тобѣ галушки роздавати!“

Побѣгла мышка снова на хату.

Сидитъ дочка, вечеряетъ собѣ галушки; коли въ хату ôтчиняются двери, сунетъ черезъ порогъ мара.

„Потанцюй со мною!“

„Якъ же я, кажетъ, буду танцювати, коли у мене нема черевикôвъ?“

Не вспѣла она и черезъ хату перейти, якъ черевики и уродились.

Мара кажетъ ей сновь: „Потанцюй со мною!“

„Якъ же буду танцювати, коли у мене ни сподницы, ни сорочки, ни свитки — вычислила сразу все, що лишь ей хотѣлось. Все то такъ и уродилось передъ нею. Она одяглась, обулась, прибралась якъ слѣдъ и ино-що хотѣла ити танцювати, а тутъ мара ею смикъ за косникъ, косточки связала и на колочку повѣсила.

Баба ждала-ждала своей дочки, и не дождалась; а дѣдова дочка и теперь живетъ въ гараздѣ и счастью.

6) Жиды и селянинъ.

(Малорусск.)

Жиды недавно стали где-що тямити, а напередъ были дуже дурны. Разъ собралось трехъ жидôвъ ѣхати брати городъ Бердянъ; межи ними былъ одинъ, на имя Смѣликъ, дуже умный, розумный, богатый и смѣлый. Приѣхали они въ лѣсъ, розложили огонь и почали грѣтись. Ажь приходитъ до нихъ человѣкъ — таке голе, босе, та еще и простоволосе. А нашъ Смѣликъ умный, розумный, богатый и смѣлый кажетъ:

„Чуешь, голе, босе, та еще и простоволосе, пôйди вырубай берестинку, такъ мы попаримо, и сробимо тобѣ черевики.“

Ôнъ пôйшолъ, срубалъ и началъ драти кору, а Смѣликъ кажетъ ему:

„Чуешь пакъ! Такъ ты не удрешь.“

„Нѣтъ, удеру.“

„Нѣтъ, не удрешь!“

А тое голе, босе, та еще и простоволосе якъ шморгнетъ Смѣлика умного, розумного, богатого и смѣливого, по лицѣ лозиною, такъ у Смѣлика ажь въ очахъ заяснѣло. Такъ мы взяли, и поховались за очереты, а нашъ Смѣликъ умный полѣзъ на самъ вершокъ лежащого дуба; тутъ бачитъ ôнъ, що голе, босе та еще и простоволосе беретъ коня, хомутъ и повозку, а скринку съ грôшми покинулъ; то и кажетъ Смѣликъ своимъ братьямъ:

„Чуете? Оно дурне: коня, хомутъ и повозку беретъ, а скринки не беретъ, а въ ней сорокъ тысячь грошей!“

Голе, босе, та еще и простоволосе почуло то, взяло покинуло коня, хомутъ и повозку, а взяло скринку. Нашъ Смѣликъ умный, розумный, богатый и смѣливый кажетъ своимъ братьямъ:

„Якъ оно дурне: скринку беретъ а ключикъ у мене тутъ, нехай беретъ, чорта отворитъ.“

Голе, босе и простоволосе, взяло ôтбило скринку, забрало гроши, и пôйшло. То Жиды тогды вже бачутъ, що нема грошей, и вернулись до дому; годѣ вже и Бердянъ брати.

Отъ якіи дурныи были колись Жиды.

НАУЧНЫИ РОЗГОВОРЫ.

Архъ.

II. „Витаю! Есть наконецъ и нашъ бодрый защитникъ желѣза,“ проговорила хозяйка, подаючи руку вступившому въ комнату Антонію.

„И приходитъ съ желѣзною консеквенціею всегда послѣдній,“ смѣялся хозяинъ.

„За то — хвалила Анна— съ пріятностію зазначаю, що г. Антоній желѣзною одаряетъ насъ пріязнію.“

„Если я защитникъ желѣза, то конечно радъ бы пріобрѣсти и свойства того найполезнѣйшого металля, который такъ громадную роль играетъ въ частной и общой жизни и безъ которого культурно-цивилизаційное розвитіе, былобы просто невозможнымъ.“

„Въ самôмъ дѣлѣ желѣзо то великій даръ природы и такъ якъ гроши сутъ нервомъ житья, такъ желѣзо назвати бы можно нервомъ культуры.“

„Вы отлично сказали, и я не могу собѣ представити бôльшого несчастья, якъ еслибы съ временемъ прорвался той нервъ.“

„Якто? чи то возможно?“ спросила одна изъ дамъ.

„Длячого нѣтъ?“ засмѣялся шутникъ Иванъ, „и желѣзныи нервы не вѣчны.“

„За соизволеніемъ. Я не говорю, щобы уже теперь угрожала опасность исчерпанія желѣза, но въ мѣру поступôвъ культуры ростетъ потребность желѣза въ такій застрашающій способъ, що наконецъ явится недостатокъ того металля.“

„Если ваше „наконецъ“ припадетъ при кôнци свѣта, то человѣчество ничого не потеряетъ“, шутилъ сновь Иванъ.

Теперь забралъ голосъ Денисъ.

„Що до мене, то я наблюдаючи за поступами промышленности, совсемъ не боюсь — нехай такъ скажу, желѣзной катастрофы, о якой тутъ заговорено. Напротивъ, я думаю, що желѣзо еще прежде своего исчерпанія пôйдетъ въ такъ модную въ нынѣшнихъ временахъ отставку.“

„Прошу! вы якъ хочете ослабити значеніе найважнѣйшого нерва культуры?“ спросилъ Антоній.

„Ослабити?... То бы за мало было сказано. Я говорю выразительно, що епоха желѣза такъ якбы уже кончена и человѣчество найдетъ ôтплату въ лучшôмъ матерьялѣ.“

„Позволю собѣ сомнѣватися.“

„А я позволю собѣ сказанное умотивовати. Желѣзо при всѣхъ своихъ преимуществахъ, маетъ и многіи недостатки, которыи чимъ разъ бôльше даются чувствовати въ практической техницѣ а устраненіе которыхъ не всегда возможнымъ. Укажу, примѣромъ, на тяжесть того металля, на его наклонность къ ржавѣнію и чувствительность на перемѣны температуры. То сутъ невыносимыи зла, во виду которыхъ наука оглядается за лучшимъ матерьяломъ, и такъ нынѣ всемірное владычество желѣза загрожено противникомъ окрещеннымъ на имя „алюминіюмъ.“

„Просимъ о поясненіе,“ озвалась Анна.

„Естъ то старая новость, съ которою присутствующіи тутъ дамы неразъ мали случайность ближе познакомитись.“

„Що до мене, то я не могу похвалитись такимъ знакомстномъ,“ замѣтила одна изъ дамъ.

„А все таки вы неразъ держали въ рукахъ перо, выдѣланное съ алюминіюмъ —“.

„И изливали сердечныи чувства на паперъ,“ добавилъ поетическій Миронъ.

„Перо?“

„Такъ есть — то есть отже — продолжалъ Денисъ, той металль, въ которôмъ я вижу опасного противника желѣза. Правда, противникъ той молодый еще, но розвивается быстро и способный поразити желѣзного великана. — Алюминіюмъ добывается съ обыкновенной глины — отже съ неисчерпаемого источника и маетъ значительное превосходство передъ желѣзомъ. Есть то металль и прочный и легкій а съ поры, коли выдѣлка его происходитъ посредствомъ електричества, такожь и дешевый. Той способъ добыванія изобрѣлъ американскій инжинеръ Ковль, которого динамоелектрическая машина зовимая „кольосъ“, даетъ такую електрическую енергію, що найвытревальшій на горячо минералъ корундъ, топится и розлагается на свои составныи части.“

„А то уже хиба температура солнечной сферы,“ дивовался Миронъ.

„Во виду той температуры а взглядно такой енергіи електричества, алюминіюмъ скоро и легко добывается съ глины. То обусловляетъ дешевость матерьяла и запевняетъ ему успѣшное соперничество съ желѣзомъ. Все таки не чистое алюминіюмъ призвано статись на мѣстци желѣза нервомъ будущой культуры, но т. з. „алюминіюмбронзъ“. Естъ то мѣшанина алюминія съ мѣдею и силиціемъ въ различныхъ количествахъ, соотвѣтно тому, якую сорту и якую барву бронза маемъ получити.

Алюминіюмбронзъ маетъ высокіи преимущества и заспокоюетъ въ всякôмъ ôтношенію требованія человѣка. Изъ взгляда на свою барву и способность къ употребленію, ôнъ призванъ къ искуству; а изъ взгляда на легкость, нечувствительность на перемѣны температуры, ôнъ неоцѣнимый въ механицѣ. Если же додобавимъ, що черезъ отвѣтное происводство, твердость алюминіюмбронза можно степеновати такъ, що не выровнаетъ ей и найтвердшая сталь, то смѣло можемъ сказати, що недалеко то время, коли металль той на всѣхъ точкахъ вытѣснитъ желѣзо. Теперь уже употребляютъ его къ статуамъ и къ декоративнымъ цѣлямъ. Звоны съ алюминіюмбронза отличаются несровнанною чистотою и силою звука.

Въ настоящую пору думаютъ уже о тôмъ, щобы оси желѣзнодорожныхъ возôвъ заступити алюминіюмбронзовыми, которыи могутъ быти и твердшіи, не съупотребляются черезъ треніе и не росширяются такъ якъ желѣзо при высокой температурѣ.“

„Если все то правда — а о тôмъ не сомнѣваюся“, сказалъ хозяинъ „то я теряю вѣру въ долговѣчность желѣза.“

„Мою же вѣру въ долговѣчность желѣза, всколебало еще одно важное обстоятельство —“ вмѣшался Миронъ.

„И ты противъ мене?!“ вскричалъ съ уданнымъ гнѣвомъ Антоній. „То формальный крестный ходъ противъ желѣза! Чи и вы найшли якого противника?“

„Такъ есть — найшолъ, боюсь лишь, щобы не смѣялися, если скажу, що господство желѣза загрожено кромѣ алюминія такожь съ стороны другого, весьма невинного, нѣжного, плохого и непрочного матерьяла —“

„Вы хочете иронизовати,“ грозила Анна.

„Говорю серьозно, що конець епохи желѣза приспѣшитъ... паперъ!“

„Що?... паперъ?“ смѣялися всѣ хоромъ.

„Вы невѣрите?... Не вѣрите, щобы паперъ могъ сдѣлати конкуренцію желѣзу?... Я сейчасъ объяснюсь!“

Угорская Русь.

(Продолженіе).

Василій Тарасовичъ получивши сопроводный листъ Георгія Раковція, ôтправился г. 1633 до Молдавіи, щобы тамъ ôтъ митрополита восточного обряда приняти епископское посвященіе; возвратившись, ôтъ тогоже князя, однимъ г. 1634. въ Карлсбургу изданнымъ дипломомъ, подтвержденъ былъ въ тôмъ достоинствѣ, и вскорѣ потомъ слѣдующого года началъ посѣщати обширную свою епархію. Тарасовичъ енергично брался, посередъ возбужденныхъ реформаціею непокойствъ, отвѣтити своему званію, по которому ôнъ старался своихъ вѣрныхъ задержати въ единствѣ церкви католической. Тымъ нанесъ на себе гнѣвъ Георгія Раковція, который изъ той причины постоянно его послѣ преслѣдовалъ. Раковцій про то предприняль при помощи Іоанна Баллинга, капитана Мукачевского замка, всякіи средства, щобы сего владыку сперва ôтъ единства римской церкви оторвати, но безуспѣшно. Во виду того реченный капитанъ Баллингъ допущался даже насилій: ôнъ вооруженною силою ôтъ св. престола и литургіи насильно оторвалъ епископа, и волочиль въ архіерейской одежи по улицяхъ Мукачева, послѣ же затворилъ въ темницю г. 1640. Неволя его тревала до г. 1642. Межи тымъ Фердинандъ III частѣйше писалъ Раковцію, щобы епископа выпустилъ, и ôтправилъ тоже Сигисмунда Ершія, поджупана Шопронского, яко посла къ нему съ порученіемъ дотычно освобожденія епископа. Поднимали слово въ корысть епископа тоже Іоаннъ Другетъ, judex curiae regiae, и Стефанъ Шимандій, Семиградскій лат. епископъ. Раковцій однакъ заявилъ, що ôнъ лишь пôдъ тымъ условіемъ освободитъ епископа, если той-же отречется епископства, и согласится на прилученіе добръ Мукачевского монастыря къ добрамъ его, на що епископъ не приставалъ. Наконецъ старанія вышереченныхъ личностей перемогли и Тарасовичъ получилъ свободу; но заледво перенялъ снова престолъ, заледво началъ организовати изъ нова свôй монастырь, и собирати розсѣянныхъ монахôвъ и въ уніи оставшихъ священникôвъ, напалъ на него сновь упомянутый Баллингъ и г. 1642 на повелѣніе Раковція изгналъ зъ монастыря, забравши всѣ добра, належавшіи до монастыря; — во виду того Фердинандъ III. вызначилъ мѣсто пребыванія для епископа въ вел. Калловѣ, престольнôмъ городѣ Саболчанского комитата, и выписалъ ему зъ Кошицкой скарбоны 200 злр. годичного жалованія. Относительный, изданный г. 1643, дипломъ, послѣ звычайного титула и воведенія, звучитъ: „Fideli nostro Basilio Tarasovits Episcopo Munkacsiensi Graeci ritus, intuitu afflicti status sui, in quem ob Professionem Religionis Catholicae — incidisset etc.“

Въ теченію того бурливого времени клиръ и народъ, лишенъ предводительства, обнятый гоненіями и обольщеніями протестантôвъ, мѣстцями, а особенно на мадьярскихъ областяхъ перейшолъ на реформацію, въ иныхъ же сторонахъ, якъ именно русскихъ и румунскихъ, на православіе. По той причинѣ Юрій Якушичъ Ягерскій епископъ, которого латинская епархія обнимала вѣрныхъ Мукачевской епархіи, взявши къ собѣ оставшихъ при уніи русскихъ священникôвъ, созвалъ весь русскій клиръ до Унгвара, где дня 24. Апр. 1649 г., нѣкоторыи русскіи священники изъ комитатôвъ Унгъ, Берегъ, Шаришъ, Земплинъ и пр. заключили унію съ церковью римскою, собственно же возобновили ею. То сбылось за правленія папы Инокентія X.

Условія уніи суть слѣдующіи:

„Primo: ut Ritus Graecae Ecclesiae nobis servare liceat.“

„Secundo: Episcopum a nobis electum, et ab Apostolica sede confirmatum habere.“

„Tertio: Libertatibus Ecclesiasticis liberi fungi.“

Сей дипломъ соединенія г. 1652, дня 15 Януарія посланъ былъ папѣ Инокентію X. для подтвержденія, которое и послѣдовало.

Вскорѣ затымъ г. 1649 по обновленію уніи, клиръ избралъ собѣ епископа.

Десятымъ Мукачевскимъ епископомъ былъ избранный теперь Петръ Парфеній, монахъ Чина св. Василія, ôтъ папы и имп. Леопольда признанный; епископу тому свернены были, забранныи попередникомъ его, добра Мукачевского монастыря. Тогожь самого года заботою Партенія — поданы были примасомъ Юріемъ Липпаемъ русскому клиру всѣ

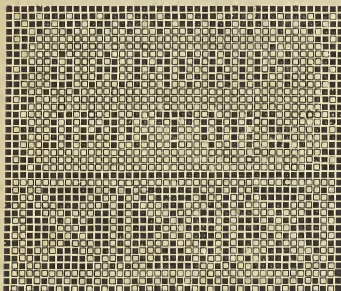
привилеи, якими обладалъ латинскій клиръ. — Сей епископъ присутствовалъ также и на онôмъ славнôмъ народно-церковнôмъ Соборѣ въ Тирнавѣ, держанôмъ г. 1661. — Ôнъ часто упоминается въ лѣтописяхъ пôдъ именемъ „Петровичъ", — и „Ротошинскій".

Въ то время Софія, вдова по Раковцію именовала Іоанникія Зейкана, Мстичевского дѣдича, Мукачевскимъ епископомъ, который получилъ рукополаганіе въ Молдавіи; ôнъ, якъ здается, былъ епископомъ лишь до занятія епископского престола Партеніемъ, (г. 1660), и управлялъ тоюже епархіею яко одинадсятый епископъ. За его правленія построена была деревянная церковь Мукачевского монастыря; ôнъ подѣлялъ съ Партеніемъ управленіе епархіею до г. 1684.

Двенадсятымъ епископомъ былъ Порфирій Арданъ, о которôмъ, кромѣ одной надписи на камени, нѣтъ иныхъ свѣдѣній. Такъ-же и о тринадсятôмъ епископѣ Меѳодію Раковецкôмъ мало памятного находится. Остала однакъ одна грамота изъ г. 1689, подписанна нижже на русскôмъ языцѣ слѣдующимъ способомъ: „Меѳодій Епископъ Мукачевскій, Маковицкій, Спишскій, Краснобродскій, Марморошскій, и всей Угріи." Наслѣдникъ его Іосифъ называетъ его лишь Игуменомъ Мукачевского монастыря.

До тыхъ поръ, — изъявши ôтбывшоеся въ присутствію Якушича Ягерского епископа повторенное соединеніе, — состояніе и управленіе Мукачевской епархіи естъ исторически весьма мрачнымъ, такъ якъ и въ то время кромѣ избранного на основѣ второй точки заключенной уніи — Партенія, встрѣчаемъ и Зейкана именованного Софіею. Изъ того заключати можно, що сей принадлежалъ къ несоединеннымъ.

(Прод. посл.)



Историческіи женщины на Руси.

(Продолженіе и конецъ.)

Тымчасомъ положеніе Беаты въ Кезмарку ставало крайне невыносимымъ. Въ отчаянію своимъ писала Беата листъ до Рибера слѣдующого содержанія: „Вижу, що тая вязниця мусить кончитись для мене смертію. Недостаетъ уже кровавыхъ слезъ невинно увязненной женщинѣ! Надармо покладала я до сего времени надежду на слова его цѣсарской Милости, который будучи христіанскимъ владѣтелемъ изъ званія своего долженъ боронити сиротъ ôтъ нанесенного имъ насилія!" Листъ той, писанный блѣдымъ чорниломъ сохраненъ тоже въ придворнôмъ архивѣ во Вѣдни. — Прійшла наконецъ пора освобожденія Беаты. Послѣ паденія партіи императора Максиміліана II въ Польщи, приклонники его а межи ними и Ольбрахтъ Ласкій, оставили Польщу. Ласкій выѣхалъ до Флоренціи. Передъ его выѣздомъ начались межи Риберомъ и Ласкимъ, переговоры, силою которыхъ Беата была временно освобождена изъ Кезмарка. Она переѣхала теперь въ Кошицы. Дальшая судьба Беаты неизвѣстна; нѣкоторыи данныи указуютъ на то, що Беата не видѣвшись бôльше съ своею дочкою Гальшкою, умерла въ Кошицяхъ.

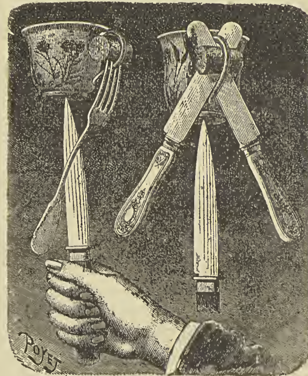
Не лучшая судьба припала и освобожденной изъ Шамотулъ, Гальшцѣ. Она мусѣла теперь вести борьбу о свои добра, которы были въ рукахъ розличныхъ посѣдателей. При помощи Константина Острожского успѣла она наконецъ, выбороти нѣкоторыи имѣнія и теперь, здавалось, начнется новая свободная и счастливѣйшая жизнь для Гальшки. Явились сновь новыи женихи, изъ межи которыхъ Гальшка избрала Іоанна Остророга, каштеляна Стенжицкого. Но вскорѣ явились послѣдствія долголѣтной вязницы, страданій и осамотненія. Гальшка попала въ задумчивость, изъ которой вскорѣ выродилась чорная мелянхолія. Мысли у ней помутились. Она роздумовала надъ своею недолею, пригадовала собѣ странную минувшость, и въ тыхъ отчаянныхъ мысляхъ Гальшка — стала божевольною. Она умерла въ 44 году свой жизни и похоронена была въ Острозѣ.

Наслѣдниками спадщины по Гальшцѣ были: стрый Гальшки, князь Василій Константинъ II а по немъ его сыны и внуки, предовсемъ же найстаршій сынъ Василія Константина, Янушъ.

РОЗЛИЧНОЕ.

Читатель изволитъ написати число лѣтъ своей жизни (мѣсяцы и дни не увзглядняются). Число то слѣдуетъ помножити черезъ 2, а къ результату додати 3770, а потомъ еще разъ додати 12. Полученная тою операціею сумма, дѣлится черезъ 2, а коли ôтъ результату ôттягнется число лѣтъ жизни, — читатель получитъ число, которое его не мало заинтригуетъ.

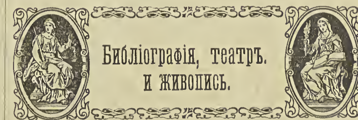
ЗАНИМАТЕЛЬНЫИ ОПЫТЫ.



2) Чарка почиваетъ на острью ножа. Въ ухо чарки слѣдуетъ заложити тѣсно корокъ и воткнути въ него вилки, якъ то указуетъ изображеніе. Ручку вилокъ слѣдуетъ подати внизъ, такъ щобы конецъ ручки выходилъ по-за край дна чарки. Такимъ способомъ чарка, поставленная на острье ножа, прійдетъ въ ровновѣсъ, и будетъ на острью безпечно почивати.

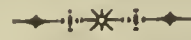
Просимъ о выровнаніе залеглостей.

Новоприступающіи предплатители получаютъ попередніи числа и преміи.



„Изданій Общества им. Мих. Качковского" за мѣсяцъ Юлій 1891. Ч. 188, содержитъ статью: „Закладайте крамницы! Хоть по одной въ каждôмъ селѣ! Слово заохоты и порады, списанное Аполлономъ Ничаемъ." Авторъ подаетъ тутъ въ первыхъ взглядъ на значеніе торговли и крамницъ вообще, дальше слѣдуютъ приписи тор-

говельного закона, купеческое счетоводство и табели для дѣловодства торговли и крамницъ. За мѣсяцы Августъ и Септемврій выйдетъ „Иллюстрованный календарь им. М. Качковского на г. 1892.“ Генеральное собраніе членôвъ Общества ôтбудется во Львовѣ, въ великой салѣ Народного Дома дня 27 Августа (8 Септ.) 1891.



ОТЗЫВЪ.

Въ силу §. 18 статутôвъ Общества им. Мих. Качковского, ôтбудется обыкновенное годичное генеральное собраніе членôвъ того же Общества дня **27 августа (8 сеп.)** тек. года (т. е. во вторникъ въ день лат. праздника Рождества Пресв. Богородицы) въ гор. **Львовѣ**, по слѣдующой програмѣ:

1) О 8 годинѣ утромъ поминальное Богослуженіе съ панихидою въ Успенской церквѣ Пресв. Дѣвы Богородицы за упокой душъ бл. п. Михаила Качковского и членôвъ Общества его имени;

2) послѣ литургіи о годинѣ $10^1/_2$ собраніе членôвъ въ салѣ „Народного Дома“, которое ôткрыетъ предсѣдатель Общества;

3) выборъ предсѣдателя, мѣстопредсѣдателя и двохъ секретарей на время генер. собранія;

4) прочтеніе протокола генер. собранія изъ минувшого года;

5) отчетъ о дѣятельности Общества за минувшій годъ;

6) отчетъ касовый;

7) выборъ комиссіи для провѣрки счетôвъ;

8) поучительныи лекціи: а) о просвѣщенію и поднесенію гражданского сознанія; б) о крамницяхъ;

9) предложенія центр. выдѣла въ дѣлѣ перемѣны статутôвъ;

10) предложенія филій;

11) предложенія членôвъ;

12) отчетъ комиссіи, выбранный для провѣрки счетôвъ;

13) выборъ предсѣдателя Общества, членôвъ центр. выдѣла и ихъ заступникôвъ.

По окончанію офиціальной части, устроитъ мѣстный комитетъ для приѣзжихъ селянъ изъ подальшихъ сторонъ общую перекуску; кромѣ того ôтбудется вечеромъ концертъ, по окончанію которого послѣдуютъ танцы.

Братья! Уже девятнадцятый разъ съ ряду призываемъ Васъ на общое собраніе, а по третій разъ въ столицю Галицкой Руси, въ гор. Львовъ, основанный славнымъ нашимъ княземъ Львомъ! Прибывайте же якъ найгромаднѣйше въ той день до Львова, прибывайте всѣ, такъ члены, якъ и намѣряющіи приступити въ члены нашого Оящества: мужчины и женщины, богатыи и бѣдныи, священники, учители, мѣщане, селяне, словомъ всѣ, у кого лишь бьетъ русское сердце, кого грѣетъ русская кровь! Прибывайте якъ найчисленнѣйше, щобы мы могли подумати разомъ надъ потребами и порадитись, щó для блага, розвитія и якъ найуспѣшнѣйшой дѣятельности нашого Общества есть необходимымъ и полезнымъ.

Братья! Не жалѣйте невеликого росхода на дорогу, спѣшѣтъ всѣ якъ одинъ до нашой галицко-русской столицы и покажѣтъ міру численностію, якая наша сила и печаливость о свое добро.

Прибывайте всѣ на день 27 Августа (8 Сентемврія) и будьте увѣрены, що найдете щирый и сердечный пріемъ.

Отъ центр. выдѣла Общества им. Михаила Качковского.

Во Львовѣ, 15 (27) Юлія 1891 г.

Б. А. Дѣдицкій, предсѣдатель. *И. Н. Пелехъ,* секретарь.

АРИТМОГРИФЪ.

1, 2, — Даръ данный Богомъ человѣку.
3, 4, 5, 6, — Часть воинского убранства.
7, 8, 9, 4, 10, 11, — Избранный народъ.
12, 5, 9, 7, 13, 5, 7, — Музычный инструментъ.
14, 15, 1, 12, — Римскій божокъ.
16, 6, 13, 6, 11, 14, — Дерево.
9, 4, 17, 4, 16, — Доходъ.
10, 16, 10, 9, — Газъ.
8, 1, 11, 18, 1, — Житель Африки.
19, 7, 11, 14, 15, 20, — Нѣмецкій поетъ.
7, 19, 4, 9, 4, 20, 20, 7,—Рѣка въ Индіи.
12, 6, 12, — Приправа до стравъ.
14, 13, 6, 15, 21, 14, — Край азійскій.

Початковыи буквы, читанныи зъ горы въ долину и кôнцевыи читанныи тоже зъ горы въ долину, дадутъ девизъ одного нашого общества.

Розвязка калембура на стр. 160.

О — пять.
Б — арôнъ
Щ — о?
Е — два.
С — мѣхъ.
Т — актъ.
В — другъ.
О — конь.
Р — ебро.
У — вага.
С — онетъ.
С — губа.
К — амѣнь.
И — ванна.
Х — валитн.
Д — воръ.
А — постолы.
М — ода.

т. е. Общество русскихъ Дамъ.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 16. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 15. (27) Серпня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

На подолью.

(Продолженіе).

„Вы не стѣсняйтесь мною“ проговорилъ наконецъ старикъ, вскрѣпившись виномъ и поднявши голову, въ хвилю, коли и межи нами случайно затихъ розговоръ „не стѣсняйтесь мною. У мене суть минуты, въ которыхъ я не способный до розговора. Скажете: совсемъ природно, старость, изнеможеніе. Быти можетъ, теперь у мене изнеможеніе, но то не конечно такъ. Въ моей природѣ одно странное явленіе. Я именно такимъ не лишь теперь, но и въ юности моей я тоже былъ такимъ. Вы, свѣжіи умы, быти можетъ, изъясните мнѣ то. Я неоднократно розбиралъ мою природу, но не могъ собѣ того изъяснити. И тогды еще, коли я былъ юный и крѣпкій, были у мене такіи хвили, въ которыхъ я для внѣшного свѣта якъ-бы закостенѣлъ. Тогды я чувствовалъ въ собѣ необъяснимое отвращеніе до всѣхъ людей, окружавшихъ мене. Тогды розговоръ для мене былъ чимъ-то мучительнымъ; входити въ розговоръ казалось мнѣ чрезмѣрно банальнымъ. Хвили минали и я сновь ставалъ прежнимъ. Я думаю, такіи хвили суть у кождого человѣка, лишь въ меньшой или бôльшой степени. Многіи однакъ и не замѣчаютъ того на собѣ.“

Іосифъ Камелисъ,
епископъ Мукачевскій.
(См. „Угорская Русь.“)

Старикъ изъ нова склонилъ голову и ôтдыхнулъ глубоко. Очи его начали однакъ розъяснятись.

„Такъ. У кождого человѣка“ продолжалъ ôнъ „суть свои узвычаенія, у одного бôльше, у другого меньше странныи. А лучше сказати: окружающимъ человѣка лицямъ, выдаются тіи его узвычаенія бôльше или меньше странными. Я стараюсь — скинути изъ себе свои узвычаенія излишніи. Но не можно! Не можно! Я и не знаю, где причины того глядати. Примѣромъ — я тутъ сижу въ сельской глуши зимою и лѣтомъ, изъ дали ôтъ людей, природу лишь знаю, порами людей видѣти не лишь не желаю но просто чувствую къ нимъ отвращеніе. И сказати не могу, щобы я надмѣрныхъ заводôвъ дознавалъ въ жизни. Нѣтъ, я избѣгалъ заводôвъ, я предупреждалъ пôдступы — впрочемъ замолчу, не хочу представляти

въ нежелательнôмъ свѣтлѣ людей нашому юному гостю — (ôнъ указалъ тутъ на мене) — гостю, который, признати, своею личностію и побудилъ мене къ сказанымъ тутъ мною словамъ. Смотрю на васъ, любезный, и въ вашой юности пригадуется мнѣ неодно минувшое; вы свѣжій кручокъ, дѣлающій первыи вылеты въ свѣтъ. Простѣтъ мнѣ то сровнаніе. Старику можно простити. Я даже такъ откровеннымъ буду передъ вами, що скажу просто: юношъ я не люблю. Не думайте, що личностей поодинокихъ юношъ не люблю, нѣтъ, а въ тôмъ случаю еще и противно, — но я не люблю вообще той юношеской неполноты — у васъ она уже проминула — неполноты, незрѣлости, безвыразности въ лицѣ, поведенію, поглядѣ, поступѣ. Вы выдержали мôй взоръ и изъ всего заключаю, що и вы войшли уже въ періодъ усталившойся индивидуальности, но вы таки не будете поглядати на свѣтъ такимъ образомъ нежелательнымъ, якимъ я поглядаю. Вы не то. Я человѣкъ не сидѣвшій межи книгами, не заглублявшійся въ сочиненіяхъ, простый повседневный провинціалистъ, до того теперь старикъ изнеможенный, скажете тстрикъ крайній, все возможно, но поки що, вы не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ, я и такъ ôтъ поры до поры мушу подремати. Я люблю гаморъ вокругъ мене, хотяй самъ въ немъ не участвую."

Мы и на дѣлѣ съ обычною вервою, сердъ весселія надлѣсничого и контролора, засѣли на минутку за зеленый столикъ, выпиваючи при игрѣ чарки чаю одну за другою.

Далско въ полночь надлѣсничій завелъ насъ ночовати въ одну отдѣльную комнату.

„Тутъ ино-що затоплено" говорилъ ôнъ, покладаючи принесенную свѣщу на столъ „давно уже гостей у насъ не было, то и не топилось тутъ. Ну, про мене, просыпляйте въ гараздѣ. А заѣзжайте коли вскорѣ, ôтдати гроши."

„Ге, ге! Не узрите!" говорилъ контролоръ.

„Видишь, якіи! Набили полныи мошонки."

„На теперь, поки що, сами мѣдяки! Еще по середипѣ васъ пустили."

„Ваша година была!"

„Година не година, а если година, то и повторитибъ ею слѣдовало сейчасъ."

„А хотьбы."

„Ну, давайте тарочки. О тутъ у васъ такій столикъ на воду якъ разъ пôдъ печею стоитъ. Лишь присѣсти къ нему. Просто магнесъ тягнетъ. Люльку не одну, не двѣ пропалю. Гей, а то вже и когуты пѣютъ! Значитъ село! Въ городѣ и не догадаешься, що день прійдетъ."

...На другій день мы рано прибыли саньми надлѣсничого въ городъ и нѣсколько дней хорошо вспоминали памятную поѣздку на село.

*

* *

На другій день по прибытію изъ села, мы немного лишь проспавшись, сидѣли при ранной кавѣ, коли въ сѣняхъ почулся сильный, поспѣшный голосъ: „А що? Суть уже?"

„Суть" отвѣчалъ служащій контролора.

Вслѣдъ затымъ всунулся въ двери толстый банковичъ въ шубахъ.

„А вы куда бывали? Що сбылось? Я дватсять разы тутъ вчера былъ и васъ не засталъ. Десять разъ былъ я у Шлоймы за вами, на почтѣ пыталъ, не уѣхали ли вы случайно почтовыми саньми, изъ которыхъ — мимоходомъ сказавши — кождой хвили можно выпасти черезъ дѣравыи доски, или на погибель пообтолкати собѣ боки —"

„Вѣроятно важную новину приносите", перервалъ контролоръ

„Якъ новину? Вы еще не чули? То не новина, то куріозъ нечуванный..."

„Ну, кажѣтъ!"

Банковичъ оглянулся бережно.

„Я васъ хотѣлъ предупредити во всемъ, у насъ бо въ городѣ, любезнѣйшій, возникъ просто крикъ, рейвахъ, замѣшательство. Почубятся на прахъ. Вообразѣтъ, теперь аптикарки хочутъ давати въ своихъ комнатахъ вечерокъ! Смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ! Я совѣтовалбы имъ, на дверехъ аптики, тамъ где они, три дѣвочки, цѣлыми днями стоятъ, дати вывѣску: „Швендербаль, вступъ лишь босымъ запрещенъ." Позвольте, возьмѣтъ одну регалію."

„Благодарю, я обкурился уже нынѣ черезъ мѣру" отвѣчалъ контролоръ.

„Примѣчаю, що то правдивыи регалія, цѣла пака ихъ у мене. Я домышляюсь, чому вы маете предупрежденіе до регалій. Вѣроятно васъ гостилъ регаліями кассіеръ — розумѣю! Его регалія выпалити, значитъ то само, що выпити двѣ ложки рицинового."

Банковичъ, переставши на хвилю, добылъ блеснувшій золотомъ годинникъ и прижмуривши одно око, смотрѣлъ на часосказъ, послѣ приложилъ годинникъ къ уху и сновь поглянулъ на часосказъ.

„Видно, и Гомеръ не всегда въ своимъ сосѣ, а мôй золотый годинникъ тоже маетъ свои химеры. Поспѣшаетъ о нѣсколько минутъ, не вѣрю бо, щобъ была уже та пора. А то у мене термины суть. Правда, позвольте — одинъ маленькій вопросъ. Во зло не будете вмѣняти? Надѣюсь."

„Прошу-жь... Я готовъ на отвѣтъ, если лишь вообще будетъ по моимъ силамъ, отвѣтити."

„Позволю собѣ, спросити: якъ вы думаете, у кого, по вашому мнѣнію, былобъ найотвѣтнѣйше, устроити той вечерокъ?"

Контролоръ розсмѣялся.

„Що до мене, то я и не вхожу въ той вопросъ. Давно, якъ была у мене жена, семейство, ну, то было що иного. А теперь я стою въ ряду съ другими безсемейными, съ тымъ еще розличіемъ, що явившись на балю, яко спвѣющій уже, не иду въ мазурку, ни вальсъ; що найбôльше, при якой тамъ кадрили, если не достаетъ пары, или дѣвочки петрушку продаютъ, то и тетки вытащатъ человѣка на салю, значитъ, пройдешься немного при кадрили а то засидѣлся якъ въ якôмъ музею."

„Крути, верти," смѣялся облестно банковичъ, „вы, любезнѣйшій, изъ легонька оминаете мôй вопросъ."

„Нѣтъ, а лишь кажу, що тутъ, или тамъ, въ тыхъ или тамтыхъ саляхъ, я буду, якъ вы кажете, всегда въ одинаковôмъ сосѣ."

„Хе, хе, хе... а то, ну... Всежь таки скажѣтъ. Въ первыхъ однакъ я примѣчу еще, що мои комнаты не входятъ тутъ въ розсчетъ. Я на убочи, не хочу мѣшатись въ то дѣло. Вправдѣ пространныи у мене сали и догодныи, въ центрѣ мѣсточка. Мимоходомъ же сказавши, изъ того цѣлого рветеса выходъ былбы найлучшій такій, еслибъ у мене даный былъ вечерокъ, но мнѣ то и на гадку не приходитъ. Я всегда изъ дали держусь. Нехай собѣ и въ цегольнѣ даютъ баль — все мнѣ рыба. Кассіерка будетъ вѣроятно съ долгимъ шлепомъ, якъ разъ добре, позамѣталабы нимъ порохи въ цегольнѣ. Идете въ касино нынѣ? Ну, представьте тамъ дѣло. Спѣшусь, правда, тажь я еще и у старосты мушу быти въ дѣлѣ якихъ-тамъ акцій. Пращайте!"

Банковичъ намахнулся къ дверемъ, ôтпрысъ ôтъ нихъ однакъ нечаянно и обернулся сновь къ намъ. На его лицѣ появился выразъ дотепной таинственности. Ôнъ улыбнулся на ширину устъ.

„За дѣвицю Розалію вы чули?" спросилъ ôнъ.

„Ро...за...лію? Котора-жь то?" проговорилъ контролоръ.

„Ну, дочка дѣдича изъ сосѣдного села. Ге? А що?"

„Ничого не знаемъ."

„Хе, хе, братья любезныи" смѣялся банковичъ, „будьто не знаемъ — и я будьто не знаю."

„Щожь случилось съ нею?"

„Щожь, кождому въ жизни що-то случится. Якъ же думаете о тôмъ?"

„Позвольте, я о ничемъ не знаю. Занедужала може?"

„Здорова, поки що."

„Ну, если такъ, то гараздъ. Всяка прочая скорбь перетерпится."

„Но такъ" говорилъ банковичъ, прижмуривши око „пе..ре...тер..пится, гмъ, перетерпится" и ôнъ вывинулся на

одной нозѣ. „Що-жь, положѣмъ“ продолжалъ ôнъ „канарокъ бѣжалъ ей изъ клѣтки, шпилька запропастилась, и такъ дальше, тажь все то багательки... Комужь изъ насъ въ жизни то случитись не моглобы? До свиданія, голубчики, до свиданія! А вы, молодый дансеръ, не забудьте до первой кадрили взяти жену судьи, она закупила вчера двѣ фаски бляншу и пудру въ аптицѣ и беретъ участь въ вечерку такимъ способомъ, що посылаетъ, вмѣсто полумисковъ, двѣ кварты пудру на вечерокъ для публичного добра. Будетъ тамъ, якъ всегда, особна тоалетка на тіи дамскіи приборы. Кассіерка оспориваетъ подлинность того пудру, а аптикарь хочетъ завести противъ кассіерки громкій процесъ о подкопиваніе его интересу. Въ цѣлой той справѣ пудровой, вырвался якъ Филипъ зъ коноплей, ветеринарь, не замедлилъ вмѣшати своего носа до чужого проса и секундуетъ на смерть и жизнь по сторонѣ аптикаря, Звѣстно, рука руку мыетъ. А пропó ветеринаря. Такій просто медвѣдь изъ него, два-три мѣсяцы доперва въ городѣ, а дамы всѣ по уха залюбились въ немъ. А медвѣдь изъ него такій, якъ бы улялъ! Ну, иду уже!“

(Прод. посл.)

Иванъ Наумовичъ.

(✝ 5 (17) Августа т. г.)

Дня 5 (17) Августа скончался первый просвѣтитель галицко-русского народа, посвятившій всю свою жизнь для тогожь возлюбленного нимъ, и ôтносящогося къ нему съ ровною любовью народа. Нѣтъ лица въ Галицкой Руси, которому не знакомо былобы имя того страдателя, тому вѣсть о его кончинѣ печальнымъ отгомономъ рознеслась по всему его отечеству. Девизомъ своимъ: „Къ народу!“ поставилъ ôнъ прочныи подвалины для галицкой Руси, своею же дѣятельностію двинулъ ôнъ народъ впередъ, и народъ поступаетъ уже съ сознаніемъ дальше по тôмъ пути просвѣщенія.

Иванъ Наумовичъ родился дня 14 (26) Януарія 1826 г. въ Козловѣ, каменецкого повѣта, въ домѣ своего дѣда по матери, о. Николая Дроздовского, тамошного приходника и декана. Отецъ его, Григорій, былъ народнымъ учителемъ въ Буску. Пôдъ окомъ строгого своего отця и высокодаровитой матери получилъ Наумовичъ въ дѣтствѣ хорошое нравственное воспитаніе, ставшое основаніемъ позднѣйшой его дѣятельности.

По оконченію народныхъ школъ дали его родители во Львовъ. Понеже было ôбльше дѣтей, то родители не могли его содержовати и ôнъ принужденъ былъ, начати самъ о собѣ промышляти. Въ 1839 г. приняла его въ свôй домъ во Львовѣ графиня Мѣръ. Тамъ малъ ôнъ случайность, познати іезуитôвъ, великою протекторкою которыхъ была графиня; тамъ наслухался ôнъ ôтъ прислуги такъ много поруганій русского языка, обряда и вообще всего русского, що то запечатлѣлось въ его память на всегда. А слуги тіи были русскіи, обращенныи іезуитами въ латинство! Такимъ образомъ убѣдился Наумовичъ, що іезуиты не состоятъ проповѣдниками Христовой науки, за якихъ себе выдаютъ.

Потерявши мѣсто у графини и не маючи ніякого содержанія, нанялся ôнъ въ вѣтровôмъ млинѣ съ своимъ молодшимъ братомъ на службу. Нѣсколько мѣсяцевъ носили они мѣшки, насыпали на кошъ, ковали камени; но вслѣдствіе плохого обращенія, бѣжали они о голодѣ и холодѣ пѣшкомъ въ Залѣщики, где изъ Буска перенесенъ былъ ихъ отецъ. Въ непродолжительнôмъ времени возвратился Наумовичъ во Львовъ, окончилъ гимназію и былъ принятъ на философію въ русскую семинарію.

Тамъ настигъ его памятный 1848 годъ. Воскипѣвшіи въ цѣлой Европѣ стремленія къ свободѣ и къ національному возрожденію, отразились на пламенной душѣ и поетическôмъ нравѣ юноши Наумовича и вовлекли его въ революційный водоворотъ тогдашного польско-народного движенія. Послѣдствіемъ того было выдаленіе Наумовича изъ семинаріи, вызвавшое рефлексію въ его воззрѣніяхъ. Коли въ додатку на мостѣ въ Залѣщикахъ селянинъ сорвалъ изъ его головы польскую рогатую шапку (якіи тогда были въ употребленію) и кинулъ ею въ Днѣстеръ съ словами: „Тамъ твоя Польща!“ — убѣдился Наумовичъ, що Польщи на Руси нѣтъ и сама же Русь призвана и маетъ условія культурного и народного существованія.

Окончивши семинарію въ 1851 г. былъ ôнъ душпастыремъ въ пяти мѣстностяхъ: въ Городку коло Львова, въ Ляшкахъ королевскихъ коло Перемышлянъ, въ самыхъ Перемышлянахъ (въ Короснѣ), въ Стрѣльчи коло Городенки и наконецъ въ Скалатѣ.

Въ молодыхъ уже лѣтахъ, именно около 1850 г. началъ Иванъ Наумовичъ трудитись для народа, поддержуючи своими статьями тогдашніи русскіи газеты и издаючи отдѣльныи популярныи сочиненія. Въ тôмъ направленію достигъ ôнъ такого совершенства, якимъ не можетъ повеличатись ни одинъ изъ популярныхъ писателей цѣлого міра. А кто не знаетъ основанного нимъ журнала „Наука?“ Она поднесла народъ интеллектуально, изъ „Науки“ научился народъ любити свою землю, жити тверезо, осушовати мочары, сѣяти пашу, закладати сады, розводити пасѣки и розумно коло нихъ ходити и прч. Основанная ровно-же нимъ политическая популярная газета „Русская Рада“ и затымъ славное Общество Качковского, особенно же то послѣдное, были вѣнцемъ дѣятельности Наумовича, пріобрѣли ему широкую популярность на галицкой Руси, уваженіе и признательность у чужихъ, даже у противниковъ.

Наумовичъ есть творцемъ галицко-русской енциклопедичной литературы, составляющой епоху въ литературнôмъ и культурнôмъ розвитію галицко-русского народа. Ôнъ указалъ тому народу путь къ высшимъ идеаламъ и народъ той называетъ и во вѣки называти будетъ Наумовича своимъ просвѣтителемъ. Научилъ ôнъ русскій народъ исторіи, научилъ любити свою церковь, обрядъ, землю, однимъ словомъ: якъ Мойсей вывелъ ôнъ той народъ изъ тьмы и указалъ ему битую стежку, по которой легко достигнути цѣли. Громадныи заслуги положилъ также Наумовичъ для нашой церкви и обряда. Его глубоко обдуманныи, на неопровержимыхъ историческихъ и догматическихъ источникахъ основанныи обрядовыи статьи, помѣщавшіися въ первыхъ рочникахъ „Слова“, довели къ очистцѣ нашого обряда, заставили Русь опомнутись о права нашой церкви и стати въ защитѣ нашого духовенства.

И на поприщи публичной дѣятельности записалось имя Наумовича весьма громко. Трикратно засѣдалъ ôнъ въ львовскôмъ соймѣ яко посолъ изъ меньшихъ посѣлостей и отличился плодоносною дѣятельностію въ той автономической институціи, зазначивши въ своихъ рѣчахъ становище галицкой Руси, оспориваемое поклонниками принципа: divide et impera. Избранный въ 70-и годахъ въ державную думу, причислялся Наумовичъ къ виднѣйшимъ членамъ таковой яко отличный витія и неустрашимый защитникъ правъ нашой св. Руси.

Навѣстившій гал. Русь въ 1882 г. великій политическій процесъ свалился цѣлымъ бременемъ въ первой линіи на Наумовича. Ни продолжительная тюрьма, ни отнятіе Наумовичу прихода не сломило его стойкости, его вѣры въ истинныи принципы и идеалы. Привлеченъ къ отвѣтственности передъ духовныи власти, не пошатнулся ôнъ и тутъ, выступилъ откровенно съ своими воззрѣніями въ печатной апологіи и окончилъ свôй споръ съ духовнымъ настоятельствомъ переходомъ въ православіе.

И то однако не улучшило его положенія. Скиталецъ на родной землѣ, поставленный пôдъ строгій полицейскій надзоръ, навлекающій непріятности на земляковъ, съ которыми приходилось ему часомъ даже поневольно сообщатись, вѣчно подозрѣваемый въ антидержавныхъ и антикатолическихъ агитаціяхъ —

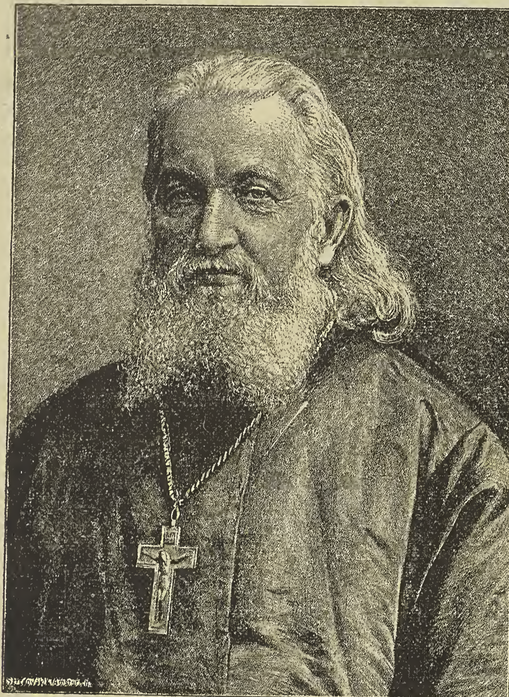
видѣлся Наумовичъ окончательно принужденнымъ оставити родныи предѣлы галицкой Руси, и переселитись въ Россію въ городъ Кіевъ. Тутъ и были заслуги его оцѣнены. Кіевскій митрополитъ Платонъ надгородилъ Наумовича достоинствомъ протоіерея, императоръ же Александръ удѣлилъ ему золотый наперсный крестъ.

Но и тутъ не прекратилась его дѣятельность въ пользу галицкой Руси. Посредствомъ золотого своего пера розговоривалъ ôнъ съ земляками, поддержуючи въ нихъ бодрость духа и ясность воззрѣній, столь необходимыхъ въ борьбѣ о народное существованіе. И не лишь словомъ, но и дѣломъ знаменовалась закордонная дѣятельность Наумовича для галицкой Руси.

Въ послѣдное время обратила на себе вниманіе Наумовича емиграційная горячка, охватившая русскую часть Галичины и готовящая нашому селянству розореніе и неминуемую гибель въ бразилійскихъ пустыняхъ. Стиснулось болью сердце великого народолюбця и подняло его еще на одинъ, знаменательный подвигъ для блага своихъ землякôвъ.

Розсчитавшись съ невозможностію повздержанія емиграціи галицко-русскихъ селянъ, задумалъ Наумовичъ направити таковую по крайной мѣрѣ туда, где она не выставила бы емигрантôвъ, не лишь на матеріальную, но и на нравственную и національную гибель. Взоръ его палъ на плодородныи а незаселенныи пространства на Кавказѣ, но при тôмъ захотѣлось собственными очами провѣрити свойства стороны, предназначенной и выпрошенной нимъ на новое отечество для своихъ землякôвъ. И не убоялся сѣдоглавый старикъ тяжелыхъ трудôвъ и невыгодъ далекого путешествія. Тысячи верстъ перелетѣлъ на крылахъ горячой любови для своего народа и передалъ свои наблюденія посредствомъ путевыхъ записокъ.

Не дождался однако старческій взоръ радоватись успѣхомъ своего послѣдного великого подвига. Скончался въ далекой сторонѣ, въ городѣ Новороссійску надъ Чорнымъ моремъ, на обратнôмъ пути въ Кіевъ.



Иванъ Наумовичъ.

ЕТНОГРАФІЯ.

ИЗЪ НОВОЗАПИСАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЕЙ.

(Записалъ Стефанъ Киричинскій въ Роздѣловичахъ, округъ: Рудки).

* * *

Тамъ по пôдъ лѣсъ темненькій
Припалъ снѣжокъ бѣленькій,
Мила приходила

Скорбь матери.
Картина С. Грохольского.

Слѣдокъ наробила.
Тожь то ми жаль тяженькій,
Ой пôйду я до клену,
Вырву я си листоньки,
Чей же я накрыю
Миленькой слѣдоньки.
Въ горѣ камѣнь
Крупы меле,
Вода коло мые,
Не стôй милый съ друговь
Бо ми серце млѣе;
Ани съ товь негôдновь,
Ани съ тою другою;
Я ти такъ сроблю,
Я ти такъ учиню,
Що станешь горою.
Ой якъ я ти не сробю,
Сробитъ ти моя мати,
Мило тобѣ буде
И на твои груди,
А все зъ нашой хаты.
А якъ не я, то моя тѣтка.
Зôсхнешь и зôвянешь,
Якъ дубова вѣтка.

*
* *

Сѣяла си Ганусѣ долю,
Стояла надъ водою;
Плыни долю съ водою,
И я буду съ тобою.
До купы якъ приплынемъ,
Тамъ мы си спôчнемъ,
Тамъ мы си спôчнемъ,
Дрôбный листъ напишемо,
До батенька пôшлемо.

*
* *

Мала вдовина
Одного сына,
Ой мала, мала,
До войска дала.
Иде рочокъ,
Гдесь сыночокъ,
Ой иде другій,
Гдесь мôй сынъ любый.
Третій рôкъ иде
Любый сынъ иде,
Любый сынъ иде,
Невѣстку веде.
Взяла ся мати,
Та клопотати,
Ой идутъ гости,
Чимъ ихъ пріймати!
Ой пôйшла мати,
До новой хаты,
Та наточила.
Двѣ шклянцѣ вина.
До сына пила
Чистое вино,
Сынъ не пилъ вина,
Вылялъ пôдъ коня.
До невѣстки пила
На пôвъ съ трутиновь.
Піймо дитино
На половину.
Най намъ буде смерть
Въ одну годину.

Знала насъ мати,
Якъ потрувати.
Теперь насъ знай,
Якъ поховати.
Сховаю сына
Пôдъ оконцема,
А невѣстоньку
За воротцема.
Посаджу на сыноньку
Зеленый, зеленый явороньк,
На невѣстоньцѣ
Три березоньцѣ.
Бо той сыноньк
То моя дитина,
А невѣстонька
Була му причина.
По невѣстоньцѣ
Буду ходити,
Буду стеженьку робити.
А за сынонькомъ буду плакати,
Буду слезы проливати.

*
* *

Ѣджь Марисю колачи,
Ѣджь Марисю ябка.
Ѣджь Марисю обарянцѣ,
Щобысь була гладка.
Дѣвчино миленька,
Люблю тя зъ раненька,
Люблю тя сердечно,
Возьму тя конечно.
Дѣвчино, дѣвчино,
Дѣвчинонько моя,
Сподобала ми сѣ
Роботонька твоя.

*
* *

Ой тамъ въ лѣсѣ два дубы
Подали сѣ до купы.
Я еденъ, бо якъ еденъ
За жовнѣрѣ подобенъ.
Женити сѣ не буду,
Бо на войну поѣду,
Якъ съ войноньки приѣду,
До вдовои заѣду.
Дѣвча тое почуло,
Черезъ рѣчку бренуло,
Накопало корѣнѣ
Зъ пôдъ бѣлого камѣнѣ.
Полокало на рѣцѣ,
Намочило въ горѣвцѣ.
Ой щожь тебе принесло,
Ци сивый кôнь, чи весло?
Привѣзъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на спокой.

НАУЧНЫИ РОЗГОВОРЫ.

Архъ.

III. „Помилуйте, якъ то мыслимо?" недовѣряла жена Антонія. „Паперъ и желѣзо такъ розличны по своему существу, що я не понимаю, якъ одно другому конкуренцію дѣлати можетъ."

„Чому бы нѣтъ!" озвался гость. „Для изобрѣтательного человѣческого духа нѣтъ предѣлôвъ, а если бнъ находитъ способы, перемѣняти твердое тѣло въ жидкость а жидкость въ газы, — то чому не съумѣлбы перемѣнити крухій паперъ въ матерьялъ, который доровналбы своими свойствами желѣзу."

„Доровналбы лишь?" исправлялъ Денисъ. „Прошу не удивлятися, если суть способы передѣланія паперу въ массу, превосходящую далеко своими свойствами желѣзо."

„Не всѣми свойствами! По моему мнѣнію, такая паперовая масса можетъ превосходити желѣзо лишь легкостію, меньшою крухостію и не такою чувствительностію на температуру. Но твердость — твердость?..."

„Що до твердости, то свойство то дастся осягнути въ найпростѣйшій спосôбъ — именно, посредствомъ давленія. Если бо соединимъ нѣсколько кладôвъ обыкновенного папера клеемъ и вложимъ все пôдъ сильную прассу, то можемъ при великôмъ давленію получити матерьялъ, которого еластичности и твердости не выровнаетъ ни желѣзо ни сталь."

„Не вѣроятно!" воскликнула одна изъ дамъ.

„Невѣроятно, но правдиво. Я самъ малъ уже случайность познакомитись съ такою паперянною массою. Розумѣется, що тутъ важную роль играетъ матерьялъ, съ якого выдѣливается самъ паперъ. И такъ съ паперу, фабрикованного съ льняныхъ матерій, можно пôдъ великимъ гидравлическимъ давленіемъ получити плиты такой твердости, що не дадутся зарисовати найострѣйшими снарядами. Во виду того я думаю, що въ паперѣ возрастаетъ для желѣза еще опаснѣйшій соперникъ, чимъ алюминіобронзъ."

„Я вѣрю — вмѣшался защитникъ алюминіобронза, въ нѣкоторое превосходство паперовой массы, но не думаю, щобы она могла такъ якъ алюминіобронзъ заступити желѣзо въ всякôмъ отношенію. Паперъ бо при всей своей еластичности, прочности и твердости, подверженъ вліянію волгкости и огня!"

„Вы ошибаетесь въ предположенію такихъ недостаткôвъ. Касательно волгкости, то досыть сказати, що на морю плаваютъ судна съ паперовой массы. Около постройки такихъ суднъ заслужились Американцы, которыи первыи примѣнили паперъ до техническихъ цѣлей. Въ ихъ слѣды вступили Французы и уже первое паперовое судно, построенное въ началѣ минувшого десятка лѣтъ въ Парижи, переплыло 1000-километровую пространь и не лишь бодро выдержало удары волнъ, но не смякло и не перемокло. Вслѣдствіе такой непромакательности, выдѣливаютъ нынѣ съ прасованного паперу фляшки къ домовому и ап-

тичному употребленію и они при своей непромакательности, сутъ еще нескрушимы и дѣлаютъ конкуренцію стеклу. Паперъ къ того рода фляшкамъ, выдѣливается изъ 10 част. лахôвъ, 40 ч. соломы и 5 ч. деревянного матерьяла. Поодинокіи листы такого папера наклеиваются одинъ на другого и послѣ въ дорозѣ давленія и огрѣванія, формуются фляшки. Въ такихъ фляшкахъ превосходно консервуется вино, алькоголь и ликеры а кромѣ того выдѣливаются съ такого паперу бочки на нафту и ванны до купелей, которыи по при свою тревалость, маютъ преимущество легкости."

„За соизволеніемъ! перервала хозяйка дома. Прошу залишити розговоры, поки я верну." Она удалилася а по хвили войшла, принесши съ собою полумисокъ.

„Я покупила той полумисокъ въ однôмъ складѣ и тамъ сказали мнѣ, що ôнъ съ паперу. Я не хотѣла вѣрити, но теперь я убѣждена, що такъ естъ. Прошу оглянути."

Денисъ взялъ съ уданною неловкостію полумисокъ изъ рукъ Анны и опустилъ его на землю. Нѣкоторыи изъ дамъ испугались, но Денисъ поднялъ его неповрежденнымъ и сказалъ:

„Я констатую, що ôнъ дѣйстно выдѣланъ съ прасованного папера — свидѣтельствуетъ о тôмъ его легкость, звукъ и несокрушимость."

Коли гости придивились достаточно новости и усѣли на своихъ мѣстахъ, поднялся шутникъ Иванъ и сдеръ свôй нагрудникъ, пôдъ которымъ однакожь показался новый, снѣжной бѣлости. Мужчины начали смѣятись а Иванъ сдеръ еще другій и третій нагрудникъ, пôдъ которыми все показовались свѣжіи.

„Отъ вамъ паперовая елеганція и если я доживу XX-го столѣтія, то навѣрно весь буду одѣватися въ паперъ."

„И то не утопія", забралъ голосъ Денисъ. »Нынѣ уже выробляютъ съ паперу не лишь непромакальную обувь и капелюхи, но въ Америцѣ изобрѣли способъ до выдѣлки паперянного штофа, съ которого можно шити одежу."

„Ну, дойдемъ до того, що станемъ не лишь писати на паперѣ, но ѣсти съ паперу, одѣватись въ паперъ, купатися въ паперѣ, плавати въ паперѣ —"

„Обитати и ѣздити въ паперѣ," докинулъ резонный Денисъ.

„Не преувеличайте!" озвался Маркіянъ.

„А я все таки не на шутки говорю, що будемъ обитати и ѣздити въ паперѣ. Дѣйствительно бо, прасованныи паперовыи плиты отлично надаются къ постройкамъ домôвъ и недалеко Госляра стоятъ уже не ôтъ нынѣ желѣзнодорожныи стражничіи домики, всецѣло изъ папера построенны."

„Якто, и крыша?" удивлялась одна изъ дамъ.

„Нема превосходнѣйшой крыши якъ паперяна, и въ Америцѣ сдавна фабрикуютъ дахôвки съ паперу и то въ той способъ, що брагу паперяну втискаютъ до отвѣтныхъ формъ, мачаютъ послѣ въ нарочно до того приготовленной жидкости и кидаютъ до печи. Такіи дахôвки вытревалы на все — на студень и горячо, на волгкость, на дождь и на огонь."

„И на огонь?" замѣтила Анна. „Въ такôмъ случаю можно бы ставляти и паперяныи печи.«

„Ставляются — печи не лишь къ отопленію комнатъ, но и печи кухонныи. Прошу не страшитися, печи бо съ паперу суть огнетревалыи и легко даются построити и перенести — такъ, що будущая хозяйка переселяючись, и печь съ собою заберетъ. Я увѣренъ, що въ XX-ôмъ столѣтію будутъ смѣятися зъ насъ, що мы топили въ каменныхъ и варили въ мурованныхъ печахъ. Вообще можно розумно предполагати, що въ XX ст. все домовое устройство будетъ паперянное."

„Кромѣ мебелей!" замѣтилъ одинъ гость.

„И мебель выробляютъ съ паперу а недалеко и то время, коли въ салонѣ стояти будетъ... паперяный фортепьянъ!"

„Оставьте, оставьте! То уже не мыслимо", закричали всѣ смѣючись.

„Смѣйтесь, но я не могу собѣ вообразити ничого невыгоднѣйшого надъ такій мебельный балястъ, якими сутъ нынѣшніи фортепьяны. Локаторы, которыи часто смѣняютъ обиталище, знаютъ о тôмъ найлучше. Во виду того теперь уже придумали фортепьянъ съ паперу — такъ, що лишь резонансовый помостъ остается — деревяннымъ."

„Положѣмъ— вмѣшался защитникъ алюминіобронза, що наши потомки получатъ даже музычныи инструменты съ паперу, но на якôмъ основанію сказали вы, що они будутъ... ѣздити паперомъ?"

„Основаніе естъ! Поминувши бо обстоятельство, що желѣзныи пôдковы вытѣсняются постепенно паперяными, нынѣ уже выробляютъ съ паперу желѣзнодорожныи рельсы и колеса поѣздовыхъ возôвъ. — Я не преувеличу тому, если скажу, що цѣлыи возы будутъ съ съ временемъ строитися съ паперу..."

„Если такъ, то я пишу декретъ смерти для желѣзницы."

„Якто?"

„Такъ, що въ XX ст. будетъ вмѣсто желѣзницы — паперяниця а вмѣсто желѣзной — паперянная — дорога! Яки мы станемъ для людей будущности, невѣжи и непрактичны."

Всеобщую веселость перервала хозяйка.

„Позвольте еще. Если индустрія паперу дойшла нынѣ до такихъ громадныхъ результатôвъ, то я не понимаю, чому о тôмъ лишь слухи ходятъ и чому мы вполнѣ не пользуемся еще „паперяными выгодами?"

„Есмь въ положенію, пояснити той вопросъ. Желѣзо, сталь, муры, стекло и пр. давно уже были бы замѣнены паперомъ, если бы не одна вѣская трудность. Паперъ бо призначенный до техническихъ цѣлей, фабрикуется съ самого лучшого матерьяла, а именно съ льняныхъ лахôвъ, которыи — хотяй лахи, стоятъ дуже много. Тому наука стремится нынѣ къ изобрѣтенію ровно доброго но дешевого матерьяла и въ Швеціи пробуютъ теперь съ великимъ успѣхомъ фабриковати паперъ съ мху.— Скоро отже удастся одолѣти окончательно тую трудность, господство паперу обеспечено."

Угорская Русь.

(Продолженіе).

Точно тогды, а именно г. 1689, пôдъ примасомъ Леопольдомъ Колоничемъ, вымоталася Мукачевская епархія ôтъ замѣшательствъ въ имѣнію; за стараніемъ бо реченного примаса свернены были добра монастыря, захваченныи Раковціанами.

Четырнадсятымъ Мукачевскимъ епископомъ былъ Іосифъ Камелисъ, призванный примасомъ Колоничемъ изъ Риму для того, щобы нимъ справа уніи вскрѣпилась. — Камелисъ былъ Грекъ изъ чина св. Василія; исперва былъ ôнъ на епископа Севастійского, послѣ же на Мукачевского Леопольдомъ I именованый, римскимъ же папою подтвержденый. — Епископъ сей съ найбôльшою апостольскою ревностію началъ реформу епархіи; былъ ôнъ въ то время единственнымъ гр. катол. епископомъ, надъ всѣми греко-католиками въ Угріи.

Онъ путешествовалъ по епархіи, держалъ при той способности Соборы, на которыхъ давалъ обученія клиру, утверджаючи его въ Уніи. Записникъ его, который въ подлиннику осталъ по нынѣшное время, подаетъ свѣдѣнія о его подвигахъ. Такъ держалъ ôнъ Синоды въ Мукачевѣ, Сатмарѣ, Гевешу, Саболчу, Земплинѣ, Шаришу, Унгу, Угочи и Краснѣ.— Въ тыхъ мѣстностяхъ поставлялъ намѣстникôвъ, подъ-архи-діаконôвъ и парохôвъ; въ Ягру и Доброчинѣ святилъ церкви, и боролся за свободу клира съ реформатскими и латинскими помѣщиками. — Особенно много терпѣлъ въ его время клиръ русскій ôтъ дѣдичôвъ, которы священникôвъ гнали на панщину сынôвъ же священическихъ продавали по

подобію раббвъ. Во виду того реченный епископъ выходатайствовалъ, къ запрещенію подобныхъ злоупотребленій, ôтъ Леопольда І. патентъ изъ г. 1692. Іосифъ Камелисъ управлялъ епархіею до года 1704. Въ пору, коли пребываніе его въ Мукачевѣ случено было съ опасностями, переселился въ Пряшевъ, где и скончался г. 1704.

Пятьнадсятымъ епископомъ былъ Іосифъ Годермарскій, именованный г. 1707 имп. Іосифомъ. Хотяй владѣтель сей, якъ и его наслѣдникъ Карлъ III-ій дѣлали въ пользу епископа всевозможное, все таки не получилъ ôнъ подтвержденія изъ Рима. Наконецъ по истеченію 8 лѣтъ, сложилъ въ руки Христіана Августина Остригомского Архіепископа формально епископское достоинство, и принялъ титулъ Архимандрита Мукачевского монастыря, где и померъ. Ôнъ былъ послѣднимъ Архимандритомъ Угорскихъ Василіанъ, которы вмѣсто Архимандрита избираютъ теперь Протоигумена. Наслѣдникомъ его шестнадсятымъ епископ. былъ Геннадій Бизанцій, именованный на порученіе реченного Архіепископа, Карломъ III. г. 1715, подтвержденный же Климентомъ XI. Бизанцій былъ исперва въ Великôмъ Калловѣ, столицѣ Саболчанской жупы, Архидіакономъ и Намѣстникомъ. За его правленія сбылся въ Марія-Повчи (теперѣшнôмъ Василіанскôмъ храмѣ) чудотворный случай съ иконою Пр. Богородицы; случай той былъ тогдашнимъ Ягерскимъ епископомъ Гавріиломъ графомъ Ердôдіемъ офиціально изслѣдованый и подтвержденый. Ôтъ того времени чудотворная икона Пр. Богородицы, стала предметомъ особенного почитанія для богомольцевъ, которы 5 разы въ годъ численно ôтправляются тутъ въ храмовыи дни. — Бизанцій еще тогоже года, ставши епископомъ, началъ въ Марія-Повчи для тойже иконы строити великую церковь, котора наслѣдниками его была довершена. Бизанцій скончался г. 1733.

По смерти его клиръ, пользуючись давнимъ своимъ правомъ, сновь избралъ седмнадсятого епископа въ ос.бѣ Симона Ольшавского, который былъ Карломъ III. одобреный, ôтъ Папы же въ епископствѣ яко „Намѣстникъ Апостольскій" признаный. Сей епископъ продолжалъ постройку Марія-Повчанской церкви.

Осьмнадсятымъ епископомъ былъ Гавріилъ Блажевскій, избранный клиромъ. До его времени епископы Мукачевскіи не мали ніякого жалованія ôтъ правительства, но жили частью изъ добръ Мукачевского монастыря, частью же изъ складокъ клира и народа. Блажовскій былъ первымъ епископомъ, который получалъ изъ общого фонда клира годично тысячъ золотыхъ. Управлялъ епархіею ôтъ г. 1738 до 1742. Возвращаючись изъ Пресбургского сойма въ Мукачевъ, занедужалъ и померъ въ Мало-Березницкôмъ монастыри.

(Прод. посл.)

Народныи розсказы.

7) О що тебе кто не проситъ, не давай.

(Изъ сербского.)

Сойшолся на пути нѣкій бегъ съ однимъ человѣкомъ и такъ путешествуючи, вели о различнôмъ розговоръ и одинъ другому различное розсказовалъ. Былъ то знатный бегъ, а былъ ôнъ примѣщенъ при дворѣ одного везира. Понравился бегу той путникъ и, коли прійшли въ городъ, где жилъ бегъ, попросилъ ôнъ человѣка до себе въ гости. Путникъ согласился и зайшолъ къ бегу. Первую ночь провели середъ розговора, а на слѣдующій день призвалъ ихъ везиръ на обѣдъ. Бегъ поблагодарилъ ему и сказалъ, що не можетъ прійти, у мене бо, кажетъ, есть одинъ гость. Везиръ отвѣтилъ, щобы и гостя взялъ съ собою и такъ пôйшли оба до везира на обѣдъ. Коли пшли къ нему, кажетъ бегъ тому путнику: „Коли прійдешь до моего повелителя, ôнъ хорошо пріиметъ тебе и будетъ саджати тебе коло себе, ты однакъ не сѣдай при немъ, лишь съ краю." Въ тôмъ прійшли въ комнату везира, везиръ принялъ ихъ свѣтло и тому человѣку назначилъ мѣсто при себѣ, а человѣкъ, позабывши на слова бега, сѣлъ при везирѣ, бегъ же на краю.

Начали сходитись прочіи гости, которыхъ пригласилъ везиръ. Прійдетъ кто, — кождого саджаетъ везиръ коло себе, а путникъ все посувается и посувается, поки не прійшолъ на край и тогды пригадалъ собѣ на слова бега. Иныи же гости сѣдали на краю и посували все бега высше, поки ôнъ не приблизился до везира.

Такъ пировали и начали веселитись. Наконецъ принесли великіи овощи. Везиръ взялъ овощъ и хотѣлъ перекроити, но слуги не принесли были ножа. Везиръ покликалъ на слугу, а тымчасомъ беговый гость добылъ изъ за паса одинъ старинный ножъ, на видъ которого всѣ удивлялись, и подалъ его везиру, щобы нимъ прокроилъ овощъ. И везиръ удивился, узрѣвши такій ножъ; той ножъ понравился везиру и ôнъ спросилъ человѣка: чи не продалъ бы его? Человѣкъ отвѣтилъ, що не далъ бы его ни за що въ свѣтѣ! Везиру то было не по мысли, що человѣкъ такъ отвѣтилъ, а коли всѣ гости розойшлись, ôнъ задержалъ бега и его гостя, и спросилъ его, ôтъ кого маетъ той ножъ? Человѣкъ еще и не отвѣтилъ, а везиръ кажетъ: „Передъ такъ а такъ много лѣтами укралъ у мене кто-то скарбону, а той ножъ былъ въ скарбонѣ, — ты отже былъ тымъ смѣлкомъ, который укралъ у мене скарбону, за то головою поплатишь!"

Бѣдняка путникъ перелякался, що невинно попалъ въ бѣду, а бегъ узрѣвши, що его гость такъ перелякался, началъ просити везира, щобы пустилъ его гостя, кажетъ: „нехай еще тую ночь у мене переночуетъ, а ôтъ завтра дѣлай съ нимъ, що хочешь." Везиръ ему отвѣтилъ: „Не пущу его, ты научишь его, якъ ôнъ маетъ боронитись!" Бегъ заклялся, що къ нему ни скажетъ ни одного слова. Везиръ повѣрилъ клятвѣ и пустилъ путника съ бегомъ. Коли прійшли до дому, повечеряли, легли спати, а на другій день бегъ призвалъ жену передъ себе — щобы клятву додержалъ — и такъ будьто до ней сказалъ: „Ты пôйдешь нынѣ къ везиру, оправдатись; коли ôнъ покажетъ передъ людьми той ножъ, а ты закричи сейчасъ, и прибѣгнувши къ нему, завозви: „„Ото убійця моего отця, тымъ ножемъ отецъ былъ убитый, ты убилъ его и забралъ ему много грошей!"" Если тобѣ то не поможетъ, то иначе не можешь спастись!" — Путникъ такъ и сдѣлалъ, взялъ послѣ свôй ножъ и еще гдеякіи гроши и такъ спасалъ свою жизнь. Изъ того: „О що тебе кто не проситъ, того не давай!"

8) Богачъ и слуга.

(Изъ сербского.)

Жилъ одинъ богатый хачія; у него была молода жена. Коли лишь вступилъ ôнъ въ свою комнату, за каждый разъ пыталъ: „Що есть женская прозорливость?" А коли жена не знала, що на то отвѣтити, ôнъ ею за то кождый разъ добре побилъ. И такъ его жена изъ дня на день ставала бôльше немощною. Одного однакъ дня прійшла до ней одна ворожиля изъ города и пытаетъ: „Ты чому такъ изнеможена?" А она начала ей розсказовати: „Мôй мужъ, якъ лишь войдетъ въ комнату, всегда пытаетъ мене: ‚що то есть женская прозорливость?' Коли я не знаю ему отвѣтити, ôнъ сейчасъ бьетъ мене." На то женщина кажетъ: „Если хочешь, я покажу ему, що то есть женская прозорливость." Она согласилась на все, що лишь ворожиля хочетъ дѣлати.

„Коли начнешь варити вечерю — кажетъ ей ворожиля — помѣси тоже тѣсто на хлѣбъ, а я прійду и вложу въ печь." Жена такъ и сдѣлала; ворожиля прійшла, насыпала въ тѣсто якого-тамъ зѣлья, смѣсила еще разъ и поклала въ печь.

Якъ обычно приходитъ и мужъ до хаты, и зачимъ усѣлъ, пытаетъ жену:

„Що то есть женская прозорливость?" Она отвѣчаетъ ему, що не знаетъ. Мужъ началъ ею бити а послѣ казалъ, подати собѣ вечерю. Коли начали вечеряти, жена принесла хлѣбъ и мужъ началъ ѣсти. Вскорѣ однакъ, съѣвши не много хлѣба, упалъ якъ бы омлѣлый. Тогды ворожиля съ слугою приступили къ нему, взяли его съ собою, понесли на корабель и пустились на море. Такъ доѣхали въ Мисиръ въ Египтѣ. Тамъ найшли они одного послужника, который совсемъ былъ зъ лиця похожій на того хачію. Ворожиля подплатила другихъ слугъ, и они успили товариша тымъ самымъ зѣльемъ.

Коли и послужникъ такъ былъ безъ памяти, ворожиля перебрала одежь его на хачію, а одежь хачіи на послужника, оставила хачію въ Мисирѣ а послужника взяла на корабель и привезла до дому.

Четвертого дня пробудился хачія въ Мисирѣ и началъ взывати жену и пытати, готовъ ли обѣдъ. На то почали изъ него другіи послужники насмѣватись, и говорили ему: „Що тобѣ? Ты сойшолъ съ ума? Якого тобѣ обѣда? Вставай и заберись носити воду." Ôнъ, почувши то, удивился, якъ ôнъ тутъ взялся.

Послужникъ же пробудившись, узрѣлся въ хорошой и богатой комнатѣ, налякался, подумалъ, чи ôнъ не умеръ уже, и чи не въ раю ôнъ. Жена принесла ему каву и ôнъ попилъ. Якъ выпили каву, приходитъ слуга и пытаетъ: „Пôйдемъ, хачія, въ магазинъ, покупатели ждутъ!" На то ôнъ подумалъ: „Отъ, я и на хачію уже выйшолъ!" Пôйшли они въ магазинъ, продавати товары, собирали гроши, и такъ цѣлый день, що и сѣсти не было времени. Вечеромъ затворили магазинъ и вернули въ домъ. Такъ минуло четыре мѣсяцы. Послужникъ въ хатѣ хачіи, а хачія въ Мисирѣ.

Сновь прійшла ворожиля до жены и кажетъ ей: „Перемѣнимъ ихъ изъ нова?" Жена хачіи сказала ей, що уже время, то сдѣлати. И ворожиля сдѣлала такъ якъ въ первый разъ. Успила обохъ, перемѣнила на нихъ одежи, привезла послужника въ Мисиръ а хачію въ его домъ. Приказала еще женѣ, спечи хлѣбъ, надкроити и положити при хачіи, такъ якъ стоялъ въ той день, коли она въ первый разъ его успила. Жена такъ все и сдѣлала. Коли хачія по полуночи пробудился, спросила его жена: „Що тобѣ, що такъ скоро пôйшолъ спати а такъ мало хлѣба съѣлъ? Ты еще голодный? Хочешь ѣсти що?"

Розкрывши очи, хачія зачалъ чудоватись и розмышляти, якъ ôнъ изъ Мисира наразъ взялся у себе въ дома? Смотритъ на жену, поглядаетъ вокругъ себе, и просто самъ собѣ не вѣритъ. Былъ однакъ совсемъ голодный и попросилъ о яку страву. Коли жена принесла ему надкроенный хлѣбъ и молоко, началъ еще бôльше чудоватись тому, пригадалъ бо собѣ, що передъ четырьма мѣсяцями ѣлъ той самъ хлѣбъ и пилъ то само молоко. Подумалъ, що то певно сонъ, а послѣ спросилъ жену: былъ ли ôнъ въ Мисирѣ? Жена отвѣтила ему на то: „Богъ съ тобою, якій тобѣ Мисиръ на умѣ? Ты ѣлъ вчера той хлѣбъ, и молоко то само." Ôнъ однакъ таки подумалъ собѣ, я, кажетъ, былъ въ Мисирѣ; завтра пôйду въ магазинъ, мене будутъ витати послужники и люде: „Витайте, въ гараздѣ вернули?" Тогды буду певно знати, чи я былъ въ Мисирѣ, чи нѣтъ. Такъ провелъ хачія цѣлую ночь въ тыхъ мысляхъ.

Вставши рано, поступилъ въ свôй магазинъ а люде, которы встрѣчали его, не говорили къ нему: „Въ гараздѣ вернули?" и изъ покупателей никто такими словами его не встрѣчалъ. Все таки вѣрилъ еще, що былъ въ Мисирѣ, а жену уже не пытаетъ за женскую прозорливость. По тому она одного вечера спросила его: „Чому-жь ты не пытаешь мене, якою есть женская прозорливость?" Ôнъ ей отвѣтилъ: „Скажи правду, чи я былъ въ Мисирѣ?" Она кажетъ: „Ты былъ четыре мѣсяцы въ Мисирѣ, а если еще коли спросишь мене за женскую прозорливость, сновь пôйдешь въ Мисиръ и бôльше уже не вернешь."

Ôнъ кажетъ ей: „Николи тебе о то пытати не буду и бити тебе не буду, — лишь не высылай мене въ Мисиръ."

9) Найбôльше получаетъ той, кому Богъ даетъ.

(Изъ сербского.)

Былъ одинъ турецкій царь; ôнъ поставлялъ коло своего двора яко стражь по очереди двохъ зафтіевъ, которы ночью и днемъ проходжали передъ его царскимъ дворомъ. У того царя было узвычаеніе, въ ночи обходити свôй дворъ и прислуховатись: що дѣлаютъ его зафтіи, суть ли ему вѣрны и берегутъ ли вѣрно его дворъ. Коли такъ одной ночи обходилъ свою палату и началъ подслуховати, що говорятъ собѣ его зафтіи, почулъ такій розговоръ: одинъ изъ нихъ казалъ, що волѣлбы, еслибъ ему що далъ царь, а другій говорилъ, що волѣлбы, еслибъ ему що далъ Богъ. Царь, почувши то, посмотрѣлъ на свôй годинникъ и удалился.

На другій день призвалъ царь одного и другого зафтія до себе. Зафтіи прійшли а царь спросилъ ихъ: „О чемъ вы о той и той годинѣ въ ночи вели розговоръ?" Зафтіи налякались, не подслухалъ ли ихъ царь; той изъ нихъ, который говорилъ, що волѣлбы, еслибъ ему що далъ царь, сказалъ теперь: „Я пыталъ того моего друга: чи волѣлбы, еслибъ ему що далъ Богъ или царь? Ôнъ отвѣтилъ мнѣ: Богъ, а я сказалъ, що я волѣлбы, еслибъ мнѣ що далъ царь. И такъ мы долго спорили о тôмъ."

Царь познавши, що они сказали ему всю правду, не сдѣлалъ имъ ничого злого, лишь ôтпустилъ ихъ ôтъ себе, и приказалъ имъ, щобы оба прійшли къ нему за годину. Зафтіи удалились, а царь приказалъ сейчасъ сварити, выпорожнити и справити одного рака. До внутри того рака всыпалъ царь сотку дукатôвъ, и зашилъ ихъ хорошо, щобы ни одинъ дукатъ не выпалъ. На другій день прійшли зафтіи по царскому приказу. Царь далъ тому — що казалъ: волѣлбы я, еслибъ царь мнѣ що далъ — того рака, а другому кажетъ: „Ты ожидай, поки тобѣ Богъ дасть" И сейчасъ ôтступилъ ихъ, сказавши имъ, щобы на другій день сновь прійшли къ нему. Зафтіи выйшли.

Коли прійшли передъ палату, кажетъ той, — который сказалъ, що волѣлбы, еслибъ ему Богъ що далъ — своему другу: „Брате, я хотѣлбы попоѣсти мясо изъ рака, можебъ ты продалъ мнѣ того рака?" Той не хотѣлъ самъ ѣсти рака и кажетъ до друга, чи дасть ему за него двадсять грошей. Другій не надумовался много, далъ ему дватсять грошей и пôйшолъ до своей хаты.

Такъ было и другого и третого дня. Коли-жь четвертого дня, на приказъ царя, прійшли, спросилъ царь того, которому давалъ раки: „Щô сдѣлалъ ты съ раками, которы я тобѣ далъ?" Зафтія отвѣтилъ: „Я продалъ всѣ три раки тому моему другу — кождого по дватсять грошей." Затымъ спросилъ царь другого зафтія: „Чи ты найшолъ що въ ракахъ?" Зафтій отвѣтилъ, що въ кождôмъ раку найшолъ по сотцѣ дукатôвъ. На то сказалъ царь до того зафтія — — который сказалъ, що волѣлбы, еслибъ ему царь далъ —: „Отже видишь, я вложилъ тіи дукаты и далъ ихъ тобѣ въ руки; но то было напрасно, бо ихъ тобѣ Богъ — хвала нехай ему будетъ — и его свята воля не дала, лишь придѣлила ихъ тому твоему другу, который глубше и постояннѣйше вѣритъ въ всемогущество Бога. Ты отже получилъ ôтъ мене лишь три дватсятки, а Богъ далъ тому твоему другу сто дукатôвъ. Попамятай собѣ отже слова, которы говорили наши предки, а которы и я всегда говорю: „Найбôльше получаетъ той, кому Богъ даетъ."

Послѣ того царь ôтпустилъ ихъ и бôльше въ тôмъ дѣлѣ не призывалъ ихъ передъ себе.

10) Пригода Радоя.

(Изъ сербского.)

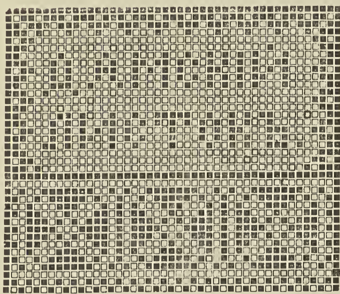
Радой выбрался разъ въ Мостаръ съ своими товаришами. Въ Мостарѣ одинъ изъ дружины купилъ кучму. Радой укралъ ему тую кучму и вложилъ собѣ на голову. Коли начали забиратись въ дальшій путь, началъ той, що купилъ

былъ кучму, глядати ею. А коли не могъ найти, кажетъ: »Охъ, бѣдажь моя, кто-то укралъ менѣ кучму!“ А Радой ударилъ рукою по своей кучмѣ и кажетъ: „А чому не доглядалъ ты твоей кучмы, якъ я свою?“

Скорбь матери.

(См. изобр. на стр. 169)

Живописецъ чертаетъ одну изъ тыхъ повседневныхъ житейскихъ сценъ, якіи происходятъ въ скромныхъ хатинахъ нищихъ. Цѣлое устройство темной, низкой комнатки становитъ постель, столъ и крестъ на стѣнѣ. При всей борьбѣ о существованіе припадаетъ любящой матери еще душевная скорбь; кождой минуты надслухуетъ она, легче ли отдыхаетъ ей больная дочь; и въ ночной порѣ, коли лишь слабое свѣтилко свѣщи озаряетъ комнату, матерь не ôтступаетъ ôтъ ей ложа. Но ранніи лучи солнця, вдирающіися черезъ оконце въ комнату, вливаютъ въ скорблящую ей душу новую надежду.



До моихъ подругъ.

Женскіи общества въ Чехіи.

Чехи счастливый народъ! Они могутъ собѣ то съ полнымъ оправданіемъ сказати. Якъ кипитъ тамъ въ Празѣ теперь жизнь! Выставковая жизнь въ самôмъ розгарѣ. Число посѣтителей, надъ всякое ожиданіе, давно уже за миліономъ. Въ одинъ день миліонного торжества посѣтило выставку 82.000 лицъ, число не бывалое даже на выставцѣ вѣденской. Перейдѣмъ однакъ къ предмету, при которôмъ можемъ тоже сказати, що Чехи счастливы. Передъ нами лежитъ брошура, изданная, по случаю чешской выставки, въ Празѣ, въ чешскôмъ языцѣ, п. з. „Статистическій перегляд женскихъ обществъ, заведеній и комитетôвъ чешско-славянскихъ. 1891.“

Много-жь тыхъ женскихъ обществъ въ Чехіи? Впередъ наведемъ ихъ названія, а послѣ почислимъ.

Однимъ изъ найбôльше дѣятельныхъ и жизненныхъ женскихъ обществъ въ Чехіи есть 1) „Женское промышленное общество“ въ Празѣ, которое текущого года праздновало 20-лѣтній ювилей своего существованія. Общество тое основанное года 1871, маетъ до 2.500 членôвъ, и росходовуетъ на свои цѣли годично до 20.000 злр. Мысль основанія того общества возникла послѣ войны австрійско прусской, коли лишилось много вдовъ и сиротъ, не бывшихъ въ состоянію, трудомъ своихъ рукъ придбати на дальше средства къ жизни. Года именно 1871-го, издали три чешскіи женщины, Каролина Свѣтла, Дора Ганушова и Авг. Описова, отзывъ къ чешскимъ женщинамъ, дотычно основанія общества, которое поставило бы собѣ цѣлью, дати практическое направленіе женскому труду. Отзывъ вѣнчаный былъ полнымъ успѣхомъ, общество основалось, и на первый годъ дѣйствовали въ выдѣлѣ: Каролина Свѣтла, Софія Подлипска, Анна Србова, Емилія Бартова, Марія Горачкова, Дора Ганушова, Матильда Пешкова и Емилія Прикнерова. Дѣятельность общества многосторонна а сосредоточена въ стремленію; подати чешскимъ женщинамъ средства къ изученію практической промышленности, причинятись къ успѣшному ôтбыту женскихъ промышленныхъ издѣлій, обезпечати матеріальный бытъ и росширяти кругъ дѣйствія женщинъ на основѣ взаимной помощи. Первымъ затымъ дѣломъ общества было основаніе промышленной женской школы, которой управителькою была Емилія Прикнерова до года 1885, послѣ же Іоанна Куфнерова. Минувшого года дѣйствовало при той школѣ 30 учительскихъ силъ; число ученицъ доходитъ въ нѣкоторыхъ лѣтахъ до 640. Всѣхъ ученицъ образовалось въ той школѣ до теперь 10.036, зъ которыхъ 4.883 были цѣлковито освобождены ôтъ оплаты школьной. Преподаются тамъ слѣдующіи предметы: наука ремесленная; наука рисованія разомъ съ теоріею перспективы; наука кроя во всѣхъ родахъ; вышивки, гафты, чертаніе взорôвъ (съ особеннымъ плеканіемъ народныхъ орнаментôвъ); плетеніе, гачкованіе и прочіи ручныи роботы; языкъ французскій; языкъ русскій; языкъ нѣмецкій и чешскій; калиграфія, землепись, педагогія, наука о дамашнôмъ господарствѣ, наука о общественнôмъ поведенію; спѣвъ и игра на клавирѣ и пр. Кождого года въ Априлю подаетъ выдѣлъ выставку школьныхъ издѣлій, съ свободнымъ вступомъ для тысячей посѣтителей. Года 1874 заведенъ былъ тоже съ великимъ успѣхомъ практическій курсъ заосмотриванія немощныхъ; до теперь было на тыхъ преподаваніяхъ до 300 слушательницъ. Въ магазинѣ швейнôмъ общества снаходитъ занятіе до 50 женщинъ. Вообще общество дѣйствуетъ практически; безплатное информаційное бюро общества, посредничаетъ въ заниманію и подаванію свободныхъ мѣстъ роботныхъ. Дѣловодство общества занимаетъ тоже не мало лицъ. Сотки женщинъ вернули изъ того мѣста на родину съ отвѣтными знаніями для домашного дѣла, промысла и т. д, сотки несчастныхъ женщинъ снайшли тутъ совѣтъ, помощь и охорону.

Въ Празѣ существуютъ дальше слѣдующіи женскіи общества: 2) „Женское общество им. св. Людмили“ основанное года 1851, росходовуетъ на свои цѣли пересѣчно на годъ 6000 злр. Общество поставило собѣ задачею, воспитовати и подати науку и средства къ честному труду, убогимъ дѣвочкамъ, остающимъ безъ всякой иной помощи, особенно же сиротамъ. Въ промышленной школѣ того общества, существовавшой до г. 1885, а розвязанной послѣ во виду основанной того-же года городской женской школы дополнительной, обучалось годично до 250 дѣвочокъ безплатно. Послѣ закрытія школы общество основало сиротинскій домъ, въ которôмъ снаходятъ безплатное помѣщеніе 14 сиротъ. Убогимъ роботницямъ даетъ общество пособія; въ минувшôмъ году получило 460 убогихъ родинъ поддержку ôтъ общества. Членскій вносъ выноситъ 4 злр. — 3) „Чешско-американскій союзъ дамъ въ Празѣ“, основанный г. 1865, является обществомъ вспомагательнымъ а разомъ и дѣйствуетъ въ процвѣтаніе патріотизма у чешскихъ женщинъ. Къ роспорядимости клюба стоитъ богатая 36.000 томôвъ обнимающая библіотека чешского патріоты Наперстка; пользуючись тою библіотекою, общество дѣйствовало въ пользу розвитія читаленъ, хорового пѣнія и ôтчитôвъ, которыхъ до теперь за стараніемъ общества дано было 475, неоднократно съ выставками обговориваемыхъ въ ôтчитѣ предметôвъ. Общество аранжуетъ тоже научныи посѣщенія заведеній промышленныхъ, добродѣтельныхъ, науковыхъ и пр. Слушательницъ, присутствовавшихъ до теперь на всѣхъ ôтчитахъ, было разомъ 26.750, участницъ же въ научныхъ посѣщеніяхъ 8.563. Общество подняло 283 екскурзій до памятныхъ недалекихъ мѣстъ (участницъ было 5792), кромѣ того 50 дѣтскихъ фестинôвъ. До теперь получило ôтъ общества, 7470 дѣтей даромъ одежу и обѣдовыи карточки. Въ порахъ брани дамы того союза собирали и доставляли въ больницы для ранныхъ воинôвъ шарпы и пр. Съ членскихъ вносôвъ и добровольныхъ жертвъ возросло имѣніе общества до 30.000 злр., изъ которыхъ проценты употребляются въ настоящую пору на удерживаніе сиротъ. — 4) Гимнастическое женское обще-

ство въ Празѣ“ основанное г. 1869, съ членскимъ вносомъ 1 злр. въ годъ, состоитъ не лишь мѣстцемъ упражненій гимнастическихъ для членôвъ общества, но подаетъ тоже теоретическую науку упражненій ортопедичныхъ для будущихъ учительницъ; въ комнатахъ общества ôтбываются тоже безплатныи курсы практическихъ тѣлоупражненій для школьныхъ дѣвочокъ. На свои цѣли роздаетъ общество годично до 1000 злр. Года 1878 издала д-ця Ганушова „Гимнастическій подручникъ для женщинъ.“ — 5) „Либуша, въ Празѣ“ основанная г. 1871 есть обществомъ литературнымъ, которое въ настоящую пору маетъ 10.000 членôвъ. „Либуша“ издаетъ въ чешскôмъ языцѣ дешевыи книги ублагородняющого содержанія для семейныхъ кружкôвъ, (годично 7 выпускôвъ.) До теперь роспространила „Либуша“ изъ своихъ изданій 1.200.000 примѣрникôвъ. — 6) „Общество чешскихъ учительницъ въ Празѣ“ основанное г. 1874, поставило собѣ цѣлью, улучшати матеріальный бытъ учительницъ и способствовати воспитательнымъ знаніямъ. Отвѣтно своей цѣли подаетъ общество изъ своего имѣнія пособія инымъ добродѣтельнымъ обществамъ якъ: Обществу къ воспомаганію остающихъ безъ матеріальныхъ средствъ кандидатокъ, Матицѣ школьной, Союзу Коменского и пр.; въ членскôмъ кружку ôтбываются два разы мѣсячно ôтчиты, кромѣ того даетъ общество годично 4 публичныхъ ôтчитôвъ въ пользу „Женского промышленного общества.“ Слѣдуетъ примѣтити, що учительницы въ Чехіи маютъ даже свою часопись »Časopis učitelek.“—7) „Маріанское общество женщинъ въ Празѣ“ даетъ своимъ членамъ грошевыи подпомоги въ случаяхъ недуги. — 8) „Общество къ воспомаганію кандидатокъ учительскихъ“ въ Празѣ, (1875) выдаетъ годично, яко пособія, выше 1000 злр. 9) „Охорона оставленныхъ и подупавшихъ женщинъ“ въ Празѣ (1885); въ асильныхъ домахъ общества, состоящого изъ 600 членôвъ, находятъ прибѣжище годично 20 дѣвочокъ. Общество издало брошуры: »Apostol opustené mládéže“ Паздерниковой, „Na povzbuzeni divkám« и „Ochrána chudé a opustené mládeže« Ригеровой. Годичный росходъ выноситъ 5.000 злр. 10) „Домачность“ (чешская школа кулинарская) въ Празѣ (1885). Цѣль общества: воспитовати чешскіи женщины въ духу домашнôмъ и обучати ихъ во всѣхъ отрасляхъ домашного господарства. Общество издаетъ тоже печатныи подручники; межи иными издана полная „Kucharská kniha.“ — 11) „Domovina“ въ Празѣ (1886) дѣйствуетъ тоже яко добродѣтельное общество и выдаетъ на свои цѣли (нѣщо въ родѣ колоній вакаційныхъ) годично 8.000 злр. — 12) „Союзъ школьный“, къ которому принадлежатъ, яко члены, и дамы, дѣйствуетъ вообще въ пользу школьныхъ дѣлъ а особенно мѣстныхъ, ново возникающихъ школъ.—13) „Минерва“ общество для женскихъ студій въ Празѣ, основанное года 1890, удерживаетъ первую зъ ряду въ Австріи середную школу для женщинъ, подпомагаетъ дѣвочкамъ, ôтдающимся высшимъ студіямъ и вообще ставляетъ требованіе, щобы женщины законно были припущены къ университетскимъ студіямъ.

Не меньше жизненная дѣятельность межи женщинами проявляется и въ иныхъ городахъ Чехіи, Моравіи и словацко-чешской области. Тутъ встрѣчаемъ майже въ каждôмъ бôльшомъ городѣ женское общество. И такъ существуютъ дальше въ тыхъ областяхъ женскіи общества: 14) „Общество добродѣтельныхъ дамъ къ подпомаганію школьной убогой молодежи въ Кутной-Горѣ“ (1857) роздаетъ дары молодежи въ Листопадѣ и въ день имянинъ протекторки общества, имп. Елисаветы. Въ той день даютъ воспитательницы высшихъ клясъ монастырской школы, театральныи представленія. — 15) „Дамское пѣвческое общество ‚Людмиля‘ въ Пардубицяхъ“, основанное года 1865, плекаетъ пѣніе, предовсемъ чешское, даетъ концерты, пѣвческіи вечерки и ôтчиты, пособствуетъ музычную литературу, доставляетъ занятія убогимъ дѣвочкамъ, есть членомъ Народного Театра и городского театра въ Пардубицяхъ. Промышленному женскому обществу даетъ изъ своего имѣнія 100 злр. — 16) „Общество дамъ им. св. Людмили въ Іиндрих. Градци“ (1867) удержуетъ собственную школу ручныхъ роботъ и заосмотряетъ воспитанницы въ полную одежу, даетъ имъ дары Рождественскіи и пр. — 17) „Общ. св. Людмили въ Карлинѣ (1867) заосмотряетъ школьную молодежь въ одежу и обувь, даетъ годично 100 злр. на колоніи вакаційныи и удержуетъ 12 сиротъ, посѣщающихъ школу въ Карлинѣ.—18) „Пѣвческое общество дѣвицъ ‚Вила‘ въ Илемницѣ“ (1868); цѣль общества: естетическое розвлеченіе, предовсемъ спѣвъ, продукціи, зъ которыхъ чистый приходъ идетъ для убогой молодежи. Наука пѣнія ôтбывается правильно два разы въ седмицю.

19) „Живена“ общество чешско-словацкихъ женщинъ въ Туроч-Мартинѣ (на Угорщинѣ), основанное г. 1869, маетъ до 1000 членôвъ, издало два альманахи п. з. „Живена“ а г. 1887 устроило своими издержками выставку словацкихъ вышивокъ. Дѣйствуетъ тоже яко вспомагательное общество. — 20) „Общество дамъ въ Хрудимѣ“ (1869) даетъ вкладки для иныхъ добродѣтельныхъ обществъ, къ достиженію своей цѣли даетъ въ зимѣ 12 вечеркôвъ, нѣсколько ôтчитôвъ, плекаетъ литературу, музыку, пѣніе и вообще беретъ участіе во всѣхъ народныхъ дѣлахъ, манифестаціяхъ и пр. — 21) „Властимиля“ въ Простѣевѣ (1869) даетъ вкладки на добродѣтельныи цѣли, плекаетъ науку, литературу и пѣніе, устроиваетъ концерты. — 22) „Весна“ литературное и промышленное женское общество въ Бернѣ Моравскôмъ, основанное г. 1870, роспоряджаетъ бôльшимъ имѣніемъ, маетъ собственный домъ въ цѣнѣ 34.000 злр., дѣйствуетъ подобно якъ въ Празѣ „Промышленное женское общество.“ Сейчасъ съ начала своего существованія основала „Весна“ пѣвческую школу для дѣвочокъ, для членôвъ курсъ упражненій въ чешскôмъ языцѣ, года же 1886 дополнительную школу для дѣвочокъ, первую въ Моравіи. „Весна“ доставила на нѣкоторыи выставки ручныи роботы и получила отзначеніе. Для членôвъ устроиваются ôтчиты, года же 1882 издала „Весна“ Сборникъ ôтчитôвъ. Въ библіотецѣ и читальнѣ общества находится 12000 книгъ. Общество устроиваетъ музычныи вечеры, деклямаціи, выставы школьныи, базары, плекаетъ народное пѣніе, и народныи танцы, изготовляетъ одежь для убогой школьной молодежи, ôткрыло безплатное информаційное бюро для посадъ.

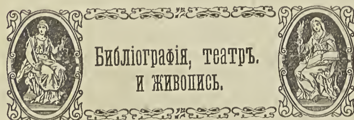
23) „Школьное общество“ (женскій отдѣлъ) въ Хрудимѣ (1870) даетъ безплатныи обѣды для учащихся дѣвочокъ, устроиваетъ колоніи вакаційныи для учениковъ всѣхъ школъ Хрудимскихъ.— 24) „Зора“ женское общество въ Таборѣ, основанное г. 1870, устроило до теперь къ достиженію своей цѣли (воспомаганіе убогой школьной молодежи) 45 концертôвъ, 46 научныхъ ôтчитôвъ, одинъ базаръ въ пользу Народного Театра въ Празѣ и одинъ базаръ въ пользу Матицы Школьной. Удержуетъ читальню, библіотеку и принимаетъ у себе колоніи вакаційныи изъ Праги. — 25) „Властимиля“ въ Высокôмъ (1870) есть пѣвческимъ женскимъ обществомъ, устроиваетъ театральныи представленія и екскурзіи въ окрестность. — 26) „Людмиля“ въ Рокичанахъ (1870) употребляетъ свое имѣніе на розличныи добродѣтельныи цѣли. — 27) „Женскій евангелическій союзъ“ въ Хочни, дальше – 28) „Добродѣтельный евангелическій союзъ“ въ Колинѣ и — 29) „Добр. общ. въ Початкахъ“ дѣйствуютъ подобно якъ „Людмиля“ въ Рокичанахъ.

30) „Сиротинскій домъ“ въ Ічинѣ (1871); многіи сироты получаютъ даромъ харчъ, прочіи платятъ за харчъ 2 кр. въ день. — 31) „Либуша“ пѣвческое общество въ Пачовѣ, (1871), устроиваетъ концерты, вечерки и доходъ употребляетъ на подаваніе дешево-

го харча для школьной молодежи. — 32) „Союзъ добродѣтельныхъ дамъ въ Устью надъ Орлицею“, — 33) „Либуша“ въ Сланôмъ (1871) и — 34) „Пѣвческо-добродѣтельное общество „Добромиля“ въ Пржибрамѣ (1872) — дѣйствуютъ подобно якъ „Либуша“ въ Пацовѣ. — 35) Женская читальня „Лада“ въ Нимбурку (1872) выжичаетъ членамъ книги изъ своей библіотеки, участвуетъ въ народныхъ торжествахъ, состоитъ членомъ-основателемъ Народного Театра въ Празѣ и многихъ иныхъ обществъ. — 36) „Дамскій пѣвческій союзъ „Славы Дчера“ въ Градци (1872) стремитъ къ поднесенію патріотизма, народного духа и естетического образованія у членôвъ. — 37) „Тетинъ“ въ Устью надъ Орлицею (1872) образуетъ членôвъ во всѣхъ отрасляхъ домашного господарства, устроиваетъ ôтчиты, базары, концерты и пр.“

(Прод. посл.)

Фавстина Галичанка.



„Русской бібліотеки“ издаваемой И. Н. Пелехомъ во Львовѣ, выпуски VII и VIII за мѣсяцы Юлій и Августъ, содержатъ окончаніе романа Г. Данилевского п. з. „Мировичъ.“ Такимъ способомъ читатели „Русской библіотеки“ въ послѣднихъ ей выпускахъ получили три знаменитыи и прекрасныи историческіи розсказы а именно А. К. Толстого „Князь Серебрянный“, Марлинского „Наѣзды“ и Данилевского „Мировичъ“. Подписная цѣна на „Русскую библіотеку“ выноситъ 2 злр. 40 кр. въ годъ за 12 ежемѣсячныхъ выпускôвъ.

„Церковь и приходъ св. Варвары въ Вѣдни, очеркъ Петра Полянского. Библіотека „Нового Галичанина“ ч. 2. Львовъ. 1891. Цѣна 40 кр.“

БИБЛІОТЕКА „НОВОГО ГАЛИЧАНИНА“.

1) „Литературно-гумористичный сборникъ“ 1889. Цѣна 20 кр.
2) „Церковь и приходъ св. Варвары въ Вѣдни“ 1891. Цѣна 40 кр.
3) „Древніи фундаціи церковныи и древніи родины священническіи“, очеркъ Дра Исидора Шараневича. (Въ печати).
4) „Месть Роксоляны“ романъ Петра Полянского 1891. Цѣна 1 злр. 50 кр.

„Галицко-русская Библіографія XIX-го столѣтія, дополненная русскими изданіями вышедшими въ Венгріи и Буковинѣ (1801—1886) составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Выпускъ XIX. (Тома II-го выпускъ XII). Львовъ. Изданіе автора.“ Появившійся на дняхъ выпускъ содержитъ окончаніе года 1876 и годъ 1877. Якъ при прочихъ выпускахъ, такъ и въ предлежащôмъ поднести слѣдуетъ яко особенно цѣнный библіографическій матерьялъ, указатель тыхъ розсужденій, дописей и пр.. которы обняты въ журналахъ и періодеческихъ публикаціяхъ. Года 1877 появились слѣдующіи виднѣйшіи отдѣльныи изданія: „Церкви русскіи въ Галиціи и Буковинѣ“ Θеодора Бѣлоуса, „Народныи розсказы“ Марка Вовчка, въ трехъ томахъ, „Карпатская Русь“ Якова Головацкого и пр.

Розвязка загадки-часосказа на стр. 172.

Я
Д К
Я О
Р С
У О
М С
А

1, 2, 3, — косъ
2, 3, — ось
3, 4, 5, — сосъ
4, 5, 6 — оса
5, 6, 7, — самь
6, 7, 8, 9, — амуръ
7, 8, 9. — муръ
8, 9, 10, 11, — урядъ
9, 10, 11, — рядъ
10, 11, — ядъ
11, 12, 1 — дякъ
12, 1, — якъ.

ХОДЪ ШАХМАТНОГО КОНЯ.

	И	Б	
О	Е	К	Х
Ц	Н	Н	Д
Л	Г	М	І
	Й	А	

Буквы, связанныи ходомъ шахматного коня, дадутъ имя извѣстного козака.

Издатель-редакторъ: ПЕТРЪ ПОЛЯНСКІЙ.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.

Ч. 17. Рочн. III. ЛЬВОВЪ. 1. (13) Вересня 1891.

Адресъ редакціи: Львовъ, улиця Гончарская ч. 15.

Выходитъ 1 и 15 дня кождого мѣсяця въ объемѣ 1—2 печатныхъ листôвъ.

Предплата цѣлогодичная выноситъ 5 злр. полугодичная 3 злр.

На подолью.

Изъ пригодъ жениха.

(Продолженіе).

Банковичъ выйшолъ.

„Вѣроятно“ говорилъ до мене контролоръ, вытрепуючи попелъ изъ люльки, „вѣроятно у него а не у кого иного будетъ даный вечерокъ, ôнъ бо свѣтъ цѣлый перевернетъ а доведетъ до того.“

Я началъ проходжати по комнатѣ и наконецъ былъ я приневоленъ, спросити контролора, нѣтъ ли у него пенекспелера.

„Пенекспелера? Ну, до чого?“

„Зубы начинаютъ рвати. Вѣроятно изъ вчерашного вѣтра. У мене то частѣйше случается.“

„Сильно?“

„Нѣтъ, то приходитъ обыкновенно скоро.“.

„Експелеръ у мене есть, попробуйте.“

Я взялъ, якъ обычно, нѣсколько капель и вскорѣ боль въ части уступила.

„Пойдемъ пройтись“ сказалъ я теперь къ контролору.

„Хорошо, но ваша боль?“

„Вже проминула, лишь платкомъ обвяжу.“

„Славно“ началъ контролоръ, надѣваючи шубы „кажу вамъ, мы пустимъ новую електричную искру межи нашихъ сосѣдôвъ.“

„Яку-жь?“

„Ваша боль зубôвъ; будетъ то становиги событіе дня!“

„Не понимаю.“

„Пройдемся лишь по улицѣ а познаете сейчасъ. Вѣсть о тôмъ событію мигомъ розойдется по всему городу. Возникнетъ современный вопросъ, чи вы въ такôмъ положенію возьмете участіе въ вечерку! Быти или не быти? Обвяжѣтъ же ваше лице примѣрно чорнымъ платкомъ. А такъ!“

Мы выйшли на улицю. На скрутѣ мы замѣтили извѣстного гога съ фіялковою вонею. Ôнъ смѣялся въ голосъ и держался за боки а при тôмъ осторожно перебирался на другую сторону улицы, на которой снѣгъ начался былъ топити. Вскорѣ однакъ ôнъ узрѣлъ насъ и приблизился къ намъ.

„Витайте“ кричалъ ôнъ „витайте, а то я розойдусь якъ банька изъ смѣху.“

„Що-то веселого зачули?“

„Хе, хе... Ветеринаръ... медвѣдь... Шопка кольосальна!... Передъ хвилею

Старинныи малорусскіи уборы.

16—17) Уборы дѣвицъ изъ знатного рода. — 18) Мѣщанка.

видѣлся я съ банковымъ директоромъ... Медвѣдь... Ой, ой... Удавлюсь... Но що я вижу, (свернулся ôнъ до мене), у васъ боль зубôвъ?"

„Такъ, немного."

Ôнъ принялъ серьознѣйшій выразъ лиця.

„Изъ перетягôвъ," говорилъ Гого съ мною знатока „возьмѣтъ лишь немного морфины... Найлучше!... Повѣрьте!... У мене есть одна тетка.. У ней часто зубы не дописуютъ... Возьметъ морфины немного и якъ бы ôтнялъ. Кажу вамъ найлучше. Що вы! Тамъ въ урядѣ — перетяги! Казаматы, гамарни, ятки — не урядъ судовый!"

„Що тамъ ятки — псярни, скажѣтъ, наши урядовыи зданія!" озвался голосъ за нами.

Былъ то кассіеръ.

„Ну прошу васъ" началъ кассіеръ до насъ всѣхъ „осудѣтъ сами, чи я виноватъ? Чого хочетъ у мене банковичъ?"

Гого положилъ руку на его рамя.

„Любезнѣйшій, та жь мы знаемъ, чимъ есть банковичъ!" говорилъ Гого. „Ôнъ, межи нами сказавши, и не долженъ бы входити въ наше общество."

„Очевидно нѣтъ," отвѣчалъ кассіеръ. „Такій доробкевичъ! Якъ кажутъ, давно гуси пасъ, потомъ сѣрники продавалъ па львовскôмъ бруку, а теперь внадился тутъ насиліемъ. На балю ему бы келнеромъ быты не гостемъ."

„Оче...вид...но" говорилъ Гого, хитаючись, по своему узвычаенію, зъ одной ноги на другую.

„Я въ чужіи дѣла не вхожу. Чогожь хочетъ ôтъ мене? Такій бандита! Ему бы въ лѣсахъ въ опрышки записатись, не тутъ ликвидовати до своей касы. Говорилъ мнѣ властитель камяницы, въ которой банковичъ обитаетъ. Кажетъ, два кварталы уже чиншу не платитъ. Выкиньте, кажу, и конецъ! Ано! Таку бочку еще будете годовати!"

„Ну, до свиданія" сказалъ контролоръ, „мы спѣшимся."

„До свиданія! Пождѣтъ же! Що то у вашого гостя? Зубы? Ой тіи зубы! Вы лишь послухайте мене. Средство выпробованное — горячая вода, горячіи оклады, горячій чай и перина, а уступитъ сейчасъ. Беру отвѣчательность на себе. Мôй братъ — есть адьюнктомъ судовымъ — часто дознаетъ того несчастья, и ничо не помагаетъ, лишь то, що вамъ я сказалъ. А скоро то сдѣлайте, якъ-же? Баль сближается а вамъ въ танецъ ити, не за печею сидѣти."

Мы розстались. Гого еще разъ обратился къ намъ.

„А, правда, чули вы за того канарка, що то бѣжалъ Розаліи изъ клѣтки?... Егемъ... ка...на...рокъ... бѣжалъ!..."

Мы пустились дальше. Передъ нами тягнулись сельскіи сани съ сѣномъ; мужикъ вѣроятно привезъ сѣно на продажь. Смотримъ — сани пристанули. Въ мигъ сбѣглось коло саней бôльше жидовскихъ козъ, которы и такъ всегда по при домы шастались. Козы начали скубати сѣно. Мужикъ трепнулъ ихъ бичемъ. На то сбѣглась цѣлая толпа жидôвъ и началась на улицѣ борьба. Мужикъ шамотался межи пейсатыми евреями.

„Гей, а то що!" крикнулъ контролоръ, коли мы прійшли до того мѣста.

Теперь доперва жиды оглянулись и начали по одному ôтступати. Къ счастью всѣ выйшли цѣло. Намъ однакъ на встрѣчу по другой сторонѣ воза такъ-же ожидали перехода три дамы. Была то жена аптикаря съ двома дочерями. Они вѣроятно ишли на проходъ. Контролоръ привиталъ ихъ. Мати была еще на добре въ претенсіяхъ а дѣвочки полнолицыи сейчасъ ôтъ первой хвили задерли въ гору носики, значилось: „не боюсь тебе."

„Якъ же давно мы не бачились" начала аптикарка до контролора, „но простѣтъ, я и не замѣтила, що вы съ товаришемъ."

„Н. Н. мôй сродникъ."

„Пріятно мнѣ, познати. О! Чи не зубы?"

„А такъ! Не въ пору!"

„Правда, що не въ пору, баль сближается. Но то вамъ не помѣшаетъ. На баль требуется ногъ не головы."

„Если такъ" шутилъ контролоръ, „то и я, щобы сдѣлати конкуренцію якому дансеру попрошу еще вашу дочерь въ кадриль."

„Вы неразъ задаетесь, а то вы бы побѣдили еще и молодого! Лишь другіи старыи васъ ôттягаютъ. А вы ихъ не слухайте и идѣтъ въ танецъ. Що до моихъ дочерей, то я вѣроятно оставлю ихъ дома За рано еще имъ гуляти."

„Где-жь можна!..."

„Говорю безъ шутокъ."

„Якъ-же? Такіи цвѣточки, щобы дома остали!"

„А такъ!"

„Госпожа того не сдѣлаютъ!"

„Чому нѣтъ!"

„Немыслимо!"

„А однакъ такъ будетъ!"

„Яка-жь причина?"

„Еще имъ не пора гуляти."

„Въ такôмъ случаю бѣдняжки будутъ въ слезахъ дома росплыватись. Не дѣлайте того! Возьмѣтъ ихъ. Былобы непростительно."

„Еще увижу. Зачимъ розойдемся нынѣ, еще дамъ одинъ совѣтъ вашому гостю: прочь съ всякими докторскими лѣкарствами! Старого держѣтся! Возьмѣтъ синапизмы а сейчасъ боль уступитъ. Моя бабка все то употребляла! Пращайте!"

„Длятого, що синапизмовыи карточки сорозмѣрно еще найбôльшую цѣну маютъ въ аптицѣ" сказалъ ко мнѣ изъ тиха контролоръ, коли мы роспращались съ аптикаркою. „Кудажь вы скручаете? На тую уличку, где Шлойма. Позвольте, тая уличка просто маетъ въ собѣ що-то такъ соблазнительного, що человѣка и притягаетъ и не отдѣлаешься. Примѣромъ и теперь, послухайте, якая-то пѣснь звучитъ въ комнатѣ Шлоймы? А що? Чешская бирбантація! ‚Утри уса, утри браду, подай шклянку камераду!' То наши тамъ суть. Лѣкарь и здается бурмистръ. Чи то не соблазнительно? Поневольно ноги сами туда провадятъ."

И мы сновь зайшли до Шлоймы...

На другій день намъ якъ-то не обыкновенно шумѣло въ головѣ. Доперва селедецъ устранилъ той шумъ.

*

* *

„Що тамъ за звонки? Кто-то заѣхалъ до мене?" говорилъ контролоръ, вставши изъ софы и поглядаючи въ окно. (Мы по обѣдѣ переглядали гдеякіи журналы.) „Дѣйстно, и то дамы! Ну, прошу, якая прелесть! Кто бы то могъ быти. А може не до мене. Лишь хомуты у коней порвались, то и станули. Нѣтъ! То жена судьи и вдова-емеритка. Сунутъ до мене. Искушеніе! Що за визита!"

Контролоръ натягнулъ скоро жакетъ и поступилъ къ дверемъ.

„Мы може мѣшаемъ?" озвались женскіи голосы.

„Нѣтъ, прошужь!"

„Бо въ ту пору то мужчины обыкновенно дѣлаютъ собѣ комотно."

„Прошужь! Мôй сродникъ, а тутъ свѣтникова и госпожа Н."

Дамы зъ высока склонили головки. Одна, жена судьи а въ жаргонѣ городскôмъ совѣтникова, была ни то пристарѣлая, ни ôтмолоднѣлая, належала до того рода женщинъ, на видъ которыхъ не знаешь сказати, чи женщины вообще коли суть молодыми и чи старѣются. У ней были льочки. Въ ушкахъ золотыи обручи муринского крою. Другая, вдова-емеритка, задавалась незмѣренно высокодостойною.

„Я вижу, що мы перервали сіесту" начала совѣтникова.

„Позв..." отвѣчалъ контролоръ, но ему не дали и прійти къ слову.

„Тіи мужчины! А еще безженныи! Еслибъ я была министромъ, я бы сейчасъ все свела на иный ладъ, на ладъ по крайной мѣрѣ, европейскій, отвѣчающій понятіямъ нашого столѣтія Я завела бы принудительную женитьбу — въ противнôмъ случаю податокъ такъ высокій, що —"

„Мы уже —"

„Такъ высокій, що ôтхотѣлось бы сейчасъ кождому марновати время и сидѣти по касинахъ, въ билярды грати а може и въ четыре асы."

„Однакъ —"

„Знаю я васъ, знаю всѣхъ муж-

чинъ! У васъ пиковая дама бôльше значитъ, чимъ яка Амалія, каровая дама, бôльше чимъ карыи очи! Я бы издала министеріальный рескриптъ, щобы всѣ касина мужескіи были затворены, запрещены —"

„Въ такôмъ случаю —"

„Безъ изъятія затворены! Ну, вы улыбайтесь, а я кажу вамъ, що въ будущности до того мусить прійти. А тымчасомъ мы приступѣмъ до дѣла. Мы прійшли — правда, еще о що иного я маю васъ спросити. На баль идете?"

„Якъ —"

„Не вывивайтесь, нѣтъ!"

„Я —"

„Мусите йти! И то не лишь ити, но и въ танецъ ити. Може будете извинятись?"

„То —"

„Лишь щобы выкрутитись! Чого такъ боитесь танцю?"

„Вы —"

„Мы дамы, васъ не съѣмо!"

„Очевидно —"

„Очевидно, що по крайной мѣрѣ до послѣдного мазура мене заангажуете."

„Найохо —"

„Може коша мнѣ даете? Хочете сказати: чому ажь до послѣдного, чому не до первого. Длятого, щобы вы цѣлую ночь были на салѣ. А то утѣкли бы! Такъ всѣ мужчины! Одну туру вальса, а часомъ еще и обовязкового, и выкрадаются тихонько изъ сали, якъ тіи малыи лисы изъ загороды. И може скажете, до себе вертаютъ, бо тамъ семья ждетъ. Где тамъ! До вашого славетного Шлоймы затворятся въ комнатку и теркотаютъ безъ мѣры! А потомъ еще и карточки! А мы вамъ предложимъ о тую карточку."

Совѣтникова розвинула якій то бôльшій листъ паперу.

„Читайте: При...гла..ше..ніе на та...роч...ка. Вамъ бы то всѣмъ мужчинамъ хотѣлось такъ читати. Тымчасомъ тутъ написано: „Субскрипція на потерпѣвшихъ ôтъ пожара въ селѣ Н."... Благодаримъ, благодаримъ за такъ щедрый даръ... Не перерываемъ сіесты. До свиданія. А памятайте, г. контролоръ, на послѣдного мазура. Скажу вамъ еще одинъ секретикъ на ухо: на вечерку представьте мнѣ якого молоденького дансера. Не улыбайтесь, а своимъ путемъ и вы залюбѣтся въ якой молоденькой женщинѣ, лишь не во мнѣ!"

Наконецъ они выйшли уже. Контролоръ началъ накладати люльку.

„Якая прелесть" говорилъ ôнъ, „видишь якіи! Е, розщебеталась! Искушеніе просто! А еще тіи льочки! И въ кадриль еще иди съ нею! Кажу, искушеніе!"

Я стоялъ при ôкнѣ и поглядалъ за уѣзжающими дамами. Вся наружность совѣтниковой сдѣлала на мнѣ нѣкое впечатлѣніе и въ ту хвилю я перелетно роздумовалъ надъ тымъ, якую жену я скорше желалбы мати. Тихую ли, мечтательную, подобіе ангела, или такую, примѣромъ, щебетюшку. Такъ думаючи я поглядалъ на улицю. Смотрю, на скрутѣ четырехъ мужчинъ покланялись дамамъ и поступали дальше къ нашому дому.

(Прод. посл.)

—•—

Хорватская Матиця.

Общое годичное собраніе „Хорватской Матицы" ôтбылось въ Загребѣ пôдъ предсѣдательствомъ Тадея Смичикляса. Предсѣдатель сконстатовавши, що въ салѣ явилось требуемое статутами число членôвъ, ôткрылъ собраніе слѣдующою рѣчью:

„Свѣтлое собраніе! Честь припала мнѣ привитати членôвъ нашого общества и поблагодарити имъ за то, що такъ численно изволили явитись за нашимъ отзывомъ въ Матичное собраніе. По моей должности въ первыхъ зазначити мушу, якъ печальною вѣстею была для насъ кончина одного изъ первѣйшихъ хорватскихъ поетôвъ, давнѣйшого многолѣтного предсѣдателя „Иллирской Матицы", славного Ивана Мажуранича. Уже въ первыхъ лѣтахъ дѣятельности Матицы ôнъ трудился надъ изданіемъ Гундуличевого »Османа« разомъ съ Вѣкославомъ Бабукичемъ. Ôнъ наконецъ сполнилъ великое поетическое дѣло, пополнивши недостающіи части того цѣнного сочиненія Гундулича. Мажураничъ побѣдилъ всякіи недостатки имитаціи. Обыкновенно имитаторы не достигаютъ первовзора. Но Мажураничъ сложилъ двѣ пѣсни въ духу Гундуличевой поезіи такъ, що многіи даютъ ему еще и первенство передъ Гундуличемъ. Поглядъ того поета въ славянскій свѣтъ есть вправдѣ еще яснѣйшимъ ôтъ погляду Гундулича, но отвѣчаетъ вполнѣ его духу. Словамъ Гундулича, ôтносящимся до старця Любдрага, отвѣчаютъ юными идеями того столѣтія пропитанныи слова Мажуранича »O slovinska zemljo lepa.« „О хорошая славянская земля! Чимъ прогрѣшилась ты передъ небомъ, чимъ заслужилась на такіи удары и страданія? Сыны твои, давно владѣтели и повелители, теперь рабами и безоружными послужниками! Проклятый, кто питаетъ вражду къ славянскимъ братьямъ, а цѣлое несчастье возникаетъ у насъ лишь изъ той вражды." Немногими словами воспѣлъ тутъ поетъ судьбу своего народа. Не наша то задача, говорити о тыхъ свойствахъ, якіи величаемъ въ прочихъ поемахъ автора „Ченгичъ-Аги." Мы упомнемъ тутъ о добѣ его дѣятельности яко предсѣдателя „Матицы." Въ пору найбôльшого угнетенія, во время горького нѣмецкого абсолютизма припадаетъ его предсѣдательство. Сломаный былъ народъ великимъ напоромъ, нѣмеччина залила всю нашу отчину, продиралась въ обители, затровала хорватскую дружину. Слѣдовало спасати, що могло быти спасенымъ.

„Матиця" взяла пôдъ свои крыла „Невен", литературный журналъ, въ которôмъ участвовали всѣ тогдашніи дѣятели. Радо принялъ его весь хорватскій народъ и благодарный былъ предсѣдателю „Матицы" за его трудъ. Но при тôмъ и новая, по причинѣ необъяснимая, потеря! Никто не знаетъ подати причину, по которой Мажураничъ ôтъ той поры уже бôльше не выступалъ съ поетическими плодами своего духа. — Передъ геніемъ его склонятъ голову и тіи, которы не радо склоняются и передъ заслугами и передъ могучими душевными силами. Кончимъ послѣдними его словами, которы ôнъ явно высказалъ: „Вѣруемъ въ минувшость, теперѣшность и будущность Хорватів." Слава найбôльшому хорватскому поету новой добы и бывшому предсѣдателю „Матицы" Ивану Мажураничу. — Того года скончался тоже кардиналъ-архиепископъ Іосифъ Мигаловичъ. Передъ своею кончиною пожертвовалъ въ пользу Матицы два тысячи злр. Ôтъ краевого управительства получила Матиця за текущій 1891 годъ, годичное пособіе 1300 злр. а именно, 1000 злр. на издаваніе Матичныхъ книгъ, 300 же злр. на дальшое издаваніе „Переводôвъ греч. и римскихъ кляссикôвъ." Въ имени Матицы складаю управительству благодареніе, якъ тоже благодарю тымъ членамъ, которы трудились при издаванію нашихъ книгъ. Поздравляючи еще разъ свѣтлое собраніе, прошу г. секретаря, дати отчетъ о дѣятельности „Хорватской Матицы" въ минувшôмъ году."

Послѣ произнесъ секретарь общества, Иванъ Костренчичъ слѣдующій отчетъ:

„Матиця Хорватская" издавши на годъ 1890 обычное число книгъ, исполнила тымъ головную вложенную ей послѣднимъ собраніемъ свою должность. Въ теченію минувшого года изданы были „Матицею" слѣдующіи книги:

А) Яко годичныи изданія для членôвъ „Матицы" появились сочиненія:

1) Hoić: Slike iz obćega zemljopisa. Knjiga druga. (Poucne knjižnice knj. XV).

2) Tomić Herm.: Zabluda matere. Igrokaz. (Zabavn. knj. CXXIV—V.)

3) Matavulj: Iz primorskog života. Pripovjetke. (Zabavn. knj. CXXVI—CXXVIII.)

4) Preradović: Izabrane pjesme. Uvod napisao Milivoj Srepel.

5) Tordinac: Odabrane crtice i pripoviesti. S uvodom. (Zab. kn. CXXIX—XI.)

6) Sandor-Gjalski: Na rodjenoj

grudi. Ladanske slike. (Zab. kn. CXXXII —IV.)

7) Lopasić: Bihać i Bihaćka krajina. Mjestopisne i poviestne crtice.

Б) Накладомъ „Матицы" появилась отдѣльная книга:

Demosten: Izabrani govori. Preveo, Uvod i biljeske napisao Stj. Senc (»Prjevoda greckih i rimskih klasika« osmi svezak.)

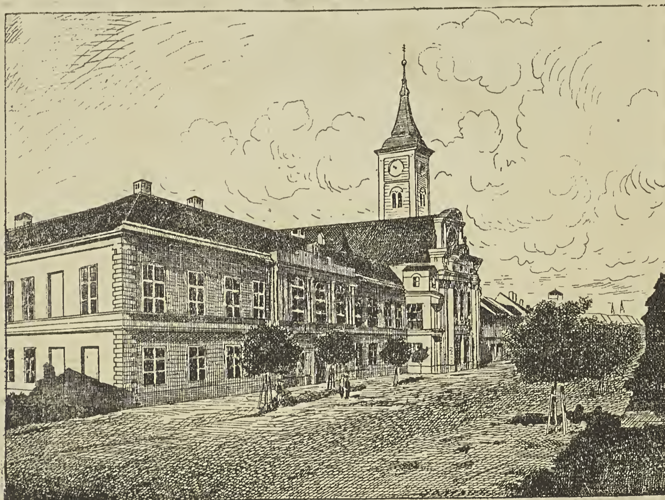
Кождая изъ годичныхъ Матичныхъ книгъ печаталась въ 7.800 примѣрникахъ (для членôвъ) а еще сверхъ того печатанныи примѣрники розойшлись за стараніемъ членôвъ Выдѣла. За текущій годъ книги уже печатаются, а будетъ ихъ разомъ осьмъ до десять. Межи иными приготовлено къ печатанію проф. Оттона Кучеры: »Crte o magnetizmu i elektricitetu«, проф. Ф. Валла »Povjesti srednjega vieka«, сборникъ »Slike iz svjetske književnosti« въ которôмъ будутъ поданы біографіи Байрона, Пушкина, Мицкевича, Виктора Гюга, Колляра и Леопардія.

„Матиця Хорватская" издаючи сочиненія живущихъ писателей, не позабыла и на давнѣйшую литературу, въ особенности иллирійской добы, такъ якъ уважала своею обовязанностію, познакомити ширшую публику и съ давнѣйшими произведеніями литературными, которыхъ прежніи наклады уже исчерпаны. Тутъ принадлежатъ сочиненія Димитрія Деметра, Стооса, Нѣмчича, Блажека, Раковача и пр. И такъ издасть того года „Матиця" два головныи труды Деметра »Teuto" и „Grobnicke polje" съ біографіею покойника. Въ „Zabavnoj knjižici« (беллетрестическôмъ отдѣленію,) подасть Матиця читателямъ межи иными розсказъ изъ сельской жизни Іосифа Козарца, „U žaborskom boku« и очерки изъ боснійского быта „Slike iz Bosne.«

Въ отдѣленіе переводôвъ греч. и лат. клясснкôвъ войдутъ того года „Caesarovi komentari o gallskom i gradjanskom ratu« въ переводѣ проф. Марковича, и „Plutarhove biografie."

Минувшого года росписала „Матиця" три литературныи конкурсы изъ фундацій гр. Ивана Драшковича, Душана Котура и Ткальчевича. На первую премію надоспѣла одна рукопись проф. Мусича, „Povjest grecke književnosti«, получившая премію. Другую премію получилъ Иванъ Лепусичъ за свои „Slike iz Bosne.«

Щобы дѣйствовати тоже для развитія хорватского пѣнія, издала „Матиця" еще г. 1883 первый выпускъ »Hrvatskih skladba", который содержалъ сборникъ пѣсней, сложенный композиторомъ Иваномъ Зайцемъ. Во виду того, що продажа того изданія поступала медленно, была »Матиця" въ состоянію, доперва того года взятись за издаваніе дальшихъ выпускôвъ. Къ тому получила еще „Матиця" предложеніе писателя проф. Клаича, который писалъ къ выдѣлу слѣдующое: „Въ добѣ народного отрожденія хорватского не лишь книги и собранія, но и пѣснь сильно поднимала народную со-



Епископская палата и церковь въ Пряшевѣ.

Тайна сердця.

знательность. Такъ возникли тогды гимны, любовныи пѣсночки, шумки и пр.. сотворены Русаломъ, Вернакомъ, Ливадичемъ, Падовичемъ, Лисинскимъ и пр. Хорошіи тіи пѣсни теперь уже не поются. Одною изъ головнѣйшихъ причинъ того являеется то обстоятельство, що молодыи люде не маютъ случайности съ тыми пѣснями познакомитись. Много-ли у насъ людей, — кончитъ Клаичъ — которы знали бы мелодіи пѣсней: „Doletise ptice kukavice", „Brod nek ćuti udarca" и пр. Пѣсни тіи въ пору народного пробужденія одушевляли старыхъ и молодыхъ!" — Все то наклонило проф. Клаича къ составленію „Hrvatskoj pjesmarici", котора будетъ обнимати до сто мелодій давнѣйшихъ и новыхъ съ текстомъ. Той свôй трудъ передалъ Клаичъ „Матицѣ" для печатанія. Выдѣлъ весьма радо принялъ то предложеніе Клаича, и начнетъ текущого года той сборникъ печатати. Члены „Матицы" осудятъ изъ тыхъ слôвъ о литературной дѣятельности выдѣла, который всегда старался, що найлучшое, по возможности, подавати въ своихъ изданіяхъ.

Выдѣлъ „Матицы" приготовляется тоже до празднованія ювилея 50-лѣтного существованія общества. Ювилей той припадаетъ на годъ 1892; выдѣлъ въ память того торжества хочетъ принести своимъ членамъ якую памятную книгу и надѣется, що при той случайности будетъ въ состоянію, издати давно ожиданный „Sbornik hrvatskih narodnih pjesama", сложенный проф. Ив. Брозомъ.

Новыхъ членôвъ на годъ 1890 прибыло 579, затымъ всѣхъ членôвъ того года было 7.787. Прихода было 26.752.90 кр., росхода же 22.539.43 кр.

Тымъ окончилъ секретарь общества свôй отчетъ. Послѣ нѣкоторыхъ предложеній слѣдовалъ выборъ членôвъ выдѣла. Въ выдѣлъ литературный избраны снова: I. Томичъ, совѣтникъ суд., Б. Лорковичъ, проф. унив, и Мусичъ гимн. проф. Въ администраційный выдѣлъ избраны, Иванъ Брозъ, и Д. Дежеличъ.

Угорская Русь.

(Продолженіе).

Девятнадцатымъ епископомъ Мукачевскимъ былъ Мануилъ Ольшавскій (1743—1767). Мануилъ былъ молодшимъ братомъ епископа Симеона Ольшавского. Школы кончилъ въ Левочи, богословіе въ Тирнавѣ, где получилъ степень доктора философіи г. 1723. Послѣ окончені студій епископъ Георгій Геннадій Бизанцій посвятилъ его въ пресвитеры 1725. Въ пору правленія брата епископа Симеона Ольшавского былъ ôнъ генеральнымъ викаріемъ, а послѣ его смерти приходскимъ священникомъ Мукачевскимъ. Послѣ смерти епископа Георгія Гавріила Блажовского вызвалъ Мануила въ Ягеръ епископъ Ердôдій и именовалъ его викаріемъ своимъ въ Мукачевскôмъ дистриктѣ. При тôмъ произнесъ Ольшавскій слѣдующую клятву: „Я Мануилъ Ольшавскій клянуся Богомъ живымъ и всѣми святыми и тымъ св. Евангеліемъ, которому руками своими прикасаюсь, що я яко генеральный викарій Его Высокопревосходительству графу Гавріилу Ант. Ердôдію, епископу Ягерскому и Его Свят. нынѣ владѣющому папѣ Венедикту XIV, во всемъ послушливъ буду, всю силу и заботу мою буду обращати на то, щобы сохранити унію клира и народа съ св. римскою церковью, не иначе и самъ буду вѣрнымъ и послушливымъ вышеупомянутому епископу, ничого не предприйму, щобы честь, положеніе, достоинство, права, льготы, пов гу, жизнь потерялъ; но все то по возможности, во всякое время защищати буду и во всемъ буду ему хорошій, благій и вѣрный совѣтъ давати, и если що нибудь услышу, щôбы касалось или оскорбляло его честь и достоинство, не перестану его вѣрно и прилѣжно о тôмъ извѣщати. Тайны его никому не передамъ, ôтъ Его Впревосходительства и ôтъ его генерального викарія буду за висѣти, важнѣйшіи дѣла народа гр. кат. сообщу ему или его викарію, и безъ ихъ знанія и согласія о тыхъ дѣлахъ ничого не рѣшу. Всѣмъ передъ мною судящимся, не взираючи на ласки и на гнѣвъ, на благосклонность и на подкупъ, справедливо судити буду, не принимаючи ніякихъ подарковъ, съ изъятіемъ тыхъ, которы чину моему по праву и по обыкновенію принадлежатъ. Такъ мнѣ Боже поможи и сіе св. Евангеліе."

Вслѣдствіе рекомендаціи епископа Ягерского, представленъ Угорскою канцеляріею императрицѣ Маріи Тересіи для именованія въ епископы, которое послѣдовало 12-го Марта. Папа Венедиктъ XIV подтвердилъ его 7 Сеп., давши ему титулъ Апостольского Викарія. Рукоположенъ былъ Іоанномъ барономъ Клейномъ, епископомъ Фогарашскимъ, въ Марія-Повчи года 1743.

Во виду того, що многіи изъ Румунôвъ стали оставляти унію, въ Седмиградъ высланъ былъ Ольшавскій, щобы умиротворити взволнованныи умы. Ольшавскій въ извѣщенію своимъ къ пресвѣтл. трону съ 16 Юнія 1746, описуетъ, що уніаты въ Семиградѣ преслѣдуются, що иконы сожигаются, св. муро и причастіе въ воду кидаются, іереевъ бьютъ, въ темницяхъ и узахъ держатъ, и нѣкоторымъ удалось лишь выкупомъ освободитися ôтъ гоненій; однако ему (Мануилу) удалося водворити покой, и умиротворити взволновавшихся. Въ надгороду за успѣшно совершенное умиротвореніе Румунôвъ Ольшавскій былъ именованый тайнымъ совѣтникомъ и получилъ въ дарѣ 2000 злр.

Долгое время правленія Мануила Ольшавского пройшло въ спорахъ съ латинскими епископами Ягерскими. Первую причину къ тымъ спорамъ подало то обстоятельство, що еще епископъ Петръ Партеній (1662.) передалъ пôдъ юрисдикцію капитула Ягерского 13 Спѣшскихъ приходôвъ. Препозитъ сего капитула гр. Барковци, безъ вѣдомости епископа Мукачевскаго, присоединилъ къ симъ 13 приходамъ еще три: два изъ Торнянского, а одинъ изъ Гемерского комитатôвъ. Коли же Барковци сталъ епископомъ Ягерскимъ, рѣшилъ, щобы доходы греко-кат. парохôвъ ôтдавалися латинскимъ священникамъ.

Второю причиною ссорôвъ Мануила съ Ягерскими епископами было то, що нѣкоторыи парохи и иноки латинскіи и русскіи подали противъ Мануила жалобу въ 55 точкахъ. Вслѣдствіе сей жалобы гр. Барковци пригласилъ къ себѣ, для оправданія, Мануила, который и явился въ Ягру. Тутъ въ присутствію своего капитула, зачалъ Барковци обвиняти Мануила: а) що ôнъ не просилъ ôтъ него (Барковци) розрѣшенія для правленія епархіею и ему присяги покорности не слагалъ, б) що ôнъ употребляетъ титулъ „епископъ Мукачевскій", в) що ôнъ не повинуется своему ординарію. И Мануилъ принужденъ былъ произнести и подписати слѣдующую клятву: „Нижеписанный обѣщаю, клянусь и присягаю, що начальствующого понтифекса, нынѣшного Венедикта XIV-го и его наслѣдникôвъ за истинного викарія I. Христа на землѣ, и за видимого представителя церкви такъ римско-католической, якъ и греко-уніатской узнаю, а примасôвъ сего царства и архіепископôвъ Остригомскихъ за своихъ митрополитôвъ, наконецъ Его Превосходительство графа Франца Барковци de Szala, епископа Ягерского и его наслѣдникôвъ за своихъ несомнѣнныхъ ординаріевъ и епархіальныхъ епископôвъ узнаю и считаю, и имъ ôтъ теперь всегда вѣрный, послушливый, подвѣдомственный и подвластный буду; опредѣленія Св. конгрегаціи de propaganda fide въ 6. точкахъ содержащіися и 20 Юнія 1718 въ Римѣ изданныи и предшественнику моему Преосв. Георгію Бизанцію черезъ Апостольского Нунція пересланы, точно сдержу и выполню.

Дальше вполнѣ приспособлятися буду инструкціи Климентомъ VIII-ымъ латинскимъ епископамъ данной. Если якіито тяжбы будутъ мною розбираемы, путемъ аппеляціи перешлю ихъ въ Ягеръ, для окончательного рѣшенія. Викаріевъ лишь съ согласіемъ епархіального моего ординарія поставляти буду. Для визити-

ціи предварительно испрошу согласіе своего епархіального епископа, бтъ него получу припись, по которой должна быти устроена визитація. Въ литургіи и римского понтифекса и епархіального епископа вспоминати буду, и роспоряжу, щобы и клиръ тоже творилъ. Дальше обѣщаю и присягаю, що унію съ римско-католическою церковію вѣрнымъ препоручати, въ нихъ крѣпити, ширити, защищати, поддерживати буду; а тыхъ, которы противъ ней дѣйствуютъ, не взираючи на привязанность, боязнь, ненависть, гнѣвъ, сродство, дары, угрозы и иныи подобныи препятствія, всѣми силами, исправляти хочу и намѣряю. Наконецъ обѣщаю и присягаю, що въ права и юрисдикцію другихъ латинскихъ епископôвъ не буду вмѣшиватися. Имѣнія, права, плоды и доходы моей церковной области, буду по возможности, хранити и защищати, а потерянныи буду старатись вновь пріобрѣсти; церквей своихъ безъ розрѣшенія и согласія моего ординарія не покину, не перемѣню, не роздѣлю, не съединю, и по возможности, должность доброго Апостольского пастыря выполню. Я все то обѣщаю, на все то клянусь и присягаю. Такъ мнѣ Боже поможи и сіе св. Евангеліе. Въ Ягру дня 8. мая 1747. Мануилъ Ольшавскій."

То уже вторая клятва, которую принесъ Мануилъ Ольшавскій. Первую потребовалъ бтъ него еще епископъ Ердöдій, щобы сдѣлати его своимъ викаріемъ, а вторая вынуждена бтъ него, — графомъ Барковци.

Получивши бтъ Ольшавского присягою подтвержденное объявленіе покорности, и графъ Барковци хотѣлъ показатися великодушнымъ и розрѣшилъ на три лѣта Мануилу, щобы могъ поставляти парохôвъ; но разомъ издалъ окружное посланіе къ духовенству обохъ обрядôвъ, въ которôмъ присудилъ доходы до сихъ поръ греческимъ іереямъ принадлежащіи, своимъ латинскимъ священникамъ.

(Прод. посл.)

Народныи розсказы.

11) Кому труднѣйше правитись.

(Малорусск.)

Мужикъ съ женою часто спорились, кому зъ нихъ робити труднѣйше? Мужикъ кажетъ, що ему труднѣйше въ поли, а жена — що ей труднѣйше дома. Отъ разъ лѣтомъ и помѣнялись онп роботами: жена поѣхала орати, а мужикъ осталъ дома. Идучи орачемъ, жена и наказуетъ мужику:

„Глядижь ты менѣ, не проспи череди, бтжени коровъ у череду, а овечокъ и телятъ у ватагу; гляди не запропасти курчатъ съ квочкою, нагодуй ихъ; та щобы обѣдъ у тебе поспѣлъ, поки приѣду, и паленицъ напечи; масла сколоти и щобъ сколотины были; онъ тамъ сухе просо, то столчи пшона на кашу."

Загадала все и поѣхала собѣ въ поле. Мужикъ поки забрался гнати скотину, а ватагу и череду вже прогнали; треба было бѣгомъ доганяти. Вернулъ до дому и, щобы ястребъ не потаскалъ курятъ, бнъ посвязовалъ ихъ ниткою, привязалъ до квочки и пустилъ на дворъ, а самъ сталъ поратись въ печи. Бачилъ бнъ, що жена тогды и дѣжу мѣситъ, и пшоно толчетъ на кашу, якъ топится въ печи, — отъ замѣсилъ бнъ дѣжу, и сталъ разомъ на ступу пшоно толчи, а щобы за однимъ заходомъ сколотити и масло, привязалъ до пояса горнецъ съ сметаною, бачь, съ такою гадкою, що якъ будетъ толчись пшоно, то и масло сколотится. Якъ лишь началъ толчи пшоно въ ступѣ, а квочка — кирръ, кирръ, а курята якъ запищатъ, — бнъ зъ ступы та на дворъ глянути, чого они, а тутъ и зачепился за ломаку и простягся, горнецъ съ сметаною розбилъ. Дивится бнъ — ажь здоровенный ястребъ ухопилъ куря, а за нимъ потягнулъ въ гору и другіи курята съ квочкою, бо связаны были сильно; такъ всѣхъ и поперъ ястребъ. Поки мужикъ розглядалъ, куды понесъ ястребъ квочку, тымъ часомъ убралися поросята въ хату, свалили дѣжу съ тѣстомъ, то пораются коло пшона въ ступѣ — а тутъ и въ печи погасло. Загадался мужикъ, стоитъ и думаетъ, що ему робити, а вже давно обѣдная пора. Вже и жена повернула съ поля.

Приѣхала жена на обору, зыркъ — квочки нема. Приходитъ въ хату и пытаетъ мужика:

„Где квочка съ курятами?"

„Где! Ястребъ потащилъ. Я посвязовалъ ихъ и поприпиналъ до квочки, щобы ястребъ не хопилъ якого, ажь ястребъ надлетѣлъ такій здоровенный, що и квочку понесъ и курята."

А обѣдати наварилъ?"

„Наварилъ! коли и въ печи погасло!"

„Масло сколотилъ?"

„Е, сколотилъ! Побѣгъ за квочкою, зачепился за ломаку, упалъ, а горнецъ розбился."

„А що тутъ у тебе тѣсто по хатѣ?"

„Бѣсовы поросята! Я кинулся за квочкою а они въ хату."

„Такъ ты, бачу, все поробилъ?"

„Ежь, поробилъ! поробишь за тыми иродовыми ястребами!"

„А я поорала, що ты казалъ, и видишь, въ яку еще пору вернула."

„Еге, тамъ — одно дѣло, а тутъ всякого наказала: и то сроби, и другое сроби; гдежь съ тымъ упоратись!"

„А яжь упораю кождого дня. Тожь и есть! Не спори, не кажи, що женамъ ничого робити."

12) Мужикъ и панъ.

(Малорусск.)

Бо то разъ одинъ мужикъ съ другимъ заложилися и кажетъ одинъ, що будетъ съ паномъ обѣдати.

„Ну, добре, якъ съ паномъ пообѣдаешь, то я тобѣ пару волôвъ дамъ."

Приходитъ до пана, склонился низенько.

„Прошу, я еще никому о тôмъ не казалъ, лишь до пана прійшолъ я: — щô-бы коштовалъ о такій кусникъ золота?"

И показалъ ему на руку. Той ничого ему не кажетъ, крикнулъ, щобы ему принесли горѣлки, напоѣлъ его, даютъ обѣдати, той сѣдаетъ и обѣдаетъ съ паномъ; панъ яжь горитъ, хотѣлбы знати, где той кусникъ золота, и пытаетъ:

„Где бнъ стоитъ, щобы его принести?"

„Та щожь, — кажетъ мужикъ, — у мене нема, я пытаю, щôбы бнъ вартъ, якъ бы его мати."

„Отось дурень!"

„Я не дурень, коли тымъ способомъ выгралъ пару волôвъ."

И розсказалъ ему, що то за закладъ, и взялъ бтъ своего товариша пару волôвъ.

13) Жидъ наймитъ.

(Малорусск.)

Одинъ панъ взялъ собѣ за козака жида. Доперва вже такъ выпало, що треба пану того козака бити; но такимъ способомъ малъ его бити:

„Козакъ! закладати кони, и въ дорогу ѣхати!"

Поѣхали; ѣдутъ, ѣдутъ, — надыбуютъ человѣка. Человѣкъ той оретъ на своимъ поли и трохи скривилъ. Панъ и думаетъ собѣ: не выпадаетъ менѣ самому жида бити, то и кажетъ до жида:

„Пôйди спытайся, чого той человѣкъ такъ криво оретъ?"

Прійшолъ жидъ до того человѣка щось на четвертое поле бтъ дороги. Приходитъ до него и кажетъ:

„Що ты, заведіяко, такъ криво орешь?"

„А бо тобѣ що до того?"

Жидъ розсердился, вынялъ нагайку, та и давай того человѣка по ухахъ нагаемъ бити. А человѣкъ ему и кажетъ:

„А опрышку гайдамако! Дивѣтъ но люде! Надыбала мене бѣда, на моимъ власнôмъ поли!"

И тутъ якъ схватитъ жида, и почалъ патикомъ бити. Далъ ему сто, а може и бôльше. Досыть того, що такъ жидика сбилъ, що той ледво теплый приѣхалъ до пана.

„А що, якъ тамъ?“ пытаетъ панъ. „Що ôнъ тобѣ казалъ?“

„Ой, якъ зачалъ бити, то я насилу утѣкалъ!“

Панъ ему кажетъ:

„Бо ты дурный! Дался ему, мавши нагайку коло себе.“

Той жидъ доперва опамятался и кажетъ:

„Ну вже такъ будетъ, бо я, эй Богу, забылъ, що у мене нагайка. А я бы ему добре плечи обварилъ; якъ почую, то така простa дорога по плечамъ! Ну, заведіяка же мужикъ! На полю не просто оралъ, а менѣ по плечахъ просто!“

Панъ розсмѣялся и сказалъ:

„Ну, будетъ вже съ тебе, поѣдемъ до дому!“

И самъ уже не билъ, бо жидъ уже малъ досыть.

14) Панъ и мужикъ.

(Малорусск.)

Мужикъ гонилъ на ярмарокъ порося. Встрѣчаетъ его панъ:

„Що ты, человѣче, гонишь?“

„Або панъ не видятъ, що гоню? Видите, що козу.“

„Ты продаешь ею, чи нѣ?“

„Продаю.“

„А много хочешь?“

„Або панъ не знаютъ, по чому козы платятся?“

„Ну добре, на тобѣ срѣбрного, а вы, мои слуги, возьмѣтъ у него тую козу.“

Мужикъ скрутился сюды-туды и думаетъ собѣ:

„Возьми и за одинъ, но чекай, дамъ я тобѣ одного на памятку!“

Пôйшолъ до дому. Отъ тому пану треба было будовати стайню, чи тамъ що; шукаетъ архетектора. Той якъ учулъ тое, приходитъ въ село, зайшолъ до корчмы.

„Добрый день, дай Боже здоровья! Що у васъ чути?“

„Ничого. Нашъ панъ потребуетъ майстра, щобы строилъ стайню.“

„Я умѣю.“

„Ну, давай дати знати пану.“

Закликаетъ его панъ, кажетъ: „Умѣешь будовати стайню, чи нѣ?“

„Умѣю.“

Сгодилися. На другій день идутъ оба выбирати дерево; заѣхали въ лѣсъ. „Ану, пане, обоймѣтъ но того дуба.“ Злѣзли, той обоймилъ, а мужикъ беретъ ужевкою ему руку вяжетъ. „Ты на що то робишь?“

„Отъ щобы менѣ добре вязалася робота.“ Завязалъ. Тогды выломилъ дубины и березины и пытаетъ пана:

„А то що?“

„То, кажетъ панъ, дубина.“

„А то що?“

„Бржоска.“

„А, то панъ знаетъ, щó дубъ щó бржоска, а не позналъ, щó порося, а щó козка!“

Давай его бити, выбилъ добре и покинулъ его привязанного, ажь потомъ люде найшли, ôтвязали. Досыть, що панъ ôтхоровалъ тую штуку.

15) Мужикъ, докторъ, и астрономъ.

(Малорусск.)

Было собѣ двохъ людей, одинъ зъ нихъ былъ докторъ, а другій планетникъ, а они были Нѣмцы. Прійшли они въ сей край и зайшли до одного мужика на ночь; дивится докторъ, що тая господиня мѣситъ мамалигу, и дуже здивовался, бо не зналъ на що; ôнъ думалъ, що для поросятъ. Потомъ господари берутъ и ѣдятъ тую мамалигу, а докторъ кажетъ до планетника:

„Ходѣмъ съ хаты на дворъ спати, бо видишь, кто зъ нихъ есть въ хатѣ, то всѣ вымрутъ той ночи.“

Выйшли и полягали на приспѣ. Мужикъ, повечерявши, выйшолъ на дворъ и кажетъ:

„Паны! Идѣтъ до хаты, бо будетъ дощъ!“

А планетникъ кажетъ:

„Нѣтъ, не будетъ!“

Мужикъ вернулся до хаты, замкнулъ двери и легъ спати. Дощъ въ ночи якъ пôйдетъ, тіи свертѣлися, нема где сховатися, добываются до хаты, а мужикъ, якъ добре наѣлся мамалиги, заснулъ и не чулъ, якъ они добывалися, а може и умысно не пустилъ, и якъ никто не ôтзывался, то докторъ казалъ, що они вже вымерли. Рано господарь всталъ, выйшолъ на дворъ и пытается ихъ:

„А що, не помокли вы?“

„Ага! Нѣтъ!“ кажутъ докторъ и планетникъ.

И пытаются мужика: „Слухайте, якъ вы знали, скажѣтъ намъ, що будетъ дощъ ити?“

Господарь: „Якъ? У мене есть такое порося, що якъ маетъ дощъ ити, то оно съѣжится.“

Потомъ докторъ пытается: „Чи вы всегда такъ ѣсте, якъ вчера въ вечеръ вы ѣли?“

„Всегда“ кажетъ господарь.

„А що, васъ николи ничо не болитъ?“

„Та що, часомъ въ серединѣ болитъ, то я выгрѣюсь на печи и перестанетъ.“

Тогды докторъ кажетъ до планетника: „Вертаймо мы назадъ въ свôй край, коли тутъ печь — докторъ, а порося — планетникъ!“

И вернулися до своего краю.

16) Нѣмцы.

(Малорусск.)

Выйшли одного часу трехъ хлопцевъ нѣмецкихъ изъ школы. А они были сироты, не мали где жити. Идутъ они въ свѣтъ глядати якого куска хлѣба; были бѣдны, не мали за що ѣсти купити, ни убратися и сговорилися одного часу: „Ану, берѣмся мы на штуки.“ Одинъ кажетъ:

„Я дамъ ѣсти, бо ѣсти хочется.“

Другій кажетъ: „Я дамъ напитися.“

Третій кажетъ: „Я дôстану грошей и покупимъ собѣ одежи.“

И первый зъ нихъ кажетъ: „Ходѣмъ та пообѣдаемъ.“

Пôйшли вь трактиръ, казали дати добре ѣдженье, такъ що оно много стояло, наѣлися, запросили собѣ господаря и кажутъ:

„Що тутъ робити, що мы одинъ на другого спихаемъ, щобы заплатилъ вамъ; возьмѣтъ но вы завяжѣтъ собѣ очи и ловѣтъ насъ, кого словите, то той заплатитъ.“

Завязалъ ôнъ собѣ очи и бѣгаетъ за ними по хатѣ, а тіи хлопцы по тихо утекли.

А той, що малъ дати пити, завелъ ихъ до винярни, казалъ дати розличныхъ напиткôвъ, напилися добре, запросили до себе господаря и пытаются его: „Що ты хочешь за тое?“

Ôнъ сказалъ имъ. Той, що далъ имъ пиги, говоритъ до господаря.

„Що то значитъ, що такъ доброе вино, а такъ тано, я бы сробилъ такъ, що за него можна въ четверо.“

Господарь взялъ его просити, щобы помножилъ ему вино въ четверо. Ôнъ кажетъ:

„А маешь бôльше такого вина?“

„Есть.“

„А гдежь?“

„Въ пивницѣ.“

„Ходѣмъ тамъ.“

Прійшли въ пивницю. Хлопецъ провертѣлъ въ однôмъ кôнци дѣру въ бочцѣ и казалъ шинкареви заткати пальцемъ, потомъ въ другôмъ также казалъ заткати другою рукою, потомъ провертѣлъ и третую сверха, казалъ заткати языкомъ и самъ пôйшолъ до хаты. И утекли

А третій, що казалъ, дасть грошей, пôйшолъ до одного купця въ склепъ и якъ тамъ было богато людей, ôнъ залѣзъ въ кутокъ и сховался; купецъ въ вечеръ замкнулъ склепъ и пôйшолъ до дому; ôнъ вылѣзъ изъ кута, взялъ гроши съ скринею, перечислилъ на сорты тіи гроши, поклалъ свôй крестикъ и положилъ на свое мѣстце, а самъ сховался сновь

Рано купецъ прійшолъ, отворилъ, сойшлися люде, ôнъ сновь якимсь способомъ вылѣзъ такъ, що никто не видѣлъ и беретъ тіи гроши; купецъ увидѣлъ и кажетъ:

„Куды ты берешь?"

Ôнъ повѣдаетъ:

„Бо то мои гроши."

Взялися дерти, привели полицію, купецъ жалуется, а той хлопецъ повѣдаетъ до полиціи:

„Ну, спросѣтъ купця, нехай ôнъ скажетъ: якъ много тыхъ грошей и на сорты, а я скажу, и подивѣтся, що межи грошми и мôй крестикъ есть."

Той якъ купецъ не могъ ôтгадати, вѣрившись, що сторожъ спитъ, принесъ свôй мѣшокъ, наполнилъ его пшеницею и притащилъ сновь на дорогу, где лишилъ былъ коня. Есть, но якъ наложити самому такій тягаръ на коня. Мучится, мучитъ, но не можетъ ніякъ подвигнути въ гору. Оставилъ коня, вернулъ въ загороду и спросилъ: „Кто тутъ спитъ?" Сторожъ пробудился и спросилъ его, чого хочетъ. „Тягнулъ я въ млынъ немного жита, ажь тутъ коло вашой хаты конина скинула изъ себе мѣшокъ, добрый человѣче, ходѣтъ помогчи." Сторожъ всталъ: „Поможу, брате, чому бы нѣтъ!" Пôйшолъ съ нимъ и высадилъ мѣшокъ на коня. Розстаючись кажетъ къ нему

А небо чисто безоблачно
Въ просторѣ тонетъ далекомъ.
Оно не знаетъ ще невзгоды,
Печалей земскихъ и тревогъ,
Тамъ вѣетъ вѣчній духъ свободы
И боязненный зовъ умолкъ.
Одна душа лише тоскуетъ
За оставленною землей,
Она на высотахъ ôтчуетъ
Жажду томительныхъ страстей.
— 1891.

Иванъ Гушалевичъ.

По надъ гору высокую
Голубы лѣтаютъ;
И гаразду не зазнаешь,
Лѣта ся минаютъ.

Ой зацвила буковина,
Зелена лѣщина,
Выбила мя изъ розуму
Молода дѣвчина.

Течетъ рѣчка, не величка,
Кôнь не хочетъ пити,
Приступило до дѣвчины,
Не хочетъ любити.

Коломыйки.

то гроши ôтдали хлопцю, бо ôнъ доказалъ, що его гроши.

17) Пригода Радоя.

(Изъ сербского.)

— Разъ сновь нестало у Радоя жита. Малъ ôнъ въ Борчу одного друга, тожь и выбрался до него, взявши съ собою коня и мѣшокъ; кажетъ, пожичу ôтъ друга жита на часъ. Невыгодно было ему ѣхати по ночи; ѣдетъ такъ въ темнотѣ, ажь переѣзжаетъ коло одной хаты. Тутъ видитъ, сторожъ спитъ пôдъ хижею, а пôдъ шопою стоятъ переклады съ свѣжою намолоченною пшеницею. Уставъ Радой: „Въ гараздѣ проживайте, брате!" — „Сто разъ въ гараздѣ!" ôтвѣтилъ сторожъ и вернулъ въ загороду. На другій день видитъ сторожъ, що пшеницы не стало, зажурился и сказалъ: „Не жаль того, що мнѣ укралъ, лишь того, що я помогъ ему еще высадити на коня и пожелалъ ему стократно гаразду!"

МЫСЛЬ.

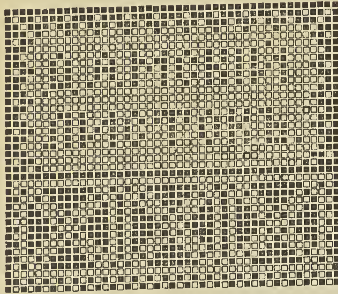
Въ людскихъ очахъ неясно, мрачно,
Якъ-бы пôдъ ночнимъ облакомъ,

Малорусскіи старинныи уборы.

(См. изобр. на стор. 197.)

Въ однôмъ изъ попереднихъ чиселъ „Нов. Галичанина" было подано описаніе костюмôвъ, бывшихъ въ старинѣ въ употребленію у знатныхъ женщинъ. Розличіе межи уборами знатныхъ а мѣщанскихъ женщинъ состояло межи иными въ тôмъ, що мѣщанки и зажиточныи крестьянки надѣвали, вмѣсто плахты, юпку съ шнуровкою, спереди запаску, а вмѣсто свити розноцвѣтный суконный кафтанъ, называемый жупаномъ. Зимою бѣдныи носили долгіи кожухи, зажиточнѣйшіи шубы крытыи сукномъ; на

головахъ круглыи шапочки, обвернутыи на подобіе покрывала у монахинь. Сверхъ того мѣщанки украшали головы и другими шапочками, совершенно круглыми и опушенными соболями.



До моихъ подругъ.

Женскіи общества въ Чехіи.

(Конецъ.)

38) „Власта" въ Жижковѣ (1873) подаетъ одежь и харчъ школьной молодежи. Дамы-члены того общества власноручно шіютъ одежь для убогихъ школярей. — 39) „Власта" въ Вышковѣ въ Моравіи (1874) маетъ свою библіотеку, и поставила собѣ головною цѣлью, роспространяти точное знаніе чешского правописанія и литературы у членôвъ и вообше въ окрестности города. — 40) Пѣвческое общество дѣвицъ „Млада" въ Млад-Болеславѣ (1874) дѣйствуетъ яко пѣвческій союзъ. — 41) Тоже: Пѣвческое общество дѣвицъ „Весна" въ Тржебичи въ Моравіи основанное года 1875.— 42) „Женское общество им. „св. Елиски" въ Кр. Виноградахъ (Прага), пользуется протекторатомъ и вспомагательными жертвами Е. В. императора, кардинала, городской рады, и иныхъ союзôвъ. Дѣятельность сосредоточается въ подаванію помощи школьной молодежи. — 43) „Добромиля" въ Колинѣ (1876) плекаетъ славянское пѣніе, устроиваетъ концерты, екскурзіи, удержуетъ читальню для дамъ, и даетъ вкладки во многіи иныи добродѣтельныи общества. Подобно дѣйствуетъ —44) „Либуша" въ Пельгримовѣ, основанная года 1877.

Вообще зазначити слѣдуетъ, що вся дѣятельность женскихъ обществъ въ Чехіи сосредоточается въ благодѣтельныхъ цѣляхъ, преимущественно же въ подаванію помощи для школьной молодежи. Даже общества съ отмѣнными програмами якъ пѣвческіи, гимнастическіи, просвѣтительныи, читальни и пр. употребляютъ свои доходы на выше упомянутыи цѣли.

Встрѣчаемъ дальше слѣдующіи женскіи пѣвческіи общества: — 45) Пѣвческій союзъ „Весна" въ Горжичахъ, основанный г. 1881. — 46) Пѣвческое общество дѣвицъ „Власта" въ Добруцü (1881). — 47) „Млада" пѣвческое общество въ Опочнѣ (1882) — 48) Женское просвѣтительное и пѣвческое общество „Освѣта" въ Бучовичахъ на Моравіи изъ г. 1882. — 49) Пѣвческій союзъ „Отаванъ" въ Писку (1882). — 50) Общество женъ и дѣвицъ „Либуша" въ Чешскôмъ-Тржебовѣ (1885), устроиваетъ кромѣ концертôвъ и пр. тоже преподаванія изъ области литературы. — 51) „Либуша" въ Лужи (1886) съ девизомъ: „Спѣвомъ къ сердцю — сердцемъ къ народу."— 52) „Людиша" въ Іичинѣ (1887); упражненія въ спѣвѣ ôтбываются два разы въ седмицю, продукціи три разы въ годъ. — 53) Пѣвческій союзъ женскій въ Подебрадахъ (1887), участвуетъ при всѣхъ народныхъ торжествахъ; къ своимъ продукціямъ призываетъ виднѣйшіи пѣвческіи силы и тымъ способомъ ознакомляетъ мѣстную публику съ знаменитыми чешскими виртуозами. — 54) Союзъ им. „Елиски" въ Кишперку (1888) устроиваетъ въ порѣ осенной и зимовой кромѣ вечеркôвъ, два разы въ мѣсяцъ вечеринки съ програмомъ поучительнымъ, (преподаванія, чтеніе женскихъ часописей) и увеселительнымъ (гумористичныи декламаціи и пр.).

Многіи женскіи общества маютъ въ своимъ програмѣ исключительно добродѣтельныи и просвѣтительныи цѣли: — 55) „Школа" въ Кромерижи (1877) подаетъ дешевый харчъ для чешскихъ дѣвочокъ въ Кромерижи.— 56) „Пріятель молодежи" въ Голешовичахъ (1878) выдаетъ годично до 1000 злр. — 57) Дамскій клюбъ „Либуша" въ Хочни (1881) даетъ школьной молодежи одежу и обувь.— 58) „Общество для воспомаганія убогой школьной молодежи" въ Писку (1881). — 59) „Общество для удержнванія школы женской" въ Литомышли; школу общества посѣщаетъ 80 дѣвочокъ.— 60) „Власта" въ Пржеровѣ на Моравіи (1883); цѣль: просвѣщеніе женщинъ, благородныи увеселенія, гуманныи дѣла; маетъ свою библіотеку, устроиваетъ преподаванія, вечеринки, екскурзіи, подаетъ дѣвочкамъ науку пѣнія, года 1883 устроила выставку народныхъ вышивокъ, даетъ вкладку въ Школьную Матицю и пр. — 61) „Красногорска" въ Престичахъ (1883) дѣйствуетъ подобно якъ прежное. — 62) „Общество для подаванія дешевого харча" въ Кор. Градци (1884), даетъ годично харчъ даромъ въ цѣнѣ 2.000 злр. — 63) „Либуша" промышленное общество въ Бржецлавѣ (Моравія), основанное г. 1884, устроиваетъ тоже театральныи представленія. — 64) „Кружокъ учительницъ" въ Пильзнѣ (1884) устроиваетъ вечеринки, екскурзіи, ôтчиты (годично 38), выжичаетъ членамъ книги и часописи и роздаетъ одежу убогимъ дѣвочкамъ. — 65) „Добромиля" добродѣтельное общество чешскихъ женщинъ (въ Вѣдни) основанное г. 1885, даетъ помощь дѣвочкамъ изъ школы „Коменского", устроиваетъ тоже литературныи вечеринки. — 66) „Женскій промышленный союзъ" въ Хрудимѣ (1881) основалъ школу женскихъ издѣлій. — 67) „Каролина Свѣтла" въ Либерци (1885) надѣляетъ въ годъ 300 дѣвочокъ одежью, школьными приборами, обѣдными карточками и пр. — 68) „Школьный женскій союзъ" въ Уг. Градишти на Моравіи (1885) основалъ тоже народную школу при помощи Школьной Матицы. — 69) „Литературное общество" въ Писку (1885) дѣйствуетъ въ процвѣтаніе литературы; даетъ литературныи и вокальныи вечеринки. Кождый членъ обовязуется купити въ годъ книгъ найменьше за 1 злр. 20 кр. На кождôмъ литературнôмъ вечерку продается пересѣчно книгъ за 20 злр.

70) „Союзъ дамъ" въ Литомышли (1885) дѣйствуетъ многосторонно. Устроилъ уже 105 преподаваній научныхъ, много такъ зовимыхъ академій чтенія, концертôвъ, театральныхъ представленій, торжественныхъ вечеринокъ, базарôвъ, выставъ, участвуетъ въ народныхъ манифестаціяхъ, чествуетъ память заслуженныхъ для народа мужей, посылаетъ вышивки по народнымъ взорамъ на выставы и пр. Дамы члены сами помагали при варенію стравъ для школьной молодежи а г. 1889 основало общество свое обѣдовое заведеніе. — 71) „Общество чешскихъ дамъ" въ Пильзнѣ (1886) является въ бôльшой части народно-патріотичнымъ обществомъ. — 72) Подобную цѣль маетъ тоже союзъ дѣвицъ им. „Красногорской" въ Шкварнанахъ (1886), и — 73) „Весна" въ Желѣзнôмъ Бродѣ (1886). — 74) „Союзъ чешскихъ учительницъ" въ Бернѣ (1888) поставилъ собѣ цѣлью: основати для учительницъ ручныхъ роботъ пенсійный фондъ. — 75) „Католическій союзъ дамъ" въ Турновѣ (1888), — 76) Добродѣтельными обществами суть: „Общество дамъ" въ Полицѣ (1888), — 77) Народный союзъ дамъ им. „Божены Нѣмцовой" въ Домашлицяхъ (1888), — 78) „Власта" въ Горжовичахъ (1888) и — 79) „Женскій союзъ" въ Собѣславѣ (1888),— 80) „Людмиля" въ Ново-Пачи (1888) — 81) Евангелическій союзъ женскій „Марта" въ Чаславѣ (1899), — 82) „Промышленное общество" въ Іичинѣ (1889) и— 83) „Странецка" въ Летовичахъ на Моравіи (1890).

Щобы познати полно дѣятельность чешскихъ женщинъ, не поминемъ, по

возможности, ни одного изъ союзôвъ женскихъ. Переходимъ затымъ къ женскимъ отдѣленiямъ иныхъ обществъ. Могучимъ средствомъ къ поднесенiю народного просвѣщенія и самосознанія въ Чехiи является извѣстная »Ustredni Matice Skolska«. Женскiи отдѣленія той „Школьной Матицы“ существуютъ: — 84) Въ Тейнчи (1884); до теперь изъ того отдѣленія дано до головной касы „Матицы“ — 2000 злр. — 85) Въ Кр. Виноградахъ (Прага), дано для „Матицы“ 1.500 злр. — 86) Въ Смиховѣ (1885), дано Матицѣ выше 2.000 злр. — 87) Въ Швиговѣ (1885), дано 500 злр. — 88) Въ Рихновѣ (1885), дано выше 2000 злр. — 89) Въ Иглавѣ (1885); кромѣ вкладокъ для Матицы, даетъ, якъ и нѣкоторыи иныи отдѣленія, тоже одежь и харчъ мѣстнымъ школярямъ, устроиваетъ всякого рода продукціи и вечеры, плекаетъ патріотизмъ у чешскихъ женщинъ и пр. — 90) Въ Пржеровѣ (1885); дано Матицѣ 800 злр. — 91) Въ Клатовахъ (1886), дано 500 злр. — 92) Въ Бенешовѣ (1886), дано 400 злр. — 93) Въ Карлинѣ (1887), дано 1000 злр. — 94) въ Кор. Градци (1887), дано 2.500 злр.—95) Въ Хрудимѣ (1888), дано 2050 злр.

Женскiи отдѣленія общества »Národni Jednota Pošumavská“ существуютъ: — 96) Въ Тржебони (1884); — 97) Въ Страконицяхъ (1885); — 98) Въ Ломницѣ (1888); — 99) Въ Рокичанахъ (1885); — 100) Въ Празѣ (1886), и — 101) въ Бехинѣ (1888).

Женскiи отдѣленія общества: »Národni Jednota Severoceska“ встрѣчаемъ: — 102) Въ Богушичахъ (1885); кромѣ вкладокъ, розвиваетъ общество дѣятельность просвѣтительную, добродѣтельную, патріотичную и пр. — 103) Въ Горжснахъ (1887);— 104) Въ Босковѣ (1888); — 105) Въ Яблонци (1800).

Женскiи отдѣленія »Národnich Jednot Moravských“: — 106) Въ Оломунци (1885); — 107) Въ Пенчичахъ (1886); — 108) Въ Тельчи (1889).

Отдѣленія „Vlasteneckého Vypomocného Spolku pro královstvi Ceské a Cervoného Križe“: — 109) Въ Писку; — 110) Въ Таборѣ; — 111) Въ Млад-Болеславѣ. — 112) Въ Кор. Градци. — 113) Въ Iичинѣ; —114) Въ Клатовахъ; — 115) Въ Пардубицяхъ; — 116) Въ Собѣславѣ; — 117) Въ Пельгримовѣ; — 118) Въ Колинѣ; — 119) Въ Нов.-Пачи — 120) Въ Збраславѣ.

Кромѣ того снаходимъ женскiи отдѣленія слѣдующихъ обществъ: — —121) Пѣвческого союза въ Турновѣ; — 122) Пѣвческого общества „Мораванъ“ въ Кромерижи; — 123) „Народной Читальни“ въ Квасицяхъ; — 124) „Сиротинского дома“ въ Быдзовѣ. — 125) „Мѣщанской Бесѣды“ въ Карлинѣ; — 126) Музычного общества „Жеротинъ“ въ Оломунци; — 127) Пѣвческого союза „Болеславъ“ въ Млад-Болеславѣ; —128) Пѣвческого клюба „Люборъ“ въ Быдзовѣ; — 129) „Cercle français“ въ Хрудимѣ (плеканіе французского языка); — 130) Пѣвческого клюба „Пѣславъ“ въ Требони; — 131) Педагогического общества им. „Коменского“ въ Глинску; — 132) Музычного общества „Озвена“ въ Бенешовѣ; — 133) Общества им. „Кирилла“ въ Писку; — 134) „Сокола Вѣденского“ въ Вѣдни и — 135) Общества „Коменского“ въ Вѣдни.

Зазначити слѣдуетъ, що тiи отдѣленія дѣйствуютъ вполнѣ яко самостоятельныи общества, значитъ, не лишь даютъ вкладки до центральныхъ касъ, но увзглядняютъ тоже мѣстныи потребы.

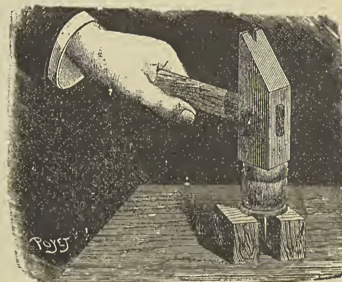
Кромѣ выше названныхъ, существуютъ еще въ Чехiи союзы, которы носятъ названіе комитетôвъ. — 136) „Комитетъ дамъ для дѣтскихъ охранительныхъ домôвъ“ въ Празѣ, основанный года 1868 поставилъ собѣ задачею, служити представительству города Праги въ его заботахъ, дотычно дѣтей не доступившихъ еще вѣка школьного; до теперь выдалъ комитетъ на свои цѣли 127.000 злр. Ôтъ года 1877 до 1890 роздалъ комитетъ 2.600.000 обѣдôвъ, розкраялъ для дѣтей 42.000 бохонкôвъ хлѣба, заосмотрилъ въ одежь 18.000 дѣтей 3—6 лѣтнихъ. Матерямъ роздано 178.000 обѣдôвъ и 37.000 бохонкôвъ хлѣба. — 137) „Комитетъ дамъ для надзирательства индустрiйныхъ наукъ при чешскихъ женскихъ школахъ“ въ Празѣ (1870) держитъ засѣданія два разы въ мѣсяцъ, старается о то, щобы убогимъ роботницямъ въ школахъ даный былъ даромъ матерьялъ къ ручнымъ роботамъ. При кождой школѣ надзираетъ одна комитетова дама. — 138) „Добродѣтельный комитетъ дамъ“ въ Бернѣ (1874), — 139) „Дамскiй комитетъ надзирательный для ручныхъ роботъ въ женской школѣ въ Млад-Болеславѣ“ (1875). Дамы-члены комитета, власноручно шiютъ одежь для школьныхъ дѣвочокъ. — 140) Такiй-же комитетъ въ Быдзовѣ ооснованый былъ г. 1876. — 141) „Комитетъ добродѣтельныхъ дамъ“ въ Простѣевѣ (1882). — 142) Вч. Кор. Градци (1883), — 143) Въ Годонинѣ, и — 144) Въ Соботцѣ, дѣйствуютъ подобно якъ прежнiи. — 145) „Комитетъ для роспространенія народныхъ вышивокъ въ Празѣ“ (1886) роспространяетъ взоры народныхъ орнаментôвъ въ школахъ чешскихъ, посредничаетъ въ покупкахъ вышивокъ народныхъ, устроиваетъ выставки и пр. Комитетъ выслалъ много вышивокъ на теперѣшную пражскую выставку.

И такъ начислили мы сто сорокъ пять женскихъ чешск. обществъ. Основаніе обществъ поступало въ годахъ слѣдующимъ способомъ:

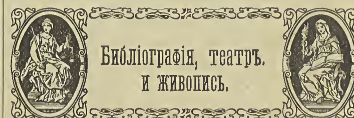
Года	1851	было	основ.	общест.	1
„	—57	„	„	„	1
„	—65	„	„	„	2
„	—67	„	„	„	2
„	—68	„	„	„	2
„	—69	„	„	„	4
„	1870	„	„	„	4
„	—71	„	„	„	5
„	—72	„	„	„	4
„	—73	„	„	„	1
„	—74	„	„	„	5
„	—75	„	„	„	5
„	—76	„	„	„	2
„	—77	„	„	„	3
„	—78	„	„	„	2
„	1880	„	„	„	7
„	—81	„	„	„	8
„	—82	„	„	„	9
„	—83	„	„	„	3
„	—84	„	„	„	6
„	—85	„	„	„	23
„	—86	„	„	„	11
„	—87	„	„	„	11
„	—88	„	„	„	15
„	—89	„	„	„	5
„	1890	„	„	„	4

Фавстина Галичанка.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫИ ОПЫТЫ.



3) Пробити монету при помощи иглы. — Въ корокъ слѣдуетъ втиснути иглу, такимъ способомъ, щобы выжная часть иглы изъ корка не выставала. Укладается послѣ корокъ на монетѣ якъ то указуетъ изображеніе и ударяется молотомъ, а игла пробьетъ монету, такъ якъ сталевая игла есть о много твердшою ôтъ мѣди и серебра. Игла можетъ быти даже совсемъ тонка.



„Отчетъ дѣятельности“ ‚Общества им. Качковского‘ за г. 1891 появился совре-

менно съ общимъ собраніемъ тогожь Общества. — Ген. собраніемъ членôвъ Общества въ Терноноли въ минувшôмъ году былъ выбранъ Богданъ А. Дѣдицкій, предсѣдателемъ, въ составъ же центр. выдѣла были призваны: Михаилъ Малиновскій, Антоній С. Петрушевичъ, Өеофилъ Павликовъ, д-ръ Іосифъ Делькевичъ, Константинъ Ярымовичъ, Іоаннъ Литынскій, Иванъ Н. Пелехъ, и Василій Гр. Лагола; заступниками членôвъ выдѣла выбраны: д-ръ Юліанъ А. Кмицикевичъ, Михаилъ М. Клемертовичъ, Тарасъ И. Луцыкъ, Владиміръ И. Борисевичъ. Центр. выдѣлъ занимался головно правильнымъ ежемѣсячнымъ издаваніемъ популярныхъ книжечокъ. Именно появились изданіемъ Общества ôтъ послѣдного тернопольского ген. собранія слѣдующіи книжечки: (Н. Н. 179—190): Избранныи Житія Святыхъ" Ч. І, „Болѣзни у коней", „Що для здоровья человѣка потреба", „Народныи повѣсти" Льва Толстого, „О тяжкихъ породахъ у коровъ", „Избранныи Житія Святыхъ" Ч. II. „Повѣсти" Толстото и Пятки, „Полевыи дѣла", „Що будемъ пити?" и „Закладайте крамницѣ." Кромѣ того печатается теперь Календарь на г. 1892. Всѣхъ книжечокъ издало Общество ôтъ поры своего основанія, т. е. ôтъ 3 (15) Мая 1875 г. по конецъ Августа 1891 г., 180 въ около 760.000 примѣрникôвъ; часть ихъ совсемъ розойшлась, а нѣкоторыи печатались два разы. Теперь приготовляется до печати: Законъ о екзекуціяхъ, будовничіи и огневыи предписанія, изъясненіе литургіи, короткая исторія русской церкви, изъясненіе утрени и вечерни, полный текстъ утрени и вечерни, и наконецъ второе убольшенное изданіе „Библійной Исторіи." Дѣлами народныхъ нашихъ Читаленъ занимался центр. выдѣлъ подобно же ревно, якъ и въ давнѣйшихъ лѣтахъ, подавалъ имъ отвѣтныи рады, посылалъ безплатно статуты и информаціи и давалъ въ дарѣ изъ запасныхъ изданій Общества. Сума всѣхъ розданныхъ даромъ Читальнямъ и другимъ обществамъ книжечокъ Общества представляетъ цифру до 5000 примѣрникôвъ. Въ дѣлѣ покупки земель центр. выдѣлъ черезъ своихъ делегатôвъ войшолъ еще два лѣта тому въ сношенія съ управляющимъ Совѣтомъ „Народного Дома", а результатомъ относительныхъ переговорôвъ былъ выборъ анкеты, которая по основныхъ нарадахъ составила статутъ „Общества покупки земель". Въ силу того статута уконституовалось Общество, выбираючи Совѣтъ и дирекцію и подало статутъ для затвержденія въ судъ. Но судъ ôткинулъ проектъ статута, и Совѣтъ ôтнесся съ рекурсомъ до высшой власти. Новыхъ членôвъ пріобрѣло Общество Качковского ôтъ своего послѣдного собранія 857. На то число сложились: 40 священникôвъ, 36 народныхъ учителей, 10 державныхъ чиновникôвъ, 2 громады, 3 Читалень и Братствъ церковныхъ и 749 селянъ и мѣщанъ. Всѣхъ членôвъ числитъ теперь Общество **4456** уже по отшибненью 749 лицъ, которыи на основаніи § 11 статутôвъ, яко неплатящіи вкладокъ, были вычеркнены изъ списка членôвъ.

Общое собраніе членовъ общества им. Качковского ôтбылось въ салѣ народного Дома дня 27-го Августа. Каждый участникъ львовского собранія ôтнесъ якъ найсвѣтлѣйшіи воспоминанія. Душа радовалась на видъ такъ численно собравшихся селянъ-хлѣборобôвъ, полныхъ уже народного сознанія и полныхъ патріотичного духа. Сполняются слова бл. п. Яхимовича, що человѣкъ спавшій въ пору, коли его сосѣды далеко уже въ жатвѣ поступили, пробудится и взявшись за роботу, переженетъ сосѣдôвъ!

Розвязка аритмогр. на стр. 184.

У **М**
Ч а к **О**
И с р а е **Л**
С к р и п к **И**
Я н у **С**

Т о п о л **Я**
Р а б а **Т**
Е т е **Р**
З у л ь **У**
В и л я н **Д**
И в а р а д д **И**
С о **С**
Я п о н і **Я**

т. е. Учися, трезвися, молися, трудися.

БУКВОСКЛАДЪ.

1	2
3	4

1 и 2 — даютъ одно женское имя.
2 и 3 — „ другое „ „
3 и 4 — „ третье „ „

Въ тыхъ именахъ находятся слѣдующіи буквы: (тіи буквы, которы повтаряются въ тыхъ самыхъ слогахъ, поданы лишь разъ.): а, и, е, к, л, л, р, т, я, х, ь. н.

Издатель и отвѣчательный редакторъ: Петръ Полянскій Изъ типографіи Ставропигійского Инстит. подъ управ. И. Пухира.